

А.В.КАШАНСКИЙ

АНТИХРИСТ

ПРОЛОГ

1

Ангел Аллеин услышал приказ Создателя явиться к нему. Этот приказ, произнесенный на языке творения, означал и одновременное его исполнение. Творящее и уничтожающее слово зазвучало во всех сферах пространства, как удар колокола, и откликнулось в каждой частице Вселенной. В этот же миг мир людей, около которого ангел нес свою службу, исчез, словно был стерт чьей-то могучей рукой, и Аллеин увидел сияние. Так Бог являл себя ангелам Света. На это сияние можно было смотреть, не боясь ослепнуть. Тут же Аллеин услышал голос своего вечного Отца:

— Аллеин, я создал мир, жизнь которого предопределена, и жизнь эта должна быть вечной. Так написано в моей Книге. Есть только одна возможность помешать моему замыслу, и она скоро исполнится. Люди, имеющие души, данные мной, совершенствуют мир и исполняют мой замысел. Но далеко не у всех людей есть душа. Так надо. Люди без души свободны от моей воли. И вот среди них появился человек, который почти доказал, что я есть, как теорему, и скоро он сможет создать инструмент творения, подобный Лийилу. Рано или поздно он мог явиться, и он, увы, явился, ведь я сотворил человека по своему подобию, создал творцом. Поэтому еще немного — и мир людей может быть уничтожен мной, чтобы им безраздельно не завладел Сатана, который стремится

занять мое место. Ведь ты знаешь, как Сатана может владеть волей, разумом и чувствами свободных людей. Имени этого человека — предвестника Конца света — нет в Книге жизни, поэтому у него нет и души. Для того, чтобы Сатана не мог овладеть его волей и сделать своим рабом, я должен послать Предвестнику на Землю Лийил, мое перо, которым я пишу Книгу жизни. Отнеси на Землю Лийил. Ты передашь его Предвестнику сразу после того, как его дух посетит меня, и я расскажу ему, какова его миссия и что такое Лийил. После этого если уж мир будет уничтожен — то по воле свободного человека, а не по воле моего Врага. Когда Лийил будет на Земле, я не смогу менять Книгу жизни и вмешиваться в события, поэтому делай все, что в твоих силах, чтобы помешать нашему Врагу достигать его цели. Пока Лийил у Предвестника, я не буду посылать людям души, и ты остаешься на Земле единственным ангелом, ангелом Предвестника.

Аллеин увидел прямо перед собой парящий в пространстве шар, грани которого переливались золотистым светом и меняли свой узор, словно живые. Взяв шар в руки, он поклонился, расправил крылья и, взмахнув ими, устремился через границы миров, составляющих Вселенную, на Землю, в мир людей.

Он выбрал самый короткий, но и самый опасный путь — рядом с пределом Божественных миров, около границы, за которой вечная тьма. Там находится Враг —* ничто, сверхпустота, сущность без содержания и формы, простирающий себя везде, куда не доходит творящий Божественный свет. Всегда, когда Аллеин летел по этому пути, его охватывал леденящий ужас.

2

В это же время один из ближайших помощников Сатаны — Риикрой — делал ему доклад.

— Господин, на Земле, вероятно, могут произойти грандиозные события. Следуя вашему указанию усилить наблюдение за научно-исследовательскими

институтами, занимающимися проблемами теоретической физики и молекулярной биологии, мы закрепили агентов за каждым подающим надежды сотрудником этих учреждений. И вот результат: представьте себе, в России, в НИИ теоретической физики, некий Иван Свиридов, шесть лет промучившись, вывел, наконец, систему уравнений, которая моделирует Вселенную.

— Так! Как моделирует Вселенную его система? — Сатана задал свой вопрос с таким выражением, что Риикрой сразу понял, что его информация совпала с каким-то тайным замыслом Господина и он ее давно ждал.

— Совершенно моделирует. Правда, сам Иван говорит, что какие-то ошибки в системе пока есть, но он такой человек, который, несомненно, доведет дело до конца, и скоро, я думаю.

— Где он сейчас?

— Сейчас его уволили по сокращению штатов, но он продолжает работать над своей Системой.

— Почему уволили?

— Это же Россия, мой Господин, чему тут удивляться.

— Да, действительно, тут удивляться особенно нечему. Как ты оцениваешь его?

— • Он фантастически работоспособен, обладает совершенно независимой волей, необычайно целеустремлен. С людьми общается мало, но делает это успешно, он эрудирован и обаятелен — если хочет. Безусловно — потенциальный лидер. Внешне весьма привлекателен: высокий, стройный брюнет, 30 лет от роду. К этому надо добавить, что силен и вынослив чрезвычайно.

— Интересно. — Сатана сделал длинную паузу. — Национальность?

— Русский.

— Тут не может быть ошибки?

— Нет, — твердо сказал Риикрой и подумал: «Уж в этом я никогда не ошибаюсь. Национальность написана на тончайшей оболочке, отделяющей сознание человека от его подсознания, на том языке, который является для человека родным и держится, как татуировка на коже».

— Что можешь сказать о его морали, увлечениях?

— У него нет никаких увлечений, кроме его науки, на все остальное ему попросту наплевать, в том числе, мы полагаем, и на мораль.

Духовным обликом Ивана Риикрой особо не интересовался, просто потому, что не было приказа. Его задачей было определить потенциальные интеллектуальные способности кандидатов.

— Вот что, Риикрой, может, это и не он, кое-какие факты не сходятся. Ты понимаешь, о ком я говорю?

— О Предвестнике, мой Господин?

— Если он — Предвестник, то Творец, несомненно, передаст ему свое перо — Лийил, только так Он может защитить от нашего прямого влияния свободного человека. Говоришь, его уволили? Значит, он может предпринять какие-либо действия по публикации своей работы, и это заставит Творца ускорить события. Он все силы приложит, чтобы труд Ивана не дошел до людей, но, разумеется, по воле самого Ивана. Уверен, аудиенцию Ивану Творец все же устроит, а то парень сразу не поймет, что к чему, а Творцу важно, чтобы он с самого начала знал свою роль и свои возможности. И я в этом очень заинтересован, потому что мне надо, чтобы Предвестник узнал о своей миссии из самого авторитетного источника.

— А не отложить ли нам решение проблемы, Господин? Устроим Ивану автокатастрофу или отправим его в сумасшедший дом. Это ведь в наших силах. — Риикрой предложил это потому, что как раз в части лишения людей разума был непревзойденным специалистом, и любил это дело, а вовсе не потому, что чего-то боялся. Среди чувств, которые были доступны ему, страха не числилось.

— Пока у него нет Лийила — это возможно. Но сколько можно откладывать! Я жду слишком долго и сделал слишком много, чтобы ждать еще. Сейчас я посмотрю на него сам.

Риикрой знал, что ему лучше тихо скрыться на время, когда его господин решает взглянуть своим всевидящим оком, что же делается на Земле, дабы избежать неприятных неожиданностей. Взгляд Сатаны, когда он смотрел на мир со своего трона, часто при-

водил к столь странным возмущениям в объектах, на которые он смотрел, что даже и Риикрой, который ко всему привык и многое видел, старался не попадать в его поле зрения в этот момент, боясь потерять какую-то часть своей сущности. Ведь по ненависти ко всему сотворенному ему было далеко до Сатаны, а значит, и ему было что терять.

Твердое и холодное как лед пространство, где находился Сатана, треснуло от его горящего взора и разомкнулось, словно гигантский занавес, открыв перед ним мир людей, и он устремил свой немигающий взор на город, где сейчас находился Иван.

Город для него выглядел следующим образом: места, где люди часто и искренне думали о Боге и других людях, желая им добра и забывая о себе, были как бы за светлой дымкой. Это были, прежде всего, храмы и больницы, туда его взор проникал с трудом. Напротив, определенные места, где концентрировались деньги и информация, в первую очередь банки и редакции газет, были как на ладони. Казалось, что здесь он мог разглядеть даже молекулы, из которых состоит печатная краска на денежных знаках и газетных полосах.

Взгляд Сатаны накрывал своим вниманием весь город сразу, растворяясь в чувствах и мыслях более чем миллиона людей, растекаясь по проводам электросетей и кабелям связи, застревая и концентрируясь в компьютерных микрочипах, поэтому почти никто не заметил, что Властелин преисподней, довольствующийся, как правило, донесениями своих слуг, на этот раз сам решил взглянуть на Землю из своего закованного в лед ненависти к человечеству пространства. Только некоторые младенцы вдруг заплакали, да так, что матери не могли никак их успокоить, и в одной старенькой церквушке, вдруг ни с того ни с сего, разорвался сверху донизу полотняный занавес перед ремонтируемым алтарем.

Сатана начал искать Ивана, читая мысли людей и глядя в их лица, обзревая тысячи их сразу. Все люди разделялись для него на две неравные категории: над которыми он имел прямую власть, то есть которым трудно было противиться его воле, и над которыми он такой власти не имел, таких в этом городе было несравненно меньше. Читать их мысли

Сатане было гораздо труднее. Сатана начал с трудного, обратив свой взгляд на светлые лица. Стоило кому-нибудь сознательно или бессознательно подумывать «Иван Свиридов», и этот человек сразу бы привлек внимание Сатаны. Но никто из светлых людей не думал об Иване. «Это хорошо, значит, никто из них его не любит», — решил Сатана, зная, что имена любимых люди повторяют постоянно, и продолжил поиск, — значит, искать будет гораздо проще».

Мозг размышляющего человека, видимый из того пространства, откуда смотрел Сатана, светится особым ярко-розовым светом, и чем интенсивнее думает человек, тем ярче светится его мозг, создавая вокруг освещенную зону. И когда Сатана настроил свое зрение на восприятие этого излучения, он увидел, что одно из зданий на окраине города взорвалось, как ядерная бомба, накрыв этим взрывом добрую его половину. «А, вот где он, Предвестник, можно ослепнуть от сияния его мыслей! — обрадовался Сатана. — Сверхновая звезда разума взорвалась, ослепляя своим сиянием восхищенное человечество... Неплохо звучит. Я кое-чему научился у некоторых своих друзей-поэтов», — с удовлетворением подумал он.

В это время Сатана услышал, что кто-то вспомнил об Иване: «Я правильно сделал, что подписал приказ об увольнении этого Ивана Свиридова, — подумал седовласый человек, сидящий на заднем сиденье автомобиля, который на большой скорости ехал по главному проспекту города, — хватит уже баламутить институт». Сатана сосредоточил взгляд на этом человеке, весь он был прозрачен для Сатаны, со всеми своими чувствами и мыслями, как хрустальное стекло.

— Молодец, правильно, хватит ему баламутить ваш институт, пусть теперь баламутит весь мир, а ты больше мне не нужен, — сказал Сатана. И в этот же момент водитель увидел, что ему под колеса бросился ребенок. Он вместо того, чтобы нажать на тормоз, резко крутанул руль и на полной скорости врезался во встречный тяжелый грузовик. Двигатель «Волги» въехал в салон, оторвав ноги водителю, а директор научно-исследовательского института теоретической физики, вылетев через лобовое стекло, разбил голову о бензобак грузовика. Его мозг растекся по асфаль-

ту и больше не светился таинственным розовым светом, смешавшись с дорожной пылью. Никто никогда не узнал, что на самом деле никакого ребенка на дороге не было...

Сатана усмехнулся и перевел свой взгляд на здание научного института, где, как теперь он выяснил, работал Иван. «Да, это хорошее место, и народец — что надо, — усмехнулся Сатана, — только Фаустов среди вас что-то не видно. В головах ваших — сплошная скука, вонючее и хлюпающее ядовитыми испарениями дерьмо зависти — благодатная почва для ненависти. Прекрасное чувство, но зачем травили парня?.. За услуги мне надо отвечать. Вы мне больше не нужны. Кто же здесь защитит его светлую память, если не я?»

В исследовательском ядерном реакторе, который находился в этом институте, было, наверное, сорок независимых степеней защиты, и тридцать девять из них враз отказали — по совершенно разным причинам, и — только потому, что люди, управляющие всеми этими сложными устройствами, вдруг, нарушая все писанные и неписанные инструкции, начали делать именно то, что никогда делать нельзя. И только одна девушка-оператор, которая должна была нажать по ошибке не ту кнопку, не сделала этого, потому что не подчинилась нахлынувшим на нее воспоминаниям о прошедшей ночи любви.

— Ну же, мгновения уходят, что же ты! Как он тебя любил, отдайся своему чувству! Ведь это было лучше, чем в детективном романе, который ты только что прочла, хотя и без пороссячьего визга...

Но девушка была из светлых людей, а значит, в глубинах ее духа была некая сущность, блокировавшая все приказы и образы, которые формировал в ее сознании Сатана, и он был не властен над этой сущностью. Именно она оберегает таких людей от измены и предательства, но притупляет человеческую чувственность, ослабляя стремление к сексуальным наслаждениям и власти над другими людьми, — то есть ставит под контроль разума и совести как раз те человеческие страсти, при помощи которых Сатана вертел людьми, как хотел.

Девушку вдруг охватил страх, пришедший неизвестно откуда, неизвестно почему и неизвестно зачем, страх беспричинный, а значит, самый жестокий, страх, который заставляет людей вдруг холодеть в предчувствии чего-то непоправимого и ужасного. Она открыла глаза и отдернула руку. Страх, при помощи которого Сатана лишал людей разума, на этот раз сработал против него, это бывало всегда, когда на его пути становились неподвластные ему люди. Сладить с ними Сатане было очень сложно, поэтому основной задачей было сделать так, чтобы этих самых независимых от него людей в нужных местах и в нужное время просто не было.

— Ладно, нет времени, чтобы заняться тобой; все равно, очень может быть, что твоя жизнь теперь не стоит больше собачьего воя в лунную ночь. Пора посмотреть на Предвестника, — подумал Сатана и перевел свой взгляд в эпицентр «ядерного» взрыва.

Человек, который являлся причиной калечащего мир людей внимания Сатаны, лежал на кровати в аспирантском общежитии и смотрел в потолок. Сатана взглядом проник сквозь кожу его лица, как бы расколлот череп и заглянул в мозг, раскаленный, как звездная плазма. Он был кристально чист и великолепен в своем ослепительном сиянии. Иван размышлял над решением сложнейшей системы математических уравнений, и мысли его вертелись, как электрический ток в кольце из сверхпроводника, рождая это ни с чем не сравнимое сияние. Он не мог найти решение своей Системы и, попросту говоря, заикнулся на нем.

«Это он, несомненно... Тот человек, которого я ждал со времени сотворения мира. В его разуме есть необходимая мощь, и он почти готов для того, чтобы стать моей главной резиденцией. Я вселюсь в этот мозг, когда он решит свою Систему и создаст инструмент творения, и буду править всем миром. И тогда уже никто из людей не сможет сопротивляться мне просто потому, что ни у кого не будет оружия для борьбы со мной, которое от щедрости своей раздает им Творец, — души. То-то повеселимся тогда! Библейский Содом покажется детским садом, эти тва-

ри будут сами поливать себя расплавленной серой ядерных взрывов и посыпать солью нечистот своей поганой цивилизации, пока не самоуничтожатся. И будут делать это со страстью и удовлетворением, как убивают себя самоубийцы из числа вырожденцев человеческой породы, потому что я стану их единственным Господином».

. «Что же это? Я не смогу решить Систему?» — подумал Иван, и его вдруг охватил такой страх, какого он не испытывал ни разу в жизни. Леденящий ужас сжимал виски стальным обручем, причиняя нестерпимую боль. Такое с Иваном было впервые, он не знал, как с этим справиться. Минутная растерянность сменилась яростью, тоже прежде ему не свойственной. Он подскочил с кровати и заметался по комнате, как брошенный в клетку тигр. А по стати, силе и гибкости это был настоящий тигр, редкой красоты. Чтобы как-то справиться с охватившим его бешенством и подавить животный страх, Иван со всей силы, ударил кулаком в портрет Эйнштейна, висевший на стене, гипсокартонная стена треснула сверху донизу, и кулак Ивана пробил ее насквозь.

«Что это со мной? — подумал он, стряхнул с руки просыпавшегося Эйнштейна и, враз потеряв энергию, словно в изнеможении рухнул на кровать. — Что делать-то? Надо бежать отсюда, пока не обнаружили, что я натворил, — вдруг решил Иван. — А куда бежать-то?» — спросил он себя.

А бежать-то было некуда. Это Сатана видел отчетливо. Не было ни одного человека, который бы принял Ивана в это трудное для него время. И Иван это знал. Он сгреб со стола документы: паспорт, и трудовую книжку, и деньги. Деньги он пересчитал и, скомкав, засунул в карман.

— Куда бежать-то? — спросил у себя Иван. И Сатана подсказал ему:

«Беги в родной город».

Этот голос прозвучал в сознании Ивана, как его внутренний голос.

«Точно, черт возьми! У меня же там квартира есть». Иван вытащил из кармана деньги и быстро их пересчитал. Денег как раз хватало на билет.

«Так, ладно, двинусь в родной город», — окончательно решил Иван.

— Беги, беги, там мы тебя и встретим, — сказал Сатана и отвел взгляд от Ивана.

Пространство перед взором Сатаны сомкнулось. Риикрой увидел это и, вынырнув из закоулков преисподней, как ни в чем не бывало предстал перед своим господином.

— Ну и как ваше впечатление, мой Господин? — спросил он Сатану.

— Я видел его. Он уже направляется в родной город. Пусть отдохнет немного от нашего внимания, а когда будет на подходе к своему городу, ты встретишь его. Приготовь ему, для начала, достойную встречу в нашем стиле. Посмотри, о чем он думает, каков его эмоциональный мир, выясни, кто его друзья. Его друзья, впрочем, так же, как и враги, должны стать моими верными слугами. В случае необходимости можешь материализоваться, чтобы никто из ангелов не мешал тебе. А я останусь здесь до времени. И не тревожьте меня по пустякам...

3

Был вечер, когда, преодолев границу между миром духов и миром людей, Аллеин обнаружил вдали небольшой город, куда направлялся Иван.

Если бы люди могли видеть то, что видят ангелы, то жители города, в котором происходили описываемые события, заметили бы этим утром быстро спускающийся с неба черный конический столб, сужающийся к низу. Это произошло в тот момент, когда луч солнца проскользнул в щель между синей тучей и кромкой далекой горной гряды и окрасил розовым светом скалы. Будто бы черный, холодный, безмерный и безграничный космос, прорвав тоненький слой атмосферы, спустился в этот миг на Землю. Столб ударил в вершину самой высокой скалы и исчез, не оставив никакого следа. Аллеин увидел его и услышал удар грома. Он тут же со скоростью молнии рванулся к месту, куда ударил черный гигантский конус.

На вершине скалы, на большом, таинственно поблескивающем вкраплениями слюды камне сидел чер-

ный, не имеющий никаких черт и деталей — глаз, рта, одежды, — крылатый силуэт.

— Не иначе это ты, Риикрой, — сказал Аллеин, подойдя к камню, — давно мы с тобой не встречались на Земле.

Силуэт ответил:

— Привет, Аллеин. Я думаю, для тебя не является секретом цель моего появления здесь?

— Ты пришел, чтобы следить за Предвестником.

— Да, конечно же, и ты, Аллеин, не сможешь, надеюсь, помешать мне выполнить мою миссию.

— Хотел бы! В моем пространстве ничто мне не помешает бороться с тобой. — И в руках Аллеина, как золотая молния, блеснул меч. В этот же момент раздался хлопок, и на камне очутился высокий, хорошо сложенный мужчина лет сорока с резкими чертами лица, черными волосами и черными глазами. Брюнет улыбался и отряхивал одежду — • дорогой, строгий костюм. Поправив галстук, мужчина встал, поклонился и, помахав рукой кому-то, сказал:

— Прощай, Аллеин, надеюсь, мы с тобой в ближайшее время не встретимся.

После этого мужчина достал расческу, причесался и направился вниз по тропинке, насвистывая какой-то марш.

— Как жаль, что мне запрещено преследовать тебя в человеческом пространстве, — сказал Аллеин и спрятал меч.

Как только Аллеин улетел, Риикрой тут же дематериализовался и устремился к Ивану. Ему не надо было его искать, потому что за Иваном следили неотступно.

Прежде чем лететь искать Ивана, Аллеин решил подняться как можно выше, чтобы своим особым, бесконечно чутким слухом услышать, что думают и чувствуют люди на Земле; имело смысл определить, что же происходит в мире людей именно сейчас, когда он получил столь важное задание. Это действие отнимало у Аллеина очень много сил и особой духовной энергии, поэтому он редко, раз в одно-два столетия, слушал всю Землю сразу и сейчас не очень хорошо представлял, как обстоят дела.

Аллеин поднялся над миром людей, сосредоточился, настроив свои чувства на звуки и ритмы Земли, и стал слушать.

Звуки привычных человеческих мыслей и чувств, воспринимаемые Аллеином как мелодии, звучащие из века в век, все сильнее перебивались какими-то импульсами. Такие диссонансы Аллеин слышал и раньше, но теперь они угрожающе усилились, порой заглушая голоса земного оркестра. Откуда идут эти шумы, Аллеин не знал. И это сильно его беспокоило. «Что это за звуки, откуда они исходят? Все неизвестное пугает. Надо как можно скорее разобраться с природой этих негармонических возмущений, — думал Аллеин. — Уж не Иван ли — причина этому? Нет, не может быть. Хотя... Хотя — кто знает».

Аллеин обратился к Богу, он мог это делать:

— Господь, что-то странное происходит с людьми. В их мыслях и чувствах появилось нечто, пугающее меня. Ответь мне, Господи. Прикажи, что мне делать?

Прежде, когда Аллеин обращался так к Богу, он тут же получал ответ. Но на этот раз ответа не было. Не было впервые за тысячи лет!

— Что происходит, Господи?! — воскликнул Аллеин.

Молчание.

Аллеин не знал, что ему делать: то ли лететь вверх, к Богу, то ли вниз — на Землю.

Он полетел вверх. Но знакомый межпространственный тоннель, ведущий к Богу, был закрыт... Ужас охватил Аллеина. «Бог больше не хочет слышать, что происходит на Земле. Он отвернулся от людей. Почему? Может быть, дело в том, что он отдал мне Лийил?» Не было ответа. Внутри у Аллеина все затрепетало, он бросился вниз, на Землю.

Он летел над Землей, торопился изо всех сил. То, что Аллеин не мог видеть Бога и говорить с ним, что Бог по непонятным причинам отвернулся от людей и оставил его здесь, на Земле, одного, предоставив самому себе, — ничего более страшного, в понятии Аллеина, произойти не могло. «Значит, Конец света не только близок, он уже начался», — решил Аллеин.

«Что происходит? Откуда взялись эти странные чувства и звуки, разрушающие и без того нестрой-

ный хор из человеческих стремлений и переживаний?» — думал Аллеин, вглядываясь и вслушиваясь в надземный эфир.

Наконец Аллеину удалось справиться с волнением, он сосредоточился и напряг свой бесконечно совершенный слух, чтобы уловить лейтмотив раздражавшего его диссонанса, и это ему удалось, диссонанс многократно усилился и теперь зазвучал, как трубный глас, потому что шел от человека, дух* которого работал как своеобразный резонатор всех услышанных Аллеином шумов:

— «...Сотворил Господь мир для делания»** и мне нельзя останавливаться, надо совершенствовать творение, — именно эти слова в этот момент произнес на иврите пожилой мужчина, они были тут же поглощены звуконепроницаемой обивкой стен его кабинета, но Аллеин слышал их сердцем. И сердце Аллеина оборвалось. «Вот что все это значит! Он ведь абсолютно верит в то, что улучшает мир, забыв о том, кто есть совершенство, и результатом его трудов и будет Судный день».

— Как дела по проектам «Альфа», «Бета» и «Центавр»? — спросил мужчина, нажав на клавишу селектора.

Голос в селекторе стал делать доклад, в котором говорилось о работах по созданию искусственного интеллекта, расшифровке генетического кода и нейропрограммированию. Аллеину было совершенно неважно, о чем говорилось. Ему было важно, как этот человек, его звали Франц Зильберт, он был президентом какой-то транснациональной корпорации, слушал доклад. Он слушал его, ни разу не вспомнив о Боге, Книгу которого только что цитировал. «Он говорит одно, а думает другое. Цель его — не истина, а власть, нужная ему для совершенствования мира. А власти у него и сейчас — бездна... Какую ему еще

* Д у х — не душа. — *Прим. авт.*

** И БЛАГОСЛОВИЛ ВСЕСИЛЬНЫЙ ДЕНЬ СЕДЬМОЙ И ОСВЯТИЛ ЕГО, ИБО ТОГДА ПОЧИЛ ОТ ВСЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ СВОЕГО, КОТОРОЕ ВСЕСИЛЬНЫЙ, ТВОРЯ, СОЗИДАЛ. (Брейшит, 2:3.) И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал. (Синодальный перевод. Бытие, 2:3.)

власть надо?» Этот вопрос Аллеин оставил без ответа. «Ясно, все эти странные, пугающие звуки — это первые такты прелюдии последнего концерта. Прелюдии вечной тишины. Хватит. На сегодня хватит, — сказал себе Аллеин. — По-видимому, дело идет к Концу. И Бог теперь отвернулся от мира...»

Аллеин полетел на поиски Ивана.

4

Иван ехал в автобусе по дороге, которая вела в его родной город. Рядом с дорогой горел лес, одновременно подожженный кем-то сразу с четырех сторон. Сильный ветер быстро раздувал пламя. Дым пожара, не сшийся над землей, застилал автостраду. Временами, когда клубы дыма сгущались, впереди ничего не было видно, кроме темно-красного солнца, стоявшего у горизонта. Автомобили медленно ехали с зажженными фарами, то и дело сигналя друг другу. Водитель рейсового автобуса, устав от непрерывных гудков и торможений, остановил автобус и открыл двери.

— Подождем, может, развеется, — объявил он и закурил. «Почему никто не тушит? — подумал водитель. — Странно».

Риикрой опередил Аллеина и, удобно разместившись в подсознании Ивана, внушал ему, что надо выйти из автобуса и пройти пешком по дороге. «Когда он увидит, как горит хлебное поле, я пойму, что это за человек», — думал Риикрой.

Ивану надоело сидеть в душном автобусе. Он вышел из салона, постоял немного, глядя на дым пожара, и решил оставшуюся часть пути пройти пешком. До города по дороге оставалось километров десять, а напрямик через поле, засеянное пшеницей, — километров пять. Сказав шоферу, что он дальше не поедет, Иван спрыгнул с дорожной насыпи, прошел по полю метров двадцать, остановился и посмотрел назад. Сильно пахло пожаром. Пройдя метров сто по меже, Иван вышел на грунтовую дорогу, ведущую в город.

Заросли кустарника в оврагах и около березовых колков тоже горели. От дыма слезились глаза. Иван

быстро шел по дороге, посыпанной серым пеплом. Ветер поднимал пепел и нес его над полем.

И вот огонь перекинулся на пшеницу, и Ивану пришлось пройти по дороге через горящее поле. Лицо опалило жаром, хотелось бежать, но Иван не победил, а на несколько секунд остановился и стал смотреть на огонь. Глаза отражали зарево пожара, а одежда нагрелась так, что было трудно терпеть. Стебли созревшей пшеницы вспыхивали, роняя на землю колосья. Колосья беспомощно падали и засыпались раскаленным прахом. Огненные вихри, носившиеся над землей, довершали дело. Хлебное поле быстро уничтожалось.

«Если я не завершу свою работу — моя жизнь будет уничтожена, как это поле», — подумал Иван. «А если завершишь, — то же будет со всем человеческим родом», — сказал Риикрой так, чтобы Иван услышал его, как свой внутренний голос.

Когда Иван достиг края поля, солнце зашло за горизонт. Сразу стало очень темно, потому что пепел, поднятый ветром, еще не осел.

Здесь Ивана нашел Аллеин. Он увидел, что его подсознание занято Риикроем, и в отчаянии сжал кулаки. Ему теперь оставалось следить за мыслями Ивана издалека.

Иван быстро шел по дороге, которая выводила его прямо к окраине родного города, где он не был уже много лет. Иван собирался теперь жить в этом городе, потому что здесь у него была однокомнатная квартира, доставшаяся в наследство от умершей матери.

По пути Иван вспоминал только о двух людях: Сергее Малышеве и Наташе Петровой. Как понял Аллеин, Сергей был другом Ивана, а Наташа Ивану когда-то очень нравилась. Правда, эти воспоминания были эпизодическими. Он всю дорогу думал о том, как он будет решать сложную систему математических уравнений, и ничто, казалось, не могло отвлечь его от этих мыслей.

Мысли мчались в Ивановой голове с огромной скоростью, и их было очень много, так много, что Риикрой едва успевал следить за ними. Все мысли Ивана, сознательные и бессознательные, были формальными логическими операциями, направленными на решение какой-то очень сложной математичес-

кой задачи. «Да, в способности думать этот человек, возможно, превзошел всех людей, или почти всех, — подумал Аллеин, который так же в это время следил за мыслями Ивана. — И никаких эмоций! Ну что ж, будем знакомы, Предвестник».

Риикрой покинул Ивана, чтобы сделать доклад своему Господину, и Аллеин решил узнать, что за люди эти Сергей и Наташа. Ведь им, очень возможно, придется принимать активное участие в предстоящих событиях.

5

Проводив Ивана до дома, невидимый и неслышимый для людей, Аллеин парил над городом, всматриваясь сквозь стены и крыши в светлые лица спящих детей. На лица взрослых Аллеину было неприятно смотреть, потому что в большинстве своем они были темны и поражены пороками, что делало их похожими на лица покойников.

В доме, стоящем недалеко от соснового леса, Аллеин увидел спящую девочку, которая привлекла его внимание тем, что была очень похожа на одну из его подопечных, жившую несколько столетий назад. Девочка мирно спала, положив руку под голову, наверное, ей было жарко, щеки покраснелись, одеяло было сброшено на пол. Сложив крылья, прямо через окно Аллеин вошел в комнату, где спала девочка, и сел у изголовья. Улыбнувшись, он положил свои руки ей на голову и запел. И хотя пел он на своем ангельском языке, девочка поняла его, потому что он пел ей о счастье и любви. Потом ей снилось море, которого она никогда не видела, а потом прекрасный молодой человек с золотыми волосами, одетый в белые, просторные одежды. Этот человек улыбался, и ей было почему-то так хорошо, что она тоже стала улыбаться.

Посидев немного в комнате, Аллеин улетел. Теперь его путь лежал в лес, росший рядом с домом, в котором он только что был. Как белая молния промелькнул Аллеин над верхушками сосен. Он долго

смотрел на раскинувшийся перед ним город и думал о людях, поколения которых прошли перед ним, не переставая удивлять и восхищать как силой своего духа, так и его убожеством. И вот теперь ему придется расставаться с миром людей. Чем он будет заниматься теперь, если не будет детей?

Аллеин чуть было не заплакал, ведь он, несмотря ни на что, любил людей и верно им служил.

Начинало светать, свет гаснувшей на западе полной луны начал смешиваться со светом солнца, отражаемым от высоких перистых облаков на востоке. Пора было отправляться в свой мир, наполненный светом другого светила. Перед этим Аллеин хотел взглянуть на людей, о которых вспоминал Иван. Последний раз посмотрев на город, Аллеин вздохнул и, сильно взмахнув крыльями, полетел искать знакомых Ивана.

ЧАСТЬ   ПЕРВАЯ

ПРЕЛЮДИЯ ВЕЧНОЙ ТИШИНЫ

Архангелы Рафаил, Гавриил и Михаил,
все трое:

*И крепнет сила упования
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день создания,
Твои творенья велики!*

Мефистофель

*Опять, о господи, явился ты меж нас
За справкой о земле,— что делается с нею!
Ты с благосклонностью встречал меня не раз —
И вот являюсь я меж: челядью твоею.
Прости, не мастер я по части громких слов;
Но если б пышный слог я в ход пустить решился,
Сам рассмеялся б ты —ручаться я готов,—
Когда б от смеха ты давно не отучился.
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда, во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить —
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне — хоть этикет здесь строгий —
Сравненьем речь украсить: он на вид —
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть еще в траве сидел бы он уютно,—
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.*

И. ГЕТЕ. «Фауст», «Пролог на небесах»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Найти в городе любого человека для Аллеина не представляло большой сложности, надо было только подняться повыше и напрячь зрение и слух, ведь человек очень часто подсознательно повторяет свое имя даже во сне. Полетав над городом, Аллеин нашел Наташу и устремился к окну ее комнаты.

Аллеин вошел в Наташину комнату рано утром, с первыми лучами солнца. Наташа спала. Черты ее лица были абсолютно правильными, но не холодными, как часто бывает, а нежными и живыми. Но не меньше, чем красота Наташи, Аллеина удивило то, что лицо ее было светлым, как у ребенка. Аллеин встал в угол комнаты и стал прислушиваться к Наташиным снам. Но в это время Наташу разбудил ее любимец кот Мускат, вернувшийся с ночной прогулки. Он требовательно мяукал под дверью, пока Наташа не открыла дверь и не впустила его.

Наташа дала коту рыбку, налила молока и снова легла в постель, но уснуть не могла. На улице было тихо: ни машин, ни людских голосов, только птичье пение. Наташа закрыла глаза и погрузилась в полудрему, но уснуть никак не удавалось, опять в голову полезли знакомые жестокие мысли: «Надо что-то делать, на что-то решаться и устраивать свою жизнь. Время уходит, а у меня ни детей, ни мужа, ни работы. К тому же волею обстоятельств попала в такую дыру, иначе родной городок не назовешь, из которой до смерти можно не выбраться. Что же делать?» Наташа вдруг остро почувствовала, что именно сегодня должно произойти что-то, что определит ее судьбу. Так бывает, когда почтальон приносит телеграмму с какой-то

важной и неожиданной новостью. Наташа быстро встала с постели, разделась и пошла под душ. Она тщательно мыла свои очень густые каштановые волосы, потом долго стояла под сильными струйками теплой воды.

Надев халат, Наташа пошла на кухню завтракать. Отпив глоток кофе, она отставила чашку в сторону и задумалась: «Кто же этот Ясницкий? Председатель правления крупного банка — в тридцать лет. Миллионер, а может и миллиардер, имеет вес в политических кругах не только в краевом центре, но и в столице. У него берут интервью, на него ссылаются, как на одного из лидеров нового экономического движения. Он хороший оратор». Наташа слышала, как он выступал на областной конференции банкиров, где они и познакомились. «Руки у него большие, сильные, губы под черными, ухоженными усами пухлые, немного чувственные, одевается блестяще. Разведен давно, детей нет. Зачем он приехал в наш город и что ему от меня надо, и надо ли ему вообще что-нибудь от меня?» «Сразу позвонил Вам, Наташа. Мне обязательно надо с Вами поговорить, и не откладывая». «Предложить работу? Он бы сразу сказал об этом. Нет, он приехал делать мне предложение. Да, сегодня же он сделает мне предложение», — заключила свои размышления Наташа.

«Мои материальные условия его, скорее всего, не интересуют, — рассуждала Наташа. — Зачем ему мое приданое? Нет — это для него не имеет значения. Мое прошлое? А нет прошлого. Что у нас еще в активе? Образование? Да, образование стоящее. Манеры? Некоторый опыт общения с людьми у меня есть. Характер? Интересно, что он знает о моем характере? Нуда ладно. Конечно же, если он мною интересуется, то потому, что я красивая, это общепризнанно».

Наташа сбросила с себя халат и подошла к большому зеркалу, стоящему в спальне. Она долго и сосредоточенно смотрела в зеркало, как бы спрашивая у себя о чем-то.

«А ну-ка, девушка, покажи мне свое второе я, — сказал Аллеин так, чтобы Наташа не смогла ему отказать. — Покажи себя, кем бы ты хотела стать на самом деле».

Наташа усмехнулась, наклонилась к зеркалу, показала себе язык и, сделав лицо актрисы, произносящей монолог из классической трагедии, сказала:

— Коль жизнь — театр, а люди — актеры, то надо постоянно репетировать жизнь, чтобы жить. И надо стараться находить в этом радость, коль уж жизнь — банальная пьеса.

Наташа стащила с постели простыню, ловко задрапировала себя складками ткани и прошлась перед зеркалом, искоса глядя на себя. На нее умными, красивыми глазами спокойно и холодно смотрела заместитель директора банка по экономике. «Так, губы чуть плотнее, взгляд чуть помягче. Неплохо, получается», — оценил Аллеин.

Драпировка была быстро изменена. Наташа отошла от зеркала и медленно, походкой манекенщицы пошла вперед, подойдя, повернулась перед зеркалом, стала боком, потом повернула чуть наклоненную голову, улыбнулась, чуть разжала губы и изобразила на лице невинность и смущение. Аллеин кивнул головой: «Тут ничего менять не надо — и так сойдет».

Наташа накинула простыню на голову, скрыв волосы, подняла глаза вверх, так, как она видела на картинах старинных художников, и изобразила на лице благоговение и смирение. Аллеин улыбнулся: «Несколько картинно и вычурно, таких монахинь не бывает, а если бывали, то их надо было держать взаперти, подальше от мужских глаз. Смирения во взоре все же недостаточно и блеск в глазах не от слез». Наташа попыталась пустить слезу, чтобы изобразить молитвенный экстаз. Слеза не получилась. «Ладно — на троечку», — махнул рукой Аллеин.

Простыня была сброшена. Наташа начала танцевать. Танцевать Наташа, без сомнения, очень любила. Танцевала она недолго, успев при этом выплеснуть поток чувственности и скрытой, и открытой. «Ладно — с этим все ясно. Отлично. В крайнем случае, всегда можно пойти в кабаре», — сказал Аллеин и зааплодировал.

Наташа подвязала простыню фартуком, вздохнула так, чтобы грудь заняла более красивое положение. И сказала:

— Дорогой, ты уже проснулся? Завтрак готов... Нет, что-то не получается... Дорогой, мне нужна норковая шуба, без нее моя жизнь потеряла всякий смысл... Где ты вчера был, пьяница чертов?! «Да, тут явно что-то не то», — покачал головой Аллеин. Наташа надела халат и села на стул перед зеркалом. Вдруг она расплакалась.

«Так — тут все в порядке, — оценил ее неожиданные слезы Аллеин. — Отец при смерти, а она танцует. — То, что Наташа очень любила своего отца, Аллеин определил сразу, и в этом он не мог ошибиться. И смеется сквозь сле-

3 м. — Может быть, эта женщина и была создана Творцом специально на случай, если в мире свободных людей появится Предвестник».

«Интересно, помнит ли его?» — подумал Аллеин.

Установить это для него было совсем не сложно. Он прошептал Наташе на ухо: «Иван Свиридов», и она тут же перестала плакать и задумалась, устремив взгляд прямо перед собой.

«Иван Свиридов, к чему бы это вспомнилось?» — спросила себя Наташа, и Иван, красивый и мужественный, с нежным взглядом светло-серых глаз и широкой улыбкой, предстал перед ее мысленным взором.

Аллеин посмотрел на возникший в сознании Наташи образ и увидел Ивана таким, каким видела его Наташа тринадцать лет назад. Наташа, ученица шестого класса, принимавшая участие в школьной самодеятельности, заметила Ивана, студента первого курса, на вечере встречи выпускников их школы. С детской непосредственностью она не сводила глаз со статного, яркого парня, казавшегося ей взрослым мужчиной, волнующе загадочным и опасным. После окончания концерта, в котором Наташа блистала в нескольких танцевальных номерах, она осталась посмотреть, как будут танцевать взрослые. Иван долго поглядывал на нее, а потом пригласил танцевать медленный танец. Наташа была смущена невероятно, во рту пересохло и ноги отказывались слушаться. Она почему-то казалась себе самой смешным и беспомощным длинноногим олененком, которого недавно видела в зоопарке. После этого они виделись еще раз — на ее выпускном вечере, но тогда Иван почему-то не пригласил ее танцевать, а сразу ушел. Нет, Наташа не думала об Иване днем и ночью, не предавалась мечтам о своих нынешних и будущих чувствах к нему, но образ его хранился в глубине ее сознания, рядом с сердцем и неразлучный с ней. Аллеин теперь твердо знал, что Наташа предназначена Ивану. «Он для нее воплощает образ идеального мужчины. Она не увидит ни одной его плохой черты, но все, что в нем есть положительного, — это как раз то, о чем она всю жизнь мечтала, мечтала еще с детского возраста. Вот это да! Они же, действительно, созданы, чтобы любить друг друга. Любить?.. Она-то сможет, а он?..» — и Аллеин вновь прислушался к мыслям Наташи.

«Нет, не надо, хватит уже мечтать. Что у меня за натура странная? Стоит только почувствовать, что надо при-

нимать какие-то жизненные решения, и я тут же убегаю в мир иллюзий».

«Твой мир — как раз и есть иллюзия. А твои иллюзии — это то, что может стать для тебя самой невероятной реальностью», — подумал Аллеин.

Раздался стук в дверь. Мускат, муркнув как бы про себя, на ходу потянулся и побежал к двери, следом пошла Наташа.

Пришла Наташина подруга Светлана, у которой сегодня собиралась традиционная вечеринка бывших одноклассников. Сначала хотели собраться у Наташи, но когда стало известно, что приезжает Ясницкий и хочет с ней встретиться, решили, что лучше собраться у Светы, раз уж Наташа желает увидеться с этим Ясницким непременно в компании. Света была дочерью директора крупного завода, дом у ее родителей был большой, по мнению девушек, там можно было придать вечеринке элемент официального приема.

— Наташка, шампанского в городе нет! Что делать будем? — вытаращив глаза и захлебываясь эмоциями, поведала Светлана.

— В прошлом году пили пиво, если мне память не изменяет, — с подчеркнутой холодностью ответила Наташа. — А кто будет-то?

— А никого не будет. Сергей будет, Татьяна, Ольга — и все, больше я никого не приглашала.

— Сергей Малышев — это понятно, — Наташа кивнула головой. Он был знакомый предприниматель и тоже учился в их школе, — а где остальные?

— Наташка, не прикидывайся душой. Там будет Ясницкий, и он заменит их всех. С ним придет Панин. — Светлана внимательно посмотрела на Наташу. Панина в городе знали все. Он, по мнению Наташи, был личностью мрачной и таинственной. Один из первых городских предпринимателей, он постепенно прибрал в городе все мелкие магазины и принялся за крупные. Поговаривали, что он как-то связан с бандами местных и не местных рэкети́ров, но это были только слухи.

— А Панин там зачем нужен, рожа противная?

— Сама ты противная. Он, между прочим, месяц назад развелся. Тебя-то мы замуж выдадим. А меня? А я тоже замуж хочу. Он звонил мне сегодня и спросил, не буду ли я возражать, если он придет вместе с Ясницким.

— Ничего себе друзья у Ясницкого,— сказала Наташа, покачив головой.— Ну ладно, проходи, что мы на пороге-то стоим.

— Наташечка, Ясницкий приехал делать тебе предложение,— торжественно заявила раскрасневшаяся вдруг Света.

— Это ты откуда знаешь? — не выразив ни удивления, ни восторга, спросила Наташа.

— От матери. Ясницкий вчера, через знакомую матери публику, осторожно собирал информацию и о тебе, и о твоих родителях: «Как училась, где лечилась и что из нее получилось». Вот так-то.

— Ты с этим пришла или за шампанским? — неожиданно резко спросила Наташа.

— Ты что? Тебе неинтересно? Чокнулась, что ли? — Наташа молчала.— Точно чокнулась,^- заключила Света. Наташа помолчала с минуту, потом сказала:

— Значит, так. На вечер я приду вовремя. Буду вести себя хорошо. Только вот что: не дергайся и за руку меня по своему дому не таскай. Я сама знаю, что мне делать. Поняла?

— Знаешь что, Наташа, я все понимаю, но ты зря меня учишь жить. Не надо, это обидно даже,— вдруг переменявшись в лице, серьезно и размеренно сказала Света. Света была старинной подругой Наташи и знала, что сейчас Наташу надо остановить, иначе они могут надолго поссориться.

— Извини... А шампанское купи у Панина. Телефон знаешь?

— Ой, правда, что это я сразу не догадалась. Ну ладно, я побегу, дел невпроворот.

Света, на ходу надевая туфли, выскочила из квартиры. Тут Аллеин оставил Наташу и отправился искать Сергея.

2

В это время Риикрой докладывал Сатане:

— Господин, в 4 утра Аллеин с Лийилом появился на Земле.

— Дело Творца назначить получателя, дело Аллеина принести Лийил, а уж как и где получатель его получит — это не только его дело, а и мое. Где Иван?

— Только что проснулся, умылся, попил воды из-под крана и пошел искать телефонный автомат, чтобы позвонить Сергею, своему школьному товарищу.

• — Так у него все же есть товарищи. К чему такая спешка?

— Все нормально, Господин. Ивану нужны деньги. У него сто рублей новыми деньгами и тридцать семь старыми. Булка хлеба стоит сто рублей.

— Итак, теперь у меня появляется возможность определить, что в самом деле задумал Творец. Я убью Ивана, и если Творец вернет Ивана на Землю, значит, он настоящий Предвестник, или, как говорят люди,— Антихрист. И тогда он получит Лийил.

— Что же должен делать Иван, получив Лийил? — спросил Риикрой, проявив при этом недопустимое любопытство. Он не должен был задавать лишних вопросов. Но на этот раз был такой случай, который его оправдывал.

— По моему сценарию? — спросил Сатана.

— Да, по сценарию.

— Моя цель известна — занять место Творца. Увы, сам я не могу сотворить ничего, но Иван может создать все, что мне надо, в том числе и инструмент творения. Я попытаюсь сделать Ивана орудием для достижения своей цели. Если у Ивана будет Лийил, я не смогу диктовать ему свою волю, его воля будет абсолютно свободной. Нам придется потрудиться, воздействуя на окружение Ивана, чтобы он сам захотел закончить свою Систему, решить ее и создать инструмент творения. Я овладею этим инструментом в последний момент. Творец, по причинам мне неизвестным, не хочет воспрепятствовать этому прямо. Он сам для себя установил законы, которых неизменно придерживается. Если Иван не захочет делать инструмент творения, я постараюсь, как минимум, заставить его опубликовать свою Систему. Тогда Земля станет планетой антихристов.

— Значит, исход дела будет зависеть только от Ивана? Как же тогда Конец света? И как же сценарий Апокалипсиса?

— Вариантов поведения Предвестника, или, как его называют некоторые из людей,— Антихриста — четыре. Первый: он, узнав, к чему ведет решение его Системы, отказывается продолжать свою разработку и пользоваться возможностями Лийила. Я уверен, этот

вариант невозможен. Свободный человек, наделенный такой страстью познания, не в состоянии отказаться от поиска истины, так же как неспособен он отказаться от предлагаемой ему власти над собой и над людьми. Второй вариант: Иван создает инструмент творения втайне и становится на место Творца. Этот вариант нас устраивает, потому что на самом деле место Творца займу я. Третий вариант: Иван просто публикует свою Систему. Это тоже хорошо, просто решающий шаг будет сделан каким-то другим человеком немного позже. Во всех этих вариантах Иван публично не проявится как Предвестник, поэтому они не описаны в священных книгах мировых религий. Любой из этих вариантов, кроме первого, разумеется, меня очень устраивает. И, наконец, сценарий Апокалипсиса. Он наиболее вероятен. В нем описан вариант, когда Предвестник создает инструмент творения публично, при этом он, естественно, заставит всех поверить в себя, как в Бога, пользуясь в том числе и возможностями Лийила. В сценарии Апокалипсиса есть одна маленькая неточность. По сценарию Творец уничтожает Предвестника и мне достается, но на самом деле что будет делать Творец — не знает никто. Я знаю Его лучше, чем кто бы то ни было, и уверен: раз Творец не уничтожил меня и вообще никого и никогда не уничтожал, не уничтожит он и мир, и мир достанется мне, как только Иван создаст инструмент творения. Ивана же уничтожу я. Вот такая подмена — малюсенькая, правда... Ну, а с таким Богом, как я, будет и ядерная война, и Новый Иерусалим для тех, кто после нее останется.

— Воистину, велик ты, Господин... — сказал Риикрой и распростерся перед Сатаной, как темное облако. — Насколько я понимаю, появление Предвестника — это для нас хорошо в любом случае.

— Да, конечно. Это праздник для нас. Или я стану на место Творца, или человечество будет уничтожено Богом, во что я не верю, но что тоже неплохо. Наш старый спор с Творцом о том, чего стоит человек, разрешится в мою пользу. Это глубоко личное...

— А если Творец не даст Ивану Лийил?

— У Творца сейчас просто нет выбора! — сказал Сатана и засмеялся. — Если он не пошлет Лийил, Иван может с нашей помощью или без нее натворить такого... и без всякого Лийила. Ведь он из свободных людей... Лий-

ил — перо Творца. Он только дает возможности владельцу творить иллюзии, воспринимаемые им самим и всеми как реальность. Инструментом творения он может быть только у Бога. Каждый Бог должен сотворить свой Лийил.

— Странные условности. — Риикрой не мог скрыть своего удивления. Любознательность, хоть и весьма своеобразная, — была основной чертой его характера.

— Ха, на этих Его условностях держится Вселенная, как геометрия на аксиомах! — Голос Сатаны звучал все возвышаясь, вызывая у Риикроя странное воодушевление. — Понимаешь, Риикрой, особенность ситуации в том, что Иван — гениальный ученый, а все представляли Антихриста, как какого-то законченного ублюдка, наделенного многими талантами. И к тому же он русский... Поэтому не могу полностью исключить, что события будут развиваться не так, как мы всегда предполагали.

3

Когда Сергей узнал, что Иван приехал в город и хочет с ним встретиться, то очень обрадовался. Сергей никогда не анализировал, что ему нравится в Иване и почему, хотя если бы хотел, то, конечно бы, разобрался, как он всегда это делал во всем, что его интересовало. Во всяком случае, Сергей все эти годы поддерживал с Иваном переписку, стараясь не потерять связь со школьным товарищем, хотя это было совсем не просто.

Иван, по мнению Сергея, был парень со странностями, но именно эти странности и делали его интересным человеком. В школе Иван тяготел к гуманитарным наукам: он прекрасно говорил по-английски, знал немецкий и, кажется, еще испанский, очень любил историю и литературу. Когда узнали, что он поступил на физический факультет университета, никто ничего не понял. «Иван Свиридов и физика? Вот это да!» Хотя, по правде сказать, ничего особенно удивительного в этом не было, потому что способности у Ивана были блестящие и разносторонние, но логики, по мнению Сергея, в поступках Ивана никогда не было. Не сказать, что он был кра-

савцем, но все же очень недурен: высокий, стройный, худощавый, темноволосый, девчонки на него заглядывались, а ему — хоть бы что. Между прочим, близкие друзья знали, что Иван очень силен, мышцы у него были, что называется, стальные и вынослив он был, что твой конь.

А потом эта дурацкая аспирантура — всегда на побегушках. Сергей знал, что если Иван что-то решил, то так и будет, даже если придется переплыть море или залезть в петлю. Это у него не отнимешь. Но вот что у него за цель, к чему он стремился — никто никогда понять не мог: ни учителя, ни его мать, ни друзья, ни позже коллеги по работе. Близких друзей, в том смысле, в котором это понимают старшеклассники, у Ивана никогда не было, хотя приятелей было много.

Прошло семь лет. Сергей уже имел собственный дом, любящую жену и двоих детей, очаровательных девочек. А у Ивана так и не было ничего — ни работы, ни денег, ни жены.

Друзья встретились в назначенном месте — у центрального гастронома и решили, как в школьные годы, выпить по бутылке вина на опушке леса, а заодно и поговорить.

Иван и Сергей, разговаривая, шли по той же тропинке. У каждого из них было в руках по бутылке вина. На Иване была та же желтая спортивная майка и просторные коричневые спортивные брюки, что и вчера. Говорил в основном Иван. Сергей, глядя себе под ноги, внимательно слушал. Аллеин не отходил от Сергея ни на шаг, чтобы не пропустить ни одного его чувства и мысли.

— Короче говоря, меня уволили, сократили, я остался без работы, а делать я ничего не умею, — ровным, спокойным голосом рассказывал Иван.

— Сколько тебе платили в институте? — спросил Сергей.

— Двенадцать тысяч.

— Сколько-сколько?!

— Двенадцать тысяч, — точно таким же тоном ответил Иван.

— Как же ты жил на эти деньги, дружище?

— Видишь ли, у меня весьма скромные потребности.

— Ты бы хоть рассказал, чем ты занимался все эти годы после университета?

— Как бы тебе объяснить? В общем, по мнению моих начальников, я сходил с ума. Еще в университете, мне тогда было лет семнадцать, в голову пришла идея, смысл которой в том, что процесс развития мира можно точно смоделировать, если правильно подобрать переменные для описания этого процесса. Идея не новая, новым является именно введение в уравнения переменных, отражающих зависимость физических процессов от информации, в том числе той, которой располагает человечество.

— Да, что-то уж больно мудрено. Давай-ка лучше приедем на травку да выпьем по сто пятьдесят.

Друзья устроились прямо на траве, уверенно выбили пробки из бутылок и приложились к их горлышкам. Утолив жажду, они продолжили свой разговор.

— Если я правильно тебя понял, человечество, познавая природу, меняет законы физики? — спросил Сергей.

— Да, представь себе, но они меняются не плавно, а дискретно, и зависимости там довольно сложные. Мир видится нам как огромное пространство, заполненное материей, а оказалось, он совсем не такой. Его совершенно невозможно описать в понятиях, привычных для нашего сознания.

— Без бутылки не разобраться, — сказал Сергей и вновь отхлебнул большой глоток. — Что-то вроде квантовой механики?

— Квантовая механика — аналог, с которым можно сравнить уровень понятий в моей механике. Но в моей механике все еще на несколько порядков абстрактней. Самое печальное, что для решения выведенных мной уравнений нет подходящего математического аппарата. Я начал его создавать, но пока не закончил. Если решать уравнения итеративно, то есть подбором, выяснилось, что даже самый современный суперкомпьютер будет решать эту систему уравнений сотни лет.

— Ладно Иван, с меня хватит, — решительно заключил Сергей и отхлебнул из бутылки. — Значит, ты ищешь работу?

— Да.

Иван лег на траву и, то и дело отхлебывая из бутылки, уставился на небо. Его лицо ничего не выражало, глаза смотрели в голубое небо через зеленый покров леса прямо и не шурясь.

— Если не найдешь подходящую работу, я предлагаю тебе стать моим компаньоном, — прервал, наконец, затянувшееся молчание Сергей. — Недавно я зарегистрировал фирму, собираюсь заниматься поставкой компьютеров и разработкой программного обеспечения к ним. Мне нужен кто-нибудь, кто бы разбирался в этом деле.

— Как ты собираешься этим заниматься, если по образованию ты строитель и, если я, конечно, не ошибаюсь, никогда ничем подобным не интересовался? — слегка, незаметно для Сергея, усмехнувшись, спросил Иван.

— • А у меня уже есть контракт на 250 миллионов, — спокойно ответил Сергей.

— Ничего себе заявка! Как тебе это удалось?

— • Бизнес есть бизнес. Я мало разбираюсь в компьютерах, совсем ничего не понимаю в программах, но зато очень хорошо разбираюсь в людях, которые распоряжаются большими деньгами, так что не беспокойся, все будет в самом лучшем виде.

Риикрой, который все это время находился в почтительном отдалении и тоже внимательно следил за Сергеем, потер руки: «Это, несомненно, наш человек. Вы обязательно выполните этот контракт... вместе с Иваном. А как же иначе? Разве могут отступать настоящие мужчины!»

— Спасибо за предложение, — ответил Иван. — Если смогу быть полезен, работать буду, хотя мне это будет очень трудно, голова забита не тем, чем надо.

— Голова у тебя забита тем, чем надо, я имею в виду мозги. Но за то, что сегодня есть в твоей голове, к сожалению, в нашей стране никто не платит и еще долго платить не будет, — усмехнувшись, сказал Сергей. — Хорошо здесь, так бы и сидел. Вань, а может, наберем винища, пойдем ко мне домой, посидим, поговорим, хоть до самого вечера, потом можно пойти к Светлане. Вечером у Светланы вечеринка, встреча однокашников, и меня пригласили. Поймишь Светлану? Пойдешь?

Предложение Сергея не вызвало у Ивана никакого интереса.

— Ты знаешь, мне не хочется. Кто там еще будет? — равнодушно спросил он.

— Наташа, Татьяна, Ольга, Наташин жених — преуспевающий банкир, может, еще кто, я не знаю.

Иван при имени Наташи улыбнулся. Он очень хорошо помнил ее. И это было особое воспоминание, никак не свя-

занное с его работой. Такие воспоминания появлялись в голове Ивана очень редко. Он, безусловно, выделял Наташу среди других женщин. С самого начала, с первой встречи он чувствовал в ней некую особенность, непохожесть на других. И эта особенность порождала в нем понимание и симпатии. Она для него была больше, чем просто Наташа — девушка, которая очень нравилась, и являлась воплощением какого-то древнего образа, который, кажется, родился вместе с ним. В его голове промчался поток мыслей: «Наташа была красавица, даже, пожалуй, вернее — редкая красавица. Когда она шла по улице, все парни оборачивались и смотрели ей вслед. А если Наташа входила в помещение, то многие находящиеся там мужчины непроизвольно вставали. И это было, когда ей было семнадцать. А какая она, интересно, сейчас?»

«Если мне удастся разогнать этого головотяпа на серьезное дело, мы с ним сделаем кучу денег, — так думал Сергей, предлагая Ивану работу. Что-то, а рисковать Сергей умел и любил и, надо сказать, ошибался очень редко. — И в этот раз не ошибусь, пусть говорят, что угодно, этот парень еще себя покажет», — думал Сергей, глядя на задумавшего приятеля. Риикрой мощно взмахнул крыльями и, набрав максимальную скорость, устремился к Сергею, чтобы занять его мозг, но в последний момент путь ему преградил Аллеин:

— Не смей!

Риикрой, зная, что сила не на его стороне, резко затормозил.

— Ладно-ладно, я пошутил. Я удаляюсь.

— Вот что, Риикрой, — сказал Аллеин, обнажив меч, — давай договоримся так: в подсознание Сергея не лезь и Наташу тоже не тронь. Я знаю, мне за тобой не уследить, мир слишком велик, но в отношении этих двух людей — я тебя предупреждаю. Пошады не будет. Их оставь в покое!

— Ну ладно, ты можешь спать, если хочешь, а я, пожалуй, пойду, — сказал Сергей, вставая и отряхиваясь. — Если надумаешь работать со мной — скажи, только не тяни, пожалуйста. В понедельник я должен уже знать твое решение.

— Хорошо, в понедельник мы поговорим, и, скорее всего, я соглашусь, мне только надо уладить кое-какие свои дела — и я буду весь в твоем распоряжении, — ответил Иван.

— Так ты остаешься? — спросил Сергей вставая.

— Да, я немного поброжу по лесу.

Сергей быстро пошел под гору, подпрыгивая на ходу. Иван дождался, когда Сергей скрылся за поворотом тропинки, встал и пошел вверх по склону. Он обогнул скалу, в которую упиралась тропинка, и продолжил подъем дальше. Еще минут двадцать ходьбы — и Иван вышел на вершину скалы, обрывающейся к реке. Эта была самая высокая скала на берегу реки. Далеко внизу росли сосны. Люди, шедшие по дороге, узкой лентой протянувшейся вдоль реки, казались маленькими букашками.

Иван забрался на самую вершину скалы и сел на камень. Скала была совсем голая, только в трещинах кое-где рос мох и какие-то беленькие, невзрачные цветочки. Именно сюда он любил приходить, когда учился в школе, это было его любимое место в окрестностях города.

Дорогу с этого места не было видно, она была скрыта за уступом. Внизу были только сосны и темно-синяя река, зажатая скалистыми берегами.

Иван достал из-под майки толстую тетрадь, завернутую в полиэтиленовый пакет, и положил ее перед собой. Он думал, неотрывно глядя на тетрадь: «Шесть лет непрерывного поиска и вот результат: задача до конца так и не решена, точное доказательное решение, как выяснилось, пока найти не удастся, и я никого не смог убедить, что искать это решение нужно. Эксперимент, доказывающий правильность подхода, может поставить лишь господь Бог, либо нужен такой компьютер, который бы смог смоделировать Систему, а его нет и скоро не будет. Сейчас у меня нет другого выхода, как отложить в сторону занятие наукой, потому что решение задачи зашло в тупик».

— Делать нечего. Полежи-ка пока здесь, в надежном месте, — сказал Иван вслух, взял тетрадь и направился к большому камню, лежащему неподалеку. Схватившись за край камня и напрягшись изо всех сил, так что в глазах забегали огненные искры, он немного приподнял камень и ногой толкнул под него лежащую рядом тетрадь. Поставив, опершись на камень руками и отдышавшись, Иван вытер выступивший пот и прошептал, как бы уговаривая кого-то:

— Лежи здесь, я приду за тобой, как только будет возможность продолжить работу. Вот я и уладил свои дела.

Сказав это, Иван пошел вниз по тропинке.

«Ну надо же, какие страсти, — рассмеялся Риикрой. — Отказался. Знал бы ты, от чего отказываешься». Аллеин промолчал..

4

Сергей, придя из лесу, пообедал и сел читать газеты, рубль опять начал падать, Центральный банк вновь повысил ставку, надежд на стабилизацию дефицита бюджета и замедление инфляции, судя по событиям в стране, не прибавилось.

Жена принесла кофе.

— Ты когда пойдешь на банкет? — спросила она, ловко вытирая тряпкой и без того чистый журнальный столик.

— К семи надо быть там.

— У Светланы?

— У Светланы. Юля где?

— На улице играет.

ты не боишься ее одну отпускать?

— Да ведь Машенька-то с ней. — Маша — это была старшая дочь. Ей было четыре, а младшей три.

— Из нашей Маши сторож, как из тебя прокурор.

— Я сказала ей играть у самого дома и никуда не ходить.

— Люда, — отбросив газету в сторону и пристально посмотрев на жену, с твердостью в голосе сказал Сергей, — детей без няни на улицу не выпускай, а няню предупреди — если узнаю, что дети были на улице без присмотра, тут же рассчитаю. Понятно?

— Понятно. Только почему — непонятно.

— Вон в соседнем городке цыгане мальчишку украли Слышала?

— Нет.

— Ну так что тут еще непонятного? Мы платим ей такие деньги именно потому, чтобы наши дети воспитывались дома, а не в цыганском таборе.

Настроение у Сергея было хуже некуда. Созданная им фирма «Легион *blü*», заплатив огромное количество взяток чиновникам, получила контракт на поставку оборудования и разработку программного обеспечения для банковской системы «Глобальная сеть». Оборудование уже всю шло со всего света. Вся проблема состояла в том, что побежденные, казалось бы, конкуренты не дремали. Совсем недавно, когда уже ничто не предвещало

никаких серьезных осложнений, из США, от фирмы владельца программного обеспечения, к заказчику пришло письмо, из которого следовало, что фирме известно о том, что предполагается использовать ее программное обеспечение для системы «Глобальная сеть» и что она не возражает, но за это надо заплатить всего-навсего пять миллионов долларов. В противном случае — международный арбитраж, санкции, в общем, вымажут в дерьме по самые уши. Сергей спокойно и уверенно объяснил заказчику, что «Легион Ид» не собирался и не собирается использовать чужое программное обеспечение, разрабатывается свое, оригинальное, и оно будет установлено в срок. Срок наступал через месяц, никакого понятия о том, что такое это «свое оригинальное», ни у Сергея, ни у его программистов, ни у консультантов, пытавшихся разобраться с трофейными текстами, не было. Они говорили, что все дело в одной сверхсложной программе, которая управляет работой всей сети. В тех текстах, которые удалось выкрасть, ее не было и быть не могло: это главный секрет фирмы-разработчика, и, по-видимому, единственный человек, который имеет тексты, — президент американской фирмы. Вот туда и лети, Сергей Михалыч!

Дело зашло слишком далеко и получило полную огласку. Слетает заместитель главы губернатора, «Легион Ъх!» прячет оставшиеся активы и объявляет себя банкротом, Сергей переквалифицируется в прорабы... Правда, у Сергея теперь появилась надежда на Ивана. Все-таки головной академический институт теоретической физики, это тебе не наши шарашкины конторы, чем черт не шутит, а вдруг он возьмется за это дело и что-нибудь сделает?

«Воистину, велик мой Господин! Нет предела его предусмотрительности и прозорливости. Утопающий хватается за соломинку, — подумал Риикрой. — Но Предвестник — не соломинка. Не переживай, Сергей, все будет о'кей!»

Сергей подошел к бару, достал бутылку водки, налил большой стакан, выпил и завалился на диван.

«И этот Ясницкий сюда приехал, поиздеваться, что ли? Нет, он за Натальей приехал, разведка уже доложила».

Наташа, взяв какой-то хитрый длительный отпуск без содержания, приехавшая из краевого центра ухаживать за больным отцом, подрабатывала в «Легион Ъх!», вела бухгалтерию и отчетность.

Наконец водка подействовала, Сергей расслабился и задремал.

Придя домой, Иван умылся и лег на ватный матрас, постеленный прямо на полу. Это была единственная мебель в его квартире.

Он немного полежал, уставившись в потолок, потом уснул и спал до самого вечера.

5

Аллеин решил вместе с Наташей навестить ее отца. Дело осложнялось тем, что приходилось постоянно следить и за Иваном, и за Сергеем, оберегая их от слуги Сатаны. Это было очень трудно, но Аллеин был один из самых могучих ангелов Бога и справлялся с этой задачей.

Василий Михайлович Петров умирал в больнице от рака. Вчера его из четырехместной палаты перевели в маленькую, одиночную палату, единственную одиночную палату на всем этаже больницы. Все больные знали, кому полагается такая привилегия.

Василий Михайлович уже несколько дней не спал и постоянно стонал от боли, потому что наркотиков Для обезболивания в больнице уже давно не было, ни одной ампулы и ни одного порошка, подмели все подчистую. Больные смеялись: «Хоть бы водку давали для обезболивания, что ли, раз ничего другого дать не можете». На это врачи отвечали: «У нас в больнице и на водку денег нет, а за нарушение режима выслем, терпите, дорогие». Ну и терпели, кто как мог, деваться все равно некуда, а надежда, как известно, умирает последней. У Петрова, мужественно боровшегося с болезнью, надежды уже совсем не осталось, он знал, что очень скоро, в ближайшие дни умрет.

Наташа через закрытую дверь слышала стон. Стонал отец, причем голос был как будто не его, а какого-то другого человека. Наташа медленно, осторожно открыла дверь.

Страшно исхудавшее небритое серое лицо отца было покрыто потом.

Наташа подошла и села на стул у изголовья кровати. Отец открыл глаза, повернул голову и, видимо напрягшись из последних сил, улыбнулся.

«Здравствуй, папа, я тебе помидоров принесла и минеральной воды», — хотела сказать Наташа заранее заготовленную фразу, но вместо этого она вдруг расплакалась.

Она взяла полотенце, вытерла лицо отца и прильнула своей щекой к его щеке. Теперь они плакали вместе.

Когда усталый, возбужденный отец, уважаемый инженер-ядерщик, приходил с работы, единственная и нежно любимая дочка всегда бежала его встречать, прыгала на шею, кричала: «Папа, папа пришел!» Потом они вместе садились ужинать, и этот порядок никогда не нарушался. В течение двадцати лет Петров знал, что его дома ждут: сначала ждала жена, потом дочь и жена, потом дочь. Так хотелось, чтобы это продолжалось бесконечно. И вот теперь дочь пришла сюда, в этот могильный склеп.

— Наташа, я хочу, чтобы ты забрала меня домой, не сегодня и не завтра, а, пожалуй, послезавтра. Обязательно заberi меня отсюда, хочу умереть дома.

— Ты что, папа. Как это, почему? Не надо так говорить.

— Наташенька, ты уже взрослая девочка и всегда была умницей, постарайся, соберись с силами. Все это надо пережить. Какой сегодня день?

— Воскресенье.

— В среду, самое позднее — в четверг я умру, поэтому сегодняшний наш разговор — последний. Завтра ко мне не приходи, послезавтра приходи вечером. Попроси своих друзей, чтобы помогли меня перенести домой. Я, скорее всего, уже буду без сознания, поэтому если ты что-то важное хочешь у меня спросить или сказать — спрашивай сейчас. Завещание я написал, да завещать-то мне кроме квартиры и машины нечего, такая вот жизнь у нас получилась.

— Да что ты, папа, не надо. Слушай меня лучше. — Наташа всегда советовалась с отцом, чем удивляла и сама себя, и знакомых. А она это делала потому, что сначала чувствовала, а потом знала, что отец, что-либо советуя ей, никогда не думал о себе, что будет ему от ее поступка:

стыдно ли, радостно ли, прибыльно или убыточно, он всегда думал о ней. — Папа, у меня два вопроса, слышишь?

— Говори, говори, я внимательно тебя слушаю.

— Мне сделал, точнее, сегодня сделает предложение тридцатилетний мужчина, порядочный и богатый. Что мне отвечать?

Отец сделал длинную паузу, чтобы перевести дух.

— Наташа, замужем ты будешь счастлива лишь тогда, когда будешь... — отец вдруг прервался и часто и сильно задышал, лицо его снова покрылось испариной, — когда будешь любить своего мужа. Больше я тебе ничего не могу сказать.

— Папочка, ну а как же жить-то одной?

Отец пристально посмотрел на нее.

— Кто тебе сказал, что ты будешь жить одна? Никогда ничего не делай, оглядываясь на то, что кто-то где-то говорит. Живи своим умом. Не забывай, что ты моя дочь. Займись интересным делом, стань независимой. Одна ты все равно не останешься, не беспокойся и не суетись... И не забудь родить внуку...

Тут по лицу отца пробежала судорога, он глубоко вздохнул и застонал. Видимо, он потерял сознание. Наташа вскочила и побежала за врачом. Врача найти не удалось, потому что было воскресенье. Медсестра зашла в палату, посмотрела на отца и сказала, что сделать ничего нельзя и что лучше идти домой, потому что отец скоро в сознание не придет.

Когда Петров потерял сознание, ему стало легко и спокойно, потому что боль исчезла. Ему было так хорошо, что он не хотел больше, чтобы сознание и боль возвращались. Ему казалось, что он уснул и видит сон, будто он с женой и маленькой дочкой на руках шагает на первомайской демонстрации, над ними реют красные транспаранты, звучит праздничный марш, а дочка теребит его за волосы и что-то спрашивает. И он отвечает ей: «Правда, доченька, мы самые счастливые, потому что живем в самой счастливой стране и потому, что все мы вместе». И дочка смеется и кричит: «Папа, папа, посмотри, сколько шаров летит!» И все смотрят в синее небо, где, словно бусины, рассыпаны разноцветные шары.

Отец улыбался. Наташа плакала. За дверью гудел пылесос. Как оказалось — это действительно был их последний разговор.

«Как жаль, что ее отец умирает,— подумал Аллеин.— Он бы был мне хорошим помощником».

6

В доме была абсолютная тишина, лишь изредка с расположенной метрах в ста магистрали доносились приглушенные звуки проезжающих автомобилей. Светлана, к половине седьмого закончив все приготовления, села в кресло, положила руки на подлокотники и закрыла глаза. Гулко пробили часы, звук долго блуждал по комнатам, пока не растворился где-то в закоулках пустого дома.

Родители ушли в гости полчаса назад. Отец, хмыкнув, сказал: «Я надеюсь, все обойдется без порчи ковров,— это был намек на прошлогоднюю встречу, когда мальчишки напились до беспамятства, а кого-то вырвало на красивый персидский ковер в отцовском кабинете.— Петровой прилет. Что не заходит?»

В голове было совершенно пусто. «Пришли бы Наташка и Сергей, видеть больше никого не хочу, пропади оно все пропадом,— думала Светлана.— Сейчас придется улыбаться, манерничать, разыгрывая из себя хозяйку дома, сводить, разводить, поддерживать разговор, выкаблучиваться перед этим Ясницким».

Светлана встала, включила музыку, проверила, достаточно ли охладилось шампанское в холодильнике, еще раз тщательно протерла бокалы и подошла к зеркалу.

На нее из зеркала умными серыми глазами смотрела девушка — блондинка с прямым красивым носом, пухлыми губами, прическа что надо, в ушах дорогие сережки, отцовский подарок к совершеннолетию.

— Не Петрова, конечно. Но Петрова — это Петрова, а вообще ничего, за первый сорт сойдешь,— и Света пошла накрывать стол.

Вчера опять приходил Ширшов. «Что с ним делать? И прогнать — тогда совсем со скуки умрешь. И оставить... Так надоел, проклятый, сил уже нет! Слишком уж безвкусно все как-то.— Света вздохнула и сутулилась, опустив плечи.— Прогоню, ей-Богу прогоню, буду заниматься теннисом, ходить в бассейн и читать „Анну Каренину“... мать ее...».

Света плюнула в сердцах и подошла к окну.

К дому подъехал белый «мерседес». Из него вышли трое мужчин: Ясницкий, Панин и еще кто-то, незнакомый, широкоплечий, в кожаной куртке. Пока Ясницкий стоял, разглядывая дом и сад, Панин что-то объяснял тому, незнакомому, потом «мерседес» отъехал, а Ясницкий с Паниным пошли к дому. Риикрой вошел в дом вместе с Ясницким.

— По городу Одессе, на белом «мерседесе»...— запела Светлана и пошла встречать гостей.— Заходите, очень рада вас видеть, Игорь Исаакович. Я не ошибаюсь? Максим Степанович! Можно просто Максим? Максим, вы наш, можно сказать, старый знакомый, возьмите на себя роль хозяина. Игорь Исаакович, вы курите? Сейчас принесу пепельницу.

Гости сели в кресла. Ясницкий стал внимательно разглядывать картины на стенах. Картины, как оценил Ясницкий, были недорогие, но подобраны с большим вкусом.

Раздался стук в дверь. Пришел улыбающийся, одетый в дорогой костюм Сергей. «Молодец»,— отметила Света. Часы пробили семь.

— Вы знакомы? — обратилась Света к Панину, прикинувшись невинной дурочкой.

— Знакомы, знакомы,— осмотрев Сергея с головы до ног, сказал Панин,— давно знакомы.

— Сергей Михайлович Малышев — мой школьный друг,— представила Сергея Света.

Ясницкий встал, вышел навстречу вошедшему в комнату Сергею, улыбнулся и протянул руку для приветствия. Сергей поздоровался, широко и доброжелательно улыбаясь:

— Очень рад с вами познакомиться, много слышал о вас. «Вот ты какой. Да, этот кости переломает, глазом не моргнет, и не крикнет,— глядя на Ясницкого снизу вверх, думал Сергей.— Надо попытаться сыграть роль так, чтобы он засомневался в себе. Я — победитель, и ничто не омрачает моего существования»,— дал он себе установку.

Света извинилась и пошла на кухню. «Пусть поизучают друг друга».

Мужчины закурили и стали разговаривать, как будто собрались именно затем, чтобы обсудить заранее оговоренные и очень их всех интересующие вопросы.

«Кто этот парень, как ему удалось обскакать меня, на чем его можно поймать?» — изучал Сергея Ясницкий, уверенно ведя беседу, меняя темы и выражая на лице сосредоточенность или повышенное внимание тогда, когда это было надо.

— ...Недвижимость — вот что будет у нас завтра на повестке дня. Я слышал, что вы уже успели построить дом? К тому же женат и двое малышей. Поздравляю, искренне поздравляю. А я вот в тридцать еще не сумел. Нет ни дома, ни семьи. — Сергей на какой-то момент опустил глаза и задержал взгляд на искрящемся разноцветными огоньками бокале. «Ага, — вот его пункт. Семья. Он любит свою семью», — тут же отметил Ясницкий.

«Зацепил, сволочь», — подумал Сергей и добродушно засмеялся:

— Вы знаете, мой отец говорил, что порядочный мужчина должен жениться не ранее двадцати семи, и я вот теперь думаю, что он был прав.

Пришли Ольга с Татьяной. Увидев незнакомых мужчин, они сначала смутились, но, к радости Светланы, быстро освоились и начали слегка кокетничать. Обе они были замужем и сегодня бесконечно счастливы, что удалось ненадолго сбежать от своих мужей и маленьких детей.

Раздался звонок в дверь. Света пошла открывать. Она вернулась и молча села на диван. Через некоторое время в комнату вошла Наташа и остановилась недалеко от входа, потом медленно обвела взглядом всех присутствующих, сделала короткую паузу, чуть-чуть развернула в сторону Ясницкого голову, блеснув огромными, черными глазами, и сказала:

— Здравствуйте.

Мужчины как по команде встали. Аллеин влетел в комнату следом за Наташей, увидел Риикроя, схватился было за меч, но, передумав, отошел в противоположный от Риикроя угол, напротив входа в комнату.

«Ну, Наташка, ну, зараза, что делает!» — подумала Света. «Какая же она красавица все-таки», — подумала Ольга. «Платье английское, — безошибочно определила Татьяна, — прическу делала сама, туфли, кажется, по тридцать пять. Косметика?..» Косметики не было. Татьяна, попробовала языком накрашенные губы и решила, что надо выйти и подкраситься, потому что сейчас зажгут электричество.

Сергей улыбнулся, а потом опустил взгляд и чуть накурился. «Неужели он ее увезет, неужели она пойдет на...? Был бы свободный миллиард, отдал бы ей и сказал: «Живи, Наташка, радуйся, только не продавай себя никому»» —

Ясницкий мыслил четко и радостно: «С такой женой мне никто не страшен, надо будет только пускать ее впереди себя. Красавица! Красавица...»

— Знакомьтесь, Петрова Наташа, моя подруга, — голосом диктора сказала Светлана, и все, зашумев, стали садиться. — Ну вот, наверное, больше никого не будет. Давайте чего-нибудь выпьем и поедим, — объявила Света.

Гости оживились. Женщины совершенно освоились. Мужчины, выпив немного, заулыбались, заблестели глазами.

Ясницкий подсел к Наташе. Он почувствовал чистый, легкий запах ее волос, у него закружилась голова. «Во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило, она должна быть моей», — пронеслось в его голове.

— Наташа, я очень рад вас видеть, я приехал сюда только ради вас. Знаю, что у вас тяжело болен отец, спасибо, что вы пришли. Я надеюсь, что сегодня мы с вами сможем поговорить, — тихо, но очень четко и внятно говорил Ясницкий.

Наташа внимательно слушала. За весь вечер она ни разу не улыбнулась и в основном молчала, лишь коротко отвечая на задаваемые ей вопросы.

Посмотрев сначала на усы Ясницкого, она подняла голову и, глядя ему прямо в глаза, тихо, так, чтобы никто больше не слышал, сказала:

— Игорь Исаакович, мы обязательно поговорим с вами обо всем, что вас интересует, и, возможно, даже сегодня. Если я сегодня не смогу ответить на ваши вопросы, мы, если вы пожелаете, продолжим разговор позже.

Ясницкий наклонил голову, дав понять, что он все понял и оценил, и сказал:

— Светлана, а танцевать будем?

Женщины хором заявили:

— Будем, будем!

Света включила медленную музыку, и мужчины стали приглашать дам. Пары постоянно менялись, только Сергей не танцевал, потому что все женщины были выше его. Он подсел к столу и то и дело наливал себе коньяк,

вздыхал, опрокидывал рюмку и закусывал лимоном. «Как этим бабам не надоест, дури, как у восемнадцатилетних. Ну и жопа же он», — в бессилии оценивал Сергей Ясницкого, танцевавшего с Наташей. Ясницкий загадочно и сосредоточенно улыбался и не сводил глаз с Наташи.

Решили сделать перерыв в танцах, зажгли верхний свет, расселись на свои места, заговорили о преимуществах одноэтажных домов типа Светино над квартирами в многоэтажных домах. Шуми сколько хочешь, хоть до утра, — никому не мешаешь.

Оживление достигло апогея: еще не слишком выпили, но уже потанцевали. Даже Наташа оживилась и, объединившись с подругами, энергично обсуждала цены на детскую одежду.

Вдруг раздался звонок в дверь. Разговор прервался, все замолчали. Наташа посмотрела на Светлану, та выразительно пожала плечами и пошла открывать.

Из коридора послышался приглушенный Светин голос, потом в комнату вошла озабоченная Света и высокий, широкоплечий, худощавый брюнет в коричневых брюках без стрелок, желтой спортивной майке и старых кроссовках. Это был Иван.

— Иван Свиридов, мы учились в одной школе, прошу любить и жаловать, — объявила Света. «Откуда же тебя черт принес, горе ты наше луковое», — думала она. — Садись, Ванечка, выпей, поешь чего-нибудь. Сколько же лет мы тебя не видели?

Иван стоял в проходе, будто бы не торопясь что-либо предпринимать, и осматривал присутствующих. Его коротко стриженная голова не двигалась и лицо ничего не выражало: ни приветствия, ни улыбки, ни рассеянности.

Все молча смотрели на него и чего-то ждали. Иван сильно изменился с тех пор, как уехал из города. Женщины отметили, что его лицо стало каким-то суровым. Наконец Иван, глядя на женщин, улыбнулся, и они сразу заулыбались, почувствовав, что это тот же их старый знакомый Иван Свиридов, с ясными глазами и детской всепокоряющей улыбкой.

Ясницкий с готовностью подвинулся на диване, освободив место.

— Садитесь, пожалуйста. Света, рюмку для Ивана.

Когда Иван сел за стол, Наташа, все это время не сводившая с него взгляда, тихо спросила:

— Откуда ты взялся, Иван? Сколько лет мы не виделись?

— Много лет мы не виделись, с того вечера встречи выпускников и не виделись. А теперь вот приехал и собираюсь жить в нашем городе. Работать буду в Серегиной фирме.

Ясницкий медленно повернулся и стал рассматривать Ивана, въедаясь в него взглядом.

— Чем ты занимался все это время, Ваня, почему не приезжал? — так же тихо спросила Наташа.

— Работал в институте теоретической физики.

— Над чем работал?

— Это неинтересно. — Он помолчал, потом продолжил: — Моделировал сложную управляющую систему. Очень сложную систему, такую сложную, что она оказалась мне не по силам, теперь буду работать за деньги. Сергей вот обещает, что можно хорошо зарабатывать.

«Этот парень опасен, на это надо реагировать», — на уровне подсознания молниеносно оценивал Ясницкий.

Риикрой с удовлетворением кивнул головой: «Молодец, этому и подсказывать ничего не надо».

— Максим, кто это? — спросил Ясницкий у Панина.

— Не знаю, ничего о нем не слышал.

— Иван, как вы считаете, возможно ли создать систему, управляющую всеми экономическими процессами в стране или даже в мире? — спросил Ясницкий.

— Экономическими процессами? — переспросил Иван.

— Да, экономическими процессами, — подтвердил Ясницкий.

— Возможно. Можно создать такую систему, но для этого надо задать в нее некоторые входные параметры, которые только и могут обеспечить ее работу.

— Какие это параметры?

— Надо лишить людей свободы распоряжаться полученной экономической информацией, передав право распоряжаться ею только управляющей системе. И обеспечить полный безналичный оборот денег.

— Но, по-моему, эта проблема разрешима, — как бы радостно заключил Ясницкий. Иван повернулся к нему, и их взгляды встретились. «Какой тяжелый взгляд, — подумал Ясницкий и опустил глаза. Он вдруг почувствовал, что сердцебиение участилось. — Черт возьми, этот парень очень опасен».

— Эта проблема, я считаю, может быть разрешена, но результат может быть совершенно неожиданный и, скорее всего, очень отрицательный, — тихо сказал Иван.

— Но почему? Когда человечество хочет, оно добивается. Уверен, что победим и СПИД, и рак, и сделаем управляемой термоядерную реакцию. Просто на все надо время, желание, ну и деньги.

— Мальчики! Ну, мы танцевать-то еще будем? Потом поговорите! — решительно сказала Татьяна и встала из-за стола.

Опять включили медленную музыку и убавили свет. Ясницкий сразу пригласил Наташу, Панин Свету. Сергей налил коньяку и выпил. Иван посидел немного и пригласил Ольгу.

— Как живешь, Оля? — спросил Иван. И Оле захотелось рассказать, как тяжело и скучно она живет в своей тесной двухкомнатной квартире, с занудой мужем и крикливым, вредным сынишкой.

— А... — махнула она рукой и вздохнула, потом подняла глаза, улыбнулась, изобразила лучистый взгляд и сказала: — Скучно, Ваня, работа, кухня, сад-огород — вот и вся жизнь, а по вечерам видики смотрим, знаешь, у нас теперь по городской программе каждый день видики показывают.

Ольга держала руки у Ивана на плечах. «Какой он большой, раньше я этого не замечала». Танец кончился, все танцующие остановились кто где стоял. Вновь заиграла музыка. Иван сказал: «Извини, Оля». И пошел к Ясницкому и Наташе, которые уже собирались продолжить танец, не прекращая разговор. Они постоянно о чем-то разговаривали во время танцев.

— Наташа, можно с тобой потанцевать? Извините, — обратился Иван к Ясницкому.

— Конечно, можно, Ваня, — ответила Наташа и повернулась к нему. Ясницкий вышел из комнаты.

Иван долго смотрел прямо в глаза Наташе, потом медленно опустил взгляд до полу и потом от кончиков туфель вверх как бы смерил ее, опять устремив свой взгляд в Наташины глаза.

Сердце у Ивана сделало сильный удар и потом забило, как мощный молот. Наташино лицо как бы светилось в темноте, а глаза были как черные окна в бездну. Иван ничего не думал, он только чувствовал что-то очень сильное и ему неведомое. Это было не похоже на

то, что он обычно чувствовал, увлекаясь женщиной. Наташа подошла к нему и мягко положила руки на плечи. Она опустила глаза и увидела, что там, где у Ивана сердце, майка слегка подпрыгивает. Она как бы нечаянно положила локоть ему на грудь и услышала, как бьется его сердце. У Наташи почему-то закружилась голова, и она прильнула к нему, как бы в танце, но он все стоял не двигаясь.

Аллеин покивал головой и глубоко вздохнул: «Да-да, конечно, все так и должно быть...»

— Давай танцевать, Ваня, — прошептала Наташа, и они, наконец, начали не совсем в такт музыке раскачиваться. Голова у Наташи по-прежнему кружилась, ей было хорошо и горько одновременно, но она гнала все мысли, а только говорила себе: «Ничего, ничего, все будет хорошо, все будет хорошо». За весь танец они не сказали ни одного слова.

Когда музыка кончилась, кто-то зажег свет. Все опять пошли к столу.

Иван, постояв немного, подошел к Свете и спросил: есть ли у нее какая-нибудь другая музыка и можно ли ему самому выбрать что-нибудь. Света показала, где лежат пластинки, и Иван начал их не торопясь перебирать. Наконец он что-то выбрал и сказал:

— А что, если нам потанцевать что-нибудь под ритм-и-блюз. Татьяна тут же с готовностью закричала:

— Правильно, давай попрыгаем!

Иван поставил пластинку — эта была какая-то старая вещь «КоШп§ Зсopez».

— Наташа, пошли танцевать, — решительно предложил Иван, сам выключил свет и включил световые эффекты. Комната наполнилась разноцветными всполохами светомызыки. Потом Иван еще раз подошел к проигрывателю и прибавил громкость. Мощные акустические колонки загудели так, что разговаривать стало невозможно, себя и то не слышно. В комнате был только рок-н-ролл. Ясницкий поморщился, никто не торопился идти танцевать.

Иван взял Наташу за руку, поставил перед собой и кивнул головой, как бы приглашая начать танец.

Вдруг Наташа ослепительно улыбнулась, сорвала заколку, резко трянула головой так, что ее волосы разлетелись в разные стороны, как от взрыва, и протянула руку, как бы приглашая Ивана разделить ее скрытую танцевальную страсть. Иван решительно взял ее за руку, и танец начался.

Сергей вдруг обнаружил, что рот у него открыт. Такого танца он не видел никогда, как это называется — сказать было невозможно, то ли рок-н-ролл, то ли танго. Наташа то скользила по полу, то замирала, делая это с непостижимым блеском. Иван? А его не было видно, все смотрели на нее. А она смотрела только на Ивана, смотрела, и улыбка не сходила с ее лица. Танцоры до последней клеточки были подчинены ритму, казалось, все пульсировало в такт музыке: свет, мысли, чувства, тела. Джаггер еще что-то кричал в микрофон, когда Сергей встал и закричал:

— Браво, ребята, браво!

Но его никто не слышал.

Когда началась соёа, Иван поднял Наташу на руки, а она обняла его и засмеялась. Все зааплодировали.

Выключили музыку.

— После вас, ребята, танцевать невозможно, — смеясь, сказал Ясницкий, — давайте-ка выпьем за нас, за удачу, за любовь, за вашу дружбу, однокашники. Хорошо, что вы хоть иногда собираетесь и вспоминаете друг о друге.

Все выпили. Только танцоры никак не могли отдышаться и поэтому только пригубили бокалы, они смотрели друг на друга и улыбались, глаза их сияли.

— Извините, ребята, — вдруг сказала Наташа, вставая, — мне пора домой.

Ясницкий тут же встал и сказал:

— Я вас провожу, Наташа, сейчас вызову машину и подвезу вас.

— Мне тоже пора, — сказал Панин, вставая.

Ясницкий вышел в прихожую звонить. Следом пошел Панин. Подойдя к входной двери, Ясницкий повернулся к Панину и прошептал:

— Ивана вышибить.

— Что?

— Ивана вышибить, сегодня же. Понял?

— Понял. А Малышев?

— Он сейчас не главный, с ним потом разберемся.

Риикрой улыбнулся Аллеину и развел руками, как бы говоря: «Ты же видишь, я здесь ни при чем...»

Вызвав автомобиль, Ясницкий вернулся в комнату. Ольга с Татьяной тоже засобирались домой, вечеринка расстроилась.

Иван сидел и молчал. К нему подсел Сергей.

— Не грусти, парень, все нормально.

Иван посмотрел на него:

— Что нормально?

Сергей на это промолчал.

— Когда встретимся и поговорим о деле?

— Завтра утром у меня дома. Покажу тебе всю документацию, какая есть и приглашу своих программистов.

— Хорошо, договорились, — кивнул головой Иван.

Подошла машина. Галантный Ясницкий, Панин и женщины вышли. Машина отъехала от дома, шурша колесами.

Иван встал, попрощался со Светой, Сергеем и быстро вышел.

Аллеин и Риикрой тоже покинули дом и полетели в разные стороны.

— Ну что, Светка, мы с тобой вдвоем остались. Давай-ка еще выпьем понемножку, — предложил Сергей. Света с готовностью плюхнулась на диван, подобрала ноги, налила полную рюмку коньяку и залпом выпила, потом еще одну и опять залпом. Сергей посмотрел, как она пьет, налил полный стакан и выпил. Вечеринка закончилась.

Когда в два часа ночи пришли родители, Светлана и Сергей, вдребезги пьяные, спали. Светлана сидела на диване, а Сергей лежал, положив ей голову на колени. Отец посмотрел, хмыкнул и, ничего не сказав, пошел спать в свой кабинет, отмахнувшись от жены, пытавшейся что-то ему предложить.

7

Когда отвезли Ольгу и Татьяну по домам, Ясницкий сказал шоферу:

— Провези нас по набережной, хочу посмотреть город, — и повернулся к Наташе. Она сидела неподвижно, глядя в окно на ночной город.

— Наташа, куда вас отвезти?

Наташа назвала адрес, продолжая смотреть в окно.

Ясницкий понял, что сегодня решающий разговор не состоится, и медленно отвернулся.

«Мерседес» подъехал к подъезду Наташиного дома. Ясницкий вышел, открыл дверь машины, выпуская Наташу. Наташа вышла и, повернувшись к Ясницкому, сказала:

— Игорь Исаакович, спасибо за вечер. Продолжить наш разговор сегодня для меня невозможно. Я прошу вас извинить меня. Звоните, — и она назвала номер своего телефона, — но не раньше следующего понедельника.

— Хорошо, я позвоню в понедельник, — сказал Ясницкий и, провожая Наташу до подъезда, открыл входную дверь. Потом, попрощавшись, вернулся, сел в машину и сказал: — Давай в город, ночевать будем дома.

«Мерседес» рванулся вперед и, повернув на набережную, помчался, выхватывая фарами из темноты силуэты деревьев. «С этой компанией мне придется встречаться еще не раз», — почему-то подумал Ясницкий, закурил и открыл окно.

— Гони, Федор, — сказал он шоферу и закрыл глаза.

Захлопнув дверь и не включая света, ей почему-то не хотелось яркого света, Наташа сняла туфли и прошла в свою комнату. В окно смотрела огромная, полная луна. «Ну вот, все и кончилось», — сказала про себя Наташа, но вспомнив, как Иван смотрел на нее, подумала: — А может, только начинается». Она долго сидела на постели, глядя кота. Кот, будто бы понимая, что хозяйку сейчас лучше не беспокоить, не мурчал и не тыкался носиком в руку, как он обычно делал, а только лежал и шевелил ушами, иногда поглядывая на Наташу глазами, в которых отражалась луна.

«Почему я такая спокойная, почему? — думала Наташа, лежа в постели и глядя в потолок. — Чего только сегодня не было, а как будто какой-то груз свалился с души. А, вот почему! Не надо ничего решать, все, наверное, решится само собой. Вот почему так спокойно». «Все правильно, милая моя Наташа, — подумал Аллеин. — Ты будешь делать все то, что необходимо, чтобы Иван не стал Предвестником, такова твоя судьба, и она прописана на небесах. В этом ты и найдешь свое успокоение».

«Завтра с утра надо попросить Сергея помочь забрать отца из больницы». Наташа вдруг обнаружила, что больше просить ей некого.

Уснуть не удавалось. Наташа вспоминала Ивана, и ей казалось, что она знала его всегда, и что все эти годы ждала именно его. «Что будет завтра? Как я буду жить те-

перь? — спрашивала у себя Наташа, не зная ответа. Под окнами промчалась „скорая“, рывкнув сиреной на повороте и осветив фиолетовыми бликами потолок комнаты. — Лучше ни о чем не думать», — решила Наташа и спрятала голову под подушку, этот прием она применяла с детства, когда долго не спалось. Наконец, придавив голову подушкой, она заснула.

Л

Иван вышел из дома, долго стоял во дворе и потом пошел не домой, а к реке, совсем в другую сторону. Ему хотелось куда-нибудь идти, все равно куда, а лучше бы бежать. Он быстро пошел по ночному городу и вскоре вышел на набережную реки. Набережная была абсолютно пустынна. Внизу чернела река, другого берега почти не было видно, только присмотревшись, можно было разглядеть чуть светлеющие на фоне черного неба силуэты гор на другом берегу. С верховьев реки дул прохладный ветер. Иван стоял и смотрел в темноту.

На душе у Ивана было беспокойно: «Слишком много событий для одного дня. А Наташа... Какая же она стала!» Сзади слышались звуки тормозящего автомобиля, хлопнули дверцы и слышались шаги. Шаги приближались.

Иван обернулся. К нему направлялось четверо мужчин. Все они были крупного сложения, крепкие, одеты все были в темное. Их лица хорошо можно было разглядеть в свете фонарей. Белокурый, кудрявый, с наглыми, холодными глазами быстро подошел к Ивану и, ничего не говоря, ударил его кулаком по скуле.

Кровь бросилась в голову, сердце рванулось, как будто хотело разорвать грудь, все мышцы напряглись, и Иван, отскочив в сторону, сделав огромный прыжок, развернулся в воздухе и ударил белокурого ногой по голове. Что было дальше, Иван не помнил.

А дальше была жестокая драка. Рэкетеры из банды Макара потом рассказывали Панину:

— Такого никогда не было. Разбегаясь, бьешь ногой в живот, чувствуешь, что все, достал, дальше некуда, а он встает и как сиганет, как врежет.

— Взял его за волосы, мордой об колено, а он вырвался, сука, и головой по яйцам, чтоб ему сдохнуть.

Иван ни секунды не стоял на месте; не чувствуя никакой боли, он уклонялся, бил, прыгал, катился по земле.

Риикрой все это время стоял неподалеку, скрестив руки на груди и с удовлетворением кивал головой. Аллеин был не в силах что-либо изменить, потому что вмешиваться прямым образом в дела людей ему было строжайше запрещено.

Сознание на миг вернулось к Ивану, когда он сидел верхом на здоровом, черном мужике и держал его за горло, тот хрипел, выкатив глаза. Иван размахнулся и ударил кулаком по глазу лежащего, но этого он уже не помнил.

Когда через пять минут Панин приехал принимать работу, он увидел, что дело еще далеко не сделано. Он остановился и стал смотреть. В это время двоим удалось схватить Ивана за руки, а один, это был тренер по боксу, изо всей силы бил его по голове, как будто отрабатывая разнообразные удары: прямой, сбоку снизу, укороченный: «Получай, падло». Четвертый катался по траве, схватившись за голову. Вдруг Иван зарычал, как зверь, вырвался, отбросив держащих его, и, сбив боксера с ног, с разбегу ударил его ногой, боксер больше не вставал. Двое замешкались, не зная, что дальше делать. Потом один достал из-за голенища нож, другой вытащил откуда-то цепь. «Надо было сразу так, боксеры сраные»,— подумал Панин.

Сознание опять вернулось к Ивану. Один гла ничего не видел, другой смотрел через затянутую красной пеленой щелочку. «Нож, цепь, двое»,— промелькнуло в голове, и он бросился вперед. Он почувствовал, что в живот входит что-то горячее. В это время другой, размахнувшись, ударил Ивана цепью по голове. В этот же момент Иван, свалив того, который воткнул в него нож, рванул голову противника за волосы назад и вцепился зубами ему в горло. Противник страшно захрипел, другой стал хлестать Ивана цепью, потом вдруг, оглядевшись по сторонам, побежал по набережной.

«Ни хрена себе»,— сказал Панин, вытащил из кармана газовый пистолет и побежал к борющимся. Впрочем, борьбы уже не было. Иван лежал, не двигаясь, на Кузьме, такая была кличка у этого бандита, и держал его зубами за горло.

Панин засунул ствол пистолета в рот Ивану и разжал зубы.

— Эй, мудила, сюда скорей,— позвал Панин, остановившегося с цепью.— Грузим эту падаль в машину и сматываемся, быстро, мать вашу...

Панин с помощником перетащили тела троих своих товарищей к машине, потом один, что с покусанным горлом, очухался и сам, хрипя и харкая, влез в машину. Тот, кому выбили глаз, только стонал, ничего не соображая и ни на что не реагируя, его затолкали в машину. Боксер же так и не очнулся, нокаут был полный. Его затолкали на переднее сиденье как мешок с картошкой.

— Как же так, вашу мать, налетчики, специалисты?! Отвожу сейчас же вас в Петровку, в баню и сидите там, пока не сдохнете или пока не отойдете. Врача завтра вам привезут. Я вас больше не знаю, говнюки проклятые.

— Тебе, Паня, надо было самому его замесить попробовать, а я бы на тебя посмотрел,— грубым, срывающимся голосом, как после сильного испуга, ответил тот, что был с цепью.— Мне теперь его рожа до смерти снится будет.

— Что на его роже может быть страшного? ... твою мать.

— Какого черта он улыбался?! Сволочь...

Подъехавшая шум драки милиция вызвала «скорую помощь», и автомобиль, гудя сиреной, помчался в больницу. Иван умирал, его дух собирался покинуть тело. Аллеин следовал за машиной.

Ивана подняли в реанимацию и положили на стол. Аллеин взлетел повыше, чтобы лучше видеть, что происходит в больнице.

Доктор Лапшин дремал в ординаторской, когда «скорая» привезла какого-то избитого парня.

— Александр Иванович, избитого привезли,— заглянула в ординаторскую дежурная медсестра.

Реаниматор Лапшин, покачиваясь и зевая, пошел смотреть поступившего.

Лапшин работал в реанимации больше десяти лет, но такого еще не видел. Только взглянув на лицо парня, он сразу хриплым, будто не своим голосом сказал:

— Маша, всех сюда, вызывай хирурга, невропатолога, окулиста, давай наркотики.

У парня не было лица, вместо него была сплошная рана с торчащими кусками мяса, тело было синее, мошонка разбита, ноги покрыты огромными синяками и кровоподтеками, на животе была повязка, сделанная врачами «скорой помощи», но он был жив, это точно, и его можно было спасти. Лапшин свое дело знал. Кто покойник, кто жилец, определял безошибочно. Этот парень — жилец. «Вот это мышцы, — с уважением подумал он, — неудивительно, что его не смогли убить. Это какой-то пулезаститный жилец из стальных канатов, а не мышцы».

- Откуда привезли?
- На набережной нашли.
- Тех, кто его избил, задержали?
- Нет.
- Пульс есть?
- Когда привезли, был.

Лапшин приложил ухо к груди.

— Маша! Дефибрилятор! Разряд! Еще!

В этот момент дух Ивана покинул тело, но Аллеин не последовал за ним, потому что не знал, каким путем можно доставить к Творцу дух свободного человека, он всю свою жизнь носил только души.

Работа закипела. На помощь никто не шел. Парню не повезло: было воскресенье, никого из врачей, кроме дежурного хирурга, найти не удалось, хотя, по правде говоря, никто никого особенно и не искал. Если по каждому поводу созывать команду, жизни у врачей совсем не будет.

- Инъекцию давай, черт возьми, где наркотики?!
- Нету!
- Давай морфий, у него шок!
- Чего вы кричите на меня, Александр Иванович, его уже месяц как нет, неужели не знаете?

Лапшин кинулся к телефону, звонить начальнику больницы.

— Валентина Ивановна, тут парень умирает, молодой... Нет, наш, городской... Смотрел, сам смотрел, — врал Лапшин. — Может где-нибудь есть? .. твою мать! — выругался Лапшин и бросил трубку.

Он подбежал к столу, парень не дышал, пульса не было.

— Мария, делай искусственное дыхание, я сейчас.

— Куда делать-то?

— Ну не в жопу же, что ты...

Мария, переборов отвращение, принялась делать искусственное дыхание, а Лапшин побежал в ординаторскую.

В ординаторской, в личном сейфе под двумя замками, Лапшин по секрету от всех держал собственные лекарства для особых случаев. Раньше он часто заглядывал в заветное отделение, но теперь — почти никогда, потому что лекарств совсем не стало. «Что я, Господь Бог, что ли, решать, кому жить, кому не жить». Рядом с коробочкой стояла двухсотграммовая бутылка со спиртом — тоже для особых случаев. Лапшин налил в стакан спирту, выпил, запил водой, отдышался, вытер выступившие от резкого спиртового удущья слезы, потом взял несколько ампул и бегом побежал в операционную.

Отдав медсестре ампулы, Лапшин принялся за работу. После нескольких инъекций и дефибриляции сердце у парня забилося.

— Пять минут, не больше. Фу... — сказал Лапшин, вздохнул и сел на стул. — Сиди здесь и следи, — сказал Лапшин помощнику. — Если сердце остановится — позовешь. Я подремлю в ординаторской. — И Лапшин медленной, шаркающей походкой отправился отдыхать. «Завтра утром надо ехать копать картошку, иначе — копец, начнутся дожди и все — урожай пропадет. Надо бы вздремнуть немного», — устраиваясь на кушетке, думал Лапшин.

Только он задремал, прибежала Маша:

— Александр Иванович, остановилось.

Лапшин вскочил и бросился в операционную.

— Стой, парень, ты куда, такую битву выдержал и собрался помирать. Ну-ка, дыши! — Лапшин изо всех сил ударил парня по щеке — это было последнее средство. — Дыши... твою мать!

Парень вдруг глубоко вздохнул, застонал и приоткрыл один глаз.

— Где я? — прошептал он.

— Где, где... В реанимации — вот где, — ответил Лапшин и вытер скатившуюся слезу. «Будет жить».

— Это лучше, чем любовь, доктор.

— Что?! • — Лапшин посмотрел на паховую область пациента.

— Где те парни, что с ними? — прошептал Иван.

— А хрен их знает. Ты спи давай, отдыхай, завтра поговорим.

Больше Лапшин не спал. Он сдал парня хирургам, которые занялись ножевой раной, и до утра сидел в ординаторской и пил из заветной бутылочки, думая о том, что так жить нельзя и что все равно он отсюда уйдет.

10

Боли не было, только очень сильно кружилась голова, как будто ее отделили от тела, положили в центрифугу и начали раскручивать. Внезапно кружение прекратилось, и Иван понял, что летит куда-то с огромной скоростью, он летел будто бы по какому-то извилистому тоннелю, но стен тоннеля не было видно. Вдруг тоннель закончился, раздался хлопок, вокруг вспыхнул свет.

Иван несколько раз перевернулся, как бы купаясь в окружающем его свете, потом опять полетел куда-то с еще большей скоростью. Он летел в сияющем пространстве, быстро удаляясь от какого-то темного, плавающего в нем острова. «Прощай»,— сказал Иван сам себе, хотя не понял, с чем и кем прощался.

Наконец темный островок исчез, движение вдруг прекратилось. Иван очутился в окружении света, как будто плыл в море, слегка покачиваясь на волнах. Вдруг ярко-желтый, прозрачный туман стал быстро рассеиваться, через него стала проступать чернота. Вскоре Иван оказался в Непроглядной тьме, по сравнению с которой тьма фотолаборатории или безлунной ночи кажется сумерками.

Иван подумал, что умер. Вокруг ничего не менялось и ничего не существовало, так продолжалось долго, очень долго. «Я есть»,— вот единственное, что Иван осознавал. Ивана охватил жуткий страх, что он навечно останется в таком состоянии. И когда, казалось, всякая надежда, что это состояние закончится, оставила Ивана, в этой абсолютной тишине вдруг раздался оглушительный звук, будто огромный орган выдал мощный гармоничный аккорд,

включив в него тона от субконтроктавы до самых высоких регистров, и после этого все вокруг вспыхнуло, как бы взорвалось. Тут же был взят новый аккорд, другой тональности, и все опять взорвалось — другим цветом, потом опять — и Иван вновь полетел куда-то.

Иван понял, что путешествие закончилось, когда увидел внизу ровную бело-голубую поверхность, она тянулась от края до края, куда хватало глаз, и на этой поверхности ничего не было. Она быстро приближалась. Иван испугался было, потому что подумал, что разобьется, но не разбился и, несмотря на большую скорость, с которой приближалась поверхность, упал плавно, потому что тело было легким, как перышко.

Иван встал и осмотрелся; везде, куда бы ни смотрел, было одно и то же: ровная, как зеркало, бело-голубая матовая поверхность. Посмотрел, отражается ли тело в этом зеркале и есть ли тень? Но ни тени, ни отражения не увидел.

«Что теперь делать? Куда идти?» — подумал Иван и пошел вперед. Горизонта не было видно, поверхность как бы уходила за горизонт в бесконечность, освещающая все пространство ровным, тускловатым светом. Вверху тоже был этот тускловатый свет и больше ничего. Иван шел и шел вперед, потеряв чувство времени и не осознавая, зачем и куда он идет.

И вдруг впереди, освещая голубую пустыню яркими оранжевыми лучами, прямо из поверхности стало всходить Солнце. Иван зажмурился, закрыв глаза ладонью, и остановился. Но потом, поняв, что может без труда смотреть на Солнце, убрал ладонь от глаз и вновь зашагал навстречу Солнцу.

Иван обрадовался: «Я не один здесь! Здесь есть Солнце. Как хорошо, как хорошо» — и побежал к светилу. Он быстро бежал навстречу Солнцу, не чувствуя усталости, будто силы его были безграничны, а мощь мускулов увеличилась во много раз. Солнце приближалось. Вскоре оно закрыло все перед ним. Иван остановился вблизи от Солнца и стал смотреть прямо в центр огромного, ослепительного шара. Он смотрел и ничего не видел, кроме света.

— Здравствуй,— сказал Иван.

— Приветствую тебя, Иван,— сказала Солнце. «Это не Солнце»,— пронеслось в голове. Голос шел как бы со всех сторон, минуя сознание.

— Подойди ближе, — сказал голос.

Иван медленно пошел к сиянию.

— Кто ты? — спросил Иван.

— Ты знаешь, кто я, — ответил голос.

— Ты — Бог. Я не знал, что ты есть, Господи, — сказал Иван и осторожно подошел к сиянию.

— Протяни руку, — услышал Иван голос и протянул руку. Рука, прикоснувшись к поверхности, вспыхнула, загоровшись ослепительным пламенем, но Иван ничего не почувствовал.

— Иди вперед, — властно сказал голос. Шагнув вперед, Иван очутился в темноте и закрыл глаза. — Смотри, — сказал голос. Иван открыл глаза. То, что увидел, описать невозможно, осталось чувство потрясения и восторга.

От Ивана во все стороны расходились лучи света, их было много, очень много, и каждый луч нес в себе бесконечное число образов. В одном он видел бегущие облака, среди которых парили прекрасные крылатые существа, в другом города, человеческие лица, деревья, животных — это Земля. Лучей было очень много. Иван долго разглядывал содержание каждого луча. Стоило ему сосредоточить свое внимание на каком-либо образе, как луч тут же приближал этот образ, увеличивая его до удобных для осмотра размеров. Много было такого, что ни понять, ни пересказать невозможно, для этого в земных языках нет определений. «А где я?» — спросил Иван себя сам. И увидел в земном луче, наполненном, кстати, еще звездами, галактиками, космической чернотой и миллиардами человеческих лиц, и себя, лежащего на столе. Вокруг него бегал врач в белом халате, наброшенном на голое тело. Верхние пуговицы халата расстегнулись, и волосатая грудь врача вздымалась от тяжелой работы, он давил руками Ивану на грудь и что-то кричал, но что он кричал — Ивану было неинтересно, а рядом стояла женщина тоже в белом халате и набирала из ампулы в шприц лекарство. Иван улыбнулся и отвел взгляд. А где Наташа? Луч тут же показал Наташу. Она сидела на разобранной постели в том же платье, в котором была на вечеринке, и смотрела на окно. На коленях у Наташи лежал большой черный кот, больше в комнате никого не было. А где Ясницкий? Ясницкий сидел в автомобиле, мчащемся на полной скорости по шоссе. «Я могу узнать, что он думает?» И тут же услышал голос Ясницкого:

— Надо срочно звонить в Бостон. Пора кончать с этим делом.

«А — неинтересно, — подумал Иван и отвел взгляд. — Что я еще могу увидеть? Все, — ответил он сам себе. — д ну-ка, как связаны между собой лучи?» И все образы тут же исчезли, и он увидел вместо лучей светящиеся спирали, исходящие как бы из него и закручивающиеся в пространство; спирали нигде не соприкасались, они колебались из стороны в сторону, уходя раструбами в бесконечность. Вот как решаются уравнения! Ивану сразу стало ясно, чего не хватало для решения Системы. Оказывается, все не так уж сложно! «Где же время?» — спросил он. И понял, что это глупый вопрос. Там, где он находился, времени не было.

Наконец, насмотревшись на все это, Иван закрыл глаза. Когда он их открыл, то снова увидел перед собой Солнце.

— Спасибо, Господи, — сказал Иван. — Что будет со мной?

— Ты должен узнать от меня нечто очень важное. Поэтому ты — здесь и именно поэтому вернешься к жизни, а не исчезнешь. Такова моя воля. И ты должен знать следующее. Я хочу, Иван, чтобы то, что будет сделано тобой, зависело только от твоей воли. Ты можешь доказать людям, что я — есть, для этого тебе придется создать инструмент творения и написать при помощи него Книгу бытия, такую же, как написал я. В мире, где ты живешь, есть люди, души которых принадлежат мне, они не свободны от моей воли, судьба каждого из них мне известна от рождения и до смерти. И волосы на их головах сочтены. И есть люди, свободные от моей воли. Они, вместе со всеми их делами и стремлениями, для меня просто не существуют, так же как и я для них. Так я создал ваш мир. Этот мир — суммарный результат деятельности свободных и несвободных людей. Ты, Иван, из свободных людей. То, что ты сделал, и то, что ты сделаешь, — это будет только твой выбор. Ты можешь стать как я, решив свою Систему, и можешь отказаться от этого. Но знай, я могу уничтожить мир, если инструментом, который ты можешь создать, попытается воспользоваться Сатана. Он хочет с помощью свободных от меня людей занять мое место. Ты можешь стать причиной Конца света и можешь стать спасителем мира. Вскоре ты получишь Лийил. Это мое перо, я создал его, чтобы писать свою Книгу, в которой записана судьба мира от сотворения и на вечные времена. Я дам тебе его для того,

чтобы ты принимал все свои решения, руководствуясь только своей волей, а не волей моего Врага, чтобы ты сделал в действительности свободный и правильный выбор. Твой выбор будет зависеть от того, насколько ты сможешь узнать себя за это короткое время. Ведь ты себя совсем не знаешь, Иван, также ты не знаешь мир, в котором живешь. Помни об этом. Лийил поможет тебе узнать о себе все, что ты хочешь, и совершить все, что пожелаешь. При помощи него ты можешь властвовать над своим воображением и над чувствами других людей. Лийил сотворен мной и предназначен для творчества, все, что будет создано тобой с его помощью, — это реальность. Свои приказы ему начинай и заканчивай словом «Лийил». Я не буду вмешиваться в твои дела и как-либо навязывать тебе свою волю. В путь, Иван.

— Почему ты не уничтожишь меня сейчас? Это проще, чем потом уничтожить весь мир!

" — Ты рассуждаешь, как свободный человек, Иван. Да, я могу все, но не все хочу.

Иван так растерялся, что ничего не смог спросить более.

— Повернись ко мне спиной, — услышал Иван приказ.

Он повиновался и опять увидел ту же поверхность, будто никакого Солнца и не было, но не стал оборачиваться, осознавая, что этого нельзя делать.

Его ноги оторвались от поверхности, и он медленно, потом все быстрее полетел вверх. Раздался аккорд органа, и вновь началось мелькание огненных пространств, потом чернота, потом длинные туннели.

Опять сильно закружилась голова, и Иван почувствовал сильную боль во всем теле, кто-то бил его по лицу и ругался. Иван попробовал открыть глаза, это не удалось, потом один глаз все же открылся, и он сквозь розовый туман увидел лицо мужчины в белой шапочке. Мужчина напряженно смотрел на него влажными глазами.

Когда хирурги закончили зашивать Ивану живот и все ушли из операционной, Аллеин материализовался, достал из складок своей одежды Лийил, который осветил комнату золотистым светом, и, вытянув руку, прикоснулся Лийилом к голове Ивана. Иван открыл глаза и увидел ангела в белоснежных одеждах, держащего золотистый, переливающийся гранями шар размером с крупный апельсин.

— Выздоровливай, Иван. Отныне ты становишься владельцем Лийила. Забрать его у тебя может только Бог, — сказал Аллеин и исчез.

Риикрой подождал, когда Аллеин удалится на безопасное расстояние, и устремился в подсознание Ивана. Страшная, неведомая сила отбросила Риикроя прочь. «Все, Лийил занял свое место. Все ставки сделаны, игра началась», — подумал Риикрой, потирая ушибленные места.

II

Как обычно, утром в понедельник в хирургическом корпусе началась так называемая пятиминутка, которая продолжалась час-полтора. Говорили, как всегда, в основном о том, что лечить нечем, кормить больных нечем, оперировать не в чем и вообще: «Давай закроемся, стыдно же, да и опасно к тому же».

Лапшин, за всю ночь не сомкнувший глаз, задремал. Проснулся он от толчка в бок.

— Эй, проснись, о твоём говорят, — шипел на ухо сосед хирург.

— Что? — вздрогнул Лапшин и открыл глаза.

— Твой избитый очухался и пытался утром встать.

Докладывал хирург, зашивавший живот Ивану. Он говорил, что парню очень повезло: ни одного разрыва, ни одного перелома, рана не смертельная и, похоже, сильное сотрясение мозга.

— У этого парня все сделано со стократным запасом, как в автомобиле «Победа», — добавил он.

«Победитель чертов», — подумал Лапшин и опять уронил голову на грудь.

"У>^от" все на сегодня, — сказал заведующий. — Лапшин, после планерки заходи ко мне.

Усевшись в кресло и не пригласив сестру Лапшина, заведующий, сурово глядя мимо него в сторону, грозно ска-

— Ты что ему колот?

— Кому?

Кому-кому — этому, как его... избитому, черт возьми!

— А что?

— А ничего! Ты не прикидывайся. Крадете, а потом ливаете кому попало!

Кровь бросилась в голову Лапшину. Дыхание перехватило, и он сел.

— Если еще раз повторится, смотри мне, — сбавив тон, сказал заведующий.

— Не повторится, вчера последнее влил, — вздохнул Лапшин и подумал: «Нет, надо уходить. Куда угодно!» Лапшин встал, лицо его побледнело. Он быстро вышел и направился в ординаторскую пить валидол.

Все это время Иван боролся с болью. Теперь болело везде, сильнее, слабее, но везде: ноги, руки, грудь, спина; в животе огонь, лицо как будто щипали раскаленными щипцами. Но особенно болела голова, его тошнило, и иногда он чуть не терял сознание. Было очень плохо. Но хуже всего было то, что Ивана охватил страх, страх смерти, ранее ему неведомый. Он очень боялся, что умрет и окажется в том пространстве без света и звуков, в котором был, прежде чем увидел Бога.

12

Проснувшись, Сергей обнаружил себя лежащим на диване в чужой квартире. «Где я? А... у Светки. Ничего себе. Вот это я дал! — Голова почему-то не болела. — Что же это я, — думал Сергей, — стыдно-то как. Как ж это я так надрался?» Сергей встал, поправил галету посмотрел на себя в зеркало, причесался и пошел в прихожую.

— Доброе утро, — сказал Сергей Светкиному отцу, который надевал ботинки, видимо, собираясь уходить.

— Доброе, доброе, — усмехнулся отец. — Ну, как здоровье?

— Да ничего, спасибо. Вы извините, что-то я вчера не рассчитал силы.

— М-да. Как дела? Как фирма? Строите что-нибудь? — взявшись за ручку двери, спросил Михаил Степанович, так звали Светинога отца.

— Нету той фирмы.

— А что?

— Не выжили.

— Ну и чем теперь занимаешься? Торгуешь, поди?

— Торгую помаленьку, — ответил Сергей.

— Ну, ну... — сказал себе под нос отец и вышел.

Постояв немного в прихожей, думая, что же ему делать, Сергей решил, что Света, наверное, спит, ее мать ушла на работу и поэтому прощаться ему не с кем: можно сваливать по-английски.

Дома были дочки и няня, жена ушла на работу. Сергей отпустил няню до обеда, потому что идти никуда не собирался, решив повозиться с девочками, — это было его любимое занятие. Пока он играл с ними, в голову не лезли назойливые мысли о ценах, заказчиках, контрактах, рэкетирах и прочих атрибутах его нынешней деятельности.

Раздался телефонный звонок. Юлия, младшая дочка, соскочила с колен и принесла радиотелефон — это была ее обязанность по дому, которую она добровольно на себя взяла и неукоснительно выполняла. Звонила Наташа. Ни слова не сказав о вчерашней вечеринке, она попросила Сергея помочь привезти из больницы отца. Договорились встретиться у входа в больницу в 17-00.

Дом был гордостью Сергея, и не только потому, что он был большой, красивый и удобный, а потому, что он был построен по его собственному, совершенно оригинальному проекту. Только специалист мог оценить все те новшества в конструкции и технологии возведения, которые были применены при строительстве дома. Точные расчеты, которые произвел сам Сергей, позволили сэкономить много материалов и денег, сделав несущую систему стен и балок очень конструктивной и простой. «Жаль, очень жаль, что не удалось продолжить это дело. Вот страна дураков! — думал Сергей. — Удивительное рядом! Дом в полтора раза дешевле типового, а строят все те же крупнопанельные. Конкурента нашли. А, что теперь, только душу травить, — подумал Сергей, похлопав аккуратно выложенную из лицевого кирпича стену, в которую был вмонтирован камин. — Ничего, пробьемся».

Сергей прошел в кабинет, устроился поудобнее в кресле, закинул ноги на журнальный столик и принялся зво-

нить. С Украины шла крупная партия сахара. Таможню преодолели, дав в лапу. Это семьсот тысяч навару. Китайское баракло сбрасываем по дешевке, иначе прогорим. «Эту непроходимую дуру с ее заявками на самостоятельность в принятии решений — увольняй! Как? Сделай акт ревизии, я подпишу». И в том же духе. И так далее. Все вроде в порядке.

Сергей положил, наконец, трубку телефона и сказал вслух самому себе:

— А ведь еще немного — и это тебе очень надоест, парень. «И придется заниматься тем же самым, но уже совершенно без всякого вдохновения, — уже про себя добавил Сергей. — Нанять управляющего, что ли, и поехать с женой в какой-нибудь круиз вокруг Европы? Хотя нет, сейчас баксов маловато».

Честно говоря, в последнее время дела у Сергея шли неважно. «Это потому, что вкалываю мало, совсем обленился, — думал Сергей. — Эх, довести бы до конца эту идею с „Легион 1дѐ“». Сергей опять взялся за трубку телефона.

— Ну, как дела, дорогой? — спросил Сергей у своего ведущего программиста. — Ты не мямли, а скажи коротко и ясно: надежда есть или нет? Да или нет?! Нет. Никакой! Никакой. Ну вот, наконец, я от тебя добился определенности, и то слава Богу. Я знаю, знаю, что вы не «Юнайте Системз». Ладно, можете через неделю все сваливать в отпуск. Все, до вечера.

Надежды не было. Парни, а это были самые лучшие специалисты, которых только удалось найти в крае, сломали зубы о проблему, даже не поняв принципа, как работает эта программа. «Вот же влип... твою мать, — злился Сергей. — Ладно, все, будем готовить отступление. — И тут же поправился: — Какое там отступление? Бегство, провал!»

Все-таки похмелье сказывалось. Начала болеть голова. Сергей проглотил таблетку от головной боли, потом пошел вниз, посмотрел, чем заняты девочки, и прилег на диван.

Его разбудил телефонный звонок. Звонила Светлана.

— Иван в реанимации, — как молотом ударило по голове.

— Когда попал?

— Сегодня ночью.

— • Все понял. Спасибо, что позвонила, еду.

Сергей положил трубку. «Это Панин, сука, его работа. Зачем? Ясницкий... Все — это война. Началось», — сжав зубы, подумал Сергей.

Как раз в это время пришла няня кормить девочек обедом. Сергей сел в свою «девятку» и поехал в хирургию.

13

Ивану приснился сон: он идет по дороге под сильным ливнем. Дорога уходит куда-то вверх, и чем выше поднимается по этой дороге Иван, тем сильнее льет дождь. Потоки воды льются с небес как водопад, но шума не слышно, все происходит в абсолютной тишине. Ввысь не посмотреть, потому что глаза заливают водой. Под ногами скользкая, раскисшая глина. Иван идет вверх, то и дело поскальзываясь и падая в грязь. И вот под ногами уже только вода. Иван идет, как по бескрайнему морю, вспененному струями дождя. Вода быстро поднимается. Скоро идти стало невозможно, воды продолжают прибывать. Иван понимает, что его вот-вот накроет с головой. Набежавшая волна накрыла его, стало нечем дышать. Иван закричал и проснулся.

Он открыл глаза и увидел, что находится в той же комнате, а рядом с ним стоит девушка в белом халате. Это была медсестра Ольга. Кроме них в палате никого не было.

— Сейчас я вам сделаю укол, и вы опять уснете.

— Я не хочу больше спать.

— Очень болит?

— Нет, не очень, вполне терпимо.

— Вы сейчас кричали.

— Это не от боли, сон плохой приснился.

— Ну хорошо, лежите, если станет плохо — позовите. Я буду за вами приглядывать.

Боль терзала все тело, но голова не болела. «Хорошо. Надо попробовать вспомнить все, что со мной было, и попытаться понять, что же все-таки произошло». За годы напряженных размышлений Иван сумел так дисциплинировать свой мозг, что тот работал у него, как мощная логическая машина по выработанным самим Иваном правилам. Когда Иван думал над решением какой-нибудь

проблемы, то мысли его не путались, не уходили в сторону, он не нырял в подсознание за новыми идеями. Он просто долго, порой сутками, почти без сна, напряженно думал, перебирая варианты решений, причем особенностью было то, что он мог думать о многих вариантах решения одновременно.

Иван внес в уравнения изменения и стал производить анализ своей Системы с учетом этих изменений. На это ушло несколько часов напряженной работы. Иван забыл о боли, о том, где он находится. Он ни разу не отвлекся и не остановил поток мыслей. Иван лежал и смотрел в потолок и иногда ненадолго закрывал глаза — когда начинало тошнить. Несколько раз подходила Ольга — узнать, как он себя чувствует. Иван улыбался и отвечал, что чувствует себя нормально.

Точно решить Систему, то есть решить ее так, чтобы можно было любому специалисту доказать, что она решена строго, Иван, разумеется, не мог, но приблизительные решения — в пределах: будет — не будет, возможно — невозможно — он мог получить и без компьютера. Решения, которые Иван получил, привели его сознание в трепет. Все вдруг как бы застыло в мозгу, все мысли остановились, остекленев. Ивана впервые в жизни охватил восторг, похожий на тот, который охватывает человека, получившего откровение. Проверять решение было не нужно, ошибки быть не могло. Сам факт, что Система имеет решение, был доказательством того, что она составлена верно и что внесенные в нее изменения — как раз те единственно возможные, которые и нужно было в нее внести.

Решение Системы однозначно говорило о следующем: Бог необходим, потому что без него Система пространств существовать не может. Но не это было для Ивана главным, не это его потрясло. Связь между Богом и человеком тоже необходима, пока мир существует. Человеческая душа, переносящая информацию от Бога к человеку и обратно, как оказалось, принадлежит не человеку, а Богу. Из решения однозначно следовало, что количество душ у Бога ограничено, значит, душа есть не у каждого человека. Бог ее дает, Он же и забирает к себе, когда человек умирает, чтобы передать другому человеку. И есть место, особое хранилище, где записана вся программа творения. Вот оно — это место! Книга Бога! Иван мысленно ткнул пальцем в свою Систему. И самое главное: при определенном

уровне информации в Системе она или уничтожалась, или У нее менялся Бог. Все, что говорил ему Бог, подтверждалось полностью!

Иван позвал Ольгу и попросил у нее пить. Ольга принесла стакан воды и, наклонившись, поднесла его к губам Ивана. Иван увидел, что под халатом у Ольги ничего нет. Иван смотрел на Ольгу и видел нежную, матовую кожу под белой, накрахмаленной тканью и чувствовал запах свежести. «Почему она так ходит? — подумал Иван и посмотрел Ольге в глаза. — Красивая женщина, трудно смотреть на нее, такую, без волнения». Иван усмехнулся и невольно оценил свое нынешнее состояние. Никакого волнения он не чувствовал. Ольга поправила подушку и простыню и вышла.

«Теперь можно провести эксперимент, формально подтверждающий сделанные выводы», — подумал Иван. Он поднял руку и прошептал:

— Лийил, хочу увидеть тебя, Лийил.

На руке у него возник переливающийся бесчисленными гранями шар. Тяжести Иван не почувствовал. Он поднес шар к глазам и стал рассматривать его. Грани на поверхности шара постоянно появлялись и исчезали. Иван долго смотрел на шар, как зачарованный. Иван услышал в коридоре чьи-то быстрые шаги.

— Лийил, возвратись в меня, Лийил, — сказал Иван, и Лийил тут же исчез.

В дверном проеме показалась Ольга. Она быстро оглядела комнату и спросила:

— Иван, ты не видел, что-то сверкнуло?

— Нет, я ничего не видел.

— Странно, во второй раз уже, — пожала Ольга плечами и ушла. «Итак, ничего это не бред, — сказал себе Иван, — а я и сразу знал, что все это произошло на самом деле. Значит, Бог через этого ангела вручил мне обещанный Лийил. Слушай-ка, — обратился Иван сам к себе, — но у меня-то души нет... Меня-то в Его Книге — нет. Я-то — не бесмертен. И это — точно...»

Иван застонал как от боли, но это была не физическая боль, а гораздо худшая — боль, от которой нет лекарств и которая не проходит.

Аллеин кивнул головой и сказал: «Если бы я мог тебя пожалеть, то пожалел бы. Но как я могу жалеть Предвестника?»

Риикрой ворвался в пределы своего патрона и доложил:

— Господин, срочное донесение: Иван получил Лийил! Сатана удовлетворенно кивнул:
— Значит, Риикрой, тебе предстоит в ближайшее время встреча с Иваном.

— О чем мне с ним говорить и какие у меня полномочия? — поинтересовался Риикрой.

Сатана задумался на мгновение, что-то прикидывая в уме, потом произнес:

— Твоя задача — только передать ему мое приглашение. Вряд ли он от него откажется. А что он сейчас делает?

— Лежит, думает, — усмехнулся Риикрой. — Он опять погрузился в анализ своей Системы. Что все это значит, мой Господин?

— Это значит, что на Землю явился Предвестник, или Антихрист, настоящий, почти хрестоматийный, и скоро мы увидим его в блеске славы. А что будет потом — этого не знает сейчас никто. Никто! — с торжеством констатировал Сатана.

14

Вскоре Ивана уже перевели в общую палату. Его состояние не вызывало у врачей тревоги. Иван выздоравливал необыкновенно быстро. «Удивительно сильный организм», — говорили врачи. «На этом парне все зарастает, как на собаке», — так охарактеризовал Лапшин перспективу выздоровления Ивана, забежав на минутку взглянуть на своего пациента. Когда Лапшин спускался по лестнице, ему навстречу попался Сергей. Лапшин и Малышев были знакомы. Как, вероятно, Лапшину была знакома половина жителей города.

— Здорово, Александр Петрович.

— Здорово, Сергей. Ты к кому?

— К Свиридову. Как он?

— Нормально, никакой опасности нет. Лицо хорошо зашили. Вот только сотрясение сильное, но ничего, полегит, отойдет.

— Петрович, проводи меня к нему, если не очень спешишь.

— Пойдем, — согласился Лапшин.

Иван лежал на кровати и смотрел одним глазом в окно. Кроме него в палате были еще трое: какой-то по-

стоянно кашляющий, худой, как мощи, старик, жирный, лысый мужчина с перебинтованной рукой и мальчик лет двенадцати, смотревший на входящих жалобными глазами.

— Здравствуй, Иван. Как себя чувствуешь? — спросил Сергей, пристально глядя на лицо Ивана.

Иван повернул голову и прошептал, едва шевеля губами:

— Ты знаешь, почти нормально, только разговаривать громко нельзя, чтобы швы не разошлись.

— Кто тебя так? Ты запомнил их лица?

— Одного запомнил.

— Блондин, брюнет?

— Блондин.

— Волосы кудрявые?

— Да.

— Ясно. — Это был Куров. Всех городских ракетиров и «крутых» ребят Сергей знал наперечет. — Ладно, Иван, с ними мы чуть позже разберемся. Как же они тебя отделали! Ну ничего, Александр Петрович говорит, что скоро ты будешь, как огурец.

— Сергей, за что это они меня так?

— Ты слишком вразумительно говорил о математических моделях, кое-кому это не понравилось, да ты еще имел неосторожность сказать, что будешь работать на меня.

— Ах, вот оно что... — Сергей увидел, что глаз Ивана сверкнул недобрый огнем. — Сергей, — прошептал Иван, — вытащи меня отсюда.

— Зачем?! Ты что, с ума сошел? Лежи давай, выздоравливай.

— А как же наше дело?

— Какое дело?

— Управляющая система для банков.

— Там все уже завяло.

— Почему?

— Потому что никто из моих ребят даже не знает, как к этой работе подступиться. В общем, я поставил на этом Деле крест. Выздоровливай, что-нибудь другое найдем.

— Сергей, мы решим эту задачу в срок. Забери меня отсюда.

Лапшин стоял рядом и слушал.

— Нет-нет, тебе надо еще не меньше месяца здесь лежать. И не думай даже выписываться раньше, — сказал Лапшин.

Иван посмотрел на Лапшина. «Это лицо я тогда видел», — подумал он,

— Доктор, мне надо завтра же быть дома, обязательно, во что бы то ни стало. Я не согласен здесь оставаться, и ни за что не останусь, — шептал Иван.

Сергей посмотрел на Лапшина:

— Александр Петрович, пойдем поговорим. — Лапшин с Сергеем вышли в коридор. — Александр Петрович, его надо отсюда забрать.

— Сергей, не дури, не надо забирать.

— Александр Петрович, дорогой, я знаю этого парня давно. Если он сказал, что не останется здесь, он здесь лежать не будет, это бесполезно.

«А может, и не будет, — подумал Лапшин, — с этого станется». Сергей, заметив в глазах Лапшина тень сомнения, продолжал шепотом:

— Триста из рук в руки за лечение на дому.

— Ему не лечение, а покой нужен и присмотр, — так же шепотом ответил Лапшин.

— Тогда за присмотр.

Названная сумма равнялась двухмесячной зарплате Лапшина с учетом всех доплат за дежурства. «Ой, втянут меня эти парни в нехорошее дело, — соображал Лапшин, — но сумма-то о-го-го...» Как они нужны были сейчас, эти деньги!

— Ладно, подожди, я посмотрю его медицинскую карту, потом поговорим.

Лапшин ушел. Вернувшись, он сказал:

— Сейчас.

И направился в палату.

— Парень, — шептал он Ивану, пристально глядя в его глаз, — зачем тебе это? Объясни, пожалуйста.

— Александр Петрович, у меня нет времени здесь лежать. Если я здесь останусь, то сойду от безделья и ожидания. Меня чуть не убили для того, чтобы я не смог помочь Сергею. Но они меня плохо знают, сволочи... Еще не родился человек, который бы заставил меня отступить. Отпусти, пожалуйста, не могу я ждать.

Риикрой едва сдерживал свой восторг. «Полечу, обрадую хозяина!» — подумал он и вылетел прямо через перекрытие.

«Да, характер у этого парня несгибаемый. Что ж, тут нет ничего удивительного. Иначе бы он не стал Предвестником», — подумал Аллеин.

— Но ты же все равно недели две-три, при любых обстоятельствах, ходить не сможешь, у тебя голова будет кружиться.

— А мне и не надо ходить. Я буду лежать дома и заниматься тем, чем я должен заниматься.

— Да ты соображать-то не сможешь, тебе сейчас надо спать двадцать часов в сутки, а лучше тридцать.

— Доктор, отпустите меня.

• — Да не могу я тебя отпустить, не имею права, — шептал Лапшин, думая про себя: «А, ладно, раз ему так надо... В общем, если нельзя, но очень хочется — то можно». — Лежи, сейчас друга твоего позову, — сказал Лапшин и пошел к Сергею. — Сергей, у тебя есть только один способ его забрать — выкрасть.

— Когда это лучше сделать?

— В общем, так, завтра ночью я дежурю. Если у парня все будет хорошо, я звоню тебе, ты приезжаешь часов в двенадцать с носилками и помощниками — в белых халатах. Я созываю медсестер на торт в честь чего-нибудь. В это время вы его вытаскиваете. Если попадетесь по дороге, я вас не знаю.

— Договорились, — Сергей кивнул головой. — Долг передам сегодня вечером.

Сергей зашел в палату и сказал Ивану:

— Завтра в двенадцать ночи я тебя отсюда утащу.

— Готовь документацию, компьютер помощней и ничего не бери в голову: я в порядке, — ответил Иван и закрыл глаз.

— Ну ладно, до завтра.

Время подходило к пяти. Подождав немного на улице около больницы, Сергей увидел Наташу. Наташа была в джинсах и просторной белой блузке, волосы аккуратно подобраны в толстый, перевязанный красной шерстяной веревочкой жгут. Сергей внимательно посмотрел на нее:

— Ну, как вчера?

— Уснуть не могла долго, тревожно как-то, — глядя Сергею прямо в глаза, ответила Наташа. — Ты знаешь, что Ивана вчера избили и он попал в реанимацию?

— Знаю, Света звонила.

— Как он? Ты его видел?

— Видел. Жизнь вне опасности.

— Слава Богу, — прошептала как бы сама себе Наташа и опустила голову. — Сережа, пошли к отцу.

То, что Сергей увидел, было страшно. Ему еще никогда не приходилось видеть умирающих от рака. Наташин отец был весь серый, лицо его было почти невозможно узнать — это было лицо покойника, но покойник прерывисто, со свистом дышал. Санитары положили отца на носилки и вынесли из здания. Носилки погрузили в «скорую». Наташа поехала в «скорой», а Сергей следом на своей машине. «Бедная Наташа, ну и достается же ей», — думал он.

Санитары занесли носилки в квартиру и переложили отца на разобранную заранее постель. Наташа накрыла отца одеялом и села на стул у изголовья. Санитары вышли.

— Все, Сереженька, спасибо, иди. — Сергей стоял. — Иди, иди, если что, я тебе позвоню.

— Как ты одна, Наташа?

— Ничего. Я не боюсь. До свидания, Сергей.

Сергей опустил голову и вышел.

ГЛАВА   ВТОРАЯ

1

Дыхание отца замедлилось, он зашевелил пальцами, как бы стараясь подтянуть одеяло, веки приоткрылись, но Наташа не увидела глаз, вместо глаз были белки без зрачков. Отец захрипел, напрягся, потянулся и вдруг, будто затратив последние силы, обмяк, опустил веки и опять быстро, прерывисто задышал. Наташа поняла, что отец почувствовал, а может даже понял, что он дома, в своей постели, что его дочь рядом, и он что-то хотел сказать. «Что он хотел сказать? Наверное, что-то важное, но, видимо, это ему уже не удастся», — поняла Наташа. Она не плакала, и мысли ее не метались, она со всей ясностью поняла, что сегодня, возможно очень скоро, отец умрет, и вместо него будет что-то чужое, чему уже ничего нельзя будет сказать.

— Папочка, ты меня слышишь? — Наташа прикоснулась к лицу отца и смотрела на него так, словно взглядом хотела вернуть ему сознание. — Это я, Наташа. Папочка, я очень люблю тебя и буду любить тебя всегда. — Наташа потеряла самообладание, и слезы побежали из глаз. — Ты прости меня.

Отец так же прерывисто, с паузами между странными, короткими вздохами, дышал.

Наташа зажмурилась, борясь со слезами, и вдруг тихо запела. Она плакала и пела старинную народную песню, которую очень любил отец. Голос у Наташи был красивый и чистый, он звучал в тишине квартиры, вытесняя из ее пространства холодную пустоту приближающейся смерти. Наташа смотрела на лицо отца, и ей казалось, что он слышит ее, потому что он стал дышать еще тише, лишь едва уловимыми вздохами. Наташа встала, закрыла глаза и продолжила пение. Она представила, что стоит на сцене, перед огромным, небывало огромным, заполненным тысячами, а может миллионами людей залом, и среди них был отец. Тысячи глаз с любовью и восторгом, не отрываясь, смотрели на нее, а она пела, всю себя отдавая песне. Вдруг отец как-то странно застонал, резко дернулся и затих. Наташа прервала на полуслове песню, ноги у нее подкосились, и она упала на стул. «Он умер! Его нет больше здесь. Все... Что делать теперь? Что надо делать?» Наташа вскочила со стула и, сорвав с постели простыни, начала завешивать зеркала, потом зачем-то быстро скатала ковер в комнате. «Зачем я это делаю? Надо же что-то делать...» Потом Наташа пошла в ванную и долго умывалась холодной водой, не чувствуя, что она холодная, а только ощущая, что ясность сознания начинает возвращаться к ней. Вытерев лицо полотенцем, Наташа подошла к постели и положила руку на лоб отца. Лоб был прохладный. Тут Наташа вспомнила, что надо делать. Это делали всегда, когда умирали люди: мама, бабушки, дедушки — как будто она всегда знала это, хотя никогда и не видела. Раздвинув стол, она постелила на него белую простыню, потом сбросила на пол одеяло, обняла невероятно «Удое тело отца и, собрав все силы, приподняла его и перенесла на стол. Потом Наташа сложила отцу руки на груди и подвязала подбородок. Тут силы оставили ее. Наташе стало плохо, голова закружилась, она, шатаясь, подошла к дивану и села.

Наташа пошла на кухню, нашла свечку, зажгла ее и поставила у изголовья. Пламя свечи освещало лицо покойного.

— Господи, прими его душу,— молилась Наташа, глядя на луну. Она никогда не ходила в церковь, не знала и не слышала ни одной молитвы, поэтому молилась как могла, не думая и не подбирая слова.— Господи, прости его, если он сделал что-нибудь не так. Господи, он был добрый человек и любил людей, поэтому прости ему грехи, Господи. А если есть за ним смертные грехи, я, его дочь, готова ответить за них. Прости его душу, Господи.

«Каждый отвечает только за себя, Наташа,— сказал Аллеин. Но Наташа не могла его слышать.— И каждому, имеющему душу, Богом, которому ты сейчас молишься, предначертан свой путь, дела, которые человек должен сделать на этом пути, он не может не сделать, и только после этого умрет. То главное, для чего ты живешь на свете,— еще впереди».

Какая-то пустота была в голове. Не хотелось ни плакать, ни думать, ни чувствовать. Наташа пошла в свою комнату, легла и закрыла глаза. Наташа не могла уснуть и лишь под утро забылась, как будто потеряла сознание. Когда она открыла глаза, было уже светло.

2

Аллеин решил помочь Наташе, и он знал, как это сделать. Надо лететь к директору, Светиному отцу. Когда Аллеин влетел в кабинет директора, то понял, что задача у него не из простых.

Директор приказал секретарю никого к нему не пускать и отключить телефон. «Край, совсем край, дальше некуда,— думал директор,— хоть останавливай завод. Что делают, что делают! С кем они нас сравнивали». Денег на зарплату не было, неоплаченных счетов на миллиард с лишним. Как только что узнал директор, обещанной помощи из Москвы не будет. Все складывалось так, что если не произойдет чудо или резко не изменится общая политика правительства — его завод-гигант остановится. «Что же делать, как жить дальше?» Директор чувствовал себя ви-

новатым во всех этих бедах, хотя везде так, такая уж ситуация в стране, ничего не поделаешь. «Надо что-то делать,— думал директор, сосредоточенно глядя на пустой стол,— но что?»

Открылась дверь, и в дверях показалась секретарь:

— Михаил Степанович, звонит ваша дочь.

— Я же сказал, меня нет!

— Михаил Степанович, она говорит, что сегодня ночью умер Петров.

— Что?! — Директор знал, что Петров безнадежно болен, и все равно эта новость потрясла его. Он схватил трубку.

— Слушаю.

— Папа, сейчас звонила Наташа. Василий Михайлович ночью умер.

— Вот что, Света, ты собирайся и прямо сейчас иди к Петровым, скажи, что мы поможем, все сделаем. Поняла?

Директор нажал клавишу селектора, вызывая заместителя по общим вопросам.

— Вот что, сегодня ночью умер Петров.— Пауза. Директор в упор смотрел на зама. Тот молчал.— Мы все устройство похорон берем на себя.

— Иван Степанович, на счете ноль,— бесстрастным голосом ответил зам.

— А в кассе? — спросил директор и нажал на клавишу, вызывая главного бухгалтера.— Сколько в кассе?

— Ничего нет, Михаил Степанович,— вчера последнее на отпускные отдали.

Директор внезапно треснул со всей силы кулаком по столу и сдавленным голосом сквозь зубы сказал:

— Доработались... У него осталась одна дочь. Девчонке двадцать четыре, что она может. Оплатить! По безналичному. Как хотите, но чтоб все было оплачено, если будет что не так, как надо, голову снесу. Ясно?

— Ясно,— сказал зам, вставая.

— Все, свободен.— Зам вышел.— Семь тысяч человек на заводе. Доработались, похоронить человека не можем.— И директор вдруг неожиданно для себя грубо выругался.

Аллеин понял, что этот человек и так сделает для Наташи все, что возможно, сделает и без его участия.

На заводе уже знали, что умер бывший главный инженер ведущего цеха Петров. Новость моментально разнеслась по заводу. Люди собирались группами, и к теме о возможных сокращениях и бессрочных отпусках добавилась

и эта. Наверное, весть о смерти главного специалиста ведущего цеха была катализатором для побуждения всеобщего действия: «Ну вот и Петров умер», — останавливались люди, сообщая друг другу новость. «Пошли к начальству, — говорили они, нарушая все инструкции, которые за долгие годы работы на сверхсекретном ядерном производстве были вызубрены надежнее, чем когда-то знали „Отче наш“ и которые никогда под страхом немедленного увольнения не нарушались, — что они там думают? Пошли!» И шли к начальникам цехов.

«Нам нужна ясность, — говорили рабочие, — хватит темнить, сколько можно!» На планерке, выслушав, что говорят начальники цехов, директор сказал:

— Мне сказать людям нечего. Нечего! Идите и объясняйте что-нибудь. Вон Сидоров, — показал на главного экономиста, — Сидоров пусть объяснит ситуацию с цифрами, датами и фактами.

— А выводы? — спросил обеспокоенный Сидоров.

— А выводы пусть делает Господь Бог! А я не хочу делать выводы, буду сидеть в этом кабинете и ждать, пока взорвемся. Все, закончили.

К обеду на заводе сформировалась делегация к Петрову. Узнав, что кого-то отпустили, другие говорили: «А я чего, а почему не я?» Что-то будто нарушилось в механизме завода, и теперь этот механизм работал бессмысленно и вхолостую, выбрасывая искры человеческих эмоций.

— А ну вас на ... Я тоже пошел.

— Куда?

— Куда-куда, на похороны, вот куда. Хоронить пошел! — возмущался лысый толстоухий аппаратчик. — Осточертело все.

— А кто работать будет?!

— Пусть Ванька работает, он молодой, а я наработался уже, хватит.

В общем, кончилось тем, что добрая четверть смены и половина управления к обеду правдами и неправдами, побросав работу, уехали с завода. «Так ведь похороны-то послезавтра, послезавтра организовано и пойдем». «А мы и послезавтра сходим», — отвечали люди.

Творилось что-то совершенно невообразимое. Ситуацию удалось взять под контроль, лишь с трудом собрав дежурную смену.

Директор отказался от поездки по объектам, он сидел в кабинете и никого не принимал.

Дверь в квартиру Петровых была настежь открыта, и в нее почти непрерывным потоком, не толкаясь и не мешая друг другу, входили и выходили люди. Лица людей были сосредоточенными и печальными, голосов не было слышно, была слышна только поступь шагов.

У гроба, накинув на голову черную ажурную накидку, стояла Наташа. Как только пошли люди, она стала к гробу и стояла до вечера, пока не ушел последний человек. Она смотрела в проем входной двери, не отвечая на приветствия и кивки, впрочем, люди, то ли чувствуя, то ли понимая, что Наташа никого не слушает и слышать не хочет, ничего и не говорили, а просто подходили к гробу, смотрели на покойника, потом на Наташу и отходили, уступив место идущим вслед.

Наташино лицо было бледным, краски будто сошли с него, но оно было спокойно и прекрасно. Его нежные и правильные, будто вылепленные великим скульптором черты не были омрачены тенью грусти или тем более скорби. Казалось, что она о чем-то думает. Она не вызвала жалости. Люди, посмотрев на нее, уходили, чувствуя, что у них в душе что-то происходит, и тяжелое ощущение от вида покойника стиралось другим ощущением, сравнимым разве что с ощущением ребенка, который долго, до изнеможения кричал и которого ласково пожалела мать.

Светлана тоже была в комнате. «Наваждение какое-то, — думала она, — вроде и не похороны, а вернисаж какой-то».

Женщины говорили: «Ну кто бы мог подумать, что у него такая дочь». «Да, она очень сильно изменилась», — соглашались другие.

Когда похоронный ритуал уже подходил к концу и стали заколачивать крышку гроба, Наташа увидела подбегавшую черную «Волгу». Из нее вышел Светин отец.

«Опоздал, опять опоздал», — думал директор. Он подошел к гробу и опустил голову. Рабочие, перестав заколачивать гвозди, посмотрели на Наташу. Директор положил руку на крышку гроба и почувствовал странное волнение, подобное тому, какое он чувствовал в юности, когда ждешь чего-то долго, и вот это, ожидаемое, начинает осуществляться. «А что же начинает осуществляться?» — спросил было у себя директор, но тут же прогнал эту странную мысль.

Директор, не поднимая головы и ни на кого не глядя, начал тихо говорить. Надо сказать, говорить директор не любил, и подчиненные знали, что заставить его лишнего раз выступить где-нибудь — не добьешься. Для этого нужны были совершенно особенные причины. Установилась такая тишина, что было слышно, как ветер шумит в верхушке сосны, печально и одиноко росшей недалеко от могильной ямы.

— Я пришел проститься со своим другом. — Директор сделал длинную паузу. — Нельзя понять, почему так происходит: лучшие, без которых трудно жить и работать, вот так, без предупреждения, уходят, а мы остаемся. Я знаю, что так было всегда и всегда так будет, и это значит, что должны появиться новые, лучшие, которые смогут сделать то, что сделал он. Он и такие, как он, сделали наш завод и построили наш город — за четыре года. — Директор взмахнул рукой и повысил голос. — За четыре года мы сделали то, что сделать было нельзя. Нельзя! А я вам говорю, чем можно! — Было видно, что директор сильно волновался и не особенно старался это скрывать. — Можно сделать все — все, что угодно. Можно снести наш завод и построить его заново, подняв из руин, и можно сделать новый завод в новой стране, потому что все можно сделать, когда знаешь, чего хочешь, почему и для чего, и знаешь, что этого же хотят твои друзья, коллеги, хочет город, страна, хочет народ. Чего мы хотим сегодня? Нас запутали, заморочили головы, мы потерялись в заботах сегодняшнего дня. Мы с Петровым и такие, как мы, хотели сделать лучший в мире, чистейший уран, сделать его так, как никто, нигде, никогда не делает. У нас были единомышленники, мы любили свою страну и знали, что это надо всем: правительству, партии, в которую верили, нашим друзьям, женам, нашим детям. Сейчас говорят, что мы делали не то, да еще и зря. А я говорю, что мы делали то и не зря, потому что главный результат нашей работы — это были люди, любящие свое дело и свою страну. Мы все были великими творцами. И это было глав-

ное. Это было главное! — Голос у директора упал, и он продолжал тихо, почти шепотом: — Мы победим, я вам клянусь, потому что на этой земле, в которой лежат наши товарищи, отдавшие себя делу, нас нельзя победить. Наташа, — обратился директор к Наташе, — я был другом твоего отца и буду помогать тебе, чем смогу.

Директор подошел к ней, обнял и погладил по голове. Наташа заплакала. Гроб опустили в могилу. «Что-то будет, ой, что-то будет», — думал Сергей, бросая в могилу горсть земли.

5

Похищение Ивана из больницы прошло успешно. Сергей с двумя помощниками, самыми надежными своими ребятами, быстро и слаженно сделали дело, и микроавтобус, тихо заурчав мотором, отъехал, увозя носилки с Иваном от здания хирургического корпуса.

Ивана затащили в его маленькую, обшарпанную квартиру и уложили на матрас. В углу на полу стоял компьютер. Сергей достал из портфеля папки с документацией.

— Ну что, Иван, отдавать?

— Конечно, отдавай. Только вот что, передвиньте меня от стены. — Парни оттащили матрас. — Теперь возьмите компьютер и поставьте его слева от меня. Вот так.

Иван проверил, достает ли он левой рукой до выключателя компьютера, потом включил его и некоторое время, повернув голову набок и нажимая левой рукой нужные клавиши, смотрел что-то на экране.

— Ну, вот и все, — сказал Иван, как бы подводя итог разговору, и закрыл глаза, — завтра начнем.

Ивана сильно тошнило и кружилась голова. Сергей выключил свет и пошел с ребятами на кухню.

— Миша, до конца месяца ты будешь жить здесь, на этой кухне, — обратился Сергей к своему помощнику. — Сейчас я принесу зарегистрированное на меня охотничье ружье и патроны. Если кто будет лезть в дверь — предупреждай: отойдите, буду стрелять. Если будет лезть дальше — стреляй. Ты защищаешь жилище, я тебя нанял, отвечать буду я. Понял?

— Понял, неси ружье, — ответил Миша, как будто в сказанном не было ничего необычного.

— Завтра вместе со мной придут мужики и установят металлическую дверь. Будешь кормить Ивана и ухаживать за ним. Сиди на кухне, и пока он тебя не позовет, к нему не лезь ни с вопросами, ни с предложениями. Ну, вот и все. Спи чутко, прислушивайся.

— Да что там, я все понял, — уверенно кивнув головой, сказал Миша. — В милицию звонить?

— Сначала мне, потом в милицию.

Голова у Ивана кружилась, и в нее лезли разные, отнюдь не радостные мысли. «Я остался жить, а радости нет, зато узнал, что такое настоящий страх, — думал Иван. — Надо работать, надо заставить себя работать, иначе можно сойти с ума от всего этого».

Как только Сергей и Саша ушли, Иван тут же включил лампу и взял первую папку с документацией. Все было напечатано по-английски. Держать папку одной рукой было неудобно, для того, чтобы перелистывать страницы, приходилось класть папку на живот и потом уж листать. Глаз видел хорошо, но голова вырубалась напрочь. «Как же ее заставить соображать?» — думал Иван. Он прищурил глаз так, что текст был виден как бы через горизонтальную трепещущую щель, прикусил губу и начал читать. Тут его сильно затошнило и вырвало прямо на папки с документацией. Прибежал Миша.

— Возьми тряпку, Миша, все вытри и принеси, пожалуйста, таз из ванной и поставь его рядом, — сказал Иван. Тут его опять вырвало, но голова почему-то прояснилась, и он стал читать.

В папках было общее описание работы системы, рекламные проспекты и технологические инструкции. Когда чтение было закончено, Иван вставил в дисковод дискету и начал медленно просматривать тексты программ. Страшно хотелось спать, голова ничего не соображала. «А и не надо сейчас ничего соображать, главное — загрузить ее всей этой информацией как следует». И Иван загружался — это был его стиль работы: сначала, не думая о решении задачи, накачать себя информацией. Прикладные программы, обеспечивающие расчеты, обработку текущей информации в компьютере, выдачу документов и видеограммы, были несложными, самыми что ни на есть обычными программами, а вот та программа, которая управляла передачей информации, объединяя компьютеры как бы в одно целое, — отсутствовала. Был только загрузочный модуль. Иван просмотрел на экране неотображаемые символы и подумал: «Длинная, зараза, постарались в „Юнайтед Системз“».

Совсем рассвело. Изучение материалов закончилось, можно было начинать думать.

Иван не был программистом, но искусством этим владел очень хорошо: приходилось самому писать программы, моделирующие работу его Системы. К счастью, язык программирования, на котором все было написано, был Ивану хорошо знаком. «Шансы есть, надо определить, сколько этих шансов».

Раздался стук в дверь. Пришел Сергей с двумя рабочими. Начали гроыхать пѢ железу, устанавливая новую входную дверь.

— Какое сегодня число? Когда нужен результат? — спросил Иван.

— В понедельник я должен передать заказчику на подписание акт готовности, притом он должен получить программы заранее. Они сказали так: «Ставим десять компьютеров и запускаем фирменный тест, если тест проходит — подписываем акт».

— Отлично, — сказал Иван. — Тест у нас есть. Значит, так... Готовься к тому, что через три дня у тебя должны работать человек восемь хороших профессионалов. Ну вот, все пока. Когда же перестанут гроыхать?

— Уже заканчивают, — ответил Сергей.

Иван закрыл глаза. Сергей не уходил, он понял, что всю эту ночь Иван не спал.

— Слушай, Ваня, Расскажи-ка мне как на духу, зачем тебе это надо, только не шути.

Иван открыл глаз, ничего не говоря. Он думал.

— Потому, что я так решил, — отрезал Иван и снова закрыл глаз, показывая этим, что разговор закончен.

— Ты решил штурмовать небо. Что ж — дело твое, — сказал Сергей и вышел. «Он сумасшедший, ну и ладно, это его дело, хочет, пусть штурмует, а ты, Сергей Михалыч, займись своими делами».

6

Когда Сергей ушел, Иван задумался: «Говорят: утро вечера мудренее, правда, сейчас как раз утро. Не поспать ли мне? Выплюсь и соображу, что же мне делать Дальше».

Иван моментально отключился и крепко спал шесть часов. Проснулся Иван от головной боли, его сильно тошнило.

— Миша, таз! — позвал Иван.

Тошнота отступила, и голова вскоре перестала болеть.

«Я решу эту задачу сам, — так, на всякий случай, чтобы не потерять квалификацию».

Риикрой, который почти неотступно находился при Иване, глубоко вздохнул и вытер лоб: «Сработало... Ну, теперь дело пойдет».

Эта мысль пришла в голову Ивану и не оставила никаких сомнений, что надо делать именно так, а не иначе. Выпив стакан сладкого чая, Иван принялся обдумывать решение задачи. Время от времени он работал левой рукой на клавиатуре компьютера. Так он работал до самого вечера. К удивлению Ивана, основные алгоритмы программы были найдены им довольно быстро. В алгоритмах был заложен принцип, который был использован Иваном при решении одного из уравнений его Системы, поэтому дело шло очень гладко. «Если и дальше так пойдет, то через пару дней все будет готово», — думал Иван.

Аллеин всегда терялся, когда надо было определять, что свободные люди делают по своей воле и что под влиянием козней слуг Сатаны. От Сергея причинные связи тянулись к Ясницкому, потом куда-то в Америку. Не исключено, что Сатана подготовил какой-то хитроумный план, который приведет Ивана к необходимости решить Систему, и этот план уже приведен в действие.

7

С самого утра Наташа не могла найти себе места. Последние Дни не было возможности даже минуту передохнуть, и вот после похорон и поминок все заботы разом куда-то отступили, делать было совершенно нечего, да и делать ничего не хотелось. Наташа легла на диван и закрыла глаза. Она попыталась представить голубое небо, это долго не удавалось, но, наконец, удалось. Перед глазами было голубое небо, по небу плыли белые облака. Наташа мысленно повернула голову: она лежала на тра-

ве, а вокруг — и рядом, прямо перед глазами, и дальше, насколько хватает глаз, — было одуванчиковое поле. «Что это за небо и что это за поле? — спросила у себя Наташа. — Это небо и поле из страны моего детства», — ответила она сама себе. — Это страна, где я хотела бы быть всегда».

Среди белых облаков Наташа заметила одно большое темно-серое. Облако приближалось и вскоре закрыло солнце. Стало сумрачно. Наташа встала и огляделась: все краски, такие яркие под лучами солнца, сразу поблекли. На краю поля Наташа увидела силуэт идущего в ее сторону человека. «Этот человек мой будущий муж», — вдруг решила Наташа и стала напряженно всматриваться вдаль, стараясь разглядеть черты лица приближающегося человека. Человек подошел уже довольно близко, но Наташа никак не могла разглядеть его лица. Наконец метрах в десяти человек остановился, приложил левую руку к сердцу и вежливо наклонил голову. «Это Иван! — узнала, наконец, Наташа. — Это он, но почему он такой, откуда такая странная одежда, почему у него нет лица, почему он говорит не своим голосом?»

— Иван, это ты?

— Иван — это я, — ответил человек.

И Наташа сразу четко увидела лицо Ивана. Он улыбался, и одежда сразу преобразилась в ту, которая была на нем, когда они в прошлый раз встретились.

«Ему плохо, я должна увидеть его, — подумала Наташа и открыла глаза. — Что за странное видение, я ведь не спала, я, наверное, видела то, что хотела видеть».

Наташа позвонила Сергею:

— Сережа, как Иван себя чувствует?

— По-моему, неплохо, раз взялся программировать, — ответил Сергей.

— Он что, не в больнице? — удивилась Наташа.

— Удержишь ты его в больнице, как бы не так. Он в своей квартире, лежит на полу на матрасе и работает левой рукой на компьютере.

— А почему левой?

— Потому что правая у него плохо двигается и правый глаз ничего не видит.

— Как он, все же, на самом деле? Что ты думаешь?

— Врачи говорили, что ему месяц надо лежать не шевелясь, а Мишка, который дежурит у него, говорит, что он уже пытался вставать, и что обещал ему, что завтра непременно встанет. Вот так-то.

— А как это все произошло?
— Точно не знаю, но в ближайшее время, по-видимому, выясню.
— Сережа, я хочу сходить к Ивану.
Несколько секунд Сергей молчал.
— Сходи, сходи обязательно, может, тебе удастся заставить его лежать спокойно,— наконец ответил Сергей. Он сказал адрес и предупредил, что прежде чем идти, надо позвонить Мише.

Наташа начала собираться. Она надела джинсы, свитер, скрутила волосы красной шерстяной веревочкой, подошла к зеркалу, долго смотрела на себя, потом сняла свитер и распустила волосы. Посмотрела на часы: «Еще рано, успею»,— • сказала себе Наташа. После этого она распахнула настежь двери платяного шкафа и стала не спеша перебирать гардероб. Она переоделась, немного подвела губы, совсем немного, для того только, чтобы сместить акцент внимания, надела туфли, затянула поясик на талии, взяла сумочку и набросив плащ вышла из дома.

Было тепло, солнце стояло прямо над лесом, росшим на другой стороне реки. Наташа шла по набережной, она решила пройтись по городу. «На меня смотрят как всегда, значит, я в порядке»,— думала Наташа. Пройдя по набережной, Наташа повернула налево и пошла по широкой улице, одной из самых красивых и людных в городе. Достопримечательностью этой улицы было то, что под ней в бетонной трубе текла река, которая раньше каждую весну разливалась, и за это люди пустили ее в трубу, а река, видимо в отместку, не так давно, в весеннее половодье, вырвалась из трубы и затопила весь город. «Это потому, что река тоже женского рода»,— подумала Наташа. Вскоре она вошла в тесный подвезд дома с узенькими лестницами и, поднявшись на второй этаж, постучала в дверь.

— Кто там? — спросил мужской голос.
— Это я, Наташа,— ответила Наташа.
— Ты одна? — спросил тот же голос.
— Одна.

С той стороны двери загремели засовами. Дверь открылась, оставаясь на цепочке. Из-за двери выглянул молодой парень.

— Здравствуй, Миша,— поздоровалась Наташа. Миша снял цепочку и открыл дверь, впуская Наташу в квартиру.

• — Здравствуй, Наташа. Проходи. Вот вешалка. Он там, кажется, спит,— сказал Миша, показывая на дверь комнаты.

— Мне можно туда? — спросила Наташа. Миша зашел в комнату, потом, выйдя, сказал:

— Можно, заходи, только он спит. Будить будем?

Наташа сняла туфли, осторожно вошла в комнату и огляделась. В комнате не было никакой мебели, кроме одного старого стула. Иван лежал на матрасе, закрытый по самый подбородок простыней, и спал. Лицо его было все покрыто красными полосами.

— Если хочешь, разбуди его, он не обидится, я думаю,— сказал Миша и собрался выйти из комнаты.

— Миша, как он? — шепотом спросила Наташа.

— Он? Он — молодец. Тюкает что-то на компьютере, пьет сладкий чай и ни черта ему не делается. Я не удивлюсь, если он завтра уже будет ходить. Давай я его разбужу,— решительно сказал Миша и направился к Ивану.

— Нет, нет, не надо, пусть спит, не надо,— испуганно зашептала Наташа и сделала запрещающий жест рукой. Миша вышел из комнаты. Наташа села на стул и стала смотреть на Ивана. Так она сидела и смотрела минут пять, как бы изучая его лицо. Его лицо было спокойно. Вдруг Иван открыл один глаз, сначала глаз смотрел в потолок, потом повернулся и посмотрел на Наташу. Он смотрел на Наташу, но выражение его лица не менялось, это продолжалось долго.

— Наташа, ты? — наконец спросил Иван.

— Здравствуй, Иван,— ответила Наташа и улыбнулась. Иван улыбнулся ей в ответ и приподнялся. Потом, сделав усилие, он сел, прислонившись к стене. Он смотрел прямо в глаза Наташе и улыбался.

— Ты даже не представляешь, Наташа, как я рад, что ты пришла. Не обращай внимания на все это,— Иван махнул рукой,— я в порядке.

У него в душе творилось что-то невероятное. Голова кружилась, мысли путались, сердце стучало. «Надо что-то сказать ей, но что?» — думал Иван. Наташа все поняла, подошла к Ивану, села на колени рядом с ним и, наклонившись, нежно поцеловала его в губы. Иван знал, что сейчас он должен был сказать: «Я люблю тебя». Но он ничего не успел сказать, потому что Наташа приложила палец к его губам и сказала:

— Ты мне ничего не должен говорить сейчас. Понимаешь?

— Не понимаю, — ответил Иван.

«Конечно, он ничего сейчас не понимает. Что и как говорить с тобой — это ему еще предстоит понять. Если он, конечно, захочет», — сказал Аллеин.

«Не захочет, — возразил Риикрой. — Сколько времени прошло, а он еще ни разу и не вспомнил о даре Божьем».

«А у него было время о нем вспоминать?»

«У такого, как он, не было, нет и никогда не будет времени думать о душе. Потому что у него ее нет. Так что можешь сваливать, Аллеин».

«Я верю, что ты ошибаешься, Риикрой», — сказал Аллеин и подумал: «Я верю, и это не так уж мало».

— Выздоровливай, не беспокойся, я никуда не денусь, я буду рядом, в своей квартире, одна, я буду ждать тебя. Договорились?

— Да, — тихо ответил Иван.

Наташа улыбнулась и быстро вышла из комнаты. Иван сполз по стене на матрас и закрыл глаза.

8

Что-то происходило с ним, это Иван чувствовал определенно. Им овладело какое-то беспокойство, мешающее сосредоточиться, раньше такого никогда не было. «С тех пор, как я поступил в университет, меня никто и ничто не интересовало, кроме моей задачи. А сейчас все по-другому», — пробовал анализировать ситуацию Иван. Он закрывал глаза и видел Наташу. Открывал — и видел экран компьютера с текстами набираемых им программ. Логические циклы быстро ложились на экран, выстраиваясь в одному Ивану понятную программу управления сетью компьютеров. «Эта еще путается, — злился Иван, — надо закончить с ней поскорее». Было уже далеко за полночь, когда Иван выключил компьютер. Основная часть работы была сделана. Оставалось отладить программу и провести тесты.

Мысли кружились в голове, не давая спать. Перед его внутренним взором встали огненные волны горящей пшеницы, которые он видел недавно, идя в город через горя-

щее поле. И тут Иван вспомнил о Лийиле. «Ты должен узнать себя», — прозвучал в голове голос Бога. «Кто я есть? Откуда, вообще говоря, я взялся? Почему из моей головы не выходит это горящее поле? Может быть, это обусловлено генетически? Бабушка говорила, что мы из крестьян. И я никогда не интересовался, кто мои предки и откуда. А ведь это надо знать, чтобы узнать себя». Подумав немного, он сказал:

— Лийил, покажи мне моих предков, Лийил.

В глазах сверкнул свет ярче солнца, Иван ослеп; когда зрение вернулось к нему, он увидел себя стоящим на обочине проселочной дороги, раскисшей от весенней, смешанной с талым снегом грязи. Иван посмотрел на себя и удивился: на нем были сапоги и странная одежда, в которой, судя по всему, ходили в конце прошлого — начале этого века в России. Иван топнул ногой, из-под сапога ударил фонтан грязи, потом он ушипнул себя за ухо, нет, он не спал, все было реальным: и земля, и небо, и он сам. Иван отчетливо помнил, как он попросил Лийил, как была вспышка. Все было реальным. «Вот это дела! Фантастика...» — подумал Иван и огляделся по сторонам.

Он стоял на краю большого поля, которое пересекала проселочная дорога. Со всех сторон поля были сопки, поросшие смешанным лесом. Иван разглядел березу, осину, сосны. Солнце пригревало щеку. «Наверное, здесь вторая половина апреля», — подумал Иван. Места были очень похожи на знакомые Ивану с детства восточносибирские края. Только нигде не было видно никаких признаков человеческой деятельности, единственным явным свидетельством того, что люди здесь все же живут, была дорога. Хотя, по правде сказать, какая это дорога — утрамбованный немного, по-видимому, полозьями саней, снег. Иван обратил внимание, что даже на проталинах почти растаявший, ноздреватый снег был белым. Было тихо, так тихо, что Ивану казалось, что он слышит, как тает снег.

И вот Иван услышал голоса и скрип колес. Звуки доносились из-за ближнего перелеска, за который поворачивала дорога. Вскоре из-за поворота показалась лошадь, тащившая доверху нагруженную телегу, наверху оза сидели двое детей, еще трое, постарше, шли рядом.

Впереди, держа уздечку, шла женщина, а сзади телегу толкал мужчина. Лошадь то и дело спотыкалась, копыта ее скользили, видимо, она выбивалась из последних сил. Мужик, который толкал телегу, тоже делал это из последних сил. Иван видел, как тяжело он дышал, прикрыв глаза, которые тупо смотрели вперед и от длительного, постоянного напряжения уже ничего, наверное, не видели. Вот лошадь в очередной раз поскользнулась и упала на колени, а потом и набок. Здесь дорога шла по косогору, под уклон, телегу повело от толчка, колеса заскользили юзом, и, ударившись ступицами в сугроб, телега медленно, как бы нехотя, перевернулась, дети кубарем слетели в снег. Мужик, пытавшийся удержать телегу, упал прямо в талую грязь. Старшие дети закричали, а женщина медленно опустилась на колени и заплакала.

— Господи, за что же наказание такое. Что же теперь делать-то, Господи, как быть-то теперь,— причитала женщина, покачивая головой. Мужик встал не сразу. Полежав немного в грязи, он поднялся и, зачерпнув полную пригоршню грязи, спокойно и уверенно, как будто ничего и не произошло, сказал женщине:

— Клавдия, не голоси, гляди, какая здесь земля — во, — и он протянул вперед огромные ручищи, полные черной комковатой земли. — Уже оттаяла.

— Ванечка, — обратилась к нему женщина, — как мы теперь доберемся до этого хутора, лошаденку совсем заморили и ты еле дышишь уже.

— Ни хрена мне не делается, — так же уверенно отвечал мужик. — А до хутора мы не пойдем. Здесь остановимся. — Мужик топнул ногой в огромном тяжелом сапоге. — Здесь остановимся и здесь жить будем. Какая нам разница? Земли здесь везде немеряно. Ребятки, собирайте хворост, разводите костер, сейчас я вон на том пригорке землянку рыть начну. Готовь обедать, Клавдия.

«Клавдия... Кажется, так звали мою прабабушку, — вспомнил Иван, — я ее даже видел, когда был совсем маленьким. Она гладила меня по головке и ласково приговаривала: „Внучек, Ванечка“». Иван будто почувствовал на своей голове прикосновение ласковой бабушкиной руки. В это время один из ребятишек увидел Ивана и закричал: «Папа, гляди, там человек стоит!» Мужик обернулся и посмотрел на Ивана. Иван пошел вперед. Подойдя к телеге, Иван сказал:

— Здравствуйте. Вам помочь?

— Здравствуйте, — поздоровался мужик, вслед за ним жена и все дети. — Вот, перевернулся. Надоть вот мешки оттащить. Да мы сами, это ничего. А вы откудова путь держите?

— Я иду туда. — Иван махнул рукой в сторону, откуда двигались поселенцы. — Случайно здесь оказался.

— Пообедайте с нами. Скоро каша будет готова.

— Спасибо. Не откажусь, — ответил Иван и, взвалив тяжеленный мешок на плечо, понес вверх по косогору к большой проталине, которая чернела за белоснежными березовыми стволами. Мужик одобрительно смерил Ивана взглядом, потом схватил другой мешок, легко вскинул его на плечо и двинулся вслед за Иваном. Пока мужчины молча работали, перетаскивая груз и ремонтируя телегу, дети разожгли костер и поставили варить кашу.

— Меня Иваном зовут, — сказал мужик.

— И меня Иваном, — ответил Иван.

— Мы из Тамбовской губернии, переселенцы, — стал рассказывать мужик. — Двинулись в путь осенью, да длинная дорога оказалась. Припоздали вот маленько. Нуда ничего. Отсеяться успеем. Теперь не пропадем. На станции главный, который переселенцами занимается, сказал: «Иди, Иван, на восток, там староверческий хутор есть. Сколько отхватишь земли, столько и твое. Согласен?» А я говорю: «Согласен, сколько отхвачу, столько и мое». На том и сошлись, а бумаги он после посевной справит.

Дул ветерок, но Иванов собеседник как был в одной рубахе, так и остался, будто не замечая ни ветра, ни снега. Иван внимательно разглядел его лицо. Несомненно, это был его прадед по матери Иван Свиридов, фамилию которого он и носил. Точь-в-точь как на фотографии, которая в единственном экземпляре хранилась в заветном материнском фотоальбоме. Высокий, крепкий мужик с большими руками и ногами и жилистой шеей. На голове у прадеда была шапка темно-русых волнистых волос, лицо заросло густой черной бородой. Когда в студенчестве Иван отращивал волосы, у него были точно такие же, и борода была тоже густая, черная. Иван украдкой посмотрел на свои Руки, они были поменьше, чем у прадеда, но тоже пятерня будь здоров.

Клавдия наложила горячую кашу в миски. Взрослым Мужчинам и себе в отдельные, а детям в общую большую.

Каждому был выдан ломоть хлеба. Мужчинам — побольше, себе и детям — поменьше. Все встали, перекрестились, прадед быстро прочитал молитву «Отче наш», после этого семья начала молча есть. Иван тоже ел, разглядывая ребятишек, которые сидели напротив него. Ребятишки жадно ели, хлюпая носами, и то и дело глядели на него? живыми, любопытными глазами. Иван улыбался про себя. Вон та маленькая, хорошенькая, черноглазая девочка в тулупчике, Машенька, — это дедушкина сестра Мария Ивановна, которая воспитала его, Ивана, а этот маленький мальчишка Ванечка — его дед Иван, он погиб на войне. «Вот он какой, мой прадед, — думал Иван, — ничего не боится».

Когда закончили обедать, Иван повернулся к прадеду и, глядя ему прямо в глаза, спросил:

— Не боитесь? Здесь ведь на двадцать верст ни одной живой души.

— Эх, милай, боюсь, конечно. Здесь не двадцать, а сорок верст никого. Лошадь? Какая это, хрен, лошадь. Название одно. На себе пахать придется. Но жить-то надо. Надоело-то как у себя там, на Тамбовщине, перебиваться. Знаешь, как надоело? Верю, с Божьей помощью одолеем. И отсеемся, и соберем, и отстроимся, только бы люди не мешали, а зверь есть зверь, он лишнего не возьмет.

— Помогите вам Господь, — сказал Иван. Встал. Поблагодарил за обед. Попрощался. Еще раз внимательно, даже слишком внимательно пронзительным, влажным взглядом посмотрел на лица детей, женщины, мужа. И они все разом, молча смотрели на него, будто пытаясь вспомнить: кто же это такой, где они его могли видеть? Наконец Иван опустил голову, повернулся и пошел по дороге на запад. «Мои предки — люди что надо... Неспроста мне суждено с ними познакомиться. Прадед, конечно же, засеял свое поле, а я невольно могу сжечь. Вот в чем дело! Зачем? Неужели я этого хочу?» Отойдя с километр, Иван посмотрел на небо, открытое быстро несущимися серыми облаками, и закричал:

— Эй, я этого не хочу!

Взмахнул кулаком и сказал:

— Лийил, домой, Лийил.

Опять вспышка, ослепление — и Иван обнаружил себя лежащим на матрасе в своей комнате.

«Нет, еще не все потеряно! — ликовал Аллеин. — Он встал на правильный путь. Человек, который узнает и

полюбит своих предков, никогда не станет Антихристом»—

«А где анализ ситуации? — перебил Аллеина Риикрой. — Где мысли о вечном? Нет... Зато его сейчас потянет к бабам».

«Что ты такое говоришь?!»

«Ты же видишь, он выздоровел. Все — значит, пора...»

— Миша, ты заходил ко мне? — спросил Иван

— Заходил сейчас только, — отозвался Миша.

— Как я был?

— Спал как убитый, даже рот раскрыл, наверное, от удовольствия.

— А сколько я спал?

— Компьютер ты выключил минут двадцать назад. Я сразу зашел посмотреть. Ты спал. Значит, минут пятнадцать-двадцать.

«Ничего себе минут пятнадцать-двадцать. Я пробыл с ними часа два, не меньше. Пробыл с ними, оставаясь здесь. Какова физическая возможность таких путешествий?» — задал себе вопрос Иван. Перед ним опять предстали знакомые уравнения его Системы, и он погрузился в анализ возможности путешествия в пространстве и во времени, пока не уснул.

9

Иван проснулся, открыл глаза, прищурил левый глаз и обнаружил, что правый глаз видит. «Открылся наконец-то, надо попробовать встать». Вытянув обе руки вперед, Иван медленно, пересиливая боль в мышцах живота, сел. Голова совсем не кружилась, сегодня она была светлой как всегда, ведь раньше Иван вообще не знал, что такое головная боль. «Я выздоровел», — решил Иван. Медленно, держась за стул, он встал и тряхнул плечами, его повело в сторону, но он устоял и сделал шаг вперед, а потом еще один. Пошатываясь и волоча левую ногу, Иван подошел к окну. Было утро, людей во дворе не было, только один маленький мальчишка сидел верхом на бетонной черепахе, установленной на детской площадке. На небе ни одного облачка, день обещал быть хорошим. Иван зажмурился от удовольствия, предвкушая, как он скоро выйдет из дома и пойдет по улице. «Так и сделаю», — решил

он. С трудом надев брюки и майку, Иван пошел на кухню.

Когда Иван открыл дверь на кухню, навстречу ему векомил Миша.

— Ты что, встал?!

— Встал, хватит валяться. Сейчас попьем кофе и я пойду прогуляюсь,— как ни в чем не бывало сказал Иван.

— Э, нет, парень,— возразил Миша,— я тебя без согласования с Сергеем из квартиры не выпущу, ты уж меня извини.

— А почему? — удивился Иван.

— Потому, что те, кто тебя в тот раз не добил, могут добить, как только ты выйдешь отсюда.

Иван молча сел на стул и набрал номер Сергея.

— Здравствуй. Я тебя разбудил?

— Разбудил,— раздался в трубке сонный голос Сергея.

— Что так долго спишь?

— Перебрал вчера,— ответил Сергей тусклым голосом и, видимо, сообразив, наконец, с кем он разговаривает, закричал в трубку: — Иван, это ты?

— Это я. Слушай, Миша не хочет выпускать меня из квартиры, говорит, что это опасно. Объясни, пожалуйста, в чем дело.

— Как ты встал?

— Со мной все в порядке. Я выздоровел.

— Не мог ты выздороветь за неделю!

— Раз выздоровел, значит, мог. Объясни, почему я не могу выйти из собственной квартиры?

— Хорошо, через полчаса я буду,— ответил Сергей и положил трубку.

Единственное, что говорило о недавней болезни Ивана,— это ввалившиеся щеки и глаза, которые блестели сильнее, чем обычно блестят у людей, блеск был какой-то особенный, притягивающий внимание. Этот блеск во много раз усиливал любое выражение, которое приобретали глаза, а так как взгляд у Ивана и раньше-то был такой, что вынести его было нелегко,— прямой и пристальный, то теперь вообще можно было упасть, когда он смотрел прямо в глаза. Миша поежился и подумал: «Ох, не зря его Серега бережет, этот кадр, видимо, дорого стоит».

В дверь постучали, это пришел Сергей. Иван встал и пошел в прихожую. Сергей молча протянул Ивану руку для приветствия, изучающе глядя на него.

— Здравствуй Иван Александрович, ты, я смотрю, решил всех удивить насмерть.

— Проходи, проходи, не стесняйся,— смеялся Иван.— Рад приветствовать тебя у себя дома.— Они зашли в комнату, и Сергей плотно закрыл за собой дверь.

— Значит, ты выздоровел и хочешь выйти из квартиры погулять?

— Да, я решил пройтись по городу.

— Хорошо. Только учти следующее. Мне удалось выяснить с точностью до наверняка, кто и почему тебя избил. Это работа панинской банды. Все четверо поделыхи — наши, местные, я их знаю. А били тебя, другого объяснения я не нахожу, по двум причинам: первая, чтобы убрать потенциального разработчика программного обеспечения для «Суперсети» и, во-вторых, из ревности, так сказать, потому что Ясницкому не понравилось, как на тебя смотрела Наташа. Ты все понял? — Сергей остановился и посмотрел на Ивана.

— Да —

— Программное обеспечение не сделано, но может быть сделано. Так?

— Да, разумеется, у меня нет сомнений, дня два — и все будет готово.

— А если так, то причина тебя убрать остается. Поэтому я уверен, что пока не истек срок контракта на поставку системы, тебе бы лучше сидеть здесь, за железной дверью.

Иван задумался.

— Сергей, а нельзя ли все-таки выпустить меня отсюда?

Сергей опять начал ходить по комнате. «Он сказал, что почти сделал программу. Свершилось чудо. У нас еще есть время, чтобы выполнить контракт. Надо срочно начинать рекламную кампанию, чтобы убить Ясницкого наповал».

— Иван, скажи мне, только со всей ответственностью, какова вероятность того, что программное обеспечение будет готово и в какой срок.

— Мне для этого надо поговорить с твоими ребятами, которые делают оставшуюся часть.

Сергей назвал номер телефона. Иван пошел звонить. Минут через пять он вернулся из кухни.

— Вероятность того, что все будет работать через две недели — девяносто процентов, через три недели — девяносто пять, через месяц — девяносто восемь, два процента остается на непредвиденные обстоятельства, два, но не ольше.

— Нам надо через две, — медленно, глядя прямо в глаза Ивану, сказал Сергей.

В голове у Сергея уже выстраивалась схема действий на две оставшиеся недели. Все текущие проблемы сразу отошли на задний план, будто их и не было, в голове крутились варианты действий: куда ехать, сколько платить, как рекламировать, степень риска. «Чтобы подготовить почву для первой очереди экспансии, надо двадцать миллионов, в наличии пять», — первый вывод, который почти моментально сделал Сергей.

— Ладно, иди куда хочешь, за тобой по пятам будет ходить Мишка, а за Мишкой еще трое. Когда ты сдашь мужикам свою часть работы?

— В среду.

— Хорошо, — сказал Сергей и вышел из комнаты. Минут через десять он вернулся. Все это время Иван стоял у окна и смотрел, как дети играют в песочнице. — Мишка все знает. Будь осторожен. Я тебя очень прошу. Я начинаю действовать так, будто система у меня уже есть. Понял?

Иван, подумав, ответил:

— Понял. Можешь не беспокоиться. В среду я сдам отлаженную программу.

Как только Сергей ушел, Иван надел кроссовки, спортивную куртку и открыл дверь квартиры. Он долго стоял в проходе. «Чего это он застрял», — думал Миша. А Иван стоял и о чем-то думал.

Риикрой и Аллеин тоже стояли в проходе, с трудом сдерживая взаимную неприязнь.

Иван медленно спускался по лестнице, прикусив губу. Было очень больно, в основном болел живот. «Как бы не! разошлись швы», — думал Иван. Наконец лестница кончилась. Иван распахнул дверь подъезда и вышел на улицу. В глаза ему ударил солнечный свет. Иван зажмурился, лицо обдувал свежий утренний ветер. Он улыбнулся, как бы про себя, и медленно, немного прихрамывая, пошел по тротуару в направлении главной улицы города, вблизи которой стоял его дом. С каждым шагом Иван шел все увереннее, и когда он вышел на главную улицу, можно было заметить, что он идет чуть покачиваясь и прихрамывая, только если специально присматриваться. Иван шел по улице и смотрел по сторонам. Прохожих было немного. Пройдя по главной площади города и посто-
стояв немного у бронзового памятника Ленину, который

почему-то до сих пор не убрали, Иван пошел прямо к реке. По реки оставалось метров двести. Иван ускорил шаги, походка стала пружинистой, и вот он медленно победил. Миша, который все это время шел за ним, тоже ускорил шаги и побежал, и еще трое парней, шедших на расстоянии метров сорока, вынуждены были пробежаться. Иван вышел на набережную, прошел мимо стелы, поставленной в память земляков, погибших во время войны, и остановился. Он стоял и смотрел на реку. В голове у Ивана не было ни одной мысли. Ему просто было хорошо. Иван пошел по набережной мимо школы, в которой учился, и Наташиного дома и поднялся к памятному знаку, поставленному в честь основания города, потом он пошел по липовой аллее. Теперь Иван шел так, как он всегда ходил, легкой походкой человека, который при желании может быстро бежать столько, сколько ему надо, хоть от рассвета до заката.

— Куда теперь? — спросил Миша.

— К Сергею, — ответил Иван и быстро пошел по тротуару.

10

Вернувшись домой, Сергей поднялся в кабинет и принялся за работу. Он чувствовал себя охотником, который шел по следу раненного им накануне зверя, зная, что добыча никуда от него не уйдет, не должна уйти. Потянулся к бутылке, чтобы выпить пару глотков для бодрости, но сказал сам себе: «А, к чертовой матери...» — и взялся за телефонную трубку.

— Федор, — это был маклер по торговле недвижимостью, — мне надо сегодня — завтра продать дом за Двадцать, все остальное — твои комиссионные... Людмила, сколько надо времени, чтобы дать рекламные объявления в центральной прессе и напечатать статьи с аннотациями ведущих специалистов? Саша, — это был агент Сергея, который следил за действиями Ясницкого, — что предпринимает твой подопечный? Значит, Ушел на дно...

Позвонив еще в несколько мест и уладив все свои дела, Сергей сел в кресло и закрыл глаза. «Как просто, оказывается, жечь мосты. Это Иванова работа, это он на меня так

подействовал. Хочется почувствовать себя еще раз на коне и с мечом в руке».

Сергей встал и спустился вниз, в общую комнату. Жены не было. Сергей надел наушники и включил музыку. На колени к нему забралась младшая дочь и стала тереть его щеки и волосы, она что-то говорила и смеялась, но Сергей ничего не слышал через наушники. Дочка обняла Сергея за шею и, сдвинув наушник, закричала: «Папа, к тебе пришли!» Сергей обернулся и увидел Ивана, стоящего в дверном проеме.

— А, Иван, ты.

— Здравствуй,— поздоровался Иван и улыбнулся. Он стоял в дверях уже минуты три, наблюдая, как Юля тербит папу.— Как дела?

Сергей засмеялся.

— Тебя стали интересовать мои дела» значит, ты действительно совсем выздоровел. В порядке мои дела. Садись, рассказывай. Юля, ты иди поиграй в своей комнате,— сказал Сергей и слегка подтолкнул дочку в направлении выхода. Иван сел в кресло.

— Сергей, давай сходим куда-нибудь или лучше к кому-нибудь. Честное слово, очень хочется в гости.

«Сходите, сходите, там уже все готово к вашему приему,— сказал Риикрой.— Вас уже с самого утра ждут».

— А у меня ты не в гостях, что ли,— смеялся Сергей.— Хорошо, давай сходим в гости к Светке, она молодец, почти всегда рада видеть таких оболтусов, как мы с тобой.

«Правильно, умница, именно там уважаемые люди должны вам объяснить, для чего нужна Система». Аллеин зажмурился и сжал кулаки в отчаянии. «Успел-таки там побывать, пока я летал за Иваном в прошлое...»

— Какая смысловая нагрузка будет у нашего визита?

— Никакой. Придем, и я скажу: «Здравствуй, Света. Примешь гостей?» И будем смотреть на ее реакцию. Если обрадуется — значит, задержимся, если замнется — уйдем сразу или почти сразу. Идет?

— Идет,— ответил Иван.

В голове у Ивана был сумбур, ему действительно хотелось всего сразу. «Не могу сидеть дома и не могу ни о чем думать, надо идти куда-нибудь». Через несколько минут Сергей, Иван и Миша сели в Сергееву «девятку» и поехали к Светлане, вслед за ними поехала еще одна машина с охранниками.

Михаилу Степановичу, Светиному отцу, не спалось в эту ночь. Ничего не помогало уснуть. Все время не хватало воздуха, и на душе было тревожно так, как будто ночью должны были прийти и арестовать, а он знает это и отсчитывает последние часы и минуты свободной жизни. «Хоть бы рассвело поскорее, пойти погулять с собакой»,— подумал он, поднялся и пошел в прихожую, где, положив голову на лапы, чутко спал Рекс, немецкая овчарка, его любимец. Рекс тут же проснулся и резко поднял голову, блеснув карими глазами.

— Спи, спи, Рекс, рано еще.

Рекс, поняв, что хозяину не по себе, сочувственно засопел и завил хвостом. Погладив собаку, Михаил Степанович пошел в гостиную и зажег свет.

«Почему так тоскливо-то, что происходит? Будто я виноват в чем-то. В чем я виноват и перед кем? Может, пора кончать быть директором? — неожиданно спросил он сам у себя, и этот вопрос ему понравился.— Я всегда хотел быть директором, работал для этого, обошел всех конкурентов, вряд ли кто может делать это дело лучше. Откуда же, черт возьми, сомнения? Что меня так подкосило? Что тут непонятного? Все понятно, и все же почему так паршиво, будто убил кого или меня убьют? Нет, дело не в заводе и не в смерти Петрова. В семье тоже все более-менее. Причина не в этом. Может, что-то со здоровьем и это давит из подсознания? — Михаил Степанович прошелся по комнате, остановился и пожал плечами.— Здоровье, здоровье — нет, и не в этом дело.— Хотелось почему-то лечь прямо на пол и закрыть глаза.— А почему бы и нет»,— подумал Михаил Степанович, лег на пол и закрыл глаза. Как только он почувствовал затылком твердый, прохладный пол, ему сразу стало легче, он вытянулся, как только мог, на полу и расслабился, углубившись в воспоминания.

1962 год, он молодой, талантливый физик, только что защитил диссертацию по теоретическому обоснованию Разделения изотопов новым способом. «Какое счастливое время было. Я тогда еще писал этюды с натуры,— улыбнулся про себя директор.— Светки не было, жены не было, от^{не} было. Была свобода. Я так хотел продолжать свою ему не вышло; отвлекли, сагитировали, купили. Или

сам хотел? Сам хотел, конечно же, сам, но потому, что этого от меня хотели другие. Я должен был это делать, и с тех пор я делаю то, что должен и за это меня уважают и ценят, и я себя уважаю за это Я — директор! Нарботался даже надоело уже, а вот собой давненько не занимался — вот, наверное, в чем дело. Не так уж много осталось времени, чтобы заняться собой. Это все? Нет — это еще не все. А, нет чувства безопасности. — Директор начал вспоминать последние события. — Мне передалось это ощущение от людей, которые меня окружают, у них тоже нет чувства безопасности. У всех в этой стране нет чувства безопасности, и давно уже! — Директор глубоко вздохнул. — На кой черт я всю жизнь разделял изотопы? — вдруг спросил себя директор, открыл глаза и резко вскочил с пола. — Я это делал для того, чтобы все, кого я люблю, жили спокойно, но этого оказалось мало, очень мало, никто спокойно не живет, и все может разрушиться и уже рушится. Дело не во мне, мы все, наверное, живем неправильно, поэтому и мучаемся в ожидании чего-то плохого. А, вот в чем дело, — сказал себе шепотом директор и стал ходить по комнате. — Жизнь — в опасности. Жизнь в опасности, пока на белом свете есть такие, как я, которые хотят одного, а делают другое. А мы всегда были, есть и будем, потому что человеческую породу не переделаешь, вчера мы сделали бомбу, завтра сделаем еще что-нибудь, и ничем нас не удержишь. Нас используют те, кто знают, чего хотят, и не имеют сомнений, и все летит к чертовой матери. — Директор остановился и стал смотреть в окно. — Мне казалось, что я всю жизнь делал то, что хотел, а теперь так не кажется. Как говорил дед, царство ему небесное: „Пора и о душе подумать, скоро прибираться“».

На улице рассвело. Михаил Степанович оделся и пошел в лес, который начинался прямо за оградой, гулять с собакой. Рекс рыскал по кустам.

— Рекс, побежали в гору, — сказал Михаил Степанович и быстро пошел в гору.

Гора была крутой, подъем был метров двести, не меньше, но его удалось одолеть без остановок. С горы был виден весь город, казавшийся отсюда игрушечным. Только что взошедшее солнце освещало дома сбоку, делая их рельефными. Дома, которые были окрашены в белое, казались розовыми. «Будет хорошая погода, пойду-ка я еще пройду». И Михаил Степанович пошел бродить по лесу. Он, как когда-то в молодости, лазил по скалам и сшибал

палкой верхушки высокой травы, свистел, подзывая собаку, и кричал с прибрежной скалы, слушая, как отзывается эхо, отражающееся от гор с другого берега реки. Устав, он сел на камень и стал смотреть на горы и реку, которая извивалась широкой, темной лентой далеко внизу. Рекс лег рядом, высунив язык и часто дыша.

— Как я тебя, парень, а? Может хозяин еще и тебя умотать, вот так-то, — сказал Михаил Степанович и потрепал пса за ухом. Потом Михаил Степанович начал разглядывать камень, на котором сидел. Это был большой розовый камень с вкраплениями слюды, блестевшей на солнце.

— А ну-ка, Рекс, столкнем его вниз, что будет? — Михаил Степанович был сильным мужчиной, он поудобней взялся под низ камня, собрался и потянул камень на себя, потом еще раз рванул изо всех сил, но камень даже не шелохнулся. — Нет, это нам с тобой не по силам. Ладно, Рекс, пошли домой, нас, наверное, совсем потеряли.

Спустившись со скалы прямо на дорогу, которая протянулась вдоль реки, уставшие хозяин и собака пошли домой.

— Где вы были, бродяги? — раздался из кухни Светин голос. — Мы уж думали, не случилось ли чего.

— А где мать? — спросил Михаил Степанович.

— Вы же договорились поехать на дачу к Михайловым. Они за вами заехали. Тебя нет. Мать поехала одна. Ругалась очень, между прочим.

— Ладно, ничего. Накрывай на стол. Будем обедать и завтракать одновременно — в зале. И постели скатерть, — сказал Михаил Степанович и пошел умываться. Когда он, побритый и пахнувший дорогой туалетной водой, вышел из ванной, стол в зале уже был накрыт. «Молодец, дочь», — подумал он.

Большой стол был накрыт на двоих. Приборы стояли по торцам стола.

— А где официант? Кто подавать блюда будет? — спросил Михаил Степанович, потирая руки.

— Я буду. В кои-то веки ты собрался пообедать так, как мне нравится, — не на кухне и не уставший, — ответила Света и стала накладывать салат из помидоров. — Может, выпьешь чего-нибудь?

— Нет, не хочу. Потом может, — ответил отец и принялся за еду. Света села за стол и тоже стала есть, то и дело поглядывая на отца. «Что это с ним сегодня? Он какой-то возбужденный и щеки ввалились. Сейчас что-нибудь вы-

даст», — думала Света, достаточно хорошо изучившая отца.

— Ты когда замуж выйдешь? Мне хочется успеть как следует познакомиться со своими внуками, — сказал отец, продолжая есть и не глядя на Свету.

«Ну вот — выдал», — подумала Света и сначала было собралась вспылить, но потом, почувствовав, что сейчас это делать будет неправильно, ответила:

— Папа, сосватай мне кого-нибудь. Если скажешь: вот он, выходи за него — не прогадаешь, сразу выйду. Ей-Богу — не вру.

Отец перестал есть и внимательно посмотрел на дочь.

— А этот, как его, не годится что ли?

Светлана резко мотнула головой:

— Не годится.

Отец опять начал есть. Потом сказал:

— Давай другого ищи. Не копайся только в мужчинах, как в своем гардеробе, все равно не угадаешь. Хочу, чтоб ты поскорее вышла замуж, и все.

— Чего это вдруг ты, папа, после прогулки сразу решил выдать меня замуж? Честно сказать, мне и так неплохо. Тебе не вредно ли гулять подолгу? Лет десять, наверное, не гулял, прогулялся и сразу на тебе — замуж.

— А я знаю, что тебе неплохо, поэтому и беспокоюсь.

— Не за кого выходить, папа.

— Почему?

— Потому что хочу быть спокойной, что этот самый муж будет именно муж, а не источник для создания аварийных ситуаций.

Отец бросил вилку на стол и как бы в сердцах сказал:

— Ну, ты посмотри на нее. И этой хочется безопасности. И здесь не хочется рисковать. Не бывает так.

— Я папа — не центрифуга, а женщина, имей это, пожалуйста, в виду, хочу таковой и оставаться, не думай, чег; мне на себя наплевать до такой степени, что я пойду за кого попало.

— • Да, да... да. Да, конечно! Всем хочется безопасности. Всем: и мужчинам, и женщинам, и детям, и тебе, — говорил отец то ли Свете, то ли себе самому. Света внимательно смотрела на отца, стараясь понять, что это его так разобрало и к чему бы все это. — Нет ее, безопасности, и нет гарантий. Хочешь жить по-человечески, учись жить без гарантий — вот тебе мой совет. Нужна система гарантий,

но людям ее создать не по силам, — сказал отец и ударил кулаком по столу. — Наломает дров — я пойму, но не ленись ломать дрова, иначе все пропадет.

— Что пропадет? — спросила Света.

— Что, что... Все, вот что. Ай... — И отец махнул рукой.

«Вот тебе и раз, — возмутился Риикрой. — А как же всемогущество человечества? Эй, уважаемый, мы так не договаривались...»

— Ясно. Давай есть суп, — закончила разговор Света и пошла на кухню за кастрюлей.

В прихожей зазвенел звонок. Света, поставив кастрюлю с супом на стол, пошла открывать. На крыльце стояли Сергей и Иван.

— Заходите, заходите, вы очень вовремя. Рекс, место. Сережа, как хорошо, что вы пришли. Мы с отцом обедаем, и у нас очень интересная беседа, присоединяйтесь. Папа, Сергея ты знаешь, а это Иван, тоже учился в нашей школе. Прощу к столу.

Света быстро поставила приборы, а Сергей с Иваном переглянулись и сели.

— Не стесняйтесь, ребята, ешьте как следует. Моя дочь неплохо готовит, — приглашал гостей Михаил Степанович.

— Да, это одно из моих достоинств, — с легким сарказмом сказала Света. — Но их все-таки явно недостаточно, чтобы выйти замуж.

Отец понял, что сейчас Светку может понести, и, осознав, что сказал больше, чем бы надо было, вздохнув, решил увести разговор в сторону.

— Иван, извини, твоя фамилия Свиридов? Ну, так я же тебя помню.

Светка не успокаивалась:

— Вот, Иван. Чего во мне не хватает, чтобы на мне можно было жениться?

Света демонстративно уставилась на Ивана своими большими серыми глазами. Иван не смутился и стал внимательно разглядывать Светино лицо. «Ну и взгляд же у него», — поежилась про себя Света. Отец и Сергей внимательно смотрели на Ивана, ожидая, что он скажет.

Иван смотрел на Светлану, как смотрит на женщину Мужчина, мысленно раздевающий ее.

Риикрой подскочил до потолка и сделал кульбит. «Ал-^деин, спорим, сегодня же он будет готов встретиться со

мной. Сегодня же мы встретимся с ним в его мире, он воспримет меня так, как надо и будет знать, почему...» Аллеин ничего не ответил, он подумал: «Пожалуй, ты прав. Сегодня он уже не остановится. Он неудержимый жизнелюб...»

Наконец Иван сказал:

— Смелости или, если угодно, самоотверженности.

— А все остальное? — спросила Света.

— А всего остального хватает, — засмеялся Иван.

— Вот, — серьезно сказала Света и подняла вверх указательный палец. — Мне не хватает са-мо-от-вер-жен-ности. Жен-нос-ти. Иван, ты умница. Давай я тебя за это попотчую жареной бараниной.

Света встала и ушла на кухню. Мужчины молчали. Сергей думал, как бы найти предлог, чтобы поскорее уйти, не обидев хозяев. Действительно, положение было неприятным. Отец напряженно молчал и о чем-то думал, не глядя на гостей, Светлана звенела посудой на кухне, явно не торопясь возвращаться в гостиную. Наконец отец сказал:

— Извините, ребята, за некомфортную, так сказать, обстановку, это я виноват. Взрослые дочери обижаются на своих отцов еще легче, чем на своих мужей, а отцы понимают своих дочерей, наверное, не лучше, чем своих жен. Давайте выпьем за то, чтобы каждый из нас смог в своей жизни превзойти самого себя.

Посидев еще немного для приличия, друзья ушли.

12

Иван, Сергей и Миша сели в машину.

— Ну что, поехали домой, я думаю, что наш визит вполне удался и на сегодня программа закончена, — сказал Сергей. Иван молчал. Когда Миша завел мотор, Иван повернулся к Сергею и произнес:

— Сергей, очень прошу, отвези меня туда, где играет музыка, я тебя прошу — ненадолго, мне это очень надо.

— Это обязательно, Иван? Подумай как следует.

Иван^помолчав, тихо сказал:

— Конечно, это нелогично и непонятно тебе, скорее всего. Просто во всем остальном я настолько логичен, что

если хочешь, чтобы и продолжал быть таким же логичным, позволь мне в жизни быть нелогичным.

— Ничего не понял. Опять ничего не понял. Ну да ладно. Миша, поехали в бар.

— В какой?

— В «Уют», пожалуй. Там есть то, что Ивану надо, поехали.

Буквально через минуту машина остановилась у большого здания, в цокольном этаже которого находился бар. Сергей понял, что Иван завелся, и ему надо, что называется, выпустить пар.

«Может быть, ему и еще чего потом захочется, — скосив взгляд на Ивана, подумал Сергей. — Вот, паразит, прости Господи, придется его, наверное, сегодня останавливать».

Когда Иван вышел из машины, Сергей наклонился к Мише и прошептал:

— Гони за ребятами, вам на сборы пятнадцать минут, чтобы через пятнадцать минут все были здесь. Дай пистолет. — Миша молча передал Сергею пистолет. Как только Сергей вышел, машина резко рванулась с места.

— Ну что, пошли?

— Пошли, — ответил Иван и решительно направился вперед.

Открыв дверь и войдя в фойе, он спросил у вахтера:

— Где у вас тут бар?

— Направо вниз, — ответил вахтер, окинув взглядом высокого, широкоплечего парня.

«Еще один крутой объявился, раньше я его, кажется, не видел», — подумал он.

Войдя в бар вслед за Иваном, Сергей сразу огляделся.

«Твою мать! Вся банда здесь, чтоб их разорвало! Что же делать?!» — пронеслось в голове. В баре со своими девицами сидела вся банда Макарова, кроме двоих, которые после драки с Иваном так и не оправились, — всего восемь человек и никого, никого больше не было. «Они всех уже Разогнали, отдыхают. Ой, влипли, е...» Иван тем временем подошел к стойке бара и что-то сказал бармену. Бармен молча посмотрел на Ивана и спросил:

— Ты не здешний?

• — Почему? Здешний.

— Чего хочешь?

~ То, что и сказал — бутылку коньяку. — Бармен молчал, глядя куда-то в угол. Увидев кивок Макарова, он подал Ивану бутылку и два стакана.

Сергей в кармане снял пистолет с предохранителя, он все видел и понял, что им отсюда просто так не уйти.

«Надо как-то тянуть время», — подумал Сергей. Сердце учащенно забилось. Сергей медленно отодвинул стул и, не сводя глаз с Макарова, сел за угловой столик лицом к противникам. Иван подошел к Сергею и, улыбаясь, сказал:

— Мне здесь нравится. Давай немного выпьем.

— А мне не нравится. Совсем не нравится, — тихо ответил Сергей. В это время трое парней встали и, подойдя к двери, остановились в проходе, закрыв выход из бара. Бармен куда-то исчез. — Иван, сейчас на нас нападут, эти парни как раз из тех, кто за тобой охотятся. Ты все понял?

— Я понял, что эти парни из той банды, — ответил Иван, оглядев зал, — двоих я помню. Того и того, — указал Иван кивком головы. — Давай хлопнем по стаканчику.

— Да ты что! — И Сергей выругался.

— Ну, как хочешь, — сказал Иван и выпил полстакана коньяку.

Потом он встал и направился к кудрявому парню, который начал драку в тот раз.

— Стой, Иван, что ты делаешь, — прошептал Сергей.

Иван не ответил и не остановился. Подойдя к кудрявому, он улыбнулся, показав зубы, и поднял руку, как бы приветствуя его. Иван не чувствовал ни страха, ни сомнения в правильности того, что он делает, ему нравилось то, что здесь опасно, и он был уверен, что ни с ним, ни с Сергеем ничего не случится.

— Привет, я тебя помню, — сказал Иван, глядя прямо в глаза кудрявому. — Я никуда отсюда не уйду, пока сам этого не захочу, ясно? И не вздумайте мне мешать.

Вся компания молча смотрела на него. Наконец, как бы разряжая обстановку, одна из девушек, сидевшая рядом с Макаровым, высокая, стройная и с большой красивой грудью, сказала:

— Мальчики, я не хочу, чтобы здесь сегодня была драка. Пришли танцевать, давайте танцевать. — И она решительно поднялась и пошла в танцевальный круг, слегка покачивая бедрами. Другие девушки дружно поднялись и тоже пошли танцевать. Макаров встал и, пододвинувшись вплотную к Ивану и приставив кулак к его животу, прошептал:

— Живым ты сегодня отсюда не уйдешь, понял? Привет, покойник.

Иван зло улыбнулся и так же тихо ответил:

— Уйду. — И резко сжал кулак Макарова. У того потемнело в глазах от боли. Ему показалось, что Иван раздавил его кисть. Иван отпустил руку и пошел к девушкам.

Макаров сел на место и стал анализировать обстановку. «Получен приказ выключить Ивана. Иван — вот он — выключай. Ничего не мешает. Подходи сзади, бей по голове и вытаскивай через черный ход. В зале все свои. Сергея тоже по голове и туда же. Пригрозить. Если расколется — поджечь дом, украсть детей. Все это делает Кудрявый, — Макаров покосился на соседа, — ему все равно одна дорога».

Макар повернулся к соседу и сказал, пододвигая бутылку:

— На, врежь ему по голове, чтоб не встал, и вытаскивай через бар в машину, второго берем на себя.

Сосед, немного помолчав, ответил:

— Врежь сам, а другого я беру на себя.

— Ты, дерьмо, кончай. Делай, что тебе говорят.

— Пошел ты... — резко ответил Кудрявый и направился к танцующим.

Сергей сидел, наблюдая за происходящим. Вот-вот должны были подъехать Мишка с ребятами. «Если замечу хоть малейший намек на агрессию — выпускаю в толпу всю обойму», — решил Сергей и положил пистолет на колени. В это время дверь бара открылась, и в проходе появился высокий мужчина с лицом американского киноактера. Он обвел взглядом стоявших в проходе охранников, те сразу расступились, поняв, что этого лучше не задерживать, и направился к стойке. «Это еще кто? Никогда его не видел. Хорош гусь», — оценил Сергей вошедшего. Мужчина взял бутылку пива и сел за отдельный столик.

Дверь опять открылась. Вошли Мишка и еще четверо из его группы. «Слава Богу», — прошептал Сергей и, вызрев рукавом лоб, налил себе коньяку и залпом выпил. Макаров, увидев вошедших, понял, что время упущено и ничего не выйдет. Он сжал зубы и ударил себя кулаком о колену. Двое из Мишкиной компании подошли к бару, оолиже к Ивану, и встали, скрестив руки на груди. Пар-
" Макара успели заметить, что на руках у этих двоих

были кастеты, а под куртками пуленепробиваемые жилеты.

Кудрявый, окончательно убедившись, что легкой драки не будет, решил: «А пошел бы Макар... Будем балдеть, но этому говнюку я настроение испорчу». И он, встав во время танца перед Иваном, который вяло танцевал, внимательно разглядывая женщин, сказал:

— Ну что, крутой, как наши девочки? Не хреновые?

— Да, ничего девочки, симпатичные,— ответил Иван.

— Хочешь потрахаться? — прошептал Кудрявый.— Я устрою. Выбирай любую. Для тебя сделаем.

— Нет, не хочу,— тем же спокойным тоном ответил Иван.

— А, извини, я же забыл, что размочалил тебе яйца, ну ладно, я их без тебя перетрахую, а ты танцуй пока.— И Кудрявый, взяв за руку высокую блондинку, кото'рая первой пошла танцевать, сказал:

— Пойдем, Марина, наверх,— и подмигнул Ивану.— Предлагал тебя ему — отказывается, говорит, не хочет, наверное, ты ему не нравишься. А скорее всего и не может, помнишь, я тебе рассказывал...— И он громко засмеялся. Девица тоже засмеялась и, посмотрев на Ивана, сделала ему губки:

— Сожалею, мальчик. Пошли, Влад, раз он не хочет.

У Ивана потемнело в глазах от бешенства, он догнал Кудрявого и, схватив его за плечо, тихим голосом, который заставил всех разом посмотреть на него, сказал:

— Ее сегодня буду трахать я. А ты выбирай любую другую и давай пари: кто больше.— Кудрявый остановился и, не поворачиваясь, спросил:

— А если ты проиграешь?

— Ставь условия.

— Мы тебя запираем и держим две недели у себя. Идет?

— Идет,— ответил Иван, сердце которого колотилось, а все мышцы были готовы к бою. Он чувствовал себя в ожидании какого-то экстатического удовольствия и уже не мог остановиться. Иван взял девушку за руку и спросил:

— Где? Где будем?..

— Э, ребята, стоп, стоп! Это серьезное соревнование. Давай сделаем так, чтоб все было по-честному,— прервал их Макаров. Сергей подскочил к Ивану и схватил его за руку:

— Иван, пошли отсюда, прошу тебя!

Иван резко вырвал руку, так, что Сергей отлетел в столону, и громко спросил:

" Л Где будем трахаться?!

Ларина с визгом закричала:

— Только, чур, в отдельных комнатах, иначе я не согласна.

— А как же мы узнаем, сколько раз он кончил? — закричал Макар, и вся толпа засмеялась.

— Я скажу. Я не совру. Вы же меня знаете. Я сама дам ему оценку и все расскажу, что и как,— смеясь, сказала Марина, обращаясь ко всей публике.

Сергей закричал:

— Вы что, озверели? Какое же это пари! Я все равно не позволю вам его забрать.

Иван повернулся к Сергею и сказал ему:

— Сергей, не лезь не в свое дело, отойди и не мешай.

В это время к спорящим подошел киноактер, как его уже окрестила публика, он поднял руку и сказал:

— Тихо, тихо. Тихо! Я посторонний человек. Из всего здесь произошедшего я понял, что двое мужчин, вы и вы, и двое женщин решили выяснить на спор: кто кого превзойдет в количестве и качестве любовных актов. Тихо, тихо! Я правильно понял?

— Да,— сказал Иван.

— Да. Хочу от души потрахаться сегодня,— сказал Кудрявый.

— Я посторонний, непредвзятый наблюдатель, поэтому предлагаю себя в арбитры. Женщины расскажут все только мне, и я сделаю вывод. Согласны?

Все женщины, присутствующие в баре, закричали:

— Согласны!

Киноактер поднял руку и сказал:

— Тогда требую полномочий! Нужны две соседние комнаты. Я думаю — это единственно возможные справедливые условия пари.

Подвыпившая толпа шумно выразила свое согласие.

Иван, крепко держа Марину за руку, отправился на второй этаж, где, как выяснилось, были две свободные комнаты. В соседнюю комнату вошли Влад и выбранная им партнерша. Двери закрылись. Около дверей остался стоять киноактер. Макаров и компания отошли в один конец коридора, Сергей со своими телохранителями в другой конец.

Иван закрыл за собой дверь и осмотрел комнату. Кро^ать, коврик перед кроватью, женские тапочки на коври-

ке. Он посмотрел на стоящую рядом женщину. Она была на полголовы ниже его ростом, губы ярко накрашены, платье с глубоким декольте. Грудь женщины взволнованно колыхалась, а на нежной, белой шее трепетала голубоватая жилка. Марина повернулась, испуганно посмотрела на Ивана и прошептала:

— Иван, давай не будем, я все сделаю так, что все решат, что ты победил. — Иван молчал, он чувствовал, что сейчас начнется. — Давай, а?

Глаза женщины округлились, Иван увидел в них страх. Сердце Ивана рванулось, кровь бросилась в голову, он ничего не видел, кроме этих глаз, в которых застыл ужас. Иван рванул платье, разорвав его на груди сверху до низу. Марина закричала, Иван сорвал с нее всю одежду, зажал ей рукой рот и повалил на кровать. Больше он ничего почти не помнил.

Сначала Марина кричала, сопротивлялась, потом молчала, иногда она пыталась вырваться из-под него, тогда Иван вновь принимался за дело, и она только тихо стонала, будто подвывала. Чем больше она сопротивлялась, тем больше ему хотелось еще. Сколько это продолжалось, Иван не знал. Он очнулся оттого, что ему лили на спину холодную воду. Он и его женщина лежали на полу.

— Ты победил парень, хватит, хватит! — смеясь, говорил киноактер. — Охладишься, наконец.

Иван приподнялся и, быстро вскочив, попытался ударить кулаком в лицо киноактера, но тот ловко увернулся и, перехватив руку Ивана, рванул ее вверх:

— Вот победитель! Поздравляйте!

В комнату заскочил Сергей и захлопнул за собой дверь.

— Одевайся, сволочь, — прошептал он срывающимся голосом, держа дверь, в которую колотили кулаками.

Иван стал быстро одеваться, а Марина отползла в сторону и, стянув с постели одеяло, закрылась им с головой. Иван вышел из комнаты и, ни на кого не глядя и ни с кем не разговаривая, прошел по коридору, спустился вниз и направился домой.

Была глубокая ночь. Иван шел, как ему казалось, совершенно один. И действительно: ни Сергей, ни Макаров, ни их люди его не сопровождали, только киноактер шел за ним немного сзади и слева — невидимый и неслышимый, потому что мог быть таким, если хотел, и Аллеин, также невидимый и неслышимый, летел справа от него.

Придя домой, Иван забыл закрыть за собой на замок дверь. Не включая света, он вошел в комнату и лег на матрас лицом вниз. Только теперь он начал понимать, что с ним произошло и что он сделал. «Это для меня просто так не кончится, — подумал Иван, — коль уж слетел с тормозов, теперь так и пойдет, пока не врежусь куда-нибудь...»

13

Иван сжал зубами угол подушки так, что судорогой свело челюсти. «Наташа, она же все узнает, это же люди Ясницкого. Эти же все ей донесут. Как это могло произойти со мной?! Что я наделал! Как я буду смотреть ей в глаза теперь? Надо что-то делать». Иван резко перевернулся на спину, открыл глаза и увидел в проеме освещенного лунным светом окна черный силуэт стоящего человека. Реакция Ивана была мгновенной: будто бы подброшенный мощной пружиной, он вскочил и сделал гигантский прыжок в направлении силуэта. Вряд ли бы кто мог устоять после такого удара, но противник успел среагировать и подставил под удар свою левую руку, Иван почувствовал, что его ботинок будто бы ударил по каменной стене, рука незнакомца даже не дрогнула. Он ударил другой рукой Ивана в грудь так, что тот отлетел в другой конец комнаты. Незнакомец сказал:

— Спокойно, Иван. Я пришел не для того, чтобы драться с тобой.

«Это киноактер», — сообразил Иван.

— Что вам надо? — спросил Иван, продолжая лежать, киноактер прошел через всю комнату и включил свет. Да, это был он. Повернувшись к Ивану и улыбнувшись ослепительной улыбкой, киноактер сказал:

— Ты Иван Свиридов, не так ли?

— Да, я Иван Свиридов, — ответил Иван, поднимаясь.

— Мне необходимо поговорить с тобой, Иван. Только прошу тебя, не пытайся на меня нападать, во-первых, потому, что это бесполезно, — спокойно, спокойно! Во-вторых, потому что я вообще не хочу с тобой драться. Кроме того, это не в твоих интересах.

— Кто вы и что вам надо от меня? — спросил Иван, внимательно разглядывая мужчину. «Он не из нашего города и не из России. Таких людей я не видел даже в кино. Слишком уж уверенный в себе», — оценивал Иван незнакомца. Тот расслабил узел галстука, сел на стул и положил ногу на ногу.

— Садись, Иван. Успокойся, я принес тебе хорошую весть. Твоя судьба может измениться так, как ты и мечтать не можешь, в случае, если ты примешь мои предложения.

— Кто вы и что у вас за предложения? — опять спросил Иван и сел на стул напротив незнакомца. Незнакомец смотрел холодным, чуть насмешливым взглядом прямо в глаза Ивану. Ивану был очень неприятен этот взгляд. Он поймал себя на том, что никто никогда еще так спокойно и с таким превосходством не смотрел ему в глаза.

— Это самый трудный вопрос из всех, которые ты мог! задать. Но я постараюсь тебе на него ответить. Мне просто необходимо тебе на него ответить, иначе разговора у нас с тобой не получится. Я это понимаю. Так вот. Я верный слуга Сатаны — так люди называют моего Господина и Хозяина. Я не человек, Иван. Я сегодня здесь потому, что мой Господин направил меня в ваш мир специально для встречи с тобой. — Незнакомец говорил, не сводя глаз! с Ивана, внимательно следя за малейшими движениями его и чувств. На лице Ивана не отражалось ничего.

— Я вам не верю.

— Почему?

— Я просто сошел с ума — и все. Вас либо нет вовсе, либо вы пользуетесь тем, что я сошел с ума, и разыгрываете меня.

— Слушай, Иван, а как же синяк у тебя на груди? Это ведь реальность. И к тому же тебе о нас должен был говорить Творец.

— Нет, не верю. Этого не может быть. Я сошел с ума, — сам себе говорил Иван. — Как вас зовут?

— Меня зовут Риикрой. Это, конечно, условное имя — специально для людей. Мы в своем мире общаемся на языке, который не переводится на человеческие. Но здесь, на Земле, в этом мире, я — Риикрой.

— Риикрой?

— Риикрой.

— Риикрой, у меня просьба. Я хочу проверить твою реальность. Давай померяемся силой. Кто сильнее. АрМ'

рестлинг, например, — как бы обдумывая каждое слово, медленно сказал Иван.

— Иван, ты действительно сошел с ума. Не надо этого делать. Человек не может победить меня. И зачем тебе это? Ты не из тех, кто может спятить. Это я тебе точно говорю, — смеясь, сказал Риикрой.

— Это мое условие.

— Ну, хорошо. Где мы можем это сделать? В этой квартире есть стол?

— Да, на кухне. Пойдемте на кухню.

Риикрой и Иван пошли на кухню. Иван передвинул стол на середину кухни и, расставив стулья, сказал:

— Давайте попробуем.

— Ну что ж, давай, раз тебе так этого хочется.

Риикрой поставил локоть на стол и раскрыл ладонь. Иван сел, поставил руку в позицию и вложил свою ладонь в ладонь Риикроя. Ладонь его была прохладной. Ивана почему-то охватил страх. Он посмотрел в глаза Риикрою и сказал:

— На счет три начинаем. Раз, два, три, — и Иван рванул руку Риикроя изо всех сил. Рука Риикроя поддалась и остановилась буквально в сантиметре от стола. Иван сделал отчаянное усилие, в глазах у него пошли красные, кровавые круги, он закричал от чрезмерного напряжения и чуть не потерял сознание, казалось, что мышцы лопнут. Но тщетно, не удалось продвинуть ни на миллиметр.

— Иван, сейчас я придавлю твою руку к столу. Но при этом я могу сломать ее, потому что мышцы у тебя, действительно, стальные, а кости нет. Иван, меня нельзя победить, ты уж это пойми. Я могу уступить тебе, если хочешь.

— Нет.

— Да, правильно. Если я уступлю тебе, ты не согласишься, что я есть я. — И Риикрой очень медленно начал поднимать свою руку. Он поставил ее в вертикальное положение и также медленно, не останавливаясь, прижал руку Ивана к столу. — А теперь смотри, это тебе на память о моем визите. — И Риикрой, отбросив руку Ивана в сторону, положил свою ладонь на середину стола и надавил. Стол прогнулся, и посередине его прошла трещина. Риикрой нажал еще, и стол с треском сломался пополам. — Ну, как? Верить теперь, что я не сон и не игра твоего воображения?

— Слушай, ты, не знаю, кто ты. Можешь посидеть здесь, пока я тебя не позову? Мне надо подумать.

— О чем?! Иван, почему ты не соглашаешься с очевидным?

— Я никогда не соглашаюсь с очевидным.

— Ну что ж, хорошо, я посижу здесь, пока ты меня не позовешь, только не делай глупостей.

Иван вышел из комнаты. Риикрой тут же исчез и вошел следом за ним. Иван лег на матрас и закрыл глаза. Риикрой сел рядом и стал слушать мысли Ивана.

Иван быстро сосредоточился и начал анализировать решение своей Системы уравнений. Риикрой едва мог уследить за ходом рассуждений Ивана. Даже он, который мог разгадать и прочесть любую человеческую мысль, не мог успеть за тем потоком формальных логических операций, которые совершались в голове Ивана. Риикрой старался изо всех сил и все же поймал себя на том, что их не хватает, чтобы уследить за тем, как мыслит Иван. Через сорок минут Иван открыл глаза и сказал:

— Риикрой, если ты из гиперпространства со всеми степенями свободы — скажи, когда оно образовалось и как выглядит Бог.

— Я не знаю, когда образовалось наше гиперпространство, это знает только мой Господин. А ты, Иван, оказывается, провокатор. Ты же знаешь, что туда, где находится Он, нам путь закрыт.

Теперь Иван не боялся Риикроя. «Да, все это может быть. Но надо же, почему со мной?!» — подумал он.

— Вот это другое дело! — обрадовался Риикрой. — «Почему со мной?» — это хороший вопрос.

— Ты что, читаешь мои мысли?

— Конечно, а как же.

— И ты все знаешь обо мне?

— Естественно, все.

— И ты знаешь выводы моей теории?

— Знаю. И подтверждаю, что она всесильна, потому что она верна.

Иван усмехнулся.

— Ну что ж, говори, что тебе от меня надо, Риикрой, слуга Сатаны.

— Мой Господин приглашает тебя на встречу. Он хочет лично говорить с тобой.

— О чем?

— Не знаю.

— Так вот, я не хочу встречаться с твоим господином. Мне не о чем с ним говорить, так и передай ему.

— Я так и думал, что ты испугаешься и откажешься, — сказал Риикрой и медленно направился к выходу из комнаты.

— Риикрой, как выглядит Сатана? — торопливо спросил Иван, когда Риикрой уже выходил из комнаты.

— Он не хромает, Иван, и у него прекрасный цвет лица.

— Слушай, ладно, я согласен. Потому что, уверен, что вы все равно не отстанете от меня. Лучше уж ему услышать от меня громкое «нет», и как можно быстрее.

«Нет, не для этого ты идешь на встречу с Сатаной, а потому, что понял, наконец, что смертен, и нет для тебя другого пути к бессмертию, кроме как с нами», — подумал риикрой и сказал:

— Когда и где ты готов встретиться с Господином?

— С твоим господином, Риикрой.

— С моим, с моим Господином.

— Мне все равно когда и где, но не ранее чем через неделю.

— Хорошо, — и Риикрой достал из кармана карту. — Вот здесь, — указал он точку на карте. Это была карта района Саянских гор, как успел определить Иван.

— Почему он выбрал это место?

— Об этом спросишь у него.

— Но как я туда доберусь?

Риикрой засмеялся.

— Иван, к чему эти игры, мы ведь знаем все. Все! Лийил...

— Ну, ясно, — прервал Риикроя Иван. — Теперь мне вообще все ясно. Как я туда доберусь — это мое дело. Не так ли?

— Ну конечно же, конечно! Могу сказать одно: жди его там. И еще, прошу тебя, не спрашивай меня о цели этой встречи, не ставь меня в неудобное положение. Я всего лишь верный исполнитель. А с тобой будет говорить он, как с равным. Это большая честь, и ты ее заслужил.

— Риикрой, ответь — к чему весь этот спектакль: явление в баре, модный костюм, галстук, актерское лицо? Это что, ваша традиция?

— Это неудачное слово. А вообще говоря, у нас нет и «е» может быть традиций. Традиции — это всего лишь условность, они нужны людям, да и то не всем, а мы выше всяких условностей. Почему я пришел так, а не иначе —

это мой секрет. В этом и проявляется мастерство. Я пойду. До свидания, Иван.

— Прощай, Риикрой, надеюсь, мы с тобой никогда больше не увидимся.

Риикрой засмеялся и вышел из комнаты. Иван услышал, как хлопнула входная дверь.

Иван сел на стул, в руках у него была карта. Он встал и пошел на кухню. На полу лежал сломанный стол. Иван посмотрел в окно. На улице никого не было, фонари и окна домов не горели, но все же было довольно светло, потому, что на небе светила ущербная луна. Под окном прошел человек. «Это он, — подумал Иван и вернулся в комнату. — Надо что-то делать. Обязательно, срочно надо что-то делать, иначе я пропаду». Иван чувствовал, как на него опять накатывает знакомое уже экстатическое бешенство, которое вызвано то ли его бессилием, то ли разочарованием, то ли вообще неизвестно чем. Сейчас ему хотелось бежать, кричать, разрушать. «Что же это было со мной? Боже мой! Почему раньше такого не было?» Иван лег на матрас, его колотила дрожь, хотелось броситься в бой и бить, бить, бить... Он едва сдерживал себя.

— Это выше моих сил. Лийил, почему я такой, Лийил? Откуда это? Как с этим бороться, Лийил?

14

Вспышка света — и Иван ослеп. Когда зрение и слух вернулись к нему, он обнаружил себя стоящим среди массы людей: вокруг были мужчины, женщины, дети. Большинство из них, даже женщины и дети, были вооружены мечами и копьями, и все чего-то напряженно ждали, глядя на сооруженную из бревен сторожевую башню. Ржали лошади, лаяли похожие на волков собаки, скрипели кузнечные меха — весь мир был наполнен этими звуками, но человеческих голосов не было слышно.

— Римляне! Там римляне, — закричал, видимо во второй раз, дозорный, стоящий на смотровой площадке. — Готы, к бою!

Раздался крик тысяч, десятков тысяч людей, будто раскат грома, растянувшийся во времени; воины били мечами по щитам и ритмично кричали — так, как делают муж-

чины, когда стараются сконцентрировать свои силы, чтобы сдвинуть тяжелый груз. Вскоре разрозненный грохот оружия и крики, как бы подчиняясь какому-то невидимому дирижеру, выстроились в четкий ритм, в такт ударам человеческого сердца. «Теперь их сердца бьются вместе. Вот как готовятся к смертельной битве», — подумал Иван и тоже начал бить своим широким и довольно коротким, не более семидесяти сантиметров, как он оценил, мечом по окованному железом щиту. Энергия разрушения, которая заставила Ивана отправиться в путешествие во времени и пространстве, получила цель — надо было сражаться с врагом. И враг известен — враг за стенами лагеря.

Легковооруженные воины — те, кто не имел доспехов, а только копья или мечи и щиты, да и щиты были не у всех, бежали к воротам лагеря, которые были широко открыты. Иван тоже побежал туда.

Солнце уже клонилось к закату, было очень жарко, казалось, что воздух раскален до возможного предела, было трудно дышать. На Иване был широкий кожаный пояс, на котором были закреплены ножны и что-то вроде набедренной повязки, все тело было покрыто потом. «Ничего себе жара, пробежался всего-то с полкилометра, а каково же тем, кто в доспехах», — подумал Иван. Вокруг него стояли красивые, молодые, светловолосые мужчины. Каждый из них, попади он в наше время, мог служить образцом мужской красоты и вполне мог гордиться своим сложением и мышцами. Иван ничем особенно среди них не выделялся.

В полукилометре впереди перестраивались из походного в боевой порядок римские легионы. Шлемы, щиты и наконечники копий блестели на солнце, как огненная трава.

«Зачем и почему я здесь, что хотел показать мне Лийил, забрасывая сюда? — думал Иван. — А что ж тут неясного! Я хочу разрушать, убивать, насиловать. Только что Доказал это. Здесь все это будет, тут в полной мере проявится мое мужское начало, оно не уничтожено веками развития цивилизации. Кажется, это будет битва при Адрианополе. С каким восторгом я в детстве читал ее описание!»

Со стороны противника раздался трехкратный громовой удар. Видимо, легионеры трижды ударили оружием По щитам, и Иван услышал гул десятков тысяч шагов. Зем-

ля чуть-чуть вздрагивала от шагов. Стало страшно, но это был страх ожидания какого-то свершения, которое должно увенчать жизнь.

Иван оглянулся на своих товарищей по оружию. Глаза их смотрели вперед спокойно, и страха в них не было. Воины были плохо вооружены, на некоторых было надето что-то вроде рубаш из серого грубого полотна, но большинство были, как и Иван, обнажены по пояс. Некоторые, как бы про себя, улыбались, кое-кто что-то шептал. «Наверное, молятся, да некоторым, я смотрю, даже и весело», — подумал Иван. Иван достал из ножен меч и стал рассматривать его. Меч был тяжелый, с недлинным, но широким и толстым клинком, большой бронзовой крестовиной и деревянной рукояткой, предназначенной для двух рук. «Это двуручный меч, для одной руки он немного тяжело-ват», — оценивал свое вооружение Иван. Он взмахнул мечом и забыл обо всем на свете, его охватил ни с чем не сравнимый восторг. Такого меча, как у него, ни у кого из соседей не было.

• Легионы все, как по команде, очень быстро двинулись вперед. «Вот оно, началось!» — подумал Иван. По его телу прошла дрожь, он вдруг неожиданно для себя громко закричал. Воины вокруг тоже закричали, и из лагеря за спиной раздался мощный гул голосов. Когда между строем легионеров и готами осталось метров пятнадцать, первая шеренга легионеров оторвалась метра на три от идущей вслед, и Иван увидел, что легионеры сейчас метнут копья. Так оно и произошло. Иван даже успел увидеть взгляд легионера, который бросил копье в него. Иван выставил щит как можно дальше вперед — и вовремя. Копье вонзилось в щит, легко пробив его. Наконечник вышел за щит сантиметров на сорок. Смерть остановилась в сантиметре от груди. Иван увидел, что легионеры бросают еще раз. Он пригнулся, и копье пронеслось над его плечом, попав, видимо, в соседа сзади, так как оттуда раздался смертный крик, этот крик ни с каким другим спутать было нельзя. Передняя шеренга легионеров упала на колени и следующая шеренга, подбежав вперед, тоже метнула копья два раза, а потом следующая и еще одна. Готы, которые не были убиты или ранены, рванулись вперед раньше, чем третья шеренга легионеров метнула копья. Иван хотел было надеть на руку щит, но это оказалось невозможно, потому что копье, попавшее в щит, не позволяло это сделать. Иван

бросил щит и, взяв свой меч двумя руками, бросился вперед.

Легионеры сомкнули щиты и достали мечи. Первые готы, которые подбежали к строю легионеров, ударились об эти щиты, как о стену, и все почти были тут же зарублены. Но следующие ряды готов давили на передних. Иван толкал что было силы в спину впереди стоящего, и кто-то сзади также толкал в спину Ивана. И тут же он обнаружил себя среди битвы. Проломив и буквально растоптав первые ряды легионеров, оставшиеся в живых готы с бешеной скоростью орудовали своими мечами и боевыми топорами. Было столь тесно, что Иван чувствовал со всех сторон удары коленями, локтями, но сам не мог даже взмахнуть мечом, не разобрав, где свои и где враги. Но вот он увидел взгляд легионера и взмах меча, направленный на него. Рванув свой меч вверх, Иван отбил удар и, закричав, со всей силой опустил меч на шлем противника. Удар Ивана был так силен и стремителен, что легионер не успел подставить щит или защититься мечом. Меч Ивана раскроил пополам шлем и череп и остановился лишь на уровне плеч противника, ударившись в верхний край стальных доспехов. Кровь и мозг фонтаном брызнули из черепа, забрызгав и Ивана. Дальше для Ивана все было, как в замедленном кино. Он отбивал и наносил удары, уворачивался, падал и поднимался.

С первым подразделением римлян было покончено. Иван рванулся вперед на подходящий следом за первым новый строй римлян. Если бы Иван посмотрел назад, то увидел бы, что и готов-то из тех, с кем он стоял в строю, почти не осталось. Но Иван не обращал внимания на то, что происходило вокруг, он был устремлен вперед — в ряды врагов, в бой. Боковым зрением Иван видел, что справа и слева от него сражаются два хорошо вооруженных готских воина, и сзади его тоже прикрывают двое, причем воины делали это так, что не мешали Ивану вести бой. «Берсерк, берсерк, дорогу берсерку», — кричал прикрывающим его воинам мощный бородатый воин, по-видимому, какой-то командир готов. Что такое «берсерк», Иван не знал, но он понял, что ему на поле битвы отведена какая-то роль, и делал свое дело, разя налево и направо, глядя в глаза противникам и успевая их опережать на мгновение. Руки, грудь, лицо и даже спина Ивана были в крови, по-видимому, в чужой, потому что никакой боли и стеснения в движениях Иван не чувствовал.

Иван потерял счет времени. Сражаясь, он как бы находился в каком-то нереальном состоянии. Он не думал, что его могут убить или ранить. Он вообще ни о чем не думал, он просто не мог остановиться. Как хорошо отлаженная машина для убийства, он шел вперед, ведя за собой весь отряд, медленно уходя вдаль от лагеря. Солнце зашло за горизонт, и начало быстро темнеть, но битва была в самом разгаре. Вдруг Иван обнаружил, что врагов вокруг нет. Его окружали только готы, их было человек семь.

Иван почувствовал, что все его тело, все мышцы стонут от усталости и перенапряжения, силы будто враз оставили его. Он лег на спину и стал смотреть на небо, на котором загорались ранние звезды.

— Эй, берсерк, пошли с нами, — позвали Ивана.

— Я не могу.

— Что, совсем выдохся? Здорово ты дрался. Пошли с нами. Сейчас начнется конная атака, могут затоптать.

Иван приподнялся на локте и увидел, что на сторожевой башне лагеря зажгли костер. Стало почти совсем темно, когда Иван услышал гул приближающейся конницы. Готы быстро побежали вверх по холму, и Иван, схватив свой меч, побежал вслед за ними. И вовремя. Забравшись на скалу, возвышающуюся на вершине холма, воины увидели, что готская конница, развернувшись в боевой порядок, пошла в атаку. По тому месту, где только что находился отряд, пронеслась лавина тяжело вооруженных всадников.

В темноте поле боя было почти не видно. Но были хорошо слышны предсмертные крики тысяч людей, слившиеся в сплошной предсмертный крик, будто бы идущий от самой земли.

«Это предсмертный крик Римской империи, — подумал Иван, — и мне довелось услышать его. Крушить мировые империи — настоящее мужское дело».

— Ха, наши бьют! — заорал бородатый. — Вперед, готы! Наше место — там! — И воины побежали вниз, туда, откуда доносился шум сражения. Иван побежал вместе со всеми. Навстречу ему бежали побросавшие оружие римляне, их лица были искажены ужасом. Готы остановились и принялись за дело: стараясь не пропустить ни одного бегущего, они убивали всех. Иван стоял, опустив меч.

«Что тут делается? Это конец битвы? Зачем их убивать?»

По всему полю, насколько хватало глаз, лежали убитые воины. В основном это были римляне. Их доспехи мер-

пали позолотой в лунном свете. Иван пошел по полю битвы в направлении готского лагеря. В руке он сжимал свой меч. Были места, где убитые лежали один на одном так, что некуда было поставить ногу. Там Иван шел по телам, иногда раздавались стоны раненых, но Иван не останавливался, ему было страшно. Около лагеря были настоящие горы из трупов, видимо, конница готов прижала римлян к стенам лагеря и именно здесь было основное побоище.

На территории лагеря горели костры. Готские женщины готовили на них пищу для воинов. Большинство воинов лежали кто где, в основном прямо на земле. Никакого ликования Иван не видел. «Это будет завтра, а сегодня не до этого, у них просто нет сил», — подумал Иван. Вдруг он услышал:

— Эй, парень, это ты пробился сквозь строй легиона?

Иван понял, что обращались к нему. Он увидел стоящего рядом с лестницей, ведущей на смотровую площадку башни, человека. Это, судя по одежде и доспехам, был какой-то готский командир.

— Да, я был среди тех, кто пробился сквозь строй, — ответил Иван.

— Подойди сюда и выпей вина. — И командир протянул Ивану большой кубок, наполненный темным, терпким вином. Иван, не отрываясь, выпил кубок до дна. Он сделал это с огромным удовольствием, чувствуя, что начинает пьянеть, еще не допив кубок.

— Вступай в мой отряд, воин, у нас твое настоящее место. Ты получишь коня и доспехи. Мы двинемся на юг и дойдем до Афин. Вся империя теперь у наших ног, — говорил готский командир.

Иван был счастлив. Усталость после битвы — это была усталость победы, ощущение, которое стоило того, чтобы ради него жить. Иван посмотрел в глаза командиру и ответил:

— Я согласен. Куда мне идти сейчас?

— Накормите его и пусть спит, — приказал командир.

Женщина принесла бронзовый сосуд с водой и молча стала обмывать с него кровь. Вытерев Ивана сухой и мягкой тканью, она так же молча увела его в шатер, где положила перед ним большой кусок жареного мяса и ломоть хлеба.

Иван услышал, как женщина стала тихо молиться, прося у Бога упокоить души ее родных и всех погибших в этой

страшной битве. «Значит, она христианка», — • подумал Иван.

Заплакал ребенок. Женщина тут же быстро поднялась и подошла к месту, где лежали дети. Она стала гладить ребенка по голове и петь ему песню, в которой говорилось о море, за которым живет солнце и где все счастливы. «Когда ты вырастешь, мой сын, ты отправишься за море в солнечную страну», — говорилось в этой песне.

«Спасибо Лийил, я теперь знаю, что такое упоение битвой», — сказал про себя Иван. — Только ради удовлетворения этого чувства стоит рисковать жизнью, потребность в нем бросает меня вперед. Хотя и не знаю, что там, впереди. Игра со смертью — самая увлекательная из всех, в которые только может играть человек. А ведь и жизнь — игра. Кто написал ее правила?»

«Кто? Странно слышать этот вопрос от тебя, Иван, — подумал Аллеин. — Страшно подумать, но ведь ты хочешь получить не только ответ на вопрос: кто? Но и на вопросы — почему и зачем?»

— Как тебя зовут? — спросил Иван тихо, обращаясь к женщине.

— Хильда, — ответила женщина, взглянув на него.

— Я ухожу, Хильда. Передай, чтобы не искали меня. У меня своя дорога. Прощай.

Иван быстро вышел из шатра. Уже светало. Ивану очень хотелось спать. Он огляделся по сторонам и не увидел поблизости никого, только часовые стояли на стенах лагеря и сторожевых вышках. Иван сказал:

— Лийил, доставь меня домой, Лийил.

Вспышка ослепила его, и Иван, прежде чем зрение вернулось, понял, что лежит на своем матрасе.

Иван чувствовал себя очень усталым. Сильно хотелось спать. Часы показывали шесть вечера. «Интересно, какое сегодня число?» — подумал Иван. Он пошел на кухню и, перешагнув через сломанный стол, включил висевший на стене старинный динамик. Шла программа краевых новостей. Иван взял полбуханки засохшего хлеба, которая валялась на полу, и стал есть, отламывая куски. «Когда я последний раз ел? А, кажется, в шатре, ночью. Черт его знает, ел я или не ел, было это все или не было?» Иван посмотрел на свои руки, кожа на ладонях покраснела. «Конечно, помашки-ка мечом, подумал Иван. — Было, все это было, нельзя погружаться в

грезы по команде». Вдруг по ретранслятору Иван услышал голос Сергея, дающего интервью. «Ох ты, Боже мой! Сегодня же понедельник, а у меня же дел еще на три дня!» Не дослушав интервью Сергея и не вникнув в то, о чем он говорил, Иван встал и, держа в руке остатки сухаря, пошел в комнату. Он включил компьютер и сел на пол перед экраном дисплея. «Нуладно, Ваня, попутешествовал — и будет. Задело. Обдумывать увиденное будем потом».

Иван сосредоточился на тексте головной программы. Это была совсем небольшая подпрограмма, но именно она являлась самой главной, именно здесь была зарыта собака. Со стороны казалось, что Иван погрузился в транс; он, почти не двигаясь, сидел перед дисплеем несколько часов, не отрываясь от экрана. Стемнело, комната была освещена только голубоватым светом монитора. Логическая задача, которую решал Иван, была чрезвычайно сложной. Но все же это была обыкновенная логическая задача, где известны и входные, и выходные параметры, вся проблема для Ивана заключалась в том, что ее нельзя было обдумать быстрее, чем за сорок часов, время он оценил сразу. И времени не хватало. Иван не отвлекался на самообвинения типа: «Вот если бы не... то...» — это было нерационально, а значит, и ни к чему. К тому же он не ел и почти не пил, потому что ему не хотелось. Он сидел и думал, изо всех сил борясь со сном и усталостью. Под утро он отключился и проспал минут сорок. Когда проснулся, потрянул головой, чтобы согнать сон, и начал думать дальше. Ближе к вечеру в среду он начал набирать тексты программ. Когда стало темнеть, программа была закончена и оттестирована. Все работало нормально.

— Павел, приходи забирай управляющую программу, — позвонил Иван разработчикам и пошел умыться. Он долго мылся холодной водой, до тех пор, пока не пришел программист. Дверь в квартиру, кстати говоря, все это время была открыта. Проводив Павла, Иван лег на матрас и уснул. Спал он без снов больше суток. Проснулся, обнаружил, что ночь, и уснул опять.

15

Сергей уснул только под утро. Он думал о том, что же ^мУ теперь делать и как жить дальше. Он разорен — это ^сперь очевидно. Вероятность, что Иван сделает обещан-

ное, крайне мала. Не может такой человек держать слово. В образе Ивана для Сергея теперь сконцентрировались почти все отрицательные человеческие качества, худшим из которых была неспособность выполнять взятые на себя обязательства. «Он ведь знал, что для меня значит это дело, и не мог сдержаться».

«Надо жечь мосты, Сергей, иначе какой же ты мужчина. Ты не должен уступать!» — шептал Сергею из подсознания Риикрой.

Положение было совершенно безвыходным. «К нему я больше не пойду, меня от него тошнит, пропади он пропадом, но... — Сергей встал и долго ходил по кабинету, собираясь с мыслями. — Есть Ясницкий, которому я не хочу уступать и не уступлю. Пусть думают, что я не умею проигрывать, пусть думают что угодно, если узнают о моей роли, но Ясницкий за эту систему тоже ни рубля не получит».

Ровно в восемь приехал маклер. И через пятнадцать минут он уехал с подписанным договором на продажу дома. Подписывая договор, Сергей чуть улыбнулся, и взгляд его холодно блеснул. «Он что-то затевает», — подумал маклер, укладывая документы в кейс.

В девять приехали корреспонденты, и Сергей разговаривал с ними около часа, непринужденно ведя себя и блистая эрудицией. Сергей совершенно покориł корреспондентов своей уверенностью в нужности для общества решаемой его фирмой задачи. Был ими оценен и его имидж героя нашего времени: предпринимателя, осознающего свою ответственность перед страной. Распрощался Сергей с корреспондентами в самом, как им казалось, распрекрасном настроении.

«Так, начнем действовать по новому сценарию», — решил Сергей, проводив корреспондентов, и позвонил Наташе, попросив ее принять его сейчас же. Наташа сказала, что ждет его через полчаса.

— Здравствуй, Сережа. Рада тебя видеть.

— Наташа, налей мне рюмку чего-нибудь покрепче, если есть, конечно, — попросил Сергей и плюхнулся в кресло. — У меня к тебе серьезное дело, и крутить вокруг да около перед тобой у меня не хватает совести. — Сергей налил рюмку водки и выпил. — Короче, так: я, очевидно, разорен. Времени до предъявления работы заказ-

чику осталось неделя, а еще ничего нет. Не получилось. \Мы остаемся без денег, я и тебе платить не могу. Но это не значит, что я остался без работы. Хочу с тобой посоветоваться.

Наташа села в кресло напротив и спросила:

— Сережа, что делает Иван? Почему ты уверен, что у него не получится, он ведь обещал закончить в среду, а сегодня понедельник.

— Пле верю я в то, что он сделает! И нечего время терять.

— Иван здоров?

— Да он здоровее всех нас вместе взятых в десять раз, я такого коня, как он, никогда еще не встречал! Только при его двигателе и тормоза нужны надежные, а у него их, похоже, совсем нет. Просидел пять лет в своей общаге безвылазно, а сейчас... Тьфу, — Сергей сплюнул в сердцах. — Короче, Наташа, это страшный человек. Ты можешь думать что угодно, можешь считать меня кем угодно, но я тебе скажу: бойся его, он еще себя проявит.

— Сергей, я люблю его.

— Думаешь, я не вижу, что ты его любишь? Все я понимаю. И я чувствую, что он явился нам всем на беду, — сказал Сергей каким-то не своим голосом.

— Не надо, Сергей, успокойся. Не надо так. — Наташа улыбнулась. — Такой уж он есть. И ты совершенно напрасно решил, что он не выполнит к сроку то, что обещал. Он выполнит, только вы никто не напоминайте ему об этом. Он подумает, что в это никто не верит, и тогда уж обязательно решит вашу задачу.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверена. Давай подождем два дня, только Два дня, а потом уж будем думать, что делать дальше. Договорились?

Сергей долго молчал. Потом сказал:

— Хорошо, договорились. Я ничего не буду предпринимать до утра четверга. Но только сил ждать у меня нет. Запыю. По старинному российскому обычаю — запью на Два дня.

Наташа покачала головой: «Бедный Сергей, как он бывает плох, когда дело не зависит от него».

Выпив еще водки, Сергей встал и попрощался.

«Так, тут, кажется, все в порядке, пора навестить Ясницкого, — решил Риикрой. — Это можно делать в открытую, туда Аллеин уж точно не полетит».

Местом, где Игорь Ясницкий любил находиться более всего, был его рабочий кабинет. Богато и со вкусом обставленный, расположенный в престижном районе города, оборудованный всеми возможными электронными сервисными устройствами. Здесь он подолгу размышлял в одиночестве, анализируя поступающую информацию.

«А не отдать ли мне Малышеву заказ на эту чертову систему? Не дешевле ли это будет? Парни оказались упрямые и, похоже, талантливые, не проще ли подготовить исподволь какой-нибудь компромисс? — в очередной раз возвращался Ясницкий к рассуждению на тему об электронной банковской системе. — Похоже, это именно их люди следят за мной. Не думаю, что это опасно, но может быть инцидент, а он сейчас, когда появляется столько перспективных дел, совершенно ни к чему. И Наташа в той компании, тоже надо учитывать, и, пожалуй, именно это главное». О Наташе Ясницкий думал постоянно. Он поймал себя на том, что он вообще не думал ни о каких других женщинах, только о ней. Это сильно мешало работать. «Надо это дело скорее довести до свадьбы. Так жить нельзя. Все равно ни за что не соглашусь с тем, что она достанется кому-нибудь другому. Кажется, это тот самый случай, когда я могу натворить всевозможные глупости. Надо стараться не доводить до этого. Может, связать компромисс по системе, женитьбу, устройство будущего этого Ивана в один комплекс вопросов? Это интересный выход», — заключил Ясницкий. Он встал и начал ходить по кабинету. Раздался телефонный звонок, звонил заместитель:

— Игорь, включи-ка телевизор на местную программу, только сядь прежде.

Ясницкий сел в кресло и включил телевизор. На экране он увидел Малышева, рассказывающего о глобальной банковской системе компьютерной связи, которую уже сделала его фирма. Малышев приглашал специалистов и потенциальных заказчиков на демонстрацию системы. Подробная информация в местной газете и в «Известиях»!

«Успел, успел! — ликовал Риикрой. — Теперь они оба у меня в руках».

«Что он делает?! Зачем?! Неужели они действительно смогли сделать свою систему?!» Ясницкий нажал на селектор, вызывая начальника отдела безопасности:

- Какая информация поступала о Малышеве?

— Его разработчики заканчивают тестирование сервисных программ, управляющая программа закончена Свиридовым и, скорее всего, он уже передал ее разработчику. — получил ответ Ясницкий.

«Ох уж мне эти российские самородки, твою мать! Теперь никакой компромисс невозможен, они на него не пойдут. Заработают с ходу миллиард, тогда, я чувствую, этот Малышев мне дорогу перейдет основательно. Он меня ненавидит».

Ясницкий очень точно всегда определял отношение к себе людей и никогда не ошибался. «Надо что-то срочно предпринять. Решительно и срочно. Что?»

— Найдите мне Рубцова, — приказал Ясницкий начальнику отдела безопасности. Рубцов был штатным агентом фирмы по особым поручениям и никому, кроме самого Ясницкого, не подчинялся. Он знал Рубцова еще по его работе в КГБ. Через Рубцова Ясницкий осуществлял связь с местной мафией.

- Федор, надо помешать Малышеву провести намеченную демонстрацию их программ для банков. Как это можно сделать? Ты, вообще говоря, хорошо понимаешь, о чем я говорю?

— Да, я полностью в курсе этого дела. Этого парня просто так не остановишь.

— Надо остановить.

— До него самого просто так сразу не доберешься. Он стреляный воробей. Ладно, ложись спать, Игорь. Этим делом я займусь сам.

Таким вздернутым Рубцов Ясницкого еще не видел. «Эти бегающие глаза, румянец, этот дурацкий лексикон. Странно, это на него совсем не похоже», — подумал Рубцов, выходя из кабинета.

Рубцов сразу понял, что это тот случай, когда Ясницкому успех нужен позарез и даже больше. Там замешана Женщина, а эту женщину Рубцов видел и все понял сразу. Теперь никаких комментариев и дополнительных размышлений ему было не нужно. Он предполагал, что примерно

этим все и кончится, и знал, что в таких случаях надо делать.

На следующий же день украли младшую дочь Сергея — Юлю; когда ее связывали в машине, она вырывалась *III* пыталась кричать. «Б... как мне все это надоело, как я это все ненавижу», — думал Панин, связывая ребенка. Юлю отвезли в дальнюю таежную деревню и заперли в комнате брошенного дома. Охранять ее Панин оставил деревенского мужика, своего родственника, дав ему триста тысяч рублей. «Не бойся, приеду, сам заберу. Тебе в любом случае ничего не будет. В случае чего скажешь, что я тебе угрожал. Глаза и рот ей не развязывай».

Сделав дело, Панин заперся в квартире и стал ждать звонка от Рубцова.

Сергей опохмелился и смотрел в своем кабинете видеоклипы, потягивая пиво, когда в комнату вбежала няня с криком: «Сережа, Юлю украли!» Тут же зазвонил телефон. Сергей схватил трубку. Незнакомый голос сказал:

— Дочь тебе вернем целую и невредимую в случае, если ты ничего не будешь предпринимать в течение четырех дней. Если будешь действовать по своему плану — ты свою дочь больше не увидишь. Не пытайся сообщить в милицию, сообщишь — потеряешь и вторую дочь.

Сергей протрезвел моментально. Сердце сделало несколько сильных ударов и остановилось. «Ясницкий, его работа. Как это произошло?» Няня, плача, рассказала, как было дело. Сергей медленно сел в кресло и обхватил голову руками. Он сжал зубы так, что, казалось, они раскрошатся. Взял телефон и набрал номер отдела по борьбе с организованной преступностью:

— Михаил Владимирович, здравствуйте, Малышев. У меня пятнадцать минут назад украли младшую дочь *Ц* Приснули в лицо няне газом и увезли... Угрожали, что если сообщу вам — украдут и вторую... Нет, пока у меня никаких предположений нет... Приезжайте, делайте свое дело, а я займусь собственным расследованием... Не отговаривайте меня... Я подумаю до вечера и сообщу вам свои соображения, кто и зачем это мог сделать.

Во рту у Сергея пересохло, голова сильно закружилась. Ничего не сказав няне, он встал и медленно вышел из комнаты. Он пошел в гараж, расположенный под домом, там вскрыл заветный тайник в полу, достал из него пистолет, две запасные обоймы с патронами и глушитель, сел в автомобиль и выехал из гаража, не закрыв за собой ворота.

Сергей долго и бесцельно ездил по городу. Автомобиль, как бы понимая, что хозяин не в себе, успокоительно урчал мотором и поскрипывал тормозами. Наконец его остановил инспектор ГАИ. Увидев за рулем Сергея, он поздоровался и сказал:

— А, Малышев, чего ты носишься, как сумасшедший, пьяный, что ли?

— Нет, Степаныч, трезвый.

— Ладно, поезжай, только сбавь обороты. Что ты крутишься по всему городу? Я тебя уже в третий раз вижу.

— Да, решил покататься вот, — ответил Сергей и медленно поехал в сторону набережной. Он остановил машину на набережной, вышел из нее и спустился к реке. Темная, холодная вода плавно и мощно текла перед ним. «Утопиться, что ли, и никаких проблем, — подумал вдруг Сергей. — Я ведь неспроста именно сюда приехал». Сергей достал пистолет, дослал патрон в патронник и привернул глушитель. «Ладно, все, начинаем действовать. Юля здесь где-то, и выкрасть ее могли только наши, уж больно грубая работа для людей Ясницкого. Приказ отдал он, услышав мое интервью, времени готовиться у них не было, и они сделали все с ходу, как получится. Надо потрянуть Хромова и дальше всех по очереди, вплоть до самого Панина. Патронов на всех хватит». Сергей почувствовал, что мельтешение мыслей прекратилось, голова прояснилась, и руки перестали дрожать. «Уф, наконец-то, а то аж противно было на себя смотреть».

«Ладно, действуй по своему усмотрению, — сказал Рикрой. — Сможешь ее освободить или она задохнется раньше в этом сарае — это дела не изменит. Ненависти у тебя достаточно, надо будет только направить ее в нужное русло. У меня есть дела и поважнее, надо организовать встречу Ивана с Ясницким, да так, чтобы она им обоим надолго запомнилась».

Сергей на максимальной скорости поехал на базу отдыха, минут через двадцать он подъехал к воротам базы и, закрыв на ключ двери машины, не спеша вошел в здание через главный вход.

— Мамаша, Кудрявый здесь? — приветливо спросил Сергей у пожилой уборщицы, мывшей полы.

— Здесь, а где ж ему быть.

- Давай ключ, мамаша. Я им хочу сделать сюрприз.
- Ой, боюсь.
- На пятьдесят и быстро давай, пока я не передумал.

Техничка достала ключ от бани. Сергей выхватил ключ из ее рук и побежал вниз. Баня была в цокольном этаже здания.

Сергей достал пистолет, снял с предохранителя, вставил ключ в замочную скважину, повернул его и открыл дверь. Дверь распахнулась, и Сергей увидел то, что и ожидал: Кудрявого, Самвела и четырех женщин, сидящих за столом. Все были голые, или почти голые. Кудрявый лежал на диване с бутылкой пива в руке.

Сергей закрыл за собой дверь и, направив пистолет на Самвела, сказал:

— Самвел, забирай баб — ив парилку. Быстро. Шаг влево, вправо, крик — стреляю.

Сергей нажал на курок, раздался хлопок — и стоявшая на столе бутылка с шампанским вдребезги разлетелась.

— Быстро! Машка, отойди в сторону, ты закроешь их в парилке на засов. Кудрявый, лежи, не дергайся, я пришел по твою душу, дернешься, пришью к дивану.

Обомлевшие от неожиданности женщины, прикрываясь полотенцами, подчинились. Самвел, блестя налитыми кровью глазами, пошел следом.

— Машка, закрыла?

— Закрыла.

— Отодвинься в сторону, я проверю, как ты закрыла... Ложись на пол задницей вверх, руки на голову и лежи не двигайся,

В этот момент Сергей заметил, что Кудрявый делает замах, чтобы бросить в него бутылку. Сергей моментально отреагировал, выстрелил, бутылка разлетелась, забрызгав Кудрявого пивом и осколками.

— Твою мать! Обалдел, что ли, — прорычал Кудрявый, откидываясь на подушку.

— Слушай, хрен стоячий, внимательно. Твоя жизнь мне не нужна. Сейчас ты поедешь со мной. От тебя надо, чтобы ты убедил Панина открыть дверь в его берлогу, — и все. Если хочешь жить — подчинись.

Кудрявый понял, что Сергей запросто может его пристрелить, и оценил обстановку: «Ах, Паня, твою мать, сколько я тебе говорил, не трогай Малышева».

— Ладно, поехали, — сказал Кудрявый.

Кудрявый всю дорогу сидел спокойно, пытаясь угадать, что же произошло. Подъехали к дому Панина. Сергей от-

крыл дверь автомобиля, дождался, когда не будет прохожих. Когда рядом никого не было, сказал:

— Быстро выскакивай — ив подъезд.

Кудрявый заскочил в подъезд, как заяц. Поднялись на третий этаж, подошли к двери квартиры Панина. Сергей прошептал на ухо Кудрявому:

— Я позвоню, а ты говори что угодно, чтобы он тебе открыл. Когда распахнет дверь, отскакивай в сторону, я вхожу в квартиру, а ты свободен. Понял?

— Понял.

— Что будешь говорить?

— Я знаю, что надо говорить.

Сергей нажал кнопку звонка.

Из-за двери раздался женский голос:

— Кто там?

— Люба, это я, Сивцов. Хозяин дома?

— Нету его.

— Скажи ему, что пришел я, и что я знаю такое, что ему срочно необходимо знать, если он хочет жить.

Через минуту из-за двери послышался голос Панина:

— Что тебе надо, Федор?

— Поговорить надо, срочно.

— Ты один?

— Один.

Тут Сергей сообразил, что допустил оплошность.

Панин увидит руки Кудрявого за спиной и тут же захопнет дверь. Сергей пригнулся и быстро стал развязывать Кудрявому руки. Как только он это сделал и отскочил в сторону, дверь заскрипела и приоткрылась. Сердце у Сергея бешено колотилось. «Точно, открыл на цепочку», — решил Сергей. Кудрявый засунул руки в карманы куртки. Зазвенела цепочка, дверь распахнулась. Сергей прыгнул, оттолкнул Кудрявого и ворвался в квартиру. Панин упал. Его жена, стоявшая рядом, закричала, подняв руки, стараясь будто бы защитить лицо. Сергей захопнул дверь, выхватил пистолет и выстрелил в телефон. Он тяжело дышал, чувствовал, что на него накатывает бесконтрольное бешенство.

— Уходи в кухню, — обратился он к жене. — Крикнешь, пристрелю и его, и тебя.

Жена Панина убежала на кухню. «Сына дома нет, где-то спрятал», — сообразил Сергей.

— Где моя дочь? — обратился Сергей к Панину, его голос срывался и шипел. — Лицом вниз, на пол. Быстро. —

Панин перевернулся на живот. Сергей приставил ствол пистолета к затылку и повторил:

— Где моя дочь? Считай вслух до пяти. На счет пять я стреляю. Считай!

—: Не знаю,— выдавил из себя Панин. Сергей приподнял голову Панина за волосы и ударил его носом об пол. Под лицом Панина образовалась и стала быстро увеличиваться лужа крови.

— Не знаешь, значит, я сам буду считать: раз, два, три, четыре...

— • Знаю,— прервал его Панин.— Она в Степановке.

— Ты ее отвез?

— Я.

— Кому сдал?

— Ребров Иван, деревенский.

— Где этот дом?

— Крайний дом у реки. Рядом с колодцем.

— Больше там никого нет?

— Никого.

— Люди Ясницкого знают, где она?

— Нет, не знают.

— Кто тебя подрядил на это дело?

— Я тебе и так много сказал.

— Отвечай, сволочь.

— Убей — не скажу.

Сергей понял, что так просто Панин не скажет, а пытаться его не было времени. Он поднялся и выбежал из квартиры.

До Степановки было километров сто двадцать. Сергей ехал быстро, все время сдерживая себя. «Только б не врезаться куда»,— думал он, убавляя скорость. Проехал через мост. До Степановки осталось совсем немного, километров двадцать. Асфальт кончился. Дорога — сплошные ямы. И тут на приборной панели загорелись красные лампочки. Сергей остановил автомобиль и открыл капот. «Все ясно, лопнул ремень, запасного, конечно, нет. Ай, поехали, чего уж теперь, Сергей Михайлович. Как назло!»

Сергей ехал на минимальных оборотах, и все же, когда он уже въехал в деревню, двигатель заклинило.

— Слава Богу, хоть доехал,— сказал Сергей и, посидев с минуту за рулем, вышел из машины.

Автомобиль стоял посреди деревенской улицы. Вся-то деревня была дворов пятнадцать, да и те, судя по виду — покосившиеся заборы и выбитые стекла,— были почти все

нежилые. Проезжая часть улицы жирно блестела грязью, там, где дорога не была разбита, рос конопот и поздние сентябрьские одуванчики. Было очень тихо. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был звук быстро бегущей воды — деревня одним краем подходила к чистой таежной речке.

Заблеяла коза. Сергей обернулся и увидел старушку, стоящую около дверей черного, покосившегося от старости дома.

— Здравствуйте,— поздоровался Сергей.— Бабушка, где найти Ивана Реброва? Есть здесь такой?

— Есть такой. Он в крайнем доме живет. Вон там,— махнула рукой старушка.— Только он пьяный, поди, спит.

— А чего это он пьяный? День еще в разгаре.

— А он всегда пьяный.

— Спасибо, бабушка.

Сергей быстро пошел к дому Реброва. Отогнав палкой бешено лаявшую лохматую собаку, он вошел в сени. В сенях по полу был рассыпан комбикорм и валялись грязные и пыльные бутылки, сильно пахло какой-то гнилью. Сергей открыл дверь и вошел в избу. Печь, наверное, занимавшая около трети избы, судя по всему, последний раз была побелена еще до войны, печная штукатурка потрескалась, одно из двух окон дома было забито досками, другое, засиженное донельзя мухами, едва пропускало солнечный свет. Вся мебель была: старая пружинная кровать, на которой лежал овчинный тулуп и сколоченный из досок стол, за которым сидел, уронив голову, среднего роста мужик в телогрейке, кирзовых сапогах и засаленных черных штанах.

— Здравствуй, Иван Ребров. Я отец той девочки, которую тебе привез Панин. Я приехал за ней. Где она?

Мужик неуверенно тряхнул головой, стараясь поднять ее, но это ему не удалось. Повернув голову, он уставился на Сергея мутным, бессмысленным взглядом.

— Пшел на ... Убью,— промычал он.

Сергей вышел в сени, взял палку, которой он отгонял собаку, и повторил свой вопрос:

— Где моя дочь?

Увидев в руках Сергея палку, мужик, наконец, сделал усилие, оторвал голову от стола и попытался встать. Его повело в сторону, и он с грохотом рухнул на пол, уронив скамью. Бутылки, стоящие на столе, зазвенели от сотрясения. Потом он сделал попытку подняться, но это ему не удалось, и, промычав бессмысленные ругательства, он растянулся на черном от грязи дощатом полу.

Сергей молча вышел из дома, отогнал собаку и осмотрелся. Рядом с рекой стояла бревенчатая клеть без окон. «Наверное, Юля там», — решил Сергей. Он, перепрыгивая через лужи и скользя по грязи, добрался до клетки, она располагалась как бы на острове из чистой речной гальки. На дверях клетки висел ржавый амбарный замок. Сергей прислонил лоб к двери и громко спросил:

— Юля, ты здесь?

Никто не отозвался. Секунд через тридцать Сергей закричал:

— Юля, это я, папа! Ты здесь?

За дверьми послышался какой-то шорох, и сквозь дверную щель Сергей услышал сопение и как бы придавленное детское всхлипывание. Сергей почему-то совершенно растерялся. «Как открыть эту проклятую дверь, Господи?!» Он стал бегать вокруг клетки, стараясь найти лом или что-нибудь подобное, чтобы выломать замок.

— Милай, ты чего ищешь-то? — услышал Сергей скрипучий старушечий голос. Это была та самая бабка, которую он встретил ранее.

— Бабушка, там заперта моя дочка. Как мне открыть этот замок?

— Батюшки, да кто ж ее туда запер-то?! — всплеснула руками старушка.

— Ребров ваш.

— Ах он, алкоголик чертов. Так ключ-то вон, за косяком.

Старушка подошла к дверям и уверенно протянула руку. Действительно, там, спрятанный от прямого взгляда, висел большой черный ключ. Сергей выхватил ключ из рук старушки и стал открывать замок, но замок почему-то не открывался.

• — Дай-ка я, — сказала старушка.

Сергей отдал ей ключ и сел на крыльцо. «Господи, что со мной творится?» — думал Сергей. Старушка не торопясь вставила ключ в замочную скважину и повернула его, замок скрипнул и открылся. Она распахнула дверь. На пороге стояла Юля. Глаза ее были завязаны, руки связаны за спиной, а рот заклеен лейкопластырем. Сергей вскочил, бережно взял ребенка на руки и прижал к груди. Он ничего не говорил. Юля заплакала. Сергей спустился с крыльца, поставил ее на землю, развязал глаза, руки и оторвал лейкопластырь.

— Ну вот, все в порядке. Бабушка, у вас есть куры?

— Есть, куры есть, и петух есть. Такой красавец, хвост черный, сам зеленый, весь переливается. И поросята есть,—

гоазительным, спокойным голосом, как бы рассказывая ^вказку, отвечала бабушка, украдкой вытирая слезы, катившиеся по морщинистым щекам.

— Юля, пойдем смотреть поросят? — спросил Сергей.

— Пойдем,— сказала Юля и разревелась вовсю.

Когда наступил вечер и солнце зашло за верхушки елей, росших сплошной стеной прямо за огородами, Сергей напел на Юлю фуфайку хозяйки, на голову ей повязал шерстяной платок, и они пошли на берег речки жечь костер.

Дрова весело трещали. Сергей сидел у костра, глядя на огонь, а Юля бегала по берегу, собирала белые, отмытые водой палочки и бросала их в огонь.

— Эй... ты того, извини. Он меня заставил,— прервал размышления Сергея хриплый, низкий голос.

— Заставил, говоришь,— ответил Сергей, как бы нехотя посмотрев на слегка протрезвевшего Реброва.— Катись-ка ты отсюда к чертовой матери. Не пугай больше ребенка. Чтоб я тебя не видел.

— Пойдем, может, того... мировую.

— Иди отсюда. Мировую... И не попадайся мне на глаза.

Когда шаги уходящего затихли, Сергей встал, подошел к Юле, взял ее на руки и понес в деревню, в дом.

Сергей и Юля легли спать на постели, а бабушка на сундуке. Юля скоро уснула, поджав коленки к подбородку и иногда вздрагивая. Сергей лежал рядом, то и дело поглядывая на спящего ребенка и прислушиваясь к его дыханию. Пистолет он положил под одеяло прямо себе под бок.

Сергей почти не спал всю ночь, только несколько раз отключался, но совсем ненадолго.

19

«О Господи, Боже мой! — прошептал Ясницкий, положив телефонную трубку.— Опять ничего не вышло. Что они, заколдованные, что ли?!» Позвонил Рубцов и сказал, что Сергей сам нашел дочь и что Панин исчез.

Ясницкий посмотрел на часы. Было около шести вечера.

— Татьяна,— позвал он секретаршу,— ко мне никого не пускать. Меня нет ни для кого. Вообще ни для кого. Закрывайте офис. Совсем закрывайте — на замок. Охраннику скажи, чтобы никого не пускал. Меня здесь нет. Сама иди домой. А мне надо поработать еще.

Ясницкий аккуратно разложил лежащие на столе документы по папкам и спрятал их в сейф. На столе остался только настольный календарь и телефон. Ясницкий сел в кресло и, облокотившись на стол, взялся руками за голову, взъерошив волосы. «Черт с ними, с Паниным и с Рубцовым, надо со всем этим срочно кончать — это теперь абсолютно ясно. Если я промедлю хоть пару дней, мне никогда не стряхнуть с себя прошлое. У них на меня ничего доказуемого нет. Пусть катятся ко всем чертям. Произведу смену офиса, обстановки, имиджа, окружения. Выдвину себя, наконец, кандидатом на выборах, ну хоть в краевое законодательное собрание. Говорила же мне мама: „Игорь, никогда не бери с собой старые проблемы, уходя — уходи“. Эх, мама, мама, если бы можно было с тобой посоветоваться, все бы было гораздо проще».

Ясницкий погрузился в воспоминания. Он вспоминал свою мать, Софью Рудольфовну: как она выглядела, что и когда говорила, как любила своего единственного сына. «Что бы она посоветовала сейчас?» Перед смертью она говорила: «Игорь, зарабатывай деньги честно, цени друзей и слушай старших, — иначе пропадешь, ты дурно воспитан, и это моя вина, я тебя слишком жалела». «На чем же я попался? Где сделал неверный ход? Как им удалось меня обойти и нужно ли, вообще говоря, стараться им противодействовать? Почему меня так заклонило на этом деле?»

Ясницкий поднялся и стал ходить по кабинету. Подошел к окну и открыл створку. В комнату рванулась струя прохладного воздуха и шум улицы. «„Сердце женщины — силки...“* и я в эту сеть попал, — и ничего больше».

«Ну, это — без моего участия. Уж очень она сексапильна!» — прокомментировал Риикрой, который все это время без устали формировал в подсознании Ясницкого комплекс отвергнутого мужчины.

«И если я от этих сетей не избавлюсь, то могу и вовсе пропасть. — Ясницкий представил, что Наташа никогда не будет его женой, пожегся и резко тряхнул головой. — Нет, это даже представить невозможно. Я хочу, чтобы она была моей женой. Хочу, чтобы у нас был дом, дети. Я хочу заботиться о ней и жить для нее. В конце концов, имею я на все это право, Господи! Я конченный человек — я влюбился.

* ...и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она —> сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею (Еккл., 7:26).

Я заработал уже столько денег, сколько мне еще два года назад и не снилось, и они прибывают быстрее, чем я могу сообразить, куда их вложить. Могу купить все с потрохами. У нас прекрасная страна. Здесь все можно. И все это мне вдруг перестало нравиться. Да, да, да... попался — очевидно. Вчера — все нравилось, а сегодня вдруг перестало».

Риикрой крикнул и сказал: «Она явно оказывает на него дурное влияние».

Ясницкий взглянул на часы, было около семи. «Сегодня — поздно. Завтра утром, без предупреждения, с цветами и в свадебном наряде я поеду делать величайшую глупость в своей жизни. Без предупреждения! Сияющий, измученный и влюбленный! Найду ее хоть под землей. Не остановлюсь ни перед чем».

«Вот это правильно: не останавливайся...» — согласился Риикрой и с удовлетворением кивнул.

Ясницкий позвонил своему заместителю:

— Борис, меня завтра не будет, а может, и послезавтра. Бери управление на себя. Доверенность будет лежать на моем письменном столе.

— Что-то случилось? — спросил удивленный Борис.

— У меня, представь себе, появились личные, неотложные дела, — рассмеялся в трубку Ясницкий.

Вызвал машину и поехал домой. Дома вспомнил, что нужны цветы. Вышел из дому и долго ходил по вечернему городу в поисках самых лучших. Наконец в подземном переходе купил целую корзину. Вернувшись домой, помывшись и погладив брюки и рубашку, улегся на диван и включил телевизор. Зазвонил телефон. Отключил его. «Меня нет, черт возьми!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Иван проснулся, но долго не открывал глаза. Жужжала и билась о стекло большая муха. «Если бы не эта муха, я спал бы и дальше, — подумал Иван. — Неужели все кончилось и все, что со мной было, — это длинный и утоми -

тельный сон?» Муха, наконец, вылетела через открытую форточку, и Иван, собравшись с силами, открыл глаза. Комната была наполнена солнечным светом, было утро. Иван чувствовал себя человеком, который будто бы очнулся и теперь приходит в себя после тяжелой болезни.

Вставать не хотелось. Иван принялся разглядывать потолок. Белили его в последний раз, наверное, лет десять назад, по углам комнаты висела то ли паутина, то ли просто накопившаяся за годы черная пыль. Никаких штор на окнах не было, обои совершенно выцвели и кое-где были оборваны, а из-под верхнего слоя выглядывали еще два или три предыдущих. «Интересно, как бы я жил здесь с Наташей? — Иван хмыкнул и, вытащив руки из-под одеяла, положил голову на ладони. — А что, я инженер-физик на заводе Светкиного отца, Наташа экономист, и все устраивается». Иван попытался представить Наташу такой, какой она была, когда приходила к нему в эту комнату. Это почему-то не удалось, образ никак не складывался. Ивану вновь захотелось спать, он закрыл глаза и начал дремать. В комнату опять залетела муха и начала жужжать и биться о стекло. Жужжание вывело Ивана из дремоты, он проснулся окончательно, вытянул руки вперед и медленно сел на своем матрасе. Все тело болело, как после напряженной тренировки. Иван нехотя, потягиваясь и крутя головой, чтобы размять шею, встал и оглядел себя. Он остался доволен своим телом. Мощные и в то же время сухие мышцы были в порядке, как всегда. Иван тряхнул плечами и замурлыкал себе под нос «Желтую субмарину» из «Битлз», потом встал на руки и прошелся по комнате. Оттолкнувшись от пола, сделал кульбит и встал на ноги. «Вот если бы поиграть в баскетбол — было бы здорово, — пришла в голову удачная мысль. — Пойду-ка я поищу спортивную площадку да разомнусь как следует», — решил Иван и пошел умываться.

Иван посмотрел на себя в тусклое испачканное зеркало. Щеки обросли густой черной щетиной. Иван провел рукой по подбородку, как по наждачной бумаге, и начал искать бритву. Ни бритвы, ни мыла, ни полотенца почему-то найти не удалось. «Куда все делось? А может, тут ничего этого и не было?» Иван стал умываться холодной водой без мыла, мылся долго, пока кожа не потеряла чувствительность, подержал голову над раковиной, чтобы сбежала вода, и, помотав ею, как собака, вышел из ванной.

На кухне был полнейший беспорядок. Сломанный стол, пазбросав ножи, как лошадь с переломленным хребтом, лежал посередине, в углу валялись пустые бутылки, в раковине лежала грязная посуда. Иван взял двумя пальцами лежащую доньшком кверху тарелку и перевернул ее. На прилипших к тарелке обедках выросла серо-зеленая, пушистая плесень. Ни мыла, ни тряпки, ни щетки, чтобы помыть посуду, на кухне не было. Иван начал осматривать полки стенного шкафа в надежде найти что-нибудь поесть. На верхней полочке он нашел пачку соли. Больше ничего не было. Иван взял щепотку соли и положил на язык. Соль медленно растворилась, и во рту стало горько. Поморщившись, Иван проглотил соль, вздохнул и сел на стул. Сильно хотелось есть. Иван засунул руку в карман штанов и нашел там несколько мелких монет. «Да, не густо, и стипендию не платят, — серьезно подумал Иван. — Где бы поесть?» Иван почувствовал, что куском хлеба голод не утолишь. Хотелось мяса. Иван закрыл глаза и увидел перед собой большущий бутерброд с толстым куском розовой колбасы, а рядом стояла парящая чашка ароматного кофе. Иван потянул носом воздух и открыл глаза. «Надо бриться, надо наводить здесь порядок, надо поесть как следует, надо созвониться с Сергеем, надо купить приличную одежду, надо найти работу». Все эти «надо» выстраивались в длинный ряд, а с другого конца, вдруг, как гоночный автомобиль на повороте, выехала победная мысль: «Надо точно решить систему уравнений». Иван сплюнул про себя, прогнал эту мысль и напряг память: «Кто же в этом подъезде может мне дать хоть бритву, наконец?» Он вспомнил, что как-то, поднимаясь по лестнице, встретил деда Егорыча, которого знал еще с детства. «Он живет где-то на первом этаже. Пойду-ка я попрошу у него бритву».

Дверь в его квартиру не была закрыта на ключ. Иван спустился на первый этаж и постучал наудачу в квартиру. Послышались шаркающие шаги, дверь открылась. На пороге стоял дед Егорыч в синей застиранной майке и мятых штанах, лихо подвешанных за старый кожаный ремень на худые дедовы чресла.

— Здорово, Егорыч, у меня к тебе просьба, — вежливо и решительно сказал Иван.

— Заходи, Ваня, заходи. Говори, какое у тебя ко мне Дело, — радостно и доброжелательно сказал Егорыч, сделав пригласительный жест.

— Понимаешь, кинулся искать бритву — нету. Из дома таким дикобразом выходить неудобно, — выразительно и напористо объяснил Иван причину столь раннего визита. Егорыч достал из бокового кармана брюк очки с толстыми стеклами, нацепил их на нос и, осмотрев лицо Ивана, сказал, как говорят старому доброму товарищу:

— Ваня, елки-мotalки, неужели же мы тебя не побреем? Чего уж мы, совсем что ли? Пошли.

Егорыч привел Ивана в ванную, стены которой были окрашены темно-синей с зеленоватыми подтеками краской, и, порывшись в шкафчике, достал коробочку с нержавеющими импортными лезвиями. — На, вставляй в станок и брейся на здоровье. Мыло — есть, чашечка — есть, горячая вода — есть, полотенце — есть, чего еще надо. Брейся! Я пойду вскипячу чай. Ты завтракал?

— Нет, Егорыч, не завтракал, — ответил Иван, улынувшись.

— Будешь? — решительно спросил Егорыч.

— Буду, — также решительно ответил Иван.

Тут в ванную заглянула тетя Оля — жена Егорыча.

— Ой, Ваня, сколько лет я тебя не видела. Побриться хочешь? Дед, ты дал чистое полотенце? Сейчас я.

И тетя Оля ушла за чистым полотенцем. Иван начал бриться. Он брился долго и основательно, соскабливая со щек, подбородка, шеи густую, превращающуюся в черную грязь щетину. Наконец, побрившись и вытершись чистым душистым махровым полотенцем, Иван вышел из ванной. В коридорчике его ждал Егорыч.

— Ваня, пошли завтракать, — пригласил он Ивана, загораживая проход к выходным дверям.

«Чтобы я не убежал, — подумал Иван. — А я и не соби-
рался бежать».

На кухне хлопотала тетя Оля. На столе стояла большая сковорода с жареной картошкой, на тарелочке лежало нарезанное мелкими ломтиками сало и копченая колбаса. Перед Иваном поставили яичницу из четырех яиц.

— Ваня, а может, по пятьдесят грамм за встречу? — предложил Егорыч, опасливо покосившись на тетю Олю. Та крикнула про себя, но смолчала. Потом все же встала слово:

— Может, Ване на работу?

— Нет, тетя Оля, мне не надо не работу, — ответил разомлевший от вкусных запахов Иван.

Тетя Оля наклонилась и достала из-за газовой плиты начатую, закупоренную скрученной из бумаги пробкой бутылку водки. Потом поставила на стол две рюмки и села на табурет поодаль от стола.

Егорыч налил в рюмки и предложил выпить за встречу. Чокнулись и выпили.

— Ваня, я же тебя помню с тех пор, как тебя мать в коляске возила. Хорошая у тебя была мать, добрая. Улыбчивая такая, приветливая. Бывало: «Василий Егорович, посмотрите за коляской минуточку, я за пеленками домой сбегаю». А я и рад, любил я маленьких-то. А теперь-то — вот, ищешь пятый угол. Разъехались все, и живем мы с бабушкой вдвоем. А как ты? Выучился? Где работаешь теперь? Чем занимаешься?

Иван тем временем ел, но останавливался, стараясь не показать жадность и дьявольский аппетит.

— Я физик, Егорыч. Закончил университет. Только вот сейчас без работы. Со старой ушел, а новую пока не нашел.

— Ну а в чем заключается твоя работа? Что ты можешь делать?

— Моя специальность — математические модели различных процессов. Вот, например, я могу предсказать, как ведет себя самолет, летящий в атмосфере. Или как изменится климат, если взорвется атомная бомба, например в Лондоне, ну и так далее.

— Интересное дело, елки-мotalки. Молодец, Иван. Давай-ка еще по одной.

— Ты мне, Егорыч, чуть-чуть, дела кое-какие есть.

Выпили, и Егорыч, почувствовав, что Иван настроен очень доброжелательно и никуда не торопится, задал свой основной вопрос:

— Ваня, а ты можешь сказать, когда кончится то, что сейчас у нас в России творится? Когда, едрит твою мать, можно будет спокойно жить и не шараться от своего прошлого? И можно будет жить на пенсию, покупая раз в два года новые штаны.

— Ну что ты, дед, опять зацепился за свое, — закричала тетя Оля. Но в глазах у нее Иван тоже увидел интерес. Ей было явно интересно, как ответит на этот вопрос Иван. Иван перестал есть. Он думал. Пауза затянулась, но старики молчали, терпеливо ожидая ответа на вопрос.

Иван обдумывал, как ему правильнее и лучше ответить на вопрос старика.

— Понимаешь, Егорыч, я никогда не ставил перед собой вопрос так: «Что будет со страной, в которой я живу?» Мне это неинтересно. Я решал подобную задачу и ставил вопрос: «Что будет с миром и человечеством, к чему оно идет?» — Старики продолжали молчать. — Недавно я почти получил ответ на этот вопрос. Я знаю, что может быть, только не знаю когда и кто будет этому причиной. На вопрос: «Когда?» я тоже, в принципе, могу получить ответ, только пока не решил — стоит ли, — взгляд Ивана остановился и заблестел, — а вот как это будет, я, пожалуй, могу посмотреть и приглашаю тебя, если хочешь, — это, собственно, ничего не изменит, а посмотреть интересно.

Аллеин схватился за голову: «Боже мой, что он делает?! Разве можно человеку желать увидеть такое?! Что это — простое любопытство, необузданное и непобедимое, как патологическая страсть, или он уже принял решение?»

— На что посмотреть-то, Ваня?

— На то, что будет с нашей страной. То же самое будет и со всеми другими, — ответил Иван.

— Ну, конечно, хочется посмотреть. Только, как это... — в нерешительности прервался Егорыч, взглянув украдкой на жену.

— Пошли ко мне в квартиру — покажу.

— Пошли, — с готовностью согласился Егорыч.

Закончив есть и поблагодарив хозяйку, мужчины поднялись наверх, к Ивану.

Над сопками, окружавшими город, сгушалась тьма. Это совершалось в великом безмолвии, все звуки исчезли, но Аллеин, наблюдавший за происходящим с высоты, видел, что тьма сгущается только над городом и его окрестностями, а дальше все остается как есть.

Аллеин, увидев, что происходит нечто страшное и необъяснимое, обратился к Богу:

— Что происходит, Господи, что мне делать?

— Не пугайся, Аллеин, это еще не Конец, — услышал Аллеин голос Бога. — Иван решил посмотреть, как будет происходить Конец света.

— Так это спектакль? — с ужасом в голосе спросил Аллеин.

— Да, в своем роде — это спектакль.

Тут же Аллеин увидел, что из окна одного из домов вверх быстро поднимается полупрозрачная лестница. На лестницу вступили двое людей.

Минутой ранее Иван, пропустив вперед Егорыча и закрыв за собой дверь на ключ, сказал:

— Лийил, покажи мне и Егорычу, как будет происходить Конец света. И пусть Егорыч видит все и потом скажет мне, было ли это. И пусть он никому больше об этом не расскажет. Да будет так, Лийил.

Егорыч, испугавшись, встрепенулся, но Иван решительно взял его за руку и подвел к окну. Иван увидел, что прямо от подоконника вверх, на небо, быстро строится полупрозрачная, как бы сделанная из чистейшего хрусталя, лестница.

— Пошли, Егорыч, — решительно сказал Иван, открыл окно, подставил стул и, взобравшись на подоконник, ступил на лестницу. Обомлевший, безмолвный Егорыч полез вслед за ним.

Иван поднимался вверх по лестнице, держа за руку испуганно озирающегося и, по-видимому, ничего не понимающего Егорыча. Они поднялись над крышами домов и продолжали идти вверх. Иван все время смотрел прямо перед собой, чтобы не закружилась голова — перил у лестницы не было. «Зачем лестница? Неужели без нее нельзя нас поднять?» — думал Иван. Сквозь прозрачные ступени Иван видел выбегающих на улицы людей, был отчетливо слышен рев пожарных машин, скрип тормозов, крики испуганных людей. Наверное, люди думали, что где-то сильный пожар и надвигающаяся тьма — от этого пожара. Поднявшись на уровень вершины горы, расположенной рядом с городом, Иван с Егорычем вышли на круглую площадку метров шесть в диаметре, сделанную из такого же, как и лестница, материала. На площадке находилось кубическое возвышение, на котором можно было сидеть.

Егорыч очень сильно устал, он задыхался, ноги и руки у него дрожали то ли от усталости, то ли от страха. Добравшись кое-как до площадки, он сел на возвышение и спросил Ивана:

— Ваня, что это такое, что делается? Где это? Когда это случилось?

— Не бойся, Егорыч, сейчас ты увидишь, как будет происходить Конец света.

— Это в самом деле или это бред? — спросил задыхающийся Егорыч.

— Это в самом деле, только на этот раз все можно будет вернуть назад, а когда будет настоящий Конец — нельзя. Смотри, Егорыч, внимательно и не задавай вопросов, потом поговорим. Кроме тебя и меня такое, скорее всего, никто из людей не видел и, наверное, не увидит. Пользуемся случаем.

Сказав это, Иван повернулся к Егорычу спиной, подошел к краю площадки и стал смотреть вниз, больше не обращая внимания на его возгласы.

Никто ничего не мог понять. Начиналась паника. По громкоговорящей сети гражданской обороны кто-то пытался успокоить людей, призывая их не выходить из домов, объясняя, что уровень радиоактивности не изменился, что никакой аварии на ядерном заводе не произошло и что ни на одном из других предприятий также никаких аварий не было, причина столь сильного задымления выясняется и скоро будет выяснена, к тому же в воздухе нет никаких ядовитых веществ и радиации. Но эти объяснения имели на людей мало действия, толпы собирались на тротуарах и в ужасе метались из стороны в сторону. Люди кричали. Особенно отчаянно кричали матери, зовущие гулявших на улице и потерявшихся теперь детей. Большинство людей побросали работу и бежали по улицам к своим домам, стараясь найти своих родных и близких. «Что это за странная тьма, — думал Иван, — откуда она взялась? Каково физическое объяснение этому явлению? Возможно, это следствие установления связи с другим пространством. Если это так, то сейчас начнется...»

Иван обратил внимание, что воздух стал терять прозрачность. Он стал желтеть, звуки, доносившиеся снизу, становились все глуше. Все пространство как бы погрузилось в желтый туман. «Вот оно! Начинается торможение времени!» — воскликнул про себя Иван. Он посмотрел вверх. Вверху было не синее, а такое же желтое, светящееся внутренним светом небо. Скоро стало абсолютно тихо. Люди внизу уже не метались, а в ужасе смотрели вверх, они поняли, что это не пожар, не авария на заводе и не ядерная война, а что-то другое, о чем им никто и никогда не рассказывал. Иван подумал: «Наверное, они видят меня здесь».

И вот Иван увидел, что поверхность земли враз покрылась сетью извивающихся, голубоватых молний. Все на мгновение замерло. И в это же мгновение откуда-то, будто из-под земли, появились тысячи и тысячи людей, они заполнили все улицы и окрестности городка. Тела людей чернели, обугливаясь, и рассыпались в прах, тут же растворяющийся в желтом пространстве. Одновременно растворялись в желтом тумане дома, окрестные холмы — все, абсолютно все исчезало! Все происходило в абсолютной тишине, ни человеческих криков, ни каких-то других звуков Иван не слышал. «Время остановлено, и все, когда-либо существовавшее здесь, теперь существует одновременно», — подумал Иван.

Иван смотрел на происходящее, как зачарованный. Далеко внизу происходило то, возможность чего он предсказал, и вот, оказывается, как это будет! «Вот что происходит с материей, когда останавливается время. У этого зрелища не может быть сторонних наблюдателей. Там все это происходит за мгновение. Значит, я видел все это глазами Бога! Но это еще не все», — подумал Иван. И действительно, небо словно раскололось, и из гигантской черной трещины хлынул ослепительный свет. Иван посмотрел вверх и увидел продвигающийся через расколовшееся небо огромный, сверкающий огненными гранями шар.

«Это Он. Он втягивает наше пространство в себя. Что же сейчас будет?!» — успел сообразить Иван и в ужасе закрыл лицо рукой. Иван успел заметить, что Лийил парил над его головой. Иван упал на площадку и увидел внизу только желтую раскаленную мглу. Эта желтая мгла стала как бы кипеть. Иван увидел, что она гранулируется и рассыпается на миллиарды желтоватых кристалликов. Эти кристаллы стали кружиться вокруг шара в могучем водовороте. И вот эта грандиозная, движущаяся масса рванулась к шару. В ушах Ивана зазвенело, от этого звона он совершенно оглох.

Вокруг него бушевало раскаленное пламя. Иван оглянулся и увидел искаженное ужасом лицо Егорыча, отражающее блики огня. «Сейчас все должно закончиться», — подумал Иван. И действительно, пламя вдруг прекратилось, и Иван увидел, внизу город. По улицам шли люди, так же светило солнце, зеленели деревья, бегали собаки, летали птицы.

И вдруг Иван в ярости ударил себя по колену и злобно прошипел:

— Лийил, это нечестная игра, я хочу увидеть все и до конца. Покажи мне, где все сейчас воскресшие и враз уничтоженные люди и что с ними, Лийил!

— Иван,— вдруг услышал Иван чей-то голос за своей спиной.

Иван быстро обернулся и увидел стоящего на площадке высокого, стройного, светловолосого, одетого в ослепительно белые одежды молодого человека. Это был Аллеин.

— Иван, этот приказ Лийил не выполнит.

— Почему?

— Потому что там, куда ты хочешь попасть, тебе быть нельзя. Господь говорил тебе об этом.

— Книга?

— Да. Ты забыл, что все, что ты видел,— это же все только демонстрация, устроенная Лийилом специально для тебя. Не много ли тебе на сегодня будет, Иван? — спросил у него Аллеин, и в глазах его блеснуло суровое предупреждение.

«Он не любит меня,— тут же сделал вывод Иван.— А где же Наташа, что с ней? — вдруг пронеслось в голове у Ивана,— неужели там, внизу, все в порядке и в самом деле ничего не произошло?»

— Эй, Лийил, направо-ка лестницу к Наташиному окну, бежим туда, Лийил,— торопливо сказал Иван.

Лестница, которая вела к окну Ивановой квартиры, исчезла, и тут же появилась другая, ведущая к окну Наташиной квартиры. Иван сказал:

— Побежали вниз, Егорыч.— И быстро пошел вниз. Егорыч поспешил за ним.

Аллеин покачал головой и медленно склонил ее.

Спустившись к окну Наташиной квартиры, Иван заглянул в комнату. На спинке кресла лежал Наташин кот, Наташи в комнате не было. «Ладно, надо отправить Егорыча домой, а самому разобраться, что к чему»,— решил Иван.

— Лийил, спусти Егорыча на землю, Лийил,— сказал Иван, и лестница тут же продлилась до земли.

— Иди домой, Егорыч, вечером поговорим,— сказал Иван.

Егорыч послушно кивнул головой и спустился вниз по лестнице. Только он ступил на землю, как тут же исчез. «А, все понятно»,— решил Иван.

— Лийил, переводи меня в наше пространство, Лийил.

Тут же опора ушла из под ног Ивана, и он чуть не упал со второго этажа, но успел ухватиться за раму окна. Подтянувшись, он взобрался на подоконник и, перебросив ноги в комнату, сел. На постели лежал большой букет роз, а из соседней комнаты доносился Наташин голос.

2

Был девятый день со дня смерти отца. Наташа проснулась рано, надо было привести квартиру в порядок и подготовиться к приходу знакомых. В том, что кто-нибудь обязательно придет, Наташа не сомневалась. Она готовила себе завтрак, когда раздался стук в дверь. «Кто бы это мог быть в такую рань?» — подумала Наташа, взглянув на часы. Было около восьми. Завязав потуже поясok халата, пошла открывать. Набросив цепочку, Наташа приоткрыла дверь. За дверьми с какой-то потерянной улыбкой, немного виноватой и немного усталой, стоял Ясницкий. Он молчал. Наташа внимательно посмотрела ему в глаза, сумев заметить, что они чуть припухшие и покрасневшие. Наташа молча прикрыла дверь и, сняв цепочку, распахнула ее. Ясницкий вошел с большим букетом роз и бережно подал цветы Наташе:

— Я обещал приехать и приехал, Наташа. Больше не мог ждать.

Наташа взяла цветы, ее опьянил их нежный и сильный запах. Наташа любила именно такие розы — маленькие, только что распутившиеся.

— Заходите, Игорь Исаакович. Проходите в комнату, я сейчас переоденусь.

Наташа тряхнула головой, расправив волосы, и пошла в спальню переодеваться. Сердце Ясницкого упало и учащенно забилося. «Да, я все это не выдумал. Я ее люблю».

Наташа положила букет на свою постель, достала платье, быстро надела его, причесала волосы и скрепила их заколкой. «Ну вот,— кажется, начинается соаа»,— только успела подумать Наташа, чуть задержавшись перед входом в комнату, где находился Ясницкий. Она набрала в легкие воздух, чтобы скрыть волнение, и вошла. Ясницкий стоял лицом к входу, он ждал ее.

— Наташа, я приехал делать вам предложение. Я очень прошу вас стать моей женой. Обещаю, что буду любить вас всю жизнь, буду защищать вас, заботиться о вас, потому что дороже вас у меня нет никого и ничего. И не будет.

Наташу удивило, что он обращается к ней на «вы», но это ей было приятно. Наташа смотрела на Ясницкого и чувствовала, что этот умный и сильный мужчина действительно любит ее нежно.

— Игорь Исаакович, это так неожиданно, я...

— Молчи, Наташа, не говори «нет». — Глаза Ясницкого вспыхнули, он взял ее за плечи. — Ты не можешь мне отказать. Я не могу представить, не могу допустить, что ты не будешь моей. Ты даже не представляешь, что ты для меня значишь. Я всему знаю цену: деньгам, власти, дружбе, жизни своей и чужой, женщинам — всему, Наташа. Бог дал мне возможность иметь это все в избытке. Я все готов отдать, только будь моей — моей женой. Я люблю тебя.

Щеки Наташи пылали, голова закружилась, она молчала, потому что не знала, что нужно говорить и нужно ли это.

«Ну что же ты! Ты же любишь не его, а Ивана. Зови же его! Беги отсюда, делай что-нибудь! Шлюха ты этакая...» — негодовал Риикрой. Но делал это про себя, потому что появившийся Аллеин показал ему кулак.

— Наташа, любовь парализовала мою волю, я не могу ни о чем думать, я все время думаю только о тебе. У нас будет дом, если захочешь — дети, ты увидишь весь мир. Ты будешь жить так, как захочешь. Я буду хорошим мужем, таким, каким были мои отец и дед. Тебе не надо меняться, ты мне нужна такая, какая ты сегодня есть, ведь я же не мальчик, и мне не надо много смотреть на человека, чтобы понять, кто он на самом деле и чего он стоит. Ты стоишь очень дорого, дороже моей собственной жизни, и я готов отдать за тебя, если надо, и жизнь. Стань моей женой, Наташа.

Наташа подняла голову и посмотрела в глаза Ясницкому. Губы ее затрепетали, она хотела что-нибудь сказать, но Ясницкий не дал это сделать, он наклонился и прикоснулся губами к Наташиным губам. Наташа ничего не могла поделать с собой, она не отодвинулась, она не знала, как себя вести. У нее сейчас не было своей воли. Ее воля принадлежала этому человеку, который любил

ее. Прикосновение перешло в поцелуй. Голова у Наташи закружилась, и ноги ослабли. Ясницкий, почувствовав, что Наташа обмякла, обнял ее. И вдруг Наташа вся напрыглась и оттолкнула Ясницкого. Она услышала в спальне шаги.

— Что за черт, кто там? — сказал Ясницкий.

— Там никого не было, — ответила Наташа. В комнату вошел Иван.

Риикрой чуть не упал и даже потерял дар речи, чего с ним никогда ранее не бывало. Он посмотрел на Аллеина, и тот опустил голову. Риикрой три раза ударил в ладоши, изображая аплодисменты, и сказал: «Такого на моем веку еще не было. Он — гений. Он знает, где искать то, что заставит его сделать дело вопреки всем обстоятельствам. Ему и думать не надо, интуиция, а не я, ведет этого человека».

— Это я, Наташа, — спокойно, как ни в чем не бывало, сказал Иван. — Я только что залез через окно.

— Зачем ты лазишь в окно? Ведь есть же дверь. Иван, зачем ты лазишь в окно?

Наташа не кричала и как будто не волновалась, голос ее был спокоен. Но она сильно испугалась, еще не поняв, чего. Голова у нее закружилась, она села в кресло и стала смотреть то на одного, то на другого мужчину, которые оба незванные явились нарушить ее покой этим утром.

— А, это вы, — как будто между прочим сказал Иван, глядя на Ясницкого.

— Да, это я. Я только что сделал Наташе предложение. И, кстати, зашел через дверь.

— Счастье всегда входит в дверь, а несчастье влетает в окно. Так что ли? — сказал Иван и посмотрел на Наташу. Наташа молчала, закрыв лицо рукой. — Я тоже как раз пришел делать Наташе предложение, но, видимо, чуть опоздал. Это опоздание имеет роковой характер, Наташа, или нет?

Наташа, помолчав немного, глубоко вздохнула и, глядя куда-то в сторону, сказала:

— Я, конечно, могла бы отправить отсюда вас обоих, чтобы сохранить ваше мужское достоинство. Но сохранение вашего достоинства в настоящий момент меня не очень беспокоит. Сохранение вашего достоинства, чувствую, очень дорого обойдется и вам, и мне, поэтому я подумаю о своем. — Наташа встала. — Сегодня я не ждала вас: ни того, ни другого. Вы пришли. Пришли, надо сказать, в

самое неподходящее время. Не знаю, зачем пришел ты, Иван, но Игорь сейчас признался мне в любви. Что скажешь, Иван?

— Наташа, мне нечего сказать, кроме того, что в этом мире я люблю только тебя. А мне ты веришь?

— Нет, Иван, не верю, — Наташа направила свой взгляд прямо в глаза Ивану, — но это для меня мало что меняет. Говорят, что для женщины важнее, чтобы любили ее. Наверное, в большинстве случаев это так и есть. Может, я ненормальная, но для меня главное, чтобы моего избранника любила я. Ты, Иван, не хочешь мне зла и дурных мыслей у тебя нет. Ты честный человек, это я знаю. — Помолчав немного, Наташа продолжила, обращаясь к Ясницкому: Все дело в том, Игорь, что Ивана я люблю. Вы должны меня понять. Вы ведь всему знаете цену. — Голос Наташи не имел никаких намеков на иронию, она говорила серьезно.

Ясницкий молчал. «Жизнь кончилась. Какой удар», — подумал он.

— Хорошо, я ухожу. Мне очень, очень жаль, Наташа. Нет, жаль — это не то слово. Говорю честно, вряд ли я смирюсь с этим. Не знаю, как я буду жить и что делать, поэтому и говорить ничего не буду. Мне уйти?

— Да, Игорь, уходи. — Наташа встала. — Извини, что так вышло. Прощай.

Ясницкий подошел к двери, постоял немного в проходе, потом повернулся и сказал:

— И все же — до свидания, Наташа.

Ясницкий ушел. Наташа закрыла дверь на замок.

— Ну что, верхолаз, явился вовремя? Вовремя, вовремя! Если бы ты сейчас не влез в это окно — не видать бы тебе меня, как своих ушей.

Наташа подошла к Ивану и обняла его, прижавшись к груди.

— Ну, скажи что-нибудь, Дон Жуан, — услышал Иван тихий Наташин голос. Иван молчал, как рыба. Ему казалось, что он онемел и вообще не в состоянии говорить. — Скажи, что заставило тебя залезть в окно?

— Не знаю, это произошло внезапно. Я очень испугался за тебя. Я боялся, что с тобой что-нибудь случилось.

— А почему именно в окно?

— Так получилось, мне так было проще.

— Вот-вот, Ванечка, — ты из тех, кто ходит путями, которые им проще и которые другим неведомы или непонятны. — Наташа вскинула голову. — Поцелуй меня.

Иван стал целовать Наташу, а она его. Наташе казалось, что она вся горит, ничего подобного с ней никогда не было. Щеки Наташи пылали, глаза блестели. Иван же совсем растерялся, он был, как камень. Наташа взяла Ивана за руку и повела в свою спальню.

Иван крепко обнял Наташу, и они не размыкали объятий долго, очень долго.

Несколько раз стучали в дверь. Наташа говорила про себя: «Прости меня, Господи» — и крепче прижималась к Ивану, как бы ища у него защиты.

Иван оказался нежным, отзывчивым и настойчивым любовником. Была уже глубокая ночь, когда Иван уснул, а Наташа еще долго не спала, она то и дело смотрела на него и гладила его по голове.

3

Светлая комната, узорчатые шторы, на подоконнике цветы. «Неужели это не сон?!» — такой была первая мысль Ивана, когда он проснулся и открыл глаза. Где-то, видимо в кухне, звенели посудой, и был слышен шум бегущей из крана воды. «Нет, не сон — это все было на самом деле, я в Наташиной постели». Ему казалось, что все, что произошло вчера, не произошло на самом деле, а было им выдумано или приснилось, и что этот счастливый сон сейчас развеется, он вернется в реальный сегодняшний день. И перед глазами Ивана начало прокручиваться, как видеофильм, то, что ему довелось увидеть вчера утром.

Тут в комнату вошла улыбающаяся, с сияющими глазами Наташа. Она скользнула под одеяло и уткнулась губами в Иваново ухо:

— Завтракать хочешь?

Иван повернулся набок и стал молча рассматривать Наташино лицо. Он внимательно рассматривал ее глаза, будто бы стараясь запомнить узоры радужной оболочки, Длинные пушистые ресницы, нос, улыбающиеся губы.

Стол в кухне был накрыт для завтрака. Красивая посуда была слабостью Наташиной матери, а желание все делать красиво — ее призванием. Сегодня Наташа сделала^{во}е, как ее мать делала для отца. На столе в фарфоровой салатнице стоял салат, только что сделанный по особому

рецепту,— специальный салат для завтрака. Мясо и колбаса были тоненько нарезаны и аккуратно разложены на тарелке. В стаканах был лимонный сок. В кофейнике был ароматный кофе. Иван сел за стол и, как показалось Наташе, растерялся. Он смотрел на блюда, не решаясь начать есть.

— Ешь давай. Что ты ждешь?

Иван рассмеялся и посмотрел на Наташу.

— Знаешь, чем я в основном питался в общежитии?

— Так чем ты питался в общежитии?

— Хлебом и молоком. А когда хотелось горячего — я варил кашу, обычно из риса. И знаешь на чем?

— На чем ты варил кашу? — смеялась Наташа.

— На «Малыше» — это детское питание, потому что в магазин ходить мне было лень. Я набирал этого «Малыша» и ел его в сухом и разбавленном виде. И так было лет пять.

— Потому ты такой, наверное, и вымахал, весь бронированный, что питался материнским молоком до тридцати лет.

• — Ия всегда, сколько себя помню, с тех пор, как уехал из дома, хотел есть, Наташа. Ты даже не представляешь, как хочется есть, когда набегаясь!

— А сейчас ты хочешь есть?

— Как волк.

— Ну, а чего не ешь?

— Не хочется разрушать эту красоту.

— Разрушай уж. Если после разрушения не наешься, я тебе разогрею суп и жареное мясо. Иван, а кто был твой отец? — почему-то спросила Наташа.

— Я его не помню. Меня воспитывала мать. Она никогда мне о нем ничего не рассказывала. Он с матерью, похоже, и не жил вовсе. Мать всю жизнь прожила одна.

— Ты, наверное, очень любил свою мать?

— Да, я был хорошим сыном и не доставлял ей особых хлопот. Кажется, она очень гордилась мной.

Выпив кофе, Иван вытер салфеткой рот и сказал:

— Спасибо, Наташа. — И, сделав длинную паузу, добавил: — Что ты собираешься сегодня делать?

— Иван, знаешь что?

— Что?

— Пошли гулять по городу. Под ручку.

— Пошли, — с готовностью согласился Иван. — Нам же еще это, как его, заявление подать надо. Может, как раз и сходим?

— Нет, Иван. Заявление мы с тобой подать успеем. Я хочу пройтись с тобой по всем улицам и показать тебя ^{по}другам. Только, если ты не возражаешь, сначала пойдем купим тебе брюки, рубашку и ботинки.

— Это что — обязательно?

— Да, это обязательно. Я-то оденусь нарядно, как всегда. А ты-то себя видел со стороны в своем наряде?

— А как я выгляжу со стороны?

— Как вешалка, на которой болтается снятая с чужого плеча одежда. Майка у тебя, наверное, пятьдесят шестого размера и вся полиняла уже. Брюки... Где ты такие взял! Колени торчат на полметра вперед. Руки как у киллера. Глядя на твои хватательные мышцы на запястьях, хочется сразу перейти на другую сторону тротуара. Взгляд быстрый, оценивающий и недобрый. Так что со стороны — ты человек опасный.

Иван вскочил и сделал молниеносный выпад кулаком в сторону воображаемого противника. Раздался свист рас-секаемого воздуха.

— Да, я человек опасный! Но денег у меня нет.

— Я тебе займу.

— Хорошо, пошли! Где мои линялые штаны?

4

Собиралась гроза. Издалека уже доносились раскаты грома. Наташа с Иваном вышли на улицу. Постояв немного у подъезда, Наташа решила все же вернуться и взять зонт. Пока она ходила, Иван наблюдал, как во дворе дети играли со щенком овчарки. И дети, и щенок были очень счастливы и выражали свою радость криками, смехом и задорным щенячьим лаем. Иван тоже улыбался. Когда гремел далекий гром, щенок останавливался и крутил головой, стараясь понять, откуда надвигается опасность. Дети не давали ему сосредоточиться и вновь вовлекали в игру.

Наташа прервала размышления Ивана, взяв его под руку, и они пошли по улице.

Иван вдруг увидел, что из-за газетного киоска вышел "иикрой". Он улыбался своей омерзительно-ослепительной Улыбкой киноактера и махал Ивану рукой.

- Привет, Иван. Ты не забыл о встрече?
- Нет, не забыл,— сказал ему Иван и отвернулся.

Наташа проводила тревожным взглядом странного человека, совершенно не похожего на обычного горожанина.

— Я должен уехать, Наташа,— сказал Иван.— Мне надо решить некоторые свои проблемы.

— Ты уедешь. А как же я? Сколько тебе надо времени, чтобы решить эти свои проблемы? — спросила Наташа с тревогой в голосе.

— Думаю, дней тридцать-сорок, может быть, меньше.

Наташа опустила голову и долго шла молча.

— Иван, скажи мне честно: ты бы мог серьезно увлечься другой женщиной?

Иван посмотрел на Наташу и спокойно, без раздумий ответил:

— Нет.

— Значит, мне придется мириться с этими твоими запывами дней на тридцать-сорок, как с временными увлечениями,— сделала вывод Наташа.

В магазине Наташа купила Ивану костюм.

Иван надел костюм и встал перед зеркалом. «Где же я видел похожих мужчин? — думал Иван.— А, в американских боевиках. В этом костюме я похож на принарядившегося гангстера».

— Как ты меня находишь в этом костюме? — спросил Иван у Наташи.

— Теперь ты мне нравишься еще больше, Ванечка. Ну-ка, повернись боком.— Иван как-то неуклюже повернулся.— Ничего, сойдет. Теперь тебя можно показать друзьям и представить как моего жениха.

— Слово-то какое — жених,— пробурчал Иван.— Оно тебе не режет слух?

— Не режет. А ты бы как хотел называться?

— Я — твой мужчина. Или сокращенно — муж.

— Ишь ты какой! — Наташа рассмеялась.— Сразу в мужья.

— Но ты же моя женщина. Или, сокращенно, жена.

— Откуда у тебя такое необычное увлечение филологией, Иван?

— Обожаю осмысливать значение слов,— отчетливо выговаривая слова, ответил Иван.— У меня есть большое желание заняться структурным анализом языков. Надоела мне теоретическая физика до тошноты.

Наташа увидела, как Иван сжал зубы и закрыл глаза, как бы заглушая в себе какие-то очень сильные эмоции.

— • Пошли к Ольге. Помнишь ее?

Когда они шли по улице, Ивану казалось, что он сквозь ткань чувствует бархатную Наташину кожу. Он то и дело поворачивал голову и смотрел на Наташу. Наташа гордо шла рядом с Иваном, иногда поглядывая на него и улыбаясь. Она чувствовала, что Иван именно сейчас начал по-настоящему влюбляться в нее.

Уставшие от общения Наташа и Иван вернулись домой только вечером.

5

— Я буду готовить ужин, а ты пока можешь познакомиться с нашей библиотекой,— сказала Наташа и пошла на кухню.

Иван кивнул головой и подошел к полкам с книгами, которые занимали целую стену. «Русская литература: Пушкин, Толстой — академическое собрание, Достоевский... Да, видимо, родители Наташи любили читать серьезные книги. Здесь есть, пожалуй, все классические дореволюционные писатели... Смотри-ка, целая коллекция переводов латинских и греческих авторов: отец у Наташи был библиофил и, возможно, очень образованный человек». Иван внимательно просматривал книжные полки, отмечая, что почти все книги читанные. «Ага, вот она», — наконец Иван нашел то, что искал. Он взял с полки том Нового завета издания конца прошлого века и начал его листать. Это был синодальный перевод — архаичный, с длинными и запутанными фразами. «Видимо, переводчики боялись взять грех на душу, добавив или изменив что-либо от себя», — подумал Иван, проглядывая текст. Наконец он нашел нужные места в Апокалипсисе и стал читать: *«И увидел я другого зверя, выходящего из земли: он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует перед ним со всей властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелена; и творит великие знамения, так что огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, чтобы они сделали образ зверя, кото-*

рый имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их и на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его». «...И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса перед ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою; а прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его, и все птицы питались их трупами» *'.

Иван улыбнулся и аккуратно поставил книгу на место. «Как только будет возможность, надо будет попросить Лийил и встретиться со своим тезкой Иоанном и поговорить с ним. То, что он описывает, — это, несомненно, описание зрительных образов, такое не выдумашь. Кто же ему показал такое? Всех этих зверей с рогами, серные озера... Бог показывал мне совсем другое, и никакого Конца света я что-то не припомню. Тот, кто разработал сценарий Апокалипсиса, знал, что рано или поздно явится некто, кто создаст образ Сатаны-суперкомпьютер и вложит в него дух — программу для решения Системы. Ей и будут поклоняться... Если этот кто-то — Бог, то Он показал Иоанну то, что нет в его Книге, для того, чтобы предупредить нас; если — Сатана, то понятно, зачем он это сделал... Вот хитроумная тварь! Сделать так, чтобы его сценарий люди считали планом Бога и поэтому не могли противодействовать! Ну уж нет, я разгадал твой план, Сатана. По-твоему не будет. Если я и вдохну когда-нибудь дух в этот суперкомпьютер, то это будет мой дух, а не твой, и об этом не узнает никто. А ведь Христос, кажется, предупреждал, что последний пророк — это Иоанн Креститель**. Выходит, что Иоанн Богослов не может быть пророком. Тогда что

* Откровение Иоанна, 13:11.

** 11 Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его.

12 От дней же Иоанна Крестителя доньше Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его,

13 ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна (Мф., И).—

Прим. авт.

значит это его Откровение? А впрочем, для меня это сейчас неважно».

Риикрой передразнил Ивана и сказал: «Ишь, умник нашелся. Ты давай делай свое дело, а не рассуждай».

Иван присвистнул и пошел на кухню. Наташа в фартуке стояла у плиты и переворачивала мясо на сковороде. Увидев Ивана, она улыбнулась и спросила:

— Что, проголодался? Подожди еще минут десять. Скоро все будет готово, и сядем ужинать.

Иван сел за стоящий у окна кухонный стол и сказал:

— Можно, я здесь посижу?

— Посиди, посиди, мне ты не помешаешь.

Иван стал смотреть в окно на плывущие над рекой облака, а Наташа закрыла сковороду крышкой и стала наблюдать за Иваном. «Какой он все же красивый парень. Нет, не парень — мужчина. Именно мужчина. Я только сейчас по-настоящему это заметила. А в чем же его красота? Что мне в нем так нравится? А, поняла: его лицо — это портрет умной воли. Он человек, который не живет просто так, это видно сразу. С такими трудно, но зато интересно. И если их любят женщины, то... — Наташа остановилась и задумалась. — А, что тут говорить. Странный он. А еще видно, что хозяин такого лица, — Наташа усмехнулась про себя, — может быть беспрельдно целеустремленным. Если он что-то задумает, его не остановит ничто, ни уговоры, ни угрозы, ни даже я. Поэтому нельзя становиться на его пути. Видимо, сейчас он и выбирает этот путь. А тут появилась я и осложнила ему задачу».

Наташа подошла к Ивану и обняла его.

— Скажи, о чем ты думаешь, милый?

Иван быстро и резко взглянул на Наташу, но она не изменила выражения лица, показывая этим, что его жесткий взгляд ее не обидел.

— Я думаю о том, как мне быть дальше, Наташа. Я тебя удивил?

— Нет, мне тоже так показалось. «Быть или не быть — вот в чем вопрос», — сказала Наташа, сводя диалог к шутке. — Знаешь, мне кажется, что пройдет совсем немного времени и многое определится.

• — Нет, Наташа, — Иван покачал головой, — я так не хочу. Мне надо определяться самому.

Наташа отошла от Ивана и стала резать хлеб и доставать из шкафа посуду. Она искоса взглянула на Ивана и "оду_мала: «Он не вмещается в эту кухню — не потому, что

он высокий, а потому, что нельзя ему каждый вечер сидеть на кухне и смотреть в окно. Если он будет сидеть здесь и смотреть в окно, как мой отец, ничего хорошего из этого не выйдет. Я не могу себе этого представить. И он, наверное, не может. Об этом он и думает. Да, ему нужно достойное его дело, а дела у него, судя по всему, нет».

Наташа начала было расставлять на столе посуду, но вдруг остановилась и сказала:

— Давай будем ужинать в зале.

— Давай в зале,— с готовностью согласился Иван. Он помог Наташе перенести в зал посуду и блюда. Наташа постелила на стол красивую скатерть, все расставила и принесла бутылку вина.

— Открывай вино,— протянула она бутылку Ивану.— Помянем моего отца, хоть с опозданием, а потом отметим наше с тобой обручение.

— Кто был твой отец? — спросил Иван.

— Мой отец был физик, как и ты. Но его настоящая профессия была, все же, по-моему, быть моим отцом и мужем моей матери. Он был хороший человек. Люди его уважали. Думаю, он бы простил мне вчерашнее, поэтому и не каюсь, что пропустила поминки.

— Вчера было девять дней?

- Да .

Наташа надолго замолчала, погрузившись в свои мысли.

— Раз ты любила своего отца, значит, он тебе все простил. Не горюй, Наташа.

Наташа села рядом с Иваном и, обняв его, спросила:

— Ваня, что тебя беспокоит, скажи. Не я ли этому причиной?

— Вот что, Наташа, давай договоримся так. Не позже чем в среду я исчезаю дней на тридцать-сорок, может быть меньше. Уверен, за это время я разберусь со своими проблемами.

— А если я не согласна ждать, что тогда? — спросила Наташа.

— Я все равно сделаю то, что задумал.

— Даже если потеряешь меня?

Глаза Ивана сверкнули знакомым уже светом, который заставляет всех ежиться и отводить взгляд. «Каким он жестоким может быть»,— подумала Наташа.

— Я сделаю то, что решил, прости меня, если можешь.

Теперь перед Наташей стоял человек: высокий, очень сильный, очень умный, очень странный, бесконечно талант-

ливый и очень чужой. Этот человек пристально смотрел на нее. Наташе казалось, что его взгляд проникает в самую глубину ее души. И этот взгляд был не добрый. «Ну, вот и все! Зачем я сказала это? Теперь он начнет ломать и меня, как ломает законы физики. Я для него теперь — логическая модель. Господи, неужели все кончилось, не успев и начаться!»

— Иван, скажи, я тебе очень нравлюсь?

— Я сделаю все, чтобы мы были вместе,— ответил Иван и обнял ее.

Аллеин сложил руки крестом на груди, поднял лицо вверх и полетел, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Летел он, не махая крыльями, а как ракета, поворачиваясь вдоль оси, направленной в центр Вселенной. Он летел так, потому что на это была не его воля, а воля пославшего его. Вскоре он предстал пред вратами, ведущими к Богу, они были закрыты. Тут он услышал знакомый голос:

— Аллеин, ты поведешь Ивана на встречу с Врагом.

— Но я не могу этого делать, ведь он не отказался от Врага — ни внешне, ни внутренне. Я не люблю этого человека. По Твоей воле он может все, но он не может пока даже решить, чего он хочет.

— А разве ты не знаешь, Аллеин, что для смертного самое трудное — это выяснить, чего он в действительности хочет?

Аллеин склонил голову:

— Господь, а если он не откажется от Врага?

— Если он не откажется от Врага, его поведет на встречу с ним кто-то другой — из тех, которые для меня не существуют.

— И такое может быть?

— Иван — свободный человек. Все может быть, Аллеин. Возвращайся на Землю. Я привлеку тебя, чтобы сказать важное. Аллеин поклонился, взмахнул крыльями и полетел.

— Ну что, Риикрой? Что скажешь? Как Иван? Он теперь понял, в чем заключается его роль, и она ему не нравится? — бросил Сатана, опережая очередной доклад Риикроя.

— До него, кажется, начинает доходить, что существу-
ют в мире обстоятельства, над которыми он не властен.
И эти обстоятельства заложены внутри него.

— Значит, до него начинает доходить, что он — мой.
Он обязательно дорешает свою Систему до конца. Компь-
ютерные программы — это то, что нам более всего дос-
тупно и понятно, потому что нет ничего более логичного.
Так вот, в основу программы, которую он только что сде-
лал, он положил принципы, которые Творец использует
при трансформации духовных образов в материальные
сущности. И ловко, скажу я тебе, это сделал! На высшем
уровне.

— Как это ему удалось?! — искренне удивился Риик-
рой, знающий настоящую цену научным открытиям лю-
дей, но не вникший до сих пор в тонкости Ивановой Сис-
темы.

— Все дело в том, что он попутно с составлением своей
Системы ранее создал мощный математический аппарат,
людям пока неизвестный. Его он и использовал при про-
граммировании. Ты понимаешь, что он сделал? Эта про-
грамма многого стоит... Одно без другого создать было
невозможно.

— И он, кстати, осознает это. Видимо, поэтому на ту
программу, которую передал для тиражирования, он на-
ложил специальный ограничительный фильтр. Оригиналь-
ная же, ничем не ограниченная программа осталась толь-
ко в том компьютере, на котором он программировал,
причем через определенное им время или при попытке пе-
резаписи она будет стерта. А исходный текст он вообще
уничтожил.

— И ему было не жалко? — В голосе Сатаны Риикрой
услышал искреннее сожаление. — Это что — осторожность
или что-то другое?

— У него феноменальная память. И он предпочитает
все хранить в голове, так, по его мнению, надежнее. Без
него этой программой никто не сможет воспользоваться.
Ведь никто, кроме него, не знает вход в нее и принципы
управления. А так-то да — эта штука занимательная. Для
чего люди могли бы ее применить, если бы имели ключи к
ней?

— Прямое применение — оптимальное управление
любыми потоками информации. Ну а, вообще гово-
ря, она может, например, быстро кодировать челове-
ческую речь в текст. То есть информацию любого

бъема, заданную на материальных носителях, она
„лрует в свою символьную систему, которую потом
можно декодировать в обратном направлении. Если
бы к этой штуке пристроить датчик нематериальных
образов, она бы из них могла сделать, например, текст.
А если эту программу модифицировать, то и рабочие
чертежи материальной модели образа. Представляешь:
думает человек, например, о цилиндре и даже ничего
не говорит, а через посредство этой программы стан-
ок вытачивает этот цилиндр. Ну, это простейший
случай. То есть осталось изобрести генератор обра-
зов, набрать побольше молекул и творить мир из них.
Иван на правильном пути — пути создания инструмен-
та творения.

— • Что мне теперь делать, Господин? — спросил Риик-
рой, надеявшийся получить какой-нибудь необычный при-
каз.

— Ничего. Следить и ждать. Сети расставлены, на всех
его путях мои люди, теперь ему деваться некуда.

7

Ивану приснилось, что он лежит на земле в густой тра-
ве и его лицо щекочит колоски и травинки, от их прикос-
новений он и проснулся. Оказалось, что это не трава, а
Наташины волосы лежали у него на лице. Иван открыл
глаза. Наташа спала, уткнувшись носом в его щеку. Ви-
димо, было раннее утро. Иван не стал искать свои часы,
лежавшие где-то рядом на стуле или на тумбочке, чтобы
случайно не разбудить Наташу. Он осторожно отстранил-
ся, повернул голову и посмотрел на Наташино лицо.
Длинные ресницы чуть трепетали, на щеках был румя-
нец, губы, казалось, едва заметно улыбались. Иван долго
Разглядывал ее, подумав о том, что он впервые в жизни
внимательно рассматривает лицо спящей женщины. «Ка-
кой же она кажется беззащитной, — подумал Иван, — на-
верное, все мы такими кажемся во сне». Иван начал было
Дремать, но внезапно непонятно почему в голову пришла
Мысль: «А чего я здесь лежу?» Дремоту как рукой сняло.
Наташа легла на спину. Лицо ее стало серьезным и со-
Редоточенным. «Как, интересно, он будет выглядеть?

Вряд ли он похож на Воланда из „Мастера и Маргариты“ или на гетевского Мефистофеля. Ясно, что и тот, и другой в лучшем случае — пародия на него. Какой он на самом деле? — уже не мог остановить свои мысли Иван. ~ Я А ведь я же его боюсь. Очень боюсь. Да, я очень боюсь этой встречи, так же, как теперь боюсь смерти, — анализировал свои чувства Иван. — Это не шуточки, это, скорее всего, опасно, смертельно опасно. Ничего хорошего от него ждать нельзя. Если он — воплощение злой воли, а так оно и есть, ведь он антипод созидания и жизни, это даже в чисто физическом смысле, значит, цель у него одна — подчинить меня своей воле. Для нас он — зло, потому что мы, люди, — не из его мира и живем не по его законам. С этим он не смирился и не смирится никогда! Надо же, в каких категориях я стал рассуждать, — усмехнулся Иван, — добро, зло... Это для меня совершенно новое. Но я боюсь его — это точно. Его и все, что за ним* стоит. Боюсь инстинктивно, как человек боится змей. Пропади он пропадом. Хотя он — необходимый и существеннейший элемент мироздания. „Не введи во искушение...“ — это о Боге; „...и спаси от Лукавого“ — это о Дьяволе. — Ивана начало охватывать хорошо знакомое ему чувство — переливающееся через все пределы бешенство, ищущее выхода. — Что же делать?! Он ведь все знает обо мне, а я о том, что он есть на самом деле, только догадываюсь. А надо, чтобы результат этой встречи был такой, какой нужен мне, а не такой, какой ему».

Иван осторожно встал с постели, еще не зная, что он будет делать. На спинке стула аккуратно висел его новый пиджак. «Куда я в нем? Нет...» И тут Иван понял, что он будет делать. Он быстро оделся в свою привычную одежду, написал короткую записку Наташе и, не умывшись и не позавтракав, вышел из квартиры. На улице опять собиралась гроза.

Постояв немного около подъезда, Иван сделал несколько быстрых шагов и перешел на бег. Сначала, по тротуарам, он бежал медленно, но на шоссе, которое вело из города, он, наконец, побежал так, как хотел: чтобы чувствовалось сопротивление проносимой под ногами дороги.

Такое уже бывало в его жизни. Когда долгие поиски решения какой-нибудь проблемы не давали результата и все возможности, казалось, были исчерпаны, Иван устраивал для себя марафонские забеги. Основной целью

было освободиться от идущих по кругу, а поэтому бесплодных мыслей. В Ивановой терминологии это называлось «выйти за пределы задачи». Ранее были испробованы все известные ему способы: он до беспамятства напиивался, ДО изнеможения занимался сексом, ходил на дискотеки, даже пробовал наркотики — ничего не помогло. Только долгий бег на пределе физических возможностей приносил желаемый результат. Иногда он ставил себе цель: добежать куда-либо за определенное время, иногда вообще бежал без цели, только бы бежать. В этот раз цели не было. Надо было бежать по дороге из города, бежать столько, сколько нужно, чтобы в голове не осталось ни одной мысли.

Первые несколько километров Иван набирал скорость, вбегался в нужный ритм. Он прислушивался к мышцам, сердцу, дыханию, как бы регулируя все параметры их работы, делая ее слаженной. Почувствовав, что нужный темп взят и все его органы работают как надо, обеспечивая заданный темп, Иван отключал сознание, переходя, как он сам себе говорил, «на автопилот». Отключение сознания было делом сложным, для этого в ритме бьющегося сердца Иван твердил формулу: «Я — свободен, я свободен...» — и так до бесконечности, пока не исчезали все мысли не только из сознания, но и из подсознания. После того как это получалось, наступало желанное, необыкновенное состояние: когда все видишь, но ничего не чувствуешь, будто тебя нет, а есть только какой-то бегущий механизм, части которого твои сердце, мышцы и мозг, предназначенные только для того, чтобы управлять движением этого механизма — просто чтобы бежать в нужном направлении и правильно обходить и преодолевать препятствия. Достичь такого состояния удавалось не всегда, потому что на это приходилось тратить много сил. В этот раз другого выхода не было.

Сначала Иван бежал по шоссе, потом по проселочной Дороге. Когда он вновь выбежал на шоссе, почувствовал, что пора: процесс вбегания завершился. Иван начал твердить свою формулу, и началась борьба. Ничего не получалось, потому что весь мозг был до предела забит проблемой, от решения которой Иван хотел освободиться. Мысли в виде стройных предложений, каких-то отрывочных фраз, отдельных слов, математических формул, логических отношений продолжали хозяйничать в его моз-

ге. Все остальное, в том числе и мысли о Наташе, было уничтожено или переведено в анабиоз, а эти нет, эти были непобедимы. Иван значительно увеличил темп, он бежал сейчас, как бегут дистанцию пять километров, сердце забилось быстрее, вслед за этим участилось дыхание, формула повторялась, соответственно, чаще. Воздух с шипением всасывался легкими и тут же сжигался мышцами. Ивану казалось, что он чувствует, как это происходит. «Хорошо, кажется, начинает получаться», — подумал Иван. Тут же откуда-то вырвалась мысль: «Ты не решил Систему до конца, это надо сделать». Пока ничего не получалось. Оставалось только надеяться, что в конце концов формула сработает и взятый темп окажется достаточным.

Зазвенело в ушах — это был своеобразный предупреждающий сигнал, значит, темп был слишком высоким и возможности беговой машины по его поддержанию уже на пределе. Еще бы, ведь Иван уже пробежал километров двадцать пять, миновав райцентр, и сейчас бежал по дороге, извивающейся по холмам. На затяжном подъеме и зазвенело. Решил темпа не снижать и отдал себе, то есть сердцу, легким, мышцам приказ держать темп. Если бы кто-то мог видеть Ивана со стороны, то он бы испугался: лицо Ивана стало бледным до синевы, глаза остановились, нос и щеки ввалились, как у мертвеца. Во рту пересохло, уши заложило, и все-таки формула не работала. Иван, наконец, вбежал на подъем, стало легче. Он продолжал бежать в том же темпе. «Чем еще усилить действие формулы? Раз задаешь себе этот вопрос — значит, еще ничего не получается. Нужна цель забега. Бегу в церковь. Там свобода». Иван начал повторять новую формулу: «Бегу в церковь — там свобода». Осмысливать ее значение уже не было возможности.

Так как в состоянии «человек бегущий» войти не удалось, приходилось терпеть. Теперь каждый километр давался с огромным трудом. Ивану казалось, что еще немного, и он упадет, но он держал прежде взятый темп. Когда он преодолевал крутой подъем дороги, ведущей мимо расположенной рядом, оцепененной несколькими рядами колючей проволоки тюрьмы, он потерял сознание. Он потерял сознание в буквальном смысле, он должен был упасть и, скорее всего, умереть от разрыва сердца, но он не упал и не умер, а продолжал бежать все в том же темпе,

только стал сильнее раскачиваться из стороны в сторону. Потом начался длинный спуск. Где-то на середине спуска сознание включилось с произнесения формулы: «Я свободен. Я свободен. Я свободен...» Желаемое состояние, наконец, было достигнуто.

Впереди была дорога, позади дорога,верху небо, по сторонам поля. И не было ни мыслей, ни чувств. Добежав по заброшенной деревни, Иван повернул направо. Теперь по цели, которая внезапно открылась ему, оставалось километров пять. И тут начался сильный ливень. Бежать стало легче. Потоки воды охлаждали разгоряченное тело, от спины шел пар. Наконец с горы открылся вид на городок, в котором и была церковь. Она располагалась на окраине города, около озера.

Добежав до переезда, Иван остановился, потому что проходил поезд и переезд был закрыт. Дождь в это время кончился. Поднялся шлагбаум, и Иван пошел через железнодорожные пути, бежать уже не было смысла, потому что церковь была метрах в ста, совсем рядом.

Постояв немного у ворот церковной ограды, Иван вошел в церковный двор и направился прямо ко входу в церковь. Он подошел к дверям, взялся за ручку и потянул. Двери были закрыты. Иван услышал старушечий голос: — Молодой человек, что вам надо?

Иван обернулся. Его окликнула старушка, одетая в ватник, валенки с калошами и повязанная черным платком. Иван улыбнулся и, сдерживая не успокоившееся до сих пор дыхание, сказал:

— Я бы хотел войти в церковь.

— Церковь закрыта. Служба-то в пять вечера, а сейчас десять утра.— Иван стоял, все так же держась за ручку.— Может, вам нужен отец Петр? Так он скоро будет. Если хотите подождать, пойдемте в избу, там обсохнете, согреетесь, вы же весь мокрый,— предложила старушка. На улице после дождя было прохладно, к тому же подул холодный ветер. Иван промок до нитки и чувствовал, что начинает замерзать.

— Спасибо большое, я действительно замерз.— И он пошел к маленькому рубленому домику вслед за старушкой.

В избе топилась печь, и было очень тепло. Иван сел на скамейку около печи. Под скамейкой тут же образовалась^{УЖа} Старушка посмотрела на него и вышла. Вскоре она^{Вс}рнулась, неся в руках какую-то одежду.

— Переоденься-ка, милый. Вот тебе рубаха, портки и полотенце.

Иван с трудом встал и, взяв одежду, вышел в сени. Там он снял прилипшую к телу одежду, вытерся полотенцем и переоделся в полотняную рубаху без пуговиц и такие же штаны. «Такую одежду, наверное, носили крестьяне в начале века», — подумал Иван.

Он вернулся в дом и опять сел на скамейку. Старушка что-то говорила о том, что скоро вскипит чай, что у них добрый священник, что какой-то пьяный тракторист недавно сломал церковные ворота, въехав в них трактором. До Ивана ее голос доносился откуда-то издалека. Вскоре он уснул. И спал без снов, как мертвый, уронив голову на грудь.

«Таким сном могут спать солдаты после трех дней непрерывных боев, его трудно отличить от смерти», — охарактеризовал его состояние Аллеин, который все это время неотступно следовал за Иваном. Рикрая же рядом не было. «Это потому, что Иван уже принял решение встретиться с Сатаной», — догадался Аллеин.

Отец Петр поставил свой автомобиль в гараж, расположенный тут же, внутри ограды, и вошел в домик. Этот домик был не только для церковного сторожа, в нем жил и он, когда приезжал служить службу.

Войдя в избу, он увидел человека, одетого в полотняную рубаху и такие же штаны, который спал, сидя на скамье около печи. Над печью была развешана его мокрая одежда.

— Это кто же, матушка, у нас тут спит? — спросил отец Петр у сторожихи.

— Не знаю, батюшка. Хотел в церковь попасть. Трезвый. Я ему сказала, что вы скоро будете. Дала вот ему в сухое переодеться, он пригнулся да и уснул.

Отец Петр подошел к спящему и заглянул ему в лицо.

— Ну что ж, пусть спит, а я пока делом займусь.

Отец Петр сел за стоящий около окошка стол, достал из портфеля листы бумаги и начал что-то писать.

Иван проснулся примерно через час и сразу же открыл глаза. Старушки в избе не было, но за столом спиной к нему сидел священник. Иван, чтобы привлечь внимание, осторожно кашлянул. Священник перестал писать и повернулся к нему.

— А, проснулись.

— Здравствуйте, извините, что так вышло. Пригнулся в тепле и заснул.

— Ничего, ничего — бывает, — успокоил его священник. — поспали — и хорошо. У вас какое-то дело?

— Да, понимаете, я бы хотел побыть в церкви.

Священник помолчал немного, а потом сказал:

— Для чего вам это? Я должен знать.

— Мне кажется, что только в церкви я смогу подумать о моей жизни так, как мне хочется.

— Как?

— Спокойно.

— Я вас очень прошу, объясните мне, почему для этого вам нужна церковь.

Иван задумался. Наконец, он поднял впервые за время разговора глаза, выстрелив взглядом в священника, и спросил:

— Как вы думаете, есть ли Дьявол?

Отец Петр, подумав немного, ответил:

— Да, он есть и он действует. Вы почувствовали его повышенное внимание к вам и считаете, что под куполом церкви сможете спрятаться от этого внимания? Но это у вас не получится.

— Почему?

— Вы же не крещеный. Разве не так?

— Да, так. Я не крещеный. Но ведь крещение — это обряд. Неужели он имеет принципиальное значение?

— Это не обряд, это таинство, и оно, выражаясь вашим языком, имеет принципиальное значение.

— Отец Петр... Я правильно к вам обращаюсь?

— Да.

— Объясните, если это не сложно, почему это имеет принципиальное значение?

— Хорошо, я постараюсь объяснить, — согласился священник и, отложив в сторону шариковую ручку, повернулся к Ивану. — Главное, что дает человеку Бог, это свобода. Жизнь дается и животному, но возможность сознательного выбора, как жить, есть только у человека. Вы можете креститься или нет — это ваш выбор, но и Господь сделал свой выбор, установив правило: «Если кто не родится от ^{Bo}Ды и Духа, не может войти в царствие Божье*». Мог он Установить такое правило? Мог.

— А как же дети? Ведь они ничего не выбирают, — возразил Иван.

* Иоанн, 3:5.

— Выбор за них делают их родители, и они как родители имеют на это право.

— Что же, получается, кто не крестился, у того никаких шансов на загробную жизнь?

— Я повторил слова Господние, он говорит о царствии Божьем — это более узкое понятие, чем загробная жизнь.

— Ну хорошо, пусть так, но сейчас моя цель — не получение возможности попасть в это царство, а гораздо более простая. Да, я почувствовал, как вы удачно выразились, повышенное внимание к себе Сатаны. Можно и покреститься, если это поможет.

— Никакие, даже самые толстые, стены на защитят вас от Дьявола. Единственная от него защита — вера в добро, вера в Бога. Вы ведь верите в Бога?

— Да. У меня нет никаких сомнений в его существовании.

— Вы должны покреститься и поверить, что это вам поможет.

— Я согласен. Это можно сделать прямо сейчас? — Иван встал.

— Ну что ж, можно и сейчас,— кивнул головой священник и вздохнул.— Вы подождите здесь, а я пойду распоряжусь.

Пока священника не было, Иван сидел, подперев голову руками и не думая ни о чем. Ему сильно хотелось есть, и теперь он боролся с голодом.

Примерно через полчаса священник вернулся и сказал:

— Пойдемте в церковь, я готов.

Иван замешкался.

— Что, прямо так, в этом?

— Да, прямо так, так даже лучше. Чтобы не замерзнуть, накиньте тот тулуп, в притворе снимете.

Священник пропустил в церковь Ивана и закрыл двери на ключ. В церкви никого не было. Это была маленькая деревенская церковь. С самого ее основания у нее не было богатых покровителей, и все убранство, которое в ней было, делалось руками прихожан, заботливо и терпеливо ее обустроивавших и украшавших. Сверху из-под купола падал свет, боковые же окна были закрыты ставнями. Рядом с иконой Спасителя в большом подсвечнике стояли три горящие свечи. Под иконами чуть теплились лампадки. Около входа в алтарь стоял большой серебряный сосуд с водой.

— Пойдите здесь,— сказал священник и ушел через специальную дверь в алтарную часть храма.

Иван до этого был в церкви один раз, да и то случайно. Он стоял и рассматривал иконы, стараясь угадать, кто на них изображен. Было очень тихо, отчетливо слышалось потрескивание свечей.

Священник вышел одетый в блестящие, красивые одежды и сказал:

— Сын мой, хорошо ли ты подумал, прежде чем пришел сюда?

— Нет, я не думал об этом. Считаю, что сюда привела меня судьба. Но я тверд в своем решении. Я хочу, чтобы вы меня крестили.

— Как человек ты имеешь право на это, но готов ли ты покаяться в содеянных грехах? Сказано: «Покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святого Духа»*.

— Я много грешил, но никому не желал зла. Грех ли желание знать о мире все?

— Да, сын мой,— это грех. Грех, сродни первородному.

— Но это желание во мне неуничтожимо, святой отец.

— • Я знаю. Отказаться от дара проникать в суть вещей — не в твоих силах, но помни, что и ты, и дар твой есть от Бога. От Бога. Отрекись же от Дьявола. Отрекись трижды.

— Дьявол, я от тебя отрекаюсь. Будь ты трижды проклят,— • сказал Иван. Священник улыбнулся. Иван не видел этого. Он посмотрел на священника и спросил:

— Я что-нибудь не так сказал?

— Нет, все так. Повтори три раза: отрекаюсь.

Иван повторил три раза. Священник подошел к чаше с водой и что-то говорил над ней и делал. Он проводил обычные действия, но Иван не видел, что он делал, потому что священник стоял к нему спиной.

— Подойди сюда, Иван,— пригласил его священник.

Иван подошел и стал около чаши. Священник попросил его наклониться и трижды окунул его голову в чашу, произнося при этом молитву.

То, что произошло дальше, видел только Иван, потому что священник отошел в сторону, чтобы взять крес-

* Деян., 2.38.

тик, и отвернулся. Иван поднял голову и увидел, что Лий-ил парит над ним. Лийил быстро взлетел под купол, исчез на мгновение и потом со скоростью молнии вернулся в Ивана. Отец Петр увидел вспышку, отразившуюся в церковной позолоте. «Что это, молния, что ли? Гроза вроде закончилась. Грома не было. Наверное, это далекая вспышка», — подумал он, надевая на мощную Иванову шею нательный крест.

— Следуй за мной, — сказал священник, вручая Ивану зажженную свечу, и трижды провел Ивана через алтарь храма. Потом он отстриг у Ивана маленькую прядь волос и сказал:

— Все, что делаешь, делай во славу Божию. Ибо Он есть наш отец и судия. — Иван кивнул головой. — Ну что ж, теперь я оставляю тебя. Думай, молись. Я буду в доми-ке. — Он вышел, оставив Ивана одного.

«Ну что, кажется, я готов к встрече с Сатаной», — подумал Иван и тут же увидел перед собой человека в белых, сверкающих одеждах.

— Кто ты? — испуганным, сорвавшимся голосом прошептал Иван.

— Я твой ангел. Следуй за мной.

Он быстро собрался с духом и спросил:

— Куда и зачем?

— На встречу с Сатаной. Ты же хотел этого.

— У меня пока нет плана действий. Об этом я и хотел подумать здесь.

— Никакой план тебе не поможет, потому что Враг во сто крат умнее каждого. Не пытайся его переиграть.

— Нет уж. Я попытаюсь. Я буду делать то, что хочу я, а не то, что хочет он. Объясни, зачем мне твое сопровождение?

— Сам ты не найдешь дорогу к месту, где назначена встреча.

— Но у меня есть карта.

Ангел улыбнулся и сказал:

— У карты слишком мелкий масштаб, к тому же ты забыл ее дома, но главное не это. Искать его должен ты, а не он тебя. Если ты желаешь этой встречи — следуй за мной.

— Да, желаю. Хорошо, пошли. Я только поблагодарю священника, и все. Где мы встретимся?

— Выходи за ограду церкви, там увидишь меня.

Иван вышел из церкви и пошел в домик сторожа. Отец Петр опять что-то писал. Увидев Ивана, он поднял голову и с удивлением спросил:

— Что, уже?

— Да. Спасибо за то, что вы для меня сделали. Мне надо идти.

Иван взял свою не просохшую как следует одежду и пошел переодеваться. Переодевшись, он попрощался со священником и быстро направился к воротам церковной ограды-

8

В тот день, когда Иван ушел, Сергей был занят подготовкой к сдаче работы заказчику. Программисты раз за разом прогоняли тесты, устраняя последние недоработки. Неточности в работе программ были легко исправимы, потому что все они не касались работы главной управляющей программы, которую сделал Иван. Эта программа работала безупречно. Программисты сравнили ее объем с базовой версией, получилось, что она раза в три короче. Как это у Ивана получилось? Никто и понятия не имел. Но программа работала, по общему определению, зверски. К концу дня стало ясно, что можно поздравить себя с победой. Новая версия работала в четыре раза быстрее старой! «Произошло невероятное, — думал Сергей, — но где же Иван?» Ивана нигде не могли найти. Сергей долго держал руку на телефоне, не решаясь позвонить Наташе, наконец набрал номер:

— Здравствуй, Наташа. Как дела?

— Спасибо. Как у вас дела?

— Отлично. Все работает. И работает с невероятной скоростью. Иван, мягко говоря, — гений. То, что он сделал, никто из наших даже представить себе не может. Никто даже понять не может, что это вообще можно сделать. Но факт — все работает. Слушай, а ты случайно не знаешь, где Иван, я его нигде не могу найти.

— Нет, не знаю. Сегодня рано утром он скрылся в неизвестном направлении. Оставил записку: «Завтра-послезавтра дам о себе знать. Иван».

— Кому оставил записку?

— Мне оставил.

Сергей все понял. Он подумал: «Как к этому относиться? Наташа с Иваном два сапога — пара, они друг друга стоят». Наконец он выдохнул и сказал:

— Наташа, он хоть раз поинтересовался судьбой раз-
работанной им программы?

— Нет.

— Вот дает! Ты представляешь, до какой степени ему
на все наплевать!

— Почему ты так думаешь?

— Сделал феноменальную программу. Заработал кучу
денег — и хоть бы что! Да еще взял и исчез.

— Сергей, чувствую, что тут что-то не то. Что будем делать?

— Что делать, что делать... Думать, а потом действо-
вать, что еще можно делать. Предлагаю до завтрашнего
вечера не дергаться. Думаю, он вернется и все сам расска-
жет.

— Почему ты в этом так уверен? Объясни, пожалуйста.

— Если он решил от нас смыться, а с него станется, то
искать его бесполезно, да и ни к чему. Если он даст о себе
знать, как обещал, то он даст о себе знать. Иван всегда
держит слово, Наташа. Всегда.— Сергей сделал паузу.—
Уверен, убить его не убьют, просто потому, что, как выяс-
нилось, это крайне трудно сделать, да и не вижу я людей,
которые сейчас, когда мы уже оттестировали программу,
были бы в этом заинтересованы. Предлагаю: давай ждать
до завтрашнего вечера.

— Давай ждать до завтрашнего вечера,— согласилась
Наташа.

Сергей перевел разговор на другую тему.

— Наташа, мне бы очень хотелось, чтобы ты приняла
участие в демонстрации программы, которая, по сути, бу-
дет презентацией нашей фирмы.

— В качестве кого?

— В качестве финансового директора.

— Я согласна. А когда будет эта демонстрация-презен-
тация?

— Во вторник в десять утра начало. Публично прого-
няем тест, говорим то, что в таких случаях говорят, и после
этого подписываем документы. Все это должно занять
часа два.

— Кто там будет?

— Вице-губернатор и два представителя американской
фирмы-разработчика. Пусть полюбуются на наше творе-
ние. Теперь даже самая предвзятая экспертиза не найдет
никакого плагиата.

— Хорошо, я буду готова. А Ивана с собой возьмем,
если он найдется?

— Конечно, возьмем. Я, кстати, не собираюсь скрывать
авторских прав на программу. Все авторские права
принадлежат исключительно ему. Понимаешь?

„-Понимаю.

— Можешь ему это передать при встрече. Эх,— Сер-
гей засмеялся и хлопнул себя по колену,— ладно, по-
здравляю тебя с удачной жизненной находкой и желаю
счастья. Если что — звони.

Аллеин взлетел очень высоко. Если расстояние от по-
верхности земли можно было бы выразить в человече-
ских единицах измерения, то это — километров двести. Но
в том мире, в котором он находился, существуют другие
единицы измерения, которые не переводятся в привыч-
ные для нас. Аллеин взлетел так высоко, затратив очень
много сил, чтобы одновременно наблюдать за Иваном,
идушим по указанному им пути, Наташей, Сергеем и
Игорем Ясницким, который попал в круг интересов Ал-
леина потому, что обратился к Богу с молитвой: «Гос-
подь и Бог мой, за что ты меня казнишь? Прости меня.
Помоги мне. Мне сейчас нужно: Наташу, отомстить Ма-
лышеву и уничтожить Ивана. Я желаю этим двум мужчи-
нам зла, но ведь и они мне желают того же». Ясницкий
молился про себя, и молитва его была услышана и пере-
дана Аллеину. Причиной, заставившей Ясницкого про-
сить помощи у Бога, была не вера в то, что Бог может
ему помочь, а полная растерянность. Он не знал, что де-
лать. И не знал, с кем посоветоваться. Оставаться же в
таком положении, какое сложилось, он не мог. Находить-
ся в бездействии, когда все его жизненные интересы под
угрозой,— это было для Ясницкого состоянием невозмож-
ным.

Наташа не могла найти себе места: она то ходила по
комнатам, то брала в руки книгу, то пробовала смотреть
телевизор — ничего не хотелось делать. «Еще вчера он был
здесь, рядом. А сегодня где он? Что с ним? Зачем он ушел,
ничего не сказав и даже не попрощавшись?» Наташа зак-

рывала глаза и тут же видела перед собой Ивана, слышала его голос, начинала вспоминать, что он говорил ей.

Сергей сел обедать вместе с женой и дочками. На столе была белая скатерть и стояли цветы, так захотел Сергей. Цветы он принес и поставил на стол сам, вызвав у жены изумление: «Такого никогда не было. К чему бы это?» «Кто знает, что будет завтра? — думал Сергей. — Вроде бы все хорошо, все пока получается, но на душе тревожно. И Иван куда-то пропал. Не нравится мне это. Тут что-то не то и не так. Чувствую, это начало каких-то событий, и я не останусь от этих событий в стороне». Сергей подсознательно думал о том, что дело еще далеко не сделано, и что надо готовиться к худшему. Интуиция у него была удивительная. «Кто знает, может, я в последний раз сию вот так за столом в уже не моем, кстати, доме».

Иван шел по указанному Аллейным пути. Он, конечно же, не стал ловить попутные машины и даже не пытался найти каким-нибудь образом денег, чтобы купить билет на автобус или что-нибудь из продуктов. Он и не вспомнил о том, что надо сообщить о себе Наташе. Он! мерз в своей майке и очень хотел есть, поэтому думал: «Как бы чего-нибудь поесть? Нет, останавливаться! нельзя: пошел и пошел. Все, отправился в путь — надо идти до конца». Иван шел по дороге на юг — в сторону Саянских гор. Удивительно, но, получив у Аллеина маршрут, в котором был указан пункт их следующей встречи, он не стал ни о чем его спрашивать. Только кивнул головой и сказал: «Хорошо, я понял. До встречи».

Аллеин изо всех сил прислушивался к мыслям Ивана, но ничего интересного не мог услышать. Иван быстро шагал рядом с дорожной насыпью и ни о чем не думал. «Странно, раньше он ухитрялся решать математические уравнения, мечтать о свидании с любимой женщиной и думать, как ему жить дальше, — одновременно, приводя в бешенство Риикроя и компанию, путавшихся в его мыслях. А теперь он вообще ни о чем не думает, кроме того, о чем может думать голодная, бегущая по следу собака».

Наташа, наконец, нашла себе занятие, она принялась вязать. Спицы быстро мелькали в ее ловких пальцах, разноцветные клубки весело подпрыгивали в коробке, заставляя кота вздрагивать и шевелить ушами.

— Мускат,— обратилась Наташа к коту,— почему все так получается? Только-только начала сбываться моя мечта. Мне по-настоящему понравился человек. Я была счастлива, настолько счастлива, что все на свете забыла, и вот опять ожидание и неопределенность. Что у него могут быть за дела, заставившие вот так бросить меня и уйти, даже не попрощавшись? — Кот поднял голову и пристально посмотрел на Наташу, которая продолжала говорить. — Мускатик, каждая женщина мечтает о любви и ждет ее, без этого жизнь наша даже не скучна, нет, она просто невозможна. Я думаю, Мускат, что все мы делимся на тех, кто еще мечтает и кто уже не мечтает. Я мечтала, и мечты мои сбылись. Он пришел: добрый, сильный, красивый, умный, мне с ним так хорошо. Пришел и ушел...

Руки Наташи задрожали, она перестала вязать, спицы упали, и она горько разрыдалась. «Из-за него я даже про отца только что умершего забыла, я отказалась от выгодной партии, а он меня бросил. Не вернется он!» — подумала Наташа. Она упала на диван и уткнулась носом в подушку. Слезы лились из ее глаз ручьем, она всхлипывала, как ребенок. «Нет, все конечно, и пожалеть-то меня некому. Ни отца, ни матери. За что же мне все это?»

Сергей, закрыв лицо руками, сидел за столом и думал: «Если все кончится благополучно: работу сдам, деньги получу, все будем живы-здоровы, пойду в отпуск. Поеду к морю, лягу где-нибудь в самом глухом месте и буду лежать и смотреть на небо. Детей с собой возьму? Нет, отправлю к теще, и жену не возьму. Пусть отдохнет от меня, имеет право. Отпуск — интересное, наверное, состояние. Когда я был в отпуске? А, я в отпуске никогда и не был. — Сергей вздохнул и поднял голову. За столом, по-видимому, давно уже сидел он один. Дети шумели где-то наверху, а жена звенела посудой на кухне. — Эх, как бы дожить до понедельника. — Сергей посмотрел на стоящую на столе нераспечатанную бутылку водки. — Нет, это не поможет. Были бы таблетки ка-

кие-нибудь, съел десять штук — и нет тебя десять часов — цены бы им не было».

Ясницкий возвращался домой из офиса. «Сбылась мамина мечта. Я вспомнил о Боге. Вот уж чудо, в самом деле. Это путь неудачника? Я неудачник? Может, и не так, но жизнь, в которой нет радостей, удачной не назовешь. Надоело все хуже горькой редьки. Даже вот как?! — Ясницкий сплюнул в сердцах. — Эх, все дело в том, что меня никто не любит. Все дело в этом».

Аллеин парил в эфире надмирового пространства среди миллиардов звучащих в нем бесконечно разнообразных звуков и нематериализованных образов, рожденных человеческими мыслями и чувствами. Звуки сливались в шум, похожий на шум океана, и найти и выбрать нужные было очень трудно, но Аллеин умел это делать. Он старался ушлишать мысли Ивана о Наташе, чтобы тут же передать их ей и тем успокоить ее, но Иван совсем о ней не думал. Наступил вечер. Иван к этому времени дошел до места, где они с Аллейном договорились встретиться. Здесь дорога кончалась, дальше была горная тайга. На берегу таежной речки стояло несколько заброшенных домов, между покосившимися плетнями и развалившимися постройками ходили коровы. Видимо, сюда пригнали пастись стадо. Иван, дойдя до крайнего дома, остановился и стал смотреть по сторонам.

Наташа все так же — лицом в подушку — лежала на диване. Кот, стараясь хоть как-нибудь успокоить любимую хозяйку, свернулся в клубок у нее на спине и тихо мурлыкал, как бы говоря: «Не горюй, хозяйка, я-то ведь с тобой». «Нет, не любит он меня. Так нельзя поступать с людьми, когда их любишь», — думала Наташа. — Вот Сергей, на что уж тоже человек, для которого его дело — выше всего, но он бы так не поступил». Буквально через полминуты зазвонил телефон. Наташа встала и взяла трубку. Это звонил Сергей.

— Добрый вечер. Ну что, объявился?

— Нет, — ответила Наташа и вдруг опять расплакалась, — не объявился.

— Не плачь, Наташа, абсолютно уверен, что он жив и здоров. Мы его найдем, — успокаивал ее Сергей. —

Вспомни-ка, что он тебе говорил о своих ближайших планах?

— Говорил, что для решения своих каких-то проблем ему нужно исчезнуть дней на тридцать. Вот и исчез, и не сказал, куда и на сколько, будто мне это все равно.

— Значит, его заставили это сделать какие-то обстоятельства.

— Какие обстоятельства? Вечером не было никаких обстоятельств, а рано утром они появились.

— Ты плохо знаешь Ивана, Наташа.

• — Да уж — наверное.

• — Для него обстоятельством, побуждающим к действию, является то, что он сам решит, основываясь на своих внутренних мотивах, а не то, к чему его вынуждают люди или события. И тогда уж он действует быстро. Значит, утром он что-то решил. То, над чем давно думал. Понимаешь?

— Понимаю.

— Возможно, таким обстоятельством явилась ты. Понимаешь?

— Понимаю, кажется, но ведь нельзя же так.

— Но он ведь оставил тебе записку.

— Да, но уже вечер, а вестей нет и его нет.

— Еще не поздно. Ты не переживай. Найдем мы его в любом случае. Он стоит того, чтобы его искать столько, сколько будет сил. Не плачь. Договорились?

— Договорились. Ты звони мне, ладно?

— Хорошо, я буду тебе звонить. А если узнаешь что — сразу звони мне. Я буду все время дома.

Но Наташа не успокоилась, и ей не стало легче, все волнения и тревоги последнего месяца теперь разом навалились на нее, и каждая в полную силу: смерть отца, Ясницкий, Иван, новая работа.

Стемнело. Часы пробили десять вечера. Именно до этого времени Наташа думала спокойно ждать, не решив, правда, что будет делать дальше. «Все, его больше не будет. Все конечно». Наташа взялась за голову и подошла к зеркалу. «Ой, что же это? Что это со мной?» — думала она, глядя на себя в зеркало. Ей показалось, что в комнате у нее за спиной кто-то есть. Наташа понимала, что с ней происходит что-то неладное. Такого никогда не было. Она собрала все силы и обернулась.

В это время Иван сидел на бревне около реки и смотрел на черную воду. Он нашел в заброшенном доме рва-

ную, засаленную фуфайку и теперь сидел в ней, подпоясавшись куском проволоки. Он думал: «Далеко же я зашел, а сколько еще придется идти. Бог сказал, что я свободный человек и моими поступками никто не может руководить. Значит, я могу просто погибнуть в тайге, погибнуть по собственной глупости. Или после встречи с Сатаной, или до нее, от голода, например. Это страшно, умирать там... Отказаться? Нет, нельзя этого делать, я не могу свернуть со своего пути. Я это чувствую всем, что во мне есть. Пусть моя жизнь не предопределена Богом, пусть я смертен. Но я должен узнать, что же мне действительно надо. Мне, а не Богу и не Сатане. Первый испытывает меня, это Его право, второй искушает — это его роль. Там Сергей со своими заботами, Наташа с ее любовью, толпы народа. Разве там можно спокойно подумать о том, что меня действительно волнует, за все это время у меня не было для этого ни минуты. С Богом я говорил, должен поговорить и с Сатаной и тогда уже принять свое решение. Я не могу умереть просто так, не будет этого... Сатана знает, если я не пойду, значит, страх смерти сильнее меня, и он меня будет таскать за этот страх, как хозяин таскает собаку за поводок. Надо идти».

Аллеин предстал перед Иваном. Он не стал воплощаться, на это уходило много сил, да теперь уже было и ни к чему, а явился в виде прозрачного, голубоватого силуэта, парящего над землей, хорошо видимого на фоне темного леса. Иван даже мог различить черты его лица. Подняв руку, Аллеин поприветствовал Ивана и сказал:

— Завтра утром я поведу тебя к месту встречи с Сатаной. Готов ли ты следовать за мной?

Иван встал и, тоже подняв руку в знак приветствия, сказал:

— Да, я готов следовать за тобой, — и, помолчав, добавил: — Назад мне дороги нет.

— Приходи завтра на это же место. Отсюда мы двинемся в дальний путь.

— Ангел, не можешь ли ты передать Наташе, что я жив, здоров и помню о ней?

— Я выполню твою просьбу. Не беспокойся.

Сказав это, Аллеин исчез.

Иван пошел в деревню искать место, где можно было бы поспать. Побродив по заросшей бурьяном и лопухами улице, он подошел к наиболее, как ему показалось, сохра-

лившемуся дому и, оторвав доски, которыми было залочено окно, забрался в него. В доме была пружинная кровать, на которой лежал старый, пахнущий сыростью матрас. Иван лег прямо на металлическую сетку, укрылся матрасом и сразу же уснул мертвым сном.

...Наташа увидела стоящего у окна ангела. То, что это был ангел, не было никакого сомнения. Он сказал:

— Не бойся меня, Наташа. Я не призрак, я есть здесь и говорю с тобой. Прикоснись ко мне. — Наташа подошла к ангелу и дотронулась до его лица. Она вся трепетала, ей казалось, что она вот-вот упадет и потеряет сознание. — Мы крайне редко предстаем перед людьми и не можем говорить вам всего. Я пришел к тебе по своей воле и скажу лишь следующее: Иван жив, он помнит о тебе и любит. У него трудная задача, не знаю, сколько времени уйдет на ее решение, но он к тебе вернется обязательно. Жди его. Прощай. — Ангел прикоснулся рукой к ее глазам и исчез.

Все, что сказал ангел, Наташа тут же забыла, забыла она и то, что видела его. Она почувствовала только, что страх, который охватил ее, прошел. Она глубоко вздохнула и подумала: «Все будет хорошо. Обязательно все будет хорошо», — и улыбнулась.

Наташа подошла к окну и стала смотреть на небо. Уже стемнело, и только над лесом, чернеющим на другой стороне реки, была видна светло-синяя полоса догоревшего заката. «Помоги, Господи, странствующим и сражающимся, — почему-то подумала Наташа. — Он любит меня, я буду ждать его — это все, чем я могу ему помочь. Любить и ждать. Что я еще могу? Все остальное — это не главное».

Сергей читал в своем кабинете. Он уже очень давно ничего не читал, а тут, перебрав книги, достал биографию Рембрандта с иллюстрациями его картин и, раскрыв ее в середине, начал читать. «Он был мастер, — подумал Сергей, — и поэтому всегда знал, что ему положено делать, — писать картины. Я тоже мастер в своем деле, а что я делаю? Я делаю деньги. Но этого, похоже, маловато, надо еще что-то. Делать, потому что жизнь однобокая какая-то. Рембрандт писал свои картины с целью продать их людям, но не только» > пожалуй, а потому еще, что этим он выражал себя. А я

себя чем и как выражаю? Вот сделать бы такую фирму, которой не было бы равных, — это было бы дело. И еще чего-нибудь, лично для себя и от себя. Что-нибудь такое, чтобы люди говорили: это сделал Малышев — был такой добрый и богатый человек. Надо пойти в отпуск, полежать кверху пузом, чтобы в голове ничего не осталось, кроме шума волн, и после этого захотеть сделать. Захотеть так, чтобы сделать».

Сергей лег на диван, надел наушники и включил музыку. Под эту музыку он и уснул.

Ясницкий весь вечер был в квартире один и смотрел телевизор, то и дело переключая каналы. Наконец в голову пришла долгожданная идея. «Все! Теперь я знаю, как прихлопнуть Малышева и компанию». Идея была пока фрагментом из цепи действий, которые надо было осуществить. Но ум Ясницкого сработал, автоматически оценив, что это и возможно, и времени хватит. «Стоп, — сказал себе Ясницкий, — утро вечера мудренее. Спать. Надо спать». Поворочавшись на кровати, он выпил снотворное и уснул.

Теперь Аллеин мог спуститься вниз. Он очень устал и мог отдохнуть. Спустившись вниз, Аллеин занялся своим любимым делом — стал наблюдать, как из образов, создаваемых детьми, рождаются сказочные существа. Для Аллеина не было на свете ничего более интересного, чем детские сны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Иван спал долго и проснулся, когда солнце стояло высоко. Накануне он забыл завести часы, они остановились, поэтому точного времени он не знал. «Да и не к чему — какая разница», — подумал Иван и скинул с себя матрас. Он внимательно осмотрел избу и — какая удача! — нашел на полочке у печки полный коробок спичек, больше ниче-

го ст⁰оящего в доме не было. Иван выбрался из дома так через окно, прихватив с собой спички и дырявый мешок, потому что надеялся найти картофельное поле и накопать картошки с собой в дорогу. Найти картофельное поле оказалось нетрудно: видимо, жители, покинувшие деревню, свои огороды картошкой все же засаживали. Лспользуя кусок ржавого железа, Иван накопал картошки, сложил ее в мешок, дыру в котором завязал проволокой. Из досок и хвороста, валявшегося в изобилии на берегу речки, Иван разжег костер и поставил вариться картошку в котелке, который нашел тут же на берегу. Пока картошка варилась, Иван прохаживался по берегу и смотрел на быстрые струи воды и на белые облака, медленно плывущие по ярко-голубому осеннему небу. Было довольно прохладно, но ватник грел хорошо, одежда была сухой, а в котелке приветливо булькала вода, предвещающая скорый завтрак.

Наконец картошка сварилась, Иван слил воду и едва дождался, когда она остынет. Он ел медленно, тщательно разминая во рту картофельную мякоть. «Эх, плохо, что соли нет», — сожалел Иван. Он съел всю картошку, вымыл котелок и положил его в мешок.

— Ну что, — сказал Иван, — пора в путь.

Посмотрев на другую сторону реки, он увидел стоящего на берегу знакомого ангела, который был, как и вчера, прозрачен. Ангел помахал ему рукой, подавая знак, призывающий Ивана следовать за ним. Иван вскинул мешок с картошкой на плечо и пошел вброд через речку. Ангел развернулся к нему спиной, приподнялся над землей и полетел, показывая Ивану дорогу. Иван шел по довольно широкой, правда, местами заросшей травой и кустарником дороге. Видимо, когда-то это и была настоящая дорога, но после того, как люди покинули деревню, она была заброшена и заросла. Идти было легко и приятно. После вчерашнего марш-броска Иван за ночь восстановил силы, а после того, как поел — вообще чувствовал себя хорошо. Ангел вел себя интересно: пока Ивану было ясно, куда идти, его не было видно, но стоило ему засомневаться, правильно ли он идет, как тот сразу появлялся и показывал дорогу. «С таким проводником не пропадешь», — подумал Иван. — Как бы я без него нашел дорогу?» Иван шел в среднем темпе, одинаково, что в гору, что под гору. Хотя под гору идти почти и не приходилось, дорога сначала очень медленно, а потом все круче

поднималась в гору. Несколько раз дорогу пересекали другие дороги и тропинки, очевидно, места, по которым шел Иван, были не такими уж и глухими. Вокруг рос смешанный лес: сосны, березы, осины, попадались и кедры, в общем — знакомый Ивану с детства лес, подобный тому, в котором ему мальчишкой так нравилось играть или просто бесцельно слоняться. Мешок с картошкой приятной тяжестью давил на плечо, вселяя в Ивана уверенность, что он может идти долго и просто так не пропадет. Когда высохли промокшие при переходе через речку кроссовки, идти стало вообще одно удовольствие. Иван шел без остановок. Когда захотелось есть, Иван сначала было собрался сделать длинный привал, но, подумав, решил, что есть лучше утром и вечером, а в обед устраивать привал минут на тридцать. Так он и сделал. Дойдя до небольшой поляны, поросшей высохшей травой, Иван остановился и лег на траву отдохнуть.

Небо сквозь березовую листву казалось синим-синим. Листья, в основном уже пожелтевшие, чуть дрожали, отражая солнечные зайчики. В траве стрекотали кузнечики. Пахло сухой травой, и была тишина. «Хорошо-то как. Как хорошо! Ничего не надо делать, никуда не надо спешить, ни перед кем не надо отвечать. Если бы это состояние могло продлиться бесконечно. Я понимаю теперь, почему люди уходили в отшельники. Быть отшельником после того, как изрядно намучаешься над не дающими покоя проблемами,— красота. Хочу быть отшельником. Может, в этом и состоит мое призвание». Где-то далеко закаркала ворона, прервав Ивановы мысли. «Ладно, пора идти»,— подумал Иван и тут же увидел своего проводника. Иван встал, взвалил на плечо мешок с картошкой и пошел вслед за летящим прозрачным ангелом.

Дорога становилась все уже и вскоре превратилась в узенькую тропку, петляющую между деревьев. Все чаще стали попадаться торчащие из земли огромные валуны, поросшие мхом. Идти стало труднее, но Иван без устали шагал, лишь изредка останавливаясь, чтобы переложить мешок на другое плечо. Тропинка брала вверх все круче, и, наконец, Иван вышел на водораздел. Теперь подъем был пологий. Лес стал редким. Здесь росли почти одни сосны, высокие и стройные, подлеска почти не было. Тропинка совсем затерялась где-то между камней, которые всюду выступали из-под тонкого слоя почвы, и Иван шел теперь

без всякой тропинки, ориентируясь только на гриву водораздела.

Так он шел до самого вечера. Когда стало смеркаться, Иван остановился и развел костер. Сварив ужин и поев, он подкинул в костер дров и, улегшись на кучу хвороста, уснул. Аллеин сел рядом и стал наблюдать за снами Ивана. Ивану снилось, как он мальчишкой запускал воздушного змея. На самом деле Иван никогда в детстве не делал^и не запускал воздушных змеев, но ему этого очень хотелось. Теперь его мечта сбылась.

2

Вчера была прекрасная осенняя погода — настоящее бабье лето, а сегодня все небо затянуло тучами, задул холодный северо-западный ветер, начал время от времени брызгать мелкий дождь. «Вот и кончилась золотая осень»,— подумала Наташа, посмотрев в окно на гнущиеся под порывистым ветром тополя. Ветер срывал с деревьев желтые листья и гнал их по дорогам и тротуарам, как бы стараясь произвести у растений как можно больше разрушений и наверстать упущенное им за бабье лето время.

Наташа оделась потеплее и поехала на кладбище. Сначала она посидела у могилы отца, потом сходила к могиле матери. Наташа прошла по аллеям кладбища, разглядывая портреты и читая фамилии, и нашла немало знакомых. Были тут и ее ровесники, были и младше, были и дети. В этот день, наверное, из-за плохой погоды, на кладбище никого не было. Кладбищенский сторож, увидев выходящую из ограды стройную девушку, невольно приоткрылся к ней. Это был семидесятилетний старик, находивший успокоение от своих несчастливых воспоминаний и многочисленных болезней в мысли, что он скоро умрет и все это кончится. Наташа посмотрела на него, старик увидел ее лицо и подумал, что бывают же на свете такие красавицы, вздохнул и вспомнил свою первую, несостоявшуюся и почти забытую любовь. Ему почему-то стало так горько, что он отвернулся и чуть не заплакал: «Как прошла жизнь?! Ай, как прошла жизнь». Он повернулся и, сгорбившись еще сильнее, побрел к своей избуш-

ке. Наташа подождала автобус на остановке и поехала домой.

Выпив чаю с малиновым вареньем и согревшись, Наташа позвонила Сергею:

— Сережа, здравствуй.

— Здравствуй, Наташа. Ну как?

— Иван, как я и чувствовала, не объявился. Но ты знаешь, я почему-то думаю, что с ним все должно быть в порядке.

— Я тоже так думаю.

— Я тебе вот что звоню. Если я финансовый директор или, во всяком случае, послезавтра мне предстоит сыграть такую роль, то я должна иметь более-менее полное представление о планах фирмы и ее положении. Так ведь?

— Да, конечно. Ты хочешь, чтобы я тебе об этом рассказал?

— • Я тебя прошу об этом, если ты хочешь, чтобы я держала себя подобающим образом.

— Ты сейчас свободна?

— Да.

— Я приеду, все, что могу, тебе расскажу и покажу документы.

— Договорились,— закончила Наташа разговор.

Вскоре Сергей приехал. Он думал, что Наташа просто не хочет оставаться одна и будет разговаривать с ним о чем угодно, только не о деле, но ошибся. Наташа устроила ему настоящий допрос, как совет директоров в одном лице. Сергей даже вспотел, отвечая на ее вопросы. «Ничего себе финансовый директор! Никак не представляю, что такое возможно. Закрою глаза — вроде ничего, может быть такое. Открою, посмотрю на нее, глазам своим не верю: Наташа, да — это она. Такая женщина и такие вопросы...» — думал Сергей, пока Наташа готовила на кухне кофе.

— Наташа, я сейчас задам тебе вопрос, на который ты можешь не отвечать. Вот мой вопрос: зачем тебе это надо? Поясняю: ты можешь и так все иметь. Неужели ты не хочешь найти занятие для души, так сказать, и тебе действительно хочется заниматься всей этой работой и тратить на нее время? Какая это работа, как я понял, ты неплохо себе представляешь.

Наташа была серьезной и ответила сразу.

— Я хочу быть зависимой только от того, кого люблю, и все. Ты понял?

— Ты хочешь сказать, что работа дает тебе независимость?

— • Именно это я и хочу сказать.

— М-да. Вот, оказывается, чем отличается королева красоты от королевы бензоколонки. А я всегда считал, что независимость дает не работа, а деньги. Я что, ошибался?

— А мне не надо много денег. И скажу я тебе, Сереженька, уж если я возьмусь за дело, то обязательно заработаю на нем достаточно.

— Наташа, мы же договорились, что ты не будешь обижаться,— примирительным тоном сказал Сергей.— Просто я совсем не знал тебя с этой стороны, и ты меня очень удивила.

— Нет, я не обижаюсь, что ты. Все это мне, действительно, не очень надо. Но надо же чем-нибудь заниматься, когда можешь и есть время.

Сергей засмеялся.

— Конечно, конечно! Когда есть время и можешь — надо. Ну ладно, Наташа, ты меня отпускаешь?

— Отпускаю.

— Тогда я пойду проверю, как идет подготовка. Завтра созвонимся.

Наташа проводила Сергея и пошла гулять. Она долго ходила по пустынным из-за непогоды улицам города, думая об Иване, об отце, о себе, о том, что жить в одиночестве — это даже неплохо, надо только привыкнуть к одиночеству и смириться с ним. Ветер развеивал ее волосы, заставляя то и дело прятать их под воротник. «И все-таки — плохо быть совсем одной. Очень плохо. Жить одному человеку нельзя,— в конце концов заключила Наташа, когда заходила в подъезд,— холодно, скучно и опасно».

3

Сергей укладывал в папку документы, завершая подготовку к сдаче работы, когда зазвонил телефон. Это был программист, занимавшийся подготовкой демонстрации, он звонил из краевого центра:

— Сергей, тут что-то непонятное творится. Сейчас только позвонили от заказчика и сказали, что в связи с тем,

что на нас подали в суд, завтра никакой демонстрации не будет.

Сердце у Сергея упало.

— И все, больше ничего не сказали?

— Все, больше ничего. Сворачивайтесь, мол, ребята, потом с вами разберемся.

Сергей посмотрел на часы. До конца рабочего дня оставалось два с половиной часа. «Сволочи. Как же так?!» Сергей набрал номер заместителя главы администрации, с которым вел дела. Тот был на месте.

— Петр Васильевич, в чем дело? Почему отменяется демонстрация и прием нашей работы? Все ведь готово. Мы выполнили все обязательства.

— А, это ты, Сергей. Короче говоря, так: сегодня против твоей фирмы Ясницкий выдвинул судебный иск. Вы обвиняетесь в том, что хотите продать нам его разработку. Вот бумага за подписью заместителя прокурора края Сидоренко.

— Какую еще его разработку мы хотим продать?!

— Ему американской фирмой, как ее — забыл, передали права на использование программного обеспечения. Вы же каким-то образом выкрали эти программы и теперь хотите продать нам краденое.

— Но это же чушь! И как он может выдвигать иск, если работа вами еще не принята и не оплачена? Против чего иск и на основании чего — его домыслов?

— Прилетели два представителя этой фирмы. Он их подключил, главного прокурора. Нагнетает обстановку. Я сказал то же самое: пока работа официально не опубликована, и речи о суде быть не может. Но ты же понимаешь, что для меня дело не в этом даже. Мы хотели сделать хорошее дело, а видишь теперь, что получается: суд, прокуратура, разбирательство. Сергей, демонстрацию отменил я и своего решения не изменю. Разбирайтесь с Ясницким, с этими американцами и давайте документ, подтверждающий, что с их стороны претензий нет, тогда мы продолжим наши отношения.

— Петр Васильевич, что было бы достаточно, чтобы состоялось завтрашнее мероприятие?

— Иск должен быть отозван прокуратурой.

— Причем здесь прокуратура? А... я все понял, — махнул рукой Сергей. — До свидания.

Сергей сразу же позвонил Наташе:

— Наташа, завтрашняя поездка отменяется.

— Что случилось?

— На нас подали в суд, и заказчик все отменил, пока не разберемся.

— Подожди, как в суд? На основании чего?

— Наташа, это работа Ясницкого. Короче говоря — беда. Мы будем судиться три года, а тем временем он продаст заказчику свою систему. Теперь он думает уже не о прибыли, ее не будет, а о том, чтобы только не мы это сделали. И времени нет, Наташа, — все поздно.

— Эй, Сергей, подожди. Где сейчас иск?

— Там не поймешь: то ли он уже официально против нас подан, то ли только собираются — для Федорова это неважно. Ему главное — не испачкаться. Занимается этим заместитель главного прокурора края.

— А почему он?

— Ты у меня это спрашиваешь?

— Как его фамилия?

— Сидоренко.

— Я поехала.

— Куда?

— К этому Сидоренко.

— Зачем?

— Отзывать иск.

— Это невозможно, Наташа. Ты не знаешь этих людей. Теперь ничего не поможет, тебя даже не примут.

— Меня примут. Сколько у меня времени?

— Два с половиной часа. Нет, уже меньше. Туда ехать два часа, если лететь сломя голову.

— Подсылай машину. Кто будет за рулем?

— Мишка.

— Тебе ехать не надо.

— Почему?

— Ты будешь мне мешать.

— Что ты задумала?

— Некогда, Сергей. Вечером жди звонка. Кстати, как фамилия этого зама главы администрации?

— Федоров.

— Я жду машину.

— Через десять минут будет, — сказал Сергей и повесил трубку. Он тут же позвонил Мишке, тот был дома и его «восьмерка» стояла под окном — повезло.

— Миша, забирай Наташу и лети в краевую прокуратуру. Наташа тебе все объяснит. Бегом, будь быстр, как только можешь. Понял?

— Понял,— ответил Миша и побежал к машине.

Риикрой следил за Сергеем и Наташей и, следуя распоряжению своего хозяина, никак не вмешивался в события, хотя теперь многое из происходящего ему было непонятно. Риикрой знал, что хозяин не доверяет никому и все свои самые хитроумные замыслы осуществляет сам. Так, видимо, было и на этот раз.

Сергей сел в кресло и схватился руками за голову. «Убью сволочь. Обязательно убью. Все — проиграл. Надо же так, а?» Сил думать и действовать не было. Сергей заметил, что у него трясутся руки. «Боже мой, мало того, что разорен, позор-то какой. Они же все сейчас так представят, что долго не отмоешься. И кому будет нужна эта правда потом?!» Сергей достал бутылку водки, налил стакан и выпил. «Нет сил. Только начал голову поднимать. Жить вознамерился по совести и — на тебе... Нет, Сережа, б... доставай пушку и... Нет сейчас других путей. На всех путях стоят Ясницкие». Сергей взъерошил волосы на голлове и превратился в того Сергея, драчливого воробышка, каким его знали одноклассники. Сергей Михайлович и все соответствующие ему атрибуты, приобретенные с годами, враз куда-то исчезли. Налил и выпил, потом еще раз, и начал думать: где теперь ему достать хороший пистолет и винтовку с оптическим прицелом. Больше он ни о чем думать не мог.

Наташа распахнула платяной шкаф и, схватив в охапку висевшие в нем платья, сняла их все разом и бросила на кровать. Порывшись немного, нашла нужное: красное, облегающее, с разрезами и вырезами, в котором показывается больше, чем скрывается. Надела чулки, на бегу надела красные же туфли, бросила в сумочку косметику, побежала к зеркалу и стала причесываться. «Успею еще», — подумала Наташа, достала помаду, подвела губы и точными движениями наложила тени около глаз. В это время постучали. Это был Миша.

— Все, я готова,— сказала Наташа и, захлопнув дверь, побежала вниз по лестнице. Миша поспешил за ней. «Ну и женщина,— подумал Миша,— аж дух захватывает. Ну и фигура!»

«Восьмерка» рванулась с места. Наташа, пристегивая ремень безопасности, повернулась к Мише и сказала:

— У нас с тобой час двадцать, Миша, за это время мы должны доехать до краевой прокуратуры — во что бы ни стало.

Миша кивнул головой:

— Постараюсь.

— Это возможно?

— Я постараюсь. Только ты, Наташа, не охай и ничему не удивляйся.— Он крутанул руль. Машина взвизгнула колесами на повороте и понеслась в гору, разгоняясь. Двигатель уверенно набирал обороты.— Моли Бога, чтобы нас не остановило ГАИ.

Наташа посчитала в уме, какую среднюю скорость надо выдержать, чтобы доехать вовремя,— получилось больше ста километров в час. «Это же невозможно! Это — невозможно. Как жалко. Но все равно — надо ехать и пытаться что-то сделать».

Тем временем они выехали за КПП, и тут-то началось... Наташа то и дело поглядывала на Мишу. Тот крепко держал руль обеими руками, глядя вперед как бы в одну точку и не обращая внимания на сигналы встречных машин, невольные возгласы Наташи, заносы и толчки. Автомобиль шел по разбитой трассе со скоростью сто сорок, не ниже, и эту скорость почти не снижал. Двигатель ревел так, что Наташе казалось, что сейчас он взорвется. Она чувствовала, что ее жизнь теперь ничего не стоит и находится в буквальном смысле в руках невысокого коренастого парня, сидящего рядом.

Когда Сергей говорил с ним по телефону, Миша понимал, что случилось что-то очень плохое: голос у Сергея два раза сорвался, такого никогда не было. «Раз уж он отправляет Наталью — значит, что-то хуже не придумаешь,— решил Миша.— Попробуем доехать. Не убиться бы только...»

Миша как надавил на газ за КПП до упора, так и не отпускал ногу. Каждый раз, когда шел на обгон, он про себя говорил: «Пронеси, Господи», — и пронесило. Встречные машины шарахались в сторону, а «восьмерка» неслась посреди дороги по разделительной полосе, обгоняя попутные автомобили, как будто все они стояли на месте.

Сердце Наташи бешено колотилось. Она то и дело закрывала глаза, когда казалось, что столкновение неминуемо, и прощалась с жизнью. Это заключалось в том, что она вся сжималась в ожидании боли, как ребенок, которо-

му показали шприц и сказали, что сейчас поставят укол. И когда в очередной раз боли не было, Наташа открывала глаза и смотрела на Мишу, думая: «Молодец. Давай, Михаил, давай».

К середине пути она поверила, что они могут доехать вовремя и живыми, и перестала бояться.

— Миша, можно я включу музыку?

— Включай, только что-нибудь бодрое. А то я усну,— засмеялся Миша. Наташа выбрала кассету с записью рок-н-ролла.

— Чья кассета? — спросила Наташа.

— Моя.

— Что, нравится?

— Под нее хорошо гнать... А вообще — нравится.

Мотор ударной установки и бас-гитары работал в такт мотору автомобиля, как бы задавая ему темп. «Мы обязательно победим,— подумала Наташа.— Мы не можем не победить, потому что мы ничего не боимся». Она почувствовала, что на глаза ей навернулись слезы. «Ой, сейчас тушь потечет»,— подумала Наташа и достала из сумочки зеркальце. Но посмотреть в него было непросто, машину постоянно бросало из стороны в сторону. Наташа не думала о том, что она будет делать и говорить, если они благополучно доберутся до места. Она чувствовала: если что и получится, то только благодаря ее импровизации.

Они подъехали к первому светофору на въезде в город. Машина остановилась. Наташа посмотрелась в зеркальце, она была в порядке. «У нас еще полчаса, только бы успеть»,— подумала Наташа. Машина взяла старт от светофора и, быстро набрав скорость и обгоняя другие автомобили, вырвалась вперед.

Миша вел автомобиль по улицам города так, что все пешеходы оборачивались, глядя на него: «Сумасшедший какой-то». «Сейчас все равно засекут, надо гнать без оглядки»,— решил Миша, проскочив патрульную милиционную машину.— Права все равно отберут. Только не сбить бы кого»,— подумал Миша, выскочив на тротуар, чтобы обойти медленно тянущуюся колонну справа. Пешеходы шарахнулись в сторону. Миша вылетел на перекресток на желтый и, крутанув руль направо так, что колеса оторвались от асфальта, и машина чуть было не перевернулась, рванулся на мост. Наташа повисла на ремне безопасности. За ними, включив сирену, теперь мчалась патрульная машина.

— Ну вот, будем ехать с эскортом,— сказал Миша. На выезде с моста их уже ждала, перекрыв дорогу, другая патрульная машина. Миша вывернул так, чтобы не сбить милиционеров, и, сделав дугу, проскочил пост.

Движение по улице, по которой они ехали, всегда было напряженное. Тут уж, воистину, была кульминация гонки. Наташа даже не успевала ничего думать, это был сплошной кошмар. Все вокруг мелькало: светофоры, гудки, лица людей, рок-н-ролл. Миша вел машину, не обращая внимания на светофоры и полосы движения. Удивительно, но то ли благодаря его умению, то ли в силу стечения обстоятельств, он никого не сбил, ни в кого не врезался и никто из-за него не попал в аварию.

Уже когда свернули на улицу, где была прокуратура, Миша увидел, что дорогу перекрыл тяжелый грузовик, а вокруг него полно милиции с автоматами. Миша вывернул в переулок, резко затормозил и закричал:

— Наташа, быстро ходу отсюда! Поймают — конец делу!

Наташа выскочила из автомобиля и что есть силы бросилась бежать к соседней подворотне. Только она скрылась за углом, к «восьмерке» подлетели, скрипя тормозами, две милиционерские машины. Милиционеры взяли автомобиль под прицел. Но никто из них не подходил к машине. Ждали приказа. Миша посидел с полминуты за рулем не двигаясь. Потом выключил музыку, медленно открыл дверь и, подняв руки, вышел из машины. К нему тут же подскочили двое омоновцев и, заломив руки за спину, надели наручники. Подошел подполковник и, пристально глядя в глаза Мише, сказал:

— Ты что? Ты — преступник!

— Я кого-нибудь сбил? — спокойно, как ни в чем не бывало, спросил Миша.

— Это мы еще разберемся.

— Вы сначала разберитесь, а потом уж...

Омовец ткнул Мишу кулаком в живот, Миша согнулся и замолчал.

— Везите его в участок. Там будем разбираться,— приказал подполковник.

Миша так и не сказал, кого и зачем он вез. И зачем он так гнал.

— Гнал, да и все. На спор.

•— С кем спорил?

— Сам с собой.

— • Понимал, что делал?

— Понимал.

— Ни хрена ты не понимал!

Но добиться от него так ничего и не удалось. Когда выяснили, что Миша никого не сбил и никто на него не пожаловался, отобрали права, взяли штраф и выпустили.

Когда Наташа зашла в здание прокуратуры, до конца рабочего дня оставалось десять минут. На вахте сидел пожилой мужчина. «Это хорошо», — подумала Наташа. Она обратилась к дежурному:

— Скажите, пожалуйста, Сидоренко у себя?

Сердце у Наташи бешено колотилось. «А вдруг нет его...» Вахтер заметил, что девушка очень волнуется, и стал внимательно ее разглядывать, думая: «Кто она и зачем? Лицо ангела. Красоты необыкновенной. А одежда — м-да, как у б...и».

— Он не принимает сегодня. — И потом добавил: — Он никого не принимает. Даже если я вас пропущу, секретарь не пустит.

— Пропустите, пожалуйста. Мне очень надо. Я думаю, меня он примет.

— Ладно, проходите. Второй этаж направо, — сказал вахтер и, посмотрев вслед убегающей Наташе, подумал: «Ну и девица. Надо же, наш Сидоренко-то каков».

Наташа вошла в приемную. Секретарь — женщина лет сорока, с умным, уставшим и красивым лицом, осмотрела Наташу с ног до головы:

— Вам кого, девушка?

— Мне нужно попасть к Сидоренко.

— Он не принимает. Приходите завтра с двух.

— То, что я должна ему сообщить, имеет очень большое значение.

— Для кого?

— Для него, прежде всего, — уверенно кивнув головой, как бы подчеркивая важность просьбы, сказала Наташа. Секретарша задумалась, все так же неотрывно разглядывая Наташу.

— Где же я вас могла видеть? Вы не участвовали в конкурсе красоты в прошлом году? — Она едва заметно улыбнулась.

— Нет, — Наташа, отвечая на ее улыбку, тоже улыбнулась, как бы поблагодарив женщину за комплимент, — не участвовала. Будьте добры, доложите ему обо мне так, чтобы он меня принял.

Секретарша вздохнула и посмотрела на часы:

— Ладно. Вам просить за кого-то или за себя?

— За себя, за себя...

— Подождите, я сейчас.

Секретарша зашла в кабинет и через минуту вышла улыбаясь:

— Наш шеф любит красивых женщин. Вам повезло.

— А разве их кто-то не любит?

— Конечно, — другие красивые женщины.

Наташа засмеялась и, уже взявшись за ручку двери, сказала:

— За мной самые красивые цветы. Спасибо.

Наташа вошла в кабинет и остановилась у края стола. Она сделала серьезное и умное лицо.

Сидоренко посмотрел на Наташу долгим оценивающим взглядом, потом встал и, выйдя из-за стола навстречу Наташе, сказал:

— Садитесь, пожалуйста. Что за срочное дело? Рассказывайте, не торопитесь, у меня есть немного времени. — Он обошел вокруг стола за спиной Наташи — специально, чтобы осмотреть ее со всех сторон. Она это поняла и позволила это сделать. Он увидел ее так, как хотел и оценил сразу: «Против таких мужчины почти безоружны, если они хоть на пять процентов мужчины. Что же ей надо?» — Я слушаю.

— Я финансовый директор фирмы, на которую Ясницкий подал иск. Вы занимались этим делом.

«О, боже мой, — подумал Сидоренко, поморщившись. — Как жаль, что я ничего не смогу для нее сделать».

— Да, я занимался сегодня этим делом. И скажу вам сразу: дело это требует внимательного рассмотрения, никаких решений кроме тех, что мы уже приняли, мы не примем. Если вы хотите что-нибудь мне объяснить и прояснить, то не сегодня. Для этого у нас будет достаточно времени потом. — Голос его был холоден и бесстрастен.

— Не принимайте иск.

— Что вы, девушка. Это невозможно, — Сидоренко улыбнулся и перевел взгляд с Наташи на лежащие перед ним бумаги. Наташа встала и подошла к окну. Потом обернулась и сказала:

— Я хочу быть откровенной. У меня нет никакого желания вводить вас в заблуждение. То, что я скажу, не касается существа дела в том аспекте, который затрагивает

ваши интересы. Я буду говорить только о том, что касается меня лично.

— Хорошо. Слушаю вас внимательно.

— Ясницкий — мой жених. Он сделал мне предложение. Я ему отказала, пока... Я его хорошо знаю, можете мне поверить. Очень хорошо, — Наташа сделала паузу. — Он сделал непоправимую глупость. Теперь он может забыть обо мне навсегда. Это однозначно. Но это еще не все. Он вспылал, да, и с ним такое бывает, побывал у вас, уговорил, — это его дело, но скажу вам вот что: этим судебным делом буду заниматься я сама, а не Малышев, и я своего добьюсь. С него взыщут всю упущенную выгоду. Даже если мне для этого придется пойти на все... — Наташа опять сделала многозначительную паузу. — Дело это для Ясницкого, а стало быть и для вас, проигрышное. Программное обеспечение разработано безупречно, и завтра, кстати, в этом и предстоит убедиться экспертам. А вы подписанным вами документом мешаете им это сделать.

— Позвольте, — прервал Наташу Сидоренко, — не я мешаю делать это. Это дело заказчика.

— Да, это дело заказчика. Но тогда так и надо говорить: прежде чем выдвигать иск, должна состояться экспертиза. И пусть она состоится в назначенное время, то есть завтра в десять.

Сидоренко медленно покачал головой.

— То есть вы предлагаете назвать отмененный уже просмотр экспертизой.

— Да. В противном случае я тоже подаю иск. Но уже на заказчика. Работа-то выполнена. Пусть принимает.

Сидоренко задумался: «Все не так просто, как объяснил Ясницкий. А что, если они действительно сделали эту работу как положено и эта, м-да, эта красotka займется лоббированием. А она, похоже, займется. Она ведь Ясницкого зажмет. Ей-Богу, зажмет. Он против нее не потянет со всеми его связями и деньгами, потому что он безоружный против нее. Если она покрутится в кабинете еще минут десять, и я приглашу ее в ресторан, пожалуй... Федорова он не купит, тот молод еще. И поставим мы Федорова под эту девицу. И мне-то это ни к чему...»

• — Как фамилия вашего директора?

— Малышев.

Сидоренко опять задумался. «Малышев, Малышев... Не тот ли это Малышев, который сам освободил свою дочь? Ои,

ей Ясницкий рискует. И я вместе с ним. Этот... Стоп, стоп... — Надо сказать, что он от Ясницкого еще ничего не взял, только обирался. Поэтому решать ему было проще. Он внимательно посмотрел на Наташу. — Вовремя же ты появилась, девочка, черт меня возьми. Дело-то это на сотни миллионов. Они же могут просто убить, чего доброго. И все!»

— Давайте договоримся так. Я не знал о ваших отношениях с Ясницким. — Сидоренко кашлянул в кулак, как бы настраивая голос. — А Игорю Исааковичу я не желаю зла. Дело это действительно требует технической экспертизы. Вы сможете завтра организовать техническую экспертизу?

— А вы сможете сказать, где остановились эти американцы?

— Ну, уж это ваши, так сказать, проблемы.

— Помогите, пожалуйста, их найти. Я вам очень буду благодарна.

Сидоренко нажал на селектор и поручил кому-то выяснить, где остановились американцы. Буквально через минуту ему позвонили и сказали телефон. Он передал листок с записанным номером телефона Наташе. Та спросила разрешения и принялась звонить. Ответили на английском. Наташа вежливым, но очень уверенным голосом ведущей телепрограммы на английском начала объяснять, кто она и что ей надо. После того, как она сказала, что их программа работает в четыре раза быстрее, чем всем известная, ей ответили, что согласны провести экспертизу завтра в десять, но хотели бы уточнить некоторые детали сегодня при очной встрече и предложили приехать сейчас же в гостиницу.

— Они согласны провести завтра экспертизу и приглашают меня прямо сейчас к себе в гостиницу. Вы подвезете меня?

«А куда же мне деваться», — подумал про себя Сидоренко.

— Да, пожалуйста. Я вас могу подвезти.

«Там и решим все, черт меня побери», — решил он. Они сели в машину и поехали в гостиницу.

В номере их уже ждали двое — специалисты американской компании. Они предложили гостям кофе и сразу же Начали расспрашивать Наташу о том, кто, и как, и для чего Делал программное обеспечение. Наташа отвечала с глубоким знанием дела, удивляя хорошим английским и покоряя своим неотразимым обаянием. Кончилось тем, что

принесли шампанское и выпили за знакомство. Американцы только очень сожалели, что программист, который сделал базовую программу, не будет завтра на демонстрации.

— Господа, возможна ли завтра экспертиза? — спросил Сидоренко, когда разговор закончился. Наташа перевела.

— Она возможна и даже необходима. Если подтвердятся рабочие характеристики, о которых рассказала нам очаровательный финансовый директор, — мы умываем руки, — ответили американцы. — Фирма очень заинтересована сотрудничать с теми, кто может делать разработки на должном уровне. Именно в этом ее главный интерес, а не в том, чтобы продать еще один комплект оборудования. — Наташа перевела все слово в слово. Сидоренко пошел звонить заместителю главы администрации.

— Петр Васильевич, я по делу Ясницкого. Я бы советовал вам все же устроить завтра в десять экспертизу... Пусть это называется так, а не сдача работы заказчику... Ход делу мы дадим после проведения экспертизы или не дадим... Я как раз звоню от них... Проводить расследование — моя обязанность... Хорошо, я передам это их представителю. Он тоже здесь... Я вам потом подробно все расскажу... Я считаю, что вам тоже завтра лучше быть.

Сидоренко закрыл микрофон телефонной трубки рукой и спросил, глядя на Наташу:

— Сколько времени займет экспертиза?

Наташа перевела вопрос. Ей ответили:

— Мы будем проводить экспертизу на достоверность сообщенной вами сегодня информации. Это мы проверим за десять минут, остальные тесты займут час. Но если вы их проводили и они прошли, то это просто формальность.

Сидоренко сказал в телефон:

— Десять минут, — и повесил трубку. — Наташа, завтра в десять состоится экспертиза ваших программ. И Федоров там будет.

Наташа чуть не прослезилась. Она достала из сумочки платочек и сделала вид, что вытирает рот, а сама смахнула набежавшую слезу. Все мужчины заметили это. Огромный бородатый американец, главный специалист фирмы по программированию, встал и, вежливо подав руку, предложил Наташе провести вечер в ресторане в их компании. Наташа кивнула головой в знак согласия. Она хотела было встать, но ноги ее не слушались, и она опять села в кресло. Мужчины вышли покурить. Ната-

ша встала, подошла к телефону и набрала номер Сергея —

— Сергей, приезжайте завтра к десяти. Все состоится. Я буду ночевать здесь, в гостинице, — Наташа назвала гостиницу. — Номер еще не знаю... Ты ничего такого не думай... Я все уладила, я ведь все же финансовый директор и могу действовать самостоятельно... Жду в девять. До свидания.

Вечер Наташа провела в ресторане в обществе трех мужчин, и не было там более очаровательной и неотразимой женщины, чем она.

Всю ночь Наташа не могла уснуть. Ей все казалось, что бешеная гонка продолжается.

4

Утром в номер к Наташе пришел Сергей. Он долго молча смотрел на нее и наконец спросил:

— Наташа, ты не спала сегодня?

— Нет. Но это ничего, главное позади. Я теперь, наконец, плохо выгляжу, но это не имеет значения, презентация, можно сказать, уже состоялась.

Сергей не стал ничего расспрашивать. Подождал, пока Наташа собралась, и они поехали.

Ровно в десять в зал, где было расставлено оборудование, пришли американские специалисты. Поздоровавшись с Наташей, они направились к компьютеру. Минут пять смотрели что-то на экране компьютера, потом встали дискету, задали какую-то команду и отошли в сторону — покурить. Через десять минут бородатый подошел к компьютеру и посмотрел результаты теста. Он стоял спиной к Наташе, но она догадалась, что американец сильно волнуется. Он достал из кармана носовой платок и вытер лоб, потом повернулся и подозвал своего коллегу. Наташа напрягла слух, ей удалось услышать то, что он говорил:

— Ник, этого не может быть, я глазам своим не верю, Но это научный факт. Они сделали свою управляющую программу, и она действительно работает быстрее. В четыре раза быстрее. Я не знаю, как этому парню удалось. Просто ума не приложу. Как он, не меня операционной системы и при этой архитектуре, ухитрился сделать такую про-

грамму — это для меня загадка! — громко шептал бородатый.

— А не может быть ошибки?

— Нет. Этот тест, которым я проверял, исключает возможность ошибки.

Они отошли в сторону и еще минуты три о чем-то говорили.

В это время вошел Федоров. Он остановился, поискал кого-то глазами. Увидел американцев и пошел к ним. Те заулыбались, и бородатый что-то коротко объяснил ему, кивая головой и выразительно жестикулируя. Федоров тоже начал улыбаться. Потом все трое направились к Сергею и Наташе. Федоров посмотрел на Наташу, протянул руку Сергею и сказал:

— Ну что, Сергей, поздравляю. Я рад, что все так закончилось. Я рад за тебя. Оформляйте документы на передачу работы, я все подпишу.

Сергей пожал руку Федорову и тихо сказал:

— Еще бы чуть-чуть — и конец делу. Я бы не выдержал.

— Ну, ничего. Чего уж теперь об этом. Заказывай банкет. Сам понимаешь — всякое бывает.

Федоров повернулся и пошел к выходу. Потом для присутствующих была устроена демонстрация возможностей системы, но Сергей, Наташа и американцы в ней не участвовали, они отошли в сторону и разговаривали.

Сергею было предложено в ближайшее время приехать в США для проведения переговоров о сотрудничестве. Он сказал, что в США он поедет вместе со Свиридовым, автором программы, позже, сроки поездки предстоит дополнительно согласовать.

Наташа попросила, чтобы ее отвезли домой. Сергей отправил ее на своей машине, а сам остался завершать дела.

Вечером Наташу разбудил длинный звонок в дверь. Это был Сергей. В руках у него был портфель. Сергей был слегка навеселе.

— Ты чего это, Сережа, так поздно? — спросила Наташа, протирая слипающиеся глаза.

— Есть причина.

— Ну скажи — все нормально?

— Все нормально, — ответил Сергей и не снимая плаща вошел в комнату. Он открыл чемодан и достал какие-то документы. — Читай и подписывай.

— Что это?

— Новые учредительные документы нашей фирмы. Наташа села в кресло и стала читать. Сергей предлагал ей стать одним из учредителей фирмы. Учредителей трое — по одной трети уставного капитала: Малышев, Свиридов и Петрова. Наташа внимательно прочитала документы и посмотрела на Сергея:

— А где нам с Иваном взять вступительные взносы?

Сергей молча открыл чемодан. Он был набит деньгами.

— Вот ваши взносы. Я все уже оформил и заплатил за вас. Это то, что осталось, — на карманные расходы.

— Когда ты успел?

— О, это для меня не проблема, когда есть под что взять. — Сергей достал из кармана ручку и протянул Наташе. — Подписывай скорее. Или тебя что-то не устраивает? Только не задавай неуместных вопросов.

Наташа долго держала ручку в руках, как бы не решаясь поставить свою подпись. Потом расписалась и сказала:

— Надо искать Ивана, Сергей.

— Этим теперь я и займусь.

Сергей ушел, оставив Наташу сидящей в кресле. Папку с документами он забрал, а портфель оставил на столе.

Наташа взяла несколько пачек с деньгами, подержала их в руках и положила обратно. «Где же Иван? Что с ним? Интересно, как бы он к этому отнесся?» — думала Наташа.

Иван проснулся и сразу открыл глаза. Было раннее утро, рассвет еще не наступил. Сквозь прозрачный туман, поднимающийся от земли, виднелись звезды. Иван смотрел на небо и старался вспомнить названия созвездий: «Кассиопея, Большая Медведица, Лира...» Костер потух. Над догоревшими угольками курился едва заметный дымок. Было прохладно. Иван заметил, что на траве серебрится иней. «Здесь, наверное, намного выше, поэтому и заморозки», — подумал Иван. Он встал со своей колючей лежанки, сделал несколько упражнений, чтобы размять ноги и спину, потом разгреб золу и набросал в ямку картошки. Иван аккуратно засыпал картошку золой, положил сверху несколько хворостин и раздул огонь — чтобы картошка испеклась поскорее.

«И все же в счастье одиночества есть особое значение. Я всегда любил быть один,— подумал Иван.— Только когда я был один, я чувствовал всю полноту жизни. Общение же — это просто необходимость, вызванная различными инстинктами. Из одиночества и ощущения близости к небу и начинался человек и его путь. Куда? А вот это мне и предстоит выяснить».

Тут Иван услышал рычание какого-то зверя, которое и прервало его размышления. Оно доносилось издалека. «Наверное, медведь. Надо быть осторожнее. Я здесь не один»,— подумал Иван.

Чтобы скоротать время, Иван стал разглядывать стоящие вокруг деревья. С растущей метрах в десяти высокой сосны поднялась крупная птица и совершенно неслышно пролетела между деревьями вниз по склону. «Наверное, филин. Красиво летит. Попробуй-ка сделай аппарат таких размеров, чтобы он вот так летал между деревьев, да еще чтобы его не было слышно. Даже сейчас — это непосильная техническая задача для самой передовой страны. А филин летает. Красавец». Иван начал было думать, как должна быть устроена система управления таким вот летательным аппаратом, но тут же остановился, поймав себя на том, что он не за тем сюда пришел, чтобы разрабатывать системы наведения и ориентации.

Иван взял хворостинку и выкатил одну картофелину. Раздавил ее кулаком и попробовал кусочек. Она была еще сыроватой. «Горяче сыро не бывает»,— вспомнил Иван бабушкину поговорку и начал перебрасывать кусочки картофелины с руки на руку, чтобы быстрее остывали, и есть.

Иван ел долго, ему не хотелось спешить. Было так тихо и так одиноко, что спешить — значило нарушать эту величественную тишину. «Нет, здесь ничего нельзя делать торопясь». Иван вспомнил, как священник творил обряд: все его движения были медленными и исполненными внутренней значимости. Он понял, что всячески отдаляет момент, когда надо думать о том, куда и зачем он идет. «Эх, искупаться бы или хотя бы умыться холодной водой»,— подумал Иван.— Но раз искупаться негде, попробуем вот что».— Иван сбросил с себя фуфайку и снял майку. Тело слегка обожгло холодом осеннего утра. Иван похлопал себя по плечам и пробежался несколько раз вокруг костра. Потом помассировал мышцы, стараясь их получше размять. После этой зарядки появилась потребность идти. Иван сказал:

— Аллеин, где ты? Пора в путь.

Аллеин тут же появился, представ метрах в десяти, на другой стороне поляны. Он поприветствовал Ивана, подняв руку, повернувшись, медленно полетел, слегка приподнявшись над землей. Иван быстро оделся, вскинул на плечо мешок и двинулся в путь.

Одна сторона гряды, по которой шел Иван, была очень крутой, другая довольно пологой. Склоны были покрыты смешанным лесом, в основном соснами, березами и осинами, но попадались и кедровые. Иван шел размеренным шагом, изредка останавливаясь и перекидывая мешок с плеча на плечо. Было по-прежнему очень тихо, лишь иногда где-нибудь кричала птица да на каменистых участках скатившийся из-под ног камень прыгал по откосу, гулко отзываясь эхом, идущим снизу, от подножия склона. Характер местности не менялся.

Поднялся ветер. Сначала Иван услышал шум в вершинах деревьев. Деревья начали плавно раскачиваться, их кроны зашумели, и каждая, если прислушаться, шумела на свой лад.

Иван вышел по склону на открытое место. Отсюда было видно далеко, очень далеко. И на сколько хватало глаз, был виден только лес — до самого горизонта. Сотни тысяч, миллионы деревьев — и больше ничего. Ни реки, ни поляны, ни скалистых уступов, только лес. Гряда, по которой шел Иван, стала подниматься круче. Камней и выступов скал попадалось все больше. Ветер усилился. Он раскачивал деревья так, что они теперь уже не шумели, а гудели и поскрипывали. «Только крепкие деревья могут расти здесь на склонах. Чуть подгнил — и все, конец, жди первого урагана. Или ломает, или вывернет с корнем».

По небу неслись мрачные осенние тучи. Иногда брызгал дождь. Иван шел среди этого шума и дождевых брызг, покачиваясь под сильными порывами ветра. Идти было трудно, приходилось преодолевать крутые подъемы и обходить многочисленные выступы скал. Иван глубоко и напряженно дышал, в ногах чувствовалась сильная усталость, по спине бежал пот. Теперь тяжесть мешка ощущалась очень хорошо. «Будто бы бежишь марафон. Ну да делать нечего, надо идти»,— думал Иван. Дорога становилась все круче. Когда наступили сумерки и можно было остановиться, Иван лег на землю и долго лежал, пока не отдышался. Наконец, собравшись с силами, начал собирать хворост.

И следующие несколько дней характер пути и окружающего ландшафта не изменился. Иван шел так же без ос-

тановок, вымотался до предела, и каждый шаг давался ему теперь через силу.

С каждым днем становилось все холоднее. Пока Иван шел, было не холодно, но ночью приходилось сильно мерзнуть. Здесь была уже поздняя осень. Сильный ветер, который дул все время почти без перерыва, сорвал до срока с деревьев почти все листья. Вода в лужах к утру замерзала и оттаивала только к полудню.

Через несколько дней пути Иван вышел на редколесье. Гряды, по которой он шел, значительно расширилась и стала более пологой. Деревья росли здесь только у подножия гряды, вокруг были скалы и камни. Иногда приходилось спускаться в глубокие ущелья и переходить вброд бурные и холодные ручьи, несущие в своих темных струях разноцветные листья.

Иван весь был поглощен движением, все его силы, и физические и духовные, были направлены на преодоление трудного пути. Он почти ни о чем не думал и ничего не вспоминал. Картошки в мешке осталось совсем немного, поэтому Иван сначала ел досыта, но вскоре, поняв, что еды надолго не хватит, стал экономить. Теперь приходилось несколько раз в день делать привалы. Иван сидел, прислонившись спиной к дереву, и слушал свое сердце. Когда оно успокаивалось, он вставал и шел дальше.

Еще через несколько дней пути деревья вообще почти перестали встречаться. В ложбинах около ручьев рос кустарник и низенькие, кривые березы. Изредка попадались такие же низенькие и кривые сосны. Ночью было очень холодно, а развести костер стало проблемой, потому что трудно было найти хворост. Картошка почти кончилась. «Хоть тащить ничего не надо, и то хорошо», — думал Иван. Простудиться он не боялся, потому что вообще никогда не простывал и даже не знал, как это бывает, но спать из-за холода было почти невозможно. Стоило уснуть, и холод тут же заставлял проснуться и двигаться, чтобы не замерзнуть. Но днем было довольно тепло, особенно когда выглядывало солнце.

В один из дней ветер разогнал все тучи и перестал дуть. Стало тепло. Иван с утра лег на мох, подстелив под себя почти пустой мешок, и уснул. Он проспал до самого вечера, а когда проснулся, уже взошла почти полная желтая луна. Путь был хорошо виден, и Иван пошел вперед. Аллеин летел впереди всю ночь, не исчезая из виду. Его загадочно светящийся отражением лунного света прозрачный силуэт не отбрасывал тени.

Иван шел медленно, и Аллеин не торопил его. Луна склонилась к западу и собиралась зайти за высокую гору, когда Аллеин остановился и, повернувшись лицом к Ивану, сказал:

— Мы пришли на указанное место, Иван.

— Что мне теперь делать? — спросил Иван.

— Ждать. Он должен прийти сюда. Он обязательно придет. Когда он это сделает, я не знаю. Но будь уверен, момент для этого он подберет самый подходящий. До свидания, Иван.

— До свидания, Аллеин, — ответил Иван. — А как мне потом отсюда выбираться? Ты поведешь меня назад?

— Пока не знаю. Ничего не буду тебе говорить и обещать. Желаю тебе выстоять, Иван.

Аллеин исчез, как бы растворился в лунном свете. Луна зашла за гору, стало темно, и Иван остался один под яркими осенними звездами. Он осмотрелся по сторонам — ничего не было видно, кроме черных силуэтов гор вдаль, и заметил, что небо на северо-востоке уже начинало светлеть. Наступал новый день.

Иван сел на камень и стал ждать рассвета. Светало медленно. Контуры окружающих гор проступали сквозь сумрак, будто проявляясь на фотобумаге. Вся гамма цветов состояла из оттенков черного. Черные низины, куда не попадал свет, и светло-серые склоны на южной стороне. Когда рассвело, Иван увидел, что он всю ночь шел по гребню гряды, довольно круто поднимавшейся вверх. В месте, где он находился, подъем заканчивался, и дальше гряда шла ровно, слегка изгибаясь дугой. Заканчивалась она, упираясь в горный кряж. Высокие горы были покрыты ледниками и холодно сверкали, отражая свет восходящего солнца.

На западе, внизу, была каменистая пустынная равнина. А на востоке, через пологое ущелье, — такая же гряда, только пониже. По дну ущелья, невдалеке, бежал ручей. Никакой растительности не было. «И все-таки надо попробовать найти каких-нибудь прутиков, чтобы развести костер и поесть последний раз», — решил Иван и, тряхнув мешком, в котором трепыхнулось несколько картофелин, пошел вниз к ручью. Вода в ручье была холодная, буквально ледяная. Камни около ручья были покрыты тонким слоем льда. И этот лед, похоже, и не собирался таять. Стоило брызгам попасть на камни, как они тут же покрывались ледяной, блестящей корочкой. Кое-где из-под камней пробивалась сухая трава. Удалось найти несколько кустиков какого-то неизвестного Ивану растения. Иван собрал в

кучу все, что может гореть, потратив на это немало времени, налил немного воды в котелок и, положив в него оставшуюся картошку, поджег траву. Сухая трава сразу вспыхнула, и с минуту костер горел сильно. Иван встал к костру спиной так близко, как только это было возможно, и зажмурил глаза от удовольствия. Так приятно было среди окружающего холода чувствовать жар костра. Но когда трава прогорела, костер быстро потух. Прутики кустарника гореть не стали, потому что были сырыми. Иван попробовал воду в котелке. Она была чуть теплой. «Ну что ж. Все ясно», — сказал себе Иван и, морщась, выпил из котелка теплую воду, а потом стал жевать сырую, хрустящую на зубах картошку. Процесс поедания сырой картошки занял у него много времени, но он решил съесть все девять картофелин, что и сделал. После этого Иван опять поднялся вверх и сел на тот же камень.

Ветра совсем не было, и солнце, стоящее над горами, приятно грело лицо. «Если днем будет так тепло, как сегодня, то я могу протянуть здесь довольно долго и умру от голода, а если будет холодно и задует ветер, то от холода», — подумал Иван. Ему вдруг открылась вся реальность происходящего с ним. «Какой Сатана?! Какой Лийил?! Я просто помещался на решении своей задачи и, сойдя с ума, пришел сюда, чтобы умереть здесь в одиночестве, как уходят в пустынное место животные, почувствовав приближение смерти. Их побуждает к этому инстинкт, и меня тот же древний инстинкт заставил скрыться от людей в этих горах. Надо попытаться выбраться отсюда. — Иван подскочил было, но, посмотрев назад, медленно сел на место. — Сколько дней я шел? Семь, а может — четырнадцать, а может, больше? Нет, на обратную дорогу сил не хватит. Буду умирать здесь. Боже мой, и этого я достиг...» Ивана охватил страх, сравнимый с тем, что он испытал во время клинической смерти.

Сердце Ивана колотилось, и кончики пальцев слегка дрожали. «Когда же это произошло? Когда я сошел с ума? Да, конечно же, — после этой драки. Мне, наверное, повредили мозг. И все, что происходило со мной позже: все эти полеты в пространстве и во времени, встречи с Богом, Рикром, — все это просто бред. А Лийил? Вызвать его? — Иван хотел было произнести знакомое заклинание, но тут же остановил себя. — Нет, не надо поощрять своего сумасшествия. Представился шанс здраво оценить, что же со мной произошло, а я опять бросаюсь в мир грез. А была ли Наташа или это тоже моя выдумка? Ну хоть какое-нибудь дока-

ательство того, что хоть что-то в моей жизни за последние — реальность, Господи, ну хоть какое-нибудь!»

Иван схватил себя рукой за горло и быстро засунул руку за пазуху. Он нащупал пальцами то, что искал, достал и положил на ладонь. Маленький латунный крестик светился у него на ладони. Иван напряг зрение, чтобы разглядеть как следует детали орнамента. Рассмотрев крестик внимательно, он засунул его за пазуху. «Вот доказательство, что в церкви я был, значит, и у Наташи я был — это реальность. Ну, а насчет остального лучше согласиться с тем, что этого не было».

Иван огляделся по сторонам. В голову пришла мысль: «Здесь миллионы тонн горной породы, я по сравнению с этим — даже не песчинка, но я стал возмутителем спокойствия всего этого. Я боюсь, я надеюсь, я хочу есть, наконец. Я хотел все объяснить. А зачем? Вот главный вопрос — зачем я хотел все объяснить, а не довольствовался тем, что предназначено мне природой, ведь природе мои объяснения ее существования не нужны. — Иван склонил голову, глубоко вздохнул и закрыл глаза, кисти его рук устало и безвольно повисли. — Я все хотел объяснить и почти объяснил, во всяком случае, себе. Возможно, эксперимент опровергнет это мое объяснение, но это будет потом, а сейчас я знаю, что я прав. Ну и что с того? Что с того, что я все объяснил?! Я стал счастливым? Я сделал кого-нибудь счастливым? Нет, ничего подобного. Ничего этого нет. Сейчас одна задача — умереть здесь так, чтобы не было самому противно переживать эти последние дни. И скорее бы умереть — это будет проверка моей никому не нужной, кроме меня, теории. Это и есть главный эксперимент в моей жизни. Вот почему я сюда пришел, бросив все, что меня с ней связывает! Не буду бороться, буду сидеть здесь, пока не умру», — заключил Иван и открыл глаза. Ничего вокруг не изменилось. Было также оглушительно тихо, отсюда не было слышно ручья, но если подойти поближе к склону, ручей был слышен. Иван встал и немного спустился вниз. Да, действительно, отсюда был хорошо слышен шум бегущей воды. Осмотрев ущелье, Иван вернулся на свое место.

Мозг Ивана продолжал работать. И сейчас все свои силы Иван тратил на то, чтобы заставить его перестать генерировать идеи и мысли, то есть перестать делать то, что он с огромной производительностью всегда делал. Сейчас этот генератор был Ивану не нужен больше и он боролся с ним, заставляя себя ни о чем не думать. Это оказалось непросто. Мысли и образы то и дело ярко вспыхи-

вали в мозг, возникнув, как всегда, неизвестно откуда, и Иван усилием воли заставлял себя не анализировать их. Этой борьбой Иван был занят все время, неподвижно сидя на камне и почти не глядя по сторонам.

Так же сидя он уснул, и снилась ему мать. Это случилось впервые с тех пор, как она умерла несколько лет назад. Раньше она никогда ему не снилась. Мать сидела на постели в их однокомнатной квартире и почему-то плакала. Она плакала и плакала, а лица ее Иван не видел. Но он точно знал, что это мать, потому что это была их комната, и кто бы еще мог сидеть на материнной кровати. Иван проснулся от холода. Была ночь. Сначала Иван не хотел вставать, но холод заставил его сделать это. Чтобы согреться, он начал быстро ходить, а потом даже пробежался немного, но сердце бешено заколотилось, и голова сильно закружилась. Начинало сказываться то, что Иван ослаб от длинного пути и голода, да и высота здесь была немалая. Он опять сел на свой камень и задремал. За ночь он еще несколько раз вставал, чтобы походить, но уже больше не бегал — это ему было не по силам.

Наступило утро. Главное, чего теперь хотелось Ивану, чем были заняты все его мысли, — он хотел есть. Никогда в жизни он не хотел есть так, как сейчас. Голова кружилась, даже когда он сидел неподвижно, а если немного пройтись, то головокружение усиливалось. В теле была какая-то странная легкость, он был как пьяный. Ему было смешно чувствовать свое бессилие, и Иван смеялся. Стоило закрыть глаза, и он видел какую-нибудь еду: бутерброд с колбасой, вареную картошку, любимую рисовую кашу на молоке. Силы очень быстро, даже на удивление быстро, оставляли его, ведь путь, который ему пришлось преодолеть, отнял их все, да и перед этим он ни разу не ел досыта.

Наступила следующая ночь. К счастью, небо затянуло низкими, густыми облаками, и поэтому ночью было не так холодно. Всю ночь Иван сидел неподвижно, он или спал, или дремал, не очень разбирая, когда он спит, а когда нет. Снились какие-то яркие, цветные сны, но их Иван не запомнил.

Когда рассвело, Иван встал и осмотрелся. Голод стал нестерпимым. Взгляд Ивана блуждал в поисках чего-нибудь, что можно съесть. Иван хорошо понимал, что совершенно безнадежно найти здесь какую-нибудь пищу, но все равно решил спуститься по западному склону — а вдруг. • • Он медленно пошел на запад, вниз по склону, обходя камни и трещины в скалах. Его иногда шатало, и он часто ос-

танавливался, чтобы перевести дух. Пройдя с километр, Иван остановился и оглянулся. Он понял, что опрометчиво ушел так далеко, потому что подняться назад ему будет рудно. ЕДЫ, смешно, какая здесь еда, он, конечно, не нашел, а последние силы потратил. Иван лег прямо на камни и стал смотреть на сине-черные низкие облака. Сердце ^о очень долго не успокаивалось, да и билось оно не ровно и мощно, а так, больше трепыхалось, время от времени делая сильный удар. Поняв, что лежать и ждать, когда вернутся силы, бесполезно — не дожدهшься, Иван встал и, хватаясь за обломки скал, медленно пошел вверх. Ноги прожали так, что Иван порой переставлял их руками, и последние сто метров он преодолел на четвереньках. Добравшись до своего камня, он в изнеможении упал рядом с ним и потерял сознание.

Всю ночь Иван находился как бы в оцепенении, он уже не ощущал ни холода, ни голода, и сознание его уже больше не беспокоило. Утром Иван проснулся или, скорее, очнулся. Он снова сильно захотел есть и отчетливо понял, что это последнее определенное желание в его жизни. Последнее! Он встал и посмотрел по сторонам. Ночью выпал снег. Все вокруг было покрыто тонким, сантиметра два, слоем ослепительно белого, необыкновенно чистого снега. И тут Иван увидел, что с юга, по вершине гряды, в его сторону медленно идет человек. Его маленькая черная фигурка была отчетливо видна на фоне снеговых вершин.

«Это он. Выбрал подходящий момент. Да. Надо встречать его стоя», — так подумал Иван. Он не отрываясь, напрягая зрение смотрел надвигающийся силуэт. Иван разглядел, что тот, кто идет, одет в свободную черную одежду и что он без головного убора. Иван ни на миг не усомнился в том, что это — не мираж. Ясность сознания вернулась к нему, голова не кружилась, и сердце билось, как всегда, ровно.

— Спасибо, что нашлись силы и ноги перестали дрожать, — сказал Иван сам себе. — Ну что ж, я готов к встрече.

Фигурка медленно приближалась, и через некоторое ^время в абсолютной, даже какой-то неестественной тишине Иван услышал скрип снега от шагов того, который шел ^к нему на встречу.

Ивану показалось, что он стоял и ждал очень долго, целую вечность. Но он терпеливо ждал, потому что ни приближать встречу, ни оттягивать ее не хотел. Наконец тот, кто [^]л, остановился метрах в сорока. Иван старался разглядеть

его лицо, но это никак не удавалось, хотя он хорошо видел детали одежды. «Странно, почему я не могу увидеть его лицо оно как бы размыто. В чем дело?» Как только Иван подумал так, тот, кто шел, поднял вверх правую руку и двинулся вперед. Иван отчетливо услышал ровный мужской голос:

— Приветствую тебя, Иван. Ты хотел встретиться со мной, и я пришел. Скажи мне, что ты хочешь?

«Он еще спрашивает, чего я хочу. Издевается. Да, это он, точно — Сатана. Но уж ответ-то мой пусть тебя хоть немного удивит», — подумал Иван и сказал:

— Для начала я хочу увидеть твое лицо.

Тот, кто пришел, шагнул вперед. Но Иван по-прежнему не видел лица, потому что его просто не было, не было, и все, на месте лица что-то было, но даже не маска, а нечто, что постоянно меняло свои очертания, как в калейдоскопе — это было очень странно и страшно видеть. Подойдя метров на десять, тот, кто пришел, остановился, и тут Иван увидел его лицо. Иван ожидал увидеть что угодно, только не это.

На него, улыбаясь, смотрел Иван Свиридов собственной персоной. Лицо его было спокойным и приветливым, и только глаза поблескивали, как бы живя своей отдельной жизнью, и глаза эти были недобрыми. «Вот он — средоточие мирового зла, квинтэссенция разрушения. Зачем он явился сюда в человеческом облике, да еще и издевается надо мной?» — подумал Иван.

— Устраивает ли тебя такой облик, Иван, или мне подобрать какой-нибудь другой? щ

— Лучше какой-нибудь другой, — тихо сказал Иван.

Лицо пришедшего тут же изменилось. Теперь это был ослепительной красоты чернокожий мужчина с идеально правильными, тонкими чертами лица.

— Это мне больше нравится, — сказал Иван. — Ты Сатана?

— Да, — сказал тот, кто пришел, — можешь называть меня так.

— Ты назначил мне здесь встречу. Я согласился прийти, потому что хотел испытать себя, — сказал Иван, опустив глаза. — И мне было любопытно посмотреть на того, кого считают источником зла. Бог рассказал мне о том, чего ты хочешь от меня. Так вот, я не буду решать свою Систему и тем более ее публиковать.

Пришелец едва заметно усмехнулся и сказал:

— Иван, Иван, я знаю, что ты очень любознателен и смел, но не до такой же степени. Не до такой же степени, чтобы только из любопытства и для испытания своей сме-

лости встречаться со мной. Со мной! И рисковать при этом жизнью. — У Ивана опять сильно закружилась голова. Он пошатнулся и сел на камень. — И почему ты считаешь меня источником зла? Нет, это неправда. Источник зла — человеческая свобода, которую я всячески поддерживаю, не я. *Ц* все-таки я знаю, что тебя привело сюда не любопытство и не желание себя испытать. Нет. Страх смерти — вот что толкнуло тебя на встречу со мной. Ведь ты же знаешь, что ты смертен весь без остатка, как и все свободные люди. Только я могу дать тебе бессмертие. Вот зачем я тебе нужен. — Сатана сделал паузу и продолжил: — Зачем ты переносишь такие мучения, Иван? У тебя же есть Лийил. Только прикажи, и у тебя будет и еда, и теплая одежда. Поешь, а потом я тебе скажу, зачем ты мне был нужен, — Сатана сделал еще одну длинную паузу. Иван молчал. — Трудно разговаривать с голодным. Голодный человек не принадлежит себе. Поешь, я подожду.

Иван долго молчал, он боролся с головокружением и сердцебиением.

— Или у тебя нет Лийила, Иван, и ты уже не тот абсолютно свободный человек, избранник Бога, ради которого я и пришел сюда? — Сатана чуть повысил голос, он стал властным. — Если ты владеешь Лийилом, докажи это. «Он хочет, чтобы я призвал Лийил, — думал Иван. — Зачем? Призвать дар Божий по воле Сатаны. А следом по воле Сатаны решить Систему. Психолог, твою мать...» Иван усмехнулся про себя.

— Не будем беспокоить Лийил по пустякам. Если ты не уверен, что он у меня есть, — уходи, — спокойно и твердо сказал Иван. Он усмехнулся и, глядя прямо в глаза Сатане, добавил: — К тому же «Не хлебом одним будет жить человек, но и всяким словом Божиим».

Сатана засмеялся и ответил:

— Ну, а это уже плагиат. К тому же, это время так и не наступило. Ты же знаешь, что ты не сын Божий?

— Ты, похоже, знаешь обо мне больше, чем знаю о себе я, поэтому и призвал меня сюда. Давай говорить по существу. Что тебе от меня надо?

Сатана сел на камень и скрестил руки на груди. Он все время не сводил с Ивана взгляда.

— Я не так часто бываю здесь, на Земле, в вашем мире, Да еще в человеческом облике. И, конечно, если уж я сюда Пришел, у меня есть для этого серьезные причины. Не думай, что я пришел искушать тебя по своему, как люди счи-

тают, обыкновению. Это невозможно. Ты знаешь, что ты можешь, ты это уже испытал, я хочу разговаривать с тобой, как с равным. Я пришел разговаривать с тобой о деле. О деле для меня важном, но еще более важном для тебя. — Сатана смотрел на Ивана. Иван молчал. — Конечно, ты понимаешь, почему ты стал для меня так интересен. — Иван продолжал молчать. — Ты, Иван, человек, которого я ждал. О котором я мечтал, когда задумал разрушить эгоистичный замысел Творца.

— • Какой замысел? — прервал Сатану Иван.

— Вашему Создателю был не нужен человек познающий, ему был и остается нужен только человек верующий и любящий — Его, прежде всего. А мой идеал — свободный человек, человек-творец. Из всех людей, когда-либо живших на Земле, ты ближе всех приблизился к этому идеалу.

— Ты хочешь сказать, что если бы не твое вмешательство, прогресс был бы невозможен?

— Истинный прогресс: научный, технический, общественно-политический — любой, связанный с познанием мира, — без моего вмешательства, точнее, участия — невозможен.

— Ты хочешь предложить мне сделку, касающуюся придуманной мной Системы. Я это знаю.

— Да, хочу. Но прежде все же я должен получить от тебя доказательства того, что ты и сейчас именно тот человек, ради которого я сюда пришел.

— Неужели это не очевидно?

• — Нет. Прежде чем мы будем говорить о деле, я должен знать, правда ли ты избранник Бога, есть ли у тебя Лийил или его нет. Причем, прошу тебя, не показывай мне его, я не перенесу этого зрелища. Просто сделай что-нибудь, что обычный человек сделать не может, сотвори маленькое чудо — и этого будет достаточно.

Иван долго молчал, думая, что же ему делать.

— Что-то ничего не приходит в голову. Что, например?

Сатана достал из складок одежды кинжал и протянул его Ивану.

— С Лийилом тебя нельзя убить. Докажи мне это.

Иван взял кинжал, покрутил в руках и отложил в сторону.

— Нет, не буду.

— Ну почему? Чего ты боишься? Ведь это же у тебя все равно не получится: либо ты ничего не почувствуешь, либо тебе это не дадут сделать твои помощники — Аллеин, например.

— Нет, не хочу я этого делать. К тому же, если я убью себя, твои планы о власти над миром уж точно не сбудутся.

Сатана будто не услышал ответа Ивана и продолжал:

— Может, тебя смущает то, что этот кинжал дал тебе я? Хорошо, давай изменим способ доказательства.

Иван все это время пытался понять, для чего Сатана требует от него доказательств того, что Лийил все еще у него, что именно он избранник Бога. «Действительно, почему я должен ему вообще что-то доказывать. Ничего я ему не должен. А, вот где разгадка! Если я ему вообще что-то доказываю, значит, я ему должен. Значит, я принимаю его вызов, значит, у меня есть комплекс в отношении его значимости для меня. Его кинжал не опасен, опасен его вызов! Это будет его победа. С ним ни в коем случае нельзя спорить, сколько бы он ни провоцировал меня на спор. Да или нет — вот возможный для меня вариант разговора».

— Нет.

— Ты хочешь, чтобы человечество и дальше существовало и развивалось?

— Да.

— И я хочу того же и уже достаточно объяснил, почему. Но для этого от тебя потребуются определенные действия.

— Ас чего ты взял, что нам, людям, что-то угрожает?

— Ты открыл законы существования вселенной, и после того, как они станут широко известны, наступит конец этому миру. Этот закон установил Творец, это и будет Конец света. Разве ты этого не знаешь?

— Знаю. Но я не собираюсь публиковать свои открытия.

— Ах, Иван, Иван. Не будь таким наивным. Если уж что-либо стало известно одному из людей, вскоре это станет известно и другим.

— Каким это образом, интересно, это станет известно, если я этого не захочу?

— У тебя это могут выпытать. Могут найти тетрадь с твоими записями. Расшифруют и разовьют идеи, заложенные в программу, которую ты, кстати, уже выпустил в свет. Или, может быть, проще всего, завтра появится новый Иван Свиридов — где-нибудь в Германии или в Бангладеш. Конец света, вашего мира, точнее, все равно наступит скоро, надо исходить из этого.

• — Что тебе от меня надо, Сатана?

— Если ты создашь инструмент творения, взамен от меня получишь все в этой жизни и жизнь вечную.

— Нет.

— Ты понимаешь, что спасти тебя могу только я?

— Я не думаю так.

— Творцом тебе уготовлена роль Предвестника-Антихриста, ты это знаешь. Конец света неизбежен, потому что ты можешь стать Ему конкурентом. Чтобы сбить тебя с твоего пути, Он дал тебе Лийил. И ты исполнишь свою роль, если откажешься от моего предложения. Об этом говорят все священные книги. Мир все равно погибнет, и ты погибнешь вместе со своим знанием, вволю покуражившись, правда, перед страшным своим концом. Ты этого хочешь? Я-то выживу, я неистребим. А ты, Иван, пропадешь «в геенне огненной», и больше всех буду презирать тебя я, дававший тебе возможность спастись. Если ты решишь Систему, то получишь абсолютную власть. Центр силы переместится к тебе. Так всегда бывает, Иван. Смена власти необходима. Ты ничем не хуже Его. Ты станешь автором новой Книги и властителем душ. Творец не вмешается в последний момент, Иван! Я знаю это! Тебе надо просто довершить начатое и привести все к логическому концу.

Иван молчал.

— Как вы, то есть люди, живете! Вспомни. Вспомни, что творится на вашей несчастной планете, в каждой стране, в каждом городе, в доме, в каждой душе наконец. И это Божий мир, и это жизнь, достойная человека! Привычка, только привычка заставляет вас, людей, думать о том, что зло вашего мира — от меня. Нет — не от меня, а от того, кто, создав вас несовершенными, никак не хочет отказаться от вас, несмотря на все ваши просьбы, убедительнейшие просьбы и словами, и действиями. Если бы Он был благ, Он давно бы отказался от вас, и тогда бы всегвы жили так, как хочется — свободно, что я и приветствую, и поощряю, и в чем вам помогаю. Да, когда все только начиналось, я действовал из духа противоречия, но это только поначалу. Теперь я действую с глубоким убеждением в своей правоте. Что скажешь, Иван?

— Я не верю тебе.

— Я недостаточно убедителен?

— Почему же? Вполне. Мир, в котором мы живем, несовершенен, и, к сожалению, он вряд ли становится лучше. Но я не хочу быть причиной его гибели, ни прямой, ни косвенной. Все, что ты предлагаешь мне, — мне не нужно. — Иван замолчал и закрыл глаза. Вздохнув несколько раз, как бы отдышавшись, он продолжил: — Если бы я хотел и мог сотворить чудо, то только одно — заставить

фдей свернуть с пути, по которому они идут к своей ги-

Теперь молчали оба. Молчание затянулось.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься, — наконец сказал Сатана. — Смотри.

Весь окружающий мир за считанные мгновения растворился в черноте. Испугавшись происходящего, Иван закрыл глаза. Он успел заметить, что оказался внутри какой-то светящейся сферы. Когда он открыл глаза, увидел то, что ему уже однажды приходилось видеть, только на этот раз перед ним была не вся вселенная, а его родная планета, вся сразу, в бесконечном многообразии всех возможных проявлений человеческой жизни и деятельности. Раздался голос Сатаны: «Смотри, я покажу тебе то, чем ты будешь владеть, если будешь со мной». Иван видел все как бы сразу, и его удивляло, что он все успевал воспринимать одновременно.

Все, что видел Иван, можно обобщить одним словом — власть, власть во всех ее проявлениях. Власть над людьми, над неживой природой, над животными, над самим собой. Перед Иваном как бы разыгрывался спектакль, главным действующим лицом в котором был он. Он управлял государством, отдавая единоличные распоряжения, он погружался в глубину океана капитаном подводной лодки, сидел на командном пункте, руководя боем, давал указания исполнительным директорам какой-то корпорации, обладал прекрасными женщинами, которых выбирал сам, для него была устроена грандиозная охота где-то в Африке, своим распоряжением он спас жизнь сотням тысяч умирающих от голода детей. Оперные спектакли, рок-концерты, автогонки, тансинги, бассейны под пальмами — все это сливалось в поток потрясающих впечатлений. Иван мчался на мощном автомобиле с пистолетом в руке, нырял с аквалангом, летел на военном самолете — одновременно.

Иван прервал поток этих впечатлений, закрыв глаза. «Нет. Не хочу я ничего этого. Сатана, возврати меня назад. — Никакой реакции не последовало. — Возврати меня назад или я призову Лийил». Вспышка. Иван открыл глаза. Он обнаружил себя сидящим на том же камне. Сатана стоял там, где и раньше.

— Ну, как впечатление?

— Впечатление сильное. Примерно это мне уже приходилось видеть, только там я выбирал, что мне смот-

реть, а теперь ты демонстрировал мне то, что хотел показать сам.

— Все это будет твое. Ты проживешь интереснейшую жизнь, о которой человек может только мечтать. Она уйдет на распространение и популяризацию твоей Системы. У тебя будет все: слава, власть, деньги. Тебя будут любить, причем совершенно искренне. Ты войдешь в историю, как величайший гений человечества. Соглашайся, Иван. Соглашайся. Пойми: ты — Антихрист, то есть мой тайный помощник, тебе этой роли не избежать — и не надейся, так уж ты устроен. Ты ведь знаешь это лучше меня. И, наконец, имей в виду следующее, об этом тебе Творец не говорил, скрыл-таки: если ты не примешь моих предложений и сумеешь обмануть судьбу, я так выражусь для простоты, — то есть найдешь какой-нибудь иной путь, кроме тех, о которых я тебе сказал, — произойдет вот что: Он не оставит ни о тебе, ни о том, что было с тобой хоть как-то связано, никакой памяти, никто из людей о тебе не будет помнить, все будет сделано Им так, будто тебя и не было. Для Него это ничего не стоит, все причинно-следственные связи существуют только для людей, для Него же нет ни причин, ни следствий, а есть только цепь событий и Его воля. Ты понял это? — Сатана помолчал немного и добавил: — Ты хорошо это понял?

Иван размышлял над ответом: «Почему я обязательно должен стать Антихристом? Один разделил всех людей на избранных и проклятых, другой стремится занять Его место. А что же я? Нет, я пойду своим путем, и если уж идти по нему до конца, то целью должна быть вечная жизнь для всех, а не для избранных! Я объединю своей Системой все человечество. И если этот маньяк думает, что в последний момент выдернет Систему из моих рук, то ошибается! Не выдернет... Только бы решить ее».

— Уходи, Сатана. Уходи прочь. Я буду жить, как я хочу, но не как ты этого хочешь. Никому я никогда не подчинялся и тебе не подчинюсь — вот тебе мой ответ. Может быть, Бог жесток, но Он нас создал и Его право поступать с нами так, как Он считает нужным, а ты — ты борешься за власть. Я с детства не люблю тех, кто борется за власть. Все, уходи, оставь меня.

Иван закрыл глаза, потому что у него опять сильно закружилась голова.

Когда Иван открыл глаза, Сатаны не было. Но следы на снегу остались.

«Где же найти такой компьютер?! — Иван схватился за голову. — Какой компьютер, какая Система?! Я же замерз у здесь через несколько часов!»

Тут он опять увидел Аллеина. Аллеин был теперь не в полупрозрачном обличье, а во плоти, одетый в свою бедую одежду. Он обратился к Ивану, слегка поклонился, приветствуя его, и сказал:

— Иван, я готов тебе помочь преодолеть обратный путь.

«Нет уж, с меня хватит чудесных явлений, — подумал Лван, — надо побыть самим собой хоть последние часы». И ответил:

— Знаешь, не надо. Я все свои проблемы предпочитаю решать сам. Ты в этом, наверное, недавно еще раз убедился.

Аллеин печально улыбнулся и сказал:

— А ты не боишься сбиться с пути?

Иван, не оборачиваясь, на ходу ответил:

— Нет, ничего я не боюсь.

Под гору было идти значительно легче. И Иван радовался тому, что ноги почти не дрожат, а голова не кружится. Но уже через несколько километров он был вынужден отдохнуть, потому что силы оставили его. Он долго сидел на земле, прислонившись спиной к большому серому валу. Пошел легкий пушистый снег. Снежинки медленно падали, закрывая черные камни. Иван сидел не шевелясь и смотрел на падающий снег. На плечах и на голове у него образовались белые сугробики. Вставать не хотелось, но он все же заставил себя встать и пойти. На спуске Иван поскользнулся, упал и покатился вниз по склону, больно ударившись головой о камень. Все бы ничего, но склон был очень крутой, и Иван, внимательно посмотрев вверх, понял, что эти тридцать метров вверх по склону ему без длительного отдыха не преодолеть. Он долго отдыхал, потом начал карабкаться вверх, загадав, что если заберется, то выйдет, а если нет, то не выйдет. К вечеру с огромным трудом Иван забрался на то место, с которого упал вниз.

Снегопад закончился, и стало быстро холодать. Иван чувствовал, как холод сковывает его тело. Сильно хотелось спать. Иван не боролся со сном, хотя понимал, что тот сон может стать последним в его жизни. Он засыпал, холод и голод отступали по мере того, как он проваливался в сон.

Проснулся Иван от сильных толчков и ударов по лицу. Проснулся не сразу, с большим трудом. Он услышал голос Сергея: «Берите его и тащите к вертолету, там будем будить и оттирать». Чьи-то сильные руки подхватили Ивана и понесли куда-то. Иван очнулся от запаха спирта, которым ему растирали спину. Иван открыл глаза и поморщился, перед носом у него кто-то держал стакан с водкой.

— Выпей и закуси — поможет, — сказал ему кто-то.

Иван взял стакан, выпил и закусил кусочком хлеба. Голова у него тут же сильно закружилась, и он опять уснул.

Вертолет закрутил винтом, взлетел и, сделав разворот, быстро полетел на север. В вертолете было четверо: два пилота, Иван и Сергей, у которого на коленях лежала та самая карта с черным крестиком, обозначавшим место, где и нашли Ивана.

ЧАСТЬ   ВТОРАЯ

ФУГА В СТИЛЕ РОК

*Когда к нему в тайник вошел высокий
и чистый ангел, весь светясь огнем,
он распознал его в мгновенье ока
и попросил его лишь об одном —*

*о позволеньи не покинуть крова
ему, смущенному душой купцу.
Он жизни не читал — и мудрецу
не слишком тяжело ли это слово?*

*Но тот с упорством, бьющим через край,
велел его исполнить приказанье,
не уступал и требовал: читай!*

*Он прочитал. И ангел ниц упал.
И стал он тем, кто прочитал писанье,
и подчинялся, и осуществлял.*

Р.М. РИЛЬКЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Аллеин не последовал за улетающим вертолетом. У него сильно заболело в груди — там, где у людей находится сердце, и стало так тяжело и тоскливо, как, наверное, бывает перед неизбежной смертью. Аллеин был бессмертен, во всяком случае, он всегда считал себя бессмертным, но эта жуткая, непроходящая боль заставила его усомниться в этом. «Что со мной? Почему?» — спросил у себя Аллеин и не нашел ответа. Собрав все силы, он устремился вверх — для того, чтобы посмотреть, что происходит в мире людей. Возможно, его состояние связано с тем, что там творится что-то неладное? Заняв удобное положение в надпространственном эфире, Аллеин стал наблюдать за людьми. Люди занимались своими обычными человеческими делами, ничего особенного, все было обычным — и добро, и зло, творимое ими. Потом Аллеин послушал голоса и мысли людей, обращенные к Богу. Нет, нельзя сказать, что хор этот ослабел или стал фальшивить. Все было как всегда: на всех языках, называя Его разными именами, люди всех религий зывали к одному и тому же Богу, своему Творцу, — все как всегда. «Почему же мне так плохо, будто приблизился мой конец? — думал Аллеин. — Ведь все как всегда. А может, все так и должно быть? Все должно быть как всегда, когда наступит конец, и этот храм, воздвигнутый Богом — Земля, — погибнет».

Боль стала стихать. «Насколько все же я слаб и беспомощен и как мне мало дано, — думал Аллеин, — я даже не Могу ответить на вопрос: случайно ли, то есть только лишь По воле Сергея прилетел вертолет в последний момент за

Иваном или Бог направил его? Этот извечный для меня вопрос: где в мире граница случайного, и почему Он так часто действует через людей, напрямую вмешиваясь в события, не привлекая для этого нас — ангелов? — Аллеин вздохнул. — Жаль, что мне не дано читать его Книгу».

— Ему, конечно же, видней, как поступать, но ведь я так стараюсь. Неужели я что-то делаю не так? — сказал Аллеин и увидел, что из подпространства вынырнула ликующая физиономия Риикрой.

— Привет, ангел! Как самочувствие? — Аллеин промолчал. — Наш подопечный решил, наконец, исправить замысел Творца. Что он стоит теперь, весь этот замысел!

— Все предопределено. Все! — воскликнул Аллеин.

— Нет, не все, Аллеин, и ты это знаешь. Если бы все было предопределено, мне бы было нечего делать на Земле. Искушать людей, имеющих души, — себе дороже, зато как приятно работать с людьми, их не имеющими!

— И все равно всегда и везде побеждал замысел Бога! Ни один из призванных не отступил, и замысел Бога выполняется!

— Не спорю, всегда и везде, и ни один не отступил, но, как видишь, дело движется к развязке. Человеческая свобода оказалась сильнее Божественного предопределения. Недаром, нет, недаром люди так много сейчас говорят о свободе! Это признак конца, дружище. Свобода! О, что бы я делал, если бы не было свободы! Аллеин, ответь-ка мне, почему Бог не отнял ее у всех? Я, например, никак не могу этого понять.

— Лицемерный лжец, ты прекрасно знаешь, что несвобода от Бога для человека значит бессмертие и следование путем, определенным Богом, но вовсе не означает личную зависимость. Призванные — не марионетки. Не ваши ли вдолбили в головы многим людям то, что Бога выбирают? Хочу — буду верить, а хочу — не буду, мне нравится быть свободным от Него. Они и выбирали...

— Ты не ответил на мой вопрос. Почему Он не призвал всех? И зачем, например, Бог создал человека и дал ему разум, а следовательно, и потребность судить о добре и зле, не отняв при этом свободы? Что, Он не понимал, к чему это приведет? А, Аллеин? Ты знаешь ответ?

— Знаю. И ты его знаешь. Есть два мира — мир Книги, в нем тебя нет, только он реален для Бога, и мир, отраженный от нее, или, как вы говорите, материальный. Ты — болезнь отражения, а не творение Бога, тебя в ней нет, так

же как нет и твоего Господина, так же как нет и свободных людей, они живут во времени, в Книге же только то, что вечно. Это твой Господин уже тысячелетия морочит всем голову, нашептывая пророкам, что он создан Творцом, так же, как и зло.

— Зачем же Он, всемогущий, допустил кривое отражение?!

— Он пожалел людей, которые превозносили свободу как высшую ценность и просили ее. Люди вымолили свободу У Бога, потому что он добр! А без человеческой свободы ты — больше, чем пустота. Уничтожь ее, не будет и тебя.

— Что? — с искренним удивлением воскликнул Риикрой.

— Вот и все. Бог дал свободу людям, а через некоторых своих призванных дал им религии, чтобы ее сдерживать. И ты не хуже меня знаешь, что из этого вышло...

— Иван Свиридов — собственной персоной.

— Но это, действительно, — выбор людей. Свободных людей, тех, которым не досталось душ. Да уж. Результат налицо... Призванные религию не выбирают, она выбирает их.

— Как хорошо для нас, что Бог столь сильно любил людей, что бросил их по их же просьбе. Ладно, Аллеин, до скорого, — махнул рукой Риикрой. — Встретимся у церкви. Представление должно продолжаться!

Вертолет тем временем летел над тайгой. Сергей смотрел в окно на припорошенные снегом кроны сосен, которые сверху казались бурунами волн застывшего вмиг океана. Иван спал. Его лицо было спокойным, дыхание ровным. За все время, пока вертолет летел, Иван ни разу даже не шелохнулся. Он сильно похудел, у него выросла густая черная борода, но сказать, что он плохо выглядел, — нет, Сергей так бы не сказал. «Что же он делал здесь и зачем? — думал Сергей. — Не верю в то, что Иван мог сойти с ума. Да, он странный. А кто из нас, бедолаг, добывающихся чего-то сверх обычного, не странный? Но не может такой человек сойти с ума. Куда его везти — домой или к Наташе? Нет, повезу домой. Расспрошу, что к чему. Мало ли что».

Иван спал без снов. Когда он увидел Сергея, единственная мысль была: «Я спасен, я буду жить». Он еще почув-

ствовал жжение разведенного спирта, от которого перехватило дыхание, и все, после этого он уснул, скорее даже не уснул, а потерял сознание.

Аллеин, догнав вертолет, смотрел на Ивана и думал: «Вот он, вершитель судеб человеческих,— спит безмятежно. А что будет, когда он проснется? И все же откуда эта жуткая боль в груди и смертная тоска? Неужели это ощущение конца? Да, да! Я скоро исчезну, я чувствую это. Но почему? Может быть, потому, что с концом этого мира наступит и мой конец».

2

Вертолет приземлился на маленьком аэродроме таежного поселка. Здесь заканчивалась автомобильная дорога. Дальше была тайга.

Сергей принялся будить Ивана. Он тряс Ивана за плечи, тер ему уши, но Иван спал как убитый. Пилот смеялся:

— Возьми у меня пистолет, выстрели у него над ухом, тогда, может быть, проснется.

Наконец Иван тряхнул головой и открыл глаза. Он несколько секунд смотрел на Сергея, как бы вспоминая — кто это, и, наконец, видимо окончательно проснувшись, улыбнулся и сказал:

— Как ты меня нашел, Сергей?

— Ты же оставил на подоконнике карту со своими координатами. Мне оставалось только догадаться, что место, указанное на карте,— это именно то, куда ты направился.

— И как же ты догадался?

— Когда в комнате кроме этой карты есть один матрас и один стул, нетрудно догадаться, что эта карта для хозяина комнаты имеет большое значение.

— Мы сейчас поедем в наш город?

— Да, нас здесь ждет машина.

И действительно, у взлетной полосы маленького аэродрома стоял новенький черный БМВ. Сергей взглянул на Ивана, видимо ожидая вопроса: «Откуда такой автомобиль?» Но вопроса не последовало. Иван сел на заднее сиденье и сказал:

— Сережа, я посплю еще. Спать сильно хочется,— и закрыл глаза.

Но Иван не уснул, ему больше почему-то не спалось. Он стал смотреть в окно. Дорога шла через заснеженное поле. Кое-где на краю поля паутинкой чернели облетевшие кроны берез. Иван долго, не отводя глаз, смотрел „эль. Встречных машин не было. Пошел снег. Автомобиль будто бы летел куда-то в белую, пустую бесконечность. Ивану на миг показалось, что в мире кроме троих, ехавших в автомобиле, больше никого нет.

— Иван, как себя чувствуешь? — спросил Сергей.

— Спасибо, хорошо. Давно себя так хорошо не чувствовал,— ответил Иван.

— Отец Петр просил сообщить ему, если я тебя найду. Может, заедем на пять минут к нему в его церквушку?

— Откуда ты его знаешь?! — удивился Иван.

— Когда я шел по твоему следу, то попал в эту церковь. И имел с ним довольно продолжительную беседу. Он много и очень живо о тебе расспрашивал, в том числе и в деталях. Такой осведомленный в точных науках поп — просто жуть! Он, оказывается, не только доктор богословия, но и кандидат физико-математических наук. Так вот, он очень просил меня сообщить о тебе. Заедем?

— Давай заедем,— немного подумав, ответил Иван. Ему было все равно — что и зачем надо священнику от него. В голове была блаженная пустота. Никаких мыслей: ни волнений, ни сомнений.

Вскоре роскошный автомобиль въехал в городок, где была церковь, свернул в переулок и, слегка проскользив по припорошенной свежим снегом уличной грязи, остановился перед воротами церковной ограды. Сергей и Иван вышли из автомобиля и направились в церковь. На Иване был толстый вязаный свитер, который Сергей предусмотрительно взял для него, отправляясь на поиски. Иван надел этот красивый свитер и теперь чувствовал себя в нем хорошо и уверенно.

В церкви было мало народу. Иван быстро пересчитал всех: девять старушек, одетых в старенькие вязаные кофты и валенки с калошами, и двое парней лет двадцати пяти — тридцати. Отец Петр взглянул на вновь вошедших, слегка кивнул им, дав понять, что он их узнал, и продолжил чтение. Он читал из послания апостола Павла римлянам:

— «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути

Его! Ибо кто познал ум Господний? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава веки аминь»*. — Закончив читать, он обвел взглядом всех присутствующих в храме и сказал: — И все попытки объяснить и предсказать промысел Божий тщетны. И нет страшнее греха, чем сомнение в благодати Господа. Тот, кто допустил в душу это сомнение, — уже мертв, лучше ему и не родиться было. И есть первая и главная заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего»**, — основа основ и смысл жизни человека. Я призываю к покаянию и смирению, и Господь наградит вас.

Старушки, получив благословение священника, крестясь и кланясь, выходили из церкви. Двое молодых людей, присутствовавших на службе, получив благословение, отошли в сторону и стали рассматривать иконы, видимо, они ждали священника.

Отец Петр, неотрывно глядя на Ивана, медленно пошел в сторону притвора, где стояли Иван и Сергей. «Вот он, Иван Свиридов. Как я ждал тебя! И дождался». В мозгу священника вихрем пронеслись мысли, он сильно волновался.

— Здравствуйте, — поздоровался отец Петр. — Спасибо, что заехали. Каким временем вы располагаете? Не хотите ли чаю?

Сергей вежливо улыбнулся отцу Петру и повернулся к Ивану. Иван кивнул головой и сказал:

— Вы бы хотели со мной поговорить?

— Да, я хотел бы с вами поговорить, Иван.

Сергей понял, что при этом разговоре он будет лишним. Он крепко пожал руку священнику и ушел в машину разговаривать по радиотелефону.

— Мы могли бы поговорить здесь, в церкви, если вы не возражаете, — предложил отец Петр.

— Давайте поговорим здесь, — согласился Иван.

Они отошли в сторону и сели на скамейку. Отец Петр предложил поговорить в церкви, потому что надеялся, что здесь, в этом привычном помещении, в окружении икон и знакомых ему уже не первый десяток лет предметов, он легче справится со своим волнением. Иван же совершенно не вол-

новался. Он сел на скамейку и стал ждать вопроса. Отец Петр же все молчал. Он думал: «Не выдумал ли я все под влиянием мрачного обаяния этой личности? Он ведь личность, да еще какая. Вправе ли я так тестить свое любопытство? Ради чего? А что, если он и правда имеет такую власть, даже если вероятность этого ничтожна, а я не узнаю этого? Нет, я должен...»

— Иван... Могу я вас так называть?

— Да, конечно.

— Я буду предельно конкретен в своих вопросах. Если отвечать на них сочтете для себя невозможным, я, конечно же, не буду настаивать. Но я должен спросить у вас то, что я сейчас спрошу. <•

— Я вас внимательно слушаю, — сказал Иван и тут же подумал: «Сейчас будет расспрашивать о встрече с Сатаной».

— Вы уходили в горы, чтобы встретиться с Сатаной? — Да.

— И вы встретились там с ним?

— Да. Как вы догадались об этом?

— Это было несложно. Дело в том, что я один из очень немногих верующих христиан, который не сомневается в приближении Конца света. И более того, я считаю, что это должно произойти в ближайшее время, потому что я вижу приметы приближения этого дня, слишком явные и многочисленные, чтобы сомневаться. Так вот. Я просил Бога, чтобы он не оставил меня в полном неведении, чтобы подготовить себя и подготовить других к этому дню. Я был нескромен и настойчив в своих молитвах. И перед твоим приходом я просил Бога об этом. Я просил его послать знамение. И он послал тебя.

— Но почему? Почему же вы так в этом уверены? Ведь это — величайшая тайна. И участь христиан заключается и в том, чтобы всегда быть готовыми к концу, к уничтожению мира. Не так ли?

Отец Петр как бы не слышал вопроса Ивана.

— Сергей мне много рассказал о тебе такого, что подтвердило мою догадку... И что за странная молния сверкнула во время крещения? По своему характеру и темпераменту я очень спокойный и уравновешенный человек, у меня никогда не было галлюцинаций. Это было?

— Да, действительно, это было, — кивнул головой Иван.

— Не ты ли создал Систему, доказывающую бытие Бога? Не ты ли формально обосновал внутренние мотивы божественного существования?

* Римлянам, 11:33.

** Матфей, 22:37.

— Я только собираюсь сделать это.
— Вот что, Иван, я думаю, что ты — Антихрист.
Священник опустил голову и замолчал. Иван тоже молчал.

— И все же, почему вы так думаете?
— Потому что время прихода его наступило. Скажу откровенно: я всегда, всю свою жизнь старался быть вместе со своими прихожанами...— Священник сделал длинную паузу и продолжил: — Я вглядывался в их лица, стараясь найти в них ответ на свой вопрос: сколько это может продолжаться?

— Что вы имеете в виду? — • спросил Иван.
— Падение. Падение в бездну неверия. В церковь ходит от силы каждый сотый. И посмотрите, кто ходит в наши храмы, кто молится в них и о чем. Боже мой! В лучшем случае, люди приходят сюда компенсировать недостаток жизненной силы — и только. Они только молят, молят и молят Его... И все! Да, да — и пусть молят. Но где же, где те, на которых всегда и держалась церковь? Где истинная вера, вера созидательная, не фанатично-ограниченная, а истинно христианская, способная и мертвого воскресить? Когда ее нет среди людей, остаются традиции либо, что еще хуже, — до идиотизма фанатизм, который питает отнюдь не вера, а дьявольская самоуверенность. И я все это видел!

— По-моему, всему, о чем вы говорили, можно найти простое объяснение. Бог стал не нужен людям. Точнее, тот Бог, христианский. Только и всего. Но это не значит, что Его нет. Ваша религия, наверное, устарела.

— Воистину — это слова Антихриста! А я думаю по-иному. За две тысячи лет произошла подмена. Страшная подмена. Подмена смысла существования человека и подмена образа Бога. Мы, христиане, подменили истинный образ Бога живого на иной: благолепный, соответствующий нашим представлениям о нем. Но этот бог — это не Бог. И поэтому христианство как религия исчерпало себя, перерождаясь постепенно в социально-этическую концепцию. Оно медленно умирает, обескровленное тысячелетними внутренними распрями. Это огромный организм, и он умирает медленно. И смерть эту предрек Господь. И Бог уже изготавил меч, которым добьет умирающего. Это ты, Иван.

— Вопросы, о которых вы говорите, интересовали меня только в детстве, поэтому не берусь судить об истинности

аг.ией христианской веры... По-моему, дело совершенно не в этом, а в том, есть ли среди исповедующих ту или иную религию люди избранные. Если они есть — религия жива, если нет — превращается в традицию и умирает.

Священник весь внутренне напрягся.

— Кем избранные?

— Богом.

— • И ты — не из них ли?

— Нет, я сам по себе.

— Ты веришь в Христа, в его воскресение?

— • Этот вопрос — для меня не вопрос. Хотя... это можно проверить, если это так интересно.

— Ты собираешься довести начатое тобой дело до конца?

— Да.

— А... вот так...— Священник невольно сделал паузу, потому что во рту у него пересохло.— Раз человечество тебя породило, значит, оно обречено. Не человек, убивающий человека на алтаре храма, а человек, срывающий покров тайны с Божественного промысла и уничтожающий этим веру в Бога и любовь к Нему, убивает Бога. Это уже конец. Все,— отец Петр махнул рукой.— Я сказал вам все, что хотел.

Иван спокойно и внимательно смотрел на священника, лицо его не отражало никакого внутреннего интереса, видимо, слова священника не затронули его.

«Так все и должно быть»,— подумал священник. Он встал и медленно, опираясь кончиками пальцев о стену, пошел от Ивана. Он понял, что бессилен что-либо более предпринять и сейчас, и в будущем. Голос его не будет услышан ни Богом, ни людьми. Он подошел к ожидающим его молодым людям и сказал:

— Мы договаривались с вами побеседовать. Извините, я сегодня не могу.— Он развел руками и, как бы извиняясь, добавил: — Я просто не в состоянии. И, кстати, вон человек,— священник указал на Ивана,— который знает несравненно больше меня.— Он печально улыбнулся и тихо, про себя, добавил: — И все грехи мира в нем сосредоточились. Еще раз извините.

Он повернулся и пошел прочь.

Молодые люди переглянулись и подошли к Ивану, который продолжал сидеть на том же месте. Один из них обратился к нему:

— Извините, пожалуйста, священник, которого мы очень уважаем, посоветовал нам обратиться к вам с воп-

росами, на которые мы рассчитывали получить ответ у него. Не будете ли вы так любезны уделить нам немного времени?

Иван внимательно посмотрел на подошедших. У парней были ничем не примечательные лица, не отражавшие ни какой-либо особой духовной жизни, ни внутренней борьбы. «Да, эти искатели истины выглядят довольно убого. Смотри-ка ты, кто-то еще ищет ответы на свои вопросы здесь. И такие есть. А все-таки почему? Интересно», — подумал Иван.

Риикрой самодовольно потирал руки. Его замысел осуществлялся успешно. «Надо готовить Ивана к публичному служению. Он должен приобретать необходимый духовный опыт. Он должен использовать данную ему власть».

— Я вас слушаю, — сказал Иван и внимательно посмотрел на пришедших. Тот, что представился Владимиром, явно был взволнован, он стеснялся задавать вопрос, который собирался задать, его смутил пристальный взгляд Ивана. Тот, которого звали Александр, был Ивану не так интересен, потому что он был человек без выраженной собственной воли. Сегодня он полностью зависел от Владимира — это Иван определил сразу и безошибочно, по едва уловимым признакам в поведении, поэтому он сосредоточил свое внимание на Владимире. Молчание затянулось, но Иван терпеливо ждал. Наконец Владимир заговорил:

— Мы хотели получить от отца Петра совет по поводу того, что... ну, понимаете ли, мы с Александром собрались уйти в монастырь и хотели, чтобы отец Петр дал нам совет, что и как делать, — выдохнул Владимир. — Но он направил нас к вам.

«Ну и ну — подвижники, — подумал Иван. — Что же им сказать-то?»

— Вы считаете, что жизнь монаха — достойная жизнь. Почему?

— Считаю, что монастырь — единственное место, где православный верующий человек может жить в ладу с самим собой. Так ли это?

«Я должен кому-то помогать выбрать жизненный путь. Ха... Вот это сюрприз! А почему бы и нет? Если я сделаю то, что собираюсь, мне придется это делать, причем не только для этих двух ущербных, а для всех».

— Я должен сказать вам нечто, что могло бы укрепить вашу веру так, что вы и жизнь отдадите за нее без всякого сомнения?

— Укреплять в себе веру — наша цель, — ответил Владимир.

«Они христиане, как и отец Петр. И, как все христиане, хотели бы иметь подтверждение истины, которая для них заключалась всего-навсего в воскрешении Христа. Если Христос воскрес — значит, и вера их истинна. И только... А и мне бы это узнать не мешало. Слишком много разговоров на эту тему».

— Сейчас я вам покажу.

— Что? — воскликнул Александр. — Что вы можете нам показать?

— Как воскрес Христос, если он воскрес...

Иван отвернулся и прошептал:

— Лийил, я хочу, чтобы ты показал мне и этим двум людям то место и время, где находился Иисус Христос в момент своего воскрешения, Лийил.

Иван призвал Лийил без всяких сомнений, ни на секунду не задумавшись о последствиях этого.

Аллеин воскликнул, обращаясь к Богу:

— Господи, что он делает?!

Но не получил ответа.

После того, как Иван произнес слова, несколько секунд ничего не происходило. Иван все так же стоял, а Владимир с Александром сидели у стены, испуганно глядя на него. Владимир увидел, что Иван падает, и одновременно с этим его ослепила яркая вспышка света, исходящего как бы от стен церкви. Последнее, что видел Владимир, были два силуэта, стоящие рядом с Иваном. Потом все начало проваливаться куда-то вниз, как бы в огромную воронку. Полет вниз продолжался несколько мгновений. Когда полет и вращение прекратилось, Иван обнаружил себя прижатым спиной к прохладной стене, рядом с ним был еще кто-то, он чувствовал чье-то плечо, а вокруг крошечная тьма и ничего разглядеть было невозможно. Все молчали, потеряв дар речи. Наконец, когда глаза привыкли к темноте, Иван разглядел на противоположной стене, которая была рядом, как будто бы какую-то чуть светящуюся щель. Недолго думая, Иван, вытянув руки вперед, сделал шаг в направлении этого слабого источника света, но тут же его остановил властный голос:

— Иван, стой где стоишь.

Иван по инерции сделал еще один шаг и уперся коленями в какой-то предмет. Он, чтобы не упасть, инстинктивно оперся об этот предмет руками и тут же отпрянул на-^{3a}Д, поняв, что это за предмет. Это было завернутое в по-

лотно тело. Его тело. «Ох ты, Господи, Боже мой», — содрогнулся Иван. Тут он услышал голос Аллеина:

— Ты привел сюда этих людей, чтобы показать им момент воскрешения Христа. Готовьтесь же смотреть, это уже близко.

— Зачем ты здесь, Аллеин? — спросил Иван. — Покажись, где ты.

— У меня здесь своя роль, Иван, не мешай мне. Молчите все.

Тут Иван увидел перед своими глазами Лийил, который едва светился. Лийил медленно проплыл от него к Аллеину, освещая тесное, вытесанное в скале помещение бледно-голубоватым светом. Лийил замер над ладонями вытянутых вперед рук Аллеина. Иван увидел, что на небольшом возвышении лежит тело, завернутое в белое полотно, точнее даже не завернутое, а туго замотанное, голова тоже была замотана. Аллеин закрыл глаза, что-то прошептал и чуть развел руки в стороны. Лийил как бы соскользнул с ладоней Аллеина и на мгновение исчез, утонув в лежащем теле. И тут произошла вспышка, тело как бы взорвалось, став источником ослепительного света. Иван ощутил дуновение тепла, но это длилось только мгновение, даже какую-то неуловимую долю мгновения. На время Иван ослеп. Когда зрение вернулось к нему, он увидел, что Аллеин разматывает тело. Это было непросто, потому что ему одному это было делать неудобно, но тут Иван увидел еще одного ангела, он вошел через вход, отодвинув камень, который его закрывал. Рассвет еще не наступил, но уже светало, в склеп ворвались струи теплого, пахнущего какими-то южными растениями воздуха. Вдвоем ангелы быстро распеленали тело и отошли в сторону. Теперь Иван смог разглядеть лицо лежащего человека. Трудно было понять, то ли оно было мертвенно-бледным, то ли так казалось, потому что свет раннего утра был слишком слаб. Иван пододвинулся поближе и увидел, что человек дышит. Это было странно видеть, потому что по всем признакам — цвету кожи и особой, свойственной только покойникам расслабленности членов — это был покойник. На груди его было две раны, руки и ноги пробиты, а лицо, теперь это Иван разглядел отчетливо, было в ссадинах и кровоподтеках. Но грудь его плавно поднималась и опускалась, несомненно, он дышал. Аллеин приложил палец к губам, подавая знак всем присутствовавшим, что надо молчать. Прошло еще довольно много времени. Наконец

человек глубоко вздохнул и приоткрыл глаза. Потом он неожиданно легко сел, лицом к выходу, людей он не заметил. Ангелов, стоящих у выхода, он, несомненно, видел и даже кивнул им головой, потом он встал и, наклонившись, ушел. Движения его были очень легки, казалось, что тело его не имело веса.

— Значит, он действительно воскрес. Видели? — спросил Иван у своих попутчиков. Он впервые за все время обратил на них внимание. Ему показалось, что эти двое либо вообще ничего не поняли из увиденного, либо столь потрясены произошедшим перед их глазами, что были не в состоянии даже слова сказать. — Ладно, отправляемся назад, — сказал Иван. — Лийил...

— Подожди, Иван, не говори ничего, — прервал Аллеин, — сейчас Лийила у тебя нет. Сядь и усади своих попутчиков. Назад я буду отправлять вас сам. — Аллеин вышел из пещеры и вскоре вернулся. — Закройте глаза, — приказал он людям. — Иван, не удивляйся ничему, что будет происходить сейчас, и не пытайся сопротивляться. Это единственный способ вернуть вас назад отсюда.

Иван почувствовал, что он более не хозяин ни своим мыслям, ни своему телу. Все, что произошло с ним здесь ранее, начало происходить в обратном направлении, все до мелочей: мысли, движения, чувства. Ощущение было необыкновенное, будто бы он — это не он, а кто-то другой, и только где-то в самой глубине сознания осталось ощущение реальности своего собственного существования. Наконец они обнаружили себя в церкви. Рядом с Иваном стоял Аллеин. На глазах у всех он растворился в воздухе.

Первым очнулся Иван. Потом вскочил на ноги Александр. Он ошалело посмотрел на Ивана и бросился к двери. Дверь открывалась вовнутрь, он же упорно толкал ее, безуспешно стараясь открыть. Иван подошел к нему, взял за плечи и отвел в сторону. Александр попытался вырваться, но Иван держал его крепко. Он приказал:

— Посиди, успокойся. Тебе сейчас нельзя выходить на Улицу: попадешь под автомобиль или еще чего.

Владимир сидел на своем месте, тряс головой и тер себе Уши. Иван обратился к нему:

• — Владимир, ты в порядке?

Тот, услышав, что к нему обращаются, перестал мотать головой, посмотрел на Ивана какими-то бешеными глазами и сказал:

— Что ты с нами сделал?

— Я показал вам воскресение Христа. Вы видели только что, как это было на самом деле.

— И я видел здесь того же ангела, что и там, в склепе?

— Да, — ответил Иван. — Оказывается, Аллеин — парень не простой. Что ж, это даже неплохо, — сказал Иван как бы про себя.

— Это было видение. Как тебе это удалось? — Владимир схватил себя за голову. — Я ведь чувствовал запах, осязал камни, это было, как настоящая реальность. Это и была настоящая реальность. Мы что, были там во плоти?

— Да, — ответил Иван. — Такое возможно.

— А здесь нас не было?

— Здесь были наши тела.

— А там другие тела?

— Нет, не другие, тоже наши. Но сознание наше, скажем так, было там — это точно.

— Эй, парень, — криво усмехнулся Владимир и пригрозил Ивану пальцем, — не шути с этим. Если тебе удастся так владеть человеческой психикой, это еще не значит, что ты имеешь право богохульствовать.

Иван пожал плечами и ответил:

— По-моему, сбылась давнишняя мечта человечества. Двое его представителей, я не в счет, обо мне разговор особый, получили возможность убедиться в истинности того, о чем уже без малого две тысячи лет идут споры да разговоры, а вы недовольны, да еще и обвиняете меня в богохульстве. Как же так?

Александр, который все это время неподвижно сидел, глядя на противоположную стену, вдруг вскочил и закричал:

— Ты — Сатана! — и уставил на Ивана свой указующий перст.

— Успокойся, Александр, — сказал, обращаясь к нему, Владимир.

— Сатана!! — с визгом в голосе закричал Александр и стал трясти кулаками. Иван понял, что Александр, по-видимому, сошел с ума и что он сейчас бросится на него. Ноги у Александра дрожали, руки тряслись, изо рта потекла слюна.

«Эге, вот он и первый результат приобщения человека к истинному знанию, — подумал Иван. — Надо действовать немедленно, иначе он все испортит». Он повернулся лицом к Александру и сказал:

— Сядь на место, успокойся и забудь все, что ты видел, этой комнате. Теперь встань, иди на улицу и там ожидай Владимира.

Слово «Лийил» в начале и в конце Иван произнес шепотом, так, чтобы никто не слышал.

Александр тут же безропотно подчинился. Когда он^вшел из комнаты, Владимир сказал:

— А, так ты просто гипнотизер.

— Психика твоего товарища не выдержала, я был вынужден вмешаться. Ему действительно лучше всего идти в монастырь и жить там в кругу привычных для него образов и мыслей. Действительно, он не в силах воспринимать что-то новое.

— Чьею властью ты творишь все это, если это не простой гипноз? Уж не Сатана ли твой покровитель?

— Подумай, Владимир, как мог Сатана послать нас всех смотреть воскресение Христа. Возможно ли это?!

— Кто же ты тогда?

— Человек, такой же, как и ты. Кто же еще.

Владимир покачал головой.

— Я пришел к тебе спросить совета. Мне все, казалось, было ясно, осталось сделать последний шаг и определить всю свою жизнь до конца. Теперь я не знаю, что мне делать. Христос воскрес на моих глазах, но я и раньше в этом никогда не сомневался. Зато теперь есть человек, который может показать это величайшее таинство запросто. И этот человек что-то знает, что никому из нас неизвестно. Значит, все мы в чем-то заблуждаемся. Так ведь?

— Да, именно так.

— Могу ли узнать — в чем?

— В определении предела возможностей человеческого разума. Вот в чем. Истина в том, что нет ему пределов. Бог их не установил. Тот, кто говорит, что между разумом и верой нет противоречия, прав. Для меня их — нет. И в этом ты смог убедиться. Что с того, что Христос воскрес? Что из этого следует? Этот факт не может меня остановить.

— Я не понимаю вас, — прошептал Владимир.

• — На сегодня хватит, Владимир. До свидания, — решительно сказал Иван и вышел из церкви.

— Как хочется спать, Сергей. Боже мой, как хочется спать, — сказал Иван, устраиваясь на заднем сиденье. И буквально через полминуты Сергей услышал его сонное дыхание. Иван проспал всю дорогу, и Сергей его с трудом разбудил, когда машина остановилась у Иванова подъезда.

Придя домой, Иван упал на матрац и снова уснул. Он спал на спине, раскинув руки в стороны. Ему снился очень яркий и красочный сон: будто он идет по длинной анфиладе комнат какого-то старинного дворца. Эти комнаты со стенами, украшенными резным камнем и фресками, шли чередой и все были похожи друг на друга. И из огромных во всю стену окон без переплетов с большой высоты было видно бесконечное ярко-синее море. Видимо, галерея, по которой шел Иван, расположена очень высоко над морем. Этот ослепительно яркий сон снился Ивану не в первый раз и уже стал частью его жизни. Иван никогда не видел моря и тем более дворцов, построенных в подобном стиле. Этот сон был из тех, что воспринимаются человеком как реальность, а не как смутное воспоминание или навязчивый бред. Сны бывают разные и природа их совершенно разная, этот сон был сродни переселению душ.

Ивана разбудил телефонный звонок. Телефон звонил уже несколько раз, предыдущих звонков Иван не слышал. Иван поднялся и пошел к телефону, но опоздал.

Чувствовал Иван себя прекрасно. Голова была ясной, хотелось что-то делать, осталось разобраться, чего же все-таки хотелось. «Сидеть здесь и чего-то ждать? Пойти к Наташе? Нет», — сказал Иван себе, как отрезал. Хотелось действовать. Иван буквально сдерживал себя. Это ощущение было Ивану очень знакомо. Все своеобразие ситуации заключалось в том, что ранее он всегда знал, что ему делать. А теперь?

Иван стал звонить Сергею:

— Сергей, могу я из всего богатства, которое на нас свалилось, получить что-нибудь наличными?

Сергей засмеялся:

— Можешь, конечно. Сейчас пришлю за тобой машину. Выходи на улицу.

В подъезде Ивану встретила тетя Оля. Иван искренне обрадовался, увидев ее.

— Здравствуйте, как поживаете, как Егорыч? — спросил Иван.

Пожилая женщина посмотрела на него печальными усталыми глазами и сказала:

— Умер Егорыч, неделю назад похоронили.

— Как умер, от чего?

— А кто его знает, от чего. Врачи говорят, от сердца. Полежал две недели и умер.

Она взглянула на Ивана, как бы ожидая вопроса. Но Иван ничего не спросил. Он извинился, неловко выразил сочувствие случившемуся и пошел вниз по лестнице.

Когда он вышел из подъезда, Ивана ждал знакомый автомобиль. За рулем на этот раз был Миша.

— Привет, Михаил. Как жизнь? — спросил Иван.

— Спасибо, хорошо, — ответил Миша, улыбаясь. — Только забот многовато навалилось.

— А что такое? Какие у нас с тобой могут быть заботы? Живи себе да радуйся.

— У меня завтра свадьба, Иван.

— Да ты что?! Ну что ж, поздравляю.

Миша полез в карман и достал бланк приглашения.

— Приходи. Приходи вместе с Наташей.

Иван внимательно посмотрел на приглашение.

— Народу будет немного. Тебя и Наташу я бы очень рад был видеть.

— Спасибо за приглашение. Я приду обязательно, — сказал Иван.

Машина плавно тронулась с места и вскоре остановилась у дома, в котором жил Сергей. Всю дорогу Иван молчал, он думал о Наташе, точнее о том, что он ей скажет, когда они встретятся, и как с ней лучше встретиться.

Сергей встречал Ивана у крыльца своего дома. По всему было видно, что он был в прекрасном настроении.

— Ну как, выспался? С возвращением. Очень рад тебя приветствовать у своего дома.

Иван, в свою очередь, улыбнулся и, поддержав тон, заданный Сергеем, ответил:

— Спасибо за теплые слова. Выспался и готов начать новую жизнь.

— Прекрасно. Прошу в мой дом, — Сергей слегка подчеркнул слово «мой», потому что он уже успел выкупить его, и теперь мысль о том, что дом снова принадлежит ему, приятно согревала его. Он невольно возвращался к ней при первом же удобном случае. — Пойдем в кабинет, поговорим. Потом будем обедать.

Они поднялись в кабинет, и Сергей первым делом отключил телефон.

— Хочешь выпить?

• — Можно немножко.

Сергей налил коньяк.

— Ну что, дружище, напутешествовался? Какие у тебя теперь планы? Будешь отдыхать?

Иван отпил из бокала, немного подумал и, взглянув Сергею в глаза, ответил:

— Ты знаешь, все как раз наоборот. Буду работать

— • Так. Ну что ж, давай тогда я расскажу тебе, чем кончилась наша эпопея с банковской системой и немного о своих планах. Введу тебя в курс дела, так сказать. Систему тогда удалось продать. Все работает прекрасно. Заключили еще несколько договоров. Работы очень много. Удалось собрать хороший коллектив. Короче говоря, работа идет полным ходом, дело быстро расширяется. Всем этим занимается фирма, совладельцем которой ты являешься. Кстати, тебе необходимо расписаться в учредительных документах. — Сергей достал из сейфа документы и подал Ивану. — Смотри и расписывайся.

Иван быстро проглядел документы и спросил:

— Это что, обязательно?

— А что ты имеешь против?

— Видишь ли, работа в фирме вообще не входит в мои планы.

Сергей помолчал немного и сказал:

— Расписывайся.

— Но я ведь, скорее всего, не буду больше заниматься разработкой программ, Сергей.

— Расписывайся. Этот документ есть подтверждение твоего авторского права. К тому же назад дороги нет. То есть, работать или не работать — это твое дело, никак не связанное с учреждением нашей фирмы.

— Хорошо, пожалуйста. — Иван подписался в учредительных документах.

— Теперь я должен отдать тебе деньги в счет ожидаемой прибыли. Тебе, так сказать, причитается пятьдесят миллионов.

Говоря это, Сергей внимательно следил за реакцией Ивана. Никакой реакции не последовало.

Сергей достал из письменного стола несколько листов бумаги и положил их перед Иваном. Это были факсимиле, посланные из США. Иван быстро прочитал их. В них были настоятельные приглашения приехать в США для установления контактов.

— Они боятся, что тебя перехватят их конкуренты, — пояснил Сергей. — То, что мы сами что-то можем сделать для мирового рынка, они, конечно, не боятся, да это и дей-

ствительно сейчас — утопия. Но то, что на тебя скоро нае^сЛУ^т их конкуренты, это реальность. И они это понимают, т-у, мой дорогой, воистину стал дорогим. О тебе уже знают те, кому положено об этом знать, и за тобой будут охотиться. Поэтому надо действовать. В покое тебя, а значит и меня, не оставят.

— Кто не оставит?

— Фирмы, которые занимаются разработкой программного обеспечения. А может, и еще какие-нибудь. Например, чисто военные ведомства. В том числе и наше, отечественное. Я думаю, и до них рано или поздно дойдет то, что есть в России человек, который в одиночку совершил чудо.

— Я поеду в Америку, — ответил Иван. «Я поеду туда, потому что если и есть где-нибудь нужный компьютер, то только там», — подумал он.

Людмила, жена Сергея, смотрела телевизор. Увидев спускающихся по лестнице мужчин, она встала, улыбнулась и пошла им навстречу. Невысокого роста, очень стройная, с короткой стрижкой, что ей очень идет, черными волосами, большими красивыми глазами. «Какая спокойная женщина», — подумал Иван. Людмила тоже изучала Ивана. «Какой интересный мужчина этот Иван. Не случайно Наталья из-за него с ума сходит, — подумала Людмила. — Он из тех, кто овладевает душой быстро и надолго — настолько, насколько сам того захочет».

— Извини нас, Люда. Наш разговор несколько затянулся, — сказал Сергей.

— Ничего, я не скучала, пока вы разговаривали, смотрела интересную, нет — очень интересную передачу.

— И о чем же была эта очень интересная передача? — спросил Сергей, усаживаясь за стол.

— Психолог беседовал с детьми, со многими детьми, — с целью выяснить, любят ли дети своих родителей и за что. Хотя, конечно, любят ни за что, это ясно, но вопрос ставился именно так.

• — И что же выяснилось? — Сергей откупорил бутылку красного вина. — Иван, будешь? — Иван кивнул головой.

— Выяснилось, что все дети младше пяти лет искренне любят своих родителей за то, что они хорошие и добрые, то есть ни за что. А потом начинается дифференциация. Дети ищут объяснения, почему они любят, — и не находят. Подростки же весьма критичны. Одна девочка сказала, что

ее отец пьяница, за это она отца ненавидит, но она его все равно любит. Вот так-то.

— И какой ты из этого сделала вывод? — спросил Сергей, разливая вино.

— Наши дети нас любят, слава Богу, просто так, так же, как и мы их. Психолог делает вывод, что это чувство генетически заложено.

Все это время Иван, не отводя взгляда, смотрел на Людмилу.

«Женщина и ее дети — это понятно, отношения продолжения рода. Но зачем Бог заложил любовь к Нему в нас? Или, точнее, в некоторых из нас, только в тех, у которых есть душа. Неужели не мог ограничиться простыми априорными чувствами — справедливости, отзывчивости и другими, необходимыми для организации общества. Заложил любовь к себе, чтобы хоть что-то было абсолютно? Чтобы дать нам возможность оставаться детьми? Спасибо. Эта забота искренняя, хоть Тебе лично от нашей любви не тепло и не холодно. Это по-отечески бескорыстно. И мне это непременно надо сделать. Заложить любовь к себе — всем».

Людмила думала: «Что это он на меня так смотрит, будто забирается в самую глубину души? И взгляд не отвести. А взгляд-то и не злой, и не добрый, а изучающий, будто и невидящий, а проникающий какой-то. Он меня изучает, наверное. Почему и зачем?» Наконец взгляд Ивана изменился, стал более сосредоточенным, точнее, теперь со стороны было видно, что он смотрит не сквозь Людмилу, а на нее.

— Люда, мы с Иваном в ближайшее время, может, и через неделю, поедем в США.

— Надолго? — спросила Людмила.

— Не знаю точно, думаю, дней на пять.

Завязалась обычная беседа. Присидев за столом около часа, Иван взял с собой две пачки денег — столько вошло в карман — и стал прощаться.

— Когда увидимся? — спросил Сергей.

— Ты будешь завтра на свадьбе у Михаила?

— Да.

— Заедь за мной, пожалуйста, — попросил Иван.

Попрошавшись с Людмилой, Иван вышел из дома Сергея и пешком направился к себе.

— Ну, как тебе мой компаньон? — спросил Сергей У Людмилы, после того как они вернулись в дом. Людмила

покачала головой и, как бы в задумчивости, тихо ответила:

— Не знаю. Можно думать о нем что угодно.

4

Иван доехал на автобусе до центра города и, постояв несколько минут на остановке в раздумьи, чем бы ему заняться, пошел к реке, в направлении Наташиного дома. Голова слегка кружилась от выпитого, желудок был непривычно полон, в кармане лежало столько денег, сколько Иван никогда и не видел. Под ногами едва слышно поскрипывал пушистый, только что выпавший снежок. Было очень тихо, и снегопад продолжался. Снег ложился на ветки деревьев, украшая их хрупкими узорчатыми россыпями снежных кристаллов.

Иван подошел к Наташиному подъезду, постоял немного на крыльце, даже взялся за дверную ручку, но смелости открыть дверь не хватило. Он как-то нерешительно повернулся и быстро пошел прочь. «То ли не время, то ли совесть не позволяет? Только это будет против моей воли», — такое заключение о причинах своего странного поведения сделал Иван.

Риикрой посмотрел на Аллеина и пожал плечами.

«Он, наверное, боится, что Наташа столкнет его с избранного пути», — подумал Аллеин.

Иван бесцельно ходил по пустынным улицам города, вглядываясь в лица редких прохожих. Домой идти не хотелось, потому что там было нечего делать. Он блуждал по городу долго. Уже стемнело, а он все ходил и ходил, обходя весь городок вдоль и поперек. Когда-то, во время Учебы в университете, Иван довольно часто устраивал такие длительные, бесцельные прогулки в одиночестве. Но тогда это был способ спокойно поразмышлять. Он наматывал по городу десятки километров пешком, и ему никогда не было скучно. «Прошло то времечко», — решил Иван, остановившись около дверей пивной.

В зале пивной было полно народу — в основном мужчины, но было и несколько женщин. Иван встал в очередь У стойки. Перед ним стоял невысокий мужчина лет сорока Дешевой, какого-то неопределенного, мрачного цвета

куртке. Он явно нервничал: то отходил, то подходил, то вздыхал, то охал. Наконец, обратившись то ли к Ивану то ли к кому-то еще, то ли просто так — ни к кому, он выругался и сказал:

— Твою мать! Стою уже полчаса — и ни на шаг не продвинулся, вот хамье...

Иван внимательно посмотрел на лицо говорящего: в очках, одно стекло с трещиной, цвет лица серый, в глазах усталость. «Этот мужик, наверное, какой-нибудь маленький начальник в одной из мелких контор, занимающихся, например, ремонтом холодильников». Мужчина тряхнул головой, поправил рукой непричесанные волосы и обратился к Ивану:

— Вы будете стоять?

Иван пожал плечами и ответил:

— Буду, наверное. Я никуда не тороплюсь.

— Пока мы будем стоять, пиво кончится.

— • Да очередь-то вроде и небольшая.

— Если бы они стояли в очереди! Все же лезут без очереди. Посмотрите, что творится!

Иван, до этого не обращавший внимания на посетителей пивной, стал наблюдать, как идет очередь. Действительно, очередь не двигалась. К благословенному источнику пива, у которого стояла женщина неопределенного возраста с крашеными волосами и синюшным лицом, постоянно подходили личности, похожие друг на друга тем, что у всех у них на лице была написана непреклонная решимость прорваться к стойке без очереди. По степени этой уверенности в своих силах и выстраивалась реальная очередь.

«Неужели им кажется, что, обойдя пятерых, стоящих в очереди, они сэкономят много времени? В чем причина такого экстремизма? — думал Иван. — И, тем не менее, похоже, что я здесь простою до закрытия и умру от жажды, прежде чем дойдет моя очередь».

— А что, есть закон, предписывающий посетителям пивной получать пиво в порядке очереди? — спросил Иван у соседа. Тот удивленно посмотрел на Ивана снизу вверх и ответил:

— А что, для этого нужен закон, что ли?

— Конечно, нужен. Для таких, как эти, — Иван с презрением кивнул на толкающихся у стойки мужчин, — обязательно.

— Зачем?!

— А как же. Ведь каждый хочет пива. А здесь, как я вижу, пива не хватает.

• — Ну, ты даешь... — чертыхнулся сосед и покачал головой, — этак ведь можно из-за кружки пива голову другу другу снести. Так ведь по-твоему получается.

Тут толстый, потный мужчина, страдающий одышкой, стоявший следом за Иваном, сказал:

— Ты говоришь, закон нужен. Есть такой закон. Называется — правила торговли. По этим правилам продавец обязан отпускать товар строго в порядке очереди.

— Значит, такие правила все же есть? — удивился Иван. — Тогда — другое дело. Значит, это продавец обязан обеспечивать порядок у прилавка. Ну что ж, давай поинтересуемся, почему же она его не обеспечивает? Не из любви ли к этим пьяницам? — обратился Иван к соседу впереди. Тот хмыкнул и с издевкой кивнул головой.

— Поинтересуйся, поинтересуйся, она тебе объяснит... Иван, не дослушав реплику соседа, пошел к стойке. Аккуратно, чтобы никого не толкнуть, протиснувшись сбоку вдоль стойки, он обратился к продавщице:

— Мадам, мне пятьсот кружек пива.

— Сколько? Нажрут, а потом плетут, что попало, — сказала продавщица. — Иди давай отсюда.

— Эй, мужик, — хриплым, не терпящим возражений голосом обратился к нему высокий парень с тупым, жестоким выражением лица, — двигай отсюда, а то я тебя сейчас вышвырну. Козел... — добавил он, очевидно нарываясь на драку. Иван глянул на этого парня, а потом опять обратился к продавщице:

— Мне пятьсот кружек пива, пожалуйста. И без очереди, очередь буду устанавливать я сам.

— Осталось литров сто, не больше, — сказала продавщица, как бы начиная раздумывать: что же это за парень и чего ему надо.

— Хорошо, покупаю. Тебе, мамаша, десять процентов от стоимости — на чай, — Иван бросил продавщице пачку с деньгами, — отсчитывай. — Потом он неожиданно для всех перемахнул через стойку и очутился рядом с продавщицей. — Отодвинься-ка, уважаемая, свое пиво я буду отпущать сам.

— Эй ты, баран яйцеголовый... — заорали пьяные мужики, и в том же духе — кто во что горазд. Иван поднял над головой две пустые кружки и стал стучать ими, при этом он не очень громко повторял, улыбаясь широкой

улыбкой и как бы не слыша всю ту ругань, которая была на него направлена и ему посвящена:

— Внимание, прошу внимания...

Наконец минуты через три Иван добился относительной тишины. Все присутствующие в зале встали со своих мест и приготовились слушать, что же он скажет. Иван впервые в жизни почувствовал напряженное внимание такого количества людей, обращенное к нему. Он поднял руку и сказал:

— Итак, я купил все пиво, что в этом баке, — Иван выразительно ударил кулаком по стойке, — оно мое, что хочу с ним, то и делаю. — Стало абсолютно тихо. — Я, пожалуй, выпью с литр, ну, может, полтора, не очень-то я люблю пиво, — он отхлебнул немного из кружки, — да и пиво не ахти какое, кисловатое, по-моему. Ну да это неважно. Короче говоря, так: выстраивайтесь в очередь. Те мужики, которые стоят по левую руку от меня, которых оттеснили в последние, — будут первыми, остальные становятся в очередь без толкотни. Кто согласен, тот получит пиво бесплатно, как подарок от меня, кто не согласен — с тем готов выяснять отношения.

Иван положил свои здоровенные кулаки на стойку и сделал жесткие глаза. Он обвел стоящих вокруг взглядом.

— Мужики, давай отмолотим его и перо в задницу воткнем, чтоб не выступал, — громко сказал двум своим крутым соратникам высокий парень — лидер неформальной очереди. Воспользовавшись возникшим замешательством, группа «законных очередников», сконцентрировав свои усилия, прорвалась сбоку к стойке. Иван, увидев, что пяред ним «законники», начал быстро наливать пиво в кружки. Ему подавали деньги, но он их не брал.

— Денег не беру! — громко сказал он. — Подходи по очереди и получай законное пиво по одной кружке в руку — бесплатно!

Начала выстраиваться очередь, и только те трое, которые наиболее ярко олицетворяли собой грубую силу и беззаконие, отошли в сторону и о чем-то переговаривались. Судя по отдельным репликам, доносившимся из очереди, Иван понял, что люди думают, что это какой-то розыгрыш и что деньги с них все равно возьмут. Но коль уж наливает так — пусть наливает.

— Ладно, мать, давай работай, — обратился Иван к буфетчице. — Смотри, денег не бери. — Буфетчица подала

Цвану сдачу, которую он, не считая, сунул в боковой кардан брюк, и ничего не говоря встала к стойке.

«Ну что ж, порядок наведен. Все оказалось так просто, — подумал Иван. — Тот, кто писал Священное писание, конечно же, руководствовался своим жизненным опытом. Для них — кто за стойкой, тот и Бог, лишь бы стойка была повыше». Иван взял две свои кружки и направился к свободному столику в углу зала. Обрывки засаленной бумаги, рыбы потроха, разлитое пиво — все было на этом столе. Сев так, чтобы видеть весь зал, Иван начал пить пиво, понемногу отхлебывая из кружки.

Люди в зале громко разговаривали, смеялись и пили, пили, пили пиво, закусывая вонючей рыбой. Почти все были изрядно пьяны. Иван не нашел в зале ни одного приветливого, доброго лица. Глаза людей выражали страсть, раздражение, азарт, тупость — что угодно, в том же духе. «Какая приятная здесь компания собралась для получения удовольствия. Мерзковатое зрелище». Иван почувствовал, что его начинает раздражать вид этой шумной компании. Он на миг представил, как бы выглядела вся эта публика, если бы они сидели в зале без одежды, а еще лучше — без кожи. «Бурдюки с пивом, мочой и г....м, а сверху по щепотке мозгов».

Толкотни у стойки больше не было. Очередь двигалась быстро. Народ обсуждал поступок странного человека, ожидая, что же будет дальше. Иван заметил, что несколько человек, быстро выпив свое пиво, тут же удалились из пивной. «Убежали, чтобы не платить», — решил Иван. Некоторые становились в очередь по второму разу. «Самые догадливые и предприимчивые — поняли, что я действительно не возьму денег». Тут к нему подошел тот мужчина, с которым он стоял в очереди, и положил перед ним деньги:

— Спасибо, здорово ты их умыл, только деньги тебе вернут разве что наполовину, тут ты, конечно, махнул, — сказал он, присаживаясь рядом.

— Итак, в этом зале всякий испивший пива — мой должник, — ответил Иван. — Слушай, а не купить ли мне еще и хлеб, и селедку?

— Да ты что?! — воскликнул тот.

Иван встал и пошел к буфетчице с намерением заплатить ей за весь хлеб и селедку, которая была приготовлена для продажи. Та уже больше ничему не удивлялась. Она

решила, что это один из заезжих бандитов решил позабавиться и что лучше с ним не связываться. Иван, расплатившись, вернулся на место и сел. Буфетчица громко объявила, что хлеб и селедка тоже раздаются бесплатно в порядке очереди. Пивная загудела низкими мужскими голосами. Все смотрели на Ивана. Никогда еще в жизни Иван никаким своим поступком не привлекал к себе такого внимания общества. «Смотри-ка, как немного надо, чтобы стать знаменитым», — с удовлетворением и смехом подумал он. Он встал и сказал:

— Господа, ешьте мой хлеб, пейте мое пиво, я не думаю, что кто-либо из вас огорчен происходящим. Прошу только соблюдать в пивной пристойный порядок: не драться, не лезть к стойке без очереди, не приставать к чужим женщинам, короче говоря, вести себя прилично и друг к другу уважительно. — Сказав это, Иван сел. Тут встал Иванов оппонент — высокий, жилистый и толстошей, из той крутой компании. Он был явно возбужден и настроен очень агрессивно, глаза у него сверкали, кулаки сжимались, по всему было видно, что он готов раздавить Ивана, уничтожить его.

— Слушай, тебе три секунды, чтобы убраться отсюда. — Говорящего захлестнула ярость, и голос его сорвался. Он треснул кулаком по столу и повторил: — Три секунды...

— Тот, кто будет в этой пивной нарушать установленный мною порядок, будет наказываться отлучением от пива и хлеба, — сказал Иван со смехом. В зале воцарилось гробовое молчание. — Короче говоря, так: сегодня порядки здесь устанавливаю я. Осквернившие своим присутствием это благословенное помещение должны его покинуть.

Все поняли, что сила, непонятно какая и откуда взявшаяся, сегодня за Иваном. Высокий, тоже поняв, что сейчас его никто не поддержит, сел. Иван стал допивать пиво. В пивной царили порядок и спокойствие. Народ степенно пил пиво, обсуждая увиденное и услышанное. Те, кто выходил, Иван это отметил, — буквально все, аккуратно складывали деньги в ящик, который кто-то поставил рядом с выходом из зала пивной. Иван допил свое пиво, кивнул головой соседу:

— Ну ладно, по-моему, все получилось неплохо. До свидания.

— До свидания. Ты наш, городской?

• — Я-то? Да, да, я ваш, городской, — Иван направился к выходу, остановился у ящика, собрал деньги, засунул в карман пачку купюр и вышел.

5

Утром Иван обошел магазины и купил множество нужных в хозяйстве вещей: утюг, мыло, бритвенный прибор и так далее. Чтобы купить все необходимое, пришлось ходить три раза.

Аллеин не узнавал Ивана. С тех пор, как Иван вернулся из своего путешествия, он сильно внутренне изменился. Раньше его голова была постоянно занята работой. Он всегда о чем-нибудь напряженно думал. Днем и ночью и даже во сне — этим он очень удивил Аллеина. Теперь же он почти ни о чем не думал, во всяком случае, он не анализировал, что и зачем он делает. Это было тем более удивительно, что, казалось бы, теперь-то и надо поразмышлять о своей будущей судьбе и о том, что и как надо делать, имея такую свободу и такую власть. Иван же теперь или действовал, или говорил, а для него и слова теперь, по сути, превратились в действия.

Пора было собираться на свадьбу. Иван купил себе кое-что из одежды. Он стал примерять купленные вещи. Все было вполне прилично: и новые брюки, и пиджак, и рубашка, даже галстук не вызвал у Ивана сомнений. После примерки Иван пошел в ванную. Он побрился и стал внимательно разглядывать себя в зеркале. «Человек как человек, ничего особенного», — решил он, глядя на себя. Потом он долго сидел в ванне. Разомлев в горячей воде, Иван задремал. Разбудил его телефонный звонок. «Наверное, Сергей», — подумал Иван. Он быстро помылся и, выйдя из ванной, сразу позвонил Сергею.

— Сергей, это не ты ли сейчас звонил? — спросил Иван.

— Я звонил. Ты готов?

— Через пять минут буду готов, — ответил Иван.

— Через пятнадцать минут подъеду, выходи, — сказал Сергей и, ничего более не добавив, положил трубку. Иван быстро оделся и вышел из дома.

Через несколько минут подъехал автомобиль. Иван Подошел к задней левой двери, открыл ее, нагнулся, что-

бы сесть, и замер. На заднем сиденье справа сидела Наташа. Она была совершенно спокойной, но не равнодушно-спокойной, а внимательно-спокойной.

— Здравствуй, Иван,— сказала Наташа.

— Здравствуй, Наташа,— ответил Иван и упал на сиденье.

— А со мной чего не здороваешься? — спросил Сергей, поворачиваясь к Ивану. Иван ничего не ответил на это.— С тобой все ясно,— сказал Сергей серьезным голосом.— Обалдел от радости, увидев Наташу, не иначе.— Иван продолжал молчать.

— Сколько дней меня не было, Наташа? — спросил Иван, как бы очнувшись.

— Двадцать два,— ответила она.

— У меня еще есть восемнадцать.

— Не надо, Иван, объясняться сейчас, я понимаю, что тебе это трудно сделать вот так сразу, потом все расскажешь, если захочешь

— • Завтра вылетаем в Москву. Так что сегодня желательно не напиваться и не ругаться. Вперед, поехали,— сказал Сергей.

Машина тронулась с места. Ехать пришлось около часа, потому что свадьба была в соседнем городе, там жили родители невесты. Иван молчал всю дорогу. Наташа тоже молчала. Молчал и Сергей.

6

Автомобиль въехал в город и, немного попетляв по его узким заснеженным деревенским по своему облику улочкам, остановился у здания, где было кафе. Там и был накрыт свадебный стол.

Когда Наташа, Иван и Сергей вошли в зал, веселье было уже в разгаре. За столом была в основном молодежь, человек двадцать пять — тридцать, было и несколько человек старшего возраста, наверное, родственники. Очевидно, что большинство гостей были уже изрядно навеселе. Сергей, взяв на себя обязанность извиняться за опоздание и произносить поздравление, дарил подарки, целовал невесту в щечку, жал Мише руку. Подарок был, по мнению гостей, очень дорогой — хороший японский телевизор. Опоздав-

ше были приняты на ура, без лишних вопросов и замечаний и посажены на почетное место недалеко от молодых, — тут Наташа заметила некоторое замешательство. Она сразу догадалась, в чем дело. А дело было в том, что уже успели выпить все шампанское, да и хорошего вина, похоже, не осталось. На столе стояла только водка. Точнее, это была даже и не водка, а разведенный спирт. Миша рыскал глазами по столу, в надежде найти хоть что-нибудь приличное, но ничего приличного из напитков найти так и не удалось: все уже успели выпить.

— Иван,— обратилась Наташа к Ивану, который сел слева от нее,— у них нет вина, скажи Мише, пусть наливают вам водку, а мне не обязательно.

— Э-эх, вот это я маху дал,— тихо сказал Сергей, повернувшись к Ивану.— Конечно же, надо было приезжать со своим приданым. Откуда в этом городке чего купишь.

Сергей посмотрел на Мишу, и ему стало жалко его, он его таким растерянным еще не видел. «Бедный Мишка, тьфу ты, Господи, надо же так. Ну чего ж он так волнуется»,— думала Наташа, наблюдая за Мишей. Иван сидел, тупо глядя в свою тарелку.

Свадьба быстро теряла обороты. Было очевидно, что вновь пришедшие не вписались в коллектив, они были не те, не из того теста, и даже пить-то, как все нормальные люди, не могут. Это настроение овладело гостями.

— Сергей, сделай что-нибудь или скажи — ты же можешь, я знаю,— прошептала Наташа Сергею на ухо.— Мне Мишку жалко, посмотри, он, бедный, совсем растерялся. Не будем портить вечер.

Сергей пожал плечами.

— Лийил, у них нет вина, так пусть оно у них будет, Лийил,— тихо сказал Иван.

Наташа улыбнулась своей ослепительной улыбкой, объявляющей всему свету, что обладательница улыбки всех любит и просит, чтобы и ее любили, и сказала:

— Миша, кто у вас разливает? Налейте-ка мне чего-нибудь. Ну не воды, конечно, я хочу сказать тост.

Спирт был налит в пол-литровые бутылки из-под лимонада. Сидевший напротив пожилой мужчина, звякнув висевшими на его пиджаке медалями, привстал, налил Наташе из бутылки и, кивнув головой в знак одобрения, сказал:

— Вот молодец, девушка, скажи-ка что-нибудь молодцы, а то задержались все, как нерусские, прости Господи.

Наташа пригубила бокал. «Вино. В бокале первоклассное вино», — подумала Наташа. Она встала, обвела взглядом всех присутствующих, слегка задержала взгляд на родителях жениха и невесты и, улыбнувшись им отдельной улыбкой, стала говорить:

— Миша, Ирина, живите долго, живите дружно, любите друг друга, любите своих детей, своих родителей, пусть у вас будет время и возможность уделять внимание друзьям. Желаю вам, чтобы в вашей жизни было все то хорошее, что положено получить в жизни хорошим людям. Горько! — И Наташа медленно выпила налитое в бокал вино. Гости с изумлением смотрели, как она пьет. Все внимательно следили за ней и видели, что ей налили из бутылки, в которой был спирт. «Так спирт не пьют...» Народ начал пить то, что было в рюмках, и все убедились, что это не спирт, а кислотоватое сухое вино.

— О... чего это такое?! — не скрывая своего крайнего удивления, обратился к соседям подвыпивший Мишин свидетель. — Вино, что ли?

— В бутылках-то вино сухое, ребята! — провозгласил еще один голос, принадлежащий невысокому квадратному парню в белой рубашке с галстуком-бабочкой. — Куда делась водка? Вот чудеса! Миша, когда ты подменил водку на это? Давай ее назад, а то сейчас вынесем тебе недоверие. — Он засмеялся напряженным смехом, стараясь придать своему требованию оттенок шутки. Но Ивану было видно, что народ явно недоволен тем, что вместо спирта в бутылках оказалось превосходное сухое вино. «Эх, зря я весь спирт переделал, надо было ограничиться только Наташиной бутылкой», — подумал Иван. — Нет, надо отыграть назад, пока они толком не распробовали вино», — решил он. Через мгновение во всех бутылках вновь был спирт. Мишка, окончательно обалдевший от всего произошедшего, бросился пробовать, что же все-таки было в бутылках, и, пригубив рюмку, сказал:

— Да вы что! Кончайте! Спирт это. Он, родимый.

Гости, убедившись в том, что в бутылках вновь их привычный напиток, быстро успокоились, и веселье продолжилось.

Иван почти не пил. Он просто не мог, потому что рядом сидела Наташа и у него кружилась голова, только не от вина, а от каждого ее невольного прикосновения. Он бы в любой момент готов был уйти, но это было неприлично, и приходилось терпеть. Когда все пошли танцевать,

Иван не пошел, он сидел на своем месте, подперев руками голову. Танцевать ему совершенно не хотелось и вообще ничего не хотелось, кроме того, чтобы уйти вместе с Наташей отсюда. Он не заметил, как к нему подсел тот мужчина с орденами, что сидел напротив Наташи.

— Что не танцуешь, Иван?

— А, что? — очнулся Иван.

— Наташа — твоя жена или так — подруга? Ты уж извини меня, старика, за нескромный вопрос. Уж больно красивая женщина. Сказка, а не женщина.

— Наташа — моя... — Иван замялся, подбирая слово. — Наташа — моя невеста.

Сосед сделал выразительный жест, показывающий понимание и одобрительное восхищение этим фактом, и сказал:

— Ты прости меня, я же так интересуюсь, — он вздохнул, — уж больно она красивая. Давай-ка выпьем, Иван. Давай-ка выпьем за вас, чтоб все у вас было хорошо. — Сказав это, старик, а он все-таки был старик, хоть и держался очень бодро, как-то осунулся и будто вмиг потерял с десяток лет. «Он о чем-то вспомнил, наверное, о чем-то очень грустном», — подумал Иван. Иван выпил рюмку и закусил соленым груздем.

— Хорошие груздочки — это невеста солила. Кстати, Иринка — моя внучка. — Старик опять тяжело вздохнул. — Ишь как веселятся, танцуют, дым коромыслом. А у меня, Иван, после одной такой пьянки вся жизнь перекосилась. — Иван взглянул на старика, тот смотрел прямо перед собой остановившимися остекленевшими глазами. — Никогда свою Наташу не оставляй — ни на день, и никому не доверяй, ни друзьям, ни родственникам — никому. Всегда рядом с ней будь. — Казалось, говорящий вообще не обращал внимания, слушает ли его кто. Так оно и было, дед отключился, погрузившись в свои воспоминания. — Когда я пришел с фронта, герой, гвардеец, познакомился с одной девушкой, скажу тебе — красавица была и умница такая, что ты и представить не можешь, ну как Наташа, только росточком поменьше. Поженились мы, жили хорошо. А потом однажды, тоже, кстати, на свадьбе, встретила она с моим фронтовым товарищем. Нет, был он мне не товарищем, а Другом, три года в одном взводе на передовой. И все... Тогда-то я ничего не понял. А... — старик махнул рукой. — Друг^{не} Друг, все побоку, все не в счет. Как у них закрутилось, — конец, ушла от меня Светлана. Не надо их по гулянкам

водить, Иван. Не надо, не уследишь. Глазом не успеешь моргнуть, а она, птичка золотая, и упорхнула. Вот так-то Иван. Я еще раз женился, дети, внуки есть, а ее не могу, н\$ могу забыть.— Старик налил и опять выпил.— И сколько нас таких. Смотри, Иван...

Иван, выслушав внимательно монолог, невольно отыскал взглядом Наташу. Она танцевала с каким-то высоким мужчиной. Иван ничего не ответил старику, да тот, похоже, и не ждал от него ответа. Он с трудом поднялся, опираясь рукой на стол, потом повернулся к Ивану и сказал:

— Любовь эта, Иван, — одно наказание, настоящая беда.

Иван поднялся и, подойдя к старику вплотную, спросил, глядя ему прямо в глаза:

— • Поясните, пожалуйста, прошу вас.

— Вот если бы у тебя отняли возможность жить так, как ты хочешь, но оставили бы: еду, питье, сон, женщину — чтобы не сдох, а так, существовал. То есть попросту посадили бы в тюрьму, пожизненно. Вот что значила для меня моя Светлана. С ней я жил как хотел, радостно, а без нее — отбываю срок. Понял, Иван?

— Понял, — сказал Иван и сел. «Кто бы мне помог ответить на вопрос, как все совместить: и свободу, и счастье, и любовь, и справедливость — для всех, здесь, на Земле? А ведь я собираюсь установить новые правила, как Бог? Хочу знать! — Иван почувствовал, как в нем начали загораться первые огоньки знакомого уже бешенства.— Есть только один субъект, кто в свои объяснения сущего не вводит этот термин „любовь“. Только один — Сатана. Все же остальные в большей или меньшей степени понимают смысл жизни и свободу как любовь, будь она неладна».

Раздумываясь, улыбающаяся Наташа села рядом. Иван внимательно посмотрел на нее.

Внутреннее бешенство, вызванное ощущением беспомощности перед вопросом, который он сам перед собой поставил, разрасталось, пожар захватывал все новые участки Иванова сознания. Он еще мог сдерживать себя, но чувствовал, что еще немного, и он начнет делать что-то такое, что никогда и нигде нельзя делать.

Тут в зал вошли трое в казачьей форме. Зал встретил их с ликованием, видимо, большинство присутствующих было знакомо с пришедшими.

— Ребята, смотрите, какие гости!

Сергей прищурил один глаз и тихо сказал Наташе:

— Ну вот, местные казачки пожаловали. Бравые ребята.

Вошедшие громко разговаривали, смеялись, подмигнули жениху: «Ну что, Мишка,, поздравляем. Только по-м ли: „Жениться не упасть, как бы женатому не пропасть"».

По оценке Сергея, двое из них были мужики не опасные. Но один, тот, у кого был лихой, настоящий казацкий чуб, был явно с апломбом. «Он нацепил лампы и фуражку не ороsto так, а чтоб права свои выколачивать,— думал Сергей.— как бы он здесь в свои права лишнего не включил».

— Сергей, что, и у нас здесь казаки есть, что ли? — спросила Наташа.

— Где есть русская удаль и широта, там есть и казаки. А она не перевелась еще на Руси,— Сергей усмехнулся.

— Предлагаю тост за молодых,— сказал казак, тот, что был с апломбом.— Наполним бокалы до краев и выпьем, чтоб у них все было...— И он, как бы не найдя слов, потряс в воздухе кулаком. Все выпили, только Иван не выпил.

Опорожнив полный стакан разбавленного спирта и крикнув в кулак, казак искоса оценивающим нагловатым взглядом посмотрел на Ивана. Сергей увидел этот взгляд и сразу все понял. «Что за свадьба без драки... Все ясно, этот х..н решил, что порядок в зале будет наводить он,— кому сколько пить и кому себя как вести. Он — главный. Надо уводить Ивана и Наташу, и как можно скорее, тем более, что народ уже созрел „для разврата"».

Заиграла музыка, и чубатый — «Ну конечно, черт его дери!» — воскликнул про себя Сергей,— пошел приглашать на танец Наташу. Сергей тут же встал и подал руку Наташе:

— Наташа, пойдем танцевать.

Наташа удивилась так, что даже не смогла этого скрыть. Сергей пригласил ее танцевать первый раз в жизни. Только она поднялась, подошел казак и сказал:

— Пойдем танцевать, красавица.

Сергей, чуть подавшись вперед и глядя на подошедшего снизу вверх, улыбнулся и сказал:

— Дама уже приглашена.

— Кем? — сделав наглую улыбку, спросил казак.

Тут поднялся Иван и каким-то тихим, не своим голосом сказал:

•— Мной.

•— А это не ты ли не желаешь здоровья молодым? — сквозь зубы выдавил из себя чубатый.— Фраер поганый.

У Ивана поперек лба пролегла глубокая борозда, жилы на шее надулись, лицо страшно побледнело. Наташа, уви-

дев это, бросилась Ивану на грудь, а Сергей рванул за Мишей. Он схватил его за руку и буквально выволок из круга танцующих.

— Уводим Ивана, Михаил, иначе будет поздно.

Миша быстро сообразил, что надо нейтрализовать казака. Он схватил его за руку и торопливо крикнул:

— Петро, ты мне позарез нужен, пошли скорее!

Тот отмахнулся от Миши, давая понять, что хочет очень хочет восстановить справедливость, то есть набить Ивану морду. Но тут подбежала и невеста. Пришлось остановиться.

— Ладно, — прошипел рассвирепевший казак, — еще поговорим попозже.

— Миша, куда можно выйти? — спросила Наташа.

— Наверху в гостинице на всех заказаны номера.

— Пошли, Иван, — прошептала она и повела Ивана за руку.

Иван шел за ней, как автомат. Сергей шел следом за ними, то и дело оглядываясь.

Миша отвел всех в двухспальный номер. Наташа сказала:

— Хорошо, здесь и будем ночевать мы с Иваном.

Только Миша вышел, Иван вдруг часто задышал, закрыл глаза, сжал зубы, с его уст вырвался какой-то странный стон. Он повалился на кровать лицом вниз. Сначала он резко вытянулся во весь свой рост, ударив ногами о спинку кровати, потом сжал голову руками, поджал колени и застонал. Наташа хотела подойти к нему, но Сергей схватил ее за руку и тихо сказал:

— Не трогай его, Наташа. Не надо. Ты ему сейчас ничем не сможешь помочь.

— Что с ним, Сережа? — спросила Наташа испуганным шепотом.

— Не знаю, но я думаю, мы бессильны ему помочь.

7

Когда Иван услышал, что Наташу приглашают танцевать и увидел того, кто ее приглашает, точнее, его наглые, горящие вызовом глаза, он почувствовал, что сил, чтобы держать себя в руках, не осталось.

Иван уже ничего не соображал и ничего не ощущал, кроме ярости. Лица окружающих его людей, казалось, колыхались в раскаленном воздухе, и от всех исходила угроза. Если бы не Наташа, драка была бы неизбежна. Иван видел каким-то сумеречным, боковым зрением, что его привели в гостиничный номер. Он лежал, уткнувшись лицом в одеяло. Сознание понемногу возвращалось к нему. «Что это владеет мной? Я ведь — страшный человек. Если у меня будет власть, какая это будет власть? Лийил владеет образами. Может быть, в них ответ на мой вопрос?» Иван чувствовал, что вспышка ярости еще далеко не прошла и что если он не прибегнет к испытанному уже средству, то может натворить все что угодно. «Лийил. Какие образы живут в моем подсознании? Где их выражение? Чего я на самом деле хочу? Лийил».

Иван обнаружил себя лежащим на песке. Песок был утрамбован, на нем были видны следы человеческих ног. Все это Иван понял за одно мгновение. Он быстро поднял голову и увидел, что лежит на арене цирка, вокруг него были люди: мужчины, женщины, подростки, одетые в одежду, какую, как сообразил Иван, носили в Риме. У людей были искаженные ужасом лица. «Я на арене амфитеатра, — понял Иван. — Зачем он меня сюда забросил? Не было такого уговора!» Внутреннее состояние Ивана — бешенство, граничащее с безумием, не изменилось. Иван вскочил на ноги, оттолкнул налетевшего на него мужчину, да так, что тот упал и чуть не свернул себе шею. И тут Иван понял, в чем дело. На арене были не только люди, но и тигр, который, припав к земле и колотя по ней хвостом, полз к людям, готовясь к прыжку. Толпа, издав вопль ужаса, отшатнулась в противоположную сторону, люди бежали, толкаясь, сбивая друг друга с ног и топча упавших. Иван отскочил в сторону, чтобы его не затоптали, и впервые осмотрелся по сторонам. Он был на арене римского амфитеатра. Арена была не очень велика и мест, где могли сидеть зрители, было немного, видимо, эта арена не предназначалась для народных зрелищ. «Это дворцовая Рена. Ничего не понимаю! Зачем?» — только и успел подумать Иван. Он повернул голову и увидел, что тигр остановился и тоже смотрит в его сторону. Иван медленно раз-^{ве}рнулся лицом к зверю. Тигр разинул красную, кровавую Пасть и зарычал. Все мышцы Ивана напряглись, сухожилия, сдерживая это напряжение, сделались как натянутые канаты. Иван улыбнулся, показав зубы, и тоже тихо зары-

чал, не передразнивая тигра, а потому, что именно так ему хотелось выразить свою готовность к бою. Солнце стояло высоко и слепило Ивана. «Невыгодное положение, надо встать так, чтобы оно слепило тигра». Иван стал поворачиваться на арене боком к солнцу, делая шаги в сторону. И ни на мгновение не отводя глаз от тигра. Тигр понял замысел Ивана и, сделав один прыжок, занял такую позицию, что Иван более не мог двигаться по арене: он бы подставил тигру бок. Теперь они стояли совсем недалеко друг от друга. Иван смотрел в глаза тигру, и тигр, тихо рыча и показывая огромные клыки, смотрел в глаза Ивану. Тот и другой старались по выражению глаз определить момент броска. Тигр понял, что этот человек не боится его, это его удивило, но не значило для тигра ровным счетом ничего, бой был все равно неизбежен. Застывший, отражающий ослепительное солнце взгляд желтых звериных глаз сосредоточился в узких черных щелях зрачков. Из этих щелей-бойниц готовилась выстрелить смерть. Тигр занял позицию для броска, подобрал под себя лапы и мерно бил хвостом по арене, поднимая песчаную пыль. «Черт возьми, как он красив, этот зверь», — подумал Иван. Сердце Ивана билось, как тяжелый молот, виски сдавило будто обручем. «Уж не страх ли это так действует, будто мозги выдавливает». Тигр почему-то медлил. На трибунах громко кричали, тем временем люди, что были на арене, сгрудилась в углу арены, как стадо овец. Но Иван ничего этого не видел и не слышал. Он смотрел в глаза тигру, а тот не отводил взгляд. Ивану стало легче: ощущение безысходного бешенства сменилось радостным чувством, что он опять стал хозяином самому себе. Тигр бросился вперед, раскинув свои мощные лапы, готовый сделать молниеносный удар, который должен превратить этого человека в сплошную кровавую рану. Иван тоже бросился вперед, позже на долю мгновения. Со стороны показалось, что они это сделали одновременно. Иван сделал потрясающий прыжок, вытянув руки вперед, будто прыгал с трамплина в воду. Он старался, чтобы его тело при прыжке не попало в зону, в которой тигр мог его ударить своими огромными когтистыми лапами. И это ему удалось. Он прыгнул выше тигра и ударился ладонями рук о его голову, удар был такой, что Ивану чуть не вывернуло руки. Тело Ивана сделало поворот, и он оказался лежащим на арене рядом с тигром. Это продолжалось только мгновение, но за это мгновение Иван успел обнять тигра за шею обеими рука'

Иван прижался к тигру всем своим телом и ощутил, как мягка тигриная шерсть. Тигр понял, что он промахнулся еще в полете, он взмахнул обеими лапами, пытаясь достать врага, но безуспешно. Приземлившись, тигр тут же отчаянно подпрыгнул, потом повалился набок, выгнувшись, стараясь стряхнуть с себя противника, потом начал отчаянно бить задними лапами и вдруг вытянулся на песке и замер. Иван, собрав все силы, сжал шею тигра и рванул его голову назад, усилие было такое, что Иван, как ему показалось, потерял сознание от напряжения, он чуть не вырвал свое плечо — так было больно. Иван, очевидно, сломал тигру шею, и тот умер сразу, так и не поняв, как его смог убить один из людей, которых он уже успел множество разорвать на этой арене.

Иван продолжал лежать в обнимку с тигром, не в силах разомкнуть свои воистину смертельные объятия. Он услышал рядом с собой голоса. «Кто посмел подойти ко мне, поверженному на землю? Кто это? Как это может быть?» — застучало в висках Ивана. Он вдруг вскочил и ударил что есть силы кулаком в лицо стоящего рядом черноволосого бородатого мужчину. Потом он ударил еще и еще. Ивана охватила воистину безумная ярость. Он набрасывался на людей, окруживших его, как зверь, сбивая их с ног. На трибунах слышались возгласы — сначала удивления, потом восхищения. Ивана кто-то схватил за руки, он почувствовал, что в кожу его впились какими-то металлическими предметами, — это были доспехи римских солдат, они держали его вчетвером: двое за руки, один упал на землю, обхватив ноги, один схватил железной хваткой за шею. Но Иван оставался стоять, его не хотели валить на землю.

— Император приказал дать тебе меч. Если ты убьешь всех этих ублюдков, что на арене, тебе сохранят жизнь и дадут свободу, — сказал Ивану один из солдат.

Иван вряд ли понял, что ему сказали. Но он отчетливо понял, что его рука сжимает меч. Солдаты отскочили в сторону. Иван успел-таки развернуться и два раза ударить мечом ближайшего к нему: один удар пришелся в щит, другой был отбит мечом. Но солдаты быстро отступали, Пятясь назад к воротам. Иван начал было их преследовать, но они скрылись в воротах, что были в стене арены, не Риняв бой.

Иваном полностью владело только одно чувство — ненависть к людям, ко всему, что есть человек во всех его

внешних проявлениях, он будто бы взял ее от только что убитого им тигра. Взгляд, голос, запах, сам вид человека были ему ненавистны. Иван рванулся к сбившимся в плотную массу людям — тем, что были на арене. И блеск их глаз, жалобные вопли, проклятия — все слилось в один сплошной крик и в одно впечатление. Иван тоже кричал его лицо было искажено страшной улыбкой, глаза яростно блестели. Он орудовал мечом, как мясник, убивая всех: мужчин, женщин и детей, отрубая руки, головы, ступая по телам. Он измазался в крови, будто искупался в ней. Ивану казалось, что, убивая, он избавляется от какого-то навяздания, владевшего им. На уничтожение всех обреченных ему потребовалось немного времени. Убедившись, что все мертвы, Иван поднял руки вверх, потряс ими и издал, именно издал, а не закричал, победный крик, от которого у некоторых присутствующих, выдавших многое, зрителей, сжалось сердце, и сделал это Иван, не взывая к одобрению зрителей, а выражая чувство восторга, переполнившее его. Потом он медленно пошел вдоль стен арены, смотря в лица зрителей. Ему хотелось еще чего-то, внутреннее напряжение до конца не спало, но он еще не осознал — чего. Там, где были основные трибуны — стена была очень высокой, но с противоположной стороны — всего метра два с половиной — вполне достаточно, чтобы человек не мог ее перепрыгнуть, Иван увидел улыбающуюся женщину, надменную и восхищенную его жестокостью римлянку, — это Иван безошибочно понял. Прямой нос, пухлые губы, красивые большие глаза, роскошные волосы. Женщина чем-то походила на Наташу. Иван будто знал, что ему надо делать, а так оно и было. Здесь, на арене, он прекрасно знал, что ему надо делать. Он не думал ни о чем и ни в чем не сомневался. Иван бросил меч и, высоко подпрыгнув, схватился за край стены, легко подтянулся и оказался на стене. Он перемахнул через нее так быстро, что никто ничего и не понял. Трибуны издали вздох изумления. Иван сделал два прыжка и оказался рядом с женщиной, которую приметил. Он повалил ее на сидение, сорвал с нее белую одежду и попытался овладеть ею. Никто из находившихся рядом мужчин не мешал ему, все видели, что это за человек. Иван изнасиловал бы женщину, если бы ему не помешали подбежавшие солдаты. Трибуны требовали смерти Ивана на арене. Возмущенные зрители встали с мест и, обращая свой взор на центральную трибуну, где сидел император с супругой, громко кричали. Император встал,

д⁰нял руку, все тут же замолчали, и установилась тишина. Иван тоже перестал сопротивляться и, смирившись с тем, что вырваться не удастся, стал смотреть на императора.

— Этот человек совершил невероятное, — сказал император громким, высоким и весьма неприятным голосом, — я тоже совершу невероятное. Я оставляю ему жизнь, потому что он явно не христианин, а воин, достойный героев древности, и он может стать уважаемым гражданином Рима. А сейчас я спою вам песнь, исполненную содержания, соответствующего моменту.

И император запел. Никто не сел, все молча стояли и слушали. Некоторые слушали, опустив головы.

Ивана связали и уволокли в какой-то подвал, где и оставили в полной темноте. Здесь Иван, наконец-то, пришел в себя. Цепь событий, которая началась на свадьбе у Михаила или даже раньше — в пивной, и привела к тому ужасу, что он сотворил, наконец, завершалась. Иван лежал на спине, но не ощущал ожидаемого умиротворения и спокойствия. «А Лийил здорово уловил мое состояние и выполнил наш уговор. Все равно эти люди, это, наверное, христиане, были обречены. Я принес им более легкую смерть, — Иван глубоко вздохнул. — Теперь можно возвращаться в свое время». Но тут двери открылись, и в сопровождении трех солдат в подвал вошел человек в тоге и громко сказал:

— Успокойся и не сопротивляйся. Тебе ничто не угрожает. Сейчас нас ждет император. Он удостоит тебя высочайшей чести — лично даст тебе римское гражданство, свободу, земельный участок и деньги.

«Приключение продолжается. Что ж, придется познаться с Нероном. Не иначе, Лийил дает мне понять, что он — мой духовный предшественник. Замечательно, впрочем, я так и знал...» — подумал Иван и сказал:

— Хорошо. Что я должен делать?

— Смыть с себя кровь, переодеться и следовать за мной.

Во внутреннем дворике Ивана полили водой из кувшинов, вытерли и дали ему белую легкую одежду.

— Следуй за мной, — сказал тот, что был в тоге.

Трое солдат неотступно шли за Иваном. Его долго вели по каким-то комнатам и дворикам, потом они пошли по н^пфиладе комнат, обращенных окнами к морю. «Вот он, м^{ой} сон! Это из моего сна! — воскликнул Иван. Да, этот Уть в точности повторял тот, которым он много раз хо-

дил во сне.— Невероятно! Что же это, почему?» Но дать объяснение этому факту Иван не успел, потому что его привели в зал с колоннами, где его ждал, прохаживаясь и то и дело потирая ладони, император Нерон.

Нерон молча подошел к Ивану на расстояние примерно пяти шагов, чуть наклонил в сторону голову, слегка прищурил один глаз и долго рассматривал его, как рассматривают диковинное и опасное животное.

— Кто ты и откуда? — спросил Нерон.

— Я из Скифии. Воин. Зовут меня Иван, — ответил Иван.

Ничего не говоря, Нерон отвел руку с раскрытой ладонью в сторону. К нему тут же подбежал угодливый служитель и вложил в руку свиток.

— Отныне, моей волей, ты свободный гражданин Рима и землевладелец, — сказал Нерон и зевнул. — Что ты собираешься делать?

— Я возвращусь на свою родину, — ответил Иван.

— Зачем? — удивился Нерон. — Ты мог бы остаться здесь. Неужели в вашей Скифии жизнь дает столько же возможностей для наслаждений?

— Я могу наслаждаться жизнью только там, куда меня зовет ветер странствий и дух противоречия, — сказал, улыбувшись, Иван.

— Сенека, — воскликнул Нерон, обратившись к пожилому мужчине, стоящему невдалеке, — послушай-ка, что он говорит. Он, оказывается, еще и поэт! И философ, как мы с тобой. Повелеваю, чтобы ты остался и был при мне... — сказал Нерон, остановив на Иване на мгновение свой остекленевший взгляд. Потом он повернулся и пошел. Следом за ним двинулась свита. К Ивану подбежал его сопровождающий и громко прошептал:

— Следуй за ними. Ты должен делать то, что я тебе говорю, иначе нам обоим несдобровать. Пошли.

Иван пошел за ним. Он вошел в зал следом за свитой императора и хотел было внимательно осмотреться, а здесь было на что посмотреть, один огромный стол, накрытый для пира, чего стоил, но тут Иван поймал обращенный на себя взгляд прекрасной римлянки. «Ага, вот оно, вот чего мне не хватает все же — женщины, — такова была реакция Ивана. — Надо как-то смыться отсюда вместе с ней». Сомнений, что эта гордая красавица страстно хочет близости с ним, у Ивана не было. Гости сели к столу. Нерон улегся на небольшом возвышении, с которого было видно всех

гдасутствующих, взял яблоко и начал его грызть. Рядом с ИМ возлежал юноша, одетый в странные, скорее женские одежды-

— Эй, — обратился император к одному из прислуживающих ему, — где этот разящий меч Юпитера? Пусть сядет рядом.

Ивану пришлось пересест поближе к Нерону. Он оказался напротив красавицы с чувственными губами, она досмотрела на Ивана долгим взглядом и улыбнулась. Иван, а даже передернуло всего от желания, которое вызвала у него эта женщина.

— Иван, вижу, тебе понравилась Юлия, — сказал Нерон. — Ты хочешь ее?

Иван взглянул на Нерона и сказал:

— Да, император, хочу так, что сил нет, если я ее сейчас не трахну, то за себя не ручаюсь.

Нерон хлопнул в ладоши и сказал:

— Быть посему. Юлия, ты сейчас же отдашься ему, а мы будем наблюдать, достаточно ли страстно ты это сделаешь. Приступай, Иван.

— Где? — спросил Иван, уже не сдерживая страстное вожеление.

— Можно здесь. Можно пройти туда, — Нерон показал на ближайшую дверь. — Иван вскочил, обежал стол, схватил за руку женщину и поволок ее в указанную комнату. — Наконец-то я встретил человека, который не лицемерит передо мной. Я думаю, Марк не будет возражать, что этот герой улучшит кровь в его вырождающемся семействе. — В глазах Нерона промелькнул огонек безумия. — Спор, пойдем посмотрим, так ли хорошо этот человек владеет своим членом, как и мечом.

Иван думал, что за дверями небольшая комната, но там оказался зал не меньше, чем тот, где он только что находился. Посреди зала был бассейн с водой, вдоль стен стояли статуи и мраморные скамьи и не было ни кровати, ни хоть какой-нибудь лежанки, где бы можно было удобно Расположиться. «А, хрен с ним, — решил Иван, — какая Разница». И он, прижав женщину к стене, начал делать свое Дело стоя. К его удивлению, женщина покорно и страстно Повиновалась ему и более того, даже проявляла инициативу. Потом они повалились на пол, и Иван забылся, поглощенный страстью обладания. Первый раз он кончил Довольно быстро, но партнерша тут же завела его еще раз, ¹¹ теперь он уже изнемогал, но никак не мог довести дело

до конца. Юлия то вырывалась, то лънула к нему, страстно шептала ему что-то, стонала и творила такое, что Иван и представить себе не мог. Когда Иван, наконец-то, отполз от своей пламенной любовницы и посмотрел по сторонам он увидел, что в нескольких шагах от него стоят Нерон и вся его свита. Нерон нежно целовал и поглаживал того мальчика, что возлежал на пиру рядом с ним.

— Юлия, ты и на этот раз оказалась сильнее. Для того чтобы тебя удовлетворить, наверное, нужен я.

Иван встал и пошел из зала вслед за уходящей свитой. Он не искал глазами Юлию, она его больше не интересовала, и никакого смущения в его душе не было. «Все равно никто ничего не узнает. Но было здорово». Он сел на свое место и начал с аппетитом есть. Юлия сидела напротив него, как ни в чем не бывало. Иван обратился к ней и спросил:

— Слушай, Юлия, а что скажет твой муж?
— Ничего.
— Как же так?
— Но ведь я сделала это по приказу императора.
— А каков был приказ?
— Отдаться тебе со страстью. Что, разве я была недостаточно страстной?

— Нет, — усмехнулся Иван, — вполне. Я и не предполагал, что женщина может быть такой. А как был я?

Юлия засмеялась и, блеснув своими красивыми черными глазами, ответила:

— А вот этого я тебе могу и не говорить. Твоя оценка — это мое личное дело, а не дело империи, и муж может быть недоволен моей оценкой.

Иван поймал на себе тяжелый, изучающий взгляд пожилого человека, сидевшего первым справа от места Нерона.

— Уважаемый, — обратился Иван к нему, — император может отдавать любые распоряжения, не так ли?

На Ивана смотрели непроницаемые умные глаза. Человек довольно долго молчал, потом, наконец, ответил:

— Да, может, — и добавил: — Он не может только приказывать жить тому, кто этого не хочет, а остальное он может.

— Сенека, Сенека, ты что, собираешься оставить этот мир без моего приказа? — спросил у него Нерон, который как раз подошел, держа под руку своего мальчика. — Ты неосторожен, Сенека. Ты заблуждаешься, если считаешь,

то тебя связывает с жизнью только чувство долга. И ты «щвешь», чтобы получать удовольствие.

— Да, император, и я тоже. Мое главное наслаждение — р моих мыслях.

— И они принадлежат только тебе, не правда ли, Сенека? Не правда ли?

— Они принадлежат и тебе, император, ты знаешь их все.

Нерон откинулся на подушку.

— Спор, — обратился он к мальчику, — как ты думаешь, Сенека не заговорщик?

Мальчик посмотрел на Нерона томными глазами.

— Я думаю — нет. Потому что он слишком философ для этого неблагодарного дела.

Теперь Иван, наконец-то, стал сам собой, никакие страсти более не терзали его душу. Он был спокоен и способен принимать осмысленные решения.

— Иван, — спросил Нерон, — ты слышал, как я пою?

— Нет, император, не приходилось.

— Иван, у тебя очень правильное произношение. Но фразу ты строишь, как варвар. Что значит — не приходилось, почему?

— Я попал в Рим лишь вчера и очутился среди христиан случайно. Я просто не мог слышать твоего пения.

— Как несчастны народы нашей славной империи, они не могут слышать моего пения! — театрально воскликнул Нерон. — Сенека, причина возмутительной безнравственности нашего общества, которое заключается, прежде всего, в его лицемерном, скрытом разврате, именно в том, что мой народ не может приобщиться к высокому искусству. Я построю новый театр, в котором бы могло разместиться тысяч сто, как минимум, и отцы семейств из каждой провинции будут обязаны хотя бы раз в год слушать меня. Я должен заботиться о своем народе. — Сидящие за столом одобрительно закивали головами. — Почему ты молчишь, Иван? — обратился Нерон к нему, — почему я не слышу твоего одобрения?

— Император, я не уверен, что искусство помогает исправлять дурные нравы.

— Я мог бы согласиться с тобой, Иван, если бы речь шла об искусстве вообще, но ведь я говорил о моем искусстве. Оно божественно — это общеизвестно. Если ты сомневаешься в этом, я могу спеть прямо сейчас и тем развеять твои сомнения.

Не дожидаясь ответа, Нерон встал и запел. Голос его был довольно слаб, хотя владел он им хорошо. Нерон пел как показалось Ивану, очень долго. Когда он закончил, все начали аплодировать. Иван, оглядевшись по сторонам, тоже зааплодировал.

— Ну как? — спросил Нерон. Иван посмотрел на Нерона и был очень удивлен тем, что и выражение лица, и голос Нерона разительным образом изменились. Он буквально заискивающе смотрел на Ивана, ожидая его оценки. «Ах ты, гнусное отродье, — подумал Иван. — Скажи тебе правду, тут же башку прикажешь снести».

— Божественно, император. Твое пение — божественно, — сказал Иван. Нерон едва заметно выдохнул, видимо, слова Ивана принесли ему облегчение.

— Вы слышали, — обратился он к публике, — и варвар оценил мое искусство! — Выражение лица Нерона вдруг резко изменилось и выразило смертельную скуку. — Скучно, Сенека. А ты, Сенека, еще более нагоняешь на меня тоску своим унылым видом. Иван, скажи, может ли философ скучать в присутствии императора? Давай накажем его за это.

«Боже мой, этот человек воистину творит все, что захочет, как и я. Но чего же он все-таки хочет? — подумал Иван. — И, похоже, он ведь ненамного старше меня».

— Император, как ты пожелаешь, — ответил Иван и добавил: — Но могу ли я задать тебе один вопрос? Он сжигает мое воображение.

— Да? Хорошо, спрашивай.

— Чего ты хочешь в жизни? Точнее, чего ты хочешь получить от жизни?

— О, Сенека, ты слышишь?! Вот Иван — истинный философ. Вот он, а не ты достоин того, чтобы быть рядом со мной, а ты удалишься в ссылку, потому что ты, Сенека, старый и занудный лицемер, как и все стоики. Ты, Сенека, за всю свою жизнь и не поинтересовался, чего же я все же хочу, а имел смелость меня воспитывать. Ты льстец, старый, трусливый придворный льстец. Чего я хочу? — Нерон задумался, то и дело бросая взгляд на присутствующих. В зале воцарилась мертвая тишина. Гости даже перестали жевать. Чего я хочу в жизни? Я ведь поэт, Иван. Я хочу, чтобы моя жизнь была, как поэма, повествующая о подвиге великого героя. И этот герой — я. Но ты посмотри на этих людей, разве они могут, разве способны они оценить меня? Перед кем я буду петь эту поэму, которая есть моя жизнь? Какая

аудитория, такое и исполнение. Они, эти лжецы и лицемеры, говорят, что я правлю ими, нет, Иван, — это они правят мной. Их дурной вкус, их похотливые жены и дочери, их развратная, скупая натура. Чего я хочу? О, боги! Хочу одного — не видеть этих скучных физиономий, хочу скрыться от них куда-нибудь на край света, чтобы там в тиши дожить свой век. — Иван увидел, что у Нерона на глазах навернулись слезы, его затрясло, но это было лишь несколько мгновений, потом глаза Нерона хищно блеснули. — Лучше, много лучше быть диким зверем, когда этого хочется, чем подавлять свое желание, а то, Иван, будешь таким же, как Сенека, разрази его гром. Эй, Домиций, приготовь мою куру и жертвы. Прочь отсюда все.

Все поднялись из-за стола, и Иван тоже старался не отставать, хотя ему очень хотелось остаться и посмотреть, что же будет. Публика покинула зал и стала расходиться. К Ивану подошли двое: тот человек, что сопровождал его ранее, и Сенека. В их глазах Иван увидел холодное высокомерие и неприязнь.

— Иван, я хочу, чтобы ты посмотрел, что делает сейчас наш император, — сказал Сенека.

— Но почему ты этого хочешь, и зачем я должен на него смотреть?

— Я старый человек. Я знаю, дни мои сочтены. И у меня есть свои счеты с императором и определенные обязательства перед своей совестью. Ты сегодня потряс воображение не только нашего императора, но и мое. Вы с ним очень похожи.

— Чем же? — не скрывая своего удивления, спросил Иван.

— Деятельной убежденностью в своей правоте. Скажи, тебя хоть на миг посетило сомнение в том, что ты совершаешь безнравственный поступок, убивая безоружных? Иван задумался.

— Пожалуй, нет. Я вообще ни о чем тогда не думал.

— Он тоже никогда ни о чем не думает, кроме того, как он выглядит перед публикой. Сегодня, Иван, с твоим участием мне был подписан смертный приговор.

— Сенека, я не чувствую своей вины.

— Я не удивляюсь. Ты изменил бы самому себе, если бы чувствовал свою вину. Пойдем, посмотришь на нашего императора, и я вместе с тобой — в последний раз.

Иван пошел вслед за Сенекой, за ним неотступно следовали трое солдат. Они поднялись по лестнице на бал-

кон, с которого был хорошо виден огромный зал, точнее не зал, крыши над ним не было, а площадь. На этой площади стояли столбы, к ним были привязаны обнаженные мужчины и женщины, привязаны так: левые рука и нога • — к одному столбу, правые — к другому. Они как бы были распяты, стоя на полу. По арене на четвереньках бегал человек, одетый в тигровую шкуру. Он кусал людей, царапал их ногтями, рычал. Потом он стал насилловать женщину, причем делал это самым жестоким образом, издеваясь над жертвой. Это был Нерон. Иван сумел разглядеть его лицо, скрытое под звериной маской. «Каковы боги, таков и народ, каков народ, таков и его правитель», — подумал Иван. И Сенека, будто бы подтверждая его мысль, сказал:

— Это мой воспитанник. Он прав в одном: каков народ, таков и правитель. Рим обречен. Пороки погубят его.

— Сенека, что, по-твоему, есть истина? — спросил Иван. Голос его был серьезен.

— Эх, если бы я знал, что есть истина. Ответственность перед народом, долг общего дела? Но народ сегодня развращен, он хочет только хлеба, зрелищ и хорошего императора. Ответственность перед императором? Он — только человек. Может быть, боги — они объединяют вселенную и человека своей волей. Может быть, слияние с этой волей — есть истина? Нет, не могу себя заставить проникнуться этим чувством. Мне это не дано... Ответственность перед своей совестью, в которой сосредоточена нравственность поколений лучших граждан нашей великой республики, — может быть, это. Иван, скажу тебе одно: истина — это ответственность. Думаю, не так уж далеко от нее иудеи, чей бог сказал, что надо делать лишь то, что не причинит другому вреда, хотя и с этим не могу согласиться. Жить по этому принципу — значит потерять армию и государство. Это предательство всех лучших наших традиций. Прощай, Иван. — Сенека пододвинулся к Ивану и тихо добавил: — Если хочешь жить, будь бдителен, полагаю, тебе не простят благоволение к тебе императора. Беги отсюда.

Сказав это, Сенека повернулся и удалился, шаркая сандалиями по полированному мозаичному полу.

Иван повернулся и увидел, что солдаты стоят рядом, держась за мечи и не сводя с него взглядов.

— Что, у вас есть приказ убить меня? — спросил Иван.

— Ты этого вполне заслуживаешь, — сказал один из них и выхватил меч. Все трое бросились на него. Иван попытался отпрыгнуть в сторону, но не успел, в бок ему вон-

л с Я меч, а потом жгучая, страшная боль пронзила жи-

Последнее, что Иван видел, — искаженное ненавистью лицо римского солдата. Потом Ивана ослепила вспышка, он тут же очнулся, открыл глаза и обнаружил, что лежит, уткнувшись носом в подушку.

IV

Наташа смотрела на Ивана и молчала. Сергей подошел к кровати и потряс Ивана за плечо, потом, чего-то испугавшись, быстро наклонился и приложил ухо к Ивановой спине. С минуту он слушал, потом медленно поднялся и сказал:

— Так, врач из меня, конечно, плохой, но констатирую: он жив, и беспокоиться нам за его жизнь, пожалуй, не стоит.

— Что с ним, Сережа? Это обморок или что-то с сердцем? — спросила Наташа. Сергей надул щеки, выпуская из легких воздух, картинно вытаращил глаза и сказал:

— Черт его знает, что это такое: обморок, припадок, сон — только трогать его не надо. Будем считать, что он, как и все в этом здании, напился и спокойно спит. И нам тоже надо идти спать. Мой номер напротив, закрываться на ключ не буду. Если что, кричи, толкай — буди решительно. Я узнаю твой голос и спящий, сопротивляться не буду. Ты-то где собираешься спать?

Наташа бросила на Сергея удивленный взгляд и ответила:

— Я буду здесь: а вдруг с ним что-нибудь случится, вдруг ему станет плохо.

— Ну смотри, как хочешь, — Сергей с самого начала прекрасно знал, что Наташа никуда от Ивана не отойдет, но делал вид, что все ею сказанное — для него неожиданность, — дежурь здесь. «Эх, Наташа, Наташа, — достанется же тебе с ним. Ну да что подлаешь? Ничего не подлаешь. Может быть, это и есть твое предназначение. — Сергею понравилась эта мысль. — Действительно, кого можно поставить рядом с этим типом? Меня, что ли? Или какого-нибудь Ясницкого? Нет, только Петрова может его адекватно дополнять, — Сергей усмехнулся про себя. —

Ладно, все о'кей, Сергей Михалыч, иди спи, дорогой, только не забудь почистить зубы и снять пистолет с предохранителя».

Сергей еще раз взглянул на Наташу, кивнул ей головой и вышел. Наташа заперла дверь номера на ключ и села в кресло, повернув его так, чтобы было видно голову Ивана.

Наташа вся превратилась в слух, стараясь уловить дыхание Ивана. Она напряженно смотрела на его лицо, точнее, на ту часть лица, что была видна. Но ничто, ничто не говорило, что Иван дышит, что он хоть как-то живет, — никаких проявлений, никаких признаков жизни. Сердце Наташи учащенно забилося. Ее охватил страх, потому что ей показалось, что Иван умер. Она поднялась с кресла и встала на колени у изголовья кровати. Наташа приблизила свое лицо к его лицу. «О Господи, что же это с ним? Неужели он умер?!» — думала Наташа, вслушиваясь и всматриваясь. Она протянула руку, чтобы прикоснуться своей ладонью к щеке Ивана. В последний момент ее охватил жуткий страх. Она вспомнила холодную щеку умершего отца. Наташа отдернула было руку, но потом, собравшись с силами, заставила себя прикоснуться к щеке Ивана. Щека была теплая. «Слава Богу, он жив. Что же это с ним такое?» Наташа приложила свое ухо к подушке, рядом с Ивановым ртом, и только так ей удалось уловить едва заметное и редкое дыхание. Да, Иван дышал. Наташа с трудом подняла его руку, которая свисла с кровати, и положила ее на кровать. Рука была очень тяжелая и совершенно безжизненная.

Наташа поднялась, подошла к окну, задернула шторы и зажгла настольную лампу, потушив верхний свет, потом укрыла Ивана одеялом со своей кровати и села в кресло. Она смотрела на Ивана и думала: «Кто он? Что скрывает от меня? Любит ли он меня? Если нет, что я буду делать? Для кого и для чего жить? — На этот вопрос Наташа не могла найти ответа. Наташе стало себя так жалко, что на глаза навернулись слезы. — Если мы будем вместе, я сделаю все, чтобы он нашел свой путь в жизни. Я, кажется, догадываюсь, что это может быть за путь». Догадка эта была очень смутной. Наташа почему-то была уверена, что Иван станет знаменитым, совершит что-то необыкновенное.

Иван все так же лежал на кровати, не подавая никаких признаков жизни. Наташа то и дело поднималась и, при-

близив ухо ко рту Ивана, прислушивалась: дышит ли он. Иван дышал. Убедившись, что Иван дышит, Наташа опять садилась в кресло.

«Где же это я? — такой была первая мысль возвратившегося в свой мир Ивана. Он лежал не двигаясь и не открывая глаз. Ощущение было странным: будто и тело — не его, и сам он — не Иван Свиридов, а кто-то другой, а Иван Свиридов остался там — в далеком прошлом. — Я вернулся в свое время — вот где я. Но почему так не хочется возвращаться?» Иван задал себе этот вопрос, но не стал размышлять над ответом на него. Ему вообще ни о чем не хотелось размышлять: ни о том, что он пережил там — во дворце Нерона, ни о том, почему он оказался там и почему вел себя именно так, — все это Ивана совершенно не интересовало. Он глубоко вздохнул, открыл глаза и перевернулся на спину. Кровать скрипнула, и это разбудило Наташу, которая дремала в кресле, подперев голову рукой. Она встrepенулась от этого звука, быстро встала и подошла к Ивану. Наташа села на кровать рядом и, вздохнув, сказала:

— Ну, слава Богу, все в порядке.

Иван улыбнулся и взял ее за руку.

— Который час, Наташа?

— Утро, Ванечка. Поддeсятого.

— О, Господи! — Иван тряхнул головой, помолчал немного и добавил: — Ничего себе я поспал. А ты, вижу, не спала, Наташа. Всю ночь сидела рядом и стерегла мой покой? — Наташа наклонилась к Ивану и долго смотрела в его глаза. Иван не отводил взгляд и тоже смотрел на нее, стараясь сделать выражение своих глаз спокойным и ласковым. Взгляд Наташи был пристальный, чуть испуганный, в нем чувствовалось напряжение. — Почему ты не спала?

— Иван, ты был как неживой. Почти не дышал и ни разу не шелохнулся. Я очень боялась за тебя.

Наташа вспомнила вмиг все пережитое за ночь и заплакалась. Иван ласково гладил ее по голове и успокаивал:

— Все в порядке, Наташа, со мной такое бывает. В этом нет для меня ничего страшного, лишь бы ты не пугалась. А ты и не пугайся. Со мной ничего плохого произойти не может. Ты скажи, я вчера там, на свадьбе, ничего не сотворил?

— Нет, все в порядке. Чуть было не подрался с этим казаком, но все обошлось. Иван, скажи, что с тобой про-

исходит?— спросила Наташа шепотом.— Я никому не расскажу.

— Могу тебе сказать одно: все, что со мной происходит, происходит по моей воле, я сам так хочу.

— А что я чувствую? — спросила, как будто бы у себя, Наташа.— Ну, спроси меня, что я чувствую?

Иван был серьезен.

— Что ты чувствуешь?

— Что ты себе не принадлежишь, Иван. Не так уж ты свободен, как тебе кажется.

Иван молчал.

Иван сейчас впервые посмотрел на Наташу не как на восхитительную красавицу, принадлежащую ему, а как на равного себе человека, который безошибочно определил его главную проблему,— она действительно все поняла, а что не поняла, то почувствовала. И внешне спокойна! И ничего не боится, и ничего не спрашивает.

— Будем жить и будем действовать? — спросил Иван то ли у себя, то ли у Наташи, то ли у кого-то еще. И сам про себя ответил: «Да, будем жить и будем действовать. Я освобожусь от наследия Нерона...»

— Иван, а не пойти ли нам вниз, не посмотреть ли, что там происходит? — предложила Наташа.— Народ, наверное, уже начал собираться.

Иван встал, развел руки в стороны, потянулся так, что затрещали швы рубашки. Потом подошел к Наташе, обнял ее, нежно поцеловал и сказал:

— Пошли вниз, пошли пить, есть и танцевать, а потом — в Америку. Время собирать камни.

Приведя себя в порядок, Наташа и Иван, взявшись за руки, улыбающиеся и счастливые, во всяком случае, так бы непременно подумал любой человек, увидевший их со стороны, спустились по лестнице вниз, в зал.

Сергей уже сидел за столом и завтракал. Перед ним стояла бутылка шампанского и поднос с кофе и бутербродами. Кроме него за свадебным столом никого не было. Зал был пуст.

— Посмотри-ка, Иван, мы с тобой почти первые, — сказала Наташа.— Но наш Сережа уже ест и, кажется, даже уже пьет.

Сергей, увидев их, заулыбался и помахал рукой, приглашая присоединиться к нему.

В зале был полумрак, точнее не полумрак, а полусвет, проникающий через опущенные шелковые шторы. Было

прохладно, зал хорошо проветрили, и очень тихо. Сергей размешивал сахар, и было слышно позвякивание ложечки в фарфоровой чашке.

— Ребятки, присоединяйтесь. Оленька, — кивнул Сергей в сторону стойки, где стояла официантка, — не дала помереть. Есть что поесть и выпить. — Говоря так, Сергей подумал: «Какая пара, черт возьми! — Сергей вспомнил первое впечатление, которое произвел на него Иван, — этаким озабоченный интроверт: отсутствующий взгляд, рассеянность, граничащая с бестактностью. — Теперь-то, смотри-ка, — орел! Ишь, как вышагивает, и физиономия, как у героя-любовника». Действительно, смотреть на эту пару было приятно, они заслуживали восхищения. Высокий, стройный, сильный и уверенный в себе Иван — это чувствовалось во всем: и во взгляде, и в походке, и в развороте плеч, и Наташа, идущая рядом, подобная пери.

Большой пустой зал, полусвет, чистый, прохладный воздух, улыбающееся лицо Сергея и Иван, необычайно спокойный и ей, только ей сейчас принадлежащий, — все создало в душе Наташи ощущение праздника. Она почувствовала себя счастливой — внезапно и остро. Это ощущение требовало какого-то действия. Наташа взглянула на Ивана, потом на Сергея и подумала: «Смогут ли эти мужчины сейчас, когда этого так хочется, разделить мою радость?»

— Где же музыка, Сережа, я хочу открыть бал! — громко и звонко сказала Наташа. Сергей принял игру. «А действительно, что уходить отсюда — со вчерашним тоскливым впечатлением, что ли?»

— Полонез или торжественный вальс? — громко спросил Сергей у Наташи.

— Торжественный вальс, пожалуйста.

Наташа быстро развернулась лицом к Ивану, сделала реверанс по всем правилам, отвела руку в сторону — так, что Ивану ничего не оставалось, как принять приглашение. Он подумал: «Наташе хочется танцевать, и я буду танцевать с ней и без музыки, даже тот танец, который танцевать не умею. Тогда у Светланы мы тоже танцевали, с этого все и началось». Наташа прочитала в глазах Ивана то, что хотела, улыбнулась и замерла в ожидании Музыки. Сергей бегом бросился к магнитофону. «Во дает, Де ж я его возьму, вальс-то, да еще торжественный», —^всерьез испугался Сергей. Поразительно, но первая же^взятая наугад кассета и оказалась с вальсом. Видимо,

была приготовлена кем-то для открытия вчерашнего вечера.

Иван не растерялся, хотя вальс он танцевал разве что в школе. Он был актер, да еще какой, и, кстати, хорошо осознал это. Сейчас ему передалось Наташино настроение, он прислушался к своему ощущению, как музыкант прислушивается к своему инструменту, и сделал первый шаг.

Музыка произвела на Сергея удивительное впечатление, впрочем, почти как всегда. Сейчас же он вообще потерял на время чувство реальности происходящего. Стол, белая скатерть, матовый свет — все это будто не из этой жизни, а из другой, где танцуют вальс и где женщины не стесняются смотреть в глаза мужчинам, улыбаясь. Так коротко можно передать Сергеево ощущение происходящего. «Как же можно было бы жить. Можно было бы любить, работать и ничего не бояться: ни за себя, ни за близких. Можно было бы жить как единая... ай... — Сергей не нашел слов, да он их и не искал. — Как можно было бы жить, Господи...»

Танцевали Наташа с Иваном хорошо. Если бы их видел знаток, то поставил бы им высший балл. Когда музыка закончилась, Наташа увидела, что в зале уже начал собираться народ. Уже появился Миша с молодой женой. Он улыбался Наташе и махал ей рукой. Когда кончилась музыка, Иван повел Наташу к месту, где стояли Миша и его жена.

— Мы решили сделать сегодня то, что нам не удалось сделать вчера, — сказала сияющая Наташа Мишиной жене.

— И получилось это у вас на пять баллов, — сказал Миша. — Спасибо, Наташа. Ей-Богу, так приятно, когда так танцуют, пожалуй, этого нам вчера и не хватило.

— Правда?

— Еще бы.

— Мишенька, нам надо идти. Ничего не поделаешь, — развела Наташа руками, — ты же знаешь, нам надо готовиться, сегодня мы улетаем, и далеко.

— Ну что ж, счастливого пути, — кивнул головой Михаил, — спасибо, что пришли.

Иван взял Наташу под руку, и они пошли к выходу. В дверях Иван столкнулся взглядом с тем парнем в казачьей форме, что вчера приставал к нему. Он уже был пьян, видимо, успел опохмелиться. Его мутноватый наглый взгляд Иван выдержал без всякого раздражения. Наташа сжалась в ожидании того, что может произойти. Но ниче-

не произошло. Иван посмотрел на казака и, ничего не сказав, прошел мимо. И тот, не поняв, как это могло с ним такое произойти, ничего не сумел сказать и сделать. Он почувствовал только, что странным образом был обезоружен этим человеком.

9

Как только автомобиль тронулся с места, Иван уснул.

— Посмотри-ка, всю ночь спал, как убитый, и опять спит, — сказал Сергей, взглянув на болтающуюся из стороны в сторону голову Ивана.

— Ты считаешь, что он спал? — спросила Наташа.

— А что же он делал, если не спал? — пожал плечами Сергей.

— Я думаю, что это был не сон. Мне показалось, что он отсутствовал все это время.

— Как это так — отсутствовал?

— На кровати лежало тело Ивана, а все остальное было где-то в другом месте.

— Он тебе что-нибудь рассказывал вчера?

— Нет, ничего. Да я и не спрашивала. Я просто поняла, что он все равно ничего не расскажет, и не стала спрашивать.

Сергей замолчал и далее молчал всю дорогу. Он думал: и о работе, и о семье, и об Иване, и о себе — обо всем сразу. Мысли кружились в голове, и ни на одной он не мог сосредоточиться.

В аэропорту Сергей купил цветы. Три красивых тюльпана: белый, темно-фиолетовый — почти черный и пестрый — красно-белый. Для кого? Этого он и не знал. Ему просто очень захотелось взять в руки стебли этих тюльпанов, разглядеть как следует, не торопясь, узоры на лепестках, ощутить их запах.

Сергей сел в кресло в зале ожидания и стал разглядывать цветы. Наташа, увидев, что Сергей держит в руках цветы, сразу решила, что это для нее, и ей стало так хорошо, что она не смогла сдержать улыбку. Но когда она подошла к Сергею, тот букет Наташе не вручил и даже ниче-

го не сказал. Взгляд у Сергея был задумчивый и какой-то отстраненный. «Да, очень может быть, что этот перелет через океан откроет для меня путь в новую, какую-то другую жизнь,— думал Сергей.— Надо ли как-то готовить себя к этому? Нет... Возьму-ка я эти цветы в самолет, уж очень хороши»,— такой вывод сделал Сергей и улыбнулся Наташе.

— Для кого это такие прекрасные цветы? — все-таки не сдержалась и спросила Наташа. Сергей не сразу нашелся, что ей ответить.

— Понравились очень. Наверное, я прирожденный цветовод и сейчас это начинает проявляться,— ответил Сергей и как-то растерянно пожал плечами. Наташа тут же поняла, что цветы ей вовсе и не предназначались и никаких мыслей о ней у Сергея не было, и взглянула на Ивана. «А ведь Иван тоже бы мог догадаться, он-то должен дарить мне цветы»,— подумала Наташа.

Наташа обошла ряд кресел и стала напротив Ивана, специально, чтобы он увидел ее. Когда она уже устала от ожидания, он, наконец, обратил на нее внимание. «А, Наташа? Зачем она так ждет меня, вся напряжена и улыбка такая странная,— подумал Иван. Он пристально смотрел на Наташу, так пристально, что ей был неприятен его взгляд.— Она хочет тепла и внимания. Она не осознает, как она этого хочет. Для нее любовь — то же, что солнце для того красно-белого тюльпана. Не будет солнца — он завянет. Ведь он творит себя из солнечных лучей. И неужели это солнце — я? Разве может один человек так зависеть от другого?! Какая несвобода, какая несправедливость! Я-то ведь не могу любить ее так же... Просто не способен. И что такое вообще — такая любовь?»

Иван подошел к Наташе и обнял ее. Это получилось как-то неестественно, и Иван понял, что Наташа это почувствовала: не отозвалась, как обычно, на его прикосновение, она была внутренне напряжена — это Иван ощутил даже кончиками своих пальцев.

Наташа почему-то заплакала, неожиданно для себя, но она не показала своих слез Ивану. Хотя он догадался, что она плачет. «Она все поняла, что я думал»,— решил Иван. Но он ошибся. Наташа ничего не думала и не делала никаких выводов — ни сознательно, ни бессознательно. Ей было жалко: Ивана — непонятно почему и себя — тоже непонятно почему, может быть, потому, что ей было жалко Ивана, и она не знала, что с этим можно поделаться.

До начала регистрации оставалось минут сорок. Ивану захотелось посмотреть здание аэропорта. Оставив Наташу и Сергея сидеть в зале ожидания, он поднялся на галерею, откуда был хорошо виден весь огромный зал.

«Сколько людей! — Иван как зачарованный смотрел на толпы народа, заполнявшие зал. Он не мог оторваться от этого зрелища. Казалось бы, движения людей бессмысленны, но если присмотреться, то видно, что одни ждут, другие бесцельно, чтобы скоротать время, прогуливаются, третьи уже целенаправленно движутся в определенном направлении: сдают багаж, проходят контроль и таможенно. Эти уже на пути к цели — к выходу на посадку.— И это огромное здание, и все-все, что здесь есть, создали люди. Люди.— У Ивана начала слегка кружиться голова.— Многие же мы можем, когда объединены общей целью. А если сейчас громко закричать? Тогда все они обратят на меня внимание?» И Ивану захотелось крикнуть, чтобы его услышали все находящиеся в зале. Это желание было настолько сильным, что Иван, чтобы не закричать, был вынужден зажать себе рукой рот. Ему показалось, что если бы он крикнул и его бы услышали, то это и было бы величайшее счастье в его жизни. Оказывается, именно этого он всегда и хотел — чтобы его слышало как можно большее число людей. И тогда бы кончилось это бессмысленное, бесцельное движение, все бы знали, что делать; делать надо то, что он скажет. Осталось только решить, что сказать.

Возбуждение, охватившее Ивана, возрастало. Он себя достаточно хорошо контролировал, но теперь отчетливо сознавал, что публичного выступления, где он будет говорить людям о самом важном, ему не избежать, как не избежать смерти. Какими бы ни были те слова, которые он скажет, они должны быть сказаны — непременно должны быть сказаны,— даже если ценой этих слов будет его собственная смерть, уничтожение, вечная мука там, за гранью сегодняшнего бытия. Все это не имеет решающего значения, имеет значение лишь то, что они должны быть сказаны, эти слова. «Откуда такая власть надо мной у этого чувства? Но если это идет из моего человеческого существа и имеет основой только то, что заложили в меня мои мать, отец, мои предки, страна, в которой я родился и жил? Как Мне к этому относиться и что делать? Говорить? И если говорить, то что? Я должен рассказать о Системе? Да?»

Еще немного — и Иван бы вошел в знакомое ему особенное состояние духа. Обычно это бывало, когда он находил решение сложной проблемы; это ощущение можно было определить, как своеобразную эйфорию, которая сопровождалась необычайной ясностью мысли, и тогда Иван мог за минуты сделать столько, что в обычном состоянии невозможно было сделать и за годы. Это всегда было как озарение. «Нет, не время сейчас. Нет», — прошептал Иван и сел прямо на пол. Он закрыл голову руками и сидел так, чтобы не видеть людей и не слышать шум их голосов.

— Эй, парень, что ты тут расселся? А ну вставай! — услышал Иван голос. Его кто-то тряхнул за плечо. Иван вскочил. Кровь бросилась ему в голову. Перед ним стоял милиционер. «Не хватало еще сейчас попасть в какую-нибудь неприятную историю», — подумал Иван.

— А, задремал что-то, — сквозь зубы выдавил Иван и отвернулся. Он несколько раз глубоко вздохнул. Потом повернулся к милиционеру. Кивнул головой и добавил уже спокойным голосом: — Я в порядке.

— Что ты здесь делаешь? Документы, — сказал милиционер.

Иван достал из внутреннего кармана куртки документы и подал их милиционеру. Тот внимательно их посмотрел.

— В Нью-Йорк летите? В командировку или насовсем?

— В командировку, на неделю.

— Ну что ж, счастливого полета, — сказал милиционер и отошел в сторону. «Красивый парень, нечего сказать, — так оценил милиционер Ивана, — только, видать, со странами».

Иван встал и, обращаясь в зал, сказал:

— Эй, Сатана, ты слышишь меня? Я сейчас понял о себе нечто очень важное. Я теперь знаю, какая сила движет пророками. То, что я открыл или что открылось мне, — совершенно необходимо сказать людям. Все, что есть во мне, требует этого. Ну так вот, я никогда этого не скажу! Почему? Потому, что перебороть это стремление для меня — значит победить тебя. Я не хочу быть твоим пророком, Сатана.

«Вот это да! — воскликнул Риикрой. — Он решил идти по второму пути. Пути тайному и самому короткому. Он — гений...»

«Неужели он остановится на этом своем решении?» — спросил у себя Аллеин, хотя знал, что чувства, владевшие

Иваном только что, были столь сильны, что он, как и всякий человек, подобный ему, никогда не откажется от решения, принятого в таком состоянии.

Через полтора часа Наташа, Иван и Сергей уже летели в Нью-Йорк.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Самолет летел над океаном на высоте десять километров. Аллеину, чтобы не отстать, приходилось затрачивать немало сил, ведь вся мощь двигателей самолета не могла продвинуть Аллеина и на миллиметр. Чтобы находиться рядом с Иваном, он должен был тратить собственную, особую энергию.

У Ивана было какое-то странное ощущение, ему казалось, что самолет несет его не через океан, на другой материк, а в другую жизнь.

Наташа молчала. Иногда она бросала взгляд на Ивана, но тот, казалось, не замечал этого. «Почему он молчит, почему не обращает на меня никакого внимания?» — думала Наташа.

— Иван, — позвала Наташа.

Иван отреагировал не сразу. Когда он повернул голову, Наташа быстро, не скрывая раздражения, отвернулась. Иван это заметил.

— Что ты хотела, Наташа? — спросил он, не отводя взгляда.

— Я? — Наташа сделала удивленное лицо. — Мне показалось, что ты что-то хотел мне сказать.

— Да нет, — Иван пожал плечами, — ничего.

— Ну и я ничего, — слегка кивнула головой Наташа, как бы давая понять, что разговор окончен.

Между ними враз возникло отчуждение, которое Аллеин видел зримо. Он мог видеть зримо и ненависть, и любовь.

Наташа обратила внимание на двух мужчин лет тридцати-сорока, вошедших в их салон из переднего салона

самолета. Это были высокие, стройные brunеты с мужественными лицами. Одеты они были так, будто их только что взяли прямо с обложки журнала мод. Тот, который, как решила Наташа, был немного помоложе, направился к ним.

— Пожалуйста, извините, что побеспокоил вас, — обратился незнакомец к Наташе, потом перевел взгляд на Ивана и Сергея. — Я и мой коллега являемся официальными представителями «Юнайтед Системз» в России. Мы бы очень хотели поговорить с вами и сочли бы за честь, если бы вы согласились разделить нашу компанию.

Наташа, не взглянув на Ивана и Сергея, с готовностью встала и сказала:

— Спасибо за приглашение. Я с удовольствием.

Она направилась по проходу ко второму незнакомцу, который улыбался ей ослепительной улыбкой и не сводил с нее пристального взгляда глубоко посаженных глаз.

Иван посмотрел на Сергея. Тот чуть заметно пожал плечами, давая понять, что он не знает этих людей и не знает, что делать. Иван сказал:

— Спасибо за приглашение, я не против, — встал и пошел следом за Наташей.

Сергей поспешил за ним.

Аллеин, конечно же, сразу определил, кто были это двое, еще когда они вошли в самолет. Он знал: раз Сатана явился сам — значит, никто и ничто не может более сделать какое-то важное для него дело так, как он этого хочет. Он являлся на Землю в человеческом облике редко, гораздо реже, чем люди думали. Но если он приходил, то, за редчайшим исключением, добивался того, чего хотел.

К большому удивлению Сергея, в переднем салоне никого не было. Все места были свободны, а в проходе стоял столик с напитками и фруктами. «Странно, — подумал Сергей, — что бы это могло значить?»

— Так получилось, что мы с Джоном оказались в этом салоне вдвоем. У нас есть возможность расположиться здесь с комфортом, — сказал тот, который приглашал. Его звали Николай, он оказался русским. Второй все это время не сводил взгляда с Наташи.

Взгляд у этого Джона был какой-то особенный, на это Иван сразу обратил внимание. Этот холодный взгляд вмещал: искренний интерес к объекту, восхищение им; он не скрывал, что оценивает Наташу, но во взгляде был едва заметный оттенок какой-то не то ухмылки, не то насмеш-

ки. «Да, интересный мужик. Таких странных и выразительных глаз я еще не видел, пожалуй», — подумал Иван. Он тоже не отрываясь смотрел на Джона и старался понять, что же так удивило его в этом человеке? Какое основное чувство выражал его взгляд? «Ага — ясно! Он, восхищаясь Наташей, смотрит на нее с превосходством, — вот что более всего удивительно». И, как это было ни странно, Наташа улыбалась этому Джону, показывая всем своим видом, что она очень рада неожиданному знакомству.

Николай тем временем открыл бутылку шампанского и наполнил бокалы. Он взглянул на Джона, поднял бокал и стал говорить. Он говорил медленно, старательно подбирая слова:

— Уважаемая Наташа, — он вежливо улыбнулся Наташе, — господа, я рад приветствовать вас на борту самолета, летящего в Соединенные Штаты. Являясь представителем «Юнайтед Системз» в России, я стал следить за ходом вашей работы сразу, как только узнал о вас, и должен признать: то, что вам удалось сделать за столь короткое время, меня поразило, — он сделал паузу. — Я надеюсь, что нашей, — он сделал легкое ударение на слове «нашей», — фирме удастся наладить с вами сотрудничество. За наше сотрудничество. — Сказав тост, Николай еще раз улыбнулся Наташе, бросил быстрый взгляд на Ивана и выпил.

«Ни хрена... Неэто ему надо. Поздравлять нас надумал... Тут что-то другое, — подумал Сергей, на которого хозяева импровизированного банкета не обращали никакого внимания. — Эти ребята не простые». Сергей отпил глоток и поставил бокал. Ему эти двое очень не понравились. Он пытался понять, что же ему в них так не нравится. «Вроде мужики как мужики — обычные менеджеры... А вот и нет! — поймал себя на слове, точнее на мысли, Сергей. — Не обычные менеджеры. Как раз наоборот. Они — необычные менеджеры! Потому что не может обычный мужик-делегат, пусть и американский, пусть и опытный, вести себя с таким показным блеском. Кто же они? — Сергей почувствовал, что по его спине побежали мурашки. Чувство опасности, которое его не раз выручало в жизни, начинало проявлять себя. — Может, это люди Ясницкого? Хотя где бы он таких карасей нашел? Это вряд ли по карману даже ему, да и трудновато Найти в нашей матушке России таких. Неужели их подослало правление фирмы для раскрутки нас еще на подлете, чтобы прилетели уже готовенькие? Это — скорее всего. Надо внимательно следить за каждым их словом».

Наташа смотрела только на Джона. Она допила свое шампанское, поставила бокал и улыбнулась ему:

— Какое чудесное шампанское.

Джон кивнул головой.

— Я думаю, что лучшего вы сегодня на этой планете не найдете. Это уникальное шампанское. Мы принесли его сюда специально для вас. Оно вполне соответствует ситуации или, лучше сказать, повод, чтобы выпить такого вина, — подходящий. Николай, налей вина. И я хочу сказать тост.

Джон обвел всех присутствующих взглядом и начал говорить:

— Господа, всю свою жизнь я занимаюсь тем, что слежу за развитием науки, а в особенности — за развитием информационных технологий. Это моя профессия. Мне моя работа всегда нравилась, поэтому я много знаю о том, что относится к области моих интересов. Так вот, я хочу сказать: то, что сделал Иван, — это настоящая революция в обработке информации. Вам и в нашем офисе подтвердят, что ты, Иван, совершил невозможное. Но факт есть факт. Ты открыл человечеству новые горизонты в математике и можешь открыть их во всех областях человеческой деятельности. Господа, возможности человеческого разума — безграничны. Иван это еще раз доказал. За тебя, Иван. За будущее науки, которое приведет нас к победе.

— Мне даже и неудобно слышать такие похвалы, — сказал Иван. — • Хотя, конечно, то, что вы говорили насчет новых горизонтов, — это вполне возможно.

Джон засмеялся, и это было очень кстати, потому что сняло возникшее напряжение.

— За новые горизонты. — Он выпил. Все выпили следом за ним. Только Иван не пил.

«А чего это он взялся пить мне дифирамбы? И откуда он все про меня знает? Кто это такой?» — думал Иван.

— Вы кто? — как ни в чем не бывало, спросил Иван, обращаясь к Джону. Наташа даже вздрогнула от такого хамства.

— Я эксперт фирмы, в которую вы сейчас направляетесь. И без ложной скромности могу добавить, что без моего участия фирма вряд ли достигла бы того положения, в котором она сегодня находится.

— Вы являетесь членом совета директоров? — спросила Наташа.

— Да, в некотором роде это так. Я всегда присутствую на совещаниях фирмы, где принимаются важнейшие решения. — Джон направил свой холодный, с неизменной, едва уловимой насмешкой взгляд на Ивана. Теперь Иван понял, где он видел этот взгляд... — Ну что, Иван, ты удовлетворен моим ответом?

— Я вас узнал, — сказал Иван Джону, потом повернулся к Николаю. — И вас тоже. Вы здесь, чтобы сказать, что с вашим активным участием уже создан компьютер, который необходим мне для решения Системы? — спросил Иван у Джона.

Сергей с Наташей переглянулись. Они не понимали, о чем речь, но поняли, что Иван и Джон, судя по всему, знакомы.

— Да, Иван, я здесь именно для того, чтобы сказать тебе об этом лично, — ответил Джон. — Мне приятно, что сначала ты узнаешь об этом от меня. Уже завтра тебе предложат познакомиться с его возможностями. Видишь, как стремительно развиваются события.

— Да уж, даже слишком стремительно. Я еще не решил, какие параметры я задам Системе и на каком языке буду ее описывать, а вы уже подсовываете мне компьютер.

— Насколько я представляю, язык для решения может быть только один. Тот, на котором написана Книга. А вот параметры управления душами действительно зависят от создателя Инструмента. Я могу тебе их подсказать...

— Хотите загнать меня в цейтнот, лишить возможности спокойно все обдумать? Не выйдет. Пока я не решу, что именно я буду делать, я ничего делать не буду, и поэтому я пойду думать, — сказал Иван Джону и поднялся. Сергей и Наташа молчали, они ничего не могли понять.

Наташе не нравился Джон. Хотя он все делал, чтобы ей понравиться. И делал прекрасно. Все показывало, что это очень уверенный в себе, умный и спокойный человек. Он вел себя так, что Наташа постоянно чувствовала его внимание, ей казалось, что все, что бы он ни делал, ни говорил, — это было с расчетом произвести на нее впечатление. Да, он старался понравиться ей и не скрывал этого, но делал это с умением и изысканным блеском.

— Вас, Наташа, наверное, удивило то, что мы с Иваном знакомы. — Наташа пожала плечами. — Признаюсь — это самый интересный ученый, которого мне приходилось видеть. Он фантастически талантлив. Не могу подобрать

другого определения — фантастически, невероятно талантлив. — Наташа продолжала молчать, она посмотрела на Сергея, тот увлеченно о чем-то спорил с Николаем.

— Вам, конечно же, виднее, я ничего не могу сказать о нем как об ученом.

— Наташа, я думаю, что пройдет совсем немного времени, и о нем узнает весь мир.

— Неужели эта программа, которую он создал, такое значительное научное открытие? — спросила Наташа и отвернулась от Джона, намекая на то, что он выбрал для разговора не самую интересную для нее тему.

— Программа — это частное, незначительное, всего лишь приложение его общей математической теории. А вот теория эта настолько революционна, что ее даже не с чем сравнить. Таких открытий люди еще не делали. — Наташа посмотрела в глаза Джону. «Зачем ты завел этот разговор, видишь же, что мне это неприятно», — думала Наташа, она старалась не отвести глаза, выдерживая взгляд черных глаз Джона. Что-то в его взгляде показалось Наташе странным, но что именно, она не поняла. Лицо Джона показалось ей в этот момент необыкновенным, оно выражало такую уверенность в себе, столько внутренней силы и спокойствия, что Наташа смотрела на него, как зачарованная. «Сколько умной уверенности в нем. Не человек, а шедевр какой-то», — подумала Наташа. — Что же мне сказать-то — что мы поссорились с Иваном и что мне надоели его исчезновения и непонятные поступки?»

— Да, Иван — человек необыкновенный, но я никогда бы не подумала, что он создал нечто подобное. — Наташа отвела взгляд. Джон тут же наполнил бокал и сказал:

— За ваше счастье, за тебя и за Ивана.

«Откуда он все знает? — подумала Наташа. — А впрочем — какая разница». Она кивнула головой:

— Спасибо.

— Между прочим, Иван, несмотря на свое более чем скромное положение, был известен в научных кругах как самый большой безобразник, — Джон засмеялся, — среди подающих надежды молодых физиков. Поэтому мы следили за ним давно. Так вот, я знаю, что Иван сделал великие открытия, и он считает, что они могут быть обращены против людей. Поэтому он делает все, чтобы его открытия до них не дошли. — Джон вкладывал в свои слова столько значения и скрытого смысла, что Наташа не могла не уловить, что этим он хочет дать понять, что коль уж

он говорит ей все это, и говорит так многозначительно, значит, она обязана проникнуться содержанием этих слов. Джон продолжал: — Иван — совестливый человек.

Аллеина передернуло от этих слов: «Лицемер прокляхыш! Как он умеет, добавив толику лжи, исказить весь, в общем, правдивый смысл...»

— Ученые нашего времени, многие из них, страдают комплексом вины. Они создали атомную бомбу и множество такого, что поставило человечество на грань самоуничтожения. И Иван — из числа именно таких ученых, которые осознают свою ответственность, не понимая, что дело совершенно не в них, они ведь только проводники воли человечества к власти над природой. К тому же Иван совершенно бескорыстен.

— Это уж точно, — с готовностью подтвердила Наташа.

— Я разговаривал с ним ранее, так вот, он очень жалеет даже и о том, что сделал эту программу — для него такая мелочь. А ведь он уже сейчас вне конкуренции как соискатель Нобелевской премии. И уверяю тебя: ничего, кроме пользы, его открытия в области математики и физики человечеству не принесут. Ты мне должна поверить.

— Почему ты так убежден в этом, Джон? Люди уже много раз доказали, что могут использовать во вред самые прекрасные и полезные, казалось бы, достижения науки.

— Я убежден в этом, потому что у людей сегодня нет выбора, кроме как использовать его открытия на благо, потому что иного не позволит инстинкт самосохранения. И сейчас уже мы можем себя тысячу раз уничтожить, что изменится от того, что мы сможем уничтожить себя две тысячи раз?! — Джон сделал длинную паузу. — Я хочу, чтобы Иван сотрудничал с нашей фирмой, чтобы он сделал все, что мы ему предложим. Плата за это будет самая высокая, условия — самыми выгодными. Он может стать у руля власти, если только пожелает. Он это может, я знаю.

— И я должна убедить Ивана сотрудничать с вами? «Боже мой, это, кажется, единственный случай, когда мужчина ухаживал за мной не ради собственного удовольствия, а для того, чтобы повернуть сделку. Джон — удивительный человек. — И тут Наташа, наконец, поняла, чего не было во взгляде и всей ауре, исходящей от Джона, чем он отличался от всех мужчин. Не было желания, нормально-го мужского желания. — Он меня даже подсознательно не^хтел: ни овладеть, ни поцеловать, ни обнять. И он от этого не страдал, и это его не удивляло».

Джон улыбнулся и кивнул головой.

— Ты, Наташа,— удивительная женщина. Я восхищен.— Тут Джон взял ее руку и поцеловал.

Наташа встала и, сделав ослепительную улыбку, спросила:

— Мы еще увидимся, Джон?

— Я надеюсь на тебя. Если это будет нужно тебе или мне, мы встретимся.

Наташа повернулась к Сергею. Тот, увидев, что она встала и хочет уйти, пожал Николаю руку и тоже встал. Они пошли на свои места.

Иван упал в кресло и закрыл глаза. В голове была удивительная пустота. Ни одна мысль не возникала, думать не хотелось. Иван открыл глаза и осмотрел салон.

— А ведь никто и не подозревает, что вскоре произойдет, и тем более,— он усмехнулся вслух,— какая грандиозная роль будет у меня в этом главном в истории человечества событии. Тем более великом, что о нем, возможно, никто и не узнает. Подмена Бога или Конец света; если произойдет первое — тайна, если второе — об этом узнают все. Что будет — зависит только от Бога. Но я должен быть готов и к первому, и ко второму исходу.

Внимание Ивана привлекла маленькая девочка, которая бегала по салону и смеялась. Она упала и заплакала. Иван быстро встал и взял ее на руки.

— Ну не плачь, ничего страшного. Где твоя мама? — Девочка уставилась на него и продолжала плакать. «Она, наверное, не понимает по-русски», — подумал Иван. Он повторил вопрос по-английски, потом по-немецки. Девочка не понимала. «Где же ее мать?» — Иван оглядывался по сторонам, но, видимо, матери в салоне не было. Девочка была черноглазая и черноволосая.

— Где же твоя мама, девочка? — спросил Иван по-испански. Девочка показала ручкой в хвостовую часть самолета. — Ну, наконец-то, нашли общий язык.

Он понес ребенка в задний салон. Ему навстречу бежала молодая женщина.

— Вот ты где! — воскликнула она по-испански. — Извините, синьор, она такая шалунья, не успеешь взгляд отвести, ее уже и нет.

— У вас очаровательная дочь,— сказал Иван и замер, захваченный странным чувством, которое охватило его.

Он держал ребенка и не хотел отдавать его матери, потому что казалось, что этот ребенок — тонкая ниточка, которая связывает его с обычной человеческой жизнью. Женщина смотрела на Ивана и не могла понять, что с этим человеком, почему он не слышит ее и не отдает ребенка.

— Давайте мне мою дочку,— повторила она по-английски. Иван будто очнулся, улыбнулся и отдал девочку.

«Итак, Сатана торопит события. И он уже и не сомневается, что я буду работать на этом проклятом компьютере. Он, конечно же, прав. Чтобы мне отказаться от этого соблазна, надо покончить самоубийством. Но прежде чем я дам компьютеру первую команду, я должен по крайней мере знать: не морочат ли мне голову и Бог, и Сатана, следуя каким-то своим неизвестным мне целям. Не хочу быть марионеткой в их руках. Есть ли на самом деле предопределение? Если я смогу изменить судьбу хотя бы одного призванного человека — значит, его нет. А если его нет — значит, воля Бога над этим миром ничтожна, ведь тогда всякий может противиться Его воле. Он только лишь властелин душ. Так же ничтожна будет и моя воля. И вся моя Система — блеф, роковая для меня ошибка. Зачем ее решать? Это первый вопрос.

Второй вопрос, на который надо ответить: если providение есть — неизменно ли оно? Меняет ли Бог свою Книгу? Для того, чтобы выяснить это, надо сравнить ее содержание в разные периоды времени. Книга для меня закрыта, Бог предупредил об этом, но я могу сравнить, например, пророчества об одном и том же событии, заведомо отражающие содержание Книги, сказанные в разное время. Если они не совпадут, значит, Книга меняется. Если она меняется, значит, я смогу изменить ее еще раз.

И, наконец, интересен сам механизм пророчеств. Каждый призванный по сути своей пророк, потому что у него есть душа, в которой записано Слово Бога. Мне предстоит создать своих пророков, и надо посмотреть, какие они».

2

Иван осторожно повернулся и посмотрел на Наташу. Она спала. Она загадочно улыбалась, словно скрывая от Ивана какую-то тайну. Потом Иван посмотрел на Сергея. Тот, увидев, что Иван смотрит на него, сказал:

— Слушай-ка, Иван. Расскажи мне, пожалуйста, что, по-твоему, может интересовать наших американских коллег в твоей программе? Точнее, даже не это... Что, по-твоему, они от тебя хотят?

— Что они от меня хотят? — Иван усмехнулся. — Что хотят? Думаю, они хотят, чтобы я работал на них.

— Ну это-то и коню ясно. Что они хотят, чтоб ты сделал для них? Вот что интересно.

Сергей поймал на себе пристальный взгляд Ивана, тот самый взгляд, который заставлял людские сердца биться чаще.

— Это зависит от того, насколько они глубоко поняли идеи, которые заложены в основе методов и подходов к решению задачи, которые я использовал. Если они поняли многое, то думаю... — Иван помолчал немного, потом продолжил, — то думаю, что они захотят, чтобы я реализовал для них программное обеспечение искусственного интеллекта.

Тут Сергей заметил, что Наташа проснулась и внимательно слушает их разговор, он понял это по тому, что изменился характер ее дыхания.

— Ладно, Иван, основа их интереса мне в общих чертах понятна. Только вот в какие конкретные формы выльется этот интерес?

На самом деле Наташа не спала, она мечтала. Она представила себя женой блестящего, знаменитого на весь мир ученого — Ивана Свиридова. «Да, даже я, видевшая в нем одни достоинства, не могла представить, что он так талантлив. Джон прав, это так и есть на самом деле. Я чувствую это», — думала Наташа.

Наташа видела себя то вместе с Иваном в роскошной обстановке собственного дома, то в окружении веселых, красивых детей — ее и Ивана детей, то на светском приеме, то где-то, идущей вместе с Иваном по берегу океана под шум прибоя. «И все это совершенно реально. Что надо сделать, чтобы все это осуществилось? Чтобы у нас было то, что все нормальные люди называют одним словом *III* счастье? Надо, чтобы он стал сотрудничать с этой фирмой и чтобы не занимался ерундой всякой, а реализовывал свой талант и хотя бы опубликовал то, что уже сделал. А чтобы его не обошли всякие дельцы, я должна проследить за этим сама...»

Иногда Наташа скрытно поглядывала на Ивана. Но теперь она видела его иначе. Раньше это был просто па-

ре. Н^Б, любимый, желанный мужчина, ради любви которого она была готова на многое, может быть на все. Теперь она видела в нем мужа... «Муж — от слова мужчина» — вспомнились Наташе слова Ивана — человека, который ^{мо}жет и должен обеспечить ее будущее. Сделать это будущее счастливым.

В это время объявили посадку. Утомительное путешествие через океан заканчивалось.

«Так, сейчас нас посадят в автомобиль и повезут в офис этой фирмы. Ехать часа два-три, не больше, а я еще ничего не решил. Я не знаю, что мне делать. И, судя по всему, два часа — слишком мало, чтобы получить ответ на этот вопрос», — подумал Иван.

Самолет коснулся взлетной полосы и заревел двигателями, летчик включил реверс.

— Приехали, ребята. Поздравляю, — сказал Сергей. Иван и Наташа промолчали. «Да, что-то все мы не очень, прямо скажем, веселые. Есть, есть во всей этой череде событий, приведшей нас сюда, что-то странное и даже, я бы сказал, ирреальное, — подумал Сергей, выходя из самолета. — А, ладно. Где наша не пропадала!»

3

За паспортным контролем их встречали. Высокая женщина лет тридцати с красивым, умным лицом и стройной, как у манекенщицы, фигурой и тот бородатый мужчина, что приезжал тестировать их программу.

Сергей улыбался, говорил дежурные фразы, поддерживая разговор, Наташа переводила, только Иван молчал, и на лице его было какое-то скучное, отсутствующее выражение.

Иван прекрасно понимал все, что говорят американцы, но говорить по-английски ему не приходилось ни разу в жизни. «Надо заставить себя говорить, черт возьми...» — подумал он и выдал из себя фразу:

— Господа, а нельзя ли сделать так, чтобы деловые переговоры, которые предусмотрены программой нашего ^визита, начались с завтрашнего дня? — Он говорил медленно, но, видимо, сказал все правильно, и его поняли. Оба ^встречающих уставились на него и, наверное, растерялись,

они не знали, что можно ответить на этот вопрос. Наконец Питер, так звали бородача, спросил:

— У вас какие-то проблемы?

— Я не готов вести сегодня содержательный и конструктивный разговор о сотрудничестве. Понимаете?

— Не совсем, признаться,— пожал плечами Питер.— А завтра?

— А завтра, я думаю, все будет в порядке, и я быстро отвечу на все ваши вопросы.

— Не беспокойтесь, Иван, я думаю, у нас все так и получится. Сегодня в четырнадцать часов переговоры будут начаты, мы наметим их план и дадим свои предложения, но отвечать на эти предложения вы будете завтра или послезавтра. В принципе, вы здесь можете жить столько, сколько понадобится, чтобы все обдумать и дать хороший ответ на наши предложения. Но сегодняшнюю встречу перенести никак нельзя: именно сегодня соберется все высшее руководство фирмы, и масштаб наших предложений будет определен ими после знакомства с вами.

«Ах, вот как, значит, все равно оценка будет произведена сегодня. Нет уж, туда надо прийти с готовым решением».

Иван посмотрел на визитную карточку, которую дал ему Питер. Там был указан адрес фирмы и телефоны.

— Переговоры будут проводиться по этому адресу? — спросил он у Питера.

— Да, да, это адрес главного офиса. Тихое, красивое место в Новой Англии.

— Далеко отсюда?

— Три часа по автострате. Но мы полетим на вертолете,— ответил Питер, открывая дверь микроавтобуса и жестом приглашая гостей садиться.

У Ивана тут же появился план действий. «Так, в конце концов, сегодня не они мне нужны, а я им. Надо смыться, да и все. Когда буду готов для разговора, сам их найду. И пусть думают, что хотят».

— Извините, я сейчас,— сказал Иван и направился к входу в здание аэропорта,— пять минут,— добавил Иван, обернувшись на ходу. Наташа побежала за ним.— Ты куда, Наташа?

— Туда же, куда и ты.— Наташа сердцем почувствовала что-то недоброе. Иван быстро шел по огромному залу аэропорта. Наташа едва попевала за ним.— Куда ты, Иван? Что ты задумал?

Иван резко остановился, и Наташа увидела жесткий взгляд Ивановых глаз.

— Наташа, иди назад, я сейчас приду.

— Нет, я с тобой.

— Зачем? Я сейчас вернусь.

— Нет, Иван.

— Что за глупости, Наташа.

— Что ты задумал, Иван? Говори...

Иван сжал зубы. Наташа увидела в глазах Ивана жесткое выражение и холодную ненависть. Иван стоял и молчал, то ли борясь с приступом раздражения, то ли обдумывая ответ.

— Ты слышала, что я сказал Питеру?

— Да.

— Я объяснил ему, что сегодня не готов вести переговоры, и я их сегодня вести не буду.

— Но так же не делается, Иван. Так не принято. Это скандал.

— Наташа, я всех этих ваших условностей не понимаю. Мне на них попросту наплевать. Я сказал нет, значит, я не буду сегодня с ними встречаться.

— Но это же означает срыв всей поездки.

— Для меня это ничего не означает.

Теперь задумалась Наташа. «Спорить с ним бесполезно и бессмысленно. Я должна быть с ним, иначе мы его вообще можем потерять»,— оценила обстановку Наташа.

— Ну хорошо, что ты будешь делать сейчас? — тихим, примирительным тоном спросила она.

— Я пробуду здесь или где-то в другом месте некоторое время, думаю, что пятнадцать-двадцать часов мне хватит. Мне нужно время, чтобы подумать. После этого я сам позвоню или приду в их офис. И всего-то.

— Хорошо, бери меня с собой. Пошли вместе,— решительно сказала Наташа. И твердо добавила: — Я пойду с тобой, Иван.

— Ладно, хорошо, быстро смываемся.

«Его нельзя упрекнуть в полной безответственности,— подумал Аллеин,— хотя вопросы, на которые он собрался получить ответы,— чудовищны».

«Этот парень способен принимать нестандартные решения,— думал Риикрой.— Он настоящий Предвестник. Поступки его действительно непредсказуемы».

Прождав Ивана и Наташу минут десять, все беспокоились. И больше всех беспокоился Сергей. Он то и дело

оглядывался и уже несколько раз забежал в здание аэропорта. Наконец, очередной раз убедившись, что ни Ивана, ни Наташи не видно, он отозвал Питера в сторону и, с трудом подбирая английские слова, сказал:

— Питер, они не придут.

На лице у Питера выразилось удивление, которое он не сумел скрыть. Сергей заметил, что на лбу у Питера выступили маленькие капельки пота.

— Почему, Сергей, что случилось?

— Иван сказал тебе, что будет говорить с вами завтра, значит, он будет говорить завтра. Иначе он не может, такой он человек. А Наташа будет с ним. Поехали в офис, они не придут.

— Но это же невозможно, Сергей.

— Поехали, они не придут. Надо спасать положение и себя тоже, — улыбнулся Сергей.

Питер что-то объяснил своей спутнице. Сергей ничего не понял, потому что они говорили быстро.

— Поехали, Сергей, — сказал Питер. — Объяснять, что случилось, будешь ты. У нас времени ровно столько, чтобы не опоздать к началу совещания.

4

Иван подошел к газетному киоску и стал рассматривать карты города и окрестных территорий. Он выбрал несколько карт и расплатился. Потом пошел куда-то, поглядывая на указатели. Выйдя из здания аэропорта, он увидел стоянку такси, обратился к водителю и показал место на карте, куда ему надо.

Иван сел на переднее сиденье, Наташа на заднее, и они поехали.

Иван показал водителю на карте место на дороге, ведущей из Нью-Йорка к городку, где была расположена штаб-квартира фирмы. Водитель завел двигатель и, повернувшись лицом к Ивану, сказал, за какую сумму он берет-ся довезти до места. Иван кивнул головой.

— Ты не американец? — спросил водитель.

— Нет. Я русский, только что прилетел из Москвы.

— Я почему-то так и подумал, — сказал водитель и улыбнулся.

• — А почему ты так подумал? — как ни в чем не бывало спросил Иван.

Водитель помялся немного и ответил:

— По акценту. Видишь ли, мне приходится возить много людей, и я научился определять национальность по акценту.

— А сам-то ты местный? У тебя нет акцента? — спросил Иван.

Водитель засмеялся и сказал:

— Я-то местный, мои предки приехали сюда вместе с отцами-пилигримами. Вообще-то, я студент, но иногда подрабатываю таксистом. Меня зовут Джек.

— Слушай, Джек, у меня к тебе просьба. — Иван блеснул глазами, так ему понравилась эта мысль. — Нам ехать, наверное, часа три. За это время ты должен научить меня говорить без акцента.

— Как?! Это невозможно. Как тебя зовут?

— Иван.

— Это невозможно, Иван.

— А ты попробуй. Для этого мы с тобой должны болтать всю дорогу без умолку о чем попало. И ты должен меня поправлять, когда я говорю неправильно. И будь спокоен, дважды я ошибаться на одном слове не буду. Мне главное — уловить правила фонетики вашего языка.

— Ты что, полиглот?

— В некотором роде — да. Давай попробуем? — Водитель молчал. — Может быть, я за это должен доплатить? Если нужно, я доплачу.

— Скажи мне, Иван, а зачем тебе говорить без акцента? Ты говоришь по-английски совсем неплохо, я бы даже сказал, что лучше, чем некоторые наши...

— Понимаешь, я хочу, чтобы люди принимали меня за своего везде, где бы я ни был. Мне это очень важно.

— Ладно, хорошо, будем болтать, так даже веселее, — Джек улыбнулся и отпустил сцепление. Автомобиль сделал крутой поворот и, быстро набрав скорость, помчался по эстакаде.

Иван тут же начал разговор, который непрерывно продолжался все время, пока они ехали. Они говорили, действительно, о чем попало, в основном обсуждая то, что Иван видел по сторонам. Наташа за все это время не произнесла ни слова, отмечая про себя, что Иван с каждым часом говорит все лучше и свободней. «Странно, — думала Наташа, — говорил, что хочет подумать, а сам занялся

изучением языка. Может, он хочет вести переговоры сам и на чистом английском?»

«У Ивана удивительные способности к языкам, — оц. нил Аллеин. — И я даже могу догадаться, зачем он начал учить разговорный английский. Он готовится расшифр₀ вать язык Бога и подсознательно проверяет свои способности не только к языкам программирования, но и к человеческим. А ведь язык Бога — нечто среднее...»

Автомобиль ехал по городу долго. Наташе было интересно смотреть, даже и через окно автомобиля, мимоходом, на чужую жизнь, которая в этот час буквально кипела на улицах Нью-Йорка. Огромные великолепные здания мосты, панорамы, от которых прямо-таки захватывало дух! «Какой огромный город. Во всем — огромный. Сколько же надо труда, чтобы построить и вдохнуть жизнь во все это! — восхищалась зрелищем Наташа. — Боже мой, на что способны люди. Говорят, что такой мегаполис — это плохо для человека, что это неестественная для человека среда обитания. Да, наверное. И все-таки • — это творение достойно удивления и даже преклонения...»

Наконец автомобиль выехал за город и помчался по автостраде. Начался ливень. Пришлось уменьшить скорость, потоки воды заливали стекло, автомобиль словно плыл, а не ехал по дороге.

Иван говорил почти без умолку. Он комментировал то, что видел, рассказывал, как прошел полет, об основах теории вероятности и игр, о каких-то островах, о жизни медведей в Сибири — буквально обо всем, что приходило ему в голову. А Джек иногда прерывал его, объясняя ошибки в произношении и грамматике.

«Куда же мы едем? — думала и одновременно злилась Наташа. — Ну, Иван, ну погоди же... Я тебе устрою Варфоломеевскую ночь».

Иван по-прежнему не обращал на нее внимания, увлеченно болтая по-английски с американским уже акцентом.

«Поразительно! Он действительно говорит уже, как Джек. Ну и память же у него! Компьютер, а не человек. Хоть бы раз повернулся и на меня посмотрел». Наташа вдруг начала вспоминать, как вели себя с ней другие мужчины. «А этот — что, он забыл обо мне, что ли?!»

На окраине какого-то небольшого городка у дорожного указателя Джек остановил автомобиль и заглушил мотор.

— Все — приехали. Вот то место, которое ты показал на карте.

Иван молча достал деньги, отсчитал несколько банк_{т и} подал их Джеку. Тот взял деньги и кивнул головой. — Правильно?

— Да, все правильно. Спасибо. Может, вас еще куда подвезти? — Джек обернулся и посмотрел на Наташу. Его, наверное, удивляло то, что она за все время не сказала ни одного слова. Наташа пожала плечами и посмотрела на Ивана. Тот тоже обернулся. «На улице непогода, а Наташа в легкой кофточке. И вещи все остались в аэропорту, паже зонтика нет, — подумал Иван. — Она может простудиться, а это совсем уж ни к чему».

— Знаешь, Джек, отвези-ка нас в какую-нибудь гостиницу в этом городке, если здесь такие есть, конечно.

Джек кивнул головой, и машина медленно тронулась с места. Весь городок-то был — одна улица вдоль дороги. Уже на выезде Иван увидел вывеску гостиницы. Джек остановился и вышел из машины. Через минуту он вернулся и сказал:

— Все хорошо, места есть. И гостиница, как мне показалось, вполне приличная.

— Ну что ж, прощай, Джек, спасибо за урок.

— Прощай, Иван, прощай. — Джек кивнул головой Наташе, улыбнулся и сел в машину.

Сделав крутой разворот на шоссе, машина поехала назад, быстро набирая скорость. Иван и Наташа смотрели ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Мысли у них обоих были примерно одинаковые. Эта машина казалась им последним, что соединяло их с прошлым.

5

Иван открыл дверь и пропустил вперед Наташу. Они оказались в небольшом фойе, из которого наверх вела крутая деревянная лестница. Налево была дверь. Иван вошел. Уда. Здесь была одновременно и стойка бара, и конторка, Де выдают ключи. За стойкой никого не было. Но менее чем через минуту вошел мужчина лет шестидесяти с при^ветливым лицом, в очках. Иван поздоровался и спросил, Можно ли заказать два одноместных номера на сутки.

Расплатившись, Иван взял ключи, и они с Наташей Пошли вслед за портье наверх. Их комнаты располагались Рядом. Это был второй этаж с видом на парк.

Наташа вошла в свой номер и села на стул.

— Поживем здесь до завтра,— сказал Иван Наташе.— Утром я тебя разбуджу.

— Где у вас можно поужинать? — спросил Иван у попов.

— Вечером в гостинице работает ресторан,— ответил тот.— Через час придут музыканты, я надеюсь, вы там хорошо можете провести время.

— У вас есть оркестр? — заинтересовался Иван.

— Да, и очень неплохой. К нам приезжают издалека чтобы послушать гитариста. Это настоящий мастер.— Лицо Ивана приняло несколько недоуменное выражение. Портье заметил это.— Да, да, именно мастер, а то, что он играет именно здесь, в нашем крохотном городке,— это его судьба. Знаете ли, жизнь складывается по-разному.

— Да, да...— кивнул головой Иван,— мы обязательно придем ужинать.

Портье ушел. Когда его шаги затихли, Наташа посмотрела на Ивана, в ее взгляде Иван прочитал вопрос: «Что теперь будет со мной? Зачем ты меня сюда привез?»

— Ну, ты отдыхай, Наташа. Через час-полтора пойдем ужинать. Хорошо?

— Хорошо,— сказала Наташа.— Я зайду за тобой.

Иван вошел в свой номер и закрыл дверь на ключ. Он подошел к окну и долго смотрел на деревья, дорожки и газоны парка. Вид из окна Ивану очень понравился. Он пододвинул стул поближе к окну и сел на него так, чтобы был виден парк.

В это же время Наташа сделала то же самое. Она села у окна, положила голову на руки и стала смотреть на облепленные деревья.

«Надо жить в таком доме, где есть свой сад,— подумал Иван.— Я бы с удовольствием ухаживал за деревьями.*» Ивану вдруг очень захотелось пойти в парк и отпилить несколько засохших ветвей, чтобы они не портили вид.— Может быть, во мне дремлет настоящий садовник? — улыбнулся Иван.— Каждое утро я бы выходил из дома, приводил в порядок сад: проверял, в порядке ли деревья, цветы, кусты, дорожки. Потом бы я завтракал, потом читал книги, но недолго, потом мастерил бы что-нибудь своими руками.— Иван вспомнил, что когда-то давно, еще учась в школе, он любил мастерить всякие вещи, особенно из дерева.— Потом? Потом у меня была бы уйма времени на всякие интересные дела.— И тут Иван вслух рассмеялся.--*

...ие дела? — спросил он у себя.— Какие? Вот мое несчастье-то. Нет дел, которые бы меня по-настоящему интересовали, кроме моей Системы».

«Если бы это был мой парк, я бы убрала вон тот ряд ерешев, здесь посадила бы аллею, там бы надо сделать большой пруд и поставить беседочку. В пруду бы осею плавали разноцветные листья. Может быть, его полюбили бы лебеди. Это было бы необыкновенно красиво». Наташа вспомнила, как она кормила с рук лебедей, как они изящно тянули шеи и царственно благодарили ее, слегка кивая своими головами. «Как сделать так, чтобы у меня был дом, сад, пруд и ко всему этому муж? Муж, который нужен — дорогой и любимый. Вот вопрос!» Тут Наташе захотелось выйти в парк. Она встала и вышла из комнаты.

Обойдя дом, она пошла по центральной аллее, которая подходила к парадному крыльцу дома с другой стороны. Было свежо и сыро, но тихо. Приятная прохлада помогала освободить голову от царившего в ней сумбура. Наташа подошла к месту, где она хотела бы сделать пруд, и остановилась. «Здесь бы надо срубить дерево, только одно дерево. Что это за дерево? Это яблоня, старая яблоня. Да, точно». Наташа отломилла засохшую веточку. Трава была сырая, и Наташа промочила ноги. «Надо идти в дом, сменной обуви-то нет»,— подумала она. Но уходить из парка не хотелось. Подул ветерок и стряхнул с деревьев капли дождя. Наташа даже задрожала от холода. Она пошла к дому. Это был особняк, построенный в конце прошлого века. Гостиница занимала только одно его крыло. Видимо, строил этот дом очень хороший архитектор, дом был красив. Наташа даже замедлила шаг и остановилась на минутку, чтобы полюбоваться архитектурой. «Построено с любовью и знанием дела»,— восхищалась Наташа. Тут она увидела в окне Ивана, он смотрел на нее. Наташа сделала вид, что не обратила на него внимания, и быстро прошла мимо окон.

Наконец Иван услышал, что дверь в соседней комнате открылась: пришла Наташа. Иван тут же направился к ней в номер.

— Ты, наверное, замерзла? На улице ведь так холодно,— сказал Иван, входя в комнату. Наташа открыла дверь и тут же отошла к окну. Она взяла со стола ветку яблони и вручила ее Ивану.

— Сохрани на память. Это на счастье.

— Это? Она же сухая.
— Она сухая, но красивая и такой останется навсегда. Посмотри, какая нежная у нее кора, точнее не кора, а корочка.

Ивану понравилось слово «корочка».

— Да, корочка красивая. Принимаю подарок.

Он взял засохшую веточку и разломил ее пополам. Одну половину отдал Наташе, а другую взял себе.

— На память. Сохрани и ты.

Наташа молча взяла веточку.

Риикрой рассмеялся и сказал Аллеину:

«„И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих...“ Как это похоже, Аллеин, не правда ли?»

«Да, Риикрой, человеческая сущность не меняется. В этом ты прав»,— сказал Аллеин.

— Ну что, не пойти ли нам поужинать, а? — предложил Иван.

— Да, я бы не отказалась.

— У тебя мокрые ноги. Ты не простудишься?

— Это ничего. Я не боюсь простуды,— ответила Наташа.— Ну что, пошли?

— Пошли, очень хочу послушать музыку. Сто лет уже не слушал музыку, а это — моя большая слабость.

— Да? — искренне удивилась Наташа.

— Да. Я даже хотел стать музыкантом, правда, это было давно, когда еще учился в школе.

Иван поймал себя на мысли, что он тратит драгоценное время, предназначенное для обдумывания своего дальнейшего поведения, совершенно нерационально. Но тут же отогнал эту мысль.

6

Зал рестораника был маленький. На возвышении стояло фортепиано, небольшая ударная установка и контрабас. Иван с Наташей пришли первыми. Иван заказал вино и ужин, и они стали ждать.

— Здесь очень уютно. Мне нравится старая мебель. Такая, как эта,— сказала Наташа. Иван кивнул головой.

— Мне тоже здесь нравится.

— Уверена, официантка даже и не заподозрила, что ты не американец. У тебя блестящие способности к языкам.

— • У меня абсолютная память, только и всего.

— Нет, этого мало. Чтобы овладеть языком, нужно еще кое-что, кроме памяти.

— А что еще?

— Смелость. Надо не бояться говорить. Понимаешь?

— Не понимаю. Чего бояться-то?

— Ну, например, того, что тебя не поймут, что будут смеяться про себя над твоим произношением.

— А, вон что? Нет, этого я не боюсь.

— Ну и самоуверенный же ты парень, Иван. Я бы даже заподозрила тебя в бахвальстве, если бы сама не была свидетелем того, как ты учился английскому разговорному.

В это время на эстраду вышел мужчина, взял электрогитару и сел на стул, который принесла официантка. Это, наверное, и был тот самый музыкант. Лицо музыканта было худым, бледным, даже каким-то серым, волосы, как пакля, а глаза тусклые и грустные-грустные. Он взял несколько аккордов, быстро подстроил гитару, потом посмотрел в зал. В зале никого, кроме Наташи и Ивана, не было. Но это не смутило музыканта. Он едва слышно шелкнул несколько раз пальцами, как бы сам себе задавая ритм, и начал играть. Играл он блюз.

На эстраду вышли еще трое: пианист, контрабасист и барабанщик; гитарист не переставал играть, остальные подстраивались под него. А тот играл без перерыва, как бы не замечая ничего.

Зал наполнялся людьми. Люди были одеты очень просто, но было видно, что они приехали сюда специально послушать музыку. Они разговаривали тихо и смотрели в основном на эстраду, а не друг на друга. Вошел портень, который устраивал Ивана и Наташу в гостинице. Иван встал и, улыбнувшись, вежливым жестом пригласил его подойти. Он подошел и сел за столик.

— Будьте добры,— попросил Иван,— расскажите, кто этот гитарист, откуда?

— О, это знаменитый в прошлом музыкант. Он тяжело болен, но он не стал играть хуже. Это известно всем. У него СПИД, к тому же он неизлечимый наркоман. У нас в гостинице есть дорогая частная клиника для таких. Поэтому он здесь. Вам понравилось, как он играет?

— Да, совершенно фантастическая музыка.

— Это все говорят. Говорят, так играть невозможно но он играет. С тех пор, как он здесь играет, наш ресторанчик полон каждый день. Сюда приезжают издалека, поэтому у нас здесь очень дорого.

— Да, да, я понимаю,— кивнул головой Иван.

— Я вас никогда не видел в нашем городке,— сказал метрдотель.

— Мы здесь первый раз,— ответил Иван.

— Желаю вам хорошо провести вечер. Ресторан работает до полуночи, но если Майкл будет играть позже, мы будем работать, пока он будет играть.

А Майкл продолжал играть. Теперь он, похоже, играл какую-то классическую вещь, но аранжировка была такая, что было трудно угадать, кто это — Бах, или Паганини, или тот и другой вместе.

Майкл играл и играл без перерывов. Интересно было то, что ему удавалось чередовать характер музыки так, что у публики не притуплялось восприятие, хотелось слушать еще и еще.

Музыканты ушли отдохнуть. Наташа боялась, что Иван встанет и предложит уйти, ведь ужин закончился. Но Иван, похоже, не торопился уходить. Он заказал еще вина и продолжал сидеть, никуда не собираясь.

— Хорошо? — спросила Наташа.

— Да, хорошо,— охотно согласился Иван.— Я хочу дослушать этого Майкла до конца. Как ты?

— Я с тобой,— с готовностью согласилась Наташа.

Музыканты отдыхали минут пятнадцать, не больше. На этот раз Майкл вышел последним. Пока его не было, контрабасист отодвинул в сторону контрабас и взял в руки бас-гитару, барабанщик добавил два барабана, а пианист сделал несколько пассажей, как бы проверяя, на что способно это фортепиано. Вышел Майкл, сел на свой стул и кивнул головой.

Включилась бас-гитара, потом заработал мотор барабанов, фортепиано разбавило все это веселым и энергичным форте — это был ритм рок-н-ролла. Майкл взял какой-то замысловатый аккорд и начал соло. Иван считал себя специалистом рок-н-ролла, он много слушал эту музыку, знал ее историю и мог безошибочно определять все ее направления. Только в последние два-три года он мало уделял внимания своему юношескому увлечению, потому что свободного времени совсем не стало. То, что играл Майкл, Иван сразу окрестил Майкл-роком, настолько это было непохоже на все, что ему приходилось слышать.

Публика оживилась. Настроение, навеянное блюзами, быстро сменилось весельем. Люди улыбались, громко разговаривали. Несколько пар стали танцевать.

Иван позабыл обо всем на свете. Музыканты играли, люди слушали, танцевали, пили вино, улыбались. И, в общем-то, никому ни до кого не было дела. Всех здесь присутствующих объединяло одно — люди пришли сюда, чтобы получить то, чего они не могли получить в своей обыденной жизни, и здесь заставляли думать и чувствовать, как хотелось тому, кто был тут главный,— музыканту. Он властвовал над всеми силой своего таланта, и все ему охотно подчинялись, потому что он, собственно говоря, никому не хотел ничего плохого. «Вы пришли сюда, чтобы слушать меня, ну так слушайте. Я люблю играть — это есть содержание и весь смысл моей жизни, а вы пользуйтесь моим талантом: плачьте, смейтесь, теряйте голову — делайте, что хотите, а я буду играть, потому что мне это нравится — играть для вас».

«Ему не надо Лийил, чтобы овладеть воображением людей,— думал Иван.— Интересно, как бы слушали люди того, кто, подобно Богу, использовал бы Лийил для власти над их разумом и чувствами?»

После полуночи люди стали расходиться, но Майкл продолжал играть. Он опять играл медленные, пронзительные мелодии, по-видимому, собственного сочинения. У Наташи сердце разрывалось от этой музыки — в ней была тоска, смертная, беспросветная тоска, когда уже нет надежды. Все музыканты, кроме бас-гитариста, уже ушли, и они играли теперь вдвоем. Майкл, наверное, изрядно подвыпил, голова его покачивалась то ли в такт, то ли от выпитого, он, казалось, полностью отключился и весь ушел в свою музыку. Почти все посетители ресторана разошлись, но никто из служащих не делал никаких даже косвенных намеков, что надо закругляться.

Майкл закончил играть и поднял голову. Наташа увидела, что его глаза полны слез. Майкл взял микрофон и начал говорить:

— Дамы и господа, сегодня мой последний концерт. Я решил закончить выступать. Я решил это сегодня. Когда-то ведь всему должен быть конец. Сейчас я сыграю последний раз в жизни, потому что не хочу больше повторяться, а то новое, что находит выражение в моей музыке,— слишком печально.

Он вновь начал играть. Это была какая-то простенькая, гитарная вещь — так играют начинающие гитарис-

ты, мальчишки. Потом партия все усложнялась, пока не достигла виртуозного блеска; казалось, гитара, вместившая настоящий водопад гармонических звуков, разлетится вдребезги. Потом ритм замедлился и стала повторяться какая-то навязчивая тема, вносящая в музыку диссонанс, эта тема совершенно завладела всем, и казалось, на ней все и закончится. Но нет, опять нашлась мелодия, она пробила через иррациональные пассажи, не вкладывающиеся, наверное, ни в какой гармонический ряд, и все успокоила. Наконец гитара выдохнула простенький минорный аккорд, и все утихло. Майкл быстро встал, снял гитару и пошел к столику, где сидели Иван с Наташей.

— Как вас зовут? — обратился он к Наташе.

— Наташа, — ответила та шепотом, она очень растерялась.

— Берите, Наташа, мою гитару. Она прошла со мной всю жизнь, теперь она ваша.

Наташа встала и взяла гитару. Те немногие, кто был в зале, молча смотрели на него.

Майкл повернулся и медленно пошел прочь.

7

— Интересно закончился вечер, — тихо сказал Иван, когда они выходили из зала. Наташа несла гитару.

— Мне так жалко его, Иван. Прямо не могу, сейчас разревусь.

— Да, в жизни у него, наверное, много всего было. И играть он умел, теперь можно говорить это в прошедшем времени, потрясаяще.

— Иван, а почему он отдал свою гитару мне? Как ты думаешь?

— Хочешь услышать комплименты? Так считай, он тебе их и сказал, подарив свою гитару.

Наташа больше не задавала вопросов, и они молчали, пока не пришли в Наташин номер.

«Почему он не уходит? — подумала Наташа. — Лучше бы он ушел. Было хорошо, очень хорошо, но лучше бы он ушел».

Иван взял в руки гитару и медленно провел пальцами по струнам. Гитара тихо зазвучала. Иван взял несколько аккордов и сказал:

— Когда-то на первом курсе у меня была идея формализовать ноты для компьютера, причем иначе, чем это делается обычно, я даже начал эту работу, но она неожиданно переросла в другую, которой я и занимался все время. Кстати, я думаю, что это не случайно, у музыки и моей математики есть что-то общее.

— Ты играл на гитаре? — удивилась Наташа.

— Конечно! А кто в восемнадцать лет не играет на гитаре?

— Нам повезло, мы слушали такую музыку, которую в записи не услышишь, да и вообще вряд ли где услышишь.

— Да, нам повезло. Ты, наверное, хочешь спать? — спросил Иван. Он быстро встал, пожелал спокойной ночи и вышел из номера.

Когда Иван вышел, Наташа еще долго сидела в кресле и смотрела в окно.

Иван повесил на дверь своей комнаты табличку с просьбой не беспокоить, закрыл дверь на ключ, разделся и лег в постель.

«Итак, настала ночь моего могущества, — подумал Иван и усмехнулся. — Пророк Мухаммед летал на седьмое небо. Мне туда не надо, я уже там был. Зато мне предстоит узнать, какие законы соединяют это небо с нашим миром. Это гораздо интереснее. Приступим к экспериментам. Итак, есть ли предопределение? Чью судьбу я попытаюсь изменить? Это должен быть человек из прошлого, который уже умер и судьбу которого я хорошо знаю. Кто, например? Мой дед погиб в сорок втором. А если сделать так, чтобы он остался жить? А, Лийил? Правда, я не знаю, призванный ли он, и тем не менее сделаем попытку. Лийил, покажи-ка, как и когда погиб мой дед, а я попытаюсь изменить обстоятельства так, чтобы он остался жить. Лийил».

Откуда-то из глубины березовой роши, из-за белоснежных стволов доносился звук человеческих голосов. То ли стоны, то ли вздохи, а может, просто тихий разговор. Иван повернулся назад и стал вглядываться в лес, стараясь понять, откуда идут звуки, кто это там. У Ивана зарябило в глазах от белых стволов, но он так и не разглядел, кто там есть. Звуки прекратились.

Иван повернулся и стал смотреть в поле. Это было обыкновенное поле, такое, каких в России великое множество. Снег уже сошел, и кое-где пробивалась трава. Очевидно, это была пашня, но ее с осени не вспахали и сейчас, похоже, пахать не собирались. Немного в стороне и впереди Иван увидел линию окопов и две разбитые противотанковые пушки, а еще дальше в поле стояли пять подбитых танков с крестами, они еще дымились. Иван разглядел, что около пушек лежат тела солдат. Он быстро пошел в направлении окопов.

Иван подошел к ближней пушке. Она была сильно повреждена, видимо, ее протаранил танк, на земле были видны следы его гусениц. Рядом с ней лежало несколько целых снарядов. Все солдаты, а это были советские солдаты, это Иван определил по форме, были мертвы. Их около орудия лежало четверо. Достаточно было раз взглянуть на их тела, чтобы понять: люди с такими ранами, лежащие буквально в лужах крови, жить не могут. Кровь впиталась в землю, но земля как будто не хотела принимать ее, и кровь все равно была видна. Видимо, солдаты были убиты одним снарядом, воронка от разрыва которого была всего метрах в трех от пушки.

Иван пошел вдоль траншеи. В ней он обнаружил тела еще семи солдат, трое из них были засыпаны землей: траншея обвалилась — то ли от разрыва снаряда, то ли от гусеницы танка.

Около второй пушки, раздавленной танком, лежали двое убитых. «Наверное, двое спрятались в лесу, их голоса я там слышал», — подумал Иван.

Метрах в пятидесяти от позиций проходила грунтовая дорога, по ней и двигались немецкие танки.

Со стороны березовой роши раздалось несколько одиночных выстрелов, потом началась стрельба из автоматов. Видимо, завязался бой. Он был коротким. Громыкнули один за другим два разрыва — это были взрывы ручных гранат, и все стихло. Выстрелы и разрывы доносились издалека. «Не меньше километра», — решил Иван и, повернувшись, стал смотреть в сторону поля. Там, насколько хватало глаз, никого не было. Подул слабый ветерок. Он донес терпкий запах распускающейся листвы. Иван присел на искореженный лафет пушки и стал смотреть на серое лицо солдата, лежащего навзничь рядом. Голова солдата была сильно запрокинута, так сильно, что подбородок неестественно тор-

жал вверх, одна рука лежала на груди, другая, сжимающая винтовку, откинута в сторону.

Солдат был молод. Убило его пулей в висок. «Сразу умер, и понять ничего не успел», — подумал Иван. — Совсем молодой. Наверное, ему было лет восемнадцать — не больше». Впечатление от увиденного было неожиданным. «Может, это какая-то генетическая память проявляется?» — думал Иван.

— Ну-ка, парень, — обратился он к покойнику, вставая, — давай-ка свою лопату.

Иван аккуратно повернул покойника, отстегнул с его пояса саперную лопату и пошел к роще. Здесь под большой березой он начал копать братскую могилу для убитых в этом бою солдат.

Иван почему-то не мог даже допустить, что он может уйти, оставив здесь этого парня лежать под открытым небом. «Нет, — думал Иван, — своих надо хоронить, да и чужих тоже. Нельзя их так бросить. Это неправильно. Раз уж я сюда попал по собственной воле, сделаю доброе дело...»

Земля под березой была мягкая, и могила копалась быстро. Иван работал, не думая ни о чем, потому что торопился, а копать в таком темпе было тяжело. Какое там о чем-то еще думать. Дыхание бы не сбить. Он зарылся в землю уже по грудь, когда услышал сзади команду:

— Руки вверх.

Иван сразу и не сообразил, что ему приказывали по-немецки. Он поднял руки вверх и медленно повернулся. Около ямы стоял немецкий офицер и человек десять солдат. У солдат были суровые, усталые лица, испачканные грязью. Грязной была и одежда. Видимо, им пришлось полежать на сырой земле, скрываясь от пуль.

— Ты копаешь окоп? — обратился к Ивану офицер. — Зачем?

— Я копаю могилу для погибших солдат, — ответил Иван по-немецки.

— Ты говоришь по-немецки? — удивился офицер.

— Да, — кивнул головой Иван.

— Из какой ты части? — спросил офицер.

Тут Иван посмотрел на себя и увидел, что на нем надета форма красноармейца. Он снял головной убор — это была пилотка с красной пятиконечной звездочкой — и вытер ею лоб. «Ага, сейчас они меня в этой яме и Расстреляют, — подумал Иван. — Жаль...»

— Я не знаю,- из какой я части. Я здесь оказался случайно.

— Ты зря не отвечаешь на мои вопросы. Мы тебя сейчас расстреляем. Но если ты будешь отвечать, то я сохраню тебе жизнь.

Офицер достал из кобуры пистолет и направил его на Ивана. Иван, глядя прямо в глаза офицеру, ответил:

— Расстреляете вы меня или нет — это не имеет для меня никакого значения. Но я хочу похоронить солдат. Вы бы могли подождать, пока я их похороню? Потом расстреливайте.

Ответ Ивана удивил немцев. Они переглянулись. Все ждали, что скажет офицер. Он молчал. Он смотрел на Ивана тяжелым взглядом умных глаз, покрасневших от бессонницы и пыли, и думал.

— Вальтер, где тот пленный? Давай его сюда,— обратился офицер к стоящему рядом с ним ефрейтору.— А ты вылезай из ямы,— сказал он Ивану.

Иван вылез из ямы и увидел, что к ним подводят, точнее, волокут высокого, широкоплечего красноармейца. Лицо его было в грязи, руки связаны за спиной, весь правый бок был в крови, но глаза сверкали непреклонной волей — не покориться. Лицо солдата показалось Ивану очень знакомым. «Батюшки, да это же, наверное, мой дед!» — воскликнул про себя Иван. И прикусил губу, чтобы не вскрикнуть.

Дед смотрел на Ивана пристально — так долго и неотрывно, что это заметили и немцы.

— Ты прав,— обратился офицер к Ивану,— надо хоронить солдат, они этого заслужили. И если есть кому хоронить, надо это делать. Но мы не можем ждать. И я вынужден вас обоих расстрелять, хотя и не хочу этого. Такова судьба и выбора нет,— и офицер стал поднимать пистолет, направляя его на Ивана.

Дед, видя, что через несколько мгновений раздастся выстрел, быстро сказал:

— Не убивай этого парня, офицер, очень прошу.

Офицер посмотрел на одного из солдат. Тот перевел.

— Кто он тебе? Откуда ты его знаешь? — спросил офицер у деда.

— Он мой,— дед запнулся и опустил голову. Когда он поднял голову, выражение лица совершенно изменилось. Он побледнел, в глазах его была просьба, даже мольба.— Он, он мой близкий родственник. Сын...

— Как тебя зовут, солдат? — обратился офицер к Ивану. Тот ответил.— Можно ли обмануть судьбу, Иван?

— Думаю, что судьбу ни обмануть, ни изменить нельзя. И я здесь, чтобы проверить это утверждение. Судьба солдат, погибших за правое дело, записана на небесах, и нам ее не изменить.

— Ты опять прав,— сказал офицер. И, быстро вскинув пистолет, выстрелил в деда. Он попал ему прямо в сердце.— Пошли к машинам,— приказал офицер.— А ты, Иван, хорони солдат, раз уж больше некому. Прошай.

Солдаты ушли, а Иван остался стоять на краю недокопанной могилы. Один. На краю пустынного поля, у молчаливой рощи.

Иван с силой воткнул лопату в землю и продолжил копать могилу. Покопав немного, он сказал:

— Лийил, доставь меня в то время перед боем, когда можно поговорить с дедом и его товарищами, Лийил.

Первое, что Иван ощутил, оказавшись в другом времени,— сильный, резкий запах грязного белья. Он увидел, что горят два костра и около них сидят и лежат люди — солдаты. Белье — портянки, гимнастерки и прочее — было развешано вокруг костров.

— Зря, может быть, мы тут сидим? А, дядя Ваня? — тихо спросил молодой голос.— Да еще и костры развели.

— А куда идтить-то? — прозвучал голос деда.

— Драпануть в лес, да и все. Пушай они нас там ищут,— предложил молодой солдат.— Хоть бы взводный был или знать бы, что с нашими стало. А так сидим, смерти ждем.

Иван, он стоял за ближним к костру кустом, разглядел лицо говорившего. Это был тот самый парень, с которого Иван снял лопату, чтобы копать могилу.

— Эх... А дальше что? — вздохнул дед.

— А дальше — видно будет. Может, уцелеем. К своим пробьемся. Партизаны...

Дед прервал его:

— Сань, ты знаешь чеву...— дед кашлянул в кулак,— не канителься, ради Бога, и меня не канитель. Я уже никуда не побегу: ни в лес, ни по дрова. Немцы уже верст на сто впереди. И нашим — не до нас.

Тут в разговор включился третий. Он, видимо, дремал, но теперь решил вмешаться.

— А что ты все же предлагаешь, Иван? — Это, судя по интонации и произношению, был голос городского, образованного жителя.

— Я предлагаю: поесть что осталось, поспать, одеться, обуться, развернуть орудия на дорогу и ждать, пока не появятся немцы,— ответил дед.

— А дальше? — спросил городской.

— А дальше повоевать напоследок. И все — больше ничего.

— Но это же — верная, бессмысленная смерть.

Все замолчали. Потом дед сказал:

— У меня дома трое детей. И я их уже никогда не увижу. Вот и вся недолга...

Молчали долго, потом городской спросил:

— Но почему, Иван? Я считаю, что наше положение не безнадежно. Надо искать выход. Надо пробиваться к своим.

— Это правильно — надо,— согласился дед,— только как? На восток-то — одно поле... Лес-то здесь и кончается. Я карту у взводного видел. И лес-то, разве это лес — роша, наскрозь проглядывается. Куда бежать-то? Это ж позор. Бессмысленный позор — так бежать, сломя голову. Вокруг немцев, как пчел в улье. У них здесь главный удар. А ты говоришь: пробиваться... Не об этом думать надо.

— А о чем же думать-то, дядя Иван? — спросил первый солдат.— Страшно чего-то, и не думается ни о чем.

— У тебя жена, дети — есть?

— Не-а...

— А девчонка?

— Аа была одна — так. Ничего... Но хорошая девчонка...

— Вот о ней и думай...— Аед подбросил в костер хворосту и продолжил: — Плохо, что нет у тебя ни жены, ни детей. Рано тебе помирать. Совсем рано... Вот что, ребята, я не верю, что вы спасетесь, но если у вас есть надежда — бегите, пробуйте. Пушки оставляйте и налегке, ночами, ползком. Может, и спасетесь.

— Пошли с нами, дядь Вань,— сказал Санька.

— Нет, Санька, не пойду. Я здесь буду.

— Почему, дядь Вань?

— А я ненавижу немцев...— спокойно, словно излагая само собой разумеющийся и понятный всем факт, без всяких эмоций сказал дед.— Аа так, что бежать от них не хочу. Боюсь, что пока буду бежать, они меня пристрелят, а я ни одного. Это не по-христьянски... Аля меня сейчас, после того, что я за последние дни увидел,— проще помереть, но только чтоб не зря, чем

бежать. Если я побегу, они, сволочи, и до моей деревни, до моих детей доберутся, как добрались до той деревни,— дед кивнул головой в сторону.— А так, так — ничего. Литям и жене люди добрые помереть не дадут. ца своей земле и люди свои.

Все надолго замолчали. Иван решил, что пора вмешаться. Его задача была уговорить деда и его товарищей не принимать бой, уйти. Он брался их вывести отсюда. Как? Это Иван еще не определил, но он полагал, что с его безграничными возможностями это получится. Он громко, чтобы его услышали, кашлянул и со словами:

— Не стреляйте. Свои,— сделал шаг из-за куста в сторону костра.

Все трое, кто не спал, схватились за винтовки. Увидев, что идет человек в красноармейской форме, успокоились, но винтовок не опустили. Аед спросил:

— Кто такой? Откуда?

— Отбилась от части. Иду к своим.

— И куда же ты идешь? Где они, свои-то? — усмехнулся дед и опустил винтовку.— Ладно, видать, что не немец. Садись, гостем будешь.

Иван ожидал, что его будут расспрашивать о том, в какой части он воевал и как оказался один здесь. Но никто его об этом не спросил. Дед молча предложил ему кусок хлеба и налил из закопченного котелка кипятку. Иван отпил глоток. Это был не чай, а какой-то отвар.

— Что это?

— Это чай из корней шиповника,— ответил Санька.

— Интересный вкус какой-то,— покачал головой Иван,— вроде чуть-чуть во рту вяжет.

— Откуда ты будешь? Из каких краев? — спросил Ивана дед.

— Я из Сибири, из Томска.

— И мы с Санькой из Сибири. А Василий — московский парень.

— Что это вы так смело: костры разожгли, шумите воевую? — спросил Иван.

— Тебя как зовут-то? — спросил дед.

— Иван.

— И я тоже Иван. А чего нам бояться-то? Страшно было, когда бежали и надеялись, что убежим. А теперь, мне вот, уже и не страшно.

— Что — воевать собрались?

— Аа, собрались. Я собрался воевать,— громко сказал дед.

— Я тоже больше не побегу,— тут же добавил Санька.

— За Родину, за Сталина умирать не страшно,— сказал Иван в форме утверждения и посмотрел в лицо деда.

Аед, по-видимому, уловил издевку в Ивановом голосе, хотя Иван совершенно не хотел никого обидеть. Он просто не нашелся, что сказать.

— Знаешь, чего я тебе скажу, тезка,— дед прижал свой здоровенный кулак к колену.— На...ть мне на Сталина,— он сделал паузу и посмотрел на собеседников.— Наконец-то и это можно сказать вслух, человеком себя почувствовать. И родина для меня — моя деревня, да еще Санькина деревня, может, и твоя деревня или город, если ты — человек хороший. Но я хочу жить и умереть так, как я хочу, и все. И никакой немец мне не указ, и Сталин мне — не указ. Мне это — дороже жизни, поэтому с завтрава я буду воевать за себя, а не за Родину и Сталина.

— Но вас же сразу всех перебьют. Здесь же немцев навалом. Здесь прорыв. Танки кругом.

— А... какая разница теперь, танки, пушки, самолеты. Вот чистую рубашку бы где найти, переодеться.

Иван понял, что дед, его родной дед, уже мертв, то есть он находится в таком душевном состоянии, когда ему все — все равно, он уже ничего не боится и просто ждет, когда же состоится то, к чему он готов,— смерть.

— Слушай-ка,— тихо сказал Иван, обращаясь к деду,— я могу вас вывести отсюда. Я знаю такую дорогу, которую никто не знает. — Василий, задремавший было, приподнял голову и прислушался. Санька клевал носом. Остальные солдаты спали, спали мертвым сном.

— Что это за дорога? — спросил Василий.

— Вон в той роше есть заброшенная шахта. Надо спуститься в нее и переждать два-три дня. Потом туда придут партизаны, я это точно знаю, они и выведут. Шахта сухая, там даже продукты есть, их запасали для партизан, когда наши отходили.

— А ночью ты туда дорогу найдешь? — спросил Василий и, поднявшись, достал портсигар, предложил всем папиросы. Закурил только Санька. Аед отказался.

— Найду. Будите народ, собирайтесь и пошли.

— Ну что, Иван,— спросил Василий,— будить?

— Буди,— сказал дед и нахмурил брови.

Санька с Василием принялись будить своих товарищей. Солдаты вскакивали, хватались за оружие, ошалело оглядывались по сторонам, но мозг их продолжал спать. И только встряхнувшись и помотав головой, люди начали понимать, что происходит. Когда все проснулись, Василий начал говорить:

— Иван,— указал он на Свиридова-младшего,— зна-т в лесу заброшенную шахту, где можно отсидеться два-три дня, там и продукты есть, и вода. Вода есть? — спросил он по ходу у Ивана. Тот кивнул головой.— Дождемся партизан, они нас выведут оттуда.

Люди молчали. Потом один пожилой солдат спросил:

— А орудия здесь бросим?

— Аа, придется оставить.

— И коней тоже, что ли? — спросил тот же мужик.

— Что ты за вопросы задаешь, Михалыч? Тудыт твою мать! Какие кони? — взвился Василий.

— Как это, какие кони?! Ты кто такой, чтоб моими конями распоряжаться?! Нашелся тут...

Василий махнул в сердцах рукой.

— Какие кони, причем тут кони, Михалыч?!

— Вот тебе и ни хрена себе! Они твои, что ли?!

— А что, твои, что ли?!

— Мои. Раз я за ними хожу, значит, мои. И ты мне не указ.

— Ну и пропадай здесь со своими конями. Братцы, короче, кто идет с нами — отходи налево, кто остается — направо,— рубанул Василий рукой, давая всем понять, что он считает этот разговор законченным.

— Ты погоди руками-то размахивать,— твердо сказал дед.— Ты над нами не командир. И что это там за шахта?

Василий прервал деда:

— Какая разница, кто командир и какая шахта. То, что он предлагает,— это шанс. И каждая минута промедления этот шанс на спасение уменьшает. Вот и все. Чего медлить-то?

— Я вам вот что скажу, братцы. Конечно, может, она там и есть, эта шахта с продуктами... только я в нее не полезу,— твердо сказал дед. Голос его стал каким-то странным. Наверное, у него пересохло в горле. Он кашлянул и продолжил: — Нет у меня веры в то, что бежать туда и сидеть там — это правильно. Потому что все равно мы пропадем, не верю я ему,— Дед кивнул головой на Ивана,— уж не подосланный ли

он, чувствую я это... Если пойдем за ним, только намучаемся еще и страху натерпимся, а коней — все равно будет один.

— Ну вот, заладил,— опять прервал его Василий,— отходи направо, да и весь разговор.

— А ты мне рот не затыкай, не вырос еще,— прошипел дед.— Направо, налево. Станем здесь,— обратился он к солдатам.— Орудия прямой наводкой на дорогу. Траншеи поправим, как рассветет. Четыре танка — наши, отомстим, по крайней мере, за товарищей. Я не понимаю, как можно им не отомстить. Да чем быстрее — тем лучше. Аа скорей бы уж рассвело... Иди ты, Василий, в эту шахту, это твое дело. Тут командиров нет и голосовать не будем...

Тут вмешался Иван:

— Вот что, я так не хочу. Уже начинает светать. Времени мало. Иван,— он посмотрел на деда,— мне надо поговорить с тобой один на один. Пять минут. Потом пойдем. Или не пойдем.

— Почему с ним-то? — спросил Василий.

— Пять минут, пять минут, только пять минут,— успокаивал Иван всех, обращаясь к Василию.— Пошли, отойдем.

— Пошли,— согласился дед.— Поговорим.

Иван пошел в глубь роши. Сзади шел дед. «Что же я затеял? О чем и как мне с ним говорить? Его нельзя обманывать. Он этого не заслуживает. Аа и не поверит он. Ему надо говорить все как есть, говорить правду,— думал Иван.— Что подумают эти солдаты? Я дал им надежду. А — ладно... Что уж теперь». Он внезапно остановился и повернулся к деду. Черты лица были уже хорошо различимы в предрассветных сумерках.

— Ты не узнал ли меня, Иван Свиридов?

— Откуда ты знаешь меня? — тихо спросил дед, напряженно вглядываясь в лицо Ивана. Он смотрел очень долго, очевидно, мучительно вспоминая, где он мог видеть этого человека.— Аа, кажется, я тебя где-то видел. Лицо твое мне знакомо.

— У всех Свиридовых прекрасная память. Это, наверное, передается по наследству.

— Ты — тоже Свиридов, что ли? — наконец спросил, как будто бы выдохнул, дед.

— Аа, я тоже Свиридов. Иван Свиридов.

— Посмотри на меня внимательно. Видишь, как мы похожи.

— Вижу... похожи...— дед замолчал, сверля взглядом Ивана.— Я вспомнил, где я тебя видел... Мне было тогда лет пять, ты помогал отцу таскать мешки, когда телега перевернулась, а потом обедал с нами. Так?

— Да, все так. Это был я. Кроме тебя там были мать и твои две сестры. Лошадь поскользнулась на косогоре, телегу повело, и она перевернулась, и вы попадали прямо в раскисший снег. Была ранняя весна.

— Аа, была ранняя весна, припоминаю...

— И твой отец сказал, что дальше не пойдете и будете копать землянку и жить здесь.

— Правда, так и было. С этой землянки и началась наша деревня. И сейчас там стоит. Все так. Одного не пойму, как ты мог быть там и кто ты?

— Слушай меня внимательно и ничему не удивляйся. Я твой внук. Сын твоей дочери Татьяны. Я сумел попасть в ваше время из будущего, в наше время это возможно. Не подвергай это сомнению, так будет проще. Вот он я — это факт. Я пришел сюда специально, чтобы спасти тебя. Ты погиб в том бою, что будет завтра. Я этого не хочу, и все можно изменить. Это в моих силах. И твои товарищи будут спасены.

Аед очень долго молчал. Все это время он, не отрываясь, смотрел на Ивана и думал. Потом прикоснулся своей шершавой ладонью к щеке Ивана. Иван увидел, что дед прослезился.

— Значит, Танечка выросла.

— Аа, все твои дети остались живы. Все выросли. А бабушка умерла всего лет шесть назад, ну от того времени, из которого я сюда попал. И замуж не выходила...

— А как война-то кончилась?

— Мы победили. Победили в сорок пятом. Война кончилась в Берлине.

— Ля погиб весной сорок второго?

— Аа.

Аед сел на землю и обхватил руками голову. Иван сел напротив и стал ждать. Наконец дед заговорил.

— Ты правильно говоришь. Понять, как это так все у тебя получилось,— невозможно. Только Бог может такое... Только я ничего менять не буду, даже если ты и мой внук.

— Почему, дед? Почему?

— Потому что неправильно это. Бог рассудил так, а ты хочешь это поменять и мне предлагаешь. Нет уж, внучек, нельзя, раз уж суждено мне было здесь помереть, так тому и быть.

— Ничего не хочешь менять?

— Нет,— мотнул головой дед,— не хочу.

— А товарищи твои, как они?

Аед вздохнул и покачал головой.

— Я знаю, что думаю? — дед остановил свой острый взгляд прямо на глазах Ивана. Тот даже поежился.— Я думаю, что ты задумал что-то недоброе. Или задумал, или этого не понимаешь. Иван, если ты это сделаешь, что-то будет нехорошее со всеми. Со всеми, Иван. И неважно, кто ты на самом деле, но этого делать нельзя.

— Почему ты так думаешь?

— Мне нравится лето, но это не значит, что все время должно быть лето, если у нас в Сибири все время будет лето, все погибнет или переродится! И наоборот, где-то все время лето, и там не должно быть зимы. Как заведено, так пусть и идет. Люди-то останутся, а жить им будет нельзя.

Аед, произнеся эту длинную фразу, глубоко вздохнул, как бы отдышался.

— Не хочешь жить?

— Жить я хочу.

— Так живи же, это же возможно.

— Не такой иеной.

— Никто не знает, что в этом мире почем...

— И ты не знаешь. Чего тебе не сидится в своем доме, шастаешь по всему свету, людей путаешь, с толку сбиваешь.

— Мне надо определить, что мне надо делать в своей основной жизни, вот и шастаю.

— И что, там нет ответа?

— Нет.

— Женись, строй дом, работай, если руки и голова на месте. Не лезь ты в Господние дела. Плохо это... очень плохо.

— А если от меня зависит, быть или не быть Концу света, тогда как?

— Конечно, не быть концу! Чего тут думать-то.

— А чего тянуть-то, ради чего, все равно ведь он неизбежен. Ведь ты вот не хочешь отодвинуть свою смерть.

— Я другое дело, чего ты меня равняешь. Я мщу... о-другому не могу.

— Прости ты немцев. История все уладит. Прости — как ведь завещал Господь.

— А вот это не твое дело! Понял? — сжал дед кулаки.— Ишь, нашелся. Не лезь не в свои дела.

— Ты предлагаешь мне ничего не решать. Но тогда все произойдет без меня, и решит кто-то другой.

— Кто решит? Кто?! — Аед наклонился к Ивану и прошептал: — Уходи, кто бы ты ни был, уходи... Ты... тебе...— голос деда сорвался.— Ишь, чего задумал, решать за нас...

Иван встал, ему было очень обидно, что дед не понял его, в его глазах он прочитал ненависть. «Сколько ненависти в этом человеке»,— подумал Иван.

— Ладно, прощай, дед. Оставайся здесь, если хочешь. Я пошел.

Иван постоял немного, опустив голову. Он почувствовал тяжелую руку на своем плече.

— Аа, очень ты похож на моего отца. Вылитый он.

— Чудеса... Как это у тебя получилось? Было б время побольше, рассказал бы, ну да некогда. Иди, Иван. Иди прямо отсюда. Ребятам я скажу, что нет никакой верной надежды ни на какую шахту. Иди. Прощай...

Аед быстро повернулся и пошел на красные отблески костров. Иван пошел в другую сторону, не зная, куда и зачем он идет.

Пройдя по лесу метров сто, Иван остановился. «А куда я иду-то? — подумал он.— Надо возвращаться в свое время.— Он уже собирался сделать это, но вдруг прервал уже начатую фразу.— Стоп, а кто будет Докапывать могилу и хоронить солдат? Нет, теперь я Уже из этого времени таю просто не уйду. Здесь у меня появились обязательства».

Иван повернулся и медленно пошел к кострам. Он решил вернуться и, не показываясь солдатам, ждать, когда кончится бой. «Раз уж я остался здесь, есть смысл подождать и посмотреть, как все-таки это было. Как на самом деле погиб мой дед».

Иван подошел к краю леса метрах в ста от того места, где был лагерь. Отсюда все было хорошо видно, а его самого за густым подлеском вряд ли можно было заметить. Иван сел на бревно и стал наблюдать за действиями солдат. Всего их было пятнадцать человек. Они развернули орудия в сторону дороги, установили их и стали рыть или, скорее всего, дорывать окопы. Один из солдат увел четырех лошадей куда-то в лес. Его долго не было. Работали солдаты быстро и ладно — без лишних разговоров и команд. Солнце еще не взошло, когда все, по-видимому, было готово. Солдаты сели в круг и закурили. Они о чем-то разговаривали, но о чем — Иван не слышал, да его это особенно и не интересовало. «Вот люди,— думал он,— они знают, что сегодня погибнут. Некоторые из них надеются, что уцелеют, это свойственно человеку — надеяться. Но они наверняка знают, что шансы остаться живыми — ничтожны. У них дети, любимые, наверное, а их заставили воевать и они скоро погибнут. Они идут на смерть сознательно.— Тут Ивану пришла в голову мысль: — Значит, нельзя, чтобы люди знали о Конце света, потому что они не на войне и не солдаты. А я знаю опасность, я солдат и должен воевать. Только за что? Они-то знают, за что воюют. Аед? Тот мстит. Санька этот? Он делает, как дед. Потому что дед любит Саньку. Василий? Про того не знаю. Но он со всеми, потому что беда у них общая — враг на их земле. Враг пришел, чтобы навязать им свою волю, а они этого не хотят. Сейчас только это движет ими, да еще простая человеческая солидарность. На миру и смерть красна. У них нет командиров, и за их спиной не стоят заградительные батальоны или как там они назывались... В этом нет законченной формальной логики, но есть какая-то своя — неформальная. Есть, значит, ценность, ради которой стоит воевать, в том числе и с Сатаной, да и вообще с кем угодно, эта ценность — свобода. А кто-то взялся за нас всех

решать, что жить в этом мире нам хватит, что есть другой, лучший».

Рассуждения Ивана были прерваны шумом моторов. Шум возник откуда-то внезапно, превратившись в угрожающий рев. Иван посмотрел в сторону, откуда доносился этот шум. Тут из-за косогора выполз на дорогу первый танк с крестами, следом за ним еще один, потом грузовик с солдатами, потом еще танк и еще... Всего в колонне было двенадцать танков и два автомобиля, сзади ехал легковой автомобиль и четыре мотоциклиста.

Немцы заметили орудия почти сразу. Первый грузовик тут же остановился, солдаты стали выпрыгивать из кузова. Танки тоже остановились. Произошло некоторое замешательство.

В это время раздалось два орудийных выстрела. Иван не ожидал, что пушки стреляют так громко. Один танк загорелся. Остальные, развернувшись, все разом, взревев моторами, двинулись к пушкам, около которых быстро и слаженно работали, поднося снаряды, заряжая и наводя, русские солдаты. Иван смотрел на это зрелище, как замороженный. Казалось, каждая секунда растягивалась в минуты, как в замедленном кино. Он видел лица солдат, на них отражались разные чувства: сосредоточенность, увлеченность, какой-то жестокий азарт — только страха не было. Аед был наводчиком. Он смотрел в прицел, быстро крутил какие-то ручки и, отскакив, дергал шнурок. Загорелся еще один танк. Остальные танки начали стрелять. Земля вокруг орудий вздыбилась от разрывов. Иван увидел, что некоторых солдат ранило, кого-то, наверное, и убило, кто-то пополз на четвереньках, один катался по земле и кричал. Аед орал: «Снаряд!» — да так, что его голос, казалось, был слышен даже через грохот разрывов. Кто-то поднес снаряд. Еще один танк загорелся.

Слишком короткое было расстояние между дорогой и маленькой батареей. Ее орудия успели сделать совсем немного выстрелов и были уничтожены. Когда расстояние между танками и разбитыми орудиями сократилось до двадцати метров, Иван увидел, что в лес побежали двое солдат, один из них был дед. Им удалось добежать до леса и скрыться среди деревьев. Теперь наступал самый интересный для Ивана момент. Как погибнет дед?

Танки, проутюжив траншеи и смяв орудия, тут же повернули назад и не задерживаясь ушли вперед по той же дороге — видимо, очень торопились. Остался один грузовик и легковой автомобиль, они отъехали в сторону, за лес. Иван слышал голоса солдат, рассыпавшихся по лесу. «Ищут убежавших», — подумал Иван.

Раздались выстрелы. «Точно, как тогда».

Через некоторое время на опушку выволокли русского солдата. Это был дед. Он, видимо, не мог стоять. К нему подошел немецкий офицер. Иван видел, как, постояв немного, офицер достал пистолет и выстрелил. Солдаты ушли. Иван услышал звук отъезжающих автомобилей и бросился к деду.

Дед лежал навзничь рядом с недокопанной могилой. Иван подошел к нему, опустился на колени и закрыл ему глаза. Лицо деда было удивительно спокойным. Как будто в момент смерти он все всем простил и враз забыл о той жестокой и страшной реальности, которой была война. На гимнастерке, там, где сердце, была маленькая, черная от крови дырочка. «Он был убит выстрелом в сердце! Каким же я остался у него в памяти? Таким, каким был в первую нашу встречу или во вторую? — подумал Иван. — Лучше бы — каким был в первый раз». Иван увидел, что могила, которую он начал копать, — на том самом месте и точно такая, какой он ее оставил, и лопата воткнута в то самое место. «След от моих поступков остается! Да! Но судьбу изменить нельзя...»

Иван упорно копал могилу. Она должна была быть большой, чтобы вместить пятнадцать человек. Своих убитых немцы забрали с собой. Сверху был чернозем, но на глубине с полметра начался суглинок, и копать стало значительно труднее. Иван разделся до пояса и, охлаждаемый легким весенним ветерком, копал и копал, иногда вытирая пот с лица гимнастеркой.

Наконец братская могила была вырыта. Иван сел на краю ямы, свесив ноги, и посмотрел на результат своего труда. Он решил отдохнуть немного. Пели птицы, они, наверное, сейчас вили свои гнезда, поэтому весь лес был заполнен птичьими трелями. Прислонившись спиной к березе, Иван смотрел то на небо, по которому плыли легкие белые облака, то на выкопанную им яму, то на лежащих рядом покойников. Лицо обдувал теплый ветерок, Иван и не заметил, как задремал.

Когда Иван проснулся, солнце уже село. «Ничего себе я поспал!» — подумал Иван. Он быстро вскочил, отряхнулся и тут же взялся за дело. Стоя в могиле, он брал покойников под мышки, затаскивал в могилу и укладывал рядами. Последним затащил деда. Выбравшись наверх, Иван посмотрел долгим взглядом на лица покойников и начал быстро забрасывать тела рыхлой землей. Сначала он забросал ноги, туловища и лишь в последнюю очередь лица. Он старался делать это аккуратно, просто сталкивая землю с откосов. Когда все скрылось под слоем земли, стал бросать ее как придется — побыстрее.

Наконец Иван закончил свою невеселую работу, был уже вечер, облака на западе окрасились в малиновый ивет.

— Ну, вот и все. Пора домой. Итоги? Судьбу деда изменить не удалось. Он погиб в тот же час, хотя непосредственная причина гибели была другой. Он шел к своей смерти сам, по собственной воле. Это очень важно: призванный делает свою судьбу по собственной воле, которая записана на небесах. Поэтому ничто бы не заставило его свернуть со своего пути. Чтобы сохранить ему жизнь, мне, как минимум, надо было прекратить войну, но для этого надо было отнять свободу у всех людей. Такой возможности Лийил мне не дает. Значит, воля Бога над этим миром не ничтожна. Он не только лишь властелин душ. Так же не ничтожна будет и моя воля. И вся моя Система — не блеф. Значит, ее надо решать. — Иван поднял руки вверх и сильно потянулся. — Конец работе! И если кому суждено умереть, он найдет свою смерть, и наоборот... Лийил, домой, Лийил.

Иван очнулся на своей постели и стал думать: «Теперь надо ответить на второй вопрос. Неизменно ли провидение? Меняет ли Бог свою Книгу? Все религии, Даже и признающие предопределение, отрицают это. А почему? Если Бог всемогущ, почему он не может изменить свою Книгу, изменить прошлое и будущее? Если это так, тогда многое объяснимо, в частности, все противоречия священных писаний разных религий и разных эпох. Если это так, значит, все религии в той или иной степени верны для своего времени и по сути не-

противоречивы. Тогда и я могу создать свою. Если все неизменно, значит, ничего не выйдет. Для того, чтобы выяснить это, надо сравнить содержание Книги в разные периоды времени. Книга для меня закрыта, Бог предупредил об этом, но я могу сравнить, например, пророчества великих пророков об одном и том же событии, заведомо отражающие содержание Книги, сказанные в разное время. Причем мне надо услышать эти пророчества самому, а не прочитать. Ведь кто знает, в каком виде дошли они до нас из глубины веков? Если они не совпадут, значит, Книга меняется. Если она меняется, значит, я смогу изменить ее еще раз. Какое пророчество проверим? Да что тут думать?! Пророчество о Конце света, конечно... Кто из великих предсказал его первый? Кажется, Заратуштра. Во-первых, предсказал ли он его на самом деле? Пусть он расскажет об этом; сам, а во-вторых, откуда это пророчество? Если это были видения — значит, там поработал Сатана. Видения — это в основном по его части. Если же оно — выводы его разума, которые он сам сделал и люди восприняли их как откровение, — значит, в душе этого пророка действительно была записана эта информация, как конечная истина, а его разум — лишь инструмент для ее доказательства. А вторым? А вторым пусть будет автор Апокалипсиса Иоанн.

Лийил, к Заратуштре меня, Лийил».

Такого голубого, огромного, бесконечного неба Иван не видел никогда. Даже не верилось, что это небо нашей планеты. Небо казалось еще больше и великолепней потому, что Иван стоял на вершине очень высокой горы с пологими склонами. Гора была не просто высокой, а огромной. Это был холм, только увеличенный до гигантских размеров, и вокруг были такие же гигантские желтые холмы. Склоны холмов были кое-где покрыты отдельно стоящими маленькими деревьями или кустарником. Издали они казались черными точками. Видимо, был полдень, солнце стояло почти над головой и палило нещадно.

«Эге, полчаса на таком солнцепеке — и можно получить солнечный удар», — подумал Иван и стал оглядываться в поисках тени, но тень здесь найти было невозможно. Редкие кусты были слишком малы, и не было

и скал, ни больших валунов — ничего такого, что можно было бы использовать как укрытие от палящих солнечных лучей.

Иван оглянулся назад и увидел, что спиной к нему стоит высокий, широкоплечий мужчина. В руке он держал длинный пастуший посох, на поясе висел широкий короткий меч. Иван кашлянул, мужчина быстро обернулся. Иван отметил про себя, что он не схватился за рукоять меча. Иван поднял обе руки вверх, показывая, что он безоружен, и улыбнулся, всем своим видом показывая, что пришел с добрыми намерениями.

— Я Иван, из Скифии, приветствую тебя, Заратуштра. Я пришел, чтобы увидеть тебя и поговорить с тобой, пророк.

— Слушаю тебя, Иван.

Лицо у Заратуштры было спокойным и приветливым. Украшением его лица, именно так хотелось сказать, были глаза, добрые и внимательные. Судя по всему, Заратуштре было лет сорок — сорок пять.

— Зачем Бог создал этот мир, Заратуштра?

— Какого Бога ты имеешь в виду?

— Творца.

— Бог — это тот, кому ты поклоняешься. Есть Бог добра и есть Бог зла.

— Бог один, Заратуштра. Я знаю это.

— Посмотри вокруг. — Заратуштра отвел руку с посохом и сделал жест другой рукой, показывая Ивану величественную панораму. — Все это создано для человека. Он цель и смысл творения. И пока мы живем, должны быть благодарны Богу за то, что мы есть.

— Откуда же зло и смерть, почему будет Конец света? Ведь это конец жизни. Почему зло победит?

— Ты говоришь, что Бог один. Так это или не так — кто может утверждать... Я же говорю, что в этом мире есть две воли: воля созидания и воля разрушения. Эти две воли древнее, чем мир, они для него закон. Но коль уж ты человек и имеешь свою волю, избирай, с кем ты. От тебя зависит, какая воля победит в конце времен. Пока ты борешься со злом, ты живешь правильно.

— Что есть зло, пророк?

— Все, что против жизни, есть зло. Смерть — вот главное зло. Пока человек жив, все можно исправить.

— Заратуштра, Конец света неизбежен?

— Да, юноша,— пророк опустил голову,— но Конец света — не есть конец жизни. Будет лишь решаться, что останется потом: добро или зло. И что продолжит жить там, за пределом, куда мы не можем заглянуть.

— Туманны твои слова, пророк,— сказал Иван.— Кто тебе сказал о том, что Конец света неизбежен?

— Я много думал о судьбе мира, и Бог открыл мне его тайны. Борись со злом, юноша, и смысл, и радость жизни откроются тебе.

Заратуштра поклонился Ивану и медленно пошел своим путем. «Кто-то сказал, что каков человек, таков и его Бог. Это неправда, но в этом высказывании много смысла,— подумал Иван.— Надо продолжить этот разговор. Заратуштра жил, кажется, лет за пятьсот до Иоанна, *и* его учение сегодня почти забыто. Почему?» Иван пошел следом за Заратуштрой...

— Заратуштра, могу ли я следовать за тобой? — громко спросил Иван. Заратуштра остановился, медленно повернулся лицом к Ивану и сказал:

— Следовать за мной? А знаешь ли ты, куда я иду?

— Нет, этого я не знаю. Но я хотел бы тебя еще о многом расспросить.

— Следуй за мной, если тебе по пути.

Заратуштра отвернулся и медленно пошел вниз по склону. Он шел очень быстро, хотя со стороны казалось, что он не торопится. «Так ходят только сильные люди, которым приходится очень много ходить. Видно, что у него запас силы очень большой и ходьба для него — самое обычное состояние»,— думал Иван. Иван шел не отставая по пыльной каменистой тропке, наверное, вытоптанной скотом. Тропинка медленно спускалась вниз вдоль склона. Стали появляться отдельные деревья, и кустарники росли чаще, кое-где образовывая настоящие заросли. Наконец тропинка вывела на широкую дорогу, на которой были видны следы лошадиных копыт и колес.

Заратуштра остановился и, развязав кожаный мешок, который висел у него на плече, достал из него бурдюк. Он развязал бурдюк и налил из него воды в серебряный тонкостенный, слегка помятый кубок. За-

ратуштра молча протянул кубок Ивану и пристально взглянул на него. Он не отводил взгляда, пока Иван пил. Иван отпил немного и протянул кубок Заратуштре. Тот кивнул и, допив то, что осталось, спросил:

— Сколько лет ты странствуешь по свету?

— С восемнадцати лет, а сейчас мне уже тридцать. Не менее двенадцати лет я в пути.

— Здесь недалеко есть источник. Пойдем туда, там отдохнем,— сказал Заратуштра, и они пошли по дороге на восток.

Источник был обложен большими камнями. Вокруг него росли красивые старые деревья, их здесь была целая небольшая роща. Но травы не было, ее давно вытоптали приходящие на водопой животные. И сейчас в этой рощице кого только не было: караван верблюдов, лошади, десятка полтора овец, погонщики, пастухи, какой-то богатый всадник с охраной. Все это шумное разнообразие было расцвечено бесчисленным количеством солнечных бликов: полуденное солнце пробивалось через кроны деревьев.

Заратуштра наполнил бурдюк свежей водой, они отошли в сторону, подальше от шумной толпы, и сели на камни в тени какого-то незнакомого Ивану дерева.

— Не правда ли, большая радость отдохнуть в тени у источника после утомительного пути? — Заратуштра посмотрел на Ивана и улыбнулся.— А если есть прохладная вода из хорошего родника — что может быть лучше?

Иван пил и пил воду прямо из бурдюка. Он весь облился водой, и это было очень приятно. Заратуштра пил мало — только один свой кубок — и не пролил ни капли.

— Наверное, в ваших краях много воды? — спросил он.

— Да,— мотнул головой Иван, как собака, стряхивая с лица воду,— у нас очень много воды. Огромные реки и целые моря настоящей пресной воды.

— Значит, что-то есть и плохое в ваших краях, если столько хорошего.

— Есть,— засмеялся Иван.— Плохое — это холод. Зимой вся эта вода: и реки, и озера, да и земля тоже — замерзает. Зимой у нас очень холодно, человек без хорошего жилища жить не может.

— Я видел снег только на вершинах гор. Там такой покой и такая красота... Мне там было хорошо.

— Слушай, Заратуштра, как ты думаешь, твое учение переживет века? — спросил Иван, закончив умыться.

— Станный вопрос ты задаешь, юноша. Еще при этом поколении наступит конец времен.

— Откуда тебе это известно, Заратуштра?

— Все, что я тебе отвечу, будет неправдой, не полной правдой, чужестранец. Но то, что я тебе говорю, — истинно. Любое творение рождается, живет и умирает. И этот мир тоже. Всякий, кто своим разумом может объять хоть часть сущего, подтвердит это.

«Логика — железная, против этого трудно что-либо возразить», — подумал Иван.

Заратуштра достал из своего мешка сыр и лепешки и предложил их Ивану. Тот поблагодарил и стал есть. Сыр был очень твердый и на вкус резкий, а лепешки совсем пресные. «Ну и сыр, как камень. Тут с плохими зубами делать нечего», — думал Иван, разжевывая сыр.

— Позволь же мне задать тебе вопрос. Откуда? Откуда тебе известно, что будет Конец света?

— Это главный вопрос для тебя — откуда? Да?

— Пожалуй, да.

— У меня много врагов, Иван. И все они, обвиняя меня, повторяют тот же вопрос. Откуда? Откуда мне известно все то, что я говорю? — Заратуштра долго смотрел на Ивана, так долго, что Иван начал чувствовать себя очень неудобно. «Что он думает? Почему так долго молчит?» — Но я вижу, что не только это тебя интересует. Ведь ты хочешь сделать какой-то важный выбор, который определит всю твою жизнь, — и это, прежде всего, гонит тебя по свету. Ты совсем не похож на людей, которых я знал, а я тоже побродил по свету и всяких людей видел. Ты исчезнешь так же внезапно, как и появился, но ты не демон, ты человек. Хорошо, я выполню твою просьбу, но немного позже, когда мы поднимемся на перевал. А теперь в путь.

Они долго шли по тропинке, поднимающейся вверх, пока не начало смеркаться. Темнело очень быстро, и вскоре землей овладела ночная тьма.

Ночь была необыкновенно красива. Все огромное небо, а оно казалось Ивану гораздо больше, чем на

го родине, было усыпано звездами, Иван то и дело ^од^нимал голову вверх, чтобы полюбоваться ими. «Здесь звезд видно намного больше, чем у нас. Почему ^эт^о? — думал Иван, глядя вверх. Может быть, потому, что здесь воздух прозрачнее, а может, потому, что нет посторонних источников света, которые решают видеть слабые звезды. Но, скорее всего, потому, ^чт^о в ^то^й жизни мне не приходилось вот так ^идти ночью через горы и подолгу смотреть на небо». Тут Иван вспомнил свой поход в Саянские горы и подумал: «А ведь там я почти не видел звезд, все время было пасмурно, а небо было затянуто какой-то туманной дымкой».

Из-за горы показался серп месяца и осветил окрестные горы и небо. Звезд сразу стало меньше, самые слабые из них потухли.

— Ну, вот мы и пришли, — сказал Заратуштра. — Это вершина перевала. Здесь мы остановимся. Попробуй найти хворост, он должен быть вон в том распадке, там есть заросли кустарника, а я пока приготовлю кое-что.

Иван пошел искать хворост, внимательно глядя под ноги, чтобы не запнуться. Глаза видели на удивление хорошо, потому что привыкли к темноте. Иван нашел распадок и стал искать сухие ветки. Ему повезло: он нашел полностью засохший куст и быстро наломал целую вязанку хвороста.

Закончив с этим, Иван опять посмотрел на небо. Ущербный серп месяца приподнялся над горизонтом. Чтобы лучше осмотреться, Иван решил подняться на соседний склон, который поднимался от места, где они остановились. Быстро забравшись на него, Иван сел на камень и стал смотреть по сторонам.

Разглядеть какие-либо подробности при свете месяца было трудно, и горы казались Ивану мрачными и таинственными. Он посмотрел вниз. Заратуштра в это время что-то достал из своего мешка и стал растирать на камне. «Что это он делает? — подумал Иван. — Но что бы ^н ни делал, мешать ему не следует».

Заратуштра, как удалось разглядеть Ивану, достал из мешка какой-то небольшой сосуд, отлил из Него в чашку немного жидкости и аккуратно стряхнул в нее что-то с камня, по-видимому — порошок, Который он только что растирал. Потом достал дру-

гой сосуд, побольше, и тоже налил из него в чашку. После этого он сел и сидел неподвижно. «Теперь можно идти», — решил Иван. Он взял хворост и быстро спустился вниз.

— Вот и хворост.

— Хорошо. Сейчас разведем огонь.

Заратуштра достал огниво и еще какое-то приспособление и занялся добыванием огня. Наконец это удалось. Трут или что-то подобное вспыхнул, и Заратуштра стал подкладывать тоненькие сухие веточки кустарника. В свете загоравшегося костерка его лицо казалось необыкновенно загадочным и многозначительным. Когда костер загорелся как следует, Заратуштра сказал:

— Садись. Садись вот сюда, — он указал Ивану место недалеко от костра.

Иван сел на указанное место и стал ждать, что будет дальше. «Что он задумал?» — только успел подумать Иван и тут же получил ответ.

— Я хочу рассказать тебе нечто важное, — сказал Заратуштра. — Но обещай мне, что когда взойдет солнце, мы расстанемся и ты навсегда уйдешь из нашей земли. Ты никому никогда не должен говорить то, что узнаешь от меня в эту ночь.

— Хорошо, я ничего никому не расскажу, — согласился Иван.

Заратуштра встал, прошелся около костра и начал говорить:

— Чужестранец, тебе будет трудно понять, что я сейчас скажу, постарайся запомнить, может быть, потом когда-нибудь это тебе пригодится.

Заратуштра подошел к костру с противоположной от Ивана стороны и сел на землю. Иван понял, что он что-то говорит тихим голосом, но что именно — расслышать не удалось. «Наверное — молится», — решил Иван. Это продолжалось довольно долго. Лицо Заратуштры было сосредоточенным и каким-то особенным — то ли отчужденным, то ли одухотворенным. Странное сочетание. Он взял два сосуда и налил в чашу сначала из одного, потом из другого. Ивану показалось, что во втором сосуде какая-то белая жидкость, скорее всего — молоко.

Заратуштра взял чашу обеими руками и медленно, очень медленно выпил. Потом он так же медленно по-

тавил чашу около огня, выпрямил спину и, устремив свой взгляд куда-то вверх костра, замер.

Иван старался увидеть выражение глаз Заратуштры, но это никак не удавалось: мешал огонь. «Он, наверное, специально посадил меня здесь, чтобы я не мог видеть как следует его лицо. Остается только слушать его голос».

Заратуштра молчал очень долго. Наконец он начал говорить. Голос его странным образом изменился.

— Устами пророка говорит Бог. Бог добра или бог зла. Сколько веры у пророка — столько в его словах истины. Но вера — только от Бога. Если слова находят отзыв в душах, значит, они даны свыше. Твой главный вопрос: быть или не быть этому миру? Как ты решишь, так и будет. А теперь прощай.

— Кто дал тебе дар пророчества, Заратуштра?! — громко спросил Иван.

— Бог. Дал для того, чтобы победило добро. И оно победит...

Иван встал и подошел к Заратуштре. Глаза Заратуштры были широко открыты. Он смотрел на Ивана, но будто не видел его. Иван сказал:

— Ты — великий пророк, Заратуштра, имя твое переживет века и навсегда останется в памяти людей. И учение твое воспламенит многие умы. Я видел, что твое пророчество о Конце света внушил тебе не дух зла, ты вывел его сам, потому что у тебя есть дар предвидения, сродни моему. Ты знал, что появится некто, появится рано или поздно, чтобы изменить Божественный замысел, потому и говорил о Конце света. Ты прав — выбор за мной... Теперь прощай. Как мы и договорились, я ухожу.

Не дожидаясь ответа, Иван повернулся и быстро пошел по тропинке. Как только он зашел за поворот, тут же отдал приказ вернуться в свое время.

«Лийил, теперь хочу увидеть Иоанна в момент, когда его пророческий дар проявлялся максимально, Лийил».

Иван оказался около входа в келью, которая была высечена прямо в скале, на небольшой площадке, уступе, обращенном к морю. На этой площадке на каком-то

пыльном коврике, прислонившись спиной прямо к скале, сидел очень старый человек. Старик. То, что старику' очень много лет, было видно по всему: волосы на голове седые и редкие, длинная борода тоже совершенно седая. Старик был очень худ — кожа да кости, казалось, он высушен солнцем. Он повернул голову и посмотрел на Ивана. Белки глаз были красноватые, веки воспаленные, глаза слезились. Он молчал, видимо ожидая, что скажет Иван. Иван слегка поклонился и сказал:

— Я Иван из Адрианополя, ищущий истину. Не ты ли Иоанн, прославленный учитель праведников, о котором я столько слышал?

Старик долго молчал, внимательно разглядывая Ивана, и наконец сказал:

— Да, я Иоанн, раб Божий.

— Ты написал знаменитую книгу, источник надежды?

— Ты говоришь о Евангелии Иисуса Христа?

— Да. Именно эту книгу я имел в виду,— кивнул головой Иван.

— Да, Евангелие Христа написал я, но я написал и другую книгу... книгу Откровения, явленного мне Господом.

— Послушай, Иоанн, ты один из учителей человечества. Ты был любимым учеником Христа. Ответь мне только на один вопрос: если бы тебе Богом была дана власть вложить в каждую человеческую душу нечто, выраженное в словах, что бы ты написал в каждой душе? Что бы ты написал, зная, что этот твой приказ не может быть не выполнен человеком?

Старик глубоко вздохнул и, неотрывно глядя на далекий горизонт, сказал:

— Ничего.

— То есть как — ничего?! Каков должен быть смысл этого новейшего завета? Я считаю, что тебе более, чем другим жившим и живущим, были открыты Богом тайны бытия. Скажи, что главнее всего для человека?

— Бог.

— Ты хочешь сказать, что надо оставить человеку полную свободу, оставив право выбора верить или нет и по каким законам жить? Разве ты не знаешь, что свободный человек рано или поздно попадает в сети Дьявола? Иоанн, Конец света неизбежен?

Лицо Иоанна приняло какое-то отчужденное и вместе с тем напряженное выражение. Ивану показалось, что старик уже не слышит и не видит, что происходит вокруг.

— Как заход солнца.

— И что будет ему причиной?

— Гнев Божий...

«Ах, вот ты какой, пророк...— Раздражение охватило Ивана.— И ты говоришь о гневе Божьем. Какого бога „меешь в виду?“»

— Слушай, Иоанн, всякий, кто говорит о гневе Божьем, говорит не от Бога, и слова его не ложатся добрым семенем в души призванных. Я не Сатана, Иоанн, и не слуга его. Я свободный человек, в отличие от тебя, да и от многих пророков, которым Сатана морочил головы, так же как и тебе своими видениями. Неизбежен ли Конец света?

Иван подошел к Иоанну и заглянул в его глаза. В них он увидел застывший страх. Это были глаза будто бы уже неживого человека, хотя маленькие зрачки показывали, что Иоанн жив.

— Вам бы надо сесть в тень. Здесь на солнце очень жарко,— сказал Иван. Иоанн несколько раз вздохнул. Иван слышал его хриплое дыхание. Временами из его легких вырывался свист, как будто они были дырявые.

— Да, да, надо в келью, в тень. Что-то мне стало плохо. Помоги мне, будь добр.

Иван помог старику встать, отвел в его келью и посадил на скамью. Потом налил в глиняный стакан воды из кувшина и подал ему. Старик взял стакан и едва не выронил, в его руках совсем, казалось, не было силы.

— Вам нельзя здесь оставаться одному. Вы слишком слабы,— сказал Иван, сев на пол кельи.

— Зачем, юноша, зачем привлекать к себе внимание? Я этого не хочу. Признаться, мне просто никого не хочется видеть.

«Он, наверное, забыл наш разговор,— подумал Иван,— ну и хорошо».

— Может, все же стоит позвать кого-нибудь? Я б>| мог это сделать.

— Нет, нет, не надо. Ничего не надо. Мне пера Умирать. Я прошу тебя, иди, я должен остаться один — Иван встал.— То, что ты говорил мне,— не ново.— "Родолжил Иоанн,— все это я уже слышал. Ты заблуждаешься.— Старец закрыл глаза.

— Заклинаю тебя именем Христа, скажи, что написано о Судном дне в Книге жизни?

— Я видел там имена избранных...

— И что, эту Предвечную книгу изменить нельзя?

Старик вздрогнул, открыл глаза, приподнял дрожащую руку и сказал:

— «...И если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в Книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей. Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе! Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь»*. Истинно так! Бог меняет Книгу. Меняет постоянно! Если бы Он ее не менял, то все христианство — плод человеческой фантазии. Евреи не признают преемственности Нового завета, и правильно делают, ее вполне может и не быть. Но нет в Книге жизни ни слова о Конце света и быть не может...

Иван подошел к Иоанну поближе, заглянул в его остановившиеся глаза и сказал:

— Иоанн, ты великий пророк и многие твои слова от Бога. Но далеко не все... Я знаю, как может вводить в искушение Сатана даже и великих пророков, и как он может исказить истину своими видениями. Бог и Сатана показывали мне одно и то же, но насколько это были разные картины! Теперь я убежден: Книгу жизни можно изменить, и я это сделаю. Идея Конца света выведена человеком, и он может состояться, но причина его — не гнев Божий! Это Сатана зомбирует человеческое сознание вот уже тысячи лет идеей Конца света как гнева Божьего, готовя его сам...

Бросив последний раз взгляд на Иоаннову келью, Иван отдал приказ о возвращении.

8

Иван проснулся, открыл глаза и сначала посмотрел в окно. Небо было чистым. Кроны деревьев блестели на сол-

* Откр., 22:19—21.

нце. «Который же час? — подумал Иван. — Мы опять везде опоздали». Было уже половина девятого.

Иван пошел будить Наташу. Она долго не откликнулась. Наконец Наташа открыла дверь.

— Слушай-ка, Наташа, мне кажется, мы куда-то должны были идти сегодня?

— Куда? — как ни в чем не бывало, спросила Наташа.

— А что, ты считаешь — не стоит?

— Не знаю, — ответила Наташа.

— Сергей-то уже там, наверное. Нет, надо идти.

— Иван, а сколько у тебя осталось денег? Извини за нескромный вопрос, конечно.

Иван достал из кармана куртки деньги и стал считать. Пересчитав, он назвал сумму.

— Да, придется идти, — сказала Наташа и вздохнула. — Оставшихся денег хватит совсем ненадолго, а жаль.

— Дорого же здесь берут, черт возьми. Еще пара таких вечеров — и придется ночевать под кустом.

Наташа сладко зевнула и уткнулась лицом в подушку, обняв ее. Она закрыла глаза и, казалось, решила еще подремать.

— Вставай, вставай, Наташа, надо собираться.

Наташа пробормотала что-то невнятное и еще крепче обняла подушку. Иван посмотрел на Наташу и пошел умываться.

Вернувшись, Иван взял гитару и присел на Наташину кровать. Он начал играть старую битловскую вещь, которую разучивал, когда учился в школе. Наташа открыла глаза и стала слушать. Ее удивило то, что Иван играл совсем неплохо, оказывается, у него был очень хороший музыкальный слух.

— Ты неплохо играешь, — сказала Наташа, когда Иван закончил играть, — только тихо, жалко, что гитара не акустическая.

Иван начал играть какую-то незнакомую вещь, он часто сбивался, но все равно получалось неплохо.

— Что это за музыка? — спросила Наташа.

— Это? Это последняя вещь, которую играл Майкл. Наташа села на постели и уставилась на Ивана.

— Ты что — запомнил?

— Да. Я запомнил.

— Ну и память же у тебя...

— Память у меня хорошая — это точно. Мне иногда Кажется, что я могу запомнить все, что есть в этом мире, — °т звуков до текстов на незнакомых языках.

— И что, у тебя всегда так было?
— Наверное.
— И ты ничего не забываешь?
— Я забываю, но если очень захочу, то многое могу вспомнить.

Иван закончил играть и положил гитару.

— Если хочешь, возьми гитару Майкла себе,— сказала Наташа.

— Хочу...— согласился Иван.— Собирайся, дорогая, пора в путь-дорогу. Нас, я уверен, очень ждут.

— Ты думаешь, что нас еще ждут?

— Я уверен в этом на девяносто девять процентов. Им деваться некуда. Я для них — шанс. Пойдем посмотрим, что у них там за компьютер. Тебе хватит полчаса на сборы?

— Хватит.

— Хорошо, я пошел звонить.

Через десять минут Иван вернулся и сказал Наташе:

— Машина будет в десять ноль-ноль. Нам осталось сорок минут.

Наташино сердце заколотилось. «Получилось, кажется, получилось»,— подумала она.

9

Ровно в десять к гостинице подъехал черный автомобиль. Таких роскошных автомобилей Наташа еще не видела. Из него вышел пожилой джентльмен, именно так хотелось его назвать. Иван пошел ему навстречу. Джентльмен протянул Ивану руку и улыбнулся.

— Джон Хантер, вице-президент фирмы. Как вы себя чувствуете, господин Свиридов, все ли в порядке? Какие первые впечатления о Соединенных Штатах?

Иван, широко улыбаясь, ответил:

— Спасибо, господин Хантер, сегодня все в порядке. Прошу извинить меня, что вчера не смог приехать, но это не была моя прихоть. Вчера я был нездоров.

— Ничего, мы изменили график работы, особых проблем нет. Совещание назначено на двенадцать часов, у нас есть немного времени, но если вы не возражаете, я хотел бы показать вам достопримечательности нашего города.

В это время вышла Наташа.

— Госпожа Петрова,— Хантер пошел ей навстречу. После произнесения необходимых приветствий и комплиментов он проводил Наташу до автомобиля и открыл дверцу.

По дороге Хантер стал рассказывать о фирме. То, что он рассказывал, было весьма интересно, и Наташа его внимательно слушала, но Иван, казалось, не слушал его совсем, он смотрел в окно и думал о чем-то своем.

Машина подъехала к довольно большому, новому, построенному в современном стиле зданию и остановилась.

— Это центральный офис нашей фирмы,— сказал Хантер, открывая двери. Иван и Наташа вышли из машины.— Прошу вас. Нас ждут.

В здании их встречала улыбающаяся женщина, та, что была в аэропорту. Все сели в лифт.

Хантер открыл дверь и предложил Наташе и Ивану пройти вперед. В большом кабинете сидели в креслах четверо незнакомых мужчин и Сергей. Они пили кофе и разговаривали. Когда гости вошли, все встали.

— Госпожа Петрова, господин Свиридов,— самый старший из присутствующих, человек невысокого роста с изрезанными морщинами лицом, протянул руку для приветствия,— Франц Зильберт — президент «Юнайтед Системз». Рад вас приветствовать.

— Извините нас, господин Зильберт, за опоздание,— сказал Иван.— Виноват я.

«Да уж, опоздание, у него еще хватает наглости назвать это опозданием,— подумал Зильберт.— Ну и здоровенный же он парень. Такое впечатление, что он чемпион мира по десятиборью, а не математик».

— Мы понимаем, что в жизни бывают самые разные обстоятельства, мешающие совершить задуманное, и полагаем, что ваше опоздание связано именно с такими обстоятельствами. Позвольте представить вам моих коллег: вице-президент, мой заместитель, господин Франк Дюваль, вице-президент по разработке господин Джон Якобе, наш директор по маркетингу господин Макс Штейн. Прошу вас, господа, садитесь.

Все сели за стол. Зильберт занял место во главе стола. Он посмотрел своими умными, немного усталыми глазами сначала на Наташу, потом на Сергея, потом остановил взгляд на Иване. «Где же я видел этого парня?» — поду-

мал Зильберт. Ощущение, что он где-то видел Свиридова, появилось и уже не оставляло Зильберта.

— Господин Свиридов, пока вас не было, мы имели возможность подробно обсудить с господином Малышевым вопросы, касающиеся наших общих интересов. Мы договорились, что ваша фирма будет иметь эксклюзивное право представлять интересы «Юнайтед Системз» в странах бывшего СССР. Этот вопрос уже решен. Документы готовы и будут подписаны сегодня. — Он слегка улыбнулся, взглянул на Сергея, и продолжил: — У господина Малышева теперь хватит забот, я думаю, на всю оставшуюся жизнь. У нас в России большие интересы. Говорили мы также и о том, что интересует нашу фирму. Мы были предельно откровенны. С позволения господина Малышева я повторяюсь.

Зильберт взял в руки карандаш, покрутил его пальцами и сделал движение, как будто хотел сломать его, потом аккуратно положил карандаш на место, еще раз посмотрел на свои руки и поднял взгляд на Ивана. Он думал: «Вопрос слишком серьезен, чтобы скрывать от этого парня наши истинные интересы. Да это и бесполезно. Малышев — умный, если у этого Свиридова и не хватит опыта понять, чего мы хотим, Малышев все равно ему все расскажет».

— • «Юнайтед Системз» вложила большие, я бы даже сказал, очень большие деньги в создание нового микрочипа. Мы вели работу втайне, хотя, конечно, в наше время тайны из этого сделать почти невозможно. Компьютер на основе таких чипов — совершенно новая машина, качественно отличающаяся от тех, что уже есть. Так вот, — Зильберт сделал паузу, — мы очень внимательно изучили программу, которую господин Свиридов разработал для управления потоками информации в банковской системе. Тот принцип, который в ней использован, идеально подходит для нашего компьютера. Это просто удивительно. Должен вам сказать, что в операционной системе нашего компьютера ваша программа, господин Свиридов, будет работать на порядок быстрее. Что бы мы хотели? Мы бы хотели, чтобы господин Свиридов принял участие в разработке новой операционной системы, языка программирования для этой системы и некоторых прикладных программ. Вот и все, господа. — Все молчали. — Наш значительный опыт позволяет нам с большой степенью вероятности прогнозировать ход разработок, мы знаем, сколько

на это уйдет времени, и считаем, что если вы возьметесь за это дело, то оно пойдет значительно быстрее, потому что вы используете для разработки совершенно иные подходы, которые почему-то никому до сих пор не пришли в голову. Скажу сразу: нас устроят любые ваши разумные условия. «Юнайтед Системз» — не честолюбива, ваша будущая слава не противоречит нашим интересам. — Зильберт засмеялся и откинулся на спинку кресла. — Я готов ответить на любые ваши вопросы, — теперь он обращался только к Ивану.

«Все правильно, мы с Наташей уже свое получили, с нами все ясно. А вот что скажет Иван?» — подумал Сергей.

— А какова цель создания такого суперкомпьютера? — спросил Иван.

Президент и его вице-президенты переглянулись, и Якобе ответил:

— Самая простая, господин Свиридов, завоевать мировой рынок компьютеров.

«Ах ты, черт тебя возьми! — подумал Иван. — Так я тебе и поверил». Иван выстрелил взглядом в Зильберта. Зильберт заметил это. «Так, ясно, этот парень чего-то боится. И он нам не верит. Что же в его голове? — Зильберт сосредоточенно, не отрываясь, следил за Иваном. Он старался разгадать, что и почему Иван думает и что им движет. — Опоздал он, конечно, неспроста. И не потому, что набивает цену. Он либо шизофреник, либо гений, мотивы поведения которого понять трудно».

Зильберт сказал:

— Я не математик, но, насколько я понял из разговоров с господином Якобсом, вы, вероятно, создали совершенно новый раздел математики, объединяющий особым образом теорию вероятности, математический анализ в самом его современном виде и добавили еще нечто, чему мы даже и названия не знаем. И это позволяет описывать вероятностные процессы совершенно по-новому.

Якобе взглянул на Зильберта и продолжил:

— Из вашей теории следует, что система вероятностных событий равновесна лишь тогда, когда закреплена в определенных точках особого временно-вероятностного континуума. То есть, чему быть суждено, исходя из генетики модели, то и сбудется, сколько бы случайных наводящих факторов не воздействовало на систему. Если, конечно, каждый фактор, в свою очередь, — часть системы.

И вы с помощью своей модели можете решить уравнение, например, с десятью миллиардами этих факторов, то есть составляющих.

— Это что — утверждение или вопрос? — спросил Иван.

Зильберт увидел, что на висках у Ивана надулись вены. «Ну все, кажется, начинается,— испугался Сергей.— Хорошо, что я предупредил их, что Иван — парень с большими странностями». «Все почти расшифровали, твою мать...— думал Иван.— Что же теперь делать-то?»

— Это вопрос. Конечно, вопрос,— ответил Якобе.— Мы поняли содержание вашей математики, ведь вы использовали при программировании некоторые ее принципы, но, конечно же, мы не знаем ваших методов.

— Да,— как бы выдавил из себя Иван,— все так. Почти все так. Это возможно.— На его лице отобразилась внутренняя борьба, он вытер носовым платком лоб и как бы сник, так бывает, когда у человека прихватывает сердце. У Ивана внутри все трепетало, он чувствовал себя плохо, будто он сдает какой-то экзамен и не знает, что говорить, а если не ответит — ему грозит крушение всех жизненных надежд.

— Может, ваш компьютер для этого и подойдет,— наконец сказал он.— Нельзя ли попить чего-нибудь?— Зильберт попросил принести напитки.— Не проблема сделать такую операционную систему и язык под нее *щ* все можно сделать. И можно смоделировать что угодно.— Иван уставился на Зильберта.— Но для меня, господин Зильберт, главный вопрос теперь — не как, а зачем. Как — я уже знаю, что для этого надо — тоже знаю, а вот зачем — не знаю. Зачем моделировать при помощи моей Системы физические, экономические, информационные, социологические, биологические и любые другие процессы? Зачем людям заглядывать в свое будущее? Зачем? Мне интересно знать, как вы отвечаете на эти вопросы.

Зильберт опустил голову и подпер лоб рукой. «Вот что его беспокоит... Этот парень подозревает, что его система будет использована как инструмент борьбы за власть. „И правильно подозревает... С ним надо говорить один на один»,— решил Зильберт. Он посмотрел на своих коллег, улыбнулся Наташе и сказал:

— Господа, я предлагаю вам познакомиться с нашей фирмой, вы побываете в отделах, на предприятиях, вас будут сопровождать мои коллеги. Если господин Свири-

Д_{0В} не возражает, я бы хотел показать ему наш новый компьютер сам.

Иван медленно поднял взгляд на Зильберта. «Что же ты хочешь? Ты — простое орудие Сатаны или у тебя есть собственная воля?»

Зильберт встал. Все участники тоже поднялись и направились к выходу. В кабинете остались только Зильберт и Иван. Он даже не взглянул на Сергея и Наташу, когда они уходили. «Да, для Ивана наступил решающий момент. *Ц* он совсем забыл обо мне. А могло ли быть иначе?» — подумала Наташа. Она уже в проходе обернулась, но Иван стоял все так же спиной к ней. Двери закрылись.

10

Зильберт вышел из-за стола. Он был невысокого роста, сухощавый, седой, глаза черные. Лицо его имело спокойное, приветливое выражение.

— Может быть, что-нибудь выпьем? — спросил он у Ивана.

— Я бы выпил,— сказал Иван.

— Виски, коньяк, может быть, водки?

— Можно и водки.

Зильберт улыбнулся.

— Да-да, конечно, русские любят водку. Я, признаться, тоже люблю водку. И знаешь почему? Потому, что она — противная, и всегда, когда ее пью, я вспоминаю свою сегодняшнюю жизнь.— Зильберт рассмеялся.— Пойдем туда,— и он открыл одну из дверей кабинета.

Иван вошел. Это, очевидно, была комната для отдыха.

— Я почти не бываю в офисе, а когда бываю, то не в кабинете, а здесь. Не люблю кабинеты, официальные приемы, фестивали, прессу, лошадиные скачки и политиков.— Зильберт достал начатую бутылку «Столичной» и налил в два тонких стакана понемногу.— Особенно не люблю политиков и политику. Ну что, за здоровье? — Не дожидаясь Ивана, Зильберт выпил.— Иван, заключай со мной контракт. То, чего ты, как мне кажется, боишься — нет. Мы действительно преследуем чисто коммерческие цели. Это во-первых, и, во-вторых, ты же должен понимать: если этого не сделаешь ты, то сделает кто-то другой.

— Да, я это знаю. И все-таки пока контракт заключать не буду и работать на вас не буду.

— • На кого это на нас? — усмехнулся Зильберт. — У ж не на меня ли в том числе? Эх, Иван, денег и власти у меня и так предостаточно. — Лицо Зильберта стало печальным. «Какое у него умное и печальное лицо», — подумал Иван.

— Когда-то, еще в прошлом веке, мои предки выехали из России, из Витебска, в Соединенные Штаты, — продолжал Зильберт. — Они были беднее бедных. Прадед — портной. Так вот: он привез с собой сюда ножницы, пять игл и серебряный наперсток. Сейчас я — один из самых богатых людей в мире, если не самый богатый. «Юнайтед Системз» — одна из многих моих фирм. Зачем я тебе все это говорю? Отвечу. Ты невероятно талантлив, а талант — это единственное человеческое качество, которое заставляет меня, — Зильберт развел руками, — раскрываться перед человеком. Представь себе: не деньги, не целеустремленность, не вера, и ничто иное, а только талант, то есть то, что дается человеку от Бога. Каждый талант для меня — это потрясение. Ты, Иван, можешь помочь мне реализовать мою мечту.

Иван думал: «А ведь он, пожалуй, вполне искренен сейчас. И почему у него не может быть мечты?»

— И именно вы настояли на том, чтобы меня пригласили сюда и так возились со мной?

Зильберт внимательно посмотрел на Ивана, он не улыбался, его взгляд приобрел несколько жесткое выражение.

— Ты правильно об этом догадался. Никому из моих коллег нет особой необходимости возиться с таким сложным человеком, каким являешься ты, Иван. Каждый из них имеет то, что он хочет, и в их планы твое участие в разработке нового компьютера не входит. У Франка — масса текущих проблем, Макс — и так все, что есть, продаст. Ведь этот компьютер гораздо производительнее, чем у конкурентов, и скоро будет не дороже, я полагаю. А Джон, ну Джону — да, ему, конечно, не все равно, кто движет дело вперед, но он как раз сомневался больше всех. Он блестящий специалист и никак не мог поверить, что сделанное тобой — может быть. А когда, просидев у компьютера неделю, убедился в этом, сказал... Знаешь, что он сказал? Он сказал: «То, что сделал этот парень, человеку не под силу. Я все равно в это не верю». «Почему? — спросил я его. — Ты же прагматик, ты же видишь, что все работает». «Видю, и все равно не верю. Но если он, — то есть ты, —

сделает то же самое не на этой зубочистке, — так он назвал мой компьютер, — а на нашем Самаэле, — так мы называем наш новый суперкомпьютер, — это будет нечто такое, что превзойдет все возможные мечты. Они — то есть ты и Самаэль — сделаны друг для друга».

— Вы занимаетесь разработкой персональных компьютеров? — спросил Иван.

— Нет, мы занимаемся разработкой суперкомпьютера на микрочипах.

— Так, — прервал Иван Зильберта, — и при этом вы говорите о каком-то массовом производстве! Ведь каждый суперкомпьютер — штучная продукция. Сколько же стоит, черт возьми, ваш Самаэль?!

Зильберт покачал головой.

— Да, стоит он очень дорого.

— И вы бросаете эти деньги на ветер? Кому вы собираетесь его продать? Ну хорошо, ну несколько штук можно продать военным, несколько — крупнейшим университетам, и все. Пока я не пойму, в чем ваша выгода, я не буду с вами работать. Я хочу быть в доле.

Зильберт молчал, он думал: «Он лжет, не деньги, нет, не деньги ему нужны».

— Иван, а я ведь тебе не верю. Не нужна тебе доля. Хочешь, я расскажу, чего ты боишься?

Ивана даже передернуло, он резко тряхнул головой и развел руками — не то защищаясь, не то нападая на кого-то.

— Вы не можете этого знать!

— Ты меня недооцениваешь, Иван. Я уже давно почти не думаю, как вести дело, об этом думают мои помощники, я думаю — зачем. Я ведь уже немолод, Иван. Так вот: ты боишься, что сможешь нам сделать такой компьютер, который можно будет применить как инструмент управления миром — это коротко и просто говоря. И ты не очень ошибаешься в этом. Я не хочу разубеждать тебя, но мне бы хотелось порассуждать на тему: а что будет, если этого не будет? Ты не возражаешь?

— Нет, — коротко ответил Иван и уставился на стакан, стоящий перед ним.

— Демократия, созданная в рамках западной цивилизации, скоро исчерпает себя. Это сегодня понимают очень и очень немногие, но это неизбежно. Мы поставили права индивидуального человека в центр всего, а пора уже ставить в центр интересы человеческого рода. Да... нас ждет кризис, на этот раз кризис перепроизводства идей, техно-

логий и всяческих благ — и это на фоне стремительного роста населения в третьем мире. От комфорта демократическое общество не откажется, против этого проголосуют избиратели. А пора отказываться. Кроме того, мы произвели подмену ценностей, назвав главной техникой прогресс. Это путь к войне, Иван. Дело в том, что иные цивилизации так не считают, а дело нашей чести им это доказать. Короче говоря, если мы хотим жить, надо сдерживать развитие науки и регулировать потребление, а значит, и свободу личности.

— А почему нельзя провести все это демократическим путем?

— Этого нельзя сделать потому, что тогда надо изолировать оппозицию, а это недемократично. Представь себе: завтра будет принят, например, закон, ограничивающий права фирм в производстве более совершенных материалов для летательных аппаратов. Возможно это? Нет. Это абсурд: ведь мы хотим летать быстрее и безопаснее. И спираль раскручивается дальше.

— Но где опасность? Где? В чем она выражается?

— Мир становится слишком сложен. Вероятность катастроф возрастает. Биосфера перегружена. И самое главное, нет формального аппарата для прогнозирования общественно-политических процессов. Те попытки прогнозирования, которые были предприняты, — примитивны, но и они показывают, что конец близок. Я хочу доказать всем, что нас ждет, — точно и строго, и подчинить все логике самосохранения. Если ради этого надо ограничить прибыль корпораций, значит, надо ее ограничить, если снизить рождаемость, значит — снизить, если прекратить жечь уголь, значит — прекратить. И я понимаю, что никакое демократическое правительство этого не сделает. Значит, нужно другое правительство, при видимом сохранении демократии. И пусть это правительство, разрази его гром, я ведь всю жизнь был и остаюсь приверженцем демократии, слушает моего Самаэля, а не кого попало. — Зильберт был внешне спокоен, но он все же волновался, и Иван чувствовал это. — Неужели и ты не видишь, что мы идем, не идем, а бежим, нет, летим — в пропасть, к концу?!

Ноздри у Ивана затрепетали, глаза вспыхнули и приобрели тот самый невыразимый и непереносимый блеск.

— Вижу, — выдавил он из себя.

— Ну, так и что, будем ждать? — Зильберт выдержал взгляд Ивана. «Да — он шизик, но и гений одновременно», — подумал он.

— Ты хочешь спасти человечество при помощи Самаэля?

— Ну, наконец-то. Да! Да, хочу его спасти. Причем хочу это сделать и в прямом смысле.

— Как это — в прямом? — тихо спросил Иван.

— Вот ты — блестящий математик. Ответь мне: можно ли перенести то, что содержится здесь, — Зильберт ткнул себя в лоб, — в компьютер и хранить это там столько, сколько нужно, хоть вечно? Можно или нет?

— Нужен транслятор... — прошептал Иван.

— Ну так сделай этот транслятор. Ты же его почти сделал... И это, между прочим, вторая моя сокровенная мечта. Фантастическая... Но я уже теперь так не думаю, — быстро добавил Зильберт.

— А кто будет решать, кого и как закачивать в Самаэля, а кого оставлять? — спросил Иван.

— Вот это уже — не проблема. Это не самое сложное. Была бы техническая возможность. Мы найдем правильное решение.

— Кто это — мы?

— Мы, дорогой Иван — это мы. Государства на карте меняются, исчезают и появляются, правительства приходят и уходят, а мы были, есть и будем... Пошли посмотреть Самаэля.

— «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно»*.

— Ты читал Библию? — удивился Зильберт.

— В юности. И, к счастью, у меня абсолютная память... Ладно, пошли, — сказал Иван, вставая.

11

В соседней комнате Зильберт и Иван вошли в лифт. Зильберт нажал кнопку, и они поехали вниз. «Эта штукавина находится у них в подземном этаже. Берегут», — решил

* Быт., 3:22.

Иван. Из фойе они прошли в большой зал. В зале стоял огромный кольцевой стол, на стене был большой экран.

— Это зал для проведения научных конференций.

«Почему в подземном этаже?» — удивился Иван. Но воздух был очень чистый и прохладный. Из зала они вышли в коридор, где стояли два вооруженных охранника, на стенах были телекамеры. Зильберт подошел к двери, покрытой полированным шпоном. На двери был кодовый замок. Он набрал какой-то длинный код, а потом долго смотрел в глазок. «Наверное, идентифицируется личность по сетчатке», — подумал Иван. Дверь медленно отъехала в сторону. Толщиной она была сантиметров тридцать. Как только они вошли, дверь закрылась. На другом конце короткого коридора была еще одна такая же дверь. Зильберт опять набрал код, опять смотрел в глазок, потом что-то тихо сказал в сетчатое отверстие в двери. Дверь открылась.

— Надо хорошо охранять это технологическое чудо, слишком оно дорого стоит и слишком многое может. — С этими словами Зильберт перешагнул порог.

Опять коридор. Зильберт открыл ключом одну из дверей, и они вошли в большую комнату. У стены на белом столе стоял компьютер размером немного больше обычного персонального компьютера, но к нему прямо из стены было подведено несколько трубок и шин, а на стене был смонтирован щит управления. «Система жизнеобеспечения компьютера», — решил Иван.

— Ну вот — это и есть наш Самаэль. Единственный и неповторимый. Мое любимое детище, — с гордостью и скрытой лаской сказал Зильберт. Так обычно родители говорят о любимых, подросших уже детях/— • Ну что, включать?

— Включайте, — сказал Иван. Иван в этот момент был обо всем на свете. Невозможно передать, как он хотел посмотреть этот чудо-компьютер. Он просто не мог оторвать взгляда от монитора. Зильберт нажал кнопку загрузки, компьютер затребовал пароль. Зильберт ввел пароль и отошел в сторону.

— Ну что ж, знакомьтесь. Мне бы хотелось услышать ваше мнение о нем.

Иван сел на стул и стал смотреть на экран, иногда нажимая клавиши.

По принципу управления это был обычный персональный компьютер, та же операционная система и оболочки, но технические характеристики его были на НЕСКОЛЬКО порядков выше. Это действительно было чудо. Иван

ле верил своим глазам. Среди прочих файлов был файл с именем IYAIЫ, где хранилась разработанная им программа. Иван запустил свою программу, она отработала практически моментально.

— И вот, представляешь, мы пока вынуждены использовать для него обычные операционные системы, а он, как ты видишь, может работать в качественно иной системе. Так?

Иван ничего не ответил, он просто не слышал, что спросил его Зильберт. Иван думал. Он пытался понять замысел разработчиков этого компьютера. Минут сорок Иван изучал компьютер, не обращая никакого внимания на Зильберта. Зильберт все это время не отходил от Ивана, он смотрел ему в затылок и... молился: «Господь мой, я бы хотел завершить свои дни на этой земле, увидев, что может мое детище, в нем мои надежды. И пусть свершится воля Твоя, ныне и во веки веков. Аминь».

Иван медленно повернулся к Зильберту.

— Ну, что скажешь, Иван? — спросил Зильберт. — Что стоит наш Самаэль?

У Ивана застучало в голове, он чувствовал, как кровь бежит по сосудам его мозга. Он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

— Да, эта машина может перевернуть мир.

— Ага! Вот видишь.

— Но только пусть уж он остается как есть. Пока, по крайней мере.

— Да, да, конечно, пусть. Неужели ты думаешь, что в моих интересах что-либо менять. Мне, обладающему всей возможной властью, реальной властью, — не нужно этого, Иван. Я бы хотел, чтобы все сохранялось как есть — без потрясений, без изменений. Только об этом я молю Бога.

— Что же ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты выжал из этого компьютера как можно больше, только и всего. Я знаю, что лучше тебя это никто сегодня не сделает. Я согласен посвятить тебя во все свои планы. Ты же видишь, что Самаэля можно совершенствовать бесконечно, он — лишь первая ступень лестницы, которая ведет...

«Вот он — Самаэль. Я могу при помощи него вырваться из пут времени и создать инструмент творения. Могу? Я могу "се, но все ли я хочу? Цель ясна — сделать счастливыми и бессмертными всех. Но для этого я каждому должен заложить программу жизни. Какая это должна быть программа? Что я туда напишу? Ведь людям с этой программой предсто-

ит жить в сотворенном мной мире. И если я люблю людей, значит, они должны совершенствовать этот мир, иначе зачем им жить. Значит, я должен создать его несовершенным... А если я их не люблю? Тогда зачем мне браться за это дело?» Иван впервые в жизни почувствовал, что он не может ответить на поставленные вопросы. Не может вообще...

— Стой, Зильберт. Прошу тебя, не надо. — Иван закрыл глаза, на его лице отразилась борьба. Зильберт понял, что у Ивана начнется какой-то приступ. «У этого парня, похоже, болезнь пророков. Как бы он чего-нибудь не сотворил. Теперь ясно, что не позволило ему вчера прийти вовремя». На лице Ивана отразилось едва сдерживаемое бешенство, лицо его стало страшным. Он встал и быстро пошел к выходу. Зильберт подскочил к столу, нажал кнопку вызова охраны и бросился вслед за Иваном. Иван вбежал в конференц-зал, из других дверей туда же вбежали охранники.

Поле зрение у Ивана сузилось, он все видел как будто через трубу. Он схватил стул и начал крушить им мебель. Он переворачивал столы, бил зеркала и картины. Наконец Иван уткнулся лбом в ковер и затих. Охранники перенесли его в небольшую комнату и положили на диван.

— Оставьте его. Странно, почему он не разбил компьютер? — сказал Зильберт. — Значит, для него и для нас еще не все потеряно. Я предполагал, что примерно так и будет.

12

Иван очнулся, открыл глаза и сел. Напротив на стуле сидел охранник.

— Ой, — тряхнул головой Иван, — где это я?

— Пойдемте, господин Зильберт сказал, чтобы, когда вы придете в себя, я проводил вас наверх, к нему в кабинет, — сказал охранник.

В кабинете президента сидели те же. Зильберт разговаривал с Сергеем. Когда Иван вошел, Зильберт взглянул на него, кивнул головой и продолжал:

— ...Я подписываю контракт и надеюсь на длительное и плодотворное сотрудничество. — Он расписался на документах, вручил Сергею папку и пожал ему руку. Сделав это, Зильберт встал из-за стола и посмотрел на Ивана. Иван сверху смотрел на него, лицо у Ивана было, как камен-

ное. — Присаживайтесь, господин Свиридов, мы продолжим наш разговор.

«Ну вот, эти прекрасно устроились. Все так и должно быть. Каждому свое», — подумал Иван. Он покачал головой и медленно, будто не своим голосом сказал:

— Нет, я пойду, покажите мне выход отсюда.

Наташа с каким-то испугом смотрела на Ивана. Она будто спрашивала его: «Ну что теперь будет?»

— Вы отказываетесь от сотрудничества с нами? — спросил Зильберт. — Вас не устраивают наши условия или наши цели?

— Мне нужно некоторое время, чтобы подумать над вашими предложениями. Я сам найду вас.

Зильберт достал из ящика стола визитную карточку.

— Вот моя визитная карточка. — Зильберт взял карандаш и написал на ней телефонный номер.

— Спасибо, — сказал Иван, поднялся и быстро вышел. Зильберт развел руками и сказал:

— Что ж, жаль. Придется пока работать без него. — Потом он вызвал секретаря. — Проводите господина Свиридова в отель, обеспечьте все условия. У него в США не должно быть никаких проблем.

Зильберт никому не рассказывал о том, что случилось с Иваном, когда он увидел компьютер, и приказал охранникам молчать о его припадке. «Это только мое и его дело», — решил Зильберт.

Ивана отвезли в отель. Секретарь проводил его в номер и оставил одного. Иван чувствовал себя плохо, кружилась голова, и в теле была слабость. Не раздеваясь, Иван улегся на кровать и включил телевизор. По телевизору показывали концерт Луи Армстронга, передача заинтересовала Ивана, и он стал ее смотреть.

13

До самого вечера Иван смотрел телевизор, слонялся по отелю, пытался читать газеты. Его удивило то, что новости, которые происходят в мире, его совершенно не интересуют. Раньше он отмечал для себя какие-то факты, анализировал, что и почему, удивлялся, возмущался, а теперь — никаких эмоций. «Это потому, что все эти события: войны, катастрофы, похищения — сушая чепуха, ни-

чего не значащие мелочи по сравнению с тем, что готовится. Я начну работать с Самаэлем только тогда, когда не смогу этого не делать», — решил Иван.

Иваном все более овладевало чувство, что ему надо скрыться, убежать от всех, кто его знает, потеряться в толпе, в незнакомой стране, где-нибудь на краю света. О Наташе и Сергее он вспомнил только один раз. Точнее — о Наташе, а потом уж заодно и о Сергее. «Наташа, что она подумает, если я исчезну? А впрочем, какая разница. И это — мелочь».

Стемнело. Иван выключил телевизор — ему надоел этот калейдоскоп из новостей, фильмов, викторин, спортивных передач. Некоторое время он сидел в кресле и смотрел в окно, потом взял гитару, которую ему отдала Наташа, и стал подбирать на ней простенькие мелодии. «Интересно, а есть ли в музыке законы выше гармонических, которые делают музыку хорошей или плохой? Ведь должны быть. Факторы, управляющие чувствами, тоже подчиняются каким-то скрытым закономерностям. Если звук — набор частот, а человек продукт адаптации к среде, подвластный известным мне законам, значит, есть наборы звуков, которые заставляют плакать, смеяться, сходить с ума. Интересная задача. Может, заняться? Делать-то все равно нечего».

Размышления Ивана прервал стук в дверь. Иван открыл. На пороге стоял Якобе.

— Извини, Иван, что я без предупреждения. Так получилось. Мне бы хотелось с тобой поговорить. Можешь ты уделить мне немного времени?

— Да, конечно, — с готовностью ответил Иван, — времени я не ограничен.

Иван сел в кресло, а Якобе в другое, напротив. Якобе был сухощавым, высоким блондином с колючим и быстрым взглядом.

— Я скептик, Иван, и о деле, которым занимаюсь всю жизнь, знаю многое. Поэтому скажу так: то, что ты сделал, — сделать нельзя. Ты это сумел — мы видели. До этого нельзя было додуматься. Да, нельзя. И если тебе это пришлось в голову, значит, у тебя не обычная человеческая голова. Я не верю ни в Бога, ни в черта, и поэтому мне еще сложнее понять, как у тебя это получилось.

— Это вопрос? — спросил Иван.

— Да. Как тебе удалось додуматься до этой своей математики?

— Странный вопрос, правда? Так же можно было спросить у Эйнштейна о теории относительности или у Гейзенберга о квантовой механике.

— Нет, Иван, это совсем не то. Их открытия были обусловлены развитием физики, и если бы не Эйнштейн, то это сделал бы кто-то другой. Твоя теория, как я ее представляю, — ни из чего не вытекает. Ты взял всю математику, а потом и физику и вывернул наизнанку. То есть сделал то, чего не может быть, да еще в тридцать лет. — Лван молчал. — Что ты собираешься делать дальше, Иван?

— Я еще не решил, но на вас работать пока не буду. И вы ничего от меня не узнаете более того, что вам уже удалось узнать.

— Почему?

Вопрос Якобса повис в воздухе. После длинной паузы Якобе встал и сказал:

— Тогда я буду жить и работать так, будто ничего не произошло и я о тебе ничего не знаю. Прощай, Иван.

— Прощай, Якобе.

Якобе встал, кивнул головой и вышел. Минуты через две Иван надел свою куртку, взял гитару и тоже вышел.

Аллеин полетел за ним справа, а Риикрой слева. Оба они сосредоточенно молчали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Иван пошел по безлюдной улице, сам не зная куда. Улица была хорошо освещена, иногда по ней проезжали автомобили, но прохожих на тротуарах не было. Наконец Навстречу Ивану попался высоченный, мощный негр в Джинсах и толстой, будто надутый воздухом куртке, которая делала его похожим на глыбу камня.

— Эй, парень, как мне отсюда уехать в Нью-Йорк? — ^, спросил Иван у негра. Негр остановился, внимательно посмотрел на Ивана и спросил:

— Ты собрался ехать прямо сейчас?

— Да,— Иван кивнул головой.

Негра явно заинтересовал этот странный прохожий.

— Ладно, двадцать долларов — и я провожу тебя до станции. Только не знаю, уедешь ли ты сегодня оттуда, уже поздновато. Пошли?

— Пошли.

— Ты кто? — спросил негр.

— Я — человек.

— Вижу, что не собака. Чем занимаешься?

— Ничем.

Негр заржал.

— Хороший ответ. Ты мне нравишься. Хочешь уколоться или нюхнуть? — глаза негра блеснули в темноте.

— Наркотики, что ли?

— Тихо ты, не ори, — зашипел негр.

— Нет, спасибо.

— Ты музыкант, что ли? — спросил попутчик, взглянув на гитару, которую Иван нес на плече.

Иван ответил не сразу. «Музыкант? А почему бы и нет... Это' неплохо звучит — музыкант,— подумал он.— А не побыть ли мне музыкантом?»

— Да. Я — музыкант.

— Это хорошо! — негр оживился.— Ладно, парень. Помогу тебе. Ты мне нравишься.

Они свернули на соседнюю улицу и буквально через три минуты подошли к ярко освещенной автобусной остановке.

Иван посмотрел расписание. Последний автобус должен был быть через двадцать минут.

— Спасибо,— сказал Иван и достал из кармана пачку денег.— Возьми свои двадцать долларов.— Негр смотрел на деньги в руках Ивана, потом на Ивана, потом опять на деньги и так, пока Иван не спрятал деньги в карман.

— Хм,— хмыкнул негр.— Неужели ты меня совсем не боишься?!

— Совсем не боюсь.

— Ну, ты — крутой...— Негр двинул своей огромной ручищей Ивана в плечо так, что тот отлетел в сторону, но, сделав несколько шагов, устоял на ногах. Негр громко засмеялся.— Ладно, прощай, музыкант...— Продолжая посмеиваться, он свернул за угол.

Из здания автобусной станции вышли люди. Иван увидел, что автобус уже подошел и началась посадка. Он купил билет и сел к окну. Людей в автобусе было немного.

Автобус тронулся. Мимо поплыли освещенные улицы незнакомого города, но они скоро кончились, и автобус поехал по ночному шоссе.

Ивану вспомнилось, как он ехал в свой городок. «Что я тогда собирался делать-то? Тогда я собирался дорешать свою Систему до конца: найти путь ее решения, найти компьютер, при помощи которого ее можно решить, убедить людей, чтобы выделили средства для ведения работы. И как все изменилось. Сейчас есть все: найден путь решения, и компьютер, и деньги — все, что необходимо, а я еду в ДРУ^гУ^ю сторону, чтобы стать уличным музыкантом».

2

Всю дорогу Иван смотрел в окно — в ночь. Было не так уж поздно, но совсем темно.

Автобус подъехал к конечной остановке. Пассажиры стали готовиться к выходу. Иван спросил у соседа, пожилого мужчины восточной внешности, куда они приехали. Тот ответил:

— Тебе, наверное, все равно куда?

— Почему ты так думаешь? — удивился Иван.

— Ты едешь на ночь глядя, без вещей и не зная дороги,— ответил он. «Ну вот, как бы не привязался со своими откровениями. А мне хочется быть одному»,— подумал Иван.

— Мне нужно в морской порт.

— Отсюда очень далеко.

— Ничего, доберусь,— ответил Иван и отвернулся. Ему не хотелось разговаривать с этим человеком.

Иван вышел из автобуса и сразу окунулся в ночной город. Он пошел по самой большой улице, которая вела от автобусной станции. «Куда я пойду? Пойду на юг,— решил Иван.— Если я буду идти по улицам этого города в Южном направлении, то рано или поздно выйду к морю. Я хочу видеть море».

Иван шел долго, он все время смотрел по сторонам: на витрины, на редких прохожих, на проезжающие автомо-

били. Наконец он прошел через сквер, освещенный красивыми разноцветными фонарями, и вышел на набережную.

«Я не ошибся, вот оно — море», — обрадовался Иван. Он ускорил шаги и, подошел к бетонному парапету, обрамляющему набережную. Внизу плескалась вода. С трех сторон за водной гладью были видны огни ночного города, но с четвертой — ничего, черная пустота. «Берега не видно. Там море!»

Иван долго стоял, опершись руками на парапет, и вглядывался в даль. Потом он медленно побрел по набережной. Ивану очень хотелось сесть где-нибудь подальше от людских глаз и смотреть на море. Вскоре он нашел подходящее место — под аркой какого-то путепровода. Иван сел на валяющуюся на берегу автомобильную крышку и стал смотреть на воду, огни домов и кораблей, стоящих на рейде. Пошел пушистый, медленный снег. Снежинки подсвечивались огнями фонарей. Каждый фонарь освещал свою часть пространства. Фонари стояли здесь редко и их световые зоны не накладывались.

«Снег, море, фонари... Как бы выразил Майкл все это в звуках?» — подумал Иван. Он взял гитару и начал играть. Конечно, ничего не получалось. Пальцы не слушались, чувства не выливались в звуки. Иван отложил гитару и погрузился в размышления. Была уже глубокая ночь, снег продолжал идти. «Может быть, попросить Лийил дать мне талант выражения чувств через звуки? — подумал Иван. — И опять же вопрос: а есть ли у меня достаточно чувств, чтобы их выражать?» Застегнув до верха свою теплую куртку и засунув руки в карманы, Иван задремал. Рядом плескалась вода, издали доносились гудки кораблей. Под этот шум Иван и уснул.

5

Здесь, под мостом, Аллеин и нашел Ивана.

«Так, спит... — возмутился Аллеин. — Он спит! Пока он тут спит, творятся такие дела! Он, всемогущий обладатель Лийила, спит, а Сатана торжествует и готовит Армагеддон».

Аллеин решил разбудить Ивана. Для этого он встал рядом с Иваном и стал внушать ему кошмарный сон. Эта работа Аллеину не нравилась, но это был самый простой путь достигнуть желаемого результата — разбудить Ивана.

Ивану приснилось, что он летит в какую-то бездонную пропасть. Из пропасти вырывались клубы зловонного дыма, а лицо чувствовало жар огня.

Иван проснулся. «Приснится же... черт возьми», — сказал Иван, тут же встал, подошел к воде, зачерпнул ее руками и умылся. Вытерев лицо рукавом, Иван огляделся по сторонам. Уже рассвело, и вокруг никого не было. Берег, который ночью казался таким красивым, оказался весь завален мусором, выброшенным морем. Вода была в масляных разводах, бетонная подпорная стена, отделявшая берег от набережной, — в трещинах.

— Да, это не Рио-де-Жанейро, — сказал Иван, внимательно осматривая все это. — Ну и что? Я-то ведь тоже — не Остап Бендер. Все равно — это море... — Иван достал деньги и пересчитал их. Было что-то около пяти тысяч долларов. — Пока жить можно. Надо позавтракать. — Он поднялся на идущую вдоль берега дорогу и пошел по ней в направлении ближайших домов.

Была суббота, и на улицах было много народа. Выглянуло солнце и быстро растопило весь выпавший ночью снег. Прослonyaвшись часа два, Иван сел на скамейку у какого-то учреждения и задумался: «Может быть, купить билет и поехать в Москву? А может, найти Сергея с Наташей?» Но эта мысль Ивану не понравилась. Ему не хотелось видеть ни Сергея, ни Наташу. Они бы возвратили его в прошлое, а в прошлое Иван возвращаться не хотел. Он обратил внимание, что на улицах было много бродячих музыкантов, играли на скрипке, аккордеоне, гитаре, одна девушка играла на виолончели. «А почему бы мне не попробовать?» — подумал Иван.

Иван зашел в магазин музыкальных инструментов, который попался ему по пути, и купил небольшой усилитель и акустическую колонку для своей гитары. Усилитель мог работать и от батарей, и от аккумулятора, если играть негромко. Иван свернул в тихий переулок и, устроившись на ступеньках какого-то старого двухэтажного дома, подключил свой усилитель, сделал самую маленькую громкость, только чтобы самому было слышно, и стал играть. Играл он всякие старые мелодии, постоянно сбиваясь, но это Ивана совсем не огорчало, он так увлекся игрой на гитаре, что совершенно не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Вот перед ним звякнула и покатила брошенная кем-то монета, потом еще. Иван пододвинул монету ногой к себе и положил перед собой крышку от ко-

робки усилителя, чтобы монеты не разлетались по мокрому грязному асфальту. Перебрав мелодии, которые он помнил хорошо, Иван начал вспоминать те, которые помнил не очень. А потом играл все, что приходило в голову.

Кто-то наклонился и положил в коробку, где лежало десятка полтора мелких монет, стодолларовую купюру". Иван прекратил играть и поднял глаза. Перед ним стоял и внимательно на него смотрел... Риикрой.

— Привет, Иван. Рад тебя видеть здесь, — сказал Риикрой. — Играешь ты плохо, но, учитывая наше старое знакомство, я заплатил тебе не за твою игру, а за твою смелость. — Иван очень удивился, увидев здесь, в нью-йоркском переулке, Риикроя, но виду не показал.

— Привет, Риикрой. Спасибо за щедрость. — Иван улыбнулся. — А что ты разговариваешь со мной по-русски? Здесь я говорю на американском английском, и судя по тому, что меня хорошо понимают, делаю это неплохо.

— Да, говоришь ты просто здорово. Совершенно без акцента. Но я со всеми людьми предпочитаю разговаривать на их родном языке.

— Присаживайся.

— Да, пожалуй, — сказал Риикрой и сел на ступеньки рядом.

— У тебя, по-видимому, есть ко мне какое-то дело? — спросил Иван, внимательно вглядываясь в лицо сидящего рядом, так и хотелось сказать — человека. Иван усмехнулся про себя: «Знали бы прохожие, с кем я так мило сейчас разговариваю». Иван ожидал, что Риикрой начнет говорить с ним о Зильберте, о компьютере, о публикации его работы, но Риикрой сказал:

— Для того, чтобы хорошо играть на гитаре рок-н-ролл и блюз так, чтобы тебя слушали, надо: во-первых, родиться и вырасти здесь, во-вторых, учиться этому с детства, в-третьих, иметь хороших друзей, которые играют ту же музыку, — ничего этого у тебя не было и нет.

— К сожалению, это так, — согласился Иван.

— А хочется?

— Что?

— Играть так, чтобы тебя слушали.

— Ты знаешь, Риикрой, почему-то именно этого мне сейчас больше всего хочется.

— Ну так играй...

Иван усмехнулся. «А почему бы и нет? Моисей извлек посохом воду из камня. Христос накормил двумя рыбами

пять тысяч голодных. А почему бы мне, прежде чем исчезнуть, не устроить концерт? Это просто необходимо сделать, чтобы понять, что же может этот идеальный инструмент выражения. Лийил, хочу хоть раз стать властелином человеческих чувств. Хочу посмотреть, что такое слава, ^хчу чтобы меня все любили, Лийил». Иван взглянул на мужественное лицо Риикроя.

— • Все, теперь бери гитару и играй, теперь у тебя получится. А я буду первым слушателем новой суперзвезды.

Иван молча взял гитару, подключил ее к усилителю и сделал пассаж. Гитара отозвалась каскадом звуков. Откуда что взялось! Пальцы сами делали то, что надо.

— Ну спой, спой что-нибудь! — закричал Риикрой.

— Нет, сейчас не хочу, — ответил Иван и сел на скамейку.

Риикрой внезапно быстро удалился, оставив Ивана одного. Он был безмерно доволен тем, как ему удалось так легко соблазнить Ивана, о чем он не преминул сообщить Сатане. «Если этот парень попробует славы, он ни за что не откажется. Удивительно, но его слабым местом оказалась любовь к музыке!»

4

Иван опять вышел на набережную. Он долго стоял и смотрел на море. Небо было затянуто тяжелыми темно-серыми тучами. Они медленно ползли на восток. Ветер усиливался. На воде появились белые барашки. «Красиво. Какое удивительное, всеобъемлющее одиночество. Исчезни я сейчас — никто этого и не заметит. Хотя — нет. Зильберт заметит. Ему я позарез нужен. Ведь я могу реализовать цель его жизни».

Иван, закинув гитару за плечо, двинулся в город.

Аллеин слушал мысли Ивана, затаив дыхание. «Нет, не суждено, видно, сбыться моим тайным надеждам. Тот путь, который он выбрал, приведет его на трон Антихриста. Неизбежно. Слишком уж много в нем жажды нового, слишком много таланта и жизненной энергии, слишком он одинок — до такой степени, что не способен проникнуться чужими переживаниями. Понять — да, понять он может все, но оценить — не способен».

Иван зашел в небольшой бар, посетителей в нем не было. Бар был стилизован под конец прошлого века. Стояли некрашенные деревянные столы, на которых посетите-

ли вырезали свои имена. Иван начал читать эти надписи и очень увлекся. Ему было интересно пытаться увидеть за каждой надписью того, кто ее сделал. «А может, кроме этого вырезанного на столе имени, здесь, на Земле, от этого человека ничего и не осталось: ни дома, ни дерева, ни потомков — сколько людей погибло в войнах! — ни памяти — ничего. И так оно, скорее всего, и есть. Кто этот Джон Берд, в 1903 году вырезавший здесь свое имя такими крупными и корявыми буквами?»

Иван подключил усилитель и, спросив у бармена разрешения, начал потихоньку играть. Играл он то, что приходило ему в голову. Причем реализовывалось это следующим образом: Иван вспоминал, например, море, такое, каким он его видел только что, и пальцы сами находили нужные места на грифе гитары, чтобы то, что он видел, выразилось в звуках. Стоило Ивану представить, что ветер усилился, — и характер музыки тут же менялся. Он представил летящий по волнам парусник — и для этого образа в звуках нашлось выражение. Происходило удивительное. Иван буквально ощущал то, что хотел представить, и все эти его переживания и образы находили свою музыкальную форму, что приносило необыкновенное, ни с чем не сравнимое чувство. И это чувство было радостным. Он не думал ни о стиле, ни о тональности, ни о ритме — вообще о том, как ему играть, он думал только, о чем играть. Способность так играть привела Ивана в восторг. Это был настоящий праздник, которого у Ивана никогда еще в жизни не было. И он играл и играл, ни на что не обращая внимания, и готов был играть без конца.

Риикрой внимательно слушал игру Ивана. Наконец он сказал: «Так, полный порядок. Еще один пророк готов к проповеди. Этот из тех, кто предпочитает петь. Так пусть поет. Уж я ему обеспечу и оркестр, и слушателей».

Аллеина внутренне передернуло от этих слов, хоть он и был внешне невозмутим. «Вот так они и делают пророков из свободных людей...»

5

Вечером Наташа зашла в номер Сергея.

— Сергей, Иван опять исчез, — не то спросила, не то просто сказала она.

— Видел, — сухо сказал Сергей. — Исчез. Опять.

— Его надо искать. Как он здесь один? И виза завтра заканчивается.

— Нет, Наташа. Хватит с меня. Я его искать не буду.

• — А как же он... — начала было Наташа.

Но Сергей перебил ее:

— Он странный человек. Я не могу его понять. А раз не могу понять, не могу и помочь. И еще. Думаю, что никто, и ты в том числе, Наташа, не сможем ни понять, ни помочь ему. Вот что я думаю. Искать я его больше не буду. Делать для него что-либо, пока он сам меня не попросит, — не буду. Пусть живет, как знает. А у меня сейчас столько дел, что отвлекаться на выяснение причин его более чем странного поведения нет ни времени, ни желания.

— Значит, все...

— Что — все? Он по-прежнему мой компаньон, но его личная жизнь меня не интересует, признаюсь.

— А я?

— А ты — тоже мой компаньон. И тебя я понимаю и буду тебе помогать, как и чем смогу, но только не проси меня заниматься Иваном.

Наташа смотрела на Сергея в упор. Взгляд ее был спокойный и, как Сергею показалось, усталый. «Она, видно, очень устала от всего этого, он ее замучил», — подумал Сергей.

— Что ты предлагаешь мне делать? — спросила Наташа. Причем, как чутко уловил Сергей, это был не вопрос-вызов, а вопрос-просьба, просьба о помощи.

Сергей хлопнул себя по коленям, как бы добавляя решительности и весомости своим словам, и сказал:

— Давай работать. Ты всегда будешь на людях, работа у тебя будет, и ее будет очень много. И я думаю, что все у тебя устроится наилучшим образом.

— Попробую. Другого-то все равно ничего нет. Так ведь? — Это снова был и не вопрос, и не утверждение.

— Так или не так... Есть, нет... Наташа, ты самая красивая женщина в мире, да еще и умная, да еще и богатая теперь. Живи и радуйся. Давай поговорим о деле.

И Сергей начал рассказывать ей о своих планах по созданию в России сети «Юнайтед Системз».

Вернувшись в свой номер, Наташа повесила на двери табличку «Просьба не беспокоить» и легла на кровать не Раздеваясь.

«Иван исчез. Ушел из моей жизни. Он ушел и унес с собой часть меня, и не худшую. Ту жизнь, которая теперь

мне предстоит, я достаточно хорошо представляю. Все обстоятельства давно уже толкали меня к ней, а я сознательно и бессознательно сопротивлялась. Я искала любовь, нашла и вновь потеряла. Может, я и выдумала все, может, он и не такой вовсе, как я его себе представляла, — это не имеет значения, а вот то, что второго такого усилия... нет... — возможности — не будет, это уж точно».

Наташа почувствовала, что сейчас заплачет. Ей показалось, что она потеряла что-то очень дорогое, потеряла безвозвратно, и пустота предстоящей жизни испугала ее. Наташа резко поднялась и села. «Моя жертва оказалась не востребованной. Почему? Была ли я ему вообще нужна? — спросила Наташа у себя. — Я — всего лишь эпизод в его жизни. Ну, а он в моей? Я хотела бы, чтобы и он был тоже — случайный, кратковременный эпизод? — Наташа покачала головой. — Нет. Не хотела бы. Он мне подходит. Только он и никто другой. Второго такого не будет — это точно. Да, я буду искать Ивана и ждать. Только этим одним не проживешь. Сергей прав, надо и что-то еще делать, иначе будет плохо». — Наташа опять легла на кровать.

6

Путешествуя по вечернему городу, Иван забрел на при вокзальную площадь. Наступило время окончания рабочего дня, и на площади было очень много людей, которые спешили по своим делам. Людские потоки выплескивались из подземных переходов и подходящих к площади улиц, растекались по ней, переливаясь в свете электрических фонарей разноцветными отблесками влажной от дождя одежды, и всасывались вокзалом, который почему-то напомнил Ивану плотину.

Внимание Ивана привлекла ритмичная музыка, доносившаяся со стороны вокзала. Иван отчетливо слышал звуки гитары, барабанов и бас-гитары, голос певца был слышен плохо. «Это явно не запись, кто-то там играет, прямо на площади». Иван направился туда, откуда слышалась музыка.

Действительно, расположившись на газончике под фонарным столбом, играл оркестр из трех музыкантов: гитариста, он же и пел, барабанщика и бас-гитариста. Гита-

рист был невысокого роста парень, с лицом восточного типа, скорее всего японец, он пел высоким голосом песню нирване. Содержание песни Ивана не заинтересовало, не понравилось ему и пение. Восточный колорит музыки «...» олоса привлекал внимание, но очень уж не гармонировал с этой площадью, блестящей лужами зимнего дождя. «Оригинально. Но эта музыка звучит здесь, на этой площади, заполненной спешащими домой людьми, как музыка с другой планеты», — оценил Иван, постояв немного среди немногочисленных слушателей. Барабанщик, судя по тому, как искусно он обращался с двумя стоящими перед ним барабанами и тарелкой, был настоящий виртуоз — он сидел прямо на газоне, скрестив ноги, и яростно работал, выколачивая ритм. Его худое длинное лицо с впалыми щеками, обрамленное лохматыми рыжими бакенбардами, казалось, тоже вибрирует в том же ритме. Бас-гитарист — крепкий черноволосый мужчина среднего роста, казалось, не замечал ни дождя, ни холода, хотя был в сандалиях на босу ногу, джинсах и черной майке с большим вырезом, из которой торчали обильно росшие черные волосы. Лицо у него было слегка одутловатое. Он все время смотрел тусклым, сосредоточенным взглядом на акустическую колонку, которая издавала звуки его гитары, и, казалось, ничего другого ни видеть, ни слышать не хотел. «Интересные парни. Играют они очень хорошо. Видно, что профессионалы. Но почему здесь, на площади?» — подумал Иван.

Песня закончилась, и вокалист, обращаясь к публике, сказал:

— Полиция предлагает нам закончить выступление. Если кого-нибудь заинтересовала наша музыка, мы можем предложить компакт-кассеты с записями. — Музыканты стали быстро убирать инструменты. Они, видно, и не рассчитывали, что кто-нибудь подойдет и купит их кассеты. Слушатели тут же разошлись, остался стоять только Иван.

— Я хочу купить ваши записи. Но прежде, если это возможно, я хотел бы их послушать, — сказал Иван.

Гитарист с удивлением посмотрел на него. Его взгляд остановился на Иановой гитаре.

— Ты не музыкант ли?

• — Да, я музыкант.

— Да, пожалуйста, можешь послушать.

— Вы сейчас куда? — спросил Иван, выражая намерение идти с ними.

— Тут недалеко небольшая гостиничка,— гитарист хмыкнул,— поехали с нами, если хочешь.

Музыканты погрузили инструменты в старый, помятый автомобиль-фургончик. Гитарист сел за руль, а двое других разместились в кузове.

— Залазь к нам,— предложил басист,— у нас веселее.— Он достал откуда-то бутылку виски и протянул Ивану.— На, отхлебни, а то замерзнешь в этой консервной банке.

Иван молча взял бутылку и отпил немного.

— Что это вы в такую слякоть решили выступать на площади? — спросил Иван.

— Это все Питер,— басист кивнул головой на барабанщика и усмехнулся,— ему, видите ли, надо периодически встряхиваться. И это он может делать только на публике.

— А что, нет [ругих мест, что ли, где собирается публика?

— Так ему непременно нужен стадион или, как минимум, привокзальная площадь.

— Интересно,— удивился Иван и посмотрел на Питера. Тот поднял на басиста усталый и какой-то затравленный взгляд и сказал:

— И ты прекрасно знаешь — почему...

Басист крикнул и сделал большой глоток.

— Тебе — кстати, как тебя зовут? — действительно понравилось то, что мы играли?

— Стиль музыки и вокал — нет, а исполнение — очень,— ответил Иван.— Зовут меня Иван, я русский.

Оба музыканта уставились на Ивана.

— Вот это да! Что это тебя к нам занесло? — удивленным голосом спросил басист.

— Я здесь в командировке, так сказать...

— А... Слышишь, Питер, наше с тобой исполнение ему понравилось. Ну, давай знакомиться, Иван. Я Билл Джонс — лучший в мире бас-гитарист, а это Питер Фримэн — лучший в мире барабанщик, а играем мы на площади потому, что, — Билл зевнул,— мы слишком хороши для концертных залов и стадионов.

— А ваш вокалист — тоже лучший в мире?

Билл засмеялся и ответил:

— А вокалистов мы подбираем по принципу — чем чуднее, тем лучше, тем нам веселее работать, — Билл опять зевнул.— Похоже, у нашего нового, у Мэтью, ее, чудноты,

не хватает все же, что-то я после концертов стал зевать и «бшить не хочется. А, Питер? — Питер опустил голову и лромолчал.— А ты что, играешь? — Билл кивнул головой на Иванову гитару.

— Да, играю.

— Значит, можешь участвовать в конкурсе на замещение нашего вокалиста, Иван. Если выиграешь — играй с нами.

• — На вокзалах? — спросил Иван серьезно.

— Может, и на вокзалах, это уж как получится,— Билл развел руками.

Автомобиль остановился. Выбравшись из фургона, Иван увидел, что они находятся на плохо освещенной длинной улице со множеством зданий, почти без окон,— по-видимому, каких-то производственных строений, но были здесь и жилые двухэтажные дома, они все сгрудились в кучу на одной стороне улицы.

— Где это мы? — спросил Иван.

— Недалеко от грузового порта,— ответил Билл.

Музыканты взяли свои инструменты и направились в узкий и извилистый переулок, который вывел их на большой двор, выходящий к набережной и окруженный старыми домами. Дома эти, постройки, наверное, прошлого века, видно, давно не ремонтировались, штукатурка во многих местах обвалилась, а на крышах росла трава. Площадь была пустынна, но на набережной было много народу.

— Есть же еще в Нью-Йорке такие места! — воскликнул Иван.

— В Нью-Йорке еще и не такие места есть, ты у Питера спроси, он расскажет... А вот и наши апартаменты,— Билл показал на вход с вывеской.— К счастью для нас и к несчастью для публики, на лучшие нам не дают заработать наши вокалисты.

Мэтью слышал, что сказал Билл, но никак не отреагировал.

Музыканты ввалились в холл, здесь же был и бар, и небольшая эстрада, отсюда же вела лестница наверх.

— А, объявились, приятели,— встретил их бармен.— Ну и как, платить будете?

— Будем, будем, дорогой,— будем...— Билл достал деньги и отдал бармену. Тот внимательно их пересчитал и Положил в кассу.— Дай что-нибудь пожрать, Ник, на четверых и выпить — на шестерых. Мы поставим тут у тебя Музыку? — спросил он у бармена.

— Ставьте, черт возьми, ставьте вашу музыку — р_аз заплатили, буду терпеть, мать вашу... — проворчал бармен и вышел.

Пол в баре был грязный.

— • Что тут так грязно, подтереть, что ли, некому? — удивился Иван.

— А, ну его, — махнул рукой Билл, — не обращай внимания. Тут, сам видишь, что за заведение, кто сюда заходит — тем все равно, какой пол: грязный, чистый или его вовсе нет. — ^ Билл вставил кассету в магнитофон и настроил громкость. Он посмотрел на Ивана и сказал:

— Это будет стоить двадцать долларов. Включать? — Иван засмеялся и ответил:

— Включай. У вас тут все, я смотрю, стоит по двадцать долларов.

Слушать музыку Ивану было неприятно, он не получал никакого удовольствия. Все было, как и на концерте — профессиональный аккомпанемент, но слабый вокал и ведущая гитара, которая явно не справлялась с отведенной ей партией.

В бар стали заходить посетители: в основном это были моряки и проститутки. Один из посетителей заорал на весь заг:

— Эй, кто-нибудь, выключите эту музыку наконец... Бармен подошел к Биллу и сказал:

— Давай включим что-нибудь другое, Билл.

Билл взглянул на Ивана. Тот молча достал двадцать долларов и отдал их Биллу. Тот взял деньги, тут же отдал их бармену и сказал:

— Выключи музыку, Ник, и принеси нам бутылку водки. Русской. У тебя есть русская водка?

— Есть. Но этих денег мало.

Иван достал еще двадцать долларов и отдал их бармену.

Все сидели молча: у Питера был все такой же отсутствующий вид, лицо Мэтью ничего не выражало, Билл крутил головой, осматривая публику. Бармен принес водку и ужин. Билл налил всем понемногу и сказал:

— За покупателей наших кассет, — и, не дожидаясь никого, выпил. — Слушайте, парни, сегодня полно народу. Играть будем?

Питер пожал плечами и спросил:

— Что?

— Что нам с тобой играть, что ли, нечего?! — воскликнул Билл. — Эх... был бы Ник здесь... Извини, Мэтью. — Тот покачал головой и ответил:

— В этом деле я вам, парни, не помощник. Мой репертуар вы знаете. У меня наезженная коля.

Иван тем временем внимательно рассматривал публику. Здесь говорили, наверное, на всех языках. Иван слышал английскую, испанскую, немецкую, французскую речь, рее много пили. У стойки толпился народ. На улице, под навесом, несмотря на прохладную погоду, выставили столики, и там тоже сидели люди. «Бойкое местечко, — подумал Иван, — здесь каждый — прохожий с одного конца света в другой и каждый — сам за себя». У Ивана опять, как тогда в аэропорту, появилось непреодолимое желание привлечь внимание всех этих людей к себе. Иван весь напрягся. Тут его словно осенило — это было как удар молнии: «Я должен спеть и сыграть, да так, чтобы они слушали меня». Иван быстро встал, взял свою гитару, и пошел к эстраде.

Он вышел на эстраду и некоторое время молча смотрел в зал. Внутри него все вибрировало, мозг находился в состоянии страшного возбуждения, но в нем не было никаких мыслей. Вдруг появилась тема: «Мы — люди — созданы смертными. Это единственное, что нас объединяет».

Иван коснулся струн гитары. И тут только сообразил, что она не подключена.

— Подключите мне гитару, я хочу сыграть, — обратился Иван к подошедшему к нему бармену.

Билл с неожиданной быстротой сорвался с места и, столкнув подвыпивших моряков и проституток, подбежал к эстраде, воткнул в гитару Ивана шнур и настроил усилитель.

— Давай, Иван, покажи им, — подмигнул он, — не бойся ничего, я, если что, помогу. — Но Иван не слышал его. Он видел, что Билл подключил гитару, и что на усилителе загорелся огонек. Билл щелкнул по микрофону. Он работал. Иван подошел к микрофону и взял аккорд. Гитара была расстроена. Он быстро настроил ее. Зал не обращал на него никакого внимания. Все так же пили, ели, разговаривали.

Иван как будто впал в транс. В его мозгу, работавшем теперь на полную мощность, словно прорвалась плотина, сдерживающая поток мыслей и звуков. И он, уже не контролируя эту страсть, овладевшую им, взял первый аккорд — начал играть, обрушив на присутствующих лавину звуков; в этом пассаже было столько виртуозного блеска, что

все невольно посмотрели — кто это смог так сыграть? Иван сделал паузу, в зале установилась тишина.

И Иван заиграл. И больше уже никого и ничего не замечал вокруг. Он сочинял слова, музыку, играл, подсознательно реагировал на реакцию публики — одновременно. Это была импровизация, но никто бы никогда не догадался об этом. Пальцы Ивана летали по грифу с невероятной скоростью, а голос, кто бы мог подумать, что у него такой голос! — звучал ровно и мощно. Весь зал смотрел только на него. То, что он играл — была удивительная, ни на что не похожая музыка. Гитара будто бы играла свою партию, в своем ритме, это был не аккомпанемент, а именно сольная партия, а Иван пел свою партию. Если закрыть глаза, то казалось что играло, по крайней мере, две гитары, а солист пел сам по себе, потому что невозможно было так играть и петь. Но люди видели, что все это делает один человек. Билл уже сбегал за своей гитарой и, моментально подстроившись, начал аккомпанировать. Питер подбежал следом, расставил барабаны и включил ритм.

Звуки и слова брались неизвестно откуда, это было похоже на то, как рождалась новая идея. Создавая свои математические модели, Иван находился на вершине возможного для него счастья, если удавалось найти красивое, неожиданное решение, а сейчас чувство радости и удовлетворения было много сильнее — ведь то, что он творил, было доступно другим. У Ивана было чувство, что его пальцами и голосом управлял кто-то, а он был лишь передатчиком, но это только усиливало остроту счастья.

Иван каждой клеточкой своего мозга чувствовал, что те, кто его слушал, уже начинали любить его, потому что он освобождал их чувства, заставлял их сопереживать ему. Он играл при помощи своей гитары на струнах их душ, и они были ему благодарны за это. Настоящим же чудом было то, что Иван впитывал чувства и стремления людей, находящихся в зале, совмещал с идеей, которую хотел донести, и выражал все это с невероятным блеском и на том уровне сложности, который был понятен большинству присутствующих.

Иван закончил свою композицию и осмотрел зал. Все стоя аплодировали. На него смотрели десятки восторженных глаз. Он подарил им волшебство, и какое! И люди благодарили его за доставленное удовольствие.

Только один человек сидел за своим столиком и не аплодировал, он неотрывно смотрел на Ивана и улыбался. Это был Риикрой. Наконец он поднял руки и, три раза медленно, выразительно хлопнув в ладоши, сказал:

— Браво.

И тут же все начали кричать:

— Браво!.

Хотя зал был полон, за этот столик почему-то больше никто не садился. Потом Риикрой повернулся к Ивану спиной, казалось, он с кем-то разговаривает, хотя за столиком больше никого не было, но Риикрой действительно в это время говорил со своим невидимым собеседником.

— Посмотри, Аллеин, как он красив, наш, как бы это сказать, воспитаннык.

— Почему ты говоришь — наш?

— Ну, а чей же еще?

— Он свободный человек, свободней всех.

— Ты меня не смей только. О чем ты говоришь! Какая свобода? Человеку? Что это и где она?

— Не лукавь, Риикрой, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

— Нет, ну согласись, Аллеин, он красив. Не знаю, как мужчины, но то, что все женщины будут без ума от него — это точно.

— Будут... — с печалью в голосе согласился Аллеин. — Сколько же осталось для этого времени...

— Немного, я думаю. Видишь, он уже начал свою проповедь. Теперь не остановится. С его энергией и талантом для того, чтобы внушить людям свои идеи, ему понадобится совсем немного времени. Так что доложи своему Господину, Аллеин, что дело — наше общее дело — пошло на лад.

— Ох, Риикрой, твое лицемерие безгранично.

— Ох, Аллеин, ты говоришь так, будто начитался страшных книжек про нас, написанных людьми. Тебе-то так рассуждать — не по твоему уровню.

— Мне жалко людей...

— Ну вот...

— Тебе этого не понять.

— Понять-то я могу все, а вот разделять твою печаль — не могу.

— Что, надеетесь, вам все достанется?

— А почему бы и нет? Видишь, он же, похоже, как настоящий первооткрыватель, пошел своим, то есть нашим, Путем.

— Что у тебя за отвратительные манеры...

— Что поделаешь, я вношу во все дух соперничества, такова моя роль в этом мире. Это вашему Господину ни; чего не надо, кроме любви, а нашему надо, чтобы все росло, и развивалось, и познавалось, а для этого необходимо соперничество.

— Все это потому, что вам не дано создавать свои миры.

— Да. Ну и что? Никаких комплексов по этому поводу у нашего Господина, а стало быть и у нас — нет. Внося разлад, мы достигаем прогресса. Нам достаточно и созданных вашим Господином миров. Ваше дело их создавать, наше — ими управлять.

Иван снял с себя куртку и остался в майке. Его стройное сильное тело рельефно проявлялось в каждом движении. Он действительно был очень красив. Лицо его выражало внутреннюю работу, восторг и любовь. Иван кивнул головой и вновь начал играть.

«Что за музыку он играет? — думал Билл. — Что за стиль? Черт знает, что за стиль! Я не только не играл так, но и не слышал ничего подобного. Но он виртуоз, каких очень мало, — это точно».

Для Аллеина был очевиден и прямой, и скрытый смысл Ивановых песен. Все они посвящались одному и тому же -III любви к свободе, которая одна есть настоящая ценность, все же остальное — иллюзия, создаваемая человеческим воображением.

В бар набилась масса народу, те, кто находились на улицах, слушали музыку через открытые двери и окна. Подъехала полицейская машина. Полицейские, увидев, что здесь идет какой-то импровизированный концерт и народ все прибывает, сначала хотели запретить концерт. Но потом, увидев, что здесь играют хорошую музыку, люди ведут себя спокойно, решили не мешать и лишь на всякий случай сообщили в полицейский участок, а сами остались следить за порядком. И концерт продолжался.

7

Среди великого множества песен, которые сочиняют и поют люди, есть совсем немного таких, которые действительно заставляют человеческие сердца биться чаще. Хо-

рошо, если певцу за свою жизнь удастся исполнить одну-две такие песни. Подавляющее количество песен рождается в результате выполнения авторами и исполнителями ряда условностей, диктуемых модой, принимаемых слушателями, потому что слушать музыку — это одна из их потребностей, которую они должны удовлетворять. И если эти условности выполнены, то музыка воспринимается и иногда становится популярной. Иван понятия не имел, что слушают в Нью-Йорке и что вообще сегодня модно. Он, сам того не осознавая, был скорее не певцом, а слушателем, которому была дана способность воспринимать настроение и чувства человеческой толпы. И сейчас чем больше народу собиралось у бара, тем совершеннее становилось его исполнение.

Иван пел о человеке, который победил все трудности и обстоятельства и стал свободным. От лица такого человека Иван и исполнял свои песни, и люди воспринимали их как своеобразный урок свободы, выраженный в стихах и музыке. Этот свободный человек не зависел от прюбви: к ближнему ли, к Богу ли, к женщине. От человеческих страстей: наркотиков, алкоголя, денег; его мир был полон радостей, которые дает каждый прожитый день.

— Чудовищно, не правда ли, Аллеин? О любви поет человек, который, вообще говоря, и не знает, что это такое, — сказал Риикрой.

, — Зато он теперь хорошо знает, что хотят слушать люди.

— Посмотри, женщины даже плачут.

— Риикрой, то, что происходит, — это скорее правило, чем исключение. Тем более, если говорить о пророках.

— Согласен. Это их особенность — говорить о том, чего не знаешь, так, чтобы тебе все поверили. Если бы они знали, кто и каким образом вкладывает в их уста слова иногда...

— Не будем об этом, Риикрой. К чему злословить.

— Ты предлагаешь, чтобы я тебя не заводил?

- Да .

— Почему?

— Ты — тоже часть реальности, и я хочу оставшееся время просуществовать в мире со всем, что есть. И с тобой тоже.

— Но я же зло!

— Ты — зло. И в то же время ты — часть реальности этого мира. Весь он скоро исчезнет, и люди, некоторые из

них, уйдут туда, куда не простирается ни твоя, ни моя власть. Я хочу проводить его достойно. Угомонись, Риикрой. Ничего изменить нельзя. Ты же видишь, Антихрист пришел.

— Я тебя, признаться, не понимаю. Что произошло? Ты хочешь примирения? Но это же невозможно, ты знаешь.

— Мы с тобой скоро исчезнем, Риикрой.

— Как ты можешь это утверждать?

— Мы с тобой скоро исчезнем, Риикрой. Мы оба выполнили свои задачи, скоро нас не будет.

Тут за столик села молодая пышноволосая брюнетка. На ней было облегающее короткое платье и черные чулки. Она уставилась на Риикроя большими красивыми глазами, откровенными, как открытая книга. Закурив сигарету, она подмигнула Риикрою и сказала:

— Я специалист по удовольствиям. Меня зовут Рита. Хочешь, я доставлю тебя на седьмое небо?

— Ты бывала на седьмом небе?

— По десять раз за ночь. Хочешь...

— Я только что оттуда, — засмеялся Риикрой.

— Ты странный... Ты мне нравишься...

— Я? Впрочем, это неудивительно. Не правда ли, Аллеин? — сказал Риикрой, обращаясь куда-то в сторону.

— Кому это ты говоришь? — удивилась Рита.

— Так, одному старинному приятелю, точнее, неприятелю. Ты, Рита, женщина, а я... — Риикрой развел руками.

— Да... Ты не голубой ли?

— Нет, дорогая, я черный. И мне больше по душе другие удовольствия.

— Ничего не понимаю. Что ты хочешь сказать? Я тебе предлагаю развлечься. Мне и денег не надо. Просто ты мне понравился, а ты разводишь руками. Что, я тебе не нравлюсь? Что ж, тогда я пошла.

— • Ты мне нравишься.

— Тогда я остаюсь, если хочешь, конечно.

— Отпусти ее, Риикрой, — сказал Аллеин, — пусть идет.

— Это не в моих правилах, Аллеин. Коль человек хочет повесить свои мозги на вешалку, я ему должен помочь.

— Смотри... — сказал Аллеин. Риикрой посмотрел на сцену. Вокруг нее толпились женщины. Они размахивали руками, кричали, на их лицах выражался восторг, почти экстаз.

— Да, Иван нашел в их лице благодарных и восприимчивых слушателей, — сказал Риикрой. — Рита, а тебе нравится эта музыка?

— О, да. Этот парень — настоящий фокусник, он своими словами лезет прямо в душу и играет, как дьявол. Кто это?

— Это мой парень.

— А, так ты — импресарио. Ну, ясно. Как интересно!

Рита пододвинулась к Риикрою и заглянула ему в глаза. То, что она увидела там, было таким, что она замерла, потеряв дар речи и способность думать и действовать, к глазам сидящего напротив, холодных и выражающих невероятную самоуверенность, Рита увидела нечто такое, что страшнее смерти. Рита поняла, что своей воли у нее больше нет, она вся во власти этого человека.

— Отпусти ее, Риикрой. То, что ты сейчас собрался делать, — совершенно бессмысленно.

— Да уж — пожалуй... Отойди от меня, Аллеин. Эта женщина — моя...

Риикрой взял Риту за руку, встал и повел ее через толпу к выходу. И вдруг музыка прекратилась, и Иван сказал в микрофон:

— Эй, Риикрой, оставь ее. Слушай... — Иван прервал фразу на полуслове, потому что Риикрой тут же исчез, оставив женщину.

Рита почувствовала, что ее больше никто не держит и что странное оцепенение, в котором она находилась, исчезло. Она опять была свободной. Рита посмотрела на Ивана. Он стоял, возвышаясь над окружившей его толпой. Иван поднял руку и сказал:

— Я буду играть, пока вы будете меня слушать. Мне нужно только это. Если кто-то хочет заплатить за эту музыку, отдайте свои деньги тем, кто в них, по вашему мнению, больше всего нуждается.

«Это — Предвестник?» — подумал Аллеин.

Иван дал максимальную громкость и заиграл так, что, казалось, бар и вся площадь взорвутся от заряда энергии, заложенного им в музыку.

8

Дежурный полицейский позвонил в участок:

• — Лейтенант, концерт в баре «Летучий голландец» "Родолжается. На площади полно народу, и он все прибы-

вает. Откуда-то приволокли мощные усилители, и, похоже, сейчас музыканты перейдут играть на улицу. Что нам делать?

— Как ведет себя публика?

— В основном — довольно спокойно.

— Я не понимаю, в чем проблема, сержант? Подойдите к владельцу этого бара и скажите, чтобы он прекратил это безобразие, как нарушение общественного порядка.

— В том-то и дело, лейтенант, что я не могу решиться! на это. Они дают что-то вроде благотворительного концерта. И парни играют так, что дух захватывает, публика аж стонет от удовольствия. Их солист — сущий дьявол. А с другой стороны, в этом районе, кроме складов, ничего нет. То есть, обывателям они вроде бы и не мешают.

— Ладно, сейчас я подъеду, посмотрю, что у вас там за необыкновенный концерт, — сказал лейтенант и положил трубку.

— Что здесь происходит, лейтенант? Этот концерт — нарушение общественного порядка или событие в жизни города? — обратилась к нему женщина, которая представилась как корреспондент популярного канала теленовостей.

— Я только что подъехал и как раз пытаюсь выяснить, что это.

— Ваше первое впечатление?

— Извините, мне надо пройти туда, — лейтенант показал в сторону, где расположились музыканты. Девушка-корреспондент кивнула головой и, пристроившись за спиной лейтенанта, стала проталкиваться через толпу.

Следуя за ним, ей удалось продвинуться в первый ряд публики, окружившей высокое крыльцо старого кирпичного дома с выбитыми окнами. Музыканты расположились на этом крыльце.

Солист стоял, как вкопанный, пока пел, когда же в пении были паузы, он, продолжая играть на гитаре, прохаживался по сцене. Гитарное сопровождение было виртуозным, но оно не мешало слушать вокальную партию. Во всем: и в голосе, и во внешности, и в выражении лица солиста, и в том, как он играл на гитаре, — была необыкновенная сила, даже мощь. Он хотел многое сказать своим слушателям своими песнями, и никто не мог не слушать его. И если можно было кого-то представить как образец человеческой силы и уверенности — так этого певца, вли-

сокого, стройного, сильного парня с удивительным голо-гом и удивительным лицом, которое сдержанно, но определенно выражало все, о чем он пел.

«Вот это да! — подумала Кристина, так звали корреспондентку. — Это сенсация».

Лейтенант связался со своим шефом и доложил ему обстановку:

— Присутствую на удивительном концерте. Уже два часа, без перерыва, трое музыкантов играют на улице, и играют так, что невозможно пройти мимо. Их слушает большая толпа, и народ все прибывает. По всем правилам, я должен прекратить концерт, но чувствую, что если я это сделаю, будут большие неприятности, и виновником беспорядков буду я, а не эти музыканты. Здесь все будто под гипнозом, стоят и слушают, затаив дыхание.

— Вот что, сделай оцепление, и пусть этот концерт продолжается хоть всю ночь.

— Это приказ?

— Да. Ответственность беру на себя.

Лейтенант, хорошо зная своего шефа, понял, что тот уже получил откуда-то сверху соответствующее распоряжение. И не ошибся...

2

Питер играл из последних сил. Все бы ничего, ему и раньше приходилось иногда барабанить по несколько часов, но надо было срочно принять дозу наркотиков. «Если я не сделаю этого — все, мне конец, — думал Питер, — я не выдержу этот темп». Мозг сверлила и разрывала на части одна мысль: «Надо... надо, срочно надо». А Иван, как назло, играл и играл без перерыва.

Биллу было проще, он прихватил с собой бутылку виски и иногда в паузах отхлебывал из нее. «Этот Иван — Настоящий дьявол. Так играть нельзя. Но раз он играет — Не отставать!» Билл все свое внимание сосредоточил на Иване и почти не смотрел в толпу. Иван будто загипнотизировал его. Никогда еще Биллу не было так трудно играть, и никогда еще он не получал от этого такого удовольствия. Ухо искушенного слушателя слышало массу огрехов в сопровождении. Но только не в игре солиста! Иван пел и играл безупречно.

Тут прямо посреди песни — это была очень быстрая и ритмичная рок-н-рольная вещь — Питер бросил палочки и схватился руками за голову. Билл увидел это и тоже прекратил играть. Иван повернул голову, посмотрел и продолжал играть как ни в чем не бывало. Билл увел Питера с импровизированной сцены.

— Где у тебя эта заначка? — шептал он Питеру. На лице Билла изобразилось странное сочетание презрения, негодования и сострадания. Питер посмотрел на него, как затравленный, просящий пощады зверь:

— В номере. Мне надо, иначе сдохну или разобью барабаны. Скорей...

— Побежали туда. Черт возьми! — И Билл поволок Питера к входу в бар.

«Я должна взять у него интервью во что бы то ни стало», — решила Кристина. И она бросилась вызывать операторов для съемки теленовостей.

Иван закончил песню, и, хотя музыканты не пришли, он не колеблясь начал следующую. Это был какой-то фантастический марш. Смысл слов этой песни, в отличие от всех предыдущих, был совершенно непонятен.

«Я должен прервать этот концерт, — подумал лейтенант, — в игре и пении этого парня есть что-то сверхъестественное. Поэтому я должен остановить его. Во что бы то ни стало». Какой-то могучий инстинкт, наверное, инстинкт самосохранения, подсказывал ему, что этому надо положить конец. *Ш* же самое почувствовали многие присутствующие на концерте, теперь они хотели уйти, уехать, заткнуть этому парню рот, забросать его камнями. Но никто ничего не мог сделать...

«Вот это да! — восхищался Риикрой. — Он вполне выразил свою сущность. И эта сущность оказалась для люд* дей умопомрачительной...»

Кто-то отключил электричество во всем районе, и наступила тьма. Песня прервалась на полуслове... Сначала воцарилась тишина, потом раздались отдельные женские крики. Лейтенант кожей почувствовал импульсы страха, которые шли от потерявших в темноте ориентировку людей. Он бросился в направлении, где стояла его машина. Сержант буквально через пять секунд после того, как погасли окна и фонари, включил фары автомобиля, и их свет, отразившись от стен дома, озарил площадь. Лейтенант подбежал к автомобилю и закричал:

— Прошу всех спокойно расходиться. Ситуация контролируется полицией.

Люди двинулись в направлении набережной. Кристина включила диктофон и пошла на крыльцо, где оставался Иван. *О_н* стоял не двигаясь и смотрел на расходящуюся толпу.

— Я корреспондент теленовостей. Вы могли бы дать *мн^е* интервью?

Иван будто не слышал ее. Кристина поднялась на крыльцо и, подойдя к Ивану, повторила свой вопрос. Иван, наконец, услышал, что к нему обращаются, и посмотрел на говорившую.

— Интервью?

— Да, я хочу взять у вас интервью. То, как вы исполняли песни, производит очень сильное впечатление. Что вы можете сказать зрителям теленовостей? — враз выпалила Кристина. Она не сводила взгляда с Ивана. В его глазах отражались фары полицейского автомобиля. Лицо его своей холодной, спокойной сосредоточенностью произвело на нее впечатление не меньшее, чем только что прерванная музыка.

— Кто выключил электроэнергию? — спросил Иван, все так же глядя вдаль.

— Что? — не поняв вопрос, переспросила Кристина.

— Кто выключил электроэнергию?

— Не знаю. Похоже, что отключен целый район города. Кругом непроглядная тьма, — пожалв плечами, ответила Кристина. — Как называется ваша группа?

— Что? — Иван явно не обращал внимания ни на Кристину, ни на диктофон, ни на Билла и Питера, которые уносили аппаратуру, он все так же смотрел на расходящуюся толпу. — Почему они не дали мне допеть эту песню? — то ли сам у себя, то ли у Кристины спросил Иван.

— Как тебя зовут? — спросила Кристина.

— Меня зовут Джон Берд, — ответил, наконец, впад Иван.

— А как называется ваша группа?

Иван сел прямо на крыльцо и внимательно посмотрел на Кристину.

— Ты — корреспондент?

— Да я — корреспондент программы теленовостей. Сказалась здесь случайно. Ваша музыка произвела на меня сильное впечатление, я хотела бы взять у тебя интервью. Только авария на электростанции смогла прервать концерт рок-группы у бара «Летучий голландец» в припортовом районе... Так как все-таки называется ваша группа?

— Так и называется: «Летучий голландец», — ответил Иван.

— И как давно существует ваша группа?

— А который теперь час?

Кристина взглянула на часы.
— Без четверти одиннадцать.
— Три с половиной часа,— ответил Иван.
— Ты хочешь сказать, что вы играете вместе три с половиной часа?!

— Да.

Кристина огляделась вокруг. Всю аппаратуру уже унесли, и они остались на темном крыльце вдвоем.

— Но мне показалось, что все песни этого концерта были связаны одной темой, то есть все было продумано, отрепетировано, доведено до такого уровня исполнения, когда уже не человек выбирает музыку, а музыка человека. Неужели я ошибаюсь? Мне показалось, и я думаю, что и всем, кто слушал тебя, показалось, что ты хотел сказать что-то очень важное — и это удивительное отличие твоих песен. Смысловой подтекст чувствовался в каждой песне, был в каждой ноте. Мы все почувствовали, что ты хочешь сказать, но, может быть, ты сам сейчас это сформулируешь?

— Попробую,— согласился Иван.— Я пел о Конце света.

— Вы считаете, что это...— Кристина запнулась, потому что во рту у нее почему-то пересохло,— что скоро будет Конец света?

— Да, я так считаю.

— Почему?

— Я это вижу. Для меня это очевидно.

— У тебя очень печальная тема.

— Нет темы более печальной.

— Вот почему после твоих прекрасных песен остается такое тяжелое ощущение... Теперь я это поняла — почему... И что делать? Каяться и молиться, что ли?

— А ты что, не веришь в Бога?

Кристина пожала плечами.

— Да нет, в Бога мы верим.

Иван улыбнулся:

— Впрочем, это не имеет для твоего будущего никакого значения — веришь ты в Бога или нет.

— Странно, все проповедники говорят иное.

— Ну и пусть говорят...

— А разве то, что они говорят,— неправда? Странно.

— Я пел, а не читал проповедь и для того тоже, чтобы люди, по своему обыкновению, не распределили по двум категориям — вот это правда, а это нет. Все в этом мире в равной степени ложно. Люди уже сотворили столько мифов, что не стоит добавлять к ним еще один.

«Что за странный человек? — думала Кристина, глядя на освещенное свечой (кто-то принес им свечу) лицо Ивана.— Как странно он говорит. О чем он думает и что знает? И сколько в нем уверенности! Он — гений, несомненно. Только это латинское слово тут не очень подходит. Пророк? Нет, и это — тоже не подходит. Кто же он?»

Теперь Ивану хотелось женщину. Желание было непреодолимым. Он посмотрел на Кристину и сказал:

— Оставь свое интервью на потом. Пойдем со мной,— Иван положил свою руку Кристине на плечо.

— Что-о! — широко раскрыв глаза, воскликнула Кристина.

Глаза Ивана блеснули влажным блеском.

— Мне срочно нужна женщина. Вот что. Будь сегодня моей женщиной.

— А я не хочу... Ты понял?! Я...

— Я тебя очень прошу. Сделай для меня это. Ты ведь так нравишься мне...

— Да ты — маньяк. Вот кто ты,— выскользнула из-под руки Ивана Кристина.— Только тронь, я буду кричать.

Тут Иван увидел, что поблизости стоит какая-то черноволосая женщина.

Это была Рита. Иван узнал ее. Он тут же поднялся и пошел к ней.

— Я узнал тебя. Ты пойдешь со мной?

Рита молча кивнула головой.

Они ушли, а Кристина осталась сидеть на крыльце, крутя в руках диктофон.

10

Иван открыл ногой дверь бара «Летучий голландец» и вошел. Холл был освещен светом свечи, стоявшей на стойке бара. Иван, не отпуская руки Риты, подошел к стойке. Бармен, увидев Ивана, тут же сообразив, что ему надо, протянул ключ:

— Твоя комната первая, как поднимаешься по лестнице, направо.

Иван молча взял ключ и стал подниматься по лестнице, ведя за собой Риту.

Он даже не стал раздевать женщину, овладел ею стоя, прижав к стене. «Что с ним творится? — думал Аллеин.—

Теперь он перенес свою неукротимую страсть в этот мир?»

— Ты кто? — спросил Иван, отпустив женщину.

— Я-то? — женщина пожала плечами. — Я — никто.

Иван смерил ее взглядом. Она была высокой, стройной, черноволосой. Больше ничего нельзя было разглядеть в темноте.

• — А что ты хочешь, «никто»?

— Я хочу, чтобы ты меня еще раз трахнул, только как следует, и дал понюхать или закурить, если у тебя есть.

— И все?

— А что ты еще можешь мне дать?

• — Да, действительно. Ладно, ты раздевайся пока, а я пойду спрошу у парней что-нибудь из того, что ты хочешь.

Иван спустился в холл. Питер и Билл все так же сидели за столиком, пили и разговаривали. Иван подошел к ниш и спросил, обращаясь к Биллу:

— Парни, моя подружка хочет наркотиков. Нет ли у вас чего-нибудь такого?

Билл выразительно покрутил у виска и показал пальцем на бармена. Питер достал из кармана стеклянную капсулу и отдал Ивану.

— Я скоро к вам приду. Подождете?

— Мы как раз хотели с тобой поговорить. Приходи, — ответил Билл. Лицо его было серьезным.

Иван зашел в свою комнату и увидел, что женщина стоит у окна. Она разделась и стояла спиной к дверям, глядя в окно. Молодая луна освещала проем, и теперь Иван смог хорошо разглядеть силуэт. Он задержался на несколько мгновений, любуясь красотой ее тела, потом подошел к ней. Она повернулась и стала нежно целовать его.

...Когда, наконец, она встала с постели, у Ивана не было желания даже пошевелиться. «Вот это да! — подумал он. — Что это она со мной сделала?»

— А как тебя зовут-то? — спросил Иван.

— Рита, Рита меня зовут, — ответила она и включила воду в душе.

— Эй, Рита, я принес тебе то, что ты просила. Будешь? Дверь душа открылась. Рита выскочила, вытираясь на ходу полотенцем.

— Где? Покажи. — Иван отдал ей капсулу. — Это все мне?

— Да, наверное. Хотя можешь и мне немного оставить — попробовать.

— А ты что — никогда?..

— Нет, — покрутил головой Иван.

Рита насыпала на столе белый порошок полоской и показала Ивану, как его надо вдыхать. Иван повторил номер.

— Ну и что теперь?

— Подожди, сейчас узнаешь.

Иван лег на кровать и стал ждать ощущений. Вскоре на него нахлынула такая тоска, что захотелось выть. Все было плохо, его начало мучить раскаяние за все, даже непонятно, за что именно.

— Вот это да...

— Что? — спросила Рита и засмеялась. — Здорово, правда? — Тут Ивана начало тошнить. Он вскочил с кровати и бросился в туалет. Его сильно шатнуло, и он чуть не вынес плечом косяк. — Да что с тобой? — Рита смотрела на Ивана шальными глазами.

— Чуть не сдох. Пропади он пропадом, этот кокаин. Хорошо, что я засосал всего ничего, а то бы мне конец, — сказал Иван. — И сейчас еще голова кругом идет, и тоска такая, что хоть на стену лезь. Нет, видимо, это — не для меня. А вот трахалась ты классно.

— Правда?

— Да. Спасибо. Это было потрясающе.

— Это моя плата за твой благотворительный концерт.

— Понравилось?

— Нет.

— А что же ты меня хвалишь тогда?

— То, что ты поешь, — не может нравиться, но не слушать тебя нельзя. Ты — как идиотская наша судьба. — Рита громко засмеялась и погрозила ему пальцем. — Ты — неотвратим со своей дьявольской музыкой, как могила. Будь ты неладен. И поэтому, — она уставилась на него своими черными как ночь глазами, — ты будешь пользоваться у людей потрясающим успехом. А особенно — у женщин. — Иван увидел, что Рита опять готова принять его, она вся трепетала от страсти.

Иван отстранился и встал с постели.

— Остановись, Рита. Я все. Если бы не этот проклятый кокаин, может, что и вышло, а теперь — бесполезно.

— Иди ко мне. Ты еще не знаешь, на что ты способен.

— Нет. Не могу больше. Если хочешь, пошли со мной вниз. Мне надо поговорить с парнями. А не хочешь, оставайся здесь.

— Ну нет уж! — воскликнула Рита. — После такой на-
качки остаться здесь одной... Да ни за что!

— Ладно, я пошел, а ты одевайся и давай к нам.

Иван спустился вниз, решительно отодвинул стул и сел:

— А ну-ка, ребята, налейте-ка мне чего-нибудь, да по-
крепче.

Билл плеснул ему в стакан, услужливо поднесенный
барменом, виски.

— Чего ты мне налил, Билл? Кто же у нас так пьет? —
Иван налил полный стакан и залпом выпил. — Сейчас нюх-
нул эту гадость. Вот дрянь -г- так дрянь! Как вы ее нюхаете?

— Что — повело? — спросил Питер.

— Мне захотелось повеситься, только чтоб не чувство-
вать то, что на меня обрушилось.

— Тебе повезло. Это очень редко бывает, — Питер глу-
боко вздохнул. — А я вот, к сожалению, не могу без этого.

— Зато вот это пойло мне нравится.

Иван почувствовал, что голова его приятно закружи-
лась. Он сразу опьянел, и ему стало хорошо.

— Пока ты ворковал на крыльце с этой девицей, к нам
подошел один парень и предложил отправить нашу банду
в Европу — что-то вроде гастролей. Он за все платит.
Нам — пятьдесят процентов. Поедем?

— Куда? — переспросил Иван.

— Я не вник — куда. Кажется — в Амстердам, потом в
Гамбург. Что скажешь?

— Как выглядел этот, кто предложил? — поинтере-
совался Иван.

— Невысокий, черноволосый. Ну, в общем — типич-
ный еврей.

— А, значит — не он... Поехали. Братцы, давайте на-
пьемся сегодня до беспамятства. Но только все вместе. И я
вам буду петь наши русские народные песни. Хотите?

— Так ты согласен ехать?

— Да, черт возьми!

— Тогда так: тебе — две доли и нам с Питером — по
одной. Идет?

— По рукам. — Иван шлепнул по руке Билла. Иван чув-
ствовал себя на высоте. Он видел, что отношение Билла,
Питера, бармена к нему изменилось. Все они заглядывали
ему в глаза, с каким-то странным выражением не то стра-
ха, не то почтения. И Ивану это нравилось. — Только У
меня одно условие. Я выступаю под псевдонимом Джон
Берд. Хорошо?

— Хорошо. Нам-то какая разница, — ответил Билл. —
Хоть Иисус Христос. Мы готовы играть с кем угодно, толь-
ко чтоб нас слушали, да еще и платили хорошо. Этот па-
рень придет завтра утром и принесет контракт. Наливай,
Питер.

«Почему он так хочет лишиться себя разума? — думал
дллеин. — Он не видит для себя никакого выхода. А его и
нет. Действительно и абсолютно. Я должен сказать ему все.
Все, что знаю сам». Аллеин еще раз попытался обратиться
к Богу. И опять ему это не удалось. Сомнений не было:
Бог отвернулся от этого мира. «Значит, Конеч уже очень
близок. Бог отвернулся, и Сатана скоро заполнит собой
все», — вздохнул Аллеин.

Тем временем Иван горланил какую-то залихватскую
песню, обняв одной рукой Риту, другой — Билла, а Питер
готовил очередную дозу кокаина.

И

Иван, не обращая внимания ни на кого, раз за разом
наполнял свой стакан и пил и вскоре стал совершенно пьян.
Он полностью отдавал себе отчет в том, зачем ему это надо.
Ему хотелось забыться. Вскоре все вокруг начало кружить-
ся, раскручиваясь все быстрее и быстрее, в глазах двоил-
ось. Иван попытался налить еще, но опрокинул бутылку.
Говорить он уже не мог. Ему все же удалось подхватить
калящуюся по столу бутылку и приложиться к ней. При
этом он потерял равновесие и упал. «Наконец-то», — про-
скачила в голове искорка сознания, и Иван отключился.

Билл с барменом уволокли его наверх и уложили на
кровать.

— Ну и нажрался же он. Давай-ка перевернем его ли-
цом вниз, — предложил бармен.

— Ничего, такое бывает. Парень переволновался. Ви-
димо, концерт был необыкновенным не только для нас, но
и для него, — сказал Билл и стянул с Ивана ботинки.

— Он что, поляк?

— Его зовут Джон. Джон Берд, кажется, у него предки
Русские.

— Вот почему он так жрет виски, — усмехнулся бармен
" покачал головой, — будто последний раз в жизни.

Дверь открыла Рита.

— Мальчики, я смотрю, вы уже постелили постельку приготовили мне тепленькое местечко,— она тоже была изрядно пьяна.

— А ты, Рита, иди проспись в другом месте. Джон сейчас, как покойник. Тебе от него проку не будет.

— А вот это, Билл, дорогой мой Билл, не твое дело. И ты в этом ни черта не понимаешь.

— Ну, конечно... не понимаю. Иди, иди, тебя уложат в самых роскошных апартаментах.

— Пошел в задницу,— с этими словами Рита растянулась на кровати рядом с Иваном.

Билл посмотрел на бармена.

— Ну и что?

— Черт с ней. Пошли,— махнул он рукой. И они вышли. Рита тут же уснула, точнее — отключилась.

Иван очнулся оттого, что его сильно тошнило. Он сполз с кровати и с трудом добрался до туалета. Потом он снова упал на кровать и уснул, но вскоре проснулся, на этот раз от головной боли. Голова буквально раскалывалась, особенно болел затылок. Иван встал и начал пить воду. Он выпил несколько стаканов, его опять вырвало. Потом он лег на кровать, лицом вверх, и увидел, что над ним склонился человек. Он сразу узнал, кто это. Это был Аллеин.

— Здравствуй, Иван.

— Здравствуй, здравствуй Аллеин. Рад тебя видеть.— Иван сел на кровати, схватился за голову руками и сморщился от боли.— Думаю, тебя привела ко мне какая-то чрезвычайная необходимость. Очень уж ты не любишь показываться в человеческом облике,— сказал Иван и добавил: — в отличие от некоторых.

— Да, Иван, меня заставила прийти в ваше пространство крайняя необходимость.

— Извини, у меня страшно болит голова. Ничего не соображаю.— Аллеин положил руку на голову Ивана, и боль тут же утихла, Иван почувствовал себя как всегда.— Спасибо. Видимо, и наркотики, и алкоголь — не для меня.— Иван покосился на спящую рядом Риту.— А она не проснется?

— Нет. Она не проснется, пока я буду здесь, и в дверь никто не войдет. Мы можем поговорить с тобой спокойно, нам никто не помешает.

Аллеин сел на стул напротив Ивана.

— Иван, Господь отвернулся от вашего мира.

— Что это значит?

— Это значит, теперь Он не хочет видеть ничего, что происходит в мире людей, и, самое главное, не посылает людям ангелов с душами.

— А что это значит?

— Бог никого никогда не проклинает и не наказывает, Он только отверчивается, люди, оставшиеся без Бога, всегда сами наказывают себя. На этот раз Он отвернулся от всего мира.

Иван усмехнулся.

— А это что меняет? Объясни, пожалуйста.

— Зло будет торжествовать всюду.

— А что, до сих пор оно не торжествовало? Слушай, Аллеин, ты же не говоришь главного. Говори уж, чего там.

— Иван, видимо, скоро наступит Конец света.

— Прежде я должен решить Систему, а я этого пока не собираюсь делать. Или люди должны узнать, что Бог есть, а они не узнают этого ни сегодня, ни завтра, от меня, во всяком случае.

— Значит — узнают.

— Нет! Не будет этого. Не узнают. От кого они узнают? — Иван стукнул кулаком по кровати.— Я видел этот проклятый компьютер и его начинку. Им еще надо много времени. Если пойдут по правильному пути — лет десять, а так, в обычном итеративном режиме,— лет пятьдесят.

— Значит, они узнают от тебя, Иван.

— Я свободный человек, Аллеин, ты сам это говорил. А я этого пока не хочу. Нет, не будет этого.

— Дело в том, Иван, что ты уже давно решил, что будешь решать свою Систему. И Бог знает, что это неотвратимо, и я знаю это. Я пришел сейчас к тебе сам, Бог не давал мне такого приказа, только потому, что мне кажется, правда, я в этом совершенно не уверен, что еще можно попытаться спасти этот мир. И еще, Иван. Я недавно видел, что в сотне мест: на ядерных установках, химических комбинатах, да и не только — везде, откуда может исходить угроза сразу многим человеческим жизням, готовится Конец света. У Сатаны все готово, чтобы устроить его по-своему.

— Не-ет,— Иван выразительно помахал пальцем,— ничего у него не выйдет. Я — главное условие. Если я не захочу, и он ничего не сделает.

— Ты не промолчишь. Ты уже начал говорить.
— Когда?!
— Вчера. Твой концерт...
— Да что ты! При чем здесь мой концерт? Да, я хотел проверить, как может действовать Лийил на людей, и я проверил. Это только эксперимент.

— Что бы ты сейчас ни сказал мне, я знаю, ты не остановишься, потому что это — страсть, это сильнее тебя. Ты будешь говорить, и тебя будут слушать. Более того, ты станешь невероятно знаменит.

— Когда?

— Да уже завтра. Точнее, с завтрашнего дня начнется твое восхождение к вершине славы. И все будут делать то, что ты скажешь.

— Я ничего не собираюсь рассказывать из того, что мне известно.

— Ты не собираешься сейчас, но ты расскажешь. Я пришел сюда для того, чтобы попытаться предотвратить победу зла. Я вижу, что люди скоро сами уничтожат себя, и это — одна из целей Сатаны.

— Ну и что, что уничтожат.

— И тебе не жалко?! — воскликнул Аллеин.

— Послушай, а что изменится от того, жалко мне или нет? Жалко! Я вчера весь вечер пел об этом, нагоняя тоску на себя и на других. А толку-то! Аллеин, знаешь, что я тебе скажу: ты — мой единственный друг. Только с тобой я могу быть откровенным. Хотя ты и не человек, ты мне ближе любого из них. Я сегодня же исчезну, спрячусь так, что меня никто не найдет.

— Иван, а если он победит?

— Ты имеешь в виду Сатану?

— Да.

— Как это так — победит? Я не допущу этого.

— Понимаешь, Иван, у меня есть подозрение, что есть некая тайна, о которой мы с тобой даже не догадываемся. Понимаешь, я наблюдаю за этим миром десятки тысяч лет. Я вижу, как коварен Сатана. Он подменил все. Ты совершенно прав, он использовал ваш божественный дар творить для своих целей. Мне пора идти, Иван. Подумай обо всем. Пожалуйста. Времени у тебя осталось мало.

Аллеин поднялся.

— Подумай! О, Аллеин, ты даже не представляешь, о чем ты меня просишь. И все же приходи, приходи почаще-

фонему вы, те, кто служит Богу, так редко появляется, а риикрой и компания — так и лезут?

Аллеин растаял в пространстве.

12

Рита заворочалась и открыла глаза. Она посмотрела на Ивана и, улыбнувшись, сказала:

— Ты здесь, мой сладкий. Я так рада тебя видеть.

Иван угрюмо посмотрел на нее.

— Слушай, Рита, скажи: я похож на сумасшедшего?

Лицо Риты стало серьезным.

— На сумасшедшего? Нет, — Рита покачала головой. — Нет. Ты — не похож.

— Слушай, тебя интересует, что будет с твоей душой в будущей жизни?

— Нет.

— Почему?

— А на кой черт она мне нужна, эта будущая жизнь? Я живу и никого не боюсь. Так жить интересней. И я нико-го не хочу бояться. Вот и весь ответ.

— А если в ад?

— А нет его.

— Почему ты так уверена?

— Эту уверенность я всосала с молоком матери и укрепила ее, глядя на своего затравленного жизнью папочку. Ад — здесь.

— А если я тебе скажу, что твоя душа бессмертна и что там, куда она попадет, ни твои грехи, ни твоя вера, ни твои добрые дела не принимаются во внимание. Что ты на это скажешь?

— Что я скажу? Меня это устраивает — вот что я скажу. — Рита глубоко вздохнула. — Ну ладно. Спать не хочется. Что будем делать?

— Сматываться.

— Может, сначала выпьем?

— Нет, — Иван встал и решительно подошел к окну. — Все это отменяется. — Он подошел к телефону, достал из кармана визитную карточку Зильберта и набрал написанный карандашом номер. Ему ответил вежливый женский голос.

— Здравствуйте. Кто спрашивает господина Зильберта? Что ему передать?

— Передайте ему, что звонит Свиридов. Я думаю, что господин Зильберт захочет со мной переговорить прямо сейчас.

— Хорошо, подождите одну минуту.

Через минуту Иван услышал голос Зильберта:

— Здравствуй, Иван. Что случилось?

— Я согласен работать, Зильберт...

— Хорошо. Куда подослать машину?

— Отель «Летучий голландец» — где-то в районе порта.

— • Через час за тобой подъедет машина.

13

Зильберт медленно и аккуратно положил телефонную трубку и приложил руку к сердцу. Оно болело со вчерашнего дня. «Болит, и ничего не сделаешь. — Он прикрыл глаза. — И этот сумасшедший мальчишка, он еще добавил раздумий и тревог. Я знаю, он хочет славы. А я всегда хотел власти. Вот и сошлись наши интересы. — Зильберт встал, подошел к окну и стал смотреть на припорошенные снегом деревья парка. Между деревьями проскакала на вороной лошади девушка в красной куртке и вязаной шапочке. Зильберт улыбнулся. — Зося. Зося — неугомонная, как я в молодости. Ох уж эти внуки... — Зильберту захотелось было ощутить прохладу зимнего утра. Но это желание было вялым и мимолетным. — Как и все, что я сейчас желаю. Какая гадость — эта старость. Ничего не хочется. Ничего...» — Зильберт тяжело вздохнул. Вошел секретарь с ежедневным докладом о деятельности корпораций, контролируемых Зильбертом.

— Нет, Исаак, сегодня я не буду работать. — Зильберт внимательно посмотрел на секретаря. — Да-да, я не буду работать сегодня.

Впервые за многие годы Зильберт решил нарушить невыблемый порядок.

— Есть важная информация от службы разведки...

— Ничего, попозже.

Секретарь постоял несколько секунд, как бы ожидая, что Зильберт изменит свое указание. Но тот промолчал. Секретарь кивнул головой и тихо вышел.

«Это начало саморазрушения. Я изменил установленному правилу, находясь в здравом уме, твердой памяти, а

сердце — конечно же, не в нем дело. Мне все более становится все равно — на сколько миллионов увеличилось или уменьшилось мое состояние. — Зильберт сел в кресло и стал смотреть перед собой. — Задача жизни выполнена: я могу рее, невозможного почти нет. И что особенно приятно — «бо мне почти никто не знает».

Зильберт взял трубку телефона:

. — Соня, соедини меня с Митчеллом.

. — Я вас слушаю, — услышал Зильберт голос начальника своей охраны.

— Митчелл, что нового слышно о Аббасе? — Митчелл начал было докладывать, но Зильберт прервал его. — Это позже. Нашли ли вы подход к нему? Есть ли в его ближайшем окружении наши люди?

«Ох, уж эти мне диктаторы. Как с ними трудно. Все равно, главное — уже сделано. Скоро нужный мировой порядок сформируется окончательно. Люди есть люди... Будет Иван на меня работать или нет, это мало что изменит. — Зильберт поморщился — опять защемило сердце. — Так ли? Надо готовить свой уход, как это ни печально. Жаль, что я так и не смог стать философом. Где искать утешения?»

14

Иван спустился вниз. Билл завтракал.

— Привет, Джон. Как твоё здоровье?

— Спасибо, в порядке. Я сейчас уеду, Билл. Не знаю — надолго ли.

— Скоро должен прийти этот самый импресарио. Что ему сказать?

— Пусть оставит свою визитную карточку. Скажи ему, что встреча, на которую я отправился, была назначена заранее. — Иван заказал себе завтрак и сел за столик рядом с Биллом. — А где Питер?

— Отдыхает. Он раньше двенадцати не просыпается. Лицо Ивана было сосредоточенным. Билл понял, что он о чем-то думает.

— Слушай, Джон, ну что все же сказать этому парню? Ты-то как настроен?

Иван перестал есть и посмотрел на Билла.

— Я? То, что было вчера, — мне понравилось. Я не против того, чтобы стать знаменитым.

— Ну так стань... Я много перевидал музыкантов на своем веку. Ты — самый талантливый.

— Из чего это ты заключил?

— Дело не в том, что ты виртуоз. Таких немало. Ты — поэт, ты находишь удивительные, единственные и всем понятные слова, это не может не нравиться людям, и у тебя есть эта, как ее, аура. Ты заколдовываешь, точнее, очаровываешь публику. Это очень редко встречается. Тебе обеспечен фантастический успех. Не отказывайся, Джон. Я вообще не могу даже и представить, что бы могло заставить тебя отказаться. — Иван засмеялся. — Я серьезно говорю — давай с нами. Неважно, с чего начинать. Это и наш шанс, чего уж там скрывать. Такие парни, как мы с Питером, — тоже на дороге не валяются.

— Ладно — уговорил. Давай рванем. Только серьезно поговорим чуть позже. Здесь, после обеда, в четырнадцать. Устраивает?

— Это у вас, русских, обед в четырнадцать.

— Ах да, выдал себя, — Иван хмыкнул и покачал головой. — Ну ладно, Билл, я пошел. До скорого. — Иван одним глотком допил кофе и встал из-за стола.

Он вышел на улицу и стал прогуливаться около входа в гостиницу, ожидая автомобиль.

Пошел снег. Иван посмотрел вверх, облаков не было видно, только летящие снежинки. «Какой снегопад! И не ветерка. Итак, в чем будет заключаться сделка с Зильбертом? Ведь все, что ему нужно, — моя математика, это очевидно. Ладно — поговорим».

Откуда-то из снежного тумана выплыл роскошный представительский лимузин. Водитель, седой, пожилой мужчина, вышел из автомобиля и, раскрыв перед Иваном дверь, сказал:

— Господин Свиридов, прошу садиться. Господин Зильберт ждет вас.

Иван сел на заднее сиденье. В автомобиле больше никого не было. Автомобиль ехал совсем недолго. На каком-то небольшом аэродроме Ивана ждал вертолет. В вертолете тоже был только один человек — пилот. «А что, если он меня никуда не выпустит из своего подземелья? — подумал Иван. — Запрет и будет заставлять работать на него, — усмехнулся Иван про себя. — А Лийил на что? Вот тут-то он может пригодиться».

Вертолет приземлился на зеленой лужайке, на которой кое-где лежал не успевший растаять снег. Лужайка была расположена посреди большого парка. К вертолету подъехал автомобиль. И в этом автомобиле тоже был только один человек. «Зачем здесь автомобиль, идти-то всего метров двести? Наверное, так принято. Или не хочет, чтобы меня здесь кто-нибудь видел. Это скорее всего», — решил Иван. Автомобиль въехал в большие, бесшумно поднявшиеся ворота и остановился. Ворота закрылись. Водитель вышел из машины, открыл дверь и сказал:

— Господин Свиридов, прошу вас следовать за мной.

Они направились к лифту, выйдя из него прошли в небольшой холл, где была только одна дверь. Водитель открыл ее, вошел, через несколько секунд вышел и сказал:

— Проходите, пожалуйста, господин Зильберт ждет вас.

Зильберт стоял у окна. Когда Иван вошел, он повернулся, подошел к нему и протянул руку для приветствия.

— Рад тебя видеть, Джон Берд, — Зильберт улыбнулся. — Сегодня утром имел удовольствие посмотреть часть твоего концерта — то, что успели записать телевизионщики. Восхищен. Впрочем, я не знаток поэзии, но то, что я слышал, мне очень понравилось. Садись, Иван. Кофе, чай или, может быть, вина?

— Спасибо, кофе.

Когда принесли кофе, Зильберт сел в кресло напротив и сказал:

— Я тебя внимательно слушаю, Иван. Будь со мной откровенен. Столько, сколько знаю всяких тайн я, — Зильберт махнул рукой, — мало кто знает, и то, что ты можешь мне сообщить, не сокрушит мой разум.

— Хорошо, — кивнул головой Иван. — Зильберт, принципы моей математики, а тем более основанную на ней физическую модель мира, я раскрывать не хочу и не раскрою, операционную систему делать не буду и вообще не буду делать ничего, что можно было бы опубликовать. — Никакой реакции не последовало, лицо Зильберта было, как всегда, неподвижно. — Но мне кажется, что тебе от меня этого и не надо.

— Вот как? А что же мне может быть еще надо от тебя? Хотя я могу и ошибаться. Всегда интересно узнать, что о тебе думают другие. Я, между прочим, для этого содержу Целую службу.

— Твоя власть далеко не полна и не так уж надежна, Зильберт. Я могу помочь тебе укрепить ее, но тайно.

Зильберт слегка прищурил глаза.
 — Зачем тебе это?
 — Хочу спасти мир.
 — От чего?
 — Все очень просто. Модель, которую я создал, показывает, что Конец света очень, очень близок.
 — Докажи.
 — Для этого я должен опубликовать Систему, а этого я не могу сделать.
 — Почему?
 — Потому что ею воспользуются. Ты — в первую очередь. И это только приблизит конец.

Зильберт долго молчал. «Он — сумасшедший. И к тому же не хочет делать ничего из того, что мне действительно от него надо. Но он что-то не договаривает».

— Прежде чем наступит конец, о котором ты говоришь, по христианской вере, должен прийти Предвестник. Не так ли, Иван? — на губах Зильберта промелькнула едва заметная усмешка.

— Антихрист? Да, я понял. В таком случае, — Иван сделал длинную паузу, — я и есть Антихрист.

Зильберт посмотрел на Ивана долгим взглядом. Иван уловил в нем высокомерное презрение, хотя, может быть, это ему и показалось.

— Ты — не еврей, поэтому не можешь быть Антихристом.

— А ты, Зильберт? А ты — не из колена ли Иуды? — Зильберт долго и пристально смотрел Ивану в глаза. «Вот до чего он додумался». — Зильберт усмехнулся про себя.

— Да, Иван. Да. Но мне, — Зильберт печально улыбнулся, — никогда и в голову не могло прийти такое. И, вообще-то, я в это не верю. Да и не могу, потому что я стопроцентный еврей. В чем все же смысл твоих предложений, Иван?

— Если у тебя, Зильберт, есть план в отношении устройства миропорядка, я готов помочь тебе его реализовать, у меня для этого есть нечто, чего нет у тебя. — Иван замолчал и посмотрел на Зильберта.

В комнате воцарилось долгое молчание. «У меня такое впечатление, что это когда-то уже со мной было. Или с кем-то из моих предков, — думал Зильберт, глядя на Ивана. — Его уверенность в себе безгранична. Кто бы мог подумать, что у него мания мессиянства».

— Хорошо, — наконец заговорил Зильберт, — я готов поверить, что у тебя есть связь с Богом. Допустим. Я толь-

о должен хорошо понять одну вещь: почему ты так спокойно, не задавая никаких вопросов, соглашаешься установить в мире порядок, который мне кажется наилучшим. Неужели тебе все равно, какой это будет порядок?

— Равенство перед законом, демократия, права человека в основе общественного устройства. Не это ли идеальный порядок? — как само собой разумеющееся сказал Лван. — Не его ли ты и те, кто с тобой, исподволь устанавливаете, умно и скрытно манипулируя общественными институтами?

— Ты преувеличиваешь наши возможности, Иван. Далеко не все и не всегда получается так, как нам хочется.

— Ты властвовал тайно, но не пользовался этой властью в целях ограничения человеческой свободы, — Иван усмехнулся. — Ты медленно переделывал общественное сознание и создавал возможности управления людьми, которые не зависят от обстоятельств. Это твой метод. Поэтому я и считаю, что ты самый мудрый правитель. С каждым новым поколением возникают все те же самые проблемы, и люди решают их одинаково — одинаково плохо. Только такие, как ты, создают преемственность истинной власти. — Иван говорил все это, глядя в сторону. Наконец он сделал паузу, перевел взгляд на Зильберта и продолжил: — Разве я не точно описал модель общества, которую ты бы хотел построить? Я могу помочь сделать это.

«О, хитрый льстец!» — подумал Зильберт.

— Я бы не хотел особо распространяться на эту тему. Лучшее, чем бы ты мог мне помочь, это вдохнуть жизнь в Самаэля и передать его мне. Ты сам хочешь сидеть у его пульта, и вот здесь наши интересы расходятся. Я это не приемлю по двум причинам: во-первых, ты — человек, и поэтому я не согласен отдать тебе свою свободу, а ты ее хочешь ограничить. Ее я могу отдать только Богу — это я тебе говорю как гражданин того общества, в котором ты собираешься управлять при помощи своей теории и моей власти. Ты хочешь управлять мной, Иван, вот этого не будет никогда. И вот еще что... ты уже слишком много знаешь, и поэтому отпускать тебя просто так — • уже поздно, Коля уж ты пришел сюда сам, ты должен здесь и остаться, ты должен отдать свою свободу мне. Понимаешь?

Иван смотрел на Зильберта и думал: «Каков, а? Какой Человек! По крайней мере, он достаточно честен со мной».

— Слушай, Зильберт, неужели ты меня совсем не боишься?

— Я боюсь, что мне придется тебя уничтожить. Я бы этого не хотел. Но с тобой очень трудно, Иван. Судьба дала тебе столько и сразу, что почти не укладывается в голову: необыкновенный талант, физическое здоровье красивейшую женщину, а ты вместо того, чтобы пользоваться всем этим, где-то шляешься и жрешь наркотики с проституткой и несчастлив... Твоя проблема, Иван, в том что ты никого не любишь, более того, ты и не способен на это, да еще и не хочешь заниматься любимым делом Так?

— Да, черт возьми, — наверное, так. И что с того? Ты спроси меня лучше — для чего мне нужна эта сделка, Зильберт?

— Нет, не спрошу. Ты помешан на ложной идее, Иван. Ты — не в себе. Ты — попросту сумасшедший. И в этом все дело. Поэтому я не могу принять твое предложение. Хочешь работать на меня — пожалуйста, работай. Но сам — сам ты действовать не должен, ты внесешь в общество смуту, ты везде, где будешь действовать, принесешь людям только несчастье, смущая их умы, как этот ваш Иисус... В чем ты видишь свое счастье, ответь?

— Ах, Зильберт, ты же проницательнейший из людей...

— Нелюди, Иван. Мне неприятно это слышать от тебя.

— Ты знаешь, в чем мое счастье: не любовь к людям или к Богу движет мной, а любовь к истине. Нет ничего на свете, чем бы я не мог пожертвовать ради свободы, необходимой для ее поиска, и счастье для меня — это удовлетворение собственного любопытства, всего лишь. Я задаю себе вопрос и ищу на него ответ, а когда я его нахожу — счастлив. Все остальное: власть, деньги, женщины и тысяча других радостей — меня не радует, я просто отдаю всему этому долг, потому что так надо, так принято, так устроен человек, ему должно все это нравиться. Должно, да, но уже проверил — все это не то.

— Так и занимайся же наукой! Наукой для людей. Ты же создан для этого.

— Не могу, Зильберт. Мне мешает именно то, что я создал: моя модель, моя Система, мое любимое и неповторимое творение. Заниматься дальше наукой — противорестественно, потому что там написано: «А далее — предел земным страстям...» — Иван развел руками. — Получается, что я познал истину, Зильберт, которая состоит в том, что моя жизнь — ключ, отпирающий врата иного мира, и то, что за теми вратами, — не так уж плохо, чтобы его бояться.

Иван почувствовал необычайный эмоциональный подъем. Это, видимо, объяснялось тем, что он нашел достойного слушателя, первый раз в жизни.

— Слушай, Зильберт, давай так: или ты убьешь меня сейчас, сделай это, я тебя прошу, или я сделаю так, что не я *буду* работать на тебя, а ты на меня — просто потому, что мне так хочется, а власти у меня для этого достаточно.

«Сумасшедший, — подумал Зильберт, — его нельзя выпускать отсюда».

— Ты не выйдешь отсюда, Иван. Ты должен умереть. 14 не потому, что отказался на меня работать. Я ведь тебя отпустил тогда, когда ты отказался. А потому, что ты не способен выполнять никакие правила — не Божеские, ни человеческие. Такие люди не должны жить. Согласен?

— Ты, Зильберт — не закон для меня. Вот сейчас ты ошибся. Я могу тебе показать и твое прошлое, и твое будущее, что хочешь...

— Прощай.

Зильберт встал и быстро вышел из кабинета. Иван остался сидеть в кресле. «Интересно, как они будут меня убивать, и что теперь будет? Ничего не стану делать, буду сидеть и ждать».

15

Иван сидел в кресле и ждал, когда придут его убивать. Но никто не шел. В комнате было удивительно тихо, в нее не проникал ни один звук.

Зильберт стоял в соседней комнате и смотрел на телевизионный экран, на котором было лицо Ивана. Зильберт размышлял: отдавать ли ему приказ. Вдруг Иван закрыл глаза. «Что он, собрался спать? — удивился Зильберт. — Неужели?»

«Вот откуда тянутся нити управления миром. Из этого тихого, как могила, кабинета, — подумал Иван. — И он сидел здесь уже тогда, когда я был маленьким мальчишкой и понятия не имел ни о власти, ни о счастье и поэтому был вполне счастлив. Уже тогда... Как мне хотелось тогда Получить новогодний подарок — велосипед — символ счастья, — почему-то подумал Иван. Он улыбнулся, и Зильберт увидел эту улыбку. — Это, наверное, было почти са-

мое большое желание в моей жизни. Да было ли или только приснилось? Как все это теперь далеко... А вот велосипед — это было счастье. Мать покупала его, на чем-то экономя... О Господи, придет же в голову такое».

Перед глазами Ивана предстала красавица новогодняя елка, украшенная блестящими игрушками, елка его детства. Она сияла в темноте разноцветными гирляндами отражающимися в десятках стеклянных игрушек. Под елкой лежал велосипед. Он схватил его за прохладные хромированные трубки руля и поставил на колеса. Велосипед подпрыгнул на упругих шинах. «Мама, Дед Мороз принес мне велосипед!» — закричал Иван и обернулся. В проходе двери стояла улыбающаяся мать. «Я так рада за тебя, сынок, — сказала она, — значит, твое письмо Деду Морозу дошло вовремя».

Иван открыл глаза и осмотрел комнату. Его внимание привлекла висящая на стене картина. На ней был изображен пейзаж: лиственный лес в дождливый день. Но, видимо, дождь кончился, и края поляны были освещены проглянувшим из-за туч солнцем. «Нет, сразу видно, что это не наш, не русский лес... Неужели все так и кончится? Да нет же — не может все кончиться, да еще здесь — в Америке. Что я в ней забыл!»

Иван увидел над картиной хорошо замаскированный объектив телекамеры. «Ага, значит, они следят за мной».

— Я советую вам — тем, кто за мной сейчас наблюдает, записать, что я скажу, на видео. Пусть это посмотрит Зильберт, — сказал Иван и уставился на картину, стараясь, казалось, запомнить каждую ее мельчайшую деталь. — Зильберт, ты вынудил меня сделать то, что я не хотел делать ни при каких обстоятельствах. — Во рту Ивана вдруг пересохло и лицо его невольно дернулось, его исказила напряженная злая улыбка, глаза сверкнули холодным блеском. — Поздравляю тебя — ты стал крестным отцом Антихриста. Я бессмертен, Зильберт, и мне наплевать на эти тяжелые двери и окна из бронированного стекла. Я могу уйти отсюда в любой момент, когда захочу, и ничто меня не остановит, потому что я избранник Божий, призванный Им для того, чтобы объявить вам всем условия Конца света, что я и сделаю. Но это оказался не мой выбор, я не так хотел все это сделать, а твой. Ты не смог переступить через свою натуру и понять, что ты со всей своей системой демократии, бесконечно раскручивающей потребление и научный прогресс, и есть могильщик человечества, ты уви-

пел во мне сумасшедшего узурпатора своей власти и расплатишься за это. Я буду действовать сам, без твоей помощи, и все равно сделаю то, что собрался сделать. А ты будешь пытаться меня уничтожить, но ничего у тебя не выйдет, я буду жить столько, сколько захочу, а если решу, что мне пора умереть, то это будет мое решение, а не твое, да еще и подумаю, не воскреснуть ли мне потом. И это для меня возможно, если будет иметь смысл. Не случайно нас свела судьба. Да никакая не судьба, нет! Тот, кто нас свел, знает, что делает. Какой сюжет! Ты все должен знать обо мне, потому что ты стал у меня на дороге, ты один только мой реальный соперник в этом мире, ты один только мог предотвратить мой поход... Зильберт. Не бойся, я не претендую на роль наследника Христа. Хотя он, наверное, действительно всех собирался спасти. Но разве нас, людей, можно спасти? Нет, невозможно сделать то, что сделать невозможно даже и Богу...

— Питер, пристрели его прямо в кабинете и скажи Марку, чтобы через час там не осталось никаких следов, мне надо работать, а я так привык к своему кабинету, — сказал Зильберт охраннику, повернулся и пошел прочь.

— Может, вывести его из кабинета, господин Зильберт? — спросил охранник. — Быстрее можно будет привести все в порядок.

— Нет, не надо, — сказал Зильберт, не оборачиваясь, — сделай, как я сказал.

— ...Ха, где та сила, что перепишет Предвечную книгу жизни... — Ивану показалось, что предметы исказили свои очертания, и было такое ощущение, что он смотрит в трубу. — Смотри, — Иван быстро скинул руку. В этот момент двери быстро открылись, вошедший охранник навел на него пистолет. Иван видел лицо охранника. На нем засыл ужас. Иван стоял как стоял, ему показалось, будто комнату озарил какой-то странный свет, будто огонь, спускающийся с неба, осветил ее. Иван увидел свою тень, значит, источник этого странного света был сзади. Иван быстро обернулся. За его спиной стоял Сатана.

Охранник молниеносно вскинул пистолет, но выстрелить не смог. Сатана протянул руку, Иван рванулся вперед, и охранник упал замертво. Станный алый свет исчез.

— Пошли к Зильберту, Иван, дело сделано. Пора заключать договор.

— Какой еще договор? Я тебя не звал, — твердо сказал Иван.

— Ладно, ладно — не горячись, — махнул рукой Сатана, — с Зильбертом у меня есть свои дела, но я хотел бы, чтобы ты присутствовал при нашем разговоре. Давно хотел с ним лично поговорить, и теперь такой случай представился.

— Кто меня спас — Лийил или ты?

— А для тебя есть разница разве? По-моему, теперь ты уже выше всех этих условностей: кто, что и зачем. Ты — сам по себе. А у меня здесь свои дела. Просто момент удачный подвернулся, — и Сатана пошел из комнаты.

Иван пошел следом. Перешагивая через охранника, он взглянул на его лицо. Голова охранника была странно повернута, видимо, ему свернули шею. «Как это получилось? — подумал Иван. — Как тогда у тигра...»

Сатана быстро прошел через зал, открыл одну из дверей и пригласил Ивана пройти вперед. Иван прошел и увидел сидящего за письменным столом Зильберта. Тот поднял голову и тут же сделал судорожный жест рукой, по-видимому, вызвал охрану. Сатана подтолкнул Ивана вперед и закрыл дверь.

— Не дергайся, Зильберт, тебя никто не услышит. Посторонних свидетелей нашего разговора быть не должно, я об этом позаботился.

— Кто ты?

— Я? — Сатана улыбнулся и покачал головой. — Не узнаешь... Я — твой Господин...

Зильберт медленно покачал головой и тихо ответил:

— У меня только один господин — Бог, Бог Авраама, Исаака и Иакова.

Губы Сатаны изобразили улыбку. Выдержав длинную паузу, он ответил, презрительно глядя на Зильберта:

— Да, Авраам, Исаак и Иаков действительно молились Богу, но ты уже давно молишься не ему.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что только благодаря твоим молитвам, точнее — и твоим тоже, я сущий, как и Он...

Зильберт обратился к Ивану:

— Иван, кого ты привел?

Иван усмехнулся и, вздохнув, ответил:

— Не я его привел сюда, а он меня. Это наш старый знакомый — Сатана. Он же Дьявол, он же Воланд и так далее.

Зильберт слушал не перебивая, неотрывно глядя в глаза Сатане. Тот стоял с тем же презрительным, насмешливым выражением на лице, как бы всасывая в себя взгляд Зильберта.

— Что, Зильберт? Не ждал? — Зильберт молчал. Он смотрел на Сатану со страхом, растерянностью и ненавистью — "Не ждал, но чувствовал, что я должен прийти. Не так ли?" Зильберт молчал, будто потерял дар речи. — Правильно, можешь не говорить ничего, со мной не обязательно разговаривать, мне достаточно знать то, что ты думаешь и чувствуешь. Уверю тебя — ты не сошел с ума. да, я Сатана, я привел сюда Ивана. И ты сделаешь сейчас все, что я тебе скажу, иного тебе не дано.

— Почему? — наконец выдавил из себя Зильберт.

— Потому, что я — символ подмены, так же как и ты, так же как и все то, чего ты добивался, плетя свои паучьи сети. Давно уже на алтаре твоего народа, да и всех народов Земли, золотой телец, только нет теперь среди вас Моисея, чтобы свергнуть его, — к счастью и для тебя, и для меня.

«Что со мной происходит? — думал Зильберт. — Это все проклятый Иван. Я чувствовал, что эта моя идея о бессмертии до добра не доведет, и когда он отказался реализовать ее — я сошел с ума. Боже мой, какое несчастье. Надо срочно предупредить всех, что я отхожу от дел, пока я еще контролирую себя».

Зильберт вновь схватился за телефон, но отдернул руку, будто прикоснулся к раскаленному железу. «Нет, нельзя, этого не может быть...» Эта мысль остановила его.

— Этого с тобой не может быть? — спросил Сатана. Потом кивнул головой и сам ответил на свой вопрос. — Не может. Зильберт, с тобой этого быть не может, потому что ты из тех, кто уже от рождения такой.

— А Иван? Он разве в своем уме?

— Ну, мы можем сейчас долго рассуждать на тему о том, кто из людей нормален, а кто не в своем уме. Все вы, люди, одержимы чем-нибудь. Иван в том уме, который воспитала в нем его родина. Для своего народа он — нормален.

— Вот оно — Антихристово племя, я так и знал, — с неожиданной злобой и энергией сказал Зильберт. Сатана поднял брови и, как бы свысока глядя на Зильберта, сказал:

— Да, Зильберт. — Сатана хлопнул по плечу Ивана. — Россия, третий Рим — кузница Антихристового духа, — и, обращаясь к Ивану, продолжил: — Зильберт, ты создал тело Антихриста, а Иван его душу. Или наоборот? А, Иван?

— Я никогда не думал об этом.

— Ну и правильно. Пусть об этом думают другие, а тебе надо делать свое дело.

— Эй, подожди,— перебил Зильберт,— что ты хочешь этим сказать?

— Что я хочу сказать? То, что я хочу сказать,— трудно передать словами. Мне проще это показать. Если вы оба, конечно, не возражаете. «Все — это конец,— подумал Зильберт,— нельзя соглашаться»,— и тут же сказал:

— Да, я хочу понять, что ты хочешь всем этим сказать.

— Ну что ж,— Сатана улыбнулся,— завтра должно состояться важное совещание руководителей влиятельной международной организации, которую ты, Зильберт, возглавляешь. Не так ли? Я приоткрою перед тобой дверь в будущее, покажу, как оно пройдет.

К Зильберту вдруг вернулось самообладание. Голос его был как всегда спокоен и взгляд тверд:

— Зачем?

— Ты не только согласишься все, как будет, но и переживешь все, будто сегодня — это завтра. Это поможет тебе лучше понять нас с Иваном. Кстати говоря, и мне тоже будет это интересно посмотреть. Клянусь тебе, исход этого вашего завтрашнего совета мне неизвестен. Я только могу догадываться, до чего вы там договоритесь.

— Вас с Иваном? Это весьма интересно.

Сатана повернулся к Ивану и сказал:

— Иван, теперь дело за тобой.

— Лийил? — спросил Иван.

Сатана пожал плечами.

— Ну, конечно. Разве есть другой способ заглянуть в будущее?

— Это так важно? Да?

Сатана молчал. Иван не колебался более.

— Хорошо. Лийил, пусть Зильберт побывает на завтрашнем заседании совета, и мы с ним, Лийил.

16

Зильберт закрыл глаза. Когда он их открыл, увидел, что его кабинет пуст. Иван и Сатана исчезли. Часы показывали без пяти минут десять. «Наваждение исчезло. Хорошо. Но это, похоже, уже серьезное предупреждение тебе, старый верблюд... Да, пора, пора». Зильберт медленно поднялся. Сильно кольнуло сердце. Он поморщился и достал

из кармана таблетки. «Долго так продолжаться не может. Самые старые и мощные кедры валятся сразу...» Зильберт медленно прошел по кабинету и побрел в конференц-зал, шаркая ногами по паркетному полу. Он остановился перед дверьми и, взявшись за дверную ручку, замер. «Может быть, уже завтра эта жизнь будет продолжаться без меня. Впервые сейчас я это осознал так остро, как это надо осознать в моем возрасте... Пора все расставить на свои места и никаких компромиссов ни с кем».

Зильберт открыл дверь и вошел в зал. За овальным столом сидело двенадцать человек — члены совета директоров его корпорации. Зильберт постарался пройти до своего кресла твердым, уверенным и неторопливым шагом, так он ходил всегда. Он делал усилие, стараясь ступить так, как ему бы хотелось, но ему показалось, что все-таки он шел не так, как всегда, и люди это заметили. «А, черт возьми, откуда такая слабость?» — подумал Зильберт. Наконец он сел в свое кресло и обвел неторопливым взглядом присутствующих.

Зильберт никогда не говорил по вдохновению. Еще в молодости он сделал вывод, что все лучшее, что он придумал, сказал и сделал, никогда не происходило в моменты душевного подъема. Если он хотел принять какое-нибудь решение, то просто садился за свой письменный стол и начинал работать, изучая документы, консультируясь у специалистов и анализируя ситуацию со всех сторон. После тщательного и неторопливого обдумывания медленно вызревало решение. Сейчас же ему приходилось импровизировать. Все ждали, когда он заговорит, а он молчал. Наконец Зильберт соединил чуть дрожащие кончики пальцев и, глядя на них, начал говорить:

— Господа, я попросил вас отложить все свои дела и приехать на это экстренное совещание, потому что,— Зильберт сделал паузу, обдумывая фразу,— потому что я решил изменить план инвестиций нашей корпорации и всех подконтрольных ей финансовых и экономических структур,— Зильберт обвел тяжелым взглядом всех присутствующих,— на ближайшее десятилетие. Мы должны изменить стратегию наших действий.— В зале была абсолютная тишина. Казалось, что люди даже перестали дышать. «Замерли,— думал Зильберт,— почувствовали что-то недоброе. И правильно почувствовали. Каждый из вас чувствует прибыль и убытки лучше, чем голодная акула • — кровь, потому вы и здесь». Зильберт едва заметно

улыбнулся и продолжил: — • В свое время мы много говорили о том, что нашей стратегической целью является поддержание стабильности в мире, потому что только при стабильных демократических режимах мы можем реализовать основные задачи нашей корпорации. Но должен сказать со всей определенностью, что я неудовлетворен тем, как мы это делаем. Бедность большей части населения Земли, болезни и неграмотность — вот главная угроза для нашего дела. В нашей власти огромные финансовые средства, а значит, и возможность изменить положение в мире таким образом, чтобы каждый житель нашей несчастной планеты почувствовал улучшение своего положения. Я думаю, вы должны со мной согласиться. «А что им остается делать? Пусть попробуют не согласиться...» — подумал Зильберт. — Я о каждом из вас знаю больше, чем вы сами о себе знаете». Постараюсь объяснить, что именно я имею в виду. Любое дело, происходящее под этим небом, должно иметь оправдание, в том числе и накопление денег. Я зашел в достижении этой цели, которая есть деньги, стабильность, закон, власть и снова деньги, слишком далеко. Сегодня я хочу их истратить на борьбу с болезнями, нищетой, загрязнением окружающей среды — и не так, как это делают правительства, грабя налогоплательщиков, а так, как это умею делать я — быстро и эффективно. А прибыль — зачем она нужна на пустой планете? Ведь деньги — это всего лишь обязательства государства, а золото — всего лишь металл. — Зильберт вздохнул и добавил: — Всего лишь... Давид, — обратился Зильберт к сидящему справа от него человеку. — Я отдаю свой голоса за это решение. Подготовь план. Завтра с утра я готов рассмотреть его проект.

— На какую сумму? — спросил Давид, не поднимая глаз.

— На такую, чтобы можно было что-то изменить в этом мире. У кого есть вопросы ко мне? — спросил Зильберт.

— Зильберт, — наконец прервал молчание совершенно седой мужчина с красными глазами, — тебе не кажется, что ты впервые в жизни поторопился, принимая решение? Уйдут деньги, уйдет и власть, но никаких денег не хватит на то, чтобы переделать человечество. Мы ведь никогда не ставили задачу помогать всем. У тебя есть свой народ, который нуждается в помощи.

Зильберт устался на говорящего пристальным, тяжелым взглядом.

— Вчера я тоже так думал, а сегодня думаю иначе.

— Я прошу тебя, Зильберт, подумай еще.

Зильберт покачал головой.

— Нет ни смысла, ни времени думать над этим еще. Лочему? Потому что может не быть этого завтра. Если нет других вопросов, я оставлю вас. По всем прочим вопросам повестки дня я подпишу любое ваше решение.

Сказав это, Зильберт встал. «То, что я сказал сейчас, — правильно. Нельзя дать победить злу. Надо свергнуть с пьедестала золотого тельца, иначе мы все погибнем: и евреи, и неевреи. А все-таки — как хорошо иметь власть! Нет, не зря я всю жизнь шел к этому». Попрошавшись, Зильберт вышел из зала. Когда он закрыл за собой дверь, у него опять сильно кольнуло сердце, так сильно, что он от боли сжал зубы и закрыл глаза. Когда он их открыл, то обнаружил себя сидящим в своем кабинете. Перед ним в креслах сидели Иван и Сатана.

17

— Вы еще здесь? — удивился Зильберт и, обращаясь к Сатане, добавил: — Ты опоздал, Сатана. Главное решение своей жизни я принял без твоей помощи.

Сатана закинул ногу за ногу, откинулся на спинку кресла и потом, стукнув пальцами по колену, ответил:

— Главное решение своей жизни, уважаемый Зильберт, ты еще не принял, но должен принять.

Зильберт повернул голову и, глядя на Ивана, сказал:

— Я слишком стар, видимо, дни мои сочтены. Уходи, Иван, дай мне дожить их спокойно. Согласен, ты доказал мне, что ты — не простой человек, впрочем, мои коллеги говорили это и раньше. Они говорили мне о том, что сделанное тобой, и тем более то, на что ты замахнулся, никому не под силу, поэтому тебе помогли — либо Дьявол, либо Бог...

— Либо тот и другой, — прервал Зильберта Иван. Но тот продолжал говорить, не обратив на реплику Ивана никакого внимания.

— Сегодня я принял хорошее решение. Я не мнителен, не суеверен, и то, что я решил, вытекает только из Моего глубокого убеждения, что власть надо употреблять

во благо.— Зильберт откинулся на спинку кресла и закинул ногу за ногу, приняв такую же позу, как и Сатана.— Ну что, Иван, прощай. Иди своей дорогой. Живи как знаешь. Но я более ничего не могу для тебя сделать.— Зильберт встал, давая понять, что разговор закончен. «Нет ничто меня не свернет с избранного пути: ни Сатана, ни совет директоров, ни Иван»,— подумал Зильберт и испытал чувство воодушевления — весьма редкое для него чувство.

Иван все это время находился в состоянии как бы легкого опьянения. Опьянения счастьем, то состояние даже можно определить словом — счастье. Так с ним бывало, когда он, измученный сомнениями и тяжелой работой, начинал делать то, что уже, без сомнения, вело его к намеченной цели. Иван взглянул на Сатану. Тот поймал его взгляд, встал и поднял вверх правую руку, ладонью к Зильберту.

— Зильберт, ты не сделал главного дела своей жизни. Оно заключается в том, чтобы передать свою власть Ивану...

В комнате воцарилось долгое молчание. Зильберт смотрел на Сатану, его лицо медленно менялось, превращаясь из живого человеческого лица в посмертную маску. Иван смотрел на Зильберта, а Сатана — на Ивана, лицо которого приняло сосредоточенное выражение, по лбу пролегла глубокая поперечная складка. «Вот оно — началось. Вот как это будет происходить. Теперь все ясно»,— подумал Иван.

— Нет...— сказал Зильберт, точнее, он пошевелил губами, а не сказал,— никогда.— Никогда этого не будет.

Сатана медленно покачал головой и сказал:

— Сделай это, и я отпущу твою душу.

— Она тебе никогда не принадлежала и принадлежать не будет. «И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги»*.

Сатана криво улыбнулся, поднял брови и сказал:

— Это ты сказал. И это всего лишь слова.

— Я тебя не боюсь. Так же, как не боюсь и смерти.— Зильберт оперся на стол, несколько раз вздохнул, словно набираясь воздуха, и добавил: — Теперь не боюсь.

— Значит, ты более не хочешь влиять на события в мире? Я так могу понимать твои слова?

— Понимай как хочешь, только убирайся вон вместе с рваном.

— Иван, пошли отсюда и займемся делом. Он не хочет — и это совершенно ничего не значит для нас, кроме того, что скоро будет новая хрустальная ночь, длиной в сто лет.

Зильберт сел, точнее, упал в кресло. В его глазах Иван прочитал боль и ненависть.

— Что это ты имеешь в виду? Поясни...

— То же, что и ты,— ответил Сатана и остановился, взявшись рукой за ручку двери.

— Как? — выдавил из себя Зильберт.

— Ты знаешь, как. Ты ведь все это видел сам.

Зильберт сжал голову руками и закрыл глаза. Он увидел освещенную бликами пламени комнату. Горела входная дверь квартиры. Огонь пополз по занавеске. Квартира быстро наполнялась удушливым дымом.

— Беги на балкон, сынок,— услышал Зильберт голос матери из соседней комнаты. Зильберт отскочил от двери и повернулся. Мать вышла из комнаты. На ее голове была черная накидка. Большие прекрасные глаза матери были спокойны и печальны. Она поправила ему воротничок рубашки и погладила по голове.— Это всегда повторяется с нашим народом. Всегда... Постарайся добраться до французской границы. Но не задерживайся во Франции, сразу беги дальше — в Америку, в Нью-Йорк, к нашим родственникам.

— А ты, мама?

— Я останусь здесь, у могилы своего отца и твоего. Я не могу уехать, точнее — не хочу. Выходи на балкон, перелезь на крышу, как ты умел когда-то делать, и беги.

— Нет, мама, пошли вместе.

Зильберт подбежал к входной двери и распахнул ее. В квартиру ворвалось пламя. Вся лестничная площадка была в огне.

— Беги! — закричала мать.— • Я приказываю тебе.

— Нет! — что было силы, отчаянно закричал Зильберт. Тут мать оттолкнула его и бросилась в огонь лестничной клетки. Зильберт увидел, как вспыхнули на ней, бегущей вниз по лестнице, одежда и волосы, он упал на пол, но тут *е вскочил и, охваченный ужасом, бросился на балкон: «Спасись, спасись во что бы то ни стало. Я должен это

сделать». В ту ночь эта мысль отпечаталась в его мозгу раскаленным клеймом — навсегда. Он выполз на четвереньках на балкон и, прячась за ящиками, украдкой посмотрел на улицу. По улице бегали штурмовики, размахивая металлическими прутьями, они кричали, смеялись и улюлюкали, издеваясь над выскакивающими из домов людьми. Вся улица, усеянная осколками битого стекла переливалась, как поток огненной лавы, отражая огни фонарей и красные языки пламени, которые уже начали вырываться из-под крыши.

— Кто поджег дом?! — закричал высокий, стройный молодой человек в форме, который вышел из подъехавшего легкового автомобиля. — Кто отдал приказ? — Все молчали. — Вы думаете, я собираюсь вас наказывать? — сказал он и засмеялся. — Нет. Подумаешь, одним еврейским домом меньше. Вонь от них сильнее запаха гари... — Зильберт хорошо разглядел лицо этого молодого эсэсовского начальника, ярко освещенное пламенем пожара.

И тут он понял, где видел Ивана... Зильберт открыл глаза и вытер дрожащей рукой лоб.

— Что ты хочешь? — тихо спросил он у Ивана. — Нет, нет, прежде скажи: что, и тогда это были вы? — посмотрел, он затравленным взглядом на Сатану.

— Мы везде, где казнящий Иегова, — ответил за Ивана Сатана.

— Будьте вы прокляты... Я знал, что не выдержу... Что же будет с Зосей?

— Можешь отдать свои деньги, кому угодно, если хочешь, — сказал Иван.

— А ты что — будешь властвовать без денег? — И Зильберт громко рассмеялся.

— Буду, — как ни в чем не бывало ответил Иван.

— А зачем тебе тогда я? Властвуй... — сказал Зильберт и вдруг судорожным движением зажал себе рот и на несколько мгновений закрыл глаза, потом открыл, посмотрел на Ивана, потом на Сатану и продолжал: — Ладно, хорошо. Говори свои условия. Но имей в виду, это наваждение кончится, потому что ты — ты не можешь быть долго. Ты вне закона, ты осмелился нарушить мировой порядок, если связался с ним, — Зильберт кивнул на сидящего в кресле Сатану. Иван кивнул головой и сказал:

— Все это для меня не имеет ни малейшего значения. — Г-к вот, ты должен дать мне возможность работать на Самаэле так, как я хочу, и все твои люди должны помогать мне делать задуманное мной дело.

Зильберт пожал плечами и всплеснул руками:

— Как это вы все, всемогущие, не можете без старика Зильберта? Никто не может ничего без меня — даже Сатана. Ха — хорошая карьера. Места на Земле мне стало мало, и я штурмую небо. Да, Иван? И что же ты будешь на нем делать?

• — Истину. — Иван холодно смотрел на Зильберта, который, казалось, постарел сразу на десять лет.

• — Я только не могу допустить одного. Одного... — бормотал себе под нос Зильберт. — Эй, Иван, откуда ты узнал, что я видел в ту ночь?

Иван кивнул на Сатану.

— Я тут ни при чем.

— Ладно, хватит об этом. Вот что. Мне нужны гарантии, что это никогда не повторится.

— Это не повторится, — твердо сказал Иван. — Я никому не хочу плохого, ни одному человеку, будь он еврей или немец, русский или араб. Для меня все равны: и христиане, и мусульмане, и евреи, и буддисты...

— Тогда стань евреем. Вот мое условие, — перебил Иван Зильберт. — Тем более, раз тебе все равно, кем быть. И тогда Бог не допустит, чтобы ты использовал его, — Зильберт стрельнул глазами на Сатану, — против моего народа. Пожалуйста, — Зильберт подошел к Ивану и, глядя на него снизу вверх, взял за руку. — Ради Бога...

— Если тебе так хочется — я могу. Но возможно ли это?

Зильберт пожал Ивану руку и отошел. Повернувшись к окну, Зильберт начал молиться:

— Господь мой, прости меня за то, что я сейчас делаю. Я только хочу, чтобы никто и никогда не делал зла моему народу. Народу, который Ты избрал, чтобы нести Твое слово и Твой закон людям. Пусть Иван станет частью моего народа. Я знаю — грешен, но ведь все в Твоей воле. Так пусть же он станет евреем. — Зильберт закончил молитву и обратился к Ивану: — Иван я должен произвести над тобой известный древний еврейский обряд, — он замолчал и пристально посмотрел в глаза Ивана. В его глазах Иван разглядел искорку безумия. — Нужен мотель*.

* Человек, который совершает обрезание. — Прим. авт.

Так-так. Где его сейчас взять? Я сделаю все сам. Так, так — так... но нужен же нож. Где же взять нож?

Сатана встал, подошел к столу и, достав из склада одежды кинжал, протянул его Зильберту. Тот дрожащей рукой взял кинжал.

— Ну вот, и нож есть. Снимай штаны, Иван, — сказал Сатана.

— Черт знает что, — выругался Иван, но все же растегнул брюки и, спустив плавки, достал то, что нужно было Зильберту. Зильберт, не мешкая, быстро подтолкнул Ивана к столу.

— Пригни колени, Иван. — Иван подчинился. Зильберт полоснул ножом по столу. В его руках остался кусочек окровавленной кожи. — Ну вот, теперь я могу с тобой разговаривать о деле, — вздохнул Зильберт.

Ивану было не так уж и больно. Он завернул рану носовым платком, надел брюки и сел в кресло.

Зильберт подошел к телефону и нажал кнопку селекторной связи. Раздался гудок. «Связь появилась», — отметил про себя Зильберт.

— Джон, будь на месте, я тебя скоро позову, — сказал Зильберт и сел за стол. Спокойствие вдруг странным образом вернулось к нему. Он посмотрел на кресло, где только что сидел Сатана, и увидел, что его там нет. «Ну вот, наваждение кончилось», — подумал Зильберт.

— Итак, Иван, еще раз расскажи мне, что ты хочешь. Только очень коротко. — Зильберт откинулся на спинку кресла и устремил свой взгляд на Ивана, который сидел, слегка морщась от боли и только что пережитых неприятных ощущений.

— Я тебе, кажется, уже говорил, чего я хочу, но могу повторить еще раз, если надо. Как видишь, у меня есть! возможность влиять на ход дел в этом мире. Эту возможность дал мне Бог.

— Что, тот, кто только что был здесь, — это его ты называешь своим Богом? — усмехнулся Зильберт. — Или мне все это почудилось — старик Зильберт сошел с ума. Да?

— Ничего тебе не почудилось. Тот, кто был здесь, — никто иной, как наш общий старый знакомый, известный людям под разными именами. Давай, если не возражаешь, я буду называть его Сатаной, так мне привычней.

Зильберт перевел взгляд на телефон, задумчиво покачал головой и сказал:

— Кто бы мог подумать, что это будет со мной. Вернулись библейские времена. — Зильберт усмехнулся и потер кулаком лоб. — Опять началось прямое вмешательство одухотворенных сил, не зависящих от нашей воли, в нашу жизнь. Я согласен, да, что это был он. Это возможно, потому что я взял слишком много власти на себя. — Зильберт говорил эти слова не Ивану, а самому себе. — Так всегда было, когда кому-нибудь удавалось достичь столь многого. Я уверен в этом.

«Наверное, старик, а он за час постарел лет на десять, немного сдвинулся по фазе, — подумал Иван. — Ну это — о счастье, будет проще делиться властью. Ее у него действительно слишком много для одного человека, тем более, он ее подгрел под себя сам».

— Говори, я тебя внимательно слушаю, — обратился Зильберт к Ивану. — Только так: твоя теория меня не интересует. Мне нужны твои конкретные просьбы — что ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтобы ты допустил меня до своего компьютера без всяких условий и оставил в покое, пока я сам тебя не позову. Вот и все, что я хочу.

Зильберт вдруг рассмеялся.

— Это все?

— Да.

— Зачем тебе это?

— Ты же обещал не спрашивать.

— И все-таки.

— Увидишь.

— А если я сейчас откажусь? — спросил Зильберт, протягивая руку к телефону.

— Тогда я ни за что не отвечаю. Наш, теперь уже общий знакомый может и исполнить обещанное. Он слов на ветер не бросает. К тому же как тебе понравилась речь, которую ты можешь произнести завтра? — Иван помолчал и многозначительно добавил: — А можешь и не произнести...

— Да, он может исполнить обещанное, может... И я даже Догадываюсь как... — пробормотал про себя Зильберт и нажал кнопку селекторной связи. «То, что Иван предлагает, — это все равно лучше, чем то будущее, которое показал мне Сатана. Он ведь показал то, о чем я постоянно думаю в последнее время, — мое безумие, которое проявится самым чудовищным образом. А то, чем он мне, точнее всем нам, угрожает, — это он может выполнить, в этом можно не сомне-

ваться,— решил Зильберт, достал из кармана таблетки от сердечной боли и проглотил их.— Кто бы придумал таблетки, которые помогали бы забыть прошлое, прошлое, которое держит нас в плену и управляет нами».

Тут открылась дверь, и в комнату вошел Джон Якобе.

Зильберт, услышав, что в комнату вошли, открыл глаза и сказал:

— Садитесь. То, что я сейчас вам скажу,— не подлежит обсуждению. Это надо исполнить — и все. Комментарии и объяснения получите потом. Все, что Иван скажет,— правда. Все, что он назовет ложью,— ложь. Иван, объясни, что надо сделать.

— Я буду работать на Самаэле, а вы мне будете помогать. Я буду давать задания по программированию, а вы их будете исполнять. И все должно совершаться в абсолютной тайне.

— Что за систему вы собираетесь разрабатывать?—И спросил Якобе.

— Иван, Джон пока ничего не понял,— сказал Зильберт, обращаясь к Ивану, потом прикрыл рот рукой и зевнул: — Ну и не обязательно.— Зильберт посмотрел на Якобса и сказал: — Делайте все, что Иван говорит. Вот и все, и не задавайте лишних вопросов.— Он устало вздохнул и поморщился. «Господи, за что такое наказание мне? Какая устал!»

Когда Якобе вышел, Иван сказал:

— Зильберт, проводи меня к Самаэлю.

И они, более ни слова не говоря, вышли из кабинета.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Зильберт проводил Ивана до двери, ведущей в комнату, где стоял Самаэль, и остановился. Тяжелые толстые двери, рассчитанные на противодействие ядерному взрыву, медленно и бесшумно раздвинулись, как бы приглашая их войти.

— Иван,— обратился Зильберт к Ивану,— я туда войду только после тебя. Когда ты меня пригласишь.

Иван остановился и сказал:

— Я буду работать здесь долго: год, два, может, даже три — точно не могу сказать. Сделай так, чтобы мне не мешали. Без моего приказа двери не открывать. Связь только односторонняя. Это мое условие.

— Хорошо.

— Тогда прощай.

Иван посмотрел на Зильберта стеклянным, отчужденным взглядом и быстро вошел в тамбур, расположенный перед комнатой Самаэля.

— Ну что ж, желаю удачи,— сказал ему вслед Зильберт,— а туда,— Зильберт указал на проем в двери,— я все же не пойду, эта комната почему-то напоминает мне склеп. Мне все кажется, что эти двери закроются у меня за спиной и не откроются уже никогда.

— • Еду пусть приносят сюда, в тамбур,— сказал Иван не оборачиваясь.— Если что-то мне будет надо, я оставлю здесь же записку. И никаких телефонных звонков и тем более посещений.

— Не беспокойся, я позабочусь об этом. Я понял правила игры. Считай, что ты замурован здесь.

Зильберт хотел еще что-то сказать, но Иван быстро пошел вперед. Двери за его спиной бесшумно закрылись, и он оказался в комнате один.

Это была довольно большая комната: примерно десять на десять метров. Кроме компьютера здесь был письменный стол, на котором стоял телефон, два кресла и диван.

Иван сел напротив компьютера, но не стал включать его.

— Лийил, ты здесь? Появись, Лийил.— Лийил тут же возник перед Иваном и повис над компьютером. Он медленно вращался и привычно поблескивал гранями.— Я пришел сюда, чтобы закончить начатое дело. Ты все время мешал мне, как мог, теперь-то я это понял. Хотел сделать из меня музыканта, факира, властелина мира, лишь бы я не занимался своим делом. Вы все: Бог, Сатана, ты,— все заодно, все против меня. Но только ничего не выйдет. Я узнаю все об этом мире, все, что хочу, и тогда уже решу, что мне делать с этим знанием.— Иван махнул рукой в сердцах.— Не могу я иначе... При помощи тебя я мог создавать мистификации, более правдоподоб-

ные, чем реальность. Люди видели все так, как хочу я, и принимали желаемое за действительное. Попросту говоря, я мог творить чудеса. Мог даже стать Антихристом, властелином мира, таким, каким он описан в Апокалипсисе Иоанна. Я мог стать кем угодно. Только бы не занимался наукой, только бы не довел свое дело до конца... Так вот, слушай, что я тебе скажу. Я напишу Книгу, потому что у Книги может быть только одна логика, и она мне известна, и один язык, а Самаэль для этой работы у меня есть. Что на это скажешь? — Лийил молчал. — Самаэль, конечно, не так эффектно выглядит, но по своим возможностям он, думаю, почти не уступает тебе, а мозги я ему вставляю. Молчишь? Я знаю и самое главное: Бог может в любой момент остановить мировое время, и это будет тот самый Конец света, о котором столько говорили пророки всех времен и народов. Другой возможности помешать мне теперь у Него нет. То, что я буду делать, конечно, ужасно, но у меня нет выбора. Я не могу остановиться на половине пути. Я буду делать свое дело, а Он пусть решает, что Он собирается делать-со мной и с этим миром. Молчишь? Ну и молчи. А я начну. — И Иван включил компьютер.

«Кажется, мы не ошиблись, и близится развязка», — сказал Риикрой Аллеину.

«Какое несчастье, что мне в этот раз достался такой человек. Первый человек без души, из всех, которых я опекал. И мне кажется, что и моя душа скоро покинет меня», — ответил Аллеин.

2

Иван долго готовил Самаэля к работе. Первое углубленное знакомство с возможностями Самаэля полностью удовлетворило Ивана. «В нем есть все для того, чтобы решить Систему, — сердце Ивана радостно забилося. — Я не ошибся, Самаэль — это компьютер моей мечты. Теперь этот инструмент надо настроить на мою тональность».

• Иван работал, не замечая, как летит время. Когда, наконец, почувствовал сильную усталость, он оторвал взгляд от монитора и посмотрел на часы. Наручные механические

часы Ивана остановились. Он снял их и бросил в ящик стола. «Теперь для меня нет других часов, кроме часов компьютера, а их я уберу с экрана, чтобы не мешали сосредотачиваться», — решил Иван. И он отключил часы компьютера. В момент, когда цифры, показывающие время, исчезли с экрана, Ивану показалось, будто бы он окончательно выключил себя из мира, в котором жил раньше. Тут он вспомнил, что на стене комнаты висят электронные часы. Иван подошел к ним и ударом кулака разбил их. «Я остановил свое время, пусть Он попробует остановить свое». Иван вытер платком кровь с кулака, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он чувствовал себя вполне счастливым. «Мой мозг давно требовал такой работы, как мозг наркомана порции наркотика. Крепко же сколотил его Господь. Никуда мне не уйти от своего предназначения, даже на тот свет, который пока закрыт для меня».

Мозг Ивана, уже не повинуюсь, как казалось Ивану, никакой воле, сам работал, рождая идеи и тут же анализируя возможности их решения. Иван едва успевал вводить в компьютер информацию.

Иван лег на диван, закрыл глаза и попытался уснуть. Но уснуть не удавалось, он не мог отключиться от решения математических и технических проблем, мозг работал все так же, с огромной скоростью перебирая различные варианты решений. Все же усталость взяла свое, и он уснул.

Когда Иван проснулся, в комнате горел свет, он не выключил его, когда лег на диван. Иван не знал, сколько проспал — может быть, час, а может, сутки. Теперь он полностью потерял ощущение времени. И его это даже обрадовало: «Счастливые часов не наблюдают... Посмотрю на календарь, когда закончу. А сейчас за дело». И он, выпив на ходу принесенный в тамбур кофе, принялся за работу.

Настроить Самаэля на решение задачи было очень непростым делом. Ивану пришлось использовать все свои знания и массу разработок «Юнайтед Системз» и Других фирм, чтобы подготовить компьютер к работе. Несколько раз Иван запрашивал необходимую ему информацию. Иногда Ивану казалось, что он зашел в ту-

пик, иногда — что превосходит сам себя. И вот, наконец, компьютер был подготовлен нужным образом, и можно было приступить непосредственно к решению поставленной задачи, но для этого надо было еще выбрать язык программирования, на котором предстояло работать. И тут Иван столкнулся с проблемой, о которой предполагал, но все же надеялся, что ему удастся ее обойти. Когда он начал подбирать инструмент для решения задачи, оказалось, что все знакомые языки не подходят, на них было невозможно записать уравнения его Системы адекватно. Его математика требовала своего особого языка, и этот язык надо было создавать. Точнее, даже не язык, а своеобразный переводчик с языка Ивановой математики на известные языки программирования. И вот тут-то и возникла, как оказалось, непреодолимая стена... Язык Бога создать никак не удалось.

День шел за днем, а может, и месяц за месяцем, Иван ни на минуту не переставал думать о том, как создать такой транслятор, — и во сне, и наяву, но не мог найти решение проблемы. Ивану казалось, что он вот-вот сойдет с ума, превратившись в придаток компьютера. Наконец поняв, что он бессилен, Иван сказал:

— «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть»*, — вспоминал Иван слова Иоанна. — Где же это Слово? Что-то мешает мне найти это Слово. Слово?..

Ситуация была тупиковой, надо было выйти за пределы задачи, а как это сделать, Иван не знал. И вдруг его осенила идея. «Бежать мне здесь некуда, а что, если попробовать по-другому. Убежать мысленно, убежать по пути, сказанному самим Богом». И Иван решил вспомнить Библию, потому что он не знал другой книги, которая наряду с Кораном претендовала бы на то, чтобы считаться истинным словом Бога, язык которого он теперь должен был создать. Коран Иван знал хуже, потому что ему очень не понравился перевод.

Большую часть Библии, может быть, даже и всю, он помнил наизусть, но не потому, что особо выделял ее из

многих прочитанных им книг, просто он помнил все, что хотел помнить, а Библию он хотел помнить. Он прочел ее первый и единственный раз, когда жил в отдаленной ролувимершей деревне, в которую его и других студентов первого курса университета отправили помогать колхозникам убирать урожай. Изрядно потрепанная Библия, изданная в прошлом веке, была единственной книгой, которую Иван нашел в старой покосившейся избе, куда колхозное начальство поселило Ивана и трех его товарищей. Других книг у Ивана тогда не было, и он начал читать Библию, с целью как-то противодействовать отупляющему времяпрепровождению. Другим мотивом, заставлявшим Ивана читать, был его интерес к истории вообще, и он читал ее, как исторический литературный памятник. Эта книга заставила Ивана тогда по-другому взглянуть на мир — не как на место, где ему довелось жить, а как на результат чьей-то осмысленной деятельности, имеющей строго определенную логику. Именно тогда в убогой избе к нему пришла идея, что законы физики и духовное развитие человечества могут быть взаимосвязаны. Смутное предчувствие, что его жизнь должна вскоре круто измениться, именно тогда впервые начало получать подтверждение. Своеобразный вызов, брошенный ему этой книгой: а сможет ли он, Иван Свиридов, попытаться объяснить мир природы языком математики так же, как Библия объясняет его в словах, — Иваном был принят.

«„Вначале сотворил Бог небо и землю...“*, — мысленно прочел Иван первые строки той Библии и подумал: — нет, „Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог“**. Самый главный момент творения — создание Богом замысла великого проекта — в Ветхом завете не описан, а ведь было именно так. — Иван закрыл глаза и мысленно продолжал листать пожелтевшие страницы той старой, дореволюционного издания Библии с буквой Ъ. Он дошел до места „И сказал Господь: истреблю с лица земли людей, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их“***. — Раскаялся? Да,

* Быт., 1:1.

** Иоанн, 1:1.

*** Быт., 6:7.

* Иоанн, 1:1—3.

именно, Бог раскаялся и изменил свой замысел, и не в последний раз. Это ведь одно из самых интересных мест в этой книге откровения, которую надо понимать только буквально, как и все книги, написанные людьми, устами которых говорил Бог. Раскаялся... Кто-то может увидеть в этом признак слабости Бога и несовершенства Его замысла, но только не я. Нет, это-то как раз и есть главный признак силы Его и могущества. Ведь труднее всего как раз изменять *совершенный* по исполнению, заданный миру заранее и исполняемый каждой элементарной частицей Вселенной замысел! Описанный языком Бога замысел. Кто говорит, что он был изменен от незнания или для исправления ошибки? Бог хозяин и творец своего замысла, и Он может изменять его по своему желанию, когда захочет, любое Его действие безошибочно. Раскаялся и изменил... Раскаяние — следствие любви, и неизвестно, что из этих чувств первично; если Бог не в состоянии раскаяться, значит, Он и не в состоянии любить свое творение, равнодушный Бог — это не Бог, спасший меня, а нечто другое. Эта книга подтверждает эту главную пока для меня мысль — Бог не равнодушен, значит, разгадка Его языка может лежать в области эмоций, а не логики.

— А если кто думает иначе? С чем считаться Богу? Не с нашим ли мнением о Нем? — тихо сказал Иван и подумал: «Посмотрел на свое творение и раскаялся. Только Сатана никогда не раскаивается... — Теперь перед Иваном предстал его черный, совершенной красоты лик. — Интересно, свидимся ли мы с ним? Вряд ли. Теперь он не может иметь надо мной никакой власти, этот вечный обитатель мира свободных людей. А раз так, то и не появится, слишком уж он рационален. Есть ли Библия истинное Слово Бога? Если так, то именно в ней лежит ключ к разгадке, если нет, то трудно мне будет его найти...»

Тут Ивана осенила идея.

«Христиане считали этим Словом Иисуса Христа. — Иван напряг память и стал вспоминать христианский символ веры. — Был он Богом или не был — неважно. Может быть, он подскажет мне, где кроется ключ к разгадке?»

Иван лег на диван, закрыл глаза и отдал команду: — Лийил, я хочу говорить с Иисусом, Лийил.

Иван увидел, что по пыльной дороге, точнее, широкой тропе, идущей по крутому склону холма, у подножия которого находилось маленькое озеро, отражающее бездонное, выжженное полуденным солнцем небо, шел человек. Он был один. На нем была просторная светлая одежда из какой-то грубой ткани, голова непокрыта. Он смотрел перед собой и, казалось, вокруг ничего не видел. Проходя мимо, он обратил внимание на Ивана, стоящего на обочине дороги.

— Здравствуй, юноша, — обратился к нему человек и поднял вверх ладонь правой руки, не то показывая, что у него добрые намерения, не то благословляя Ивана. Иван даже вздрогнул от неожиданности, потому что сначала человек поздоровался, а потом только посмотрел на него. «Где же я видел это лицо и этот взгляд? Он смотрит будто и не на меня, а в меня, — оценил свое первое впечатление Иван. — Выражение глаз у него, как у Заратуштры, но только у того взгляд был веселый, точнее с веселинкой и любовью что ли какой-то, а у этого печальный».

— Если у тебя есть сомнения — иди со мной, — сказал человек и пошел дальше.

— Сомнений у меня нет. Но есть большая проблема, — с готовностью сказал Иван и пошел вслед за путником. — Кто бы ты ни был, вижу, что ты человек ученый. Скажи мне, можно ли стать, — Иван запнулся, подбирая слово, он хотел сказать: «Богом», но не сказал, — угодным Богу, только опираясь на собственные силы, или нужно чудо? — спросил Иван вслед идущему.

— Иди со мной, и ты все увидишь сам, — ответил путник не поворачиваясь и больше не проронил ни слова.

Было очень жарко. Ивану хотелось пить. Но он не решался спросить у путника воды.

— За кого же ты признаешь меня? — наконец спросил путник.

— Ты — тот, кто хотел спасти людей. Люди называют тебя Иисус, Иисус Христос. — Иван говорил на каком-то странном языке. «Наверное, это арамейский». Для верности, чтобы Христос его наверняка понял, Иван повторил: — Ты — Мессия. Но не это важно для меня. Я-то здесь затем, чтобы получить

ответ на свои вопрос: неужели нельзя, никак нельзя заставить людей делать то, что нужно для их спасения, не прибегая к насилию?

Иисус улыбнулся печальной улыбкой.

— Можно ли спасти человека, не лишая его свободы? Можно ли человеку спастись самому? Да, это две стороны одного и того же вопроса.

Иван решительно кивнул головой.

— Можно или нет?

Христос молчал.

«Что он все так таинственно молчит?» — подумал Иван.

— Что ты знаешь обо мне, Мессия? — спросил Иван. — Почему ты молчишь?

— Я знаю о тебе то же, что и ты сам знаешь о себе. И ты сам ответишь на свой вопрос быстрее, чем уляжется пыль, поднятая на этой дороге нашими ногами.

Сказав это, Иисус повернулся и пошел дальше, не оглядываясь на Ивана.

Тропа вывела на широкую пыльную дорогу, на которой было множество отпечатков копыт, человеческих ног и повозок. За поворотом дороги, круто спускающейся вниз, показался город, отгороженный от выжженных солнцем холмов высоким частоколом кипарисов.

У крайнего дома в тени деревьев сидели люди, их было человек десять-двенадцать. Увидев путников, эти люди быстро поднялись и, громко разговаривая, толпой пошли навстречу. Иван не мог разобрать, о чем они говорили, но ему показалось, что они были очень возбуждены. Впереди шел человек в дорогах, переливающихся золотым шитьем одеждах.

— Что они хотят от тебя, Мессия?

— Чего они хотят? — Лицо Иисуса было неподвижным. Он остановился и сказал: — Люди хотят от меня только одного — чуда.

Иван отошел в сторону и стал так, чтобы ему было хорошо видно лицо Мессии, который все так же неподвижно стоял, ожидая, когда люди подойдут к нему. Тот из подошедших, кто был в дорогах одеждах, изрядно запыхался, и это не удивительно, потому что дорога шла круто в гору. Он поклонился Мессии и, быстро смахнув со лба пот, сказал:

— Тяжелое горе постигло меня, Равви. Мой единственный сын и наследник тяжело болен, он умирает. Исиели его, Равви. — Иисус молчал. Мужчина кашлял, сглотнул, потер горло, будто бы он только что проглотил раскаленный уголь, и продолжил: — Исцели его, Господи, приди в мой дом, пока еще не поздно, и спаси моего сына. — Во взгляде говорящего Иван прочитал надежду и страх. Сказав это, человек сразу поник, его плечи опустились, а взгляд потух и стал похож на взгляд побитой собаки. Он стоял и ждал приговора. На Ивана просящий не обращал никакого внимания. «Он уже видел Иисуса когда-то и знает, кто он», — решил Иван. Иисус обвел всех стоящих перед ним взглядом и сказал:

— Скоро наступит время, и наступает уже, когда все, и живые, и мертвые, услышат голос Бога и мертвые оживут. И будет суд. И суд этот будет праведен. Что же вы так мало думаете о душах ваших и так много о заботах жизни, которая коротка и печальна? — Голос у Иисуса был негромкий, но выразительный. Когда он говорил, его нельзя было не слушать, столько убеждения выражалось в нем. Почему-то казалось, что этот голос принадлежал не человеку, стоящему здесь, рядом, а кому-то другому, несоизмеримо более значительному. Иван смотрел на пришедших. Все они смотрели на Иисуса со страхом и надеждой. «Вот в этом и весь человек, он смотрит на жизнь со страхом и надеждой, боясь страдания душевного и физического более всего, убегая от него, как амеба от солевого раствора. Что ему его сын? Когда сам Мессия говорит, что завтра — конец, а ему нужен его сын, которому бы он мог завещать свои богатства, ради которых он жил и работал». Иисус обратился к Ивану:

— Могу ли я не вылечить его сына и остаться Сыном Божьим? — обратился Иисус к Ивану. Теперь все посмотрели на Ивана.

— Они ведь так просят у Тебя именно чуда, а не спасения души, — ответил Иван. Ему показалось, что Мессия едва заметно усмехнулся. Иван внимательно посмотрел в лицо Мессии. «Нет, ничто не говорит о Его Презрении к этому жалкому в своей беде человеку».

Мессия обратился к отцу умирающего и сказал:

— Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес*. Я знаю это...— Сказав так, Иисус замолчал. Он стоял и смотрел поверх толпы. Люди, казалось затаили дыхание, воцарилось тягостное молчание — молчание ожидания. Ожидания чуда...— Иди, сын твой здоров.— Сказав это, Иисус двинулся дальше. Люди расступились перед ним, и он, пройдя сквозь толпу, все так же неспешно пошел по дороге к городу, не обернувшись и ничего более никому не сказав.

— Спасибо тебе, Господи,— прошептал царедворец и упал на колени, он хотел поймать руку Иисуса и поцеловать ее, но это ему не удалось, и он остался стоять на коленях, испачкав свои роскошные одежды в дорожной пыли. Когда Иисус скрылся за кипарисовой аллеей, царедворец с трудом поднялся и спросил у Ивана:

— Ты давно ли идешь с ним, добрый человек? Теперь мой сын здоров...

Иван не понял, что выражали эти слова — утверждение или вопрос.

— Да, можешь спокойно идти домой. Твой сын здоров, такова воля Бога, определенная до начала времен,— сказал Иван, повернулся и пошел в противоположную от города сторону. Ему не хотелось более оставаться с этими людьми.

«Путем насилия к власти идут люди,— размышлял Иван,— Бог же идет путем чуда: творения, исцеления, воскрешения. Насилие не нужно ему. Можно ли спасти человека, не лишая его свободы? Можно ли человеку спастись самому? Нет, нельзя. Без чуда нет веры, она сама — и есть главное чудо. Чудо же доступно только Богу. Но человек, верящий в чудо, не свободен. Придется быть как Бог и лишить людей свободы, сотворив чудо, если другого не дано»,— решил Иван.

Иван остановился посреди дороги и сказал сам себе:

— Стой, а что Его заставляло устраивать это представление? Ведь Он знал о себе и о каждом из людей, в том числе и об этом царедворце, все. Он ведь читал Предвечную книгу, точнее, Он сам написал

⁶⁶ до начала времен.^- Иван поднял голову и, прищурившись, стал смотреть в бездонное небо, будто надеясь прочесть там ответ на свой вопрос.— Любовь? Он хотел сделать себя доступным человеческому пониманию через любовь к себе. Вот в чем дело! Надо спросить Его самого об этом.

Иван повернулся и быстро пошел назад — к городу. Пройдя немного, он перешел на бег.

Он догнал царедворца и его спутников уже на улице города. Сначала Иван хотел спросить у кого-нибудь из них, куда направился Мессия, но потом почему-то передумал. Тут Иван увидел юношу-пастуха, который гнал по улице отару овец. На плечах пастух нес маленького ягненка, закинув его за голову и держа за ноги. Ягненок тонко блеял и крутил головой. Овцы оттеснили находящихся на улице людей к стенам стоявших непрерывной чередой домов или заборов.

— Скажи, как называется этот город? — спросил Иван у пастуха, когда он проходил мимо.

— Кана, Кана Галилейская,— ответил мальчишка, бросив взгляд на Ивана.

— Ты не видел одинокого путника? — Тут Иван осекся: «Какого путника? Как его описать?» — Ну, такого, с бородой, в белой одежде.

Мальчишка, ничего, по-видимому, не поняв, что от него хотят, потому что большинство мужчин на улице были с бородами и в белой одежде, ответил на ходу:

— Он пошел туда,— и махнул рукой в сторону.

Иван побежал в указанном направлении, но сколько он ни искал Мессию на узких улицах городка, так и не нашел.

— Лийил, помоги мне найти Иисуса, Лийил,— сказал Иван. Но ничего не произошло. Лийила у него не было...— Почему? — воскликнул Иван. И сам себе ответил: — Потому, что сейчас он у Иисуса, и я не могу творить здесь чудеса. Чего же мне не хватает, чтобы разгадать язык Бога? Чего? Но только не разума, нет, дело не в этом, и не ^силы. Нужно какое-то чудо. Только чудо поможет ^мне разгадать этот язык!

Иван, измученный жарой, улегся в тени полуразрушенной стены и смотрел на небо, стараясь разглядеть

* Иоанн, 4:48.

в нем хоть что-нибудь: птицу, маленькое прозрачное облачко — что угодно. Но ничего не видел, кроме бездонной лазури. «Небо Палестины. С этого неба слетел голубь — знак Его Святого духа, и в это небо вознесся Он — Сын Божий. Или — не Сын Божий?.. Какая загадочная пустота скрывается за этим голубым знойным небом».

3

«Может быть, любовь и есть то самое чудо, которое поможет мне? Где она? И что это? Это предел возможного счастья, который хранится в моем подсознании, или что-то иное? Она во мне или ей нужен объект? Лийил, Расскажи мне о любви так, чтобы я понял. Может быть, я действительно совсем не знаю себя еще, может быть, здесь таится препятствие, которое мешает мне совершить это чудо. Чудо, которое мне так необходимо... Лийил».

Иван очутился один на берегу очень широкой, могучей реки, которая быстро несла свои воды, освещенные ярким солнцем. Солнце было какое-то необыкновенное. Яркое, но на него можно было смотреть. Кроме этого необыкновенного Солнца все вокруг было обыкновенное: и трава, и деревья, и горы, и река. И не было видно никаких следов деятельности человека.

Огромные деревья: дубы, вязы, клены и еще какие-то, Ивану незнакомые, раскинули свои ветви, будто мощные руки, навстречу этому странному невидимому Солнцу. Было необыкновенно тихо. Сколько Иван ни прислушивался, он не слышал никаких звуков, кроме плеска воды в реке. Противоположный берег представлял собой отвесные скалы, быстро переходящие в горные кручи; казалось, что за рекой не было и пяди ровной, пригодной для жизни земли. Хотя с такого расстояния трудно было разглядеть, что там на самом деле,

Иван посмотрел на себя и удивился: на нем не было никакой одежды, но было не холодно. «Куда это меня занесло?» — подумал Иван. Ему здесь не хотелось ни о

чем думать и ничего вспоминать, хотя он и не был лишен своей обычной памяти и способности восприятия. Казалось, вся прошлая жизнь ушла куда-то вдаль и не представляла теперь никакого интереса. Зато очень хотелось поскорее познакомиться с этой странной и, наверное, очень красивой страной.

Тут Иван увидел, что прямо к нему бежит большая собака. Иван сразу было испугался, но испуг тут же сменился радостью.

— Это Топ! Конечно, это он! — воскликнул Иван, но не удивился, а только обрадовался. Топ — его любимая овчарка, которую сбила машина, когда Ивану было четырнадцать лет.

— Топ, дружище, как я рад тебя видеть! — закричал Иван и хотел было побежать навстречу собаке, но не смог, то ли от избытка чувств, то ли еще от чего, ноги у него подкосились, и он сел на траву. Собака подбежала к Ивану и, отчаянно крутя хвостом и повизгивая, стала лизать ему руки и лицо, выражая горячую и преданную собачью любовь.

— Вот так встреча! Кого-кого бы я ожидал увидеть, но только не тебя. Хотя почему? Ты же был моим лучшим другом. Господи, но как же я рад-то тебе, Топ! Ты даже не представляешь.— Иван обнял собаку за шею и прижался щекой к ее морде. Он долго гладил собаку и почесывал ее за ухом — так, как Топу очень нравилось. Потом Иван лег на траву и стал смотреть на небо, а собака легла рядом, то и дело поглядывая на хозяина. Топ был на вершине возможного собачьего счастья: он часто дышал, высунув бархатный красный язык, и по-своему, по-собачьи улыбался.

«Я, видимо, в ином мире, и этот мир мне очень нравится,— думал Иван,— здесь все создано будто специально для меня. Что это за мир такой? Мне кажется, что я видел все это когда-то во сне».

— Топ, а это не тот ли мир, куда я должен попасть после своей смерти? — Иван приподнялся и посмотрел на собаку. Пес улыбнулся и уставился на Ивана своими умными карими глазами.— Точно. Как я сразу не Догадался! А почему он такой странный? Это, наверное, можно объяснить — только зачем? Зачем объяснять?

Иван попытался прислушаться к своим чувствам. И обнаружил, что ему здесь, в этой прекрасной стране,

не хочется ничего. Его не тревожили никакие воспоминания, не волновали проблемы — он ничего не хотел. Единственное чувство, которое владело им, — была спокойная, глубокая радость, что он оказался, наконец там, где ему и положено быть всегда. Это чувство было очень похоже на мимолетное воспоминание далекого детства, в котором ему было так хорошо, только здесь это воспоминание воплотилось в реальность и являлось всеобъемлющим ошущением, которое можно было назвать счастьем.

Иван встал и пошел навстречу Солнцу. Пес весело бежал рядом. «Интересно, далеко ли до него. Сколько придется идти? Хотя какая разница — сколько. Хоть всю жизнь. Если есть в жизни счастье — то оно в этом движении к Солнцу, — думал Иван. — Так-то оно так, только нельзя же мне идти вечно. Я же должен сделать свое дело за три года. Аа, надо как-то приблизить его».

— Лийил, мне нужно дойти до Солнца как можно быстрее. Сделай это, Лийил.

Какая-то неведомая сила подняла Ивана над землей, и он быстро, все быстрее и быстрее полетел по направлению к Солнцу, поднимаясь выше и выше. Иван обернулся, чтобы увидеть Топ. Топ стремительно бежал следом за ним, но он не в силах был взлететь и через несколько мгновений исчез вдаль.

— Я обязательно вернусь, Топ! Обязательно! — кричал Иван. Его голос растворился в золотисто-желтом пространстве, и радость оставила Ивана.

Иван летел все быстрее и быстрее, ему казалось, что он вращается с огромной скоростью, а в ушах был тот самый характерный свист, который он уже слышал в прошлый раз. В этот раз Иван летел с закрытыми глазами и боялся их открыть, потому что боялся, что может увидеть что-то страшное или ослепнет. В общем, он, судя по всему, повторял весь тот путь, который преодолел, когда первый раз летел к Богу. Места, где, должно быть, находился Бог, в этот раз Иван не увидел.

Внезапно свист в ушах и вращение прекратились, и Иван смог открыть глаза. Он увидел шесть желтых дисков, с огромной скоростью вращающихся в пустом пространстве, и нечто, напоминающее кресло, расположенное в центре. Иван почему-то решил, что ему надо сесть в это кресло. «А почему здесь никого нет? Чье

это кресло? Где же Солнце?» — подумал Иван и, медленно подлетев к креслу, сел в него. Иван ощущал привычное для себя чувство — будто он совершал нечто такое, что ни в коем случае, никогда, ни при каких обстоятельствах совершать не должен.

— Я хочу создать Книгу бытия, или Великую книгу. Разрази ее гром! Не знаю, как правильно ее называть, — сказал Иван, обращаясь в пустое пространство. — Я пришел выяснить, чего мне не хватает для этого? — Нервы его явно не выдерживали напряжения. Иван волновался как никогда. Внезапно перед Иваном возник Лийил. Он был темно-красного цвета. — Скажи что-нибудь, Лийил. Или я что-то совсем не делаю? — Дийил молчал. Иван повторил: — Лийил, я хочу прочитать в Великой книге свою будущую судьбу, Лийил. И меня интересует сейчас только мое собственное будущее. Только мое! — добавил Иван. Но ничего не происходило. Иван посмотрел по сторонам и увидел, что он находится внутри какой-то огромной сферы. «Что же делать-то? — подумал Иван. — Так что ли и буду сидеть здесь?»

— Для того, чтобы читать Книгу бытия, ты должен стать ее частью, но тебя в ней нет, — услышал Иван голос Лийила. «Наконец-то ответил», — обрадовался Иван и сказал:

— Ла, я знаю это, но ты можешь показать будущее не из Книги, а таким, каким оно будет, если я не решу Систему, а сделаю лишь то, что хочет Зильберт. Ты ведь можешь это, я знаю. Только давай поскорей, я не могу больше здесь находиться. — Иван, действительно, чувствовал себя в этом пространстве крайне неудобно, как вор, который в первый раз в жизни забрался в чужой дом и которого в любой момент могут поймать.

Откуда-то возникла полупрозрачная сфера, она начала быстро расти, и Иван оказался внутри нее. Как только это произошло, Иван увидел человека, не имевшего лица, стоящего на площади, заполненной толпой народа. Площадь была освещена светом прожекторов. Этот человек стоял на возвышении у какой-то старинной стены, рядом с ним было еще человек двадцать мужчин и несколько женщин, среди которых находилась и Наташа. Один из мужчин, стоя у микрофона, говорил речь. «А вот этот человек без лица — наверное, я», — подумал Иван. И как только он это

подумал, человек действительно обрел его лицо. Лицо того Ивана, который стоял на площади, показалось Ивану странным: оно имело какое-то особенное многозначительное выражение. «Ба! Интересно посмотреть на себя со стороны, как я постарел за четыре года! — Дату этого события он узнал из речи оратора. — Видимо, они будут для меня ох какими нелегкими. Ла, похоже, я там сам себе очень нравлюсь, — подумал Иван. — И все же давай-ка смотреть на все это со стороны». Иван стал слушать, что говорил выступающий.

— ...самое трудное. Да, это самое трудное — изменить человеческие качества, составляющие человеческую природу. Изменить их так, чтобы людям стали чужды насилие и войны, чтобы заповеди, которые были даны Богом еврейскому народу, записанные на скрижалях Завета и хранившиеся здесь, в этом священном городе, наконец могли исполняться вполне, как категорический императив для каждого жителя нашей планеты. Это и есть чудо. Величайшее чудо, которое произошло на Земле от сотворения мира. Первородный грех искуплен человеческим гением. Мы вновь, как когда-то Адам, можем не бояться смерти. Ее нет. И это теперь знает каждый. Я от имени народа своей страны подписываю эту декларацию с верой, что реализация провозглашенных в ней принципов положит начало новой эпохе: золотому веку человечества. Руководителем международного центра с общего согласия всех его учредителей будет, — говорящий сделал паузу и, возвысив голос, выкрикнул: — Джон Берл! — По площади прокатился гул тысяч голосов. — Теперь пусть Джон скажет. Я думаю, то, что он скажет в этом священном месте, будет иметь большое значение для всех.

Иван подошел к микрофону и поднял руку вверх. На площади воцарилась тишина. Невероятная. Казалось, что вся площадь, а сколько людей здесь было, невозможно было понять, может быть — тысяча, а может быть — миллион, затаила дыхание. Проекторы выхватывали из темноты тысячи восторженно блестящих глаз.

— Мне удалось реализовать мечту человечества, мечту, которая есть счастливая жизнь каждого рожденного и его личное бессмертие. Если еще есть кто-нибудь из присутствующих на этой площади, кто бы сейчас не

верил в то, что он теперь может получить от жизни все, что хочет — реально и ощутимо, — пусть подаст дос. — Иван с минуту смотрел на площадь. Никто не подал голоса. — Создана новая реальность, которая отменила все, что мешало людям быть по-настоящему счастливыми: насилие, мировые религии, заставляющие бояться Бога и смерти, бедность. Я здесь, у места, где был Иерусалимский храм, говорю вам: теперь нет другого Бога, кроме того, что создал человеческий разум. Тот Бог, который создал меня и вас, — более не властвует над нами! Отныне и навсегда человечество будет подчиняться Богу, которого создало само. Он будет существовать вечно, как творящее и спасающее начало по тем законам, которые я в него вложил. А физический символ, олицетворяющий этот универсум, его текст, его духовная первооснова, будет храниться здесь, в храме, на горе Сион, который мы восстановим.

По площади пронесся вздох. Потом опять воцарилась тишина. Иван молча смотрел в пустоту перед собой. Все ждали, что он будет говорить, а он запел:

Хвалите Господа все народы,
Прославляйте Его, все племена,
Ибо велика милость Его к нам,
И истина Господня пребывает вовек. Аллилуйя.

— Аллилуйя, — подхватила площадь.

— Все — хватит, — сказал Иван и оказался вновь в том месте, где он был.

«Я решил пройти весь путь, предписанный Богом, за три года. Я — аномалия, такая же, как человеческая свобода от Бога, такая же, как Сатана... Единственное существо, которое я любил, оказалась моя собака. Где же причина того, что я стал таким, какой я есть? Не сразу же я такой родился. Бог не имеет причин, и воля Его не имеет причин. Но любое явление этого мира имеет причины, к>бые, кроме чуда... Что заставило меня встать на свой Уть и идти по нему до конца? Какая несправедливость? Или, может быть, у этого есть какие-то другие причины? Если для меня нет отгадки в любви, может быть, она в ненависти? Лийил, Бог говорил: „Я Господь, Бог твой, Бог Ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третье-

го и четвертого рода, ненавидящих Меня..."* Кто эти ненавидящие, которые толкнули меня на мой путь, Лийил"И

— ...Ты мне еще Расскажи, Расскажи о своем мужи. ком счастье! Разве ты не знаешь, сволочь, кто ты такой есть?! — орал на Ивана какой-то красноносый мужик в расстегнутой гимнастерке и галифе.— Я тебе сейчас Расскажу, что ты такое есть. Ты — дерьмо поганое, нет это не так, ты — ничто. Ты Россию продал за кул муки! Кулацкий прихвостень! Я тебя научу родину любить!

«Что это со мной, где это я? — думал Иван, лежа уткнувшись носом в песок и ничего не видя, кроме облешего зеленого забора, обтянутого сверху колючей проволокой, и стоящего на его фоне, орущего и иступленно топающего ногами мужика в военной форме— Ничего себе. Он ведь сейчас меня, кажется, убьет»,— думал Иван, слушая матерные ругательства и вопли.

— Эй, Петруха, тащи сюда ведро с водой, я заставляю эту сволочь говорить. Он пожалеет сейчас, что появился на свет,— распялся все более красноносый и со всей силы ударил Ивана ногой в живот. Иван скрючился от боли. «Странно, что это со мной, может, я слышу это все с того света?» — подумал Иван.

— Что ты мне принес, твою мать! — орал мужик.

— Воды, товарищ комиссар,— ответил чей-то юношеский голос.

— Я же тебе сказал: тащи табурет, твою мать... помощники. Бегом...

Раздался удаляющийся топот ног.

Палач, так назвал Иван про себя красноносого мужика, отошел в сторону и закурил. Но тут же выплюнул папиросу и подбежал к Ивану. Он наклонился к нему и с мольбой в голосе, что было совершенно неожиданно, спросил:

— Ну скажи мне, очень прошу. Скажи, кто ты, откуда и зачем пришел в Березовку?

Иван будто бы не своими губами прошептал первое, что пришло в голову:

— Я протопоп Аввакум.

Палач взвыл, схватился за голову, потом вскочил и начал иступленно пинать Ивана тяжелыми коваными

огами. Устав, палач умыл лицо и руки из принесенно-ведра и, выплеснув на Ивана остатки воды, сказал:

— Петька, сажай его на табурет, теперь с ним можно начинать разговаривать.

Ивана попытались поднять, но этот Петька, видать, йл парень малосильный и не справился, пришлось погнуть еще за одним помощником. Этого звали Николаем. Вдвоем они посадили Ивана на табурет. Для палача принесли стул и поставили его напротив.

— Значит, ты — поп. Как, говоришь, зовут?

— Аввакум,— ответил Иван.

«Почему я здесь? Почему я назвался протопопом Аввакумом? — задавал себе вопрос Иван, глядя на раскрасневшуюся рожу палача.— Может быть, за этим забором скрывается тайна, объясняющая мое появление и причину Конца света?»

Одутловатое лицо палача было резко асимметричным и вызывало двойственное восприятие: то ли это было лицо спившегося русского интеллигента, то ли отупевшего от тяжелой и бессмысленной работы рабочего — оно менялось в зависимости от того, какой стороной палач поворачивался к Ивану.

Палач перевел дух, тяжело вздохнул и сказал помощнику:

— Петро, позови Мишку. Бегом.

Помощник ретиво ринулся исполнять приказание. Вскоре он и этот Мишка были здесь — бегом и запыхавшись. Палач посоловевшим взглядом окинул Мишку с ног до головы и сказал масляным голосом:

— Мишаня, сбегай к Анютке,— палач вытер нос рукавом и кашлянул,— и принеси водки... Четверть.И закусь. Сюда. Понял?

— Так точно, товарищ майор,— вздернулся по стойке смирно Мишаня.

— Двигай.— Палач перевел взгляд на Ивана.— Ну, протопоп, будешь говорить?

— О чем?

— Кто, откуда, зачем вел антисоветскую пропаганду в деревне? Кто тебя нанял?

Иван поднял глаза и стал смотреть на палача. Тот Мигал, тер нос рукой, отворачивался, дергал головой. Ивану показалось, что под его взглядом палач как-то съежился, усох, синие круги под глазами увеличились, ттеня красные веки. «Что-то мало в нем внушительно-

* Исх., 20:5.

сти. Явно слабоват для избранной профессии», — подумал Иван.

Палач, неуклюже встрепенувшись, ноги уже не очень слушались его, подскочил к Ивану, приблизил вплотную свой мерзкий, кривой, влажный, источающий запах сиву-хи рот и прошептал:

— Тебе осталось жить недолго, протопоп, сейчас при-
чаливает баржа, и я тебя отправлю туда, к своим, поды-
хаться. Последний раз спрашиваю, кто тебя послал? Как
твое имя?

Иван посмотрел на небо. Оно было затянуто низкими
тучами, дул холодный ветер. На хилых кривых березах,
которые росли за забором, только что распустились ма-
ленькие листочки, но почему-то ощущения весны и радо-
сти оттого, что начинается новый цикл жизни, не было.
Этого яркого и особенного чувства, которое владело Ива-
ном каждую весну, — не было. «Мрачное место, — поду-
мал Иван, — под стать этой роже».

— Ну и хрен с тобой. Отправляй, — сказал Иван и
презрительно — так, чтобы его отношение не вызывало
у палача сомнения, добавил: — пьяная морда. Все рав-
но дело, ради которого ты в этом лагере лютуешь, проиг-
рает, и ты, и коммунизм твой — издохнете, и полвека не
пройдет. Вашей закваски хватит только на четыре поко-
ления. Так говорил Господь.

Палач внезапно успокоился, и в его лице Иван впер-
вые увидел отблеск мысли.

— Издохнем? Нет, наше дело в России не издохнет
никогда. Ты, протопоп, плохо знаешь Россию. Чтобы уни-
чтожить наше дело, надо уничтожить Россию, а это нико-
му не по зубам. Что там будет через полвека — кто
знает, а то, что мы вырвем с корнем вашу заразу —
тебя и тебе подобных, — это я тебе обещаю. Мне для
этого и жизни не жалко — ни твоей, ни своей. Хоть и
тяжко мне это, потому и пью... Когда я уйду, будет иная
Россия. Иная... где таким вот сволочам, как ты, места
не будет.

— Да? — перебил его Иван.

— Да, — с отстраненным видом, глядя вдаль, сказал
палач. — И будущее за нами. А я его в этом лагере
творю...

Маленького роста стриженный солдатик в смешной,
мешковатой гимнастерке развязал Ивану ноги и срываю-
щимся детским голосом приказал:

— Вставай, пошли.

Иван был более чем на голову выше этого солдатика,
который почему-то напоминал ему нахохленного воро-
бышка. Собравшись с силами, Иван поднялся, он сделал
это осторожно, потому что не был уверен, что устоит на
ногах. Ноги подкосились, его шатнуло, но он все же
устоял.

— И куда меня теперь? — спросил Иван.

— Куда-куда. На кудыкину гору. Иди давай, — солда-
тик опустил ствол винтовки, и штык блеснул на солнце.
Иван улыбнулся: «Какая несуразица: и этот солдатик, и
этот вычищенный, блестящий штык, который он наставля-
ет на бессмертного меня». Конвоиру показалось, что
Иван смеется над ним, и он звонко крикнул:

— Бегом вперед, марш!

Иван покачал головой и сказал:

— Нет, паренек, бегать я не могу. Зачем тебе меня
мучить, а? Зачем твой начальник издевался надо мной?
Объясни мне хоть ты.

— Давай, давай, пошел. Пошел! Не разговаривай.
А то... — В голосе паренька не было никаких оттенков
сострадания. «Откуда они такие взялись и зачем?» —
пытался разобраться в ситуации Иван. Он, спотыкаясь и
покачиваясь, брел вперед к высоченному забору из ко-
лючей проволоки. Забор зачем-то был сделан метрах в
двухстах от широкой, мощной реки, он огораживал участ-
ток берега. Метров через пятьдесят по периметру забо-
ра стояли смотровые вышки, на которых были солдаты.
«И здесь река», — удивился Иван. Тут Иван увидел, что и
вдоль берега реки тоже был забор из колючей проволо-
ки, только пониже.

Конвоир провел Ивана через ворота, которые хорошо
охранялись вооруженными винтовками солдатами. Ивану
все они почему-то показались на одно лицо. Получив
какую-то бумагу у начальника караула, конвоир повер-
нул назад. Один из караульных развязал Ивану руки и
сказал:

— Иди.

— Куда?

— Куда хочешь. Прикосновение к колючей проволоке
означает попытку к бегству. Расстрел на месте. — Тот,
кто сказал это, тут же отвернулся и пошел по своим
Делам. Иван остался один. «Куда хочешь... Здорово!» —
Усмехнулся про себя Иван.

Он побрел к берегу. Недалеко от забора, что щ^{ер} вдоль реки, лежало огромное бревно, отполированное сверху не то водой и ветром, не то человеческими задрами. Удивительно было, что во всей этой опутанной колючей проволокой загородке не было ни одного заключенного. Никого, кроме караульных солдат. «Получается, что я единственный заключенный, в этой зоне,— удивился Иван.— Кто же здесь есть я? Да я и не хочу здесь быть! Зачем он меня сюда заслал? Или я сам ему приказал?» Иван всерьез задумался над этим вопросом, но никак не мог вспомнить, зачем и почему он оказался в этом лагере.

Иван хотел было уже покинуть этот мрачный, холодный, утрамбованный тысячами человеческих ног берег, но что-то его удерживало.

Иван услышал взмахи крыльев большой птицы за спиной. Он быстро обернулся и увидел ангела, одетого в белоснежные одежды. Это был Аллеин. Он был прозрачен, через его тело была видна колючая проволока и река. «Это значит, он виден только для меня»,— решил Иван. Иван смотрел на Аллеина. Он молчал, потому что не знал, что сказать, точнее, не хотел ничего говорить. Ничто не шло от сердца, даже приветствие, а говорить просто так, из приличия, Иван здесь почему-то не хотел. И Аллеин молчал. Наконец он подошел и сел на бревно рядом с Иваном. «А почему он всегда и везде появляется один? — подумал Иван.— Их же, ангелов, должно быть очень много».

— Почему ты всегда один, Аллеин? Или ты последний оставшийся ангел? — спросил Иван. Лицо Аллеина было спокойно и печально. Он посмотрел вдаль за колючую проволоку и ответил:

— Я — последний ангел. Бог отвернулся от этого мира и призвал всех нас к себе. Я — твой ангел, поэтому я здесь пока.

— Стало быть, я — единственный человек, от которого не отвернулся Бог? — удивился Иван.

— Ты же знаешь свое предназначение, Иван. Оно не от Бога. И все же я слежу, чтобы ничто не мешало тебе выполнить твою миссию.

— Я никем не призван, и я не хочу этого делать. Ведь я знаю, что за этим последует.

— Не хочешь? Посмотри в себя, Иван, весь твой разум занят решением задачи о сотворении божествен-

ного языка. Ведь так? В твоём сознании уже почти не осталось места ни для чего более.

— А почему же тогда я сижу здесь на этом бревне?! — стукнул себя по колену Иван.— Трачу время, когда у меня столько дел в своём мире.

— Почему?

— Да — почему?

— Потому что здесь скрыта тайна твоего рождения, только как Ивана Свиридова, но и как Предвестника, и ты чувствуешь это. Ты всегда хотел узнать тайну своего рождения. Не так ли?

— Да, хотел. Сколько себя помню, я всегда этого хотел. Это правда.

— Тогда смотри. Смотри внимательно.

Тут Иван увидел, что из-за поросшего хилым березняком мыска показался буксир, за ним медленно и как бы нехотя вытянулась большая уродливая баржа с ржавыми бортами. По мере того как баржа показывалась из-за мыса, открывалась палуба. На палубе были люди, они сидели почти вплотную друг к другу: мужчины, женщины, дети. Вещей ни у кого не было, только у некоторых — небольшие узлы и наплечные мешки. У Ивана сжалось сердце.

— Что это, Аллеин?

— Это как раз то, о чем русские боятся вспоминать даже сейчас, хотя и не признаются себе в этом.— Иван посмотрел на Аллеина. Он увидел на щеках ангела слезы. «Это далеко не единственное, что русские боятся вспоминать»,— подумал Иван.

— Это крестьяне, те, которых сослали? Да?

— Да, да, смотри — вон, около черной трубы, вся твоя семья, точнее, твои родственники и по отцу, и по матери. Они ведь из одной деревни, ты знаешь.— Аллеин пристально посмотрел на Ивана. Лицо Ивана было невозмутимым.— Все как один.— Аллеин показал на причаливавшую прямо к берегу баржу.— Когда власти истребляют противников, пусть и мнимых,— это злодеяние, а когда истребляют свой народ, потому что он мешает воплощать идею создания царства справедливости,— это даже не злодеяние, Иван, это сродни лицемерию Сатаны, для которого зло есть добро. Здесь уничтожили твою страну: ее душу и ее будущее. И теперь уже ^{не}т времени и некому искупить это зло перед Богом. Он ввернулся от твоей страны, поэтому в ней родился ты.

Иван поежился от холода.

Буксир сделал крутой разворот, на ходу сбросил трос и не задерживаясь ушел от берега. Баржа заскрипела дном по прибрежной гальке и остановилась. С баржи на берег бросили две веревки. Солдаты умело и сноровисто привязали их к торчащим из земли бревнам. Потом с баржи спустили трап. Трап не достал до берега, и его опустили прямо в воду.

— А где же их ангелы, Аллеин? — шепотом спросил Иван.— Где? Или это не обязательно, чтобы кто-то из вас был рядом с человеком?

— Ты хочешь их увидеть? Хорошо, попробуй,— Аллеин взмахнул рукой перед глазами Ивана.— Смотри.

Над баржей взвились языки пламени. Нет, не пламени, хотя, пожалуй, это наиболее удачное сравнение. То, что увидел Иван, можно сравнить и с северным сиянием, и с движением облаков при сильном ветре. Но это пламя, сияние, облака, это движущееся, вращающееся, переплетающееся, соединяющееся и рождающееся нечто было с глазами и разумом — это Иван понял сразу.

— Что это, Аллеин?! — воскликнул Иван.— Где ангелы?

— Души этих людей объединены страданием, Иван. Смотри, что стало с их ангелами...

— Я ничего не вижу...

— Смотри!

Иван напряженно вглядывался в пространство над баржей и видел какое-то странное облако. Он смотрел в клубящееся чувствами облако, но ничего не мог разглядеть. «Раз он говорит мне смотреть, значит, я что-то должен видеть. Почему же я ничего не могу увидеть?» Иван смотрел то на людей, то на живое облако. Люди были молчаливы и печальны, у них были простые, открытые лица — все разные и чем-то похожие. Они один за другим послушно сходили по трапу в холодную, свинцовую воду и по пояс в воде брели к берегу. «Почему все они молчат? Почему дети не плачут? Почему женщины не разговаривают со своими детьми? Почему никто не ругается, наконец?» Аллеин искоса взглянул на Ивана и усмехнулся едва заметно, но Иван заметил его усмешку и с раздражением спросил:

— Что смешного, Аллеин? Что за розыгрыш?

— Ничего смешного, Иван. Не видишь ангелов?

— Нет.

— Ты не можешь увидеть то, что видел бы почти каждый.

— И что это значит?

— Это значит, что тебе это не дано.

— Не говори загадками, Аллеин. Что мне не дано? Мне же Им дано все. Или не так?

— Им тебе дан Лийил, все остальное — твое собственное. Что есть, то есть.

— И что же у меня собственного?

— Ты знаешь, Иван, ты у меня уже далеко не первый от сотворения мира, и первый такой... Каждый из моих людей был неповторим, но ты отличаешься от всех...

— Чем? — перебил Иван.

— ...и очень существенно. В тебе нет никакого смирения и сострадания. Вот чем. Ты всегда смотришь вперед. Только вперед. Ничто тебе не страшно. Нет такой преграды, которая бы тебя испугала или заставила усомниться в своих силах. Ты всегда и все побеждал. Твой разум — феноменален, и это самое мягкое сравнение. Ты мыслишь так, что я не могу успеть даже за ходом твоих мыслей. Ты невероятно силен и жизнеспособен. Но ты... Да... ты не любишь никого. Даже своих предков. Ты — настоящий Антихрист.— Лицо Ивана отразило внутреннее раздражение. Он быстро глянул на баржу, потом на Аллеина, потом отвернулся, уставился на бревно и сказал в сторону:

— Если бы Бог не хотел Антихриста, его бы не было, так же, как и не было бы всего этого... поэтому я такой же сын Божий, как и все они.

— Не тебе судить об этом, Иван. Ведь тебе все, что здесь происходит, безразлично.

— Не могу с тобой согласиться. Не безразлично. И вообще, я всегда считал, что мне не безразлично то, что меня окружает. Хотя спорить с тобой я не могу. Я понимаю — ты ангел. Ну и что делать?

— Ты спрашиваешь это у меня? Странно.— Аллеин, высказав Ивану то, что он о нем думал, почувствовал себя легче.

Иван обратил внимание на выходящего из воды на берег высокого, широкогрудого мужчину с густой гривой черных, только слегка тронутых сединой волос.

— А вот и мой прадед! — воскликнул Иван.— Смотри-ка, ему, наверное, лет пятьдесят-шестьдесят, а он почти не изменился с тех пор, как мы встречались. Не берут его годы. Ну и крепок же он! — восхищался Иван, Разглядывая своего прадеда.

Весь берег, точнее, огороженный колючей проволокой участок берега — зона, заполнилась людьми. Солнце, время от времени проглядывающее сквозь быстро бегущие низкие тучи, перестало появляться, все небо затянуло черными, клубящимися тучами, несшими холод. Прошел частый, мелкий дождь. Ветер поднял на реке волну. Иван смотрел на покрытую белыми барашками волн поверхность реки и размышлял: «Подойти к ним или не стоит? Что я им скажу?»

Люди сгрудились в группы, чтобы согреться. Женщины прижимали к себе маленьких детей. Губы детей были синими от холода. Иван поднялся и прошел немного в глубь зоны, вглядываясь в лица. На всех этих лицах, как показалось Ивану, лежала печать смерти. Все они выражали только одно: смирение и скорбь. «Эти люди знают, что обречены. Они знают, что их привезли сюда для того, чтобы они умерли здесь. Умерли семьями, не оставив никакого следа. И они уже смирились с этим, сил бороться за свою жизнь у них уже больше не осталось... А как же спасся мой дед? Как он дожид до сорок второго года? Прав Аллеин, у меня нет сострадания. Как я могу сострадать им, если точно знаю, что для них смерть — это избавление от страданий. Здесь же и мои родственники». Ивану нетрудно было найти в толпе прадеда, который возвышался над всеми этими измученными холодом и голодом людьми, как монумент. Дед и еще несколько мужчин стояли, повернувшись спинами к группе женщин, как бы загораживая их своими телами. «Там что-то происходит,— решил Иван,— надо пойти посмотреть».

Иван, осторожно обходя сидящих прямо на песке людей, подошел к одному из стоящих мужчин. Он хотел было спросить у него, что происходит, но не успел. Неожиданно громко, перекрыв шум плещущей о берег воды и людской говор, раздался крик ребенка.

— Девочка, Иван Степанович, внучка,— сказала пожилая женщина и заплакала.

Иван посмотрел на прадеда. Его лицо было каменным. «О чем он сейчас думает?» — спросил себя Иван. Взгляд прадеда быстро перескакивал с одного места лагеря на другое. В его взгляде смирения не было. Только ненависть. «А, ясно, он хочет убежать отсюда.— Иван еще раз посмотрел на каждого из стоящих рядом людей.— Это мой дед, я его видел там, на фронте, это, по видимому, моя прабабушка, это мои двоюродные дедуш'

и бабушки». Ивану удалось увидеть и лицо роженицы. Оно было удивительно знакомым. Иван никогда не видел почти ни одной фотографии своих предков. Они почему-то не сохранились. Но лицо было знакомым, оно было удивительно похожим на материно лицо. «Так это же моя бабушка! И только что здесь родилась моя мать...— понял Иван.— И отец, наверное, где-то среди них. Он уже был подростком». Единственное, что Иван точно знал о своем отце, это то, что он родился и вырос в той же деревне, что и мать, и был ее старше. Больше мать ничего ему о нем не рассказывала.

Прадед снял с себя рубаху и молча отдал ее пожилой женщине. В эту рубаху и завернули ребенка.

С вышки, которая находилась около ворот, раздался голос палача:

— Переселенцы, вы будете находиться здесь три дня. Через три дня сюда придет пароход и доставит вас вверх по реке к месту постоянного проживания. К ограде не подходить и с охраной лагеря не заговаривать. За нарушение этих правил — расстрел на месте.

Иван смотрел на прадеда, который стоял по пояс обнаженный на холодном ветру. «У них же нет ни продуктов, ни одежды. Что будет с ними через три дня? Да и придет ли этот пароход? Кошмар... Как же мать-то осталась жива? — Иван отошел в сторону и поднялся на пригорок около ворот лагеря.— Каким же надо быть, чтобы так поступать с людьми? — спросил у себя Иван и сам ответил: — Станный вопрос... Да таким, как этот мой палач,— убогим, не тем, который около Бога, а Богом обиженным.— Ивану почему-то стало грустно от этого каламбура.— Те, кто загнали в зону этих мужчин, женщин и детей, прекрасно осознавали, что обрекают их на смерть, а они, точнее некоторые из них, почему-то выжили. Да, по большому счету, только Бог был в этом мире по-настоящему добр, и только один раз — при сотворении мира, определив всех спасенных заранее! — Ветер усилился и стал порывистым, пошел дождь.— Что должны чувствовать эти несчастные люди! Черт бы побрал этого палача. — Иван смачно сплюнул, вспомнив отвратительную физиономию „товарища комиссара“, олицетворявшего для него власть, и всех, кто был с ними! — Как они поступили с моей родней! Что бы ни было, мать, дед и бабушка остались живы, а прадед, по видимому, умер здесь. Надо ли мне сейчас выяснять, так ли это было на самом деле и как именно произошло?»

Тучи разошлись, и ветер утих. Большое красное солнце медленно катилось над горизонтом, как бы стараясь согреть мерзнувших людей. Но оно было слишком низко, лучи скользили по поверхности реки и прибрежному песку, и его обессиленный красноватый свет не мог никого согреть. Мать-младенец крепко спала на руках у бабушки, не подозревая, где она родилась и что ее ждет. «Почему же мать никогда мне не рассказывала обо всем этом, старательно избегая всяких разговоров на темы, касающиеся ее родственников? И от бабушки тоже ничего нельзя было добиться. Жаль... Одно можно сказать точно: в страшной стране и в страшное время родилась моя мать».

Иван посмотрел вверх, но так и не увидел ангелов. «Стало быть, это мне не дано. Не дано так не дано. И все же, видимо, неспроста я оказался здесь. Теперь ясно, откуда я родом, на какой почве вырос. Надо скорее двигать отсюда, из этого мрачного места, я и так истратил здесь слишком много сил, которые пригодятся для иного. Бог отвернулся от России как минимум на три поколения. В ней нет или, скорее, почти нет призванных, потому она такая неприкаянная. И так будет до четвертого поколения, если я не стану Богом раньше», — закончил Иван свои недолгие рассуждения.

Обдумав увиденное, Иван сказал:

— Итак, все далеко не так просто, как мне казалось. Моего имени в Книге Бога нет, с Его точки зрения я — функция человеческой свободы, но не личность.

Лийил, скажи мне вот что. Загрузишь для меня текст Книги Бога в компьютер? Той Книги, о которой сказано: «Господь сказал Моисею: того, кто согрешил предо Мною, изглажу из книги Моей;»*.

* Исх., 32:33.

Полностью:

31 И возвратился Моисей к Господу и сказал: о, [Господи!] народ сей сделал великий грех: сделал себе золотого бога;

32 прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал.

33 Господь сказал Моисею: того, кто согрешил предо Мною, изглажу из книги Моей;

34 итак, или, [сойди,] веди народ сей, куда Я сказал тебе; вот Ангел Мой пойдет пред тобою, и в день посещения Моего Я посетую их за грех их.

35 И поразил Господь народ за сделанного тельца, которого сделал Аарон.

— Нет, — услышал Иван хорошо знакомый голос. — Нет, это невозможно.

— Как так невозможно?! Я ведь могу все... — удивился Иван, точнее, изобразил удивление, потому что знал почти наверное, что Лийил ответит ему именно так.

— Это невозможно. Я могу дать тебе прочесть лишь самое главное из того, что касается тебя лично, но на том языке, на котором написана Книга. Прочти, если сможешь. Если прочтешь — это и будет чудо, которого ты так хочешь... Я не буду мешать тебе, но и помогать тоже не буду. Это первые слова Книги, и самые главные.

— Спасибо за откровенность, — ответил Иван. — А если я сделаю изменения в Книге на том языке, на котором она написана, ты внесешь эти изменения в Книгу?

— Я могу внести изменения в Книгу Бога, но я не сделаю этого. Это может приказать мне сделать только Бог. Мой Бог.

— Наконец-то! Вот и выясняется, что я могу не все.

Тут же на экране компьютера появился текст на неизвестном языке. Это были ряды символов, внешне больше похожие на обычный текст, чем на привычную запись математических программ. И Иван понял, что теперь все зависит от того, сумеет ли он расшифровать этот текст, потому что ключ к решению Системы был именно здесь — в этом фрагменте текста из Книги Бога.

«Значит, теперь остается выяснить, кто из нас лучший математик — я или Бог. Премия — весь мир».

4

Несколько слов, написанных на дисплее Лийилом, надо их прочесть, что казалось бы проще, но сколько Иван ни думал над решением этой проблемы, напрягая свой разум, ничего не получалось. Иногда казалось, что подход к решению найден, но вскоре неизбежно ждало Разочарование. На какое-то время он потерял чувство Реальности, перед глазами был только этот таинственный текст, он помнил каждый его символ, а если закрывал глаза, то текст был виден еще отчетливее и, казалось, за-

нимал все сознание Ивана. В мозгу Ивана не осталось места ни для чего, кроме этого текста. Он снился ему и во сне так же отчетливо, как и наяву. Иваном овладело отчаяние. Он день за днем сидел перед экраном монитора неподвижно и чувствовал, как затухают в его мозгу импульсы мыслей. «Я бессилён прочитать этот текст,— наконец признался Иван себе.— Зачем Он шел на такие ухищрения, препятствуя мне? Я не в состоянии решить Систему. Вот на чем они сломали меня. Придется покориться или умереть. Умереть, пожалуй, проще. Я не могу прочесть это».

Риикрой сказал Аллеину:

— Похоже, парень окончательно выдохся. Что теперь его ждет? Вот уж действительно: от великого до смешного один шаг.

— Самое смешное то, что он, скорее всего, знает путь к решению проблемы, но не может его выразить,— ответил Аллеин.

— Как это так?

— • Такое может быть. У людей существует некий подсознательный тормоз, который срабатывает, когда надо нарушить какой-нибудь запрет, табу, освященный историей и ставший уже генетическим.

— Это для нашего-то Ивана запрет? — вытаращил глаза Риикрой.

— Наш Иван менее всех известных мне людей ограничен в своих мыслях и действиях, но он все же человек. Несравненно более смелый, но все же со всем традиционным набором человеческих качеств.

— Надо помочь Ивану.

— Помочь? — Аллеин задумался.— А что... можно и помочь. Ведь Бог сказал, что он должен доказать, что Бог — есть. Пусть докажет... И опыт такой помощи уже имеется...— ответил Аллеин и сделал решительный шаг вперед.

Иван почувствовал на своем плече чью-то тяжелую руку. Он обернулся и увидел, что сзади стоит Аллеин, невозмутимый и прекрасный.

— Читай,— сказал Аллеин и указал на экран монитора.

— Я не могу это прочесть,— ответил Иван.

— Читай,— властно повторил Аллеин.

— Не могу,— и тут же почувствовал тяжелую руку и на другом плече.

— Читай,— сказал Риикрой,— ты должен это прочесть.
— Не могу! — закричал Иван.— Я не могу это прочесть! % бессилён!

Аллеин стащил Ивана со стула, швырнул на пол и придал его к полу коленом.

— Читай! Или умрешь, исчезнешь навсегда. Бесславно и бессмысленно. Нет ничего, что совершается в этом мире против воли Всевышнего. Читай!

Страшная тяжесть обрушилась на Ивана, ему стало нечем дышать, казалось, грудь вот-вот будет раздавлена этой тяжестью, и он, напрягая все силы, пытался вырваться, но не мог, потому что ангел был неизмеримо сильнее его. Вдруг под действием борьбы и боли сознание Ивана чудесным образом прояснилось, будто вырвавшись из порочного круга размышлений, и текст, который, не исчезая ни на миг, несмотря ни на что, находился перед глазами Ивана, начал преобразовываться и становиться понятным. Иван прочел первую фразу, выделенную в отдельный абзац: «Нет Бога, кроме Бога...». Тут же тяжесть исчезла. Иван набрал воздуха в легкие и закричал:

— Я прочел! Я умею! — голос его сорвался, и он заплакал — наверное, первый раз в жизни. Он вскочил и подбежал к компьютеру, забыв о тех, кто находился вместе с ним в комнате. Иван быстро стал печатать на компьютере, стараясь как можно быстрее зафиксировать то, что таким чудесным образом открылось ему. «Как я раньше не мог до этого додуматься,— говорил себе Иван, вытирая слезы,— да, Бог воистину гениальный математик...» Сделав необходимые записи, Иван принялся расшифровывать текст. Ивана удивило, что это был довольно бессмысленный отрывок с многочисленными повторами и возможно даже с противоречиями. «Вот как странно написана Книга Бога! — удивился Иван.— Воистину, главное в ней — то, что она есть Книга, единственная и неповторимая. Что бы Он ни написал в ней — все исполнится, в этом ее главное достоинство, поэтому Бог, видимо, не очень утруждал себя совершенствованием стиля и формы — это уж точно».

Отрывок, который был на экране компьютера, не содержал какой-нибудь особенной сокровенной информации. Кроме основной фразы там были славословия Богу в различных вариантах и утверждения, что не признаю-

щий единого Бога душой и сердцем человек должен быть уничтожен при Конце света, который может совершиться не по воле Бога, но только по воле человечества. Как только Иван перевел текст, он исчез с экрана. «Вот как?! — удивился Иван. — Ну что ж, и на том спасибо».

Теперь Иван мог составить программу решения своей Системы. Если бы он работал один, то ему не хватило бы и жизни. Сам он делал только главные модули, основной текст писали по его заданию специалисты «Юнайтед Системз». Писали, ничего не понимая, что и зачем они делают.

— Этот одержимый даже и не вспомнил о нас, — сказал Риикрой. — Неужели он не понял, что не будь нас, он бы ни за что не прочел Книгу?

— Не преувеличивай нашу роль, — ответил Аллеин, — не забывай, он создан Господом по своему подобию, а не ты,

— Тебе видней. Я никогда не видел Бога.

— Я тоже. Только слышал.

— Чего же утверждаешь тогда?

— Люди во многом похожи на своего Создателя...

— • Почему ты так судишь? Не много ли на себя берешь?

— По делам их, Риикрой. Сужу по их делам. И хорошо помню, как мы работали, когда переносили первичную информацию при сотворении мира. Да и потом тоже. Наш Иван очень походит сейчас на Создателя. Он был тогда так увлечен, что даже не принимал обратной информации от нас. Творец есть творец. В этом они подобны.

— А образ?

— Если Господь и являл кому свой образ, то только ему. — Аллеин кивнул на Ивана. — И то вряд ли. Его образ не постигается человеческими органами чувств.

— Что же теперь будет? Ты знаешь?

— Надо ждать, Риикрой. Все зависит только от Ивана.

— От Ивана?

- Да.

— Неужели он так свободен?

— Он абсолютно свободен. — Аллеин вздохнул. — Вот так-то.

— Я смотрю, ты много знаешь, ангел.

— Я был среди первых посыльных, поэтому кое-что знаю, — согласился Аллеин. — Но теперь я знаю гораздо меньше Ивана.

— Расскажи мне, как это было, — попросил Риикрой. — (как Бог сотворил мир? Как Он сотворил меня?

— Все было очень просто. Это ты знаешь. Был хаос — ничто, больше чем ничто, потому что все сущее было безмерно просто. И был Бог. Но этого я не видел, и этого не видел никто, потому что никого и не было. Потом? Потом, написав Книгу, Бог создал нас, посыльных. Потом мы по Его заданию переносили Его слово в мир, и материя повиновалась слову, преобразуясь так, как было написано в Книге. Этим большинство ангелов и занимались. По крайней мере — до последнего времени. Сейчас не знаю. Похоже, нет. И это очень плохой для мира признак. — Аллеин, как бы предваряя вопрос Риикрой, продолжал: — Потому что материя без нас существовать не может. Она просто не знает, как ей существовать...

— Это неинтересно, Аллеин. Я хотел бы, чтобы ты рассказал мне, откуда взялись мы. И прежде всего — наш Господин. Что-то здесь, я чувствую, скрыто очень и очень интересное.

— Я мало об этом знаю, потому что твой господин был сотворен еще раньше меня, и сталкивались мы с ним разве что на поле боя. Но у Творца к твоему господину какое-то особое отношение. С одной стороны, он относится к нему, как к своему врагу, а с другой — не допускает, чтобы мы вступили с ним в смертельный бой и уничтожили его.

— Значит, он Творцу зачем-то нужен?

— Пусть он об этом лучше расскажет сам.

— Кто?

— Кто-кто... Твой господин. Сатана, конечно.

— Он что, должен появиться?!

— А как же тут без него, — серьезно сказал Аллеин. — Где свободный человек, там и Сатана. А уж свободнее нашего Ивана нет человека...

То, что делал Иван теперь, Аллеину было уже невозможно ни изменить, ни приостановить. «Ничто теперь его не остановит, — думал Аллеин об Иване, — надо завершить дела в этом мире и попрощаться со всем, что мне здесь дорого», — решил Аллеин. Он более не спрашивал приказов у Бога, он знал, что Бог ему не ответит. А тот, Кому Бог отдал свои права, работал по двадцать часов в

сутки, забыв обо всем на свете, в том числе и о нем, Аллеине.

Аллеин оставил Ивана в его бункере и отправился посмотреть, что делают Сергей и Наташа. Риикрой тоже вылетел вслед за Аллейном.

Проходили дни, недели и месяцы, а может быть, и годы. Иван работал, не позволяя себе думать ни о чем, кроме своей работы, пока не убедился, что все основные проблемы им решены и теперь окончательное завершение Системы — это только вопрос времени.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОБЛ

*Как мелки с жизнью наши споры,
как крупно то, что против нас!
Когда б мы поддались напору
стихии, ищущей простора,
мы выросли бы во сто раз.*

*Все, что мы побеждаем,— малость,
нас унижает наш успех.
Необычайность, небывалость
завет борцов совсем не тех.*

*Так ангел Ветхого Завета
искал соперника под стать.
Как арфу, он сжимал атлета,
которого любая жила
струною ангелу служила,
чтоб схваткой жизнь на нем сыграть.*

*Кого тот ангел победил,
тот правым, не гордясь собою,
выходит из такого боя
в сознаньи и в расцвете сил.
Не станет он искать побед.
Он ждет, чтоб высшее начало
его все чаще побеждало,
чтобы расти ему в ответ.*

*Р.М. РИЛЬКЕ
(пер. Б. Пастернака)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Идея, заставившая Сергея изменить план поездки, появилась у него внезапно, когда он ехал из аэропорта в свой родной город. А в город он ехал, чтобы уладить дела с переездом в Москву. В общем, Сергей все это время не особенно задумывался над тем, что же происходит с Иваном, было слишком много важнейших неотложных дел. Он прочитал о его концерте, слышал его песни. Удивлялся. Обсуждал это с Наташей. Но никакой особой тревоги не было. И вот уже по пути в свой родной город ему внезапно пришла в голову мысль: «А если все эти факты — а я верю только фактам — и есть подтверждение того, что он, этот, как его... Антихрист? — Когда эта мысль пришла Сергею в голову, все необычные явления, связанные с Иваном, сразу получили свое объяснение.— Кто-то же должен знать, каким должен быть этот Антихрист?! Ведь если есть хоть какая-то вероятность того, что он — Антихрист, значит, скоро может наступить Конец света, значит, скоро конец и мне, и моим детям! И можно ли так запросто игнорировать эту вероятность? После того, что он вытворял в Америке,— • нет. Надо выяснить, наконец, кто такой наш Иван. Что же делать и с кем посоветоваться?» И Сергей вспомнил об отце Петре и на перекрестке Дороги, ведущей к его церкви, окончательно решил, что Надо срочно ехать к этому священнику.

Отец Петр после воскресной службы остался в храме, чтобы еще раз внимательно осмотреть здание. Оно требовало ремонта, и нужно было составить список са-

мых срочных работ. Краска на стенах выцвела и облупилась, замывные доски пола местами подгнили, позолота на иконах поблекла, штукатурка обвалилась. «Нехорошо это, ой нехорошо. Мерзость, „мерзость запустения“* на святом месте. Прости, Господи,— думал отец Петр, глядя на лик Спасителя.— Стареет, стареет церковка. Что делать. Жертвователей нет, прихожане нищие и для такого дела, как строительство храма,— духом слабы. А и у меня все руки не доходят».

Размышления отца Петра прервал скрип отворяемой двери. Он обернулся и увидел невысокого молодого человека. Его лицо было знакомым. «С этим человеком связаны какие-то очень неприятные события. Боже мой, да это же тот, что был тогда с Иваном! И у него ко мне должно быть какое-то важное дело, если он пришел сюда». Отец Петр улыбнулся и приветливо кивнул головой, как старому знакомому.

— Здравствуйте,— поздоровался Сергей.— Можно?

— Здравствуйте, здравствуйте.— Отец Петр внимательно смотрел на лицо Сергея, как бы стараясь прочитать на нем, что привело его сюда. «Только не религиозные чувства»,— оценил вошедшего отец Петр. Сергей, улыбаясь, пошел ему навстречу, но запнулся о выбоину в полу и чуть не упал.— Вот так и живем, извините, ремонта не было пятьдесят с лишним лет.

— Да,— Сергей опытным взглядом окинул церковь,— обветшало здание. А чего не ремонтируете? Наверное, проблемы со средствами? Давайте их решать.

— Пойдемте, извините, запомню, как вас зовут. Ах, да, Сергей Михайлович. Пойдемте, Сергей Михайлович, в мою резиденцию,— в глазах священника промелькнула улыбка,— поставим чай и поговорим, если у вас, конечно, есть время. Я вижу, у вас ко мне дело.

— Да, у меня к вам дело,— кивнул головой Сергей,— пойдемте.

Отец Петр повел Сергея в свою избушку. «Сколько лет этой избе? Точно — изба. Иначе это строение и не назывешь. Бревна совсем почернели, крыша под тесом. Есть же еще такие реликтовые сооружения на Руси»,— оценивал домик священника Сергей.

* Дан., 9:27.

— Я здесь ночую, когда приезжаю служить,— сказал священник и предложил Сергею стул, а сам сел на табурет. Сергей положил ногу на ногу, взглянул на отца Петра и вернул ногу на пол. Кашлянув в кулак, он сказал:

— У меня большая проблема. Пропал Иван Свиридов. Домните такого? — Сергей посмотрел на священника с надеждой.

— Да, конечно.— Отец Петр обычно очень хорошо владел собой, но все же не смог скрыть своего удивления.

— Мы поехали в Соединенные Штаты, и там он исчез. Вернулись мы с Наташей без него. По всем правилам я должен заявить в милицию, полицию, может быть, в органы безопасности, что пропал человек, но у меня на этот счет есть сомнения. Причем сомнения особого рода. Я боюсь, что меня никто не поймет, кроме вас.

Отец Петр покачал головой в знак того, что он понимает проблему Сергея и ждет продолжения его рассказа.

— Иван там был какой-то очень странный. В Америке, вообще говоря, решалась моя судьба, точнее, судьба моей фирмы, ну а это одно и то же.

«Еще одна жертва золотого тельца. Увы...» — подумал отец Петр.

— Поступки Ивана всегда было очень трудно понять,— продолжал Сергей.— У него во всем своя логика, но я думаю, что на этот раз с ним произошло что-то непоправимое.

— Но почему все же нельзя объявить его розыск, Сергей Михайлович?

— Можно. Но только его все равно никто не найдет, пока он сам этого не захочет.

Отец Петр пытался понять Сергея. Он смотрел то на него, то в окно и думал: «Человек приезжает на край света к какому-то приходскому священнику, чтобы спросить у него совета, как найти своего друга. Странно. Этому трудно поверить. Очевидно, что истинный мотив его визита ко мне не в этом. Возможно, Сергей еще сам не разобрался. Что именно привело его сюда. Этот пропавший Иван Свиридов — личность в высшей мере странная, противоречивая и явно не от мира сего». Отец Петр сосредоточенно досмотрел Сергея в глаза.

— Как вы думаете, где он сейчас? — спросил отец Петр, прервав цепь своих размышлений.

— Понятия не имею. Все получается как-то очень странно. Он исчезает, появляется. Поет потрясающие песни. И все у него самым фантастическим образом получается. Тот, кто его не знал ранее, может, конечно, ничего не заподозрить. Скажет: «Вот — гений». А я-то его знаю давно и достаточно хорошо. Он был моим другом. И сейчас судьба его мне далеко не безразлична. Да, он гений может быть. Он математик выдающийся, физик, кибернетик. Но ведь не оратор, не певец, не маг наконец! Что с ним происходит?! Э... Отец Павел, то есть, извините, — отец Петр.

— Ну и...

— Что?

— ... чем я могу вам помочь, Сергей Михайлович?

Сергей надолго замолчал.

— Отец Петр... — Сергей запнулся и, как бы собравшись с силами, продолжил: — Я думаю, что Иван, может быть, и есть этот самый настоящий Антихрист... И если это так, а это я и хотел бы выяснить с вашей помощью, то его надо как-то остановить.

Сергей смотрел на священника. Если бы он заметил в его глазах хоть тень усмешки, то ушел бы сразу. Но священник был абсолютно серьезен.

— • Ах, вот в чем дело. Теперь мне ясно ваше беспокойство. Остановить Антихриста?! — священник покачал головой. — Нет, остановить Антихриста невозможно.

— Почему?

— Потому что невозможно остановить прогресс цивилизации. Ведь он ее порождение. И он, Антихрист, если уж появляется, то его может остановить только Бог.

— Чье он порождение? — удивился Сергей.

— Цивилизации, разумеется.

— А как же Сатана? Не он ли создал Антихриста?

— Нет. Не он. Его создали мы, люди, а Сатана вообще ничего никогда не создавал, он только использовал созданное нами.

— И ничего нельзя сделать? Так, что ли?

— Если он Антихрист, то — ничего.

Сергей вдруг неожиданно почувствовал, что ему до противного страшно. И страх этот был безысходный и всеобъемлющий. Сергей растерянно посмотрел по сторонам, потом встал и начал ходить по комнате. «Я всегда считал, что нет безвыходных ситуаций. Неужели этот священник прав? Может, обратиться к другому священнику? Вплоть

до папы римского. Как это... нельзя сладить с Иваном? С Иваном Свиридовым?»

— Неужели ничего нельзя сделать с Иваном?!

— Если Иван — Антихрист, то ничего. Все поздно.

— Почему? Объясните, почему.

Священник посмотрел на часы.

— Я вас очень прошу. От того, что вы мне сейчас скажете, многое зависит. Я это чувствую. Я продам все, я всем все смогу объяснить. Не будет в мире лучшего организатора по борьбе с этим злом, но мне надо понять, почему так произошло и почему все поздно. Если у вас служба — отмените. Времени нет... Нет... Понимаете?

— Вы не беспокойтесь, я никуда особенно не спешу. — Отец Петр поправил руками нагрудный крест, потом несколько раз зачем-то переложил книги на столе. — Почему с Антихристом, коль уж он появился, поздно бороться? Вы знаете, я часто, особенно в молодости, приходил в трепет, когда пытался осознать величие дел человеческой цивилизации. Миллиарды... Миллиарды мужчин, женщин рождались, умирали, действовали. Действовали в борьбе, отчаянной борьбе. Стремились к чему-то личному, иногда их объединяли общественные цели. И это происходило каждую минуту, каждый миг. И в результате появлялись зримые и незримые плоды деятельности людей: здания, измененная до неузнаваемости среда обитания, книги, картины, научные открытия. Кто все это измерит и окинет одним взглядом — во всем величии и многообразии? Кто дал цели, которые направляли это движение и объединяли усилия людей? Кто заботится обо всех нас в жизни этой и будущей? Ответ был для меня очевиден. За всем этим стоит воля Бога, и Он ведет человечество за собой. После знакомства с Иваном, а я его очень хорошо запомнил, я все чаще стал спрашивать: «Господи, зачем ты допускаешь таких к власти?» И где-то в глубине моей несчастной души зародилась мысль: «Если гибель человеческой цивилизации и Страшный суд — неизбежная плата за будущее бессмертие человеческих душ, то не чрезмерная ли это плата?»

— Что? — будто бы очнулся Сергей. — Если что?

Священник будто не услышал Сергея и продолжал:

— Сергей, понял ли ты смысл сказанного мною, это ведь и есть мой ответ на твой вопрос?

— Иван говорил... Точно я не помню, но смысл был таков: Бог — сам заложник своего всемогущества, потому что не то не хочет, не то не может изменить раз и навсегда им

самим установленный план. А я так думаю: не может — значит несовершенен, не хочет — значит недобр. А еще Иван говорил, что мы с нашим тараканьим мировоззрением вообще не можем судить, что такое хорошо и что такое плохо,

— А он — может?

— Об этом мы не говорили.

— После того, как я осмыслил то, что узнал об Иване, я усомнился не во всемогуществе Бога, не в Его благодати — каждому, выполняющему Его волю, предстоит царство небесное, — я усомнился в себе, в своей вере... С Антихристом бесполезно бороться.

Сергей достал из кармана платок и зачем-то вытер руки и лицо.

— Значит, если я вас правильно понял, Антихрист появился по воле Бога.

— Не знаю, Сергей... Скорее, Он допустил его.

— Тогда интересы людей, во всяком случае, той части человечества, которая предпочитает эту жизнь загробной, и интересы Бога принципиально расходятся. Мы хотим жить: грешные и не очень, христиане и мусульмане, богатые и бедные, а Бог не хочет, чтобы мы жили, и посылает Антихриста. Значит, со всеми претензиями я должен обращаться к Богу, а до него, как известно, не достучишься. — Губы Сергея сжались, он едва сдерживал гнев. — Так вот; я не согласен! И не может такого быть, чтобы ничего нельзя было сделать с этим Иваном. Это надо еще доказать, что он — Антихрист!

— Если человек смертельно болен раком, что можно сделать? — спросил священник.

— А вы считаете, что наша цивилизация больна смертельно?

— Да, считаю, что она больна смертельно, и Иван с его теорией — тому подтверждение.

— Похоже, он собрался на частные деньги осуществить проект личного бессмертия.

— Ну, что я еще могу сказать... Раз он сказал — значит сделает.

Священник как-то суетливо замахал руками, из чего можно было заключить, что продолжение этого разговора для него нежелательно.

— Нет!! — вдруг заорал Сергей и стукнул кулаком по столу. — Не сделает. Я его убью...

Священник вздрогнул и изменился в лице, его глаза стали холодными и пустыми, и он едва слышно сказал:

— Убей, если сможешь.

Сергей сокрушенно покачал головой.

— Почему он, хороший русский парень, с которым мы бегали к девчонкам и пили пиво, становится причиной такого воистину всемирного зла? Погибели... черт его задержит... Ты понимаешь, — Сергей, забывшись, перешел на **Ты**, — ему-то деньги меньше всего нужны. Это точно. Я каждого, кому нужны деньги, вижу насквозь. Ему совсем не нужны деньги!

— Правильно, потому что он русский, воспитанный у нас, при коммунизме, — развел священник руками.

— Так, это интересно. — Лицо Сергея изумленно вытянулось, и он загнул палец, как бы открывая счет. — Раз.

Священник продолжал:

— Он прекрасно и фундаментально образован, причем не заплатил за это ни гроша. Он учился бесцельно и всему. Когда выучился, то, несмотря на свои блестящие способности, стал никому не нужен. Такое возможно только у нас.

— Так. Два.

— Он имел массу времени на свои научные поиски, и никого не интересовало, чем и зачем он занимается, никто не предложил ему денег, чтобы направить его усилия на нужную людям, а значит оплачиваемую работу.

— Три.

— У него нет никакой собственности. Он ни к чему не привязан с детства. Просто потому, что у его семьи ничего никогда и не было. И более того: наверное, когда-то было, но все отобрали. Тем более — ни к чему не привязан.

— Четыре.

— У него нет никакого политического мировоззрения, потому что в том, что ему внушали в детстве, он разочаровался, а нового не сложилось.

— Да. Пять.

— Его предки: деды и отцы убиты в революциях и войнах или погибли при репрессиях. Нет у него никаких корней.

— Шесть.

— Он от природы жизнеспособен невероятно, потому что иначе его предки в наших российских условиях просто не выжили бы.

— Семь.

— Общество воспитывало его в двоемыслии и лжи. Он отменный актер и беспримерный демагог.

— Восемь.

— Он ничего на свете не видел, потому что у него не было возможности путешествовать. Его знания людей и народов абсолютно абстрактны.

— Девять.

— Его воспитывали на традициях атеизма.

— Десять.

— Я считаю, что это и есть качества, необходимые Антихристу. Где, в какой стране мог бы вырасти такой человек?

— Только у нас, в России. И кто же ему поверит?! Кто поверит такому человеку?

— Чтобы ему не верить, надо верить в Бога, а таких почти не осталось... и не только в России.

— Значит, вы считаете, что Иван — Антихрист и противиться ему бесполезно, — сказал Сергей и сжал кулаки.

— Если честно, то да, — ответил священник, а про себя добавил: «А тебе — точно бесполезно, потому что ты его; и привел, а теперь боишься, что будешь наказан...»

— А как же формальные доказательства: это, как его, — число 666, рожден от собаки — и так далее, из того, что обычно показывают в кино? Вы же все это должны знать.

Священник откровенно рассмеялся.

— Сережа, нет у Антихриста примет, кроме одной — в него должны верить, как в Бога. Все остальное — рассуждения средневековых монахов, начитавшихся всякой апокрифической ереси и мучившихся от этого смертельно. Ты расскажи-ка мне, Сережа, коротко, какие песни он пел?

— Вы читаете по-английски?

— Да, вполне свободно.

— Тогда лучше сами прочтите. У меня есть подборка статей и видеокассета с получасовым фильмом, который был снят на том знаменитом концерте. Принести?

— Принесите, пожалуйста. Хочу прочесть... напоследок. «Нет сомнения: Иван — Антихрист», — сказал себе священник, и тут же у него сжалось и заболело сердце.

— Что?

Священник махнул рукой.

— Это я так, к слову...

«Что это с ним? — подумал Сергей. Ему показалось, что лицо священника как-то сразу изменилось. — Какое странное у него стало лицо. Будто маска. Маска? Да, имен-

о. Оно стало похожим на маску, выражающую скорбную задумчивость».

Сергей отправился за газетами и за видеокассетой, которые он вез показать жене. На улице было холодно, градусов тридцать-тридцать пять, к тому же дул ветерок. «Эх, Сибирь-матушка, тут за пять минут околеешь. — Снег ослепительно блестел под морозным солнцем, он рассыпался как сахар и хрустел под ногами странно громко. Мороз вернул Сергея к реальности. — А черт его знает, что вообще все это значит? Может, зря я страху на себя нагнал?» Сергей побежал бегом к машине.

Когда он вернулся, священник сидел в той же позе, неподвижно, глядя прямо перед собой, и странное выражение его лица не изменилось.

— Я вам могу оставить эти газеты и кассету, у меня еще есть экземпляры, а послезавтра, на обратном пути, заеду и заберу. Хорошо?

— Да, спасибо, — сказал священник таким тоном, что Сергей понял: дольше ему здесь оставаться не следует.

2

В городе дел у Сергея было очень много: надо за два неполных дня подготовиться к переезду, встретиться с несколькими нужными людьми, побывать у мэра города, возможно, дать интервью в газету и самое главное, что Сергею хотелось больше всего, — побыть хоть немного с семьей. Но все это были дела приятные.

«Да разве можно было предположить, что в моей жизни произойдет такой крутой поворот? За месяц я превратился из оптового торговца продуктами в маленьком городке в руководителя представительства крупнейшей всемирной корпорации. Такое и во сне не могло присниться. Я за месяц теперь буду зарабатывать больше, чем зарабатывал за год. Хорошо? Да, черт возьми, хорошо! Если в Данной ситуации начать рассуждать — хорошо это или не очень, то можно додуматься до чего угодно. Только не надо этого делать... Не надо! Это, по меньшей мере, глупо, — внушал себе Сергей. — И священник этот — странный. Хотя это я сам виноват. Проклятый страх, минутная слабость... Да, только я сам его себе внушил. На что-то он Похож, этот страх?»

Сергей вспомнил, как он в детстве увидел змею, совсем рядом, шипящую и готовую броситься на него. Как он бежал тогда! Бежал впереди своих мыслей. Как было страшно!

«Вот-вот — это похоже. Тогда змеи испугался. Змея — это как смерть, люди боятся ее всем своим существом, генетически, бездумно. Но в данном-то случае можно и нужно быть реалистом, черт возьми! То, что Иван Антихрист — не доказано. То, что я вообразил о нем, — это от усталости и нервного перенапряжения. Впал в мистику! Это я-то! Не проще ли предположить, что Иван — просто чрезвычайно талантливый и разносторонний человек, которому надоело быть неизвестным и он захотел славы и всемирного признания. Только и всего. А я... „Антихрист... Апокалипсис... убью...“ Гордиться надо, что я близко знаком с таким человеком. Гордиться и пользоваться этим. Интересно, где сейчас Иван?» Тут Сергею в голову пришла идея: «Надо воспользоваться растущей популярностью Ивана в политических целях. — А то, что ему надо заняться политикой, Сергей решил, еще находясь в Америке. — Иван — русский, с выдающимися качествами: гениальный ученый и, возможно, артист, красивый мужчина, и у него, без всякого сомнения, есть эта самая, как ее, — аура. Всем нашим телевизионным политикам до него — как до Луны. Иван вполне может стать символом национальной идеи, калибр его таланта и прочих потенциальных возможностей это позволяет. А без этой ясной и четко обозначенной идеи — нам конец и без всякого Апокалипсиса. Раскрадем, продадим и пропьем все, что осталось в наследство от коммунистов».

Сергей резко нажал на газ. «Буду действовать — это для меня лучший способ жить». Он хотел подавить воспоминания о душевной слабости, которую он, как ему теперь казалось, допустил.

Дома уже ждали. Дети прыгали и вешались на шею. Жена вся светилась от радости, быстро накрывая на стол. Сергей раздавал подарки, ласкал детей, рассказывал жене о поездке. Времени у него было в обрез. Через два часа он должен быть на приеме у мэра.

Младшая дочь с игрушкой в руках — большим лохматым львом — носилась по всему дому и восторженно рычала. Старшая примеряла разноцветные майки с аппликациями. Жена млела, разглядывая какой-то страшно дорогой кос-

метический набор, купить который посоветовала Сергею Ятаташа. Сергей сидел в кресле и смотрел на все это шумное, пестрое и счастливое разнообразие. «Господи, хорошо-то как! Так бы и сидел всю жизнь. — Сергей усмехнулся. — Не дадут. Сидеть не дадут. Борьба, всюду борьба... Чтобы иногда так хорошо сидеть, надо хорошо бегать».

— Ладно, народ, давайте отобедаем, да мне надо идти. К четырнадцати мэр назначил аудиенцию.

— Зачем это тебе? • — удивилась жена.

— Ты же знаешь мэра. Прослышал о нашем потрясающем успехе и пригласил меня зайти рассказать о планах моей фирмы. И то верно. Должен же он знать, что творят граждане его города на мировом рынке.

— А нас что ждет? Переезжать будем? — спросила жена.

— Будем. Куплю дом в Москве и сразу переедем.

— Ас этим домом что?

— Не знаю пока. Не решил. Не хочу его продавать. Жалко. Только, наверное, придется.

— И когда же ожидается переезд?

— Если хочешь жить в квартире где-нибудь на семнадцатом этаже, то хоть завтра собирайся. Сниму.

— Я согласна. Не хочу жить одна. Устала.

— За две недели?

— Да. Мне хватило две недели... и прошлых пяти лет, — голос жены сделался обиженным и требовательным. «Ну все, сейчас поссоримся, — уже знал Сергей. — Как мне надоели эти ее обиды».

— Ладно, давай поговорим об этом немного попозже.

— Тебе, наверное, без нас лучше, чем с нами, — не могла остановиться жена.

Сергей оттолкнул от себя тарелку и встал из-за стола. Он знал, что этого ни в коем случае не надо делать, что он не прав, но он раз за разом, не задумываясь и не сдерживая себя, уходил, когда жена начинала подобные разговоры. После этого их отношения портились все больше.

— Я пойду отдохну с дороги, — сказал он сухо, встал и решительно направился в свой кабинет.

Он закрыл за собой дверь — громче, чем следовало бы. Постоял, слушая, не бегут ли следом дети. Нет, детских Шагов не было слышно. «Как мне все это надоело, Боже Мой... Приедешь на несколько часов, и то без скандала не обходится. Чтоб тебя...»

Сергей упал на диван и закрыл глаза. «Это она к Наташе ревнует. Дура... Как можно себя ставить рядом с

Наташей?! А, так было и будет. Придется терпеть. Д_сваться-то все равно некуда. А вот с домом придется прощаться».

Сергей как бы другим взглядом осмотрел свою комнату. «А ведь это своего рода предательство. Я строил дом, когда в нашей родимой Совковии на это не решался почти никто, и он строил меня. Мы создали друг друга. И теперь если я его продам, то продам как бы и часть себя — и немалую. И ради чего? — Сергей резко повернулся набок. — Что я так нервничаю-то? Как неврастеник какой-то? Д_а» поворот в жизни крутой. Да, с женой опять поругался. И то, и другое — не первый, да и не последний раз. Видимо, совесть не чиста... Да? Совесть? Что такое совесть? — Сергей сел на диване. Потом встал, подошел к полке с книгами и взял толковый словарь русского языка. — Так, где она — совесть? Ага — вот: „Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом“. Я продался. Вот в чем дело. Продался этому Зильберту. А Иван? А Иван — нет... Почему я думаю, что он — нет? Так, ладно, оставим это». Сергей опять улегся на диван и закрыл глаза.

Не лежалось. То и дело ворочаясь с боку на бок, он посматривал на часы. «Скорее бы полвторого, чтобы смыться отсюда. Как все получается! Ехал, надеялся: увижу, радость, встреча... А увидел, перемолвился двумя словами — так гадко на душе, хоть вешайся. Вот так живешь для чего-то, живешь, а потом оказывается, что все это ничего не значит, даже и в глазах близких». Сергей резко приподнялся и сел на диване. «А есть ли у меня близкие? Жена? Давно уже не ведает, как, зачем и для чего я живу. Дети? Всем детям нужны родители. Но если дело так пойдет и дальше, скоро связь с ними у меня станет чисто генетическая и ничего больше. Коллеги по работе? Ха... Друзей давно уже нет, одни коллеги. И что это я сегодня какой-то искалеченный?»

Сергей встал, подошел к зеркалу и посмотрел на себя.

— Ну что, Сергей Михайлович? Что делать будем? Ладно — сейчас делать не будем ничего. «Именно так — ничего. Все равно пока сил ни на что нет, кроме как плыть по течению. Вынесло оно меня на стремнину и пусть теперь несет, — добавил Сергей про себя. Он как-то виновато улыбнулся сам себе и пожал плечами. — Боже мой, какой же я еще молодой! Со стороны смотреть — совсем мальчишка. Ну ладно, пора идти к мэру».

Сергей спустился вниз, быстро оделся и вышел из дому. Никто не провожал его и не спросил, куда и зачем он пошел. «А ведь завтра католическое Рождество, — вспомнил Сергей, — на наше-то меня дома не будет, может быть, католическое как-то отметить?» Он вспомнил выражения лиц дочерей, получающих подарки, и улыбнулся.

Мэру было пятьдесят пять лет, и он с двадцати лет занимался политикой: в комсомоле, в коммунистической партии, а после перестройки в новых структурах власти. Пять лет назад, после крупной ссоры с вышестоящим начальником, он сказал себе: «Терпеть такое — больше нельзя. Подам в отставку. Подам сразу после того, как почувствую, что пришедший ко мне со своими проблемами человек мне безразличен, будь этот человек хоть кто — друг или враг. Иначе всему тому, что они со мной делают, нет никакого оправдания». После этого мэр всякий раз прислушивался к себе, пытаясь определить, что есть его работа, — умер или нет этот самый интерес. Мэр так и не стал демократом формально, но слыл одним из самых демократичных руководителей. Когда он узнал о том, что зарегистрированная в его городе фирма разработала какую-то умопомрачительную программу, лучшую в мире, он попросил найти руководителя этой фирмы не потому, что рассчитывал на какие-то выгоды для города или для себя, а просто было интересно: «Кто это смог сделать такое? Кто? Надо посмотреть на него».

В кабинет вошел и громко поздоровался небольшого роста парень, одетый в дорогой, видимо, сшитый на заказ костюм. Лицо у парня было открытое и какое-то очень русское, но его взгляд сразу выдавал, что это — умный и жестокий хищник. Это был один из критериев, по которым мэр делил людей: хищник или травоядный... «Но хищник благородный, — охарактеризовал Сергея мэр. — Лев, лев — не шакал. Нет — не лев, ростом мал, это, скорее, молодой волк. Он в засаде сидеть не будет. Но драться, видать, сильно любит. Осталось выяснить — за что Дерется».

Мэр встал и протянул руку для приветствия.

— Как же это вам удалось так быстро прославиться, Сергей Михайлович? — Мэр рассмеялся. — Голова-то не закружилась от успехов?

— У меня хороший вестибулярный аппарат, Сергей Иванович. К тому же это, в общем-то, и не мой успех, а вот его,— и Сергей положил на стол еще одну подборку газет. В одной из них был большой, почти на четверть листа, портрет Ивана с гитарой в руках.

— Кто это?

— Это тот, кто сделал нашу знаменитую программу.

— А почему он с гитарой?

— Потому что он теперь еще и знаменитый музыкант.

— Ну и чудеса...

— Чудес на свете не бывает.

— А как же тогда это называть? Музыкант, утерший нос всей «Юнайтед Системз». Это разве не чудо? — Мэр жестом предложил Сергею садиться.— Поясните.

— Вы видели египетские пирамиды? Не на фото, а своими глазами? — неожиданно для самого себя спросил Сергей.

— Приходилось.

— Я-то сам — строитель,— продолжил Сергей, удобно расположившись в кресле.— Когда прикинул, что это значит — построить такие громадины, как могло бы выглядеть это строительство, я был просто поражен. Я не слушал больше экскурсовода, а только сидел и смотрел на эти пирамиды и пытался себе представить, как их можно сделать голыми практически руками. Что это должны быть за люди, а главное, что это должна быть за организация, которая заставила их сделать такое чудо?! И не мог... А пирамиды стоят и будут стоять вечно, даже если человечество погибнет. Так и это: вроде бы нельзя такое сделать. Никто понять не может, как это ему удалось, но все могут сами запустить эту программу и убедиться — работает и будет работать, пока есть на свете компьютеры.

— Жаль, что компьютеры не вечны, как пирамиды,— покачал головой мэр и закурил.

— Как знать, Сергей Иванович, как знать...

— Сергей, а как ты, строитель, вдруг стал компьютерщиком?

— Да я им и не стал. Как не понимал в этом ничего, так и не понимаю. Мой вклад в это дело — минимальный. Я просто старался убедить Ивана, что это дело надо сделать, а потом не давал,— Сергей замешкался,— устроить его.

— То есть как это? Ему что, угрожали?

— Угрожали отстранить от дела. Кое-кто очень хорошо понимал, какими деньгами оно пахнет, это дело. А где большие деньги, там и большая грязь. У нас в России сейчас — зависимость прямая.

Мэр крикнул.

— А этот Иван, он-то как один такое наворотил? Если верить слухам, это настоящий переворот в науке.

— Видите ли, дело тут не в программе. Эта программа, насколько я понимаю, только отдаленное следствие его какой-то большой научной теории. И специалисты, которые оценивали работу Ивана, это поняли. А вообще он чрезвычайно разносторонний ученый и человек. Я даже не представлял, что в наше время такие могут быть. Мне кажется, именно эта его разносторонность и есть его главное достоинство. У нас ведь как: если ученый, значит, с печатью учености, если музыкант — своя отметина, спортсмен — соответственно на лице свои особые признаки. А он все совмещает в себе — во всем на первом месте. За что бы ни брался.

— А где Иван сейчас?

— В Америке где-то. Точно не знаю где.

— Он что, там остался?

— Да.

— Ну вот, еще один. Что делать-то будем, Сергей? Он действительно так талантлив? А? С кем мы-то останемся? — Мэр заметно волновался.

— С кем? — Сергей хмуро улыбнулся и со злостью сказал: — С бандитами, проститутками и пьяницами и еще с теми, кто не сумел уехать,— вот с кем. Хорошо, что там своих хватает, охотно берут только таких, как Иван, а то бы я вообще не знаю, на что нам можно было бы рассчитывать. Да еще и не все дорогу знают. Ничего, скоро узнают и в Китай побегут...

— Должно же это когда-нибудь кончиться? — спросил мэр не то у Сергея, не то у себя самого.

— Кончиться? А я так думаю, что все только начинается.

Мэр молча посмотрел на Сергея.

• — Ивана жалко терять,— продолжил Сергей.— Надо его сюда как-то вытащить. Он должен жить в России.

— Зачем? — неожиданно спросил мэр.

• — То есть как это зачем?

— Зачем нам гении? Будем жить с бандитами, проститутками и пьяницами, пока все не станем бандитами, про-

ститутками и пьяницами и не выродимся вовсе. Было ведь уже такое в истории? Было. А мы: Россия велика, народ талантлив, ничего не погибло — верим, надеемся и любим. А ведь это ты виноват, что он там остался...

— Я? Почему?

— Да потому, что Иван твой — прежде всего ученый, и как я понял, ему в основном все равно где жить, лишь бы давали нормально работать. А твоя задача была — убеждать, охранять, а если надо — и заставлять таких, как он. Да, и заставлять! Это забота таких, как мы с тобой. В этом наша миссия. А ты, Сережа, когда вез его в Америку, об этом не думал. Или я ошибаюсь?

Сергей опустил голову.

— Не думал.

— Вам, молодым, все легко. Америка, Германия... А положение-то страшное. Оно даже хуже, чем ты думаешь. Помрут или уедут несколько сотен или тысяч светлых голов — и нам крышка, и не только как великой державе, а вообще. У нас богатая страна, Сережа, но нам нужно быть и сильной страной. Не может на таком богатстве сидеть немощный, пьяный, ленивый и вороватый народ, его либо вытеснят, либо уничтожат. И не верь, что это невозможно. Все возможно в этом мире, когда один много сильнее другого. Короче, верни мне Ивана, и все тут. Хоть умири, а верни. Я понимаю, что ничего мы ему сейчас здесь дать не сможем. А ты сумей убедить... Очень прошу. Как это сделать — не знаю. Подумай, ты парень умный и стойкий. Подумай... Если что надо, я все буду делать для этого. Верни мне Ивана... Вернешь, поверю в Россию, нет, уйду в отставку.

— Да вы что, Сергей Иванович? Как я?

— Проси его о помощи, больше, пожалуй, ничего не остается.

— А я сейчас сам на них работаю...

— Я это знаю. А ты — работай, работай... Учись у них. Только не забывай, откуда ты родом и зачем живешь. А если не будешь этого знать — пропадешь. Запомни мои слова. Я не блефую, я это знаю точно.

— Этого, я думаю, никто знать не может, Сергей Иванович. Но ваше беспокойство по поводу Ивана разделяю вполне. Я постараюсь его вернуть. Только... «Сказать ему о своих сомнениях насчет Ивановой миссии? — подумал Сергей. — Нет, не стоит. Пусть они останутся только моими сомнениями». — Только пока не знаю, как это сделать.

— Захочешь — сделаешь.

— Я теперь буду жить в Москве.

— Это все ничего. Это даже лучше. Захочешь — найдешь способ его убедить. Найдешь способ убедить — станешь хорошим политиком, если, конечно, захочешь им 'стать.

«Как он меня раскусил! — отметил про себя Сергей. — Уж, он действительно что-то во мне сумел разглядеть».

Мэр встал и улыбнулся.

— «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Чего нам еще остается, Сергей? Или мы не победители?

Сергей рассмеялся:

— Мы-то? Мы — победители. Это однозначно.

На прощание мэр крепко пожал ему руку.

3

Сергей к вечеру сделал все дела и поехал домой. Он ехал длинной дорогой, идущей через лес. Эта дорога всегда была пустынной, а сейчас морозным зимним вечером встретить здесь кого-нибудь было совсем уж маловероятно. Где-то на половине пути Сергей остановил машину — ему вдруг сильно захотелось подышать свежим морозным воздухом. Хотелось побыть одному, совсем одному под яркими зимними звездами. Он не пытался понять, откуда такое желание и зачем, но желание это было совершенно определенным. Казалось, кто-то говорил ему: «Останови машину, пройди по дороге — это то, что тебе сейчас более всего необходимо».

Сергей долго стоял на пустынной дороге и смотрел на звезды: «Большая Медведица, Малая, Лира, Лебедь, Кассиопея... — перечислял Сергей знакомые созвездия. — Где Алькор? — вспомнил Сергей прочитанную им когда-то в детстве книжку по занимательной астрономии и нашел крохотную мерцающую звездочку. — Так, вижу еще. Не притупилось зрение у воина. Сегодня же Рождественская ночь. Должны твориться всякие чудеса. Где же моя волшебная звезда? А что все же лучше: стуски раскаленной Плазмы в бесконечном космосе или бриллианты, вставленные в хрустальный купол небес?»

Вдоль дороги стеной стояли высокие деревья. Сразу за обочиной были огромные сугробы. «Интересно, что там, в лесу? Хотя что там может быть интересного — такая же тишина и снегу по пояс». Сергей медленно пошел по дороге. Идти было приятно и даже весело. Сергей несколько раз останавливался и прислушивался. Кругом было тихо. Сергею казалось, что он слышит, как бьется его сердце. «Эх, случилось бы со мной какое-нибудь чудо. Как его сейчас не хватает: влюбиться бы по-настоящему, в собственную жену например, или поверить во что-нибудь искренне, или встретить бы нечто, что бы заставило на все посмотреть иначе и сделало жизнь полной радости, — это было бы чудо так чудо. Вот Иван — счастливый человек: он всегда знал, что хочет, а я всегда знал, сколько что стоит... Где искать его теперь? Господи, где же искать Ивана? Мэр, кажется, прав: найти его и вернуть — и есть моя главная задача на данный момент. Эх, подарков купить не успел — жаль. Помирюсь с женой, сам попрошу за все прощения; приду домой и устрою праздник — праздник примирения. Неплохая мысль, а?» — подумал Сергей и от неожиданности даже останявился.

— Эй, — громко сказал Сергей, — правильно я думаю? И ему вдруг показалось, что кто-то ответил:

— Правильно.

Сергей быстро оглянулся, но дорога была так же пустынна, и снег на деревьях так же таинственно мерцал под звездами. Тут Сергей увидел яркую падающую звезду и быстро вслух сказал:

— Мира в душе...

«Успел. Успел! Скорей домой. Это хороший знак».

Аллеин улыбнулся и полетел следом за автомобилем.

Автомобиль ехал медленно. Сергей напряженно пытался сообразить, где же ему все-таки взять хоть какие-нибудь подарки, чтобы был повод устроить праздничный ужин. «Елка! Надо привезти домой елку. Рождественскую елку. Ура, отличная идея! — обрадовался Сергей. — Это будет настоящая Рождественская, а никакая не новогодняя елка. И я расскажу детям о Рождестве, что сам знаю». Он резко затормозил и свернул на обочину. Сергей нашел в машине небольшой складной нож и направился в лес. «Так, придется лезть в сугроб. Ну, делать нечего, надо лезть». Он решительно сделал шаг и сразу провалился по колено. «А, наплевать, хоть

по пояс, все равно полезу. Нужна елка». Так оно и вышло. Снегу было очень много, и Сергей брел, разгребая сугробы руками, утонув буквально по пояс. Он все время смотрел по сторонам, стараясь разглядеть подходящую елку — небольшую и пушистую. Снег набился в ботинки, обжигая ноги. Но Сергею было весело. Он почувствовал азарт охотника. «Неужели в сибирском лесу нельзя найти подходящую елку? Быть такого не может!» Вдруг Сергею показалось, что справа, метрах в двадцати, что-то таинственно засветилось бледным голубоватым светом и сразу погасло. «Это еще что такое?» — Сергей остановился, снял перчатку, зачерпнул горсть снега, протер им глаза и стал вглядываться в темноту. Но больше ничего не светилось, кругом было так же темно. Только наверху, сквозь ветви деревьев, светились яркие звезды. Сергей сделал несколько шагов и тут вновь увидел или, может быть, ему это показалось, странное явление — будто россыпь бриллиантовой пыли упала откуда-то сверху серебристым столбом, просвечивая сквозь тьму леса. Бриллиантовая пыль осела, и опять стало темно. «Ну и чудеса!» — удивился Сергей. Он даже перестал чувствовать жгучий холод снега, облепившего ноги. Сергей с трудом передвигался в направлении, откуда только что шел этот таинственный свет. Он обошел огромную черную ель и увидел стоящую отдельно от других деревьев небольшую красавицу елку.

— Вот чудеса! — воскликнул Сергей. — На всех деревьях снег, а на этой елке нет. Будто кто-то специально его стряхнул.

Сергей подошел к елке и достал из кармана перочинный ножичек. «Извини, красавица, придется тебя срезать. Но во имя благого дела. Ты уж меня прости». Он взялся за ствол и чуть не упал — он ожидал, что встретит сопротивление, но елка неожиданно легко поддалась. Она была спилена! Сергей сел в сугроб и неожиданно для себя перекрестился. «Что хочешь, то и думай тут. Это — настоящее чудо».

— Это — настоящее чудо, — повторил он вслух. И осмотрелся по сторонам. Вокруг было такое же холодное таинственное зимнее ночное безмолвие. Сергей посмотрел вверх — там все так же мерцали звезды. Сергею показалось, что одна яркая звезда, прямо над его головой, несколько раз мигнула ему как-то очень выразительно, с особой многозначительной расстановкой, и после этого пе-

рестала мигать. «А что это за звезда? Есть ли в этом месте звезда? — старался вспомнить Сергей. — Не помню, хоть убей, то ли есть, то ли нет. А может, это планета какая? Хотя — нет, высоко очень. А может, это и есть моя звезда? — вдруг осенило Сергея. — Да, это, наверное, она и есть», — рассуждал Сергей, сидя в сугробе.

Только жгучий холод заставил его подняться. Он так устал и запыхался, что едва донес елку до машины. Сложил сиденья и затащил ее в салон через заднюю дверь. «Ну вот, теперь можно ехать домой. Подарок есть».

4

Аллеин влетел в дом Сергея через окно и зажег свечи, которые стояли на камине. Он сделал это, чтобы удивить и обрадовать детей, которые просили свою мать зажечь свечи, но постоянно получали отказ.

— Мама, мама, свечи на камине горят! Как красиво горят свечи! — радостно сообщила старшая дочь, первой обратившая внимание на горящие свечи.

— Что, свечи? А кто их зажег? — • удивилась мать и пошла посмотреть. В это время входная дверь открылась, и все увидели зеленую роскошную елку, которую кто-то осторожно вносил в дом. И жена, и дети смотрели на это явление молча, буквально обомлев от удивления. Наконец младшая закричала:

— Папа! Папа елку принес!

Тут все увидели Сергея. Вся его одежда была в снегу, глаза радостно блестели. Он вошел в дом и, счастливо улыбаясь, сказал:

— Вот вам Рождественская елка. Это подарок от Деда Мороза. Настоящий подарок. Я сейчас расскажу, как она мне досталась, эта елка. Не поверите!

Сказав это, Сергей аккуратно прислонил елку к стене и стряхнул с себя снег.

— Папа, а нам кто-то свечи на камине зажег, — радостно сообщила младшая. — Не мама, мы не знаем кто. Смотри.

Сергей прошел в зал и посмотрел на камин. Действительно, свечи горели.

— Но кто же зажег свечи? Ты что ли, Сергей? — спросила жена.

• — Да, горят, — подтвердил Сергей очевидный факт. — И что, никто из вас их не зажигал?

— Да нет, — пожав плечами, ответила жена, — никто не зажигал. — Она вопросительно посмотрела на старшую дочь. Но та решительно покрутила головой, так, что косы замотались вокруг шеи, и громко, вкладывая всю свою убежденность в слова, сказала:

— Захожу, вижу — горят, я маму сразу позвала. Я и спичек не брала.

— Ну что, чудеса продолжаются, — сказал Сергей и хлопнул в ладоши. — Сегодня же Рождественская ночь.

— Почему сегодня? Седьмого же у нас Рождество, — удивилась жена.

— Седьмого меня с вами не будет, поэтому давайте отмечать Рождество сегодня, к тому же полмира отмечают его именно сегодня.

— • Ну хорошо, давай, если хочешь, но у меня же ничего не готово.

— А ты ставь на стол все то, что мы не успели попробовать в обед. — Сергей улыбнулся жене. — Девчонки, помогите маме, а я буду устанавливать елку.

Дом сразу наполнился радостными голосами детей, беготней, звоном посуды — приготовления к праздничному ужину шли вовсю. Сергей принес подставку для елки, елочные игрушки и гирлянды, отпилил нижние ветки и установил елку в подставку. Он любовался этой елкой, она была чудо как хороша: удивительно ровная, веточка к веточке, пушистая, пахнущая морозной свежестью. Сергею казалось, что она живая. Он шепотом говорил елке:

— Ты — лучшая в мире елка. Ты — чудо, а не елка.

Им овладело такое прекрасное настроение, какого он давным-давно, наверное, с раннего детства, не ощущал. Это была не радость победы и не удовлетворение полной жизни — чувства знакомые, а нечто совсем другое, не испытываемое раньше никогда. Сергей повесил гирлянды и принялся распаковывать елочные игрушки. Тут подбежали дети, и под их непрекращающийся гомон елка начала украшаться разноцветными шарами, бусами и мишурой, приобретая необыкновенный праздничный и торжественный вид.

— Папа, а что такое Рождество? — спросила младшая дочь.

— Рождество? Рождество — это день рождения Иисуса Христа.

— А кто такой этот Иисус Христос?
— Иисус Христос — это сын Бога.
— Да? — удивилась дочь, — и поэтому мы будем праздновать его день рождения?

— Нет, не поэтому, а потому, что он сделал для всех людей много хорошего, и вот уже без малого две тысячи лет люди в память о нем отмечают день его рождения.

— А что он такого сделал? — не отставала дочь.
— Он рассказал всем, как правильно надо жить, и спас всех людей от большой беды, от гибели.

— Как? Всех-всех?
— Да, так считается. Если бы не он, то Бог бы всех людей уничтожил за грехи.

— И детей? Станный какой-то этот Бог, такой злой. А этот сын его Иисус Христос — умер?

— Он погиб, его убили за то, что он всем говорил правду.
— А почему Бог его не спас, он же его сын? Ты же меня спас.

— А Бог его и спас. Он его воскресил через три дня. И это видели люди.

Дочь надолго задумалась, надув губы, это говорило о том, что она что-то не понимает, но хочет понять. «Сейчас что-нибудь выдаст», — подумал Сергей.

— Зачем все это было Богу нужно? Не понимаю.
— Понимаешь, Юля, Иисус Христос и сам был Богом, вот в чем все дело. Это тебе, конечно, сложно понять, но объяснение именно в этом. Он — тот же Бог, и он сам себя дал казнить за грехи людей, потому что любил людей. Если бы он этого не сделал, то ему пришлось бы их уничтожить рано или поздно.

Юля наморщила лоб, потом нос и многозначительно произнесла:

— Уничтожить, уничтожить... Был бы добрый такой, сделал бы, чтобы все жили и жили, — да и все...

Сергей прервал работу и, сурово посмотрев на дочь, сказал:

— Так не бывает Юля.
— Бывает... Тогда это Бог не добрый, а эгоист, — подчеркнув новое для себя слово, сказала дочь.

— Эх ты — помело... Понимала бы, что говоришь. Был бы эгоист, значит, не убил бы сам себя за нас. Это же подвиг.

— А он знал, что воскреснет? — вмешалась в разговор старшая дочь.

— Знал.

— Тогда какой же это подвиг.

— Бог это знал. А Иисус... — Тут Сергей осекся. Его дознаний священной истории явно не хватало, чтобы продолжать этот спор. — Вы вот что, дочки, не морочьте мне голову. Иисус Христос — учитель всех людей. Мы должны его любить за это и почитать. И сегодня мы отмечаем его день рождения. Ясно?

— Ясно, — сказали хором обе дочери.

— А почему елку наряжают? — продолжила вопрос младшая дочь.

И Сергей принялся объяснять, почему на Рождество наряжают елку.

Аллеин смотрел на детей и печально улыбался. «Вот и выросло поколение, которое ничего не знает о Боге. И нет здесь сейчас никого, кто бы объяснил этим детям то, что они должны знать. И все же эти дети так же с радостью встречают Рождество, как и миллионы детей, живших до них и веривших в Бога. Они счастливы, потому что здесь с ними их счастливые родители, красивая елка и вера в счастливую жизнь, гарантией которой для них является не вера в Бога, а родительская любовь. Как меняются времена... — В памяти Аллеина пронеслись тысячи образов, накопленные им за столетия наблюдения за детьми, с которыми он находился рядом в Рождественскую ночь. — И это, по-видимому, мое последнее Рождество. Последнее Рождество последнего ангела».

Когда все сели за стол, Сергей сказал:

— Сегодня кто-то помог мне найти в лесу эту прекрасную елку и зажег для меня на небе звезду. Кто бы он ни был, он по-настоящему добр. Я думаю, тот, кто это сделал, знал о моем намерении попросить у вас прощения за все мои слова и дела, которые делали вас несчастливymi. — Говоря это, Сергей смотрел на жену. — Сегодня он дал мне настоящее счастье, которое не купишь ни за какие деньги, и у меня появилось ощущение, что есть во мне нечто лучшее и несравненно более древнее, чем мое рожденное матерью тело. Поздравляю вас с праздником.

Жена ничего не сказала. Она заметила, что лицо Сергея как-то странно изменилось. Этих изменений никто бы никогда не заметил, но она заметила. Лицо Сергея стало просветленным и растерянным. «Что это с ним? Он просит прощения? Сергей? Что же все-таки произошло с ним?» Весь вечер она старалась угадать, что могло стать причи-

ной столь странного поведения мужа. Но Сергей, казалось, не замечал того, что жена была несколько напряжена и не вполне разделяла его праздничное настроение.

Аллеин, в общем-то, не любил размышлять. Он привык действовать, исполняя волю Бога. Уже много тысячелетий у Аллеина была достаточно простая работа в этом мире — провозжать и встречать души и помогать людям обретать веру в добро. Он, как и другие духи, всегда получал четкие инструкции и исполнял их беспрекословно. Теперь он был свободен в принятии решений, точнее — не получал никаких указаний. Это Аллеина совершенно не радовало, он страдал от обрушившейся на него свободы. Он чувствовал, что молчание Творца предвосхищает конец существования его, Аллеина. Хотя то существование, которое он вел сейчас, было для Аллеина бессмысленным. Почему из бесчисленного множества духов Бог оставил в этом пространстве только двоих: его и Риикроя. «Риикроя? Надо найти Риикроя! И как можно скорей. Чем он сейчас, интересно, занят? Не готовит ли опять какую-нибудь пакость?»

Закрыв дверь в спальню, Сергей протянул руку к выключателю, но вместо того, чтобы выключить свет, вдруг почему-то обернулся и посмотрел на красивый и строгий профиль своей жены. На какое то мгновение Сергею показалось, что в постели лежит не жена, а какая-то другая женщина. «Эта женщина — моя? Моя жена? Кто придумал это: „моя женщина, мой мужчина?“ Никакая она не моя и никогда не была моей, — неожиданно заключил Сергей. — Браки, наверное, действительно совершаются где-то на небесах...» И Сергей выключил свет.

5

Риикрой все это время издалека наблюдал за Аллейном. Он не мог читать его мысли, но он хорошо видел его печальное и растерянное лицо. «Видимо, у моего заклятого врага поводов для расстройства не меньше, чем у меня, — решил Риикрой. — Надо полагать, что и до него окончательно дошло то, что его протеже должен выполнить функцию палача человечества, и я не думаю, что добрый Аллеин пришел в восторг от этого открытия».

Оставаясь на недоступной высоте, Риикрой усилием своей воли послал Аллеину приветствие: «Приветствую тебя, Аллеин. Рад, что в последний раз».

Аллеин вздрогнул так, будто в спину ему вонзилась стрела, и обернулся. Вдали, около границы пространства, он увидел улыбающегося Риикроя. Из-за того, что он находился слишком близко от грани, разделяющей миры, его лицо колебалось, как в мареве костра.

— Эй, Риикрой, я только что думал о тебе. Неужели ты научился читать мои мысли?

— Увы, нет. Но твой безгрешный облик так выразителен. Тебе впору играть трагических героев в театре людей.

— Не хочешь ли ты поговорить со мной?

— Представь себе, хочу. Мы, кажется, с тобой вдвоем остались в этом несчастном пространстве и от скуки уже не знаем, куда себя девать. С кем же мне еще остается разговаривать...

— Сегодня я не буду тебя гнать, Риикрой. Лети сюда. Мне действительно необходимо с тобой поговорить.

— Необходимо поговорить? Тебе? Со мной? Не иначе, как этот мир перевернулся!

— Перевернулся, Риикрой. Уже перевернулся. Твой повелитель здесь?

— Признаться, давно его не видел и не слышал. А что, и ты потерял связь со своим?

— Да, и давно уже.

— Вот так дела! Ладно, лечу.

Риикрой напряг свои мышцы и за несколько взмахов преодолел пространство, разделяющее его от границы мира до комнаты Сергея.

Сергей начал ласкать жену.

— Мне эта парочка не мешает, — усмехнулся Риикрой. — А ты что, изменил своим принципам и уже не обращаешь внимания на этот маленький людской грех?

— Это муж и жена. Неужели не видишь?

— Ах да, вижу, судя по тому, как лениво они этим занимаются, это действительно муж и жена.

Аллеин сделал шаг к Риикрою. Но тот сразу отступил: — Нет-нет, ближе не надо. Это мешает мне сосредоточиться.

Аллеин улыбнулся.

— Хорошо. Давай поговорим на таком расстоянии. Добро и зло не могут сближаться.

Риикрой откровенно поморщился и ответил:

— Ох, и зануда же ты, Аллеин.

— Ладно, не будем об этом. Мы слишком долго и жаростно боролись насмерть, чтобы сразу изменить тон.

— Согласен и прощаю, — примирительно сказал Риикрой. — Что ты думаешь об Иване?

— Я знаю, что сейчас делает Иван, и догадываюсь, чем это кончится.

— Чем, позволь тебя спросить? Скажи, не бойся, а я добавлю.

— Он делает программу, позволяющую скопировать информацию человеческого мозга и тем самым сделать человека бессмертным. Потом в его компьютере объединится разум всех людей. По оценкам Ивана, работа над этой программой займет у него три года. Через три, года он опубликует для всех условия бессмертия и станет живым богом. Люди будут поклоняться ему, как богу, и Создатель уничтожит мир, потому что такой мир ему не нужен. Все это, по-видимому, неизбежно, поэтому Создатель уже отвернулся от мира, предоставив его самому себе и Ивановой воле. Вот, собственно, и все. Я бы хотел помешать Ивану, но не могу, потому что тем самым нарушу волю Создателя, приказавшего мне охранять Ивана.

— Ты считаешь, что это свершится?

— Да, я так думаю, хотя, конечно, никто не знает, что написано в Книге.

— Значит, ты не знаешь самого главного. Это теперь уже неверно.

— Что?!

— Теперь игра пошла в открытую. Главная его задача, уважаемый коллега, не обессмертить человечество — на это ему глубоко наплевать, потому что он знает судьбу человеческой души. Каждой человеческой души, — многозначительно добавил Риикрой и сделал паузу. — У него есть единственная задача — изменить собственную судьбу. И только-то. А то, о чем ты сказал, — это гораздо проще. Если он это и сделает, то только как побочный продукт своей основной разработки.

— Но он ведь не так об этом думал, когда я был там.

— Тебе надо побыть там подольше, а не мотаться по пространству.

— Мы не можем ему помешать. Как жаль!

— Вот твоя логика. В этом вся твоя натура. Да, не можем. А зачем нам ему мешать? Свою судьбу ты знаешь? Свою

судьбу--- Если наши господа отвернулись от нас, значит, мы вольны действовать, как считаем нужным. Мое существование здесь мне нравилось, и я хотел бы, чтобы оно продолжалось и дальше. Я намерен бороться за свою жизнь.

— Не согласен с тобой, Риикрой. Мне лучше было бы погибнуть в борьбе, чем ждать, пока моя душа превратится в ничто.

— Да ни нам и никому другому Ивана не остановить! О чем ты говоришь? Сейчас речь идет только о нашей с тобой судьбе, дружище... Признаться, было так увлекательно сражаться с тобой за души людей в этом мире, разыгрывая спектакль. А теперь, когда все это позади и я не получаю никаких команд от своего Господина, мне вдруг в голову пришла одна интереснейшая мыслишка. А не являлся ли я в своей борьбе с Создателем шутком гороховым?

— Не понимаю тебя.

— Как ты думаешь, мои действия записаны в Книге?

— Не знаю.

— Раньше я никогда не задавал себе этот простой вопрос. Потому что всегда жил и действовал только по приказу, а теперь он меня заинтересовал. Если моя судьба записана в Книге, значит, и приказы моего Господина записаны в Книге. Значит, и судьба Господина записана в Книге. А Книга лежит под чьим престолом?

— Создателя.

— А где же тогда моя свобода и свобода моего Господина? Значит, мы будем бороться с волей Создателя по его же воле. Это первый вывод. Но есть еще и другой. При Конце света моему Господину тоже конец.

— Пусть так. Эта мысль не нова.

— Ты знаешь, Аллеин, я догадываюсь. Слышишь, догадываюсь, что и это не так.

— А как?

— А вот это — как раз то, что нам следует узнать у Ивана, потому что от этого зависит и наша с тобой судьба.

Сергей затих в объятиях супруги. И тут же ему в голову пришла мысль: «Я должен вернуть Ивана, иначе все мое счастье кончится».

Риикрой громко рассмеялся:

— Слышишь, Аллеин, что думает Сергей?

— Слышу.

— Не успел кончить и уже на поиски...

Аллеин поморщился, но ничего не сказал.

— Ладно, Аллеин, мне пора. До скорого. Встретимся в

^{М°!!^В} Где именно и когда? — спросил Аллеин.

— На моем любимом месте. Когда захочешь меня уви-

^{деТ}ИРиик^Дк^Урой^М мощно взмахнув крылами, исчез в подпространстве.

6

Риикрою надо было сделать одно дело, давно им задуманное,— навестить отца Петра. Откладывать визит было было нельзя.

С высоты полета маленькая церковь отца Петра, окруженная темно-серыми домишками, показалась Риикрою кораблем, плывущим по морю. От синего купола церкви не исходило привычное и такое страшное для Риикроя сияние. «Утлая ладья, скоро тебя разберут на дрова, если успеют... А где же твой кормчий?»

Священник прямо в рясе лежал на старой кровати, держась рукой за крест. Глаза его были прикрыты, он часто дышал, на висках выступила испарина. По особым приметам, которые невозможно подделать, Риикрой определил, что жить священнику осталось считанные минуты. «Кажется, я успею сделать последний поклон»,— обрадовался Риикрой.

Полчаса назад у отца Петра сильно заболело сердце. Это была даже не боль, а настоящая мука. Он несколько раз принимал таблетки, которые обычно снимали сердечную боль, но ничего не помогало. Он пытался молиться, но слова молитвы застывали на губах, хотел выйти из избы, чтобы позвать на помощь, но не смог, боль стала нестерпимой, и он вынужден был лечь. «Который сейчас час?» — подумал священник и, сделав усилие, посмотрел на часы. Было половина четвертого ночи. Им овладел страх. Страх холодный, могильный шел откуда-то изнутри, от разрывно-болящего, трепещущего сердца. Он медленно разливался по всему телу и наконец дошел до мозга. Священнику было так страшно, будто его закапывают живым. «Вот и смерть... Боже мой, какая это мука. Я думал, это будет радость для меня, я всю жизнь готовился к этому, а это... это так страшно. Кончится эта мука или будет длиться веч-

но?» Казалось, что время остановилось, замерев где-то на вершине страдания. Он закрыл глаза и стал молиться: «Отче наш...» Это была единственная молитва, которую он сейчас был в состоянии вспомнить и произнести. Когда священник открыл глаза, чтобы в последний раз посмотреть на образ Спасителя, он увидел, что в красном углу стоит кто-то черный, с черными же крылами, похожий на человека, но не человек. Глаза этого существа горели как раскаленные угли.

— Сатана, ты есть...— прошептал священник. Риикрой молчал. Он знал, что молчать — это самое страшное, что он может сделать.— Ты пришел, чтобы забрать меня в ад? — Риикрой сделал короткий шаг вперед.— Не я же создал Ивана. Не я... И я не мог его остановить тогда... Неужели я проклят? — Руки священника затряслись, он стал хватать ртом воздух, глаза широко раскрылись. Он прошипел: — Да, я усомнился в милости Бога, но я же был честен... Помилуй меня, Господи! — Риикрой усмехнулся медленной хищной улыбкой, обнажив клыки, и сделал еще шаг вперед.— Ты — мой предсмертный бред.

Риикрой покачал головой. Священник из последних сил поднял дрожащей рукой крест. Риикрой беззвучно засмеялся и раскинул крылья.

Это было последнее, что увидел священник. Что-то взорвалось в мозгу, все затянуло красной пеленой, и стало темно. Рука выпустила крест и упала на грудь, а потом свесилась с кровати.

Риикрой подошел к постели, безглаголиво двумя пальцами взял крест и положил его на грудь покойника.

«Кому нужно твоё раскаяние? И кому была нужна вся твоя вера? Прощай, священник,— сказал Риикрой, заглядывая в мертвые глаза.— Дело сделано. Теперь пора в путь. Но надо навестить еще одного человека».

7

Игорю Ясницкому снился кошмар. Он откуда-то сверху видел себя, спящего в постели. Его убивали, причем непонятно чем и как, было ясно только то, что убивали, а он не мог проснуться. И самое удивительное в этом кошмаре

милию в связи с принятием какого-то важного решения в парламенте. Лицо выражало: „Зильберт изволил высказать свое мнение по этому вопросу, и все сомнения, какое решение лоббировать, отпали“. Ясницкий встал и начал ходить по комнате. — Значит, получается так, что Малышев, может быть, мой кратчайший путь к большой политике и власти. Нет, это неточно. — Ясницкий любил точные определения. — Малышев — в зависимости от того, как я буду действовать, может или ввести меня в коридоры высшей власти, или помешать мне сохранить даже то, что я имею, если он меня не простил. И все это будет возможным, пока Иван там и нужен. Значит, надо выяснить, где сейчас Иван и чем он занимается. Это проще всего сделать при помощи Малышева. А заодно надо засвидетельствовать ему свое почтение и выразить готовность к сотрудничеству. Так может быть. А может, все это и неверно, но сон...»

Ясницкий взял телефонную трубку:

— Скажи мне домашний телефон Малышева...

Ясницкий взглянул на часы: было восемь утра. Набрал номер Сергея и услышав мужской голос, он сказал:

— Извините за столь ранний звонок. Это квартира Малышевых? Я разговариваю с Сергеем Михайловичем? Ясницкий Игорь вас беспокоит. Обстоятельства вынуждают меня звонить в столь неурочное время и так бесцеремонно, извините. Есть очень важное дело, никак не связанное с этой проклятой программой, но, думаю, касающееся нас обоих напрямую. Я хотел бы с вами встретиться и переговорить.

Сергей почему-то не удивился, будто ждал этого звонка, во всяком случае, Ясницкому так показалось.

— Через час я выезжаю к самолету, через три буду в аэропорту, у нас будет около получаса времени, чтобы переговорить.

— Хорошо, через три часа я буду стоять у главного входа в аэровокзал. До свидания. — Ясницкий повесил трубку и глубоко выдохнул. То, что он все делает правильно, — в этом у Ясницкого не было никаких сомнений.

Риикрой с удовлетворением потер руки: «Как приятно иметь дело с умными людьми!»

«То ли ехать на работу, то ли уж не ехать, отменить все встречи и сесть подумать, как лучше действовать в этой ситуации? — размышлял Ясницкий. — Я должен сделать Малышеву конкретное предложение, предложение, понятное и выгодное для него. Я хочу с ним сотрудни-

чать — это мой бизнес. Но это предложение — что-то вроде капитуляции. Таких как я, провинциальных банкиров, в России сотни три. Что, что я могу ему сказать такое, что бы заставило Малышева взять меня в свою команду? Как мне выйти на центральный офис „Юнайтед Системз“, а точнее — на тех людей, которые стоят за ним. Что я знаю? Что я знаю такого, что не знает никто? О чем? О чем, о чем, идиот! — • о ком, а не о чем. Об Иване, конечно. — И Ясницкий углубился в воспоминания всех фактов и обстоятельств, связанных с Иваном Свиридовым. — Я же в тот раз, в гостях у Светланы, предлагал, наверное, то, что сейчас и делает Иван для „Юнайтед Системз“, — глобальную сеть управления людьми. И он? И он тогда решительно отказался, потому что считал это безнравственным. Так... Что, его взгляд на эту проблему изменился или его что-то заставило? Зильберт? Будем называть этим именем тех, кто стоит за „Юнайтед Системз“. А может, я переоцениваю Ивана? Нет, ничего подобного. Его способности, судя по всем экспертным оценкам, нельзя переоценить. Если штаб-квартира „Юнайтед Системз“ — это то, что я предполагаю, то автоматизировать работу этой штаб-квартиры на новом уровне будет Иван».

Ясницкий позвонил в банк:

— Срочно свяжись с Москвой. Есть ли какая-нибудь информация, связанная с фамилией Свиридов в нью-йоркских газетах за последний месяц? Это надо срочно, в течение двух часов... Подними с постели... Стой, еще Малышев и Петрова. У тебя есть их фотографии? Пошли в Москву по факсу. Может быть, есть какие-нибудь публикации, связанные с этими фотографиями. Это мне очень надо. Любые затраты будут оплачены... Я понимаю, что такое невозможно... Подключайте кого угодно. Найдете хоть что-то, буду благодарен и щедр, но в течение максимум трех часов.

«Итак, что я могу сказать Малышеву? Я могу сказать, что Иван совершенно непредсказуем и что мы все под угрозой Ивановой самостоятельности. Почему? Потому, что мне приснился дурной сон... Бог мой, какие натяжки. Но ведь это действительно так. Неужели такой умный мужик, каким, несомненно, является Малышев, думает, что он усидит в своем кресле, если Иван выкинет какой-нибудь свой фортель? На что я могу сослаться? Да на информацию из Нью-Йорка. На что же еще...»

Ясницкий ехал в своем автомобиле в аэропорт, когда ему позвонили из Москвы.

— Иван Свиридов в Америке зовется Джоном Бердом. Это стало ясно, когда мы идентифицировали фотографию музыканта, устроившего скандальный концерт прямо на улице в портовом районе Нью-Йорка, с имеющейся у нас фотографией Ивана.

— Где сейчас Иван?

— Исчез. Никто не знает, где он. Сенсация уже пошла на спад.

— Спасибо, вы оказали мне большую услугу. Вышлите с нарочным мне эти газеты сегодня же. Завтра я вам позвоню.

«Музыкант? А почему бы и нет... Исчез? Уверен, Иван сдал Зильберту свои убеждения и начал работать на него, и он находится где-то в недрах „Юнайтед Системз“. Где его никто никогда не найдет. Может быть, сегодня я знаю об Иване больше всех, вот об этом и надо говорить с Сергеем».

Ясницкий вышел из машины и стал прохаживаться у входа в здание аэропорта. На привокзальной площади было много людей, подъехавших к самолету, вылетающему в Москву. Ясницкий в последнее время очень редко ходил по улицам и редко бывал в толпе, ему было интересно наблюдать за людьми. «Какие странные люди здесь, такое впечатление, что все сильно изменилось за последние два-три месяца, у всех стали хитрые и злые лица. Буквально все чем-то озабочены и куда-то спешат. Странно. Или мне все это только кажется? Вот та лотошница — зачем она так швырнула сдачу клиенту? А он, вместо того, чтобы усмехнуться и уничижить ее взглядом, зачем он ругается с ней? И почему у нее круги под глазами? Разве можно женщине быть с таким лицом? Это же нельзя... А ведь я определенно не в себе. Я испуган, это не люди изменились, это я изменился, это со мной что-то происходит. А происходит то, что я, похоже, впутываюсь в какую-то очень опасную историю. А вот и Малышев идет, сейчас он мне поможет разобраться, в какую именно историю я впутываюсь».

— Здравствуйте, — Ясницкий протянул руку для приветствия. Его лицо было серьезным и озабоченным. «Это человек, которого я должен ненавидеть за то, что он был с тем, кто отнял у меня Наташу, к тому же он доставил мне столько неприятных минут с тем контрактом, но я должен

се это перечеркнуть. Отныне он для меня — представитель могущественной „Юнайтед Системз“ и мой потенциальный партнер», — дал себе установку Ясницкий, и его дисциплинированный разум тут же подавил всю неприязнь, почти физиологическую, которую он испытывал к Сергею.

Сергей оценил широкую улыбку Ясницкого: «Улыбается, как акула. Акула мирового империализма. Нет, не империализма — сейчас это слово не модно — элитаризма. Его хоть сейчас на выставку: „Типы представителей делового мира — преуспевающий банкир“ — без гражданства, без национальности, без границ и без совести... Что же ему надо?»

— Здравствуйте. Чем могу быть полезен?

«Не очень-то приветлив», — подумал Ясницкий.

— Мне нужно увидеть Ивана, Сергей Михайлович, и как можно скорее, — сказал Ясницкий и сам удивился тому, что он сказал.

— Ивана?

— Да, того самого Ивана — Ивана Свиридова.

— Интересно... — Сергей не скрывал своего глубокого удивления. — Мы с вами, как бы это помягче выразиться, так недружельбно расстались, что мне, прежде чем что-то сказать вам об Иване, просто необходимо задать вопрос: «Зачем?»

— Я должен знать, чем сейчас он занимается.

Глаза Сергея округлились:

— Зачем?

— Если он начал реализовывать то, что только он может реализовать, то есть искусственный интеллект, то это представляет прямую угрозу и для меня лично тоже.

— Для вас? Угрозу? — Сергей посмотрел на Ясницкого, как на сумасшедшего.

— Сергей Михайлович, такие люди, как я, очень редко сходят с ума. Объяснять все детали, как и почему я пришел к такому выводу, у меня нет желания, а у вас, по видимому, времени это слушать. На той достопамятной вечеринке, я, провоцируя Ивана, говорил с ним об искусственном интеллекте, он не отрицал возможность его создания, то есть такая возможность не противоречила его Системе. А ведь Иван — человек Системы. Для него не существует того, что не укладывается в его Систему, и наоборот, все, что подтверждает ее правильность, — это реальность. Но он тогда сказал, что не будет этим заниматься, как я понял — по моральным соображениям. Уверен, теперь он занялся именно этим. И он этот интеллект,

и все, что надо для его работы, сделает. Так вот, я хочу — быть среди тех, кто будет рядом с ним в том новом миропорядке, который он установит, а не против него. Понимаете?

— Да.

«Неужели он обо всем сам догадался?» — подумал Сергей.

— Хотите работать на «Юнайтед Системз» — это понятно. Но причем тут Иван?

— Если он сделает эту штуку, то моя судьба будет зависеть только от его воли.

— Убедительно, черт возьми, — Сергей натужно рассмеялся. — Ладно. Спасибо за откровенность. Я не знаю, где Иван и чем он занят, но тоже бы очень хотел знать и то, и другое. Но я знаю наверняка: если дать ему сделать то, что он задумал, — конец и мне, и вам, и не только нам, черт бы с нами обоими, может, мы-то как раз такой конец и заслужили... Будете в Москве — заходите. Может быть, обсудим эту проблему еще раз, — он дал Ясницкому визитную карточку.

— Мои опасения имеют основания? — переспросил Ясницкий.

— Думаю, что да.

Сергей пожал Ясницкому руку и быстро пошел в здание аэропорта.

Ясницкий еще долго стоял и смотрел на толпу. Он чувствовал, что с этого момента его жизнь приобретает какое-то новое значение. «Он пожал мне руку. Пожал сам, значит, простил. Бывает же такое...»

8

Наташа с самого приезда из Америки была не в себе. Внешне для окружающих это никак не проявлялось, но ей стоило немало сил скрыть то, что происходило в ее душе. Будто бы все хорошее, что было в жизни, осталось позади и больше ничего не будет: ни радости, ни счастья, ни любви. И ее любовь к Ивану теперь, как ей казалось, тоже была лишь воспоминанием, и к тому же неприятным. Наташа много работала: поездки, встречи, конференции и деловые обеды — с утра до вечера, но эта насыщенная событиями жизнь была как бы не ее, а какой-то

другой женщины. И эта жизнь была тяжела. Вечером Наташа запиралась в квартире, которую снял для нее Сергей, отключала телефон и ничего не делала. Ничего не хотелось. Ни одно из дел, которыми она любила заниматься в свободное время, не занимало ее. Наташа пыталась разобраться, что же с ней происходит и почему. Причины, казалось бы, очевидны: расставание с Иваном, смена работы, переезд в Москву — и это все сразу. Но ей казалось, что есть еще что-то, что и является главной причиной того, что пропал интерес к жизни. «Потеря любимого, а я его потеряла, надежды нет, потому что я ему не нужна, и все остальное — это трудности, их можно пережить, и я в состоянии это преодолеть, я знаю. Но это еще не все. Кто-то повредил мою душу, которая надеется и верит в добро, — вот в чем причина несчастья, поэтому так бессмысленна стала моя жизнь. И это произошло там, в Нью-Йорке. Не зря, нет, не зря вокруг Ивана выются все эти странные личности. Такое впечатление, что они машины, а не люди. Это мне и тогда казалось, а теперь уверена — там затевается недоброе, и Иван участвует в этом деле». Когда Наташа пришла к этому выводу, ей не стало легче, но мрачные тона, в которые была окрашена ее жизнь, приобрели смысл и значение. «Именно, именно так — с душой, той самой, которая не умирает, там что-то сделали». Это гнетущее состояние, которое овладело ею, заставило Наташу впервые в жизни почувствовать и поверить, что душа у нее есть.

В субботу вечером она пошла в церковь в надежде, что это поможет ей обрести потерянное душевное равновесие. Долго стояла у входа, что-то мешало ей войти. Наконец решилась. Она купила три свечи, прошла к иконе Спасителя и поставила их все. Перекреститься не смогла. «Чужое, все здесь чужое, и нет никакого благолепия ни в иконах этих, ни в лицах священников, — смело подумала Наташа. — Все это исторический духовный хлам».

Она посмотрела на строгий лик Спасителя и спросила:

— Чем Ты можешь помочь мне? Как Ты можешь помочь мне, если допустил такое? Неужели Ты не видишь, кто в Твоем храме? Да меня же надо убить здесь, на месте, или, в лучшем случае, на паперти — молнией. Ты понимаешь это? Нет, не понимаешь — знаешь? Должен знать, иначе какой же Ты всемогущий Бог. Наказание должно быть здесь, сейчас, иначе какое это наказание — бессмысленная

жестокость. Отложишь казнь на потом? Адские муки? Не верю. Не может этого быть, да и смысла не имеет, как любое насилие. Любая жестокость бессмысленна, а Твоя — бессмысленна втройне. И если мое несчастье — Твоя работа, хорошо, значит, это и есть наказание. Но тогда вообще непонятно, зачем мне жить. Вот мне что сейчас непонятно. Чтобы терпеть? Играть свою роль? Роль? — Наташа ухватилась за это слово. — Театр. Я так давно не была в театре...

Она решительно вышла из церкви и тут же, подозвав такси, сказала водителю:

— Я хочу в театр. Можете отвезти меня в какой-нибудь театр?

Водитель, пожилой мужчина, с удивлением посмотрел на красавицу в дорогой шубе и покачал головой:

— В театр? Прямо сейчас?

— Да.

— Боюсь, что вы опоздали. Уже начало восьмого.

— Может быть, получится? Давайте попробуем.

— Ладно, садитесь. Отвезу. Есть одно место, где всегда есть билеты и заходить в зал, как мне кажется, можно в любое время.

Наташа не спросила, где этот театр, и не старалась запомнить, куда ее везут. Ей было все равно, лишь бы куда-нибудь ехать.

Покружив минут двадцать по улицам Москвы, такси остановилось в каком-то переулке.

— Вот молодежный театр. Здесь играют в основном студенты театральных училищ. Говорят, бывает интересно.

Наташа расплатилась, поблагодарила водителя и вышла из машины.

— Вас подождать?

— Да, пожалуй.

Наташа вошла в небольшое помещение, где было написано «касса». Обшарпанные стены обклеены дешевыми афишами, пол из выщербленной метлахской плитки, панели стен красили в последний раз, наверное, еще до войны. Касса была закрыта, вход в театр тоже. Наташа решительно постучала в дверь. Минуты через две дверь открыл высокий парень с серьгой в ухе. У него было худое лицо и большие усталые глаза. Он посмотрел на нее и спросил:

— Вам кого? 474

— Сейчас идет какое-нибудь представление?

— Представление?

— Театр работает?

— Да, сейчас здесь идет светопредставление. Хотите посмотреть?

— Да. Где можно купить билет?

Глаза парня раскрылись еще шире, и он сказал:

— Проходите так. Я вас провожу.

Наташа отпустила такси и решительно вошла в фойе театра. Помещение явно было изначально предназначено для театра, но, судя по всему, построено очень давно, скорее всего еще в прошлом веке, и было очень запущенным. «Ну и грязь, как здесь все обшарпано. Мерзкое зрелище», — только и подумала Наташа. Парень проводил ее в зрительный зал, который был больше, чем Наташа ожидала. Он был заполнен зрителями примерно наполовину. Наташа села на свободное место поближе к сцене и поблагодарила своего спутника. Тот вежливо кивнул головой, улыбнулся и ушел.

«Надо было хотя бы спросить, что тут сегодня идет», — подумала Наташа. Она огляделась по сторонам. В зале в основном была молодежь. — Это хорошо. Значит, есть надежда, что будет что-то интересное, во всяком случае — оригинальное».

На сцене действительно выступали молодые актеры. Представление состояло из ряда небольших музыкальных и драматических пьесок, а в общем-то это скорее было своеобразное шоу. Актеры играли задорно и с большим воодушевлением. Они очень старались, прежде всего для себя, им очень нравилось дело, которым они занимались, и это было очевидно всем, кто находился в зале. И зрители улыбались и аплодировали, охотно поддерживая актеров. Атмосфера спектакля овладела Наташей. Она была полностью поглощена тем, что происходит на сцене, и была совершенно счастлива.

Когда объявили антракт, Наташа продолжала сидеть неподвижно, будто не веря, что это чудесное состояние, в котором она только что пребывала, закончилось.

— Разрешите пройти, — обратилась к ней черноглазая Девочка лет четырнадцати.

— Ой, извините, — будто бы очнувшись Наташа. Она встала и пошла в фойе.

Молодежь, а это все была молодежь — от пятнадцати до двадцати пяти — заполняла пространство этого странного театра. Лица молодых людей и девушек казались На-

таше очень красивыми и какими-то одухотворенными. «Сколько красивых, приветливых лиц. Сколько молодости и счастья здесь, в этом ветхом полуподземном театрик. А как я выгляжу среди этих замечательных молодых людей?»

Наташа подошла к зеркалу и посмотрела на себя.

«Как Снежная королева на карнавале в Рио — вот как». — Наташа заставила себя улыбнуться. И тут увидела в зеркале красивое мужское лицо. Мужчина лет сорока с вызывающе красивым мужественным лицом стоял сзади и смотрел на нее в зеркало. Лицо показалось ей очень знакомым. Наташа повернулась и... не увидела никого. Сзади никого не было. «Куда же он исчез?» — подумала Наташа и оглянулась по сторонам. Мужчины нигде не было. Наташа вновь повернулась к зеркалу, чтобы поправить прическу, и замерла, сердце у нее остановилось. Незнакомец стоял на том же самом месте и ослепительно ей улыбался. «Все ясно теперь — я сошла с ума, — подумала Наташа. — Какой печальный итог». Незнакомец все так же широко улыбался. Наташа не стала поворачивать голову. Она шепотом спросила, обращаясь к зеркалу:

— Мне кажется, что мы знакомы. Где я раньше могла вас видеть?

Она спросила не у человека, а у зеркала. Наташа хорошо понимала, что сзади никого нет. Не мог человек так быстро подойти, к тому же совершенно неслышно.

Человек за спиной молчал. Его лицо стало серьезным и даже угрожающим. Он поднес палец к губам и сделал знак молчать.

— Я должна молчать?

Незнакомец кивнул головой.

— Но о чем? Что я такого знаю, о чем бы я должна молчать?

Незнакомец многозначительно ухмыльнулся. Эту ухмылку можно было расценить как явное сомнение в Наташиной искренности.

— Об Иване?

Глаза незнакомца сделались серьезными, и он кивнул головой.

— А он жив?

Незнакомец также кивнул головой.

— Но почему?

Незнакомец нахмурил брови.

— А я его вообще увижу?

Незнакомец кивнул и подошел ближе. Теперь он стоял прямо за спиной Наташи.

— Скоро ли?

Незнакомец пожал плечами. Потом поднял глаза вверх, выражая размышление, и показал три пальца.

— Три месяца?

Незнакомец медленно покачал головой.

— Три года? Я должна ждать его три года?

Незнакомец развел руками. «Ну вот, я уже начинаю выполнять работу за Аллеина, — сказал себе Риикрой. — Успокаиваю мятежные души. Да, она очень красива и сейчас не в моей власти. Как хорошо, что она пришла в театр... Иван должен работать один. Никто не должен ему мешать. А помешать ему может только эта красавица. Куда там до нее и Малышеву, и Ясницкому».

— Три года... Он у вас в плену? — спросила Наташа. И тут же подумала: «У кого это, у вас? И с кем это я разговариваю?»

Она хотела задать этот вопрос, но незнакомец исчез. Наташа оглянулась и, конечно же, нигде не увидела его. Она прошла по фойе, заглянула в буфет, внимательно осмотрела зрительный зал и убедившись, что незнакомца нигде нет, направилась в буфет выпить стакан воды.

Наташа не чувствовала страха и не думала теперь, что она нездорова. Напротив, она как-то сразу успокоилась, будто бы освободилась от чего-то, что мешало ей жить. «Где же я видела это лицо? И ведь это было совсем недавно. Или, может быть, не лицо, а глаза... Пустые, пронзительные и холодные глаза, и при этом столь выразительные... Где? А не выпить ли мне бокал шампанского, — подумала Наташа, когда подошла ее очередь. И заказала шампанского. Отпив глоток, Наташа чуть не поперхнулась. Она вспомнила, где видела эти глаза! — Ну, конечно же. Это глаза того мужчины, с кем я разговаривала в самолете, когда летела в Нью-Йорк. Лицо другое, а глаза те же! Значит, эта история не закончена, а продолжается. И я буду в ней участвовать. — Наташа отпила еще глоток и тут увидела, что к ней направляются двое: тот парень, который провожал ее в зал, и очень толстый мужчина в очках. На мужчине был самый настоящий смокинг, а на висках у него Наташа заметила капельки пота. — Боже мой, почему смокинг? И в зале совсем не жарко...» — подумала Наташа.

— Честь имею представиться. Фурман Анатолий Борисович, главный режиссер театра. Извините за нашу бесцеремонность, — с выражением искреннего раскаяния произнес толстый мужчина, — но, понимаете, тут такое дело... Я думаю, вы меня простите. С кем имею честь?

— Наташа. Наташа Петрова.

Наташа немного растерялась, но, решив перевести разговор в формальное русло, тут же достала из сумочки свою визитную карточку и подала ее режиссеру. Тот внимательно посмотрел на карточку, картинно выпятил нижнюю губу и сказал:

— Вот это да... Но, впрочем, для нас это не меняет дела. Уважаемая Наталия Васильевна, у нас есть для вас прекрасная роль.

— Для меня, роль? Но я же не актриса.

— Во-первых, почему вы это решили? Я как раз думаю наоборот. А во-вторых, почему вы решили, что все женщины, которые играют на сцене, — актрисы? Уверю вас — это не так.

Наташа пожала плечами и сделала загадочное выражение лица, что должно было выражать ее размышление над этим предложением, — для того, чтобы скрыть свои чувства: «Да, я актриса. Да... И я буду играть любую роль, которую мне предложат. Я очень рада, что вот так, слава Богу, решается сейчас моя судьба. И вы, режиссер, не разочаруетесь во мне никогда...»

— Ну что ж, если вы так считаете, давайте обсудим ваше предложение, — сказала Наташа. — Когда вам удобно?

— Нет, это когда вам удобно? — ответил режиссер. И лицо его сияло. «Как он откровенно радуется», — удивилась Наташа.

— Да хоть сегодня. У меня сегодня свободный вечер.

— Ну и отлично. Значит, сегодня, сразу после спектакля.

— А где мы встретимся? — зачем-то спросила Наташа, она боялась, что они могут как-то разминуться.

— Как где? На сцене, разумеется... — Режиссер еще раз вежливо поклонился, и они отошли.

Наташа допила свое шампанское и пошла в зрительный зал.

Погас свет, раздвинулся занавес, начался спектакль. Люди на сцене говорили, танцевали, пели. Наташа смотрела на них и старалась не пропустить ни одного движе-

ния, ни одного оттенка голоса актеров — не для того, чтобы оценить искусство актерской игры, а для того, чтобы впитать все тонкости переживаний и мыслей, которые хотели выразить актеры. И если это у них получалось, что бы они ни старались выразить: любовь ли, ненависть, радость или печаль — Наташе безумно нравилось, что все это производит на нее такое впечатление. За долгое время... «...Именно так — впервые за долгое время я вполне счастлива. Это такая радость — театр...» Если у актеров что-то не получалось, а это она сразу чувствовала, Наташа не сердилась и не анализировала, почему и что сделано неправильно, а просто как бы пропускала эти эпизоды, потому что дальше ждала увидеть то, что ей понравится. Главное было — не потерять ощущение праздника. И это ей счастливо удалось до конца спектакля.

Отшумели прощальные аплодисменты. Актеры ушли со сцены. Задвинулся занавес. В зале зажгли свет. Публика покинула зал, но Наташа осталась. Когда все вышла, свет снова медленно погас, как перед началом спектакля, и занавес раздвинулся. На сцене никого не было. Наташа оглянулась, в зале тоже никого не было. И вот на сцену вышел толстяк режиссер и, обращаясь к Наташе, сказал:

— Я жду вас, сударыня. Прошу подняться на сцену.

Наташа быстро встала и почувствовала, что ноги ее подкосились. «Что это я так? Я же всегда хотела этого...» — сказала себе Наташа. Она, чтобы побороть волнение, улыбнулась так, будто шла получать приз «Мисс мира», и пошла к сцене. Режиссер вежливо подал ей руку и проводил к микрофону. Он поклонился ей еще раз и отошел за кулисы, оставив ее у микрофона одну. Перед Наташей был пустой зал. Глаза слепило светом прожекторов. Ни в зале, ни за кулисами никого не было. Наташа стояла и молчала не более десяти секунд и вдруг почувствовала, что все в ней враз преобразилось. Лицо ее стало печальным, из глаз потекли слезы. Наташа прикоснулась рукой к лицу, смахивая слезу, и сказала:

— Только что я простилась со своим прошлым. Я знаю, если я останусь здесь, на сцене, все, что прожито и пережито мной, будет только прежняя роль — не больше, и мне Жаль, что это будет так. Мне жаль себя до слез... Какая это была роль! — Лицо Наташи как будто осветилось каким-то внутренним светом, который сразу осушил слезы. —

Никогда ни одна актриса ни сейчас, ни в прошлом не сыграет Наташу Петрову так, как сыграла она себя сама в той прошедшей жизни. Потому что слова, жесты, оттенки голоса и пластика — это всего лишь техника, которая, будь она даже самой совершенной, не может передать то, что была я... Как мне жаль эту свою роль! Но есть еще одна роль, которую никто не сможет сыграть, кроме меня. Только я могу сыграть женщину, которая спасет мир, потому что только я знаю, какой она должна быть, и готова на жертву... Да, жизнь — театр, а люди — актеры; нет более точного определения того, что происходит. А кто режиссер в этом театре? Вас это разве не интересует, не беспокоит? Меня — очень. Потому что страшно, когда люди играют свои жизни, не слушая указаний режиссера, и не понимают того, что такая пьеса закончится светопрествлением...

Наташу прервали аплодисменты. Аплодировали двое: режиссер и еще один зритель, который сидел прямо за спиной режиссера.

— Направьте туда свет,— громко и властно сказала Наташа, указывая рукой на режиссера. Лицо ее запылало гневом. Один из прожекторов направили туда, куда она указала. Незнакомец за спиной режиссера тут же исчез, будто растворился в луче света...

— Bravo, bravo,— смеялся режиссер.— Замечательная импровизация. Так, как вы, такой монолог не смогла бы произнести ни одна актриса — это неподражаемо. Я вас поздравляю, Наташа. Прошла... прошла экзамен на «отлично».

Наташа немного смутилась и виновато улыбнулась:

— Значит, я вас правильно поняла.

— Правильно. Я давно ишу актрису для главной роли в своей пьесе, это скорее музыкальный спектакль, даже мюзикл. Главная героиня работает в крупном банке, успешно делает карьеру. В юности она любила петь и танцевать, но теперь это все в прошлом. И вот по стечению случайных, казалось бы, обстоятельств, почти чудесным образом она становится актрисой кабаре — и отдается этому делу самозабвенно.

— Это обо мне?

— Я буду очень рад, если это так и будет. Вы поете?

— Да, я любила петь.

— Танцуете?

— Это мое хобби.

— Танго?

— Да...

— Маэстро, танго,— сказал толстяк и неожиданно легко, подпрыгивая, как мячик, взбежал на сцену. Зазвучали первые аккорды аргентинского танго.

Наташа вмиг представила, что перед ней красавец, роковой мужчина, в которого она страстно влюблена, но не должна показывать этого, и она выдержала эту свою установку с блеском. Ей не помешало даже то, что она была почти на полголовы выше своего маленького толстого партнера. Танец не закончился несколькими па, пришлось дотанцевать его до конца. Замерев в последнем движении танго, партнеры дружно рассмеялись.

— Мадемуазель поет? — чуть отдышавшись, спросил режиссер.

— Поет.

— И что предпочитает?

— Конечно, оперетту. Это будет мое второе исполнение арии Сильвы, первое состоялось в музыкальной школе. Только мне нужен хоть какой-нибудь костюм, чтобы лучше вжиться в образ.

— Да? — не скрывая удивления, воскликнул режиссер.— Это несколько сложнее, хотя... Это можно. Один момент.— Через минуту режиссер вернулся с бархатной портьерой.

— Какая прелесть! — всплеснула руками Наташа и рассмеялась.— В таком наряде невозможно не спеть, по крайней мере, что-то вроде... — она кашлянула, загадочно подняла глаза вверх и запела.

Пела она так, как обычно поют драматические актрисы, музыкально и выразительно, не делая акцент на голос.

— Так-так-так... а если что-нибудь современное, и попробуй прибавить в голосе. Спой в полный голос.

Наташа спела один куплет из модного шлягера.

— Ну что ж, Наташа, я думаю, дело у нас пойдет. Голос у тебя есть, и голос очень хороший, месяца два занятий по технике — и ты сможешь петь на сцене, а танцевать тебя учить не надо, впрочем, тому, что ты умеешь, и не научишь...

— Господин режиссер,— спросила Наташа,— а могу я почитать пьесу?

— Нет, Наташа, не можешь, просто потому, что она еще не написана до конца. Но мы это с тобой вместе должны сделать в ближайшее время.

— Вот как?
— Да, вот так. Тебя это смущает?
— Да нет, не очень. Просто я не представляю, как это будет: писать сценарий, учиться петь и репетировать — все это одновременно.— Режиссер пристально смотрел на нее и молчал. В глазах его был вопрос.— Хорошо, когда можно начать этим заниматься?

— • Да хоть завтра утром.

Наташа посмотрела на часы. Был уже двенадцатый час ночи.

— Вот это да, пора собираться домой.

— Я вызову такси и провожу вас или... Здесь этажом выше у меня есть квартира, там можно переночевать.

• — Да, лучше квартира, — ни секунды не колеблясь, сказала Наташа.— Если я сейчас уеду домой, значит, завтра утром я проснусь в семь утра и пойду на работу. А если я пойду на работу, значит, я буду работать, и все, что произошло со мной сегодня, будет как сон. Мне нельзя возвращаться домой. Пойдемте в вашу квартиру.

Они вышли из театра, двери за ними закрыл уже знакомый Наташе парень.

— Алексей, завтра часов в одиннадцать мы с Наташей должны прийти на репетицию,— сказал режиссер.— Будь здесь, понадобится твое участие.

— Обязательно буду,— сказал парень.

Наташа протянула на прощанье руку, и он вежливо пожал ее. Рука у парня была большая и сильная. «Как у Ивана,— подумала Наташа, и ей стало грустно. Она подняла голову и посмотрела в глаза Алексею.— • Наверное, он добрый человек».

— Алексей, вы актер? — спросила на прощанье Наташа.

— Немного актер, немного писатель, немного гардеробщик.

— В этом театре Алексей — главный человек,— сказал режиссер.

— Анатолий Борисович несколько преувеличивает,— ответил Алексей и улыбнулся.— Но у нас действительно всегда кого-то не хватает: то репетитора, то осветителя — вот тут-то я и незаменим.

— Рада была познакомиться,— сказала Наташа.

На улице было морозно и тихо. Окна домов не светились, улица освещалась только фонарями. Наташа шла рядом с режиссером, он почему-то не предложил ей руку и

шел молча. Они прошли по улице и свернули в подворотню. Квартира действительно располагалась в том же доме, что и театр. Только вход в подъезд был с другой стороны дома. В подъезде горела единственная слабенькая лампочка.

— Следуйте за мной. Осторожно, пожалуйста,— сказал режиссер.— Этот дом построен в восьмидесятых годах прошлого века и с тех пор не ремонтировался, на лестнице много выбоин.

Только он это сказал, как Наташа споткнулась и чуть не упала.

— • Ой, как тут темно, ничего не вижу.

Все время, пока они поднимались по лестнице, режиссер молчал.

— Мы уже пришли,— наконец прервал свое молчание режиссер и зазвенел ключами.

Квартира была трехкомнатная, комнаты большие, потолок с гипсовой лепкой. Мебель — сплошной антиквариат.

— Это мое фамильное гнездо,— сказал режиссер.— Прошу извинить за беспорядок. Я здесь, в общем-то, нечасто бываю. Признаться, не люблю эту квартиру. Мне все кажется, что здесь находятся души моих предков, а это были в большинстве своем очень беспокойные люди.

Режиссер выглядел усталым, его такое живое лицо осунулось, под глазами появились мешки.

— Ужасно хочется спать,— сказала Наташа.

Режиссер с готовностью кивнул головой. Он проводил ее в комнату и сказал:

— Наташенька, вот твоя постель, вот чистое белье, посмотри, в шкафу должны быть и халаты. Эта комната — что-то вроде гостиной. Работает душ. Спокойной ночи. Имей в виду, в любом случае ты проснешься первой. Проснешься — пой и греми посудой. Договорились?

Наташа обратила внимание, что в замочную скважину изнутри вставлен ключ.

— Договорились.

Было уже около часу ночи, когда Наташа легла в постель. От усталости кружилась голова, спать хотелось смертельно. Казалось, что стоит закрыть глаза, и сразу уснешь, но уснуть почему-то не удавалось. В голове раз за разом прокручивались только что произошедшие события. «Что Же я сотворила? Не сон ли это? Может ли таксе быть?» —

думала Наташа. И сама себе отвечала: «Да, я могла это сделать, потому что осталась одна на свете. И никакой это не сон. Если с кем такое и возможно, так это именно со мной. Если я не стану играть на сцене, то сойду с ума от этой сумбурной и бессмысленной жизни». Уже засыпая, Наташа вспомнила лицо незнакомца в зеркале. «Если все это сделал он — пусть так. Но если я схожу с ума — это ужасно. Сумасшедшая актриса — какой кошмар. И он знает, где Иван...»

Тут мысли Наташи прервались, и она заснула.

Неуловимая грань между сном и явью была пересечена незаметно, и Наташа оказалась на улице какого-то незнакомомго города. Вокруг было много людей, все они были одеты в одинаковые белые одежды. Наташа почему-то не видела, точнее, не различала их лиц. Она обращалась к людям:

— Где я? Как называется этот город?

Но люди ей не отвечали, молча проходя мимо. «Почему они все такие безликие и молчат?» — удивлялась Наташа.

— Эй, кто-нибудь, ответьте мне наконец — где я нахожусь?! — закричала Наташа. — Неужели это так трудно? — Но никто не обратил на нее внимания.

Наташа посмотрела на себя и обнаружила, что на ней такая же белая просторная одежда. Одежда была совершенно невесомой, кожа не ощущала ее. Наташа пошла по улице этого странного города, и люди расступались перед ней. А народу вокруг становилось все больше. Вокруг стоял монотонный гул человеческих голосов, все о чем-то говорили, но, как показалось Наташе, каждый сам по себе, и ничего из того, что говорили, разобрать было невозможно, к тому же никто никого и не слушал. «Какой кошмар. Что за странный город?» — удивлялась Наташа. Дома вокруг были огромные, облицованные полированным камнем. Окна домов были из светоотражающего стекла — черные, как пустые глазницы. Странно, но не было автомобилей и никакой рекламы — нигде.

Наташа вышла на площадь, огромное пространство которой было заполнено народом. И вся эта масса людей, одетых в белое, двигалась в одном направлении, медленно вращаясь вокруг черного куба, расположенного посреди площади. «И здесь народ. Сколько же их?! Чем они занимаются?» — удивлялась Наташа. Вдруг рядом с собой Наташа увидела отца. Он тоже медленно шел, неотрывно

глядя поверх голов туда же, куда и все — на черный куб. Наташа увидела, что на кубе стояло кресло, а в кресле сидел человек, или, возможно, это был не человек, а статуя. И все люди двигались вокруг этого куба, и это людское движение представляло собой своеобразный водоворот из человеческих тел. Толпы людей стекались по улицам этого странного города на площадь для того, чтобы вращаться вокруг куба. Наташа вместе со всеми стала двигаться вокруг куба, медленно приближаясь к нему. Губы отца шевелились.

— О чем ты говоришь, папа? Я ничего не могу разобрать,— спросила Наташа у отца.

Отец посмотрел на нее пустым, холодным взглядом и странно улыбнулся.

— Ты на себя не похож, папа,— испугалась Наташа.

Отец энергично помахал рукой перед своим лицом, будто хотел выразить этим свое несогласие с Наташей. Наташа пожала плечами.

Они с отцом уже несколько раз обошли вокруг куба, и он теперь был совсем близко. Тут Наташа поняла, что люди исчезают в кубе. Они подходят к нему, прикладывают руки, прижимаются к кубу и исчезают в нем.

— Эй, а я-то зачем? Это ваше дело кружиться вокруг этого черного куба, а я туда не хочу.

Наташе захотелось убежать. Но она тут же поняла, что это невозможно. Людской поток неумолимо нес ее к кубу, теперь его черные стены были совсем близко, и движение стало быстрым, Наташа уже шла быстрым шагом.

Наташа с ужасом поняла, что она обречена. Она подняла голову, чтобы посмотреть на лицо человека на кубе, и увидела, что это статуя Ивана.

— Я не хочу туда, папа, отпусти меня! — закричала Наташа. Но вырваться ей не удалось.

Вот и черная стена куба. Наташа в каком-то самозабвенном порыве всем телом прижалась к ее холодной гладкой поверхности и... проснулась.

«Это был сон. Слава Богу... — была первая мысль Наташи. — Какое счастье, что этот странный и страшный сон кончился». Наташа огляделась и обнаружила себя в незнакомой комнате, она сразу вспомнила все, что с ней произошло вчерашним вечером. Наташа быстро посмотрела на часы: половина девятого. «Пора собираться на работу. В десять утра запланирована встреча в Министерстве связи. Пойду я на работу или нет? Чего я вчера наобещала

этому режиссеру?» Наташа быстро поднялась и подошла к окну. Окно выходило на тихую улицу, застроенную старыми домами. «Какой красивый вид. Люблю старые московские улицы. На них только и нужно жить в Москве... Вот что, не пойду я ни на какую работу. Не хочу больше. Хватит... Буду танцевать и петь в кабаре. Сергей меня простит, он добрый, а больше никому и ничем я не обязана. А сон был очень нехороший. Это предупреждение. Наверное, мне недолго осталось жить». Наташа испугалась этой своей мысли, у нее даже сильно забилося сердце и закружилась голова. «Да, я знаю — недолго. Тем более — в кабаре!»

И она пошла искать кухню, чтобы приготовить завтрак.

9

Первое, что сделал Сергей, когда приехал в Москву, — попытался разыскать Наташу. Никто не знал, где она находится. Ему сообщили, что в день, когда он вылетел домой, Наташа не вышла на работу, сообщив по телефону, что берет отпуск на три дня. Сергею это очень не понравилось: «Работы море, работать некому, а она — в отпуск. Так дело не пойдет».

Разыскать Наташу оказалось непростым делом. Домашний телефон не отвечал, мобильный тоже. Сергей поручил секретарю поиск Наташи, а сам занялся делами, которых накопилось очень много. Работать в бешеном темпе Сергею было не привыкать. Он мог, если надо, работать так и по восемнадцать часов в сутки, но, оценив объем срочных дел, понял, что они его захлестнут. Придется принимать скоропалительные решения и распахивать дела по службам без осмысления. «Где же Петрова, черт возьми! Что случилось?»

Уже около двух в кабинете зазвонил телефон.

— Сергей, здравствуй, это я.

— Наташа, ты откуда? Мы тебя потеряли.

— Я... — после длинной паузы Наташа, наконец, произнесла: — Сергей, я должна уволиться.

— Что? Ты где сейчас находишься?

— Сейчас?

— Да, сейчас. Давай-ка встретимся.

— Может быть, встретимся вечером, часов в девять. Приезжай ко мне домой или, если хочешь, я к тебе приеду.

— Нет уж, ты меня так заинтриговала этим своим заявлением, что я хочу видеть тебя сейчас, немедленно. Где ты?

Сергей услышал, что Наташа спрашивала у кого-то адрес.

— Это театр «Радиус», — Наташа назвала адрес. — Приедешь, скажешь, что к Анатолию Борисовичу, и тебя пропустят.

— Через полчаса буду, жди, — сказал Сергей и бросил трубку. — Вот это сюрприз. Она, наверное, с ума сошла. Нет, этого нельзя допустить.

Сергей вызвал водителя и поехал по указанному адресу. «Уволиться. Ничего себе заявление! Что с ней случилось? Уезжал — все было нормально. Работа у нее ладится. Она, а не я лицо фирмы и ее главная достопримечательность. Нет, это какое-то недоразумение...» — размышлял Сергей.

«Батюшки, какой здесь бардак! — подумал Сергей, проходя через вестибюль театра. — Что она здесь делает?!»

Высокий парень с серьгой в ухе проводил Сергея по узкому темному коридору в кабинет. За потрескавшейся скрипучей дверью Сергей увидел письменный стол с конторкой, покрытый зеленым сукном, и два таких же старинных стула. Наташа, одетая в черное трико, стояла, прислонившись спиной к стене, и смотрела на вошедшего Сергея. Она, очевидно, ждала его здесь и сознательно выбрала место против света, чтобы ее лицо было хуже видно. «Странно, на нее это не похоже. Она наоборот всегда старалась показать свое лицо». Сергей посмотрел на нее снизу вверх. На ногах у Наташи были танцевальные туфли, а волосы слиплись от пота.

— Привет, пропавшая, — Сергей хотел сказать «пропавшая», но в последний момент изменил слово. Наташа поняла это.

— Здравствуй, Сергей.

— Как все это понимать?

— Я теперь работаю здесь, в театре.

— Кем? — сухо спросил Сергей.

— Актрисой, — ответила Наташа, виновато улыбнувшись, и пожала плечами. — Кем же еще.

— Какой еще актрисой? Ты же не актриса, а финансовый директор. И что это еще за театр?

— Мне сейчас трудно сказать. Скорее всего, то, что мы сейчас делаем, — Наташа несколько замялась, — это будет что-то вроде кабаре.

— А как же я вместе с нашей фирмой? Мне в кого теперь переквалифицироваться? Может быть, в гардеробщика?

— Прости меня, Сергей. Это для меня такая же неожиданность.

Сергей был в шоке и не очень скрывал это. Ему стоило немало сил, чтобы не взорваться и не накричать.

— Ты думаешь, тебе здесь будет лучше? Это же ведь на три года, а потом — все, барьер, за которым ничего нет, кроме пустоты.

Наташа кивнула головой.

— Верно, ты точно определил срок — три года. Да, это на три года, хорошо, если на три.

— Ну и что? Тебя это устраивает?

— Нет, я хотела бы пожить подольше.

— И что тебе мешает, черт возьми?! Живи и радуйся. Зачем этот задрипанный театрик?

Наташа пристально посмотрела на Сергея, будто оценивая: сможет ли он понять то, что она хочет сказать, и, дважды глубоко вздохнув, будто собравшись с силами, спросила:

— Помнишь тех мужчин, что разговаривали с нами в самолете?

— Помню. Значительные были личности. И что?

— Вчера сюда приходил один из них, не главный, а другой, и сказал, что Ивана не будет три года и чтоб я помалкивала о том, что знаю о нем.

— И на основании этого ты бросила все и устроилась танцовщицей здесь! Так? Приехали! Что это за мужики, — этот вопрос Сергей задал себе, — если они ходят, как те коты, сами по себе и Зильберта не боятся?

— А причем здесь Зильберт? — спросила Наташа.

— А притом, что если этот красавец тебе угрожал, его найдут даже под землей или на Луне. Понятно? Ты никого не должна бояться теперь.

— Не найдут.

— Что значит не найдут? Найдут!

— Не найдут. И он, кстати, знает, где Иван.

— При чем здесь Иван?! — воскликнул в сердцах Сергей, но тут же сменил тон, сообразив, что это-то и есть, скорее всего, причина странного Наташиного поступка. — Ты уверена?

— Уверена...

— Ну, хорошо. Пусть так. Этот тип знает, где Иван. Ивана не будет три года. А причем здесь наше дело?

— Ты ничего не понял, Сергей. Через три года явится Иван и все закончится, — устало сказала Наташа.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, о чем я говорю, не хуже меня. Все...

— Проклятье, — прошипел Сергей, — все с ума посходили. .. Работы — море, а тут вся эта эсхатологическая дребедень. Ты что, серьезно веришь в это?

— Именно так — верю.

— А если я найду Ивана?

— На этот раз, Сережа, тебе это не удастся.

— Почему ты так думаешь?

— Я сегодня видела сон. Все так и будет.

— О, Боже мой! Наташа! Ну давай отдохни, съезди в Ниццу. Сделай что угодно. Я на все согласен. Ладно, можешь даже и уволиться. Найду я тебе замену, хоть и не хочется. Только не сходи с ума. Ты же ведь всегда была такая... такая умная, рациональная.

— Что ты, Сергей. Я — рациональная? — Наташа рассмеялась. — Впрочем, какая разница, какая я была раньше. А теперь я другая. Хочешь посмотреть, как я буду репетировать свой номер?

— Да, хочу, — отрезал Сергей. — Хочу посмотреть на тебя каждый день в офисе.

— Тогда пошли.

— Куда?

— В мой новый офис.

— Подожди, — будто бы спохватился Сергей. — А на что ты будешь жить?

— Я об этом пока не думала.

— Давай вот что. Отложим решение этого вопроса. Хотя бы на месяц. Танцуй, пой, развлекайся...

— Танцуй, пой, развлекайся... Я буду играть спасительницу мира, Сереженька.

— И она танцует в кабаре?

— Я танцую в кабаре.

— Где Иван? — излишне жестко спросил Сергей, будто бы подводя черту этому странному разговору.

— Не знаю.

— Как ты думаешь, где он?

— Думаю, где-то в Америке и работает на Зильберта. Точнее, это Зильберт так думает. Впрочем, я не должна всего этого говорить.

— А на кого работает Иван на самом деле? И почему ты не должна всего этого говорить?

— На кого? — переспросила Наташа.

— На кого? — Сергей был тверд и сверлил Наташу взглядом.

— На того, кто летел в самолете. И Зильберт работает на него же.

— И кто это, по-твоему?

— По-моему?

— По-твоему...

— Тот, который всегда лжет. Вот кто.

— Ты говоришь загадками, Наташа.

— А ты хочешь, чтобы я решала твои проблемы. Иван...

Да, он идет каким-то своим, ему одному понятным путем. Я ему не судья. Он страшен, потому что знает про этот мир больше всех, но не жалок и ничего не боится. Ты, Сергей, не ищи его. Если можешь, брось ты это дело и порви с Зильбертом. Не сделаешь этого — тяжелая у тебя будет жизнь. Ты всегда принадлежал себе, я знаю, теперь тебя наняли и выжмут из тебя по капле все то, что было мне в тебе дорого. Я увольняюсь. Ни дня не буду работать больше. И никогда меня не спрашивай об Иване. Ты меня прости, я просто хочу, чтобы между нами не оставалось неясностей. Вот все, собственно.

Выражение лица Сергея стало сосредоточенным и жестким.

— Значит, тебе жаль меня. Не надо меня жалеть. Я делаю свое дело и буду его делать, пока это будет мое дело. Никто меня не купил и не купит. И это не декларация, нет... — Тут голос Сергея едва заметно дрогнул. — Звони, если что. Ты в этом городе единственный близкий мне человек.

— Спасибо, Сергей. Можно, я приглашу тебя на премьеру?

— Можно. Пригласи. Если передумаешь, ты всегда можешь вернуться.

— Нет. Этого не будет никогда.

— Никогда не говори «никогда».

— Пойдем, Сергей. Сейчас я буду танцевать для тебя.

Сергей пошел вслед за Наташей. Пройдя несколько шагов, он остановился и сказал:

— Наташа, извини, я должен идти. Слишком много дел.

Наташа повернулась, пожала плечами и ответила:

— Ну что ж, тогда прощай.

«Она что — больше не хочет меня видеть? — подумал Сергей. — Наверное, я остаюсь в ее прошлой жизни, вот в чем смысл этого „прощай“».

— Желаю творческих успехов, — как-то неуклюже произнес Сергей. — Не забывай нас.

Сергей повернулся и пошел к выходу, а Наташа провожала его взглядом, пока он не вышел за дверь.

10

Риикрой прогуливался по смотровой площадке на Ленинских горах в облике человека. Он ждал Аллеина, который должен был появиться в этой точке пространства и времени с минуты на минуту. На всей площади от самого здания Университета и до смотровой площадки, которую Риикрой сквозь ночную тьму без труда озирали своим всевидящим взором, не было никого. Тротуары были покрыты тонким слоем снега. Снег поскрипывал под ногами. Было холодно, но Риикрой, разумеется, холода не чувствовал, вид ночной Москвы и Университета также не производил на него никакого впечатления. Любые эмоции Риикрой были чужды, он просто не знал, что это такое. По определению, данному людьми, он был духом зла, а по своей природе — своеобразным логическим механизмом, созданным для выполнения определенных задач, в основном для сбора и переноса некоторой информации. Во второй раз за все время своего существования Риикрой оказался в ситуации, когда он не получал приказов от своего Господина и вынужден был искать этому объяснение. «Тогда Господин объяснил мне, в чем причина его временного исчезновения, а теперь нет. Что же мне делать?»

Основная цель Риикроя всегда была одна и та же — заставить человека усомниться в Боге. Можно было решать эту задачу сейчас и в отношении Ивана, который был его подопечным, но в данном случае цели этой достигнуть было невозможно. «Как можно заставить разуваться в Боге человека, для которого Бог — большая реальность, чем что бы то ни было, человека, который не только видел Бога, но еще и доказал его существование при помощи математических формул». Внимательно ос-

мотрев панораму огромного города, раскинувшегося перед ним во всем ночном великолепии, Риикрой повернулся к Университету и увидел, что на самой вершине шпиля главного корпуса стоит Аллеин. «Ишь, куда забрался, вестник Божий. Знает, где меня надо искать. И кому же теперь нужны твои благие вести? Тем более здесь. Если кому и нужны — только мне. Нашел же местечко! Как тебе там сидится-то, над этим вместилищем разума? Не припекает? — усмехнулся Риикрой. — Здесь ковался Иванов дух „отрицанья и сомненья“». Риикрой часто по долгу службы бывал в Университете. Это было хорошее для него место, он любил его, здесь ему было легко, он чувствовал своим особым обонянием своеобразный аромат, сочетающий дух страданий, оставленный здесь строителями и основателями этого здания, и дух просвещения, который есть настоящий эликсир жизни для духов зла. Этот приятный для Риикроя аромат шел из-под земли, на которой стоял Университет, и от его стен — им было пропитано все. И это постоянно напоминало Риикрою, что Университет — своеобразный памятник силе духа и могущества его Господина.

Риикрой находился в приподнятом настроении — это выражалось в том, что он размышлял на абстрактные темы, используя свой интеллект не по назначению: «Люди говорят, что я — дух зла, потому что подчиняюсь Господину, который, по их представлению, олицетворяет зло; Аллеин — дух добра, потому что подчиняется Творцу, который есть добро, но мы оба находимся выше понятий людей о добре и зле и только выполняем приказы. Наше главное отличие от людей не в том, что мы можем исчезать и появляться когда хотим и путешествовать в пространстве и во времени, а в том, что ни у Аллеина, ни у меня никогда не было иллюзий насчет нашей свободы. И вот теперь такая иллюзия появилась! Я стал похож на человека! Я не знаю, что мне делать, — значит, я свободен!» Риикрой рассмеялся, но тут же подавил смех: он увидел, что к нему приближаются двое парней в длинных пальто.

— Эй, парень, нет ли у тебя закурить? — хриплым голосом спросил один из них.

— Я не курю, — ответил Риикрой. Он прочитал мысли этих людей и выяснил, что они собираются напасть на него. «Оставить их на всю жизнь калеками, или свести их с ума от страха, или просто исчезнуть? — думал Риикрой. — Нет, давай-ка я сегодня сделаю добро», — решил Риикрой и сказал:

— Вы знаете, что говорил Господь: «...не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»*. Я с радостью выполняю эту его заповедь, — и Риикрой повернул голову, подставляя щеку.

— Ты смотри какой? А он над нами не издевается ли? — спросил один у другого.

— Ас чего это ты решил, что я тебя собрался бить? — обратился к Риикрою бандит. То, что это были тупые и жестокие бандиты, к тому же только что принявшие по изрядной дозе наркотиков, Риикрой уже выяснил.

— Извините, если я ошибся, — ответил Риикрой и опять повернул голову, подставляя щеку. Тут же он увидел замах для удара. «Болтун, — подумал Риикрой, когда увидел летящий кулак, — значит, я все же не ошибся. Да и не мог я ошибиться». Он получил сильнейший удар снизу в челюсть. «Если бы я был человек, то это бы был смертельный удар», — подумал Риикрой и повернул, как ни в чем не бывало голову, подставляя другую щеку. На этот раз на него обрушился прямой удар в голову. Риикрой слегка пошатнулся от удара и сказал:

— Так, щеки я вам подставил обе, может быть, теперь подставить задницу, и тогда вы успокоитесь?

Вместо ответа Риикрой получил удар ногой по голове. «Интересно, зачем им это надо? — подумал Риикрой и попытался найти ответ в мыслях этих людей. — Как всегда — никакого разумного ответа. Одна агрессия — как всегда, — убедился Риикрой. — Вот и делай добро. Хорошо, тогда сделаем зло, — решил Риикрой. И он превратил свое тело в камень. После очередного удара нападавший взвыл от боли. Второй ударил Риикроя в пах и схватился за ногу. — Добро, зло — как все это относительно, как все это глупо, в конце концов. Эх, если бы люди были хоть бы в половину так разумны, как я. Они бы не пили вина, не влюблялись, не хорохорились бы, наконец, друг перед другом, как два этих идиота».

— Может быть, хватит, господа? — вежливо спросил Риикрой. — Я, с вашего позволения, удалюсь. — И он скрылся за ближайшим деревом, где и исчез, дематериализовавшись.

Риикрой снова отыскал взглядом Аллеина. Тот теперь находился над часами на восточной стороне башни Университета.

* Матф., 5:39.

— Эй, Аллеин, ты видел, как со мной расправились эти двое? — послал сообщение Риикрой.

— Видел. Ты был не похож на себя, Риикрой. Что случилось?

— Решил направить все свои силы на добро, — ответил Риикрой. — Видишь, что из этого вышло?

Аллеин рассмеялся и спросил:

— Ты все так же сам по себе?

— Все так же.

— Лети сюда. Здесь поспокойней. Поговорим, — сказал Аллеин, расправляя крылья.

Риикрой быстро перелетел на крышу Университета, материализовался и сел на парапет около часов. Аллеин также материализовался и стал не遠деке от Риикроя так, чтобы его не было видно с площади перед Университетом.

— Не хочешь, чтобы тебя видели люди? Почему? — спросил Риикрой.

— Это, наверное, привычка. Не люблю привлекать к себе внимание. Это, как правило, ничем хорошим не заканчивается. Люди так любят чудеса и имеют такое странное воображение, что любой факт моего появления воспринимается как некий важный знак. Его значение и толкование зависят от того, что в голове у человека, который меня видел. Так что я не хочу лишний раз появляться на людях.

— Так-то оно так, но ведь теперь совсем другая ситуация, можно и расслабиться, и позабавиться наконец.

— Ты в своем амплуа, Риикрой. Не путай меня с человеком. Я ведь ангел.

— Я тоже, — как ни в чем не бывало сказал Риикрой.

— Ты — бес. Ты — слуга Сатаны. Врага моего Господина.

— Ну и что. Но я ведь могу все то же, что можешь и ты. Захочу вот, и буду ангелом.

— Ты служишь Врагу! — с возмущением воскликнул Аллеин.

— Служил верой и правдой.

— Ты никогда не видел Творца и не слышал его голоса.

— Истинно так.

— Поэтому не причисляй себя к нашему племени, будь так любезен.

— Хорошо, не буду, если это так тебя раздражает и имеет такое значение. Я буду великодушен, потому что уже

готов к исчезновению, Аллеин. Я знаю, что скоро исчезну. — Аллеин уловил в голосе Риикроя искреннюю печаль. — Ах, если бы я умел получать хоть какое-нибудь удовольствие или переживать эмоции, как люди. Я бы предался всем этим удовольствиям сразу. Но мне ничего этого не дано. Какая жалость...

— Мне тоже... увы.

— Чем же мы отличаемся, по сути? Мы оба — лишь проводники чужой воли. Мы ничего значительного не можем предпринять без приказа, даже исчезнуть не можем. Поэтому предлагаю заключить мир до тех пор, пока наши Господа не вспомнят о нас.

Аллеин осторожно подошел к парапету и, глядя на раскинувшийся внизу город, сказал:

— Мы уже его заключили тогда в бункере. Что нам оставалось делать? Мы духи одного человека. И этот человек ни в чем почти нам не уступает. А может, он уже и не человек вовсе. Нет смысла бороться, когда непонятна цель и нет приказов.

Аллеин увидел, что через проходную на внутреннюю площадь восточного крыла Университета вошла группа студентов, это были юноши и девушки первокурсники. Буквально все они были влюблены, это Аллеин определил сразу.

«Сколько нерастроченной силы в их сердцах, и какие светлые головы у этих ребят, — подумал Аллеин. — Неужели и им не суждено жить?»

— Риикрой, а эти твои фокусы с зеркалом в театре, это твое собственное решение?

— Разумеется. Сейчас все решения мои собственные. Видишь ли, я не хочу, чтобы Наташа кому-нибудь говорила об Иване. Пусть до срока все останется тайной. Я чувствую, что так будет лучше...

Аллеин очень удивился сказанному, но ничего не спросил. Риикрой зевнул в кулак и самодовольно хмыкнул.

— Посмотри, как резвятся эти молодые люди. У каждого конец стоит, что твоя оглобля, и в головах сумбур. Да и девицы ничего, достойные бестии. Ишь, как хвостами крутят. Неужели тебе не хочется, чтобы их счастье продолжалось хоть немного подольше?

Аллеин пропустил это мимо ушей.

— А к решению стать актрисой не ты ли подтолкнул Наташу?

— Нет.— Риикрой, прищурившись, посмотрел на Аллеина.— Я думал, это твоя работа.

— Як этому никак не причастен.

— Слушай, Аллеин, а зачем теперь нужны мы? Из всего сонма духов мы остались вдвоем, и события теперь развиваются без нашего участия. Ты, вообще говоря, зачем здесь?

— Я должен был охранять Ивана от тебя, чтобы ты не мешал ему исполнять волю Творца. А ты?

— А я должен был не дать тебе установить над Иваном власть! Кстати сказать, похоже, мы с тобой оба не справились, потому что наши Господа сами вмешивались в события.

Аллеин посмотрел на Риикроя и сказал:

— Думаю, ты прав. Мне вообще непонятно, зачем я сейчас нужен. Иван все равно делает свое дело, и ни я, ни ты не имеем над ним никакой власти. Сейчас он в бункере у Зильберта и занят только собственными проблемами. А наши Господа все молчат. И наша роль мне теперь совершенно непонятна. Ты понимаешь что-нибудь?

— Я понял, что я — жертва, а ты это понял? — Лицо Риикроя стало мрачным, как ночное небо.— Чем это все закончится, как ты думаешь, Аллеин?

— Думаю, что Иван выполнит обещанное, и тогда через три года наступит конец этому миру и нам тоже. Я это чувствую.

— И что мы будем делать все эти три года? — спросил Риикрой и стал на край парапета. Он смотрел вдаль, буд-то стараясь что-то разглядеть на ночном небе.

— Предлагаю находиться все это время рядом с Иваном. Ведь там решается и наша с тобой судьба.

— Разумно,— охотно согласился Риикрой.— Кто бы мог подумать, что Иван примирит нас, вечных врагов. А вечные ли мы враги, Аллеин?

— На время примирит,— поправил Аллеин, видимо, не поняв весь смысл сказанного.

— И все это до крайности удивительно. Не правда ли, ангел? — и Риикрой громко засмеялся. Так громко, что его смех слышали молодые люди, стоявшие внизу. Они все разом подняли головы. Риикрой тут же дематериализовался и с криком: «До встречи в гостях у Антихриста!» — ру*нул вниз.

«Каков актер? Вечный актер».

Аллеин посмотрел вниз, на ночной город, потом на темное, без единой звездочки, небо и, мысленно попрощавшись со всем этим, устремился вслед за Риикроем туда, где находился Иван.

11

Аллеин не привык подолгу размышлять, его действиями всегда управляли чувства, главным из которых была безграничная любовь к Творцу. Это было чувство, наполнявшее его существование самым высоким смыслом, и если можно говорить о счастье ангела, то делало его счастливым. Аллеину вновь, хоть ненадолго, захотелось ощутить себя воином Бога, призванным исполнять его волю. И он, вместо того чтобы сразу перенестись в Иванов бункер, решил совершить прощальный полет над Землей в надежде, что это поможет ему избавиться от чувства собственной ненужности и одиночества. «Если это не нужно сейчас Творцу, то это нужно мне»,— решил Аллеин и стал подниматься вверх над шпилем Университета.

Мозг Аллеина был своеобразным сверхчувствительным приемником человеческих эмоций, а самыми сильными из них были любовь и ненависть. И то, и другое порой переходило всякие границы и доводило людей до иступления. А когда такие сильные чувства охватывали массы людей, то на Аллеина это действовало, как эмоциональный шок. Воспоминания о таких событиях оставались у него навсегда. Аллеин наблюдал за людьми многие тысячи лет, и каждый год на Земле происходило множество своеобразных духовных катаклизмов, которые заставляли его вновь и вновь переживать взлеты и падения его веры в человечество. Но самыми значительными событиями для Аллеина были те, в которых принимали участие его люди, то есть те, которых он опекал, душу которых он принимал от Бога в мир, а потом провожал в мир иной. Стены домов, предметы, даже скалы и сама Земля сохраняли для Аллеина своеобразные приметы этих потрясений. Для него выражения: «дух истории» или «эти стены видели многое» — были не аллегориями, а имели прямое значение.

Аллеин не стал рассуждать о том, что именно бы ему хотелось посмотреть на прощание, это был не его метод.

Он поднялся высоко над Землей, так, чтобы можно было видеть целые страны. Правда, с такой высоты было трудно находить знакомые города и тем более дома, но зато отсюда лучше можно было обозревать всю панораму событий как происходящих, так и прошедших, запечатленных в неведомых людям следах. Аллеин летел в пустом холодном пространстве, вглядываясь вниз, его чувства были предельно напряжены.

Страны и города, наполненные человеческими мыслями и переживаниями, медленно проплывали внизу. Мир людей был холоден как никогда, любовь к Богу не согревала ни души людей, ни здания, ни землю. Отдельные искорки истинной, бескорыстной человеческой любви к Богу тлели кое-где под толстым слоем рационализма, но их было явно недостаточно для того, чтобы вновь разжечь огонь веры. Аллеин вспомнил свой полет над Европой в 1347 году, когда от чумы умирал каждый третий. Тогда вся Земля полыхала жарким пламенем истинного религиозного чувства. Все зывало к Богу. Казалось, весь эфир был пронизан человеческими мольбами: «Помоги, Господи» или «прими, Господь, мою грешную душу». Аллеин увидел знакомый собор в Вене, с которым у него было связано одно из самых загадочных событий его жизни, и быстро устремился вниз. Аллеин приземлился недалеко от собора, у памятника умершим от чумы. Большинство людей проходили мимо, не обращая внимания на памятник, некоторые ненадолго останавливались, чтобы рассмотреть его. Аллеин прочитал мысли этих людей. Редко кто изшедших мимо, глядя на памятник, вспоминал о Боге, а если вспоминал, то это было обращение не столько к Богу, сколько к собственной памяти или иногда к совести. Раньше Аллеин не задумывался, почему это так, он только определял сам факт, что люди все больше забывают Бога, и это было достаточно для того, чтобы осудить людей. «Почему у некоторых людей, которые смотрят на памятник, чувство скорби смешивается с чувством вины, они ведь вообще никак не были виноваты в смерти погибших от чумы в то страшное время? Странное чувство — человеческая совесть, — подумал Аллеин, — оно сродни вере, потому что иррационально для тех, у кого оно развито. Не удивительно, что люди часто принимают голос своей совести за голос Бога, подменяя веру в него чувством справедли-

вости и ответственности за судьбу других. Если бы они знали, что это значит и к чему приведет!»

К памятнику подошли мужчина лет сорока и две девочки, одной было лет восемь, другой двенадцать. Мужчина снял с головы спортивную вязаную шапочку и, помолчав с минуту, начал рассказывать детям о том, что значит этот памятник. Дети внимательно слушали, потом младшая спросила:

— Папа, а сейчас чума есть?

— Нет, дочка, сейчас это большая редкость. С этой страшной болезнью научились бороться.

— Как хорошо, — сказала девочка и с облегчением, будто страхивая с себя страх, вздохнула.

— Людям пришлось заплатить за это знание миллионнами жизней и веками страха. Как трудно даются все воистину великие открытия, — сказал отец и взял девочку за РУКУ-

Они постояли еще немного и пошли дальше, к памятнику жертвам нацизма. Аллеин медленно побрел по бульвару в другую Сторону. «Почему я должен смотреть на людей только глазами Творца? — вдруг неожиданно для себя спросил Аллеин. И не ужаснулся этой мысли, возможно потому, что знал, что Творец его сейчас не слышит. — Почему? Жизнь так сильно изменилась с тех пор. И люди не стали хуже. Стали ли они лучше? Не берусь судить, но этот мужчина прав: если смотреть на историю с их точки зрения, с точки зрения смертных, они действительно заслужили эту жизнь, жизнь без чумы и жестоких войн. На пути к этой жизни они растеряли веру в Бога и приобрели уверенность в своем разуме. И это — причина того, что скоро должно произойти?!»

Аллеин медленно сквозь толпу пошел прямо через площадь к собору Святого Стефана. Готический собор возвышался огромной ажурной скалой на несоответствующей маленькой площади. Камни этого собора звучали для Аллеина как камертоны, потому что были уложены в стену с молитвой, запечатлевшей чувства положившего его человека. И потом веками вбирал в себя молитвы множества людей, которые здесь побывали позднее. Собор светился теплым светом и выглядел для Аллеина совсем не так, как для людей. Аллеин не видел его почерневших от времени стен, но зато различал, правда, с трудом, оттики душ строителей собора, выступавших бликами этого странного сияния из толщи каменной кладки. Аллеин вошел в собор.

В этот утренний час в соборе было мало людей, было тихо, но в этой тишине как бы звучали голоса прошедших поколений, которые в течение сотен лет молились Богу. Кажется, весь собор был заполнен этими голосами. «Каждый, кто был в этом соборе, оставил здесь частичку своей души,— подумал Аллеин,— и эти две молящиеся Спасителю старушки тоже». Одна старушка просила у Бога прощения за все свои грехи, другая читала «Отче наш». Аллеин пошел к алтарю.

В соборах подобных этому раньше всегда было много ангелов, теперь Аллеин был один, в остальном же ничего не изменилось. «Когда же я в последний раз был здесь? — вспоминал Аллеин.— Это было в 1938 году. В день, когда в Вену приехал Гитлер. Я был здесь, потому что мой подопечный тогда пришел в собор, чтобы просить у Создателя отвести беду от его страны. Молитва была страстной и шла от сердца, это точно. Франц, так звали этого человека, храбро сражался и погиб в сорок первом под Москвой, он замерз...»

Аллеина привело сюда не это воспоминание. Здесь, в соборе, на том самом месте, где он сейчас стоял, у стены за колонной умер от чумы маленький мальчик, его мальчик. Но на Аллеина произвел столь сильное впечатление не сам этот трагический случай, а то, что ребенок, еще находясь в сознании и понимая, что скоро умрет, так же, как умерла вся его семья, не молился здесь Богу. Мальчик, а ему было восемь лет, пришел сюда, когда понял, что заболел, и, проникнув в собор, спрятался в нем. Он шел в собор по зачумленному, обезумевшему от страха смерти городу, зная, что очень скоро умрет, чтобы умереть в соборе, который строил его отец, каменщик. Мальчик думал о своем отце и о прекрасном соборе, который воплощал для мальчика всю красоту мира, а о Боге не вспомнил ни разу. Аллеин знал, почему так произошло, хотя мальчик не отдавал себе в этом отчета. Ребенок подсознательно решил, что построенный людьми в честь Бога с таким старанием прекрасный собор и есть символ спасения и оправдания грехов. И это был величайший грех, грех, которому, по убеждению Аллеина, не было прощения. Иногда люди в минуту скорби и потрясений проклинают Бога, такое на памяти Аллеина случалось, но вот чтобы о Боге даже не вспомнили, да еще и в соборе,— этого не было никогда. Мальчик был из глубоко верующей семьи и пел в церковном хоре, но здесь, даже когда

он находился на грани беспамятства, он не вспомнил о Боге, будто бы забыл о нем, потому что этого требовала его совесть... За долгие века своего присутствия на Земле Аллеин принимал десятки смертей своих подопечных: иудаистов, христиан, мусульман, детей и взрослых, но эта смерть запомнилась ему больше всего.

«И все же, что привело меня именно сюда в столь трудный час моей жизни? — спросил у себя Аллеин. Стены собора молчали, точнее не молчали, а все так же пели свою тихую песню, песню молитвы.— Если я не могу разговаривать с Творцом, я уже ничто, я уже не воин? Я служил Богу и людям. Моя служба Богу заключалась в исполнении Его приказов, теперь Он не слышит меня и ничего не говорит мне. Я не знаю, что я должен делать для Него. Если я не могу служить Богу так, как Он хочет, значит, я должен послужить людям. У меня не хватает мужества самостоятельно решить, что же я сейчас должен делать. И я стараюсь найти его здесь, в этом соборе, заняв это мужество у давно умершего ребенка, который тоже не слышал своего Бога, но не имел таких сомнений. Я знаю, где душа этого ребенка, и теперь понимаю, почему он не заслуживает проклятия. Он, безгрешный, по крайней мере, поступил по совести. Так же должен поступить и я. Мне, последнему ангелу, не хватает мужества, чтобы сделать до конца свое дело, как требует моя совесть, назовем это чувство так. Если мне суждено исчезнуть, то я должен сделать это рядом с определенным Им человеком. И я должен служить этому человеку, как я служил Ему. Потому что я не могу не служить...»

Аллеин поднялся под купол собора и вылетел прямо через купол, потому что стены и крыши зданий не были для него препятствием. Теперь он летел быстро и вскоре сквозь толщу земли и бетона увидел сидящего у Самаэля Ивана, но, к удивлению Аллеина, Риикроя рядом с ним не было.

12

Риикрой, покинув крышу Университета, отправился не к Ивану, а на Арбат. «Если Сатана за мной не следит, а это, очевидно, так, и никаких приказов нет, значит, я могу ненадолго побыть человеком,— решил Риикрой.— Это,

конечно, не получится в полной мере, но я хоть сыграю эту роль так, как мне хочется, а не как хочется кому-то, и попытаюсь получить от этого удовольствие».

Материализовавшись в подземном переходе около метро, Риикрой пошел по ночной улице. «Что мне надо сделать, чтобы чувствовать себя человеком? — размышлял Риикрой. — Во-первых, необходимо видеть мир так, как видят его люди». И Риикрой усилием воли, он мог это делать, убрал свое всепроникающее зрение, оставив для себя возможность видеть только то, что видят люди. Ограничил слух уровнем обычного человеческого восприятия и полностью отключил приемник человеческих чувств и эмоций, который у него был точно такой же, как и у Аллеина. Надо сказать, что Риикрой обладал таким же набором возможностей, что и Аллеин. Произведя над собой все эти операции, Риикрой почувствовал себя очень неуютно. Он испугался, что его могут застичь врасплох. Правда, Риикрой быстро с этим справился, потому что своей основной способности — дематериализовываться и менять облик — Риикрой себя не лишил и в крайнем случае мог исчезнуть. Риикрой шел по старому Арбату, то и дело оглядываясь. Мысль о том, что на него могут неожиданно напасть, не оставляла его. «А чего я, собственно, боюсь? — удивился Риикрой. — Ведь даже если на меня неожиданно нападут, мне не смогут причинить зла, потому что я неизмеримо сильнее любого мужчины и к тому же меня ведь невозможно убить. — Пройдя еще немного по улице, Риикрой остановился и задумался. — Это ведь нечестно. Какой же я человек, если в сто раз сильнее? Раз уж решил попробовать быть человеком — будь им... — И Риикрой приказал своему телу стать мягким и таким же слабым, как человеческое тело. — Эге, что-то стало совсем неуютно, — поежился Риикрой. — Как можно существовать с таким телом? — Тут Риикрой увидел перебегающего улицу кота. Кот то и дело оглядывался, останавливался, прижимался к асфальту и увидев, наконец, знакомую подворотню, в два прыжка достиг желанного убежища и скрылся. Риикрой рассмеялся. — Как я, наверное, похож на этого кота. Ладно, надо идти, вживаться в образ. До рассвета осталось недолго.

Что значит чувствовать голод? — размышлял Риикрой. — На что это похоже? — Он вызвал боль в области живота и решил: — Пока не поем, пусть болит, напоминая о себе, —

и немного подумав добавил: — Боль должна усиливаться, и если я не поем неделю, нет, две недели, я самоуничтожусь. Но это еще не все. Силы и возможность рассуждать на абстрактные темы должны со временем убывать».

Риикрой прошелся по Арбату и свернул на бульвар. У памятника Гоголю он сел на скамейку. От Москвы-реки дул ветер, и Риикрой чувствовал, как он проникает сквозь его добротное, «сшитое» по последней моде из самой лучшей ткани пальто. «Ба, да я ведь еще должен чувствовать и холод. А это как смоделировать? — Подумав немного, Риикрой решил, что он должен замерзнуть насмерть, если побудет здесь на ветру сутки. Потом уравнение, моделирующее это состояние, было увязано с уравнением, описывающим боль в животе. — Верно: чем человек голоднее, тем он быстрее замерзает. Я это видел...» Прилетела стайка воробьев. Воробьи прыгали по заснеженному тротуару и искали корм. «Как погано-то, — подумал Риикрой, — если буду так сидеть, то ведь сохну — не от голода, так от холода. Эти воробьи, наверное, провели ночь около теплой трубы, а у меня-то нет дома и идти некуда, и денег, чтобы купить поесть, — тоже нет. Дрянь дело. Где же взять деньги? Что в этом случае делают люди? Или что-нибудь продают, чаще свой труд, или крадут, или берут силой — вот основные способы получить необходимое. — Риикрой поплотней закутался в пальто, надвинул шапку на глаза и стал размышлять. — Логично делать то, что проще. Мне проще кого-нибудь ограбить — зарабатывать некогда. — Риикрой углубился в воспоминания. Его огромный опыт общения с людьми подтверждал, что в его ситуации это было наиболее человеческое решение. — Почему я должен здесь замерзать и голодать, а кто-то сытый не знает, куда девать деньги? — решил Риикрой. — Люди не делают этого только из страха, боясь, что не получится, вдруг тот, у кого собираются отнять, окажется сильнее или за него заступится закон, что то же самое. Некоторые боятся наказания Творца. Они называют это совестью, чудачки... Меня Он не накажет, а силы я не боюсь. Значит, надо все-таки кого-нибудь ограбить».

Риикрой решительно поднялся и направился в ближайший переулок. Он увидел, что из подъезда выходит массивный мужчина в длиннополом кашемировом пальто. Мужчина направлялся к дорогому лимузину, ожидающему его у подъезда. Следом шел здоровенный охранник.

«Какая привлекательная парочка. У этого индюка, наверное, много денег». Из соседнего подъезда вышла пожилая женщина и повернула навстречу Риикрой. «Кого из них грабить? Женщина слаба, но у нее мало денег,— быстро соображал Риикрой,— мужчина силен, но у него много денег. А у меня времени всего несколько часов. Либо грабить нескольких таких женщин, либо одного богатого». Перемножив вероятности, Риикрой принял решение — грабить богатого. Он ускорил шаг, быстро подошел к мужчине и, отодвинув правой рукой рванувшегося было в его сторону охранника, уложил обладателя кашемирового пальто на асфальт одним ударом. Мужчина упал лицом вниз, и из носа у него хлынула кровь, растекаясь по тротуару, припорошенному снежком. Отлетевший в сторону охранник выхватил пистолет и выстрелил. Второй раз он выстрелить не успел — Риикрой убил его пинком в голову. Женщина громко закричала. Риикрой взял выпавший пистолет и выстрелил в женщину — «чтоб не кричала». Потом он быстро обшарил карманы всех троих и удалился. Только пройдя метров сто, Риикрой обратил внимание, что на левой стороне груди у него на пальто дырка. «Ба... да охранник-то меня застрелил! — воскликнул Риикрой. Это его так удивило, что он даже остановился.— Значит, по человеческим меркам, я уже мертв и меня не мучает ни голод, ни холод и денег мне уже не надо». Риикрой достал бумажник с деньгами и посмотрел на него в недоумении. «Чистого эксперимента не получилось. Но тем не менее надо его продолжать, ведь другой такой возможности, скорее всего, не будет. Теперь у меня куча денег. Во всяком случае, их должно хватить на сегодня. Что бы сделал человек в моей ситуации? Я теперь убийца. И у меня до того, как меня схватят, должно быть совсем немного времени. Если скрыться от преследования маловероятно, а я буду считать, что это так, значит, на прощание надо получить максимум удовольствия. Во-первых — хорошо поесть, выпить, найти женщину. Какие еще удовольствия есть у людей? — Риикрой хмыкнул.— Что такое для меня женщина? — Он задумался и после недолгих размышлений решил: — Это как будто утолить голод за раз — сто раз». — И, не рассуждая больше, запрограммировал себя, исходя из этой установки.

Уже стало совсем светло, но магазины, кафе и рестораны были еще закрыты. «Что за город? — возмущился Риикрой.— Пожрать негде. А почему я мучаюсь? Я же богат».

Риикрой решительно ступил на проезжую часть улицы и протянул руку. Менее чем через минуту резко, со скрипом тормозов, рядом с ним остановился автомобиль. За рулем сидел молодой парень в кожаной куртке и просторных малиновых штанах из какой-то мягкой ткани. Риикрой открыл дверь автомобиля и, придав лицу выражение твердой уверенности в себе, сказал:

- Отвези меня позавтракать в хорошее место.
- В каком смысле хорошее?
- В самом человеческом.
- €девчонками значит?

Риикрой вместо ответа сел в кресло и, вальяжно развалившись, сказал:

- Поехали.
- Это далеко. А меня шеф ждет.
- За сто баксов он подождет?
- За двести...
- Поехали. Жрать хочется.

Автомобиль резко рванул с места и за пять секунд набрал максимальную скорость. «Лихой водила,— подумал Риикрой,— так недолго и разбиться. Он рискует,— и, рассмеявшись про себя, добавил: — А я нет. Что особенно приятно. И какой русский не любит быстрой езды...»

- А куда мы едем?
- Есть тут один ресторанчик. Кухня хорошая, сервис, ну и все такое... Что душа пожелает. И главное, там всегда рады принять гостей. Даже утром.
- Там есть все, что душа пожелает. Отлично! — Риикрой потер руки.— А цены?
- Умеренные, если не загигать самому. Ну, понимаете?

— Понимаю, понимаю,— с готовностью согласился Риикрой.

К удивлению Риикроя, ехали они совсем недолго. «Что же он с меня так дорого взял? — возмущился Риикрой,— так мне денег до вечера может не хватить. Какое жлобство! Мне они так тяжело достались. Я так рисковал. А этот бессовестный лихач содрал с меня три шкуры».

— Приехали,— сказал водитель,— выходите, а то шеф совсем меня зажался, голову оторвет.

- Голову оторвет? — переспросил Риикрой.
- У меня крутой шеф.

Риикрой сделал каменное лицо и сказал:

- Держи пятьдесят баксов, и я пошел.

- Что? — лицо водителя вытянулось от изумления. Что-что, я не понял? Да ты что, козел, спятил? Ты со мной так не шути, деньги давай.

Риикрой тем временем размышлял: стоит ли ему применять силу. «У меня сейчас пятьсот долларов, которые я взял у индюка, сто долларов и триста тысяч рублей, что я взял у телохранителя, и двадцать четыре тысячи рублей мелкими купюрами — у женщины. Мне на эти деньги предстоит прожить целый день. И отдать сразу двести за пятнадцать минут езды? А не проще ли оторвать ему голову... вместо шефа?»

Риикрой открыл дверь и молча вышел из машины. Водитель быстро выскочил, подбежал к Риикрой и схватил его за грудки. Глаза водителя были налиты кровью, все его лицо излучало звериную злобу и ненависть. Он шипел и брызгал слюной в лицо Риикрой:

— Давай деньги, гнида, иначе я душу из тебя вытрясу.

— Какое бескультурье,— сказал Риикрой. Он сжал руками голову парня и резким рывком приподнял его над землей. У парня глаза вылезли из орбит и почему-то вывалился язык. Риикрой затащил парня в машину и захлопнул дверцы. — Отдыхай. Судный день уже скоро. Тот, кто призван судить, разберет, насколько я был неправ. «А куда же он меня привез?» — подумал Риикрой и огляделся. В переулке никого не было. — Тогда сделаем вот что... — Риикрой открыл багажник и перетащил труп туда. Голова парня болталась, как будто была привязана к телу на веревке. Поместив труп в багажнике, Риикрой заглянул в мертвые глаза парня и сказал: — Это тебе наказание за жадность. А может, и награда... — Он обшарил карманы. Нашел кошелек и тщательно пересчитал деньги, их было семьсот тысяч рублей. — Ты смотри-ка, какая удача. Ну, теперь пора позавтракать. Где же это замечательное место с хорошей кухней и женщинами? — Но сколько Риикрой ни глядел по сторонам, он не мог обнаружить ничего похожего на ресторан или кафе. Он уже собирался вернуть себе свои обычные способности, чтобы найти это заповедное место, но тут заметил красивую, длинноногую блондинку лет двадцати семи, показавшуюся из двери, над которой не было никакой вывески. Лицо у женщины было уставшим, а взгляд каким-то потухшим. Риикрой считал, что эта дверь вообще закрыта на замок. Так оно и было, потому что он только что пробовал ее открыть, но безуспешно. Ослепительно улыбаясь, Риик-

рой подошел к девушке и, предупредительно склонив голову, спросил:

— Не подскажите ли, где здесь можно позавтракать? Девушка, окинув Риикроя недоуменным взглядом, ответила:

— Вы хотите пригласить меня позавтракать?

Теперь уже растерялся Риикрой. «Как можно жить, не читая мысли,— злился Риикрой. — Что она от меня хочет?»

— А почему бы и нет. Я буду очень рад, если вы составите мне компанию.

— Тогда я предлагаю зайти сюда. Здесь славненько.

— Славненько? Ну и отлично. Идем. — Риикрой с ходу перешел на ты. «И все-таки — как неудобно, когда не можешь прочитать человеческие мысли. Это было бы мне нужнее всего именно сейчас. Трудно все же быть человеком».

Помещение, куда они попали, очень напоминало бар. Девушка уверенно прошла к столику и села. Риикрой сел рядом. Тут же к ним подошел официант, у парня было смуглое красивое лицо и внимательный, умный взгляд холодных глаз. «Какая отвратительная рожа у этого парня,— оценил подошедшего Риикрой,— это точно — наш человек. Аллеин бы сблевал от одного его внешнего вида».

— Желаете позавтракать? — спросил официант.

— Да, желаем.

— Могу предложить... — И официант начал перечислять блюда.

«А эту девку я, по идее, должен теперь оттрахать. Это будет вполне по-человечески. По-видимому, чтобы не ставить ее в неудобное положение, я сразу должен ее в этом уведомить».

— Мадмуазель, мы можем продолжить наше знакомство после завтрака? — спросил Риикрой. Женщина подглядела на него немигающий взгляд и сказала:

— Можем.

— Здесь?

- Да .

— Сколько это будет стоить?

— Триста.

— Хорошо,— быстро согласился Риикрой.

Официант принес завтрак. Риикрой начал молча есть, отслеживая, как уменьшается чувство голода. «Это первый завтрак за все время моего долгого существования.

И сразу с женщиной, и на собственные деньги. И все же как было бы здорово, если бы я сохранил все свои обычные способности. Я бы очень быстро мог заработать кучу денег и не шараться по городу, как старая слепая крыса, а идти точно по следу. Вот я сейчас давлюсь вчерашней отбивной, а этот сукин сын, может быть, продумывает, как лучше прострелить мне голову. Может быть такое? — Женщина почти ничего не ела и ничего не спрашивала. Она даже не пыталась изобразить хоть некоторое подобие оживления. — За триста баксов могла бы хоть немножко подыграть. Ленивая корова...»

Закончив есть, Риикрой расплатился, оставив чаевые, и спросил:

— И куда теперь?

— Идите за мной. Кстати, как вас зовут?

— Иван, — представился Риикрой именем своего подопечного.

— Идемте, Иван, тут все предусмотрено.

— А как зовут вас? — спросил Риикрой.

— Наташей.

— Вот как?

— Что тут такого? — впервые проявив некоторое оживление, спросила женщина.

— У меня есть знакомая Наташа.

— А, понятно...

Они поднялись по лестнице на второй этаж. Женщина достала из сумочки ключ и открыла дверь.

Риикрой рассуждал: «За завтрак я заплатил пятьдесят долларов. А за то, чтобы ее трахнуть, заплачу триста. То есть, это должно быть для человека в шесть раз значимее, а стало быть — приятнее. Оценив предварительно, что это в сто раз значимее, я ошибся не в сто, а только в шесть... Почему я раньше никогда не задумывался над мотивацией человеческих поступков с точки зрения их денежного выражения? Я смотрел на эти маленькие человеческие слабости только как на проявление похотливой человеческой природы, а ведь за этими поступками целая философия, выраженная в деньгах. Велик Творец, создавший человека. Я заработал деньги и теперь думаю, как их истратить. Ну не на милостыню же. Конечно, я должен за них купить удовольствие. Плохо только, что мне не дано узнать, что означают эти чувства. Это знает любое животное, а мне не дано, потому что я — духовная сущность. Какая жалость. — Но с этим, увы, ничего не сделаешь. У меня отсутствует

центр наслаждений. Мудр Творец, не давший его духам, иначе мы бы все уже удрали к людям. Мне ничего не остается, как руководствоваться чувствами этой женщины», — решил Риикрой.

Он не торопясь раздел женщину, потом разделся сам. Положил ее на кровать и стал делать свое дело, внимательно следя за выражением глаз женщины. К удивлению Риикрой, в глазах не отражалось ничего, что можно было бы счесть следствием получения удовольствия. «Может быть, она фригидная? — размышлял Риикрой. — Ну, нет уж, за триста-то долларов должна она хотя бы изобразить страсть».

— Тебе что, совсем не нравится? — спросил Риикрой.

— Нет, почему же, ты молодец.

— А мне кажется, что ты вот-вот заснешь.

— Изображение страсти не входит в расценку.

— А как же истинные чувства?

Риикрой почувствовал, как напряглось тело женщины.

— Зачем они тебе?

— Я ведь покупаю любовь или страсть, что тоже неплохо. И я честно и, как мне кажется, профессионально делаю свое дело. Почему же ты за такие деньги лежишь как бревно?

— • Ты что, не можешь кончить? Ладно, я тебе помогу. — Женщина начала двигаться, показывая незаурядное мастерство. Уж кто-кто, а Риикрой насмотрелся на профессиональных проституток — со времен Древнего Египта и до сегодняшнего дня — и знал, как они могут работать, если хотят. Но выражение глаз женщины не изменилось. «Что она ведет себя как партизанка, которую насилует взвод карателей? Решила откупиться от меня своей потной спиной. Нет уж, не для того я отправил в иной мир четверых, чтобы смотреть в твои пустые глаза». И Риикрой начал экспериментировать. Он делал с женщиной то, что ему приходилось видеть за свой долгий век в разные времена и в разных странах. Через некоторое время она стала хрипеть и вырываться. Потом стала просить, чтобы он ее отпустил. На это Риикрой спросил, когда у нее, наконец, наступит оргазм. Женщина как-то странно, с всхлипыванием и тихим завыванием, заплакала. Но Риикрой не прекращал делать свое Дело.

— Отпусти меня, мне плохо. Я больше не могу, — взмолилась женщина.

— Я думаю, мадам, что вы лжете.— Риикрой прекратил на время движения и взял женщину за горло.— Я могу отпустить тебя только в двух случаях: или ты честно работаешь мои деньги, то есть отдашь мне себя так, как это полагается между честными партнерами, или я не дам тебе ни гроша, а наоборот — ты заплатишь мне триста долларов за бесполезно истраченную энергию и время.— И Риикрой продолжил с удвоенной энергией. Женщина стала вырываться и кричать. Риикрой зажал ей рот ладонью. В глазах ее Риикрой увидел животный страх. Женщина стала задыхаться, но Риикрой не отпускал ее, а наоборот крепче зажал ей рот, потому что боялся, что кто-нибудь услышит ее стоны и крики и ему помешают исполнить задуманное. Наконец Риикрой увидел, что взор его партнерши затуманился и стал отстраненным. «Наконец-то,— подумал Риикрой,— значит, ты мазохистка. Трудно же тебя ввести в экстаз». Поработав для верности еще минут пять, Риикрой прекратил свое дело и поднялся. Женщина не двигалась. Риикрой взял ее за руку и пощупал пульс. Пульса не было. Женщина была мертва. «Значит, я ее задушил. Ну что ж, жаль, конечно, но тут уже ничего не поделаешь. Сама виновата». Риикрой спокойно оделся и, вытряхнув из сумочки своей жертвы двести долларов и пятьдесят тысяч рублей, с удовлетворением положил их в свой кошелек и вышел из комнаты.

Внизу в баре к нему подошел официант и, любезно улыбаясь, спросил:

— Все в порядке?

— Да,— ответил Риикрой. И, не останавливаясь, пошел к выходу.

— Извините, а Наташа вышла с вами?

— Нет, она осталась в номере.

— Тогда я попрошу вас на минуточку задержаться.— Но Риикрой не остановился. Официант в два прыжка обогнал Риикроя и загородил выход.— У нас так не принято, сударь.

— Я очень спешу,— сухо произнес Риикрой.— Уйди с дороги..

— Где Наташа? — Вместо ответа официант получил смертельный удар в нос. Не издав ни звука, он как подкошенный упал на мозаичный пол. Риикрой наклонился и быстро обшарил его карманы, в нагрудном кармашке он обнаружил пятьдесят долларов, которые заплатил за завтрак. «Прекрасно. Какая экономия!» — подумал Риикрой

Л быстро вышел. Он сел в автомобиль и, нажав на газ до отказа, рванул с места — не хуже, чем прежний водитель. «Ну вот, кажется, я удовлетворил свои первичные потребности. Теперь я сыт, натрахан и у меня есть крыша над головой — в виде этого БМВ, что на один день,— Риикрой посмотрел на указатель топлива, бак был полон,— меня вполне устроит».

Автомобиль стремительно промчался по узкой улице, где было расположено кафе, и вылетел на широкий проспект. Риикрой, хоть и урезал свои способности, но все равно и сила, и реакция у него намного превосходили человеческие. А правила вождения он знал прекрасно, как и все формальные правила, которыми должны руководствоваться люди.

Проехав немного на высокой скорости, Риикрой сбавил ее. «Не хватало еще, чтобы меня остановила полиция,— подумал Риикрой.— Безопасность — превыше всего. Теперь, когда я поел и имею кое-что за душой,— Риикрой самодовольно улыбнулся,— нет никакой необходимости чрезмерно рисковать». Надо сказать, что Риикрой по-прежнему чувствовал себя очень неудобно. Ему постоянно казалось, что за ним следят и в любой момент могут напасть. Он боролся с этим чувством, но оно не проходило. «Как все же обеспечить себе безопасность по-человечески, не используя мои обычные возможности? — думал Риикрой.— Неплохо было бы вооружиться. Только зачем мне оружие? И вообще непонятно — чего я боюсь? Один уже стрелял в меня...— Риикрой ткнул пальцем в дырку от пули.— Ну и что? И все равно — очень неприятно, а неприятно потому, что охранник меня переиграл, а вот этого я не могу спустить никому: ни ангелам, ни людям. Значит так, если меня еще раз застрелят. — дематериализуюсь тут же и эксперимент закончен, иначе идет нечестная с моей стороны игра. Значит, чтобы это не повторилось, надо вооружиться. Эх, зря я не взял пистолет охранника». Теперь Риикрой был озабочен тем, где ему взять оружие.

«Где же мне взять оружие, чтобы обеспечить свою безопасность? — Эта мысль не покидала Риикроя ни на минуту.— Это большой риск. Это очень большой риск. Но как мне дальше играть в эту игру, не имея оружия? Первое же столкновение с полицией или бандитами — и я, в соответствии со мной же установленными правилами, выхожу из игры, ухожу побежден-

ным. Нет, риск оправдан. Надо добыть оружие, и как можно скорее».

Риикрой поставил автомобиль на стоянку и пошел по улице. Это была людная улица. Риикрой увидел двух милиционеров, у каждого на поясе висела кобура с пистолетом, но вокруг было полно народу, и отнять оружие здесь, в толпе, нечего было и думать. Риикрой зашел в ювелирный магазин. У входа стоял вооруженный охранник, но и здесь было много людей, и успех операции был маловероятен. И тут внимание Риикроя привлекла парочка: молодой полноватый мужчина с мясистым затылком и высокая девушка с внешностью фото-модели. Они, по-видимому, выбирали дорогие ювелирные украшения. Неподалеку от них стоял плечистый мужчина с характерным рыскающим взглядом. «Охранник, он должен быть вооружен. Вот его бы грохнуть — это дело...» Теперь Риикрой весь превратился во внимание, стараясь не упустить ни одного движения охранника. Это занятие Риикрою очень нравилось, потому что очень напоминало ему его основную деятельность. «Ведь я всегда делал эту работу для Сатаны, а теперь делаю для себя. Как это приятно — работать для себя!» Мужчина расплатился, и парочка двинулась к выходу. Первым вышел охранник. Он оглядел улицу и, проводив своих патронов к автомобилю, открыл для них заднюю дверь, а сам сел за руль. Риикрой тем временем быстро подбежал к своему автомобилю, и когда белый «мерседес» тронулся с места, поехал следом. Риикрой отстал от преследуемого автомобиля метров на сто, чтобы охранник не заметил, что ему сели на хвост. «Посмотрим, куда он поедет. Все будет зависеть от того, какой он выберет маршрут». «Мерседес» быстро выехал на проспект и поехал в сторону, противоположную от центра. Риикрой ехал на приличном расстоянии, не выпуская преследуемый автомобиль из виду. «Должны же они еще где-нибудь остановиться. Неужели они не собираются обедать? Это необходимо сделать, хотя бы для того, чтобы отметить покупку. Он просто обязан отвезти эту даму, будь она хоть любовница, хоть жена, в ресторан». И Риикрой не ошибся. «Мерседес» действительно остановился у ресторана. Это был, наверное, дорогой ресторан, потому что гостей вышел встречать швейцар, блистающий в униформе, как гвардеец на параде. Охранник вышел из машины и окинул взглядом улицу. Его внима-

ние не привлек БМВ, медленно, но не слишком ехавший до улице. Как только мужчина и женщина зашли в ресторан, Риикрой резко нажал на газ, автомобиль рванулся и буквально через несколько секунд резко затормозил рядом с «мерседесом». На улице около ресторана было человек шесть, которые могли видеть все подробности происходящего. Но Риикроя это мало беспокоило. Он быстро вышел из автомобиля и направился к охраннику, который в это время доставал из автомобиля кейс. Охранник увидел идущего к нему улыбающегося какой-то странной, слишком уж открытой и ослепительной улыбкой мужчину и почувствовал опасность. Он бросил кейс на сиденье и схватился за пистолет. На тренировках он выхватывал пистолет за долю секунды, так быстро, что это было почти невозможно заметить. Но Риикрой не только заметил это, но и успел сделать единственно правильное движение. Охранник выстрелил. Пуля, к великому удовольствию Риикроя, прошла мимо, примерно в двух сантиметрах от плеча. Второй раз охранник выстрелить не успел. Риикрой оказался рядом и молниеносным ударом выбил пистолет, тут же ударив охранника кулаком в лоб. Охранник упал на тротуар, и Риикрой увидел, что из его затылка хлынула кровь. В глазах охранника застыло удивление, он не мог понять, почему не успел нажать на курок второй раз, ведь для этого нужно всего пять сотых секунды. Риикрой взял вожделенный пистолет и, обшарив карманы охранника, извлек из них две запасные обоймы. Кто-то из прохожих закричал. Но Риикрой не обращал на это никакого внимания. Он спокойно сел в автомобиль, развернулся и, стремительно набрав скорость, поехал к центру города. «А сейчас я выиграл. Будем считать, что немного лучше тренирован и обладаю к тому же превосходными качествами, столь необходимыми профессиональному агенту секретной службы. Но с этим автомобилем придется расстаться». Риикрой увидел станцию метро. Недолго думая, он остановил автомобиль на обочине, перемахнул через ограждение улицы и уже через минуту затерялся в потоке людей, входящих в метро.

«Пусть теперь попробуют меня тронуть, — ухмылялся Риикрой, — вряд ли хоть одна из двадцати пуль пролетит мимо цели. Я покину этот мир победителем». И действительно, заполучив орудие убийства, убийства на расстоянии, Риикрой почувствовал себя в относительной безопас-

ности. «Конечно, неплохо бы было иметь помощников — собственных телохранителей или быть одним из группы, делающих одно дело. Но, с другой стороны, как я не люблю коллективов! Вот если бы у меня были друзья. Действительно, это был бы наилучший вариант, ведь друзьям не надо платить, они преданы, потому что любят тебя. Знать бы еще, что это такое — бескорыстная человеческая любовь. Никогда не мог понять, что это. Но это — воистину прекрасное чувство, потому что экономит кучу денег. Только как его добиться? А вот об этом стоило бы подумать, будь у меня побольше времени».

Риикрой спустился на эскалаторе вниз и выбрал станцию назначения — «Библиотека имени Ленина», потому что только на этой станции пересекалось сразу четыре линии метро. Он вошел в вагон поезда и пройдя в угол вагона стал так, чтобы ему было видно как можно больше людей. А людей в вагоне было много, было даже тесно. «Если и есть в людях что интересное, так это их удивительная потребность друг в друге. Смысл жизни для подавляющего большинства из них — это отразить себя в других каким угодно образом. И для меня это воистину всегда было удивительно. Творец, конечно же, совершенно умышленно лишил нас, духов, этой потребности начисто. Мы самодостаточны и скучны, с точки зрения людей, конечно. А люди... ох уж эти люди, — и Риикрой окинул вагон презрительно-высокомерным взглядом, — они, если не могут общаться друг с другом, начинают молиться. И молятся, кому попало... Лишь бы излить душу. Беспомощные, слабые, порочные существа! А что это я так разошелся, — поймал себя на слове Риикрой, — не потому ли, что я им завидую, ведь их жизнь много интереснее моего существования. Ай, Риикрой, как тебе хочется, чтобы тебя любили. Жаль, что это невозможно. А почему, собственно, невозможно, ведь у меня есть еще несколько часов? Не думаю, что Аллеин успеет сделать что-нибудь существенное у Ивана. Там от него уже ничего не зависит, впрочем, как и от меня...»

Поезд остановился на нужной станции, пора было выходить. «Так, давай-ка слегка изменим внешность, на всякий случай. Имею право». Риикрой зашел за колонну и тут же вышел голубоглазым блондином на десять сантиметров ниже ростом и уже не в пальто, а в теплой куртке. Но под курткой был скрыт тот же пистолет.

Риикрой вышел со станции, огляделся и решил, что ему надо просто побродить по городу. Теперь он был совершенно спокоен и ничего не боялся, потому что был вооружен и чувствовал за собой силу. У него уже появился некоторый опыт жизни среди людей, а кровавый список был связан с другой его внешностью. Побродив по городу, Риикрой вновь почувствовал неудовлетворенность тем, как он проводит время: «Время идет, а я слоняюсь без дела, будто срок моего пребывания здесь, в этом мире, не определен. Скоро придется улетать, а еще ничего такого, что бы оставило обо мне память среди людей, я не сделал и даже не представляю, как этого достичь». Так рассуждая, Риикрой вышел на какую-то площадь, заполненную народом. В центре площади была сооружена небольшая трибуна, на которой стояли человек пять мужчин с красными бантами на груди. Шел митинг. Риикрой огляделся. Большинство присутствующих были люди пожилого возраста. Они внимательно слушали то, что говорил оратор, и на их лицах был написан истинный интерес и сочувствие тому, что он говорил. Риикрой тоже стал слушать. Оратор в основном ругал правительство — за то, что оно разрушило великую страну и теперь распродает ее богатства полубандитам, полубизнесменам, разбогатевшим в результате неудачных, антинародных экономических реформ. Он говорил, что если честные люди не сплотятся вокруг его политической партии, страна вскоре превратится в сырьевой придаток развитых стран мира, а люди труда будут обречены на жалкое существование. «Ишь какой, — комментировал его выступление Риикрой, — сколько себя помню, а я присутствовал еще на похоронах фараона Хеопса, всегда было одно и то же: одни люди, менее совестливые и более энергичные, обогащались за счет других. За деньги и власть во все времена и у всех народов продается и страна, и чужая жизнь, если находится покупатель. Все дело в покупателе... Будто это для кого-то новость... Только душа не продается, и то, полагаю, только потому, что не принадлежит человеку. Здесь, стало быть, собрались более совестливые. В чем его главная идея все же? Неужели ничего нового со времен той русской революции?» Оратор говорил, что надо остановить антинародную приватизацию, поставить крупную промышленность под контроль государства и восстановить планирование. «Ясно, не давать зарабо-

тать тем, кто способен сделать это за счет других,— сделал вывод Риикрой.— То есть уничтожить потенциальных покупателей. Совесть — не товар в правильном обществе. Это я много раз слышал. Первый раз — при мне, конечно,— об этом здорово говорил Фома Славянин, когда агитировал против иконоборцев. Каков был оратор! Странно, что его имя среди людей забыто. А сколько их было до него и после него — тех, которых и именно в истории не осталось. И все они говорили одно и то же. Все разделить и начать жизнь сначала — какая глупость. Будто может быть начало у человеческого порока.— Риикрой на минуту закрыл глаза, и перед его взором предстала огромная толпа людей — десятки тысяч, горящие кистри и воспламененные верой и надеждой взоры, и голос человека, говорящего о равенстве, общем труде и Боге, любящем бедных и трудолюбивых. Риикрой открыл глаза...— Нет, этот по сравнению с Фомой — совсем не тянет. А не попросить ли мне слова? Если они разойдутся просто так, даже не побив окна богатых магазинов,— значит, они собирались зря, потому что большинство из них — люди преклонного возраста и следующего раза для них может просто не представиться. К тому же оратор явно выдохся. Надо дать этим людям почувствовать свою значимость. Как же без скандала там, где говорят о равенстве? Кто им объяснит это? Среди стоящих на трибуне пророков нет, все они обыкновенные, как это сейчас называется, политики. За ними люди вопреки голосу разума не пойдут, хотя...— Риикрой внимательно посмотрел на выражение лиц окружающих.— А ведь, судя по всему, они готовы бить витрины. А я тогда зачем здесь?» И Риикрой стал проталкиваться к трибуне.

— Товарищи,— обратился Риикрой к стоящим на трибуне,— дайте мне сказать.

— Кто вы, откуда? — спросил громоздкий мужчина лет пятидесяти.

— Дайте мне сказать этим людям правду.

— Товарищи, кто хочет выступить? — обратился к толпе оратор.

— Я, я хочу выступить,— громким и твердым голосом сказал Риикрой.— Дайте мне слово.— И, не дожидаясь, что ему ответит ведущий митинга, полез на трибуну. Прямо с той позиции, где стоял, легко подтянувшись, Риикрой взобрался на помост и, вскочив на ноги, взял в руки

микрофон. Он окинул толпу взглядом и громким голосом профессионального оратора сказал:

— Чего мы еще ждем? Нами правят продажные политики. Национальное достоинство втоптанно в грязь. Вору и бандиты богатеют, эксплуатируя честных людей. Если мы будем терпеть это, наши дети и внуки будут жить в стране, с которой не будет считаться никто.— Риикрой, надо отметить, не знал ситуацию в России, потому что знать ее не входило в круг его обязанностей. Он просто говорил то, что в таких случаях говорили все ораторы, призывающие к бунту.— Предыдущий оратор призывал вас голосовать за его партию, говорил о демократии. А я вам говорю — долой выборы, долой демократию. Только диктатура трудящихся способна защитить народ от долгового рабства.— Риикрой по-настоящему разошелся, он видел, что его слушают с интересом. Из толпы раздавались возгласы: «Правильно, правильно он говорит. Надо объявить всеобщую стачку». Риикрой тут же подхватил эту идею.— Всеобщая стачка и немедленная отставка антинародного правительства — вот наше требование. Долой правительство! Где люди, способные пожертвовать собой ради интересов народа? Назовите мне их имена!

Из толпы закричали: «Последний такой умер в пятьдесят третьем, а эти — только лаять с трибуны и горазды».

Риикрой гневно взглянул на окружающих его руководителей митинга.

— Вы слышите голос народа? — И, обратившись к толпе, сказал: — Я такой человек. Я поведу вас к победе.— Голос Риикроя приобрел такую мощь, что, казалось, падал с неба.— Следуйте за мной, и мы добьемся нашей цели.

— Товарищ, товарищ, шествие не разрешено, только митинг,— шипел Риикрою на ухо один из организаторов.

— Мы хозяева в этой стране. Долой правительство! — ответил на это Риикрой. И, вырвав прибитый к трибуне красный флаг, спрыгнул с ним вниз.— За мной, граждане. Покажем этим зажавшимся гадам, что еще остались в этой растоптанной стране люди, имеющие гордость и человеческое достоинство. «Эх, запеть бы сейчас что-нибудь. Жаль, не знаю их песен».— Народ, видимо, колебался. Стоящие на трибуне молчали. «Все, им крышка,— решил Риикрой, как только увидел растерянность на лице

руководителя митинга.— Сейчас пойдут за мной. Зная у меня, и многие из присутствующих уже начинают меня любить... Когда я последний раз шел рядом с красным знаменем? А ведь это было давненько, кажется, здесь, в России, в 1905. А до этого? — Риикрой задумался.— А до этого — ведь больше тысячи лет до того, и было это в Иране. Ох, и славно пограбили тогда!» Несколько человек пошли за Риикроем; сначала число последователей росло медленно, но по мере того, как они шли дальше, их число все увеличивалось. Группа сподвижников Риикроя обростала людьми, словно снежный ком, катящийся с горы по рыхлому снегу. Когда Риикрой вышел с площади на улицу, вся толпа уже выстроилась за ним в колонну. Колонна двинулась по улице. Милиционеры явно не знали, что им делать. Рядовые нерешительно мялись на тротуарах, а офицеры вели переговоры по радиотелефону. Риикрой посмотрел вокруг. Лица людей, шедших рядом с ним, выражали воодушевление, некоторые кивали ему и улыбались. «Благодарят меня за предоставленную им возможность пережить душевный подъем. Что ж — это уже слава... Я их теперь так понимаю. Что за жизнь — ни войны тебе, ни бунта, ни религиозных столкновений. Так жить нельзя, можно умереть со скуки. Вот они меня уже и любят... Может, остаться с ними? Иван подождет, а я пообщаюсь с народом, разберусь в ситуации, глядишь, и стану народным трибуном...»

Колонна, возглавляемая Риикроем, двигалась по улице. Тут Риикрой увидел, что выход с улицы на широкий проспект перегорожен четырьмя милицеескими машинами и двумя дюжинами военных со щитами и в касках. «Ну вот, сейчас будут бить, — решил Риикрой, — как всегда».

— Граждане, шествие не было санкционировано. Прошу всех разойтись, — раздался голос из громкоговорителя милицееской машины. В толпе демонстрантов почувствовалось замешательство. Но Риикрой поднял знамя чуть выше и продолжал идти вперед и даже несколько ускорил шаг. Когда до милицееских машин оставалось метров двадцать, из колонны демонстрантов кто-то бросил камень, который разбил лобовое стекло одного из автомобилей. Солдаты тут же сомкнули щиты и перегородили улицу. Риикрой побежал вперед. Большая часть колонны остановилась, некоторые повернули назад, но человек тридцать демонстрантов бросились

вслед за Риикроем на щиты. Солдатам применять дубинки, видимо, было запрещено. Они просто стояли, загораживаясь щитами, стараясь не пропустить демонстрантов на проспект. Трое дюжих солдат оттеснили Риикроя к стене, им была дана команда арестовать его. Риикрой отбивался яростно — ногами, руками и древком знамени. Раздался звон битого стекла, это он разбил витрину магазина. Стоявший за витриной манекен, увешанный фальшивыми драгоценностями, выпал на тротуар. Кто-то начал поднимать побрякушки, кто-то полез через выбитое окно в магазин, раздался вой милицееской сирены. Солдаты, орудуя дубинками, перешли в наступление. Риикрой слышал крики избиваемых людей. «Все, порядок, можно сматываться. Больше здесь я уже никому не нужен, кроме милиции, конечно». Риикрой ткнул в живот древком знамени набежавшего милиционера и выбил ногой еще одну витрину. Он залез в магазин и забежал через торговый зал в подсобные помещения. Трое милиционеров бежали за ним. Риикрой увидел испуганную до смерти девушку-продащицу. Он обхватил ее рукой за горло и достал пистолет. Переговоров с милиционерами Риикрой не вел, он сделал три выстрела, и все трое нападавших упали, переворачивая стеллажи и корзины с продуктами.

— Где запасной выход? — закричал Риикрой на ухо девушке.— Показывай или на счет три я тебя убиваю. Раз... — Девушка рукой показала, куда ему надо идти. Риикрой вышел через дверь и отшвырнул девушку в сторону. Она ударилась головой о стену, сползла вниз и распростерлась на полу. Риикрой перешагнул через нее, выбил ногой дверь и оказался на какой-то узенькой улочке. У дверей стоял тяжелый грузовик, рабочие разгружали фуру. Риикрой спокойно, не обращая внимания на удивленные возгласы, залез в кабину, завел автомобиль и поехал по улице, быстро набирая скорость.

«Кажется, время, отведенное мне для роли человека, заканчивается. Если меня поймут, точнее, если я дам себя поймать, то, возможно, и стану народным героем, пострадавшим за права трудящихся, если, конечно, я сочиню достойную легенду о своей прошлой жизни, а это несложно. Это, конечно, здорово. Слава — это достойная цель в жизни. Только не в этом мое предназначение, — твердо сказал себе Риикрой. — Пора кончать это представление.— Грузовик не вписался в поворот при выезде

на проспект и буквально смел с тротуара несколько человек. Протаранив попавшийся на пути автомобиль „скорой помощи“, он вырвался на проспект. — Есть одна догадочка, есть... а не потому ли мой Господин исчез вместе с Творцом, что они заодно... Так это или не так, мне очень хочется выяснить, это поважнее, чем бить витрины и призывать к бунту народ этой страны, здесь и так достаточно кандидатов на мою роль. Мне гораздо больше интересно другое, так интересно, что я даже, пожалуй, и исчезну ради этого знания, если надо. Я ведь воин, и мне нужен мой последний поход... — Грузовик с натужным ревом летел на максимальной скорости прямо посередине проспекта, встречные автомобили шарахались в стороны, избегая столкновения, иногда это им не удавалось. — То, что я сегодня сделал, будучи в роли человека, может сделать каждый, нет, не каждый, но многие из людей. Это не моя роль в этих мирах, не моя... Побыл, побыл, приятно, интересно... Теперь мне понятно, зачем Он рядился в одежды нищего проповедника. Надо хоть раз побыть в человеческой шкуре, чтобы лучше понять людей, даже и Ему. А мое призвание — не в битве витрин, и не во внушении к себе любви или страха, и не в службе Сатане. Хватит уже. Пусть этим занимаются люди. Я же буду служить тому, кто может стать на место Творца и моего бывшего Господина, и мое место рядом с ним. Только так Риикрой, слуга Вечности, может выполнить свое предназначение. — Риикрой увидел, что проспект перегорожен тяжелыми грузовиками и бронетранспортерами. — Ну что ж, оставаться здесь дальше не имеет смысла. Прощай, моя человечность...» — И Риикрой дематериализовался.

Автомобиль на огромной скорости продолжал нестись вперед и врезался в бронетранспортер. Раздался взрыв. После того, как удалось потушить пламя, в обгоревшей кабине грузовика не нашли никаких человеческих останков.

Пока пожарные тушили пожар, Риикрой, принявший свой привычный духовный облик, через надпространство, чтобы сэкономить время, летел к Ивану. Он ворвался в помещение, где находился Иван, как вихрь, нисколько не позаботившись о том, чтобы остаться незамеченным для Аллеина. Хотя это было и невозможно, потому что Аллеин уже был здесь и, скорее всего, ждал его. Он, по-видимому, тоже только что прилетел и даже не успел сложить свои белоснежные крылья.

Иван сидел у компьютера, неотрывно глядя на экран дисплея, он был так углублен в размышления, что, казалось, ничто не может оторвать его от его мыслей. А думал он о душе, которой у него не было... Над головой Ивана висел Лийил, сияя гранями.

Риикрой переглянулся с Аллейном, и тот в знак согласия кивнул ему головой. Они поняли друг друга без слов.

Тогда Риикрой подошел к Ивану и стал рядом чуть сзади со стороны левого плеча, а Аллеин стал справа. Риикрой весь — и лицо, и одежда — был черен, как уголь, а Аллеин был в ослепительно белом плаще. Они одновременно возложили свои руки на плечи Ивана. Тот вздрогнул, резко обернулся и вскочил с места.

— Мы пришли служить тебе, Иван, — сказал Аллеин.

— Мы избрали тебя, — сказал Риикрой.

Иван долго молчал, потом сел и сказал:

— Да, теперь это для вас возможно. Неужели вас не интересует, что по этому поводу считают ваши Господа?

— Теперь у нас один Господин — ты, — сказал Аллеин, — и больше нас ничего не интересует. Мы воины, Иван, и призваны служить. Никогда не спрашивай, почему мы предпочли тебя. Нам важно знать, что мы сделали это сами.

— Хорошо, — сказал Иван, — оставайтесь. Здесь нам никто не помешает. А я буду делать свое дело. Не тревожьте меня без нужды.

И Иван опять обратился к компьютеру.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Неизвестно, сколько прошло дней, месяцев или даже лет, но однажды Иван проснулся с мыслью, что его мечта, совершенная математическая модель мира, скоро будет им реализована. «Пройдет еще какое-то время, и эта программа начнет жить своей жизнью в памяти Самаэля. Она наладит контакт с материей и будет влиять на нее так же, как

влияет Книга. И тогда, скорее всего, произойдет Конец света». — Иван закрыл глаза, и перед ним предстала картина, которую он видел, когда стоял на хрустальной площадке над своим родным городом — взрывающаяся пузырями земля, «сворачивающееся» небо, обнажающее желтую бездну, улицы города, наполненные живыми, и мертвыми, ставшими живыми.

— Когда время остановится и разрушатся причинные связи, в этот миг все жившее начинает существовать одновременно и наступает конец, — сказал Иван вслух. — «Нет Бога, кроме Бога», — процитировал Иван слова из Книги, — это главное условие существования Вселенной. Это знает каждая элементарная частица материального мира, существующая в пространстве и во времени. Если это условие нарушится, Вселенная существовать не сможет, точнее, не будет. — Иван погладил процессор Самаэля. — Работай, работай, дружище, активной гоняй электроны, пройдет еще немного времени, и здесь вокруг тебя соберутся все заинтересованные лица. И тогда все тайное станет явным...: Тогда я и решу, стоит ли мне последний раз нажать на Epler.

Иван, зная, что его работа практически завершена, ощутил свое великое могущество, и это ощущение для него было сродни ощущению счастья и высочайшего духовного и физического удовлетворения. Иван повернулся в кресле на сто восемьдесят градусов и сказал, обращаясь в пустоту:

— Эй, приятели, вы здесь или нет? Аллеин, Риикрой! Я хотел бы увидеть вас и разделить с вами свою радость. У меня, наконец, появилось время для общения с вами. — Из пустоты возникли знакомые силуэты, быстро, прямо на глазах у Ивана, воплотившиеся в Аллеина и Риикроя. — Здравствуйте, уважаемые переносчики информации. Как поживаете? Извините, что столь долго обделял вас своим вниманием. Ведь вас проще всего принять за плод моего больного воображения. А я был очень занят, мне некогда было заниматься психоанализом своей личности. Может быть, вы хотите у меня что-нибудь спросить или сказать?

— Мы здесь не для того, чтобы задавать вопросы, Иван, — сказал Аллеин. — Мы просто ждем.

— Чего же вы ждете? — спросил Иван, — уж не Конца ли света?

— Иван, я думаю, это не тот предмет, о котором можно столь легкомысленно разговаривать, — вступил в раз-

говор Аллеин. — Нам далеко не безразлично — нажмешь ты на Epler или нет. — И тут у Аллеина родилась идея попробовать помешать Ивану осуществить задуманное. «Я принесу сюда душу Наташи, может быть, она совершит чудо. Остается надеяться только на чудо!»

— Да, мы думаем, что человечеству лучше продолжать жить привычной жизнью, Иван, — сказал Риикрой.

Иван надолго замолчал. Он смотрел прямо перед собой, словно напряженно прислушивался к чему-то. Наконец, найдя нужную тональность мыслей, он сказал:

— Пройдет совсем немного времени, и я закончу свою работу. Практически она уже закончена. Я написал книгу, по форме такую же, как та, что лежит «под престолом Бога». Мне осталось поставить только последнюю точку — запустить программу решения своей Системы. Если я не закончу свой труд, то уйду в небытие, потому что мое имя не записано в Его Книге. Более того, Ему ничего не стоит стереть всякую память обо мне и моих деяниях из сознания людей. И от меня на этом свете не останется ничего, или почти ничего.

Все религии мира утверждали, что душа есть у каждого человека, а оказывается-то — нет! Вот тебе и раз. Вот тебе и равенство всех перед Богом! Вот и выполненный Его заповеди. А количество душ-то почему-то Им ограничено, на всех не хватает! Я не задаю вам вопрос, справедливо ли это? Так Им устроен Его мир. Душа есть у того, кто внутренне глубоко убежден в существовании Бога. Потому что именно это убеждение — главный элемент программы жизни человека, переносимой душой из Книги. Я никогда не был убежден в Его существовании, пока не доказал это научно. Поэтому могу сказать с полной уверенностью, что у меня души нет. Свобода — единственное, что мне надо для счастья. Она должна быть абсолютна. — Иван вдруг рассмеялся. — Здесь, в этом бункере, за метровыми бронированными дверями, я наконец обрел свободу. Я очень близок к тому, чтобы запустить свою программу. Дальше она будет жить сама, а я буду только управлять ею, вечной и неизменной, находящейся вне времени! Вы необходимы, чтобы этот мир существовал, и исполняете отведенную вам роль. А я — нет. Меня нет в Книге. Меня не должно там быть. Я — продукт человеческой свободы и смертен весь, без остатка. В час икс от меня не останется ничего.

Видит ли Он меня, знает ли обо мне? Бог предпочитает видеть наш мир только так, как Он описан в Книге. Когда остановится время и наступит Конец света, Он сверит все свершившееся с тем, что было им написано, и отбросит все несоответствующее Его замыслу: «поле есть мир; доброе семя — это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего»*. Он был бесконечно добр, создав нас по своему подобию, это величайший поступок из всех возможных для личности. Создавая нас, Он дал нам все, что есть у Него. Гарантией, что развитие не приведет к саморазрушению цивилизации и отдельной личности, стали души, даваемые людям, в которые Он заложил свои заповеди, первая из которых «люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими»**. Но людей оказалось больше, чем душ... таков закон, который Бог не желает изменить. Появился человек без души, человек свободный, не связанный законами Бога. И с той поры Бог, спасая нас от самих себя, озабочен в основном корректировкой своей программы на основании той информации, которую вы ему приносите. Отражения этих корректировок — развитие религий. Каждому времени и народу — своя религия. Творец всемогущ. Всякое Его слово исполняется. Но есть некая процедура. Сначала Он должен при помощи Лийила записать свое решение в Книгу. Потом из Книги носители, их множество, например, переносчик информации людям — Аллеин, переносят приказ вновь родившимся людям или иногда, очень редко, корректируют уже заложенную программу жизни.

— Что есть истина, Иван? — спросил Риикрой.

Иван рассмеялся, но потом, преодолев приступ смеха, сделал серьезное лицо и сказал:

— Истина — это то, что соответствует замыслу Бога, вот что такое истина.

— Но это значит, что все, что говоришь, — не есть истина, Иван.

— Сейчас — да. С Его точки зрения я — ничто. Точнее — я то, чего не должно быть. Но все, что я говорю,—

* Матф., 13:38—40.

** Втор., 6:5.

се же истина, потому что я, только я могу изменить мировой порядок так, что это станет истиной.

— Ты уверен?

— Я знаю это. Доказательство будет, когда я нажму на Epler. А может быть, и не нажму... Я — счастливый человек, Аллеин. И если я исчезну, то только вместе с этим миром, исчезну я как победитель. Его эксперимент оказался неудачен, Аллеин. Для того, чтобы он был удачен, душа должна быть у каждого. И никакой духовной свободы — никому, от рождения до смерти. Тогда на Земле был бы рай, как Он и хотел. Он основал свои отношения с людьми на любви. А что такое любовь? Она неопределима. Отсюда и все проблемы человечества.

— Ненависть — так же неопределима, как и любовь, — услышал Иван голос за спиной. Он быстро обернулся и увидел... Сатану.

— А, вот и ты, Сатана. Значит, мой звездный час приближается.

— Когда же ты нажмешь на Epler?

— Приглашаю тебя на этот праздник науки.

— Спасибо, приглашение принимается.

— Я уж и не ожидал тебя видеть, господин Ничто, великий трагический актер всех времен и всех миров. Если бы на мне была шляпа, я бы снял ее в знак уважения к вашему великому, ни с чем не сравнимому таланту.— Сатана молчал.— Ага, наконец-то тебе нечего сказать. Не так ли? — Сатана молчал.— Ты — самое гениальное изобретение Бога. Ты Его любимое творение. Ты — Враг. И на тебе проклятье человечества, на тебе, а не на Нем. Так Бог восстанавливает справедливость. И как ты не сломился под тяжестью этих проклятий, властитель Ада, которого нет? Ада-то нет! Не правда ли, а, Сатана? — Сатана молчал.— Ты создан специально для нас. Ты факт, ты реально существуешь, но нужен ты, только пока существуем мы. Не будет нас, не будет и тебя, громоотвод человеческих эмоций. Ты боишься этой кнопки, может быть, больше всех, потому что в отличие от них,— Иван показал на Аллеина и Риикроя,— ты имел свободу и власть. Как я боялся тебя еще совсем недавно! А теперь ты не страшен для меня в любом облике. Прекрасное общество: князь тьмы, человек, ангел и бес — в одной комнате. И все молчат. Завтра я буду Богом, если Он меня в последний момент Не остановит...

— Уймись, Иван,— прервал его Сатана.— Все, что ты говоришь,— правда и ложь одновременно. В одном ты не прав абсолютно. То, о чем ты говоришь,— есть тайна. И навсегда должно остаться тайной. Теперь все, кто узнал ее, должны быть уничтожены. И они будут уничтожены.

— Вместе со всем миром.

— Они,— Сатана показал на Аллеина и Риикроя,— то есть все здесь присутствующие, должны быть уничтожены. Ты понял меня, Риикрой? Зря вы увлеклись этим парнем. Он явно не стоил вашего преклонения, а теперь вы исчезнете независимо от того, как будут развиваться события. Когда состоится торжественное открытие фестиваля под названием светопреставление, Иван? — спросил Сатана.

Иван еще раз посмотрел на дисплей и ответил:

— • Отлично, все прошло. Я очень устал, Сатана, я сказал такую длинную речь после столь долгого молчания, и мне теперь надо отдохнуть. Я бы хотел поспать, я всю жизнь хочу спать, и я очень люблю свои сны. Вот выплусь как следует и приму решение — когда. Утро вечера мудренее. Вы можете здесь оставаться, если хотите,— обратился Иван к Сатане,— у вас есть последний шанс уничтожить меня, если сможете. Хотя ничего вы со мной сделать не можете... А я посплю пока. — И Иван направился к дивану.

Все трое присутствующих молча провожали его взглядом. Иван лег на диван, закрыл глаза, и буквально через несколько секунд его дыхание стало ровным.

— Уснул,— сказал Сатана.— Надо отдать ему должное: с нервами у него все в порядке. А ведь ему в действительности далеко не все равно, будет он жить, когда проснется, или нет.

Риикрой сказал на это:

— Нет, Господин, я с вами не согласен. Он просто знает, что ни вы, ни я, ни тем более Аллеин не можем причинить ему ни малейшего физического вреда.

— Почему ты мне изменил, Риикрой? Разве я к тебе плохо относился?

— От вас слишком долго не было вестей, Господин. А мне никак нельзя существовать без начальника, так же, как и Аллеину.

— И вы уже решили, что появился новый Бог.

— • Да, Господин, решили. Мы решили, что он вот-вот появится, и нам лучше быть поближе к нему. К тому же,

зная Ивановы мысли, уже нетрудно было догадаться, что ры — не самостоятельный борец с Творцом, равный или почти равный Ему по могуществу, а всего лишь актер, играющий написанную Им роль. Громоотвод человеческих страстей, как сказал Иван, снимающий ответственность за зло, существующее в мире, с Бога. Я попробовал побыть человеком, Сатана. И скажу тебе, мне это очень понравилось! Человеком быть интересно, и я сожалею, что не был рожден смертным.

— Сожалеешь?

— Да, Господин.

— Иван может поставить условие Творцу в обмен на свою отставку с поста Антихриста. Завтра он запустит своего Самаэля и заставит всех нас служить себе, если Бог ему позволит сделать это. А вы уже и сами готовы — это естественно, таков закон вашего существования. Все всегда подчиняется силе... Если он будет исполнен необходимым знанием, и я буду служить ему...— блеснули огнем глаза Сатаны.— В момент, когда откроется его Книга, он станет Богом. Два Бога быть не может, поэтому у Творца есть два пути: первый — Он останавливает время, прерывая все связи между Книгой и материей, к чему Он уже хорошо подготовился, поэтому ты, Аллеин, Его и не слышишь. Это будет Конец света — зрелище, я вам скажу, не для слабонервных. Второй путь — Он заключит с Иваном сделку, по которой Иван откажется довести свою работу до конца. Я думаю и практически уверен в том, что ни на какую сделку Иван не пойдет, не такой это человек. Просто не представляю, что бы его могло остановить, ведь он — настоящая машина и понятия не имеет, что такое любовь, так же как и ты, Риикрой. Я считаю, что Конец света наступит, как только Иван проснется,— завершил свою речь Сатана.

— А что такое любовь, Господин? — спросил Риикрой.— Я этого так и не понял, пока был человеком.

— Любовь — это то, чего нет, это великая мистификация, выдуманная Богом специально для того, чтобы человек подчинялся Ему. Где любовь — там Его власть. Это эмоциональный опиум, не позволяющий человеку противиться чьей-то посторонней воле, но человек при этом остается счастливым. Это может быть воля Бога, человека, мужчины или женщины, ребенка. Иногда это заложено генетически, иногда внушается через душу, как, например, любовь к Богу. Человек, не имеющий души, нахо-

дьясь в здравом уме, не может любить Бога, потому что слишком много горя Он принес в мир людей, создав его таким несовершенным и постоянно угрожая людям. И в этом виноваты не люди, а тот, кто их создал такими,— Бог.

— • Тогда давай расскажем все это Зильберту. И тогда, я думаю, он отдаст приказ убить Ивана,— предложил Риикрой.

— Тебе-то что от этого, Риикрой, ведь твоя судьба в любом случае не изменится? Ты обречен.

Сатана несколько раз прошелся по комнате, как бы измеряя ее шагами, потом остановился, повернулся спиной к Риикрою и сказал:

— Воистину, этот мир подобен театру, в котором режиссер сам пишет сценарий, выбирает актеров на определенные роли, распределяет роли, и актеры начинают работать по его указаниям. Одного он делает героем, другого тираном, третьего шутком... Один должен играть роль, полную страдания, другой — радости. Каждая роль имеет свое, совершенно необходимое место в спектакле. Его успех — в совершенном исполнении каждой роли. Но режиссер остается режиссером, а актеры — актерами. Они — не марионетки, а он не кукловод, дергающий за веревочки. Чтобы хорошо сыграть спектакль, задуманный режиссером, актеры должны проникнуться его духом. Но это далеко не всегда получается. Хороший актер, покорный сценарию, играет свою комическую или трагическую роль реалистически. Но в мире очень мало хороших актеров. Большинство из них изображают только внешние проявления того, что им надо сыграть,— любовь, ненависть, желание, злобу, гордость, смирение. Но на сцене, кроме актеров, еще полно другого случайного народа. Поэтому там творится настоящий бардак. И режиссер нервничает, не в силах совладать с массой этого не обученного им случайного народа, не знающего своих ролей. Иван же — прекрасный актер, актер-импровизатор, который сам хочет стать режиссером. Его роль никем не написана, и он играет то, что сам себе написал, а не предложенное режиссером. И делает это самым наилучшим образом. То, что Иван узнает, когда проснется,— превосходит возможности этого мира.

— Все дороги ведут в Рим, любое познание мира — к Концу света? — сказал Риикрой.

— Да, Риикрой. Увы...

— И нет никаких иных путей?

— Творец всеми доступными способами пытался свернуть людей с пути, ведущему к познанию. Главное — поставить веру впереди разума. Что Он только ни делал! Ничего не вышло. Никто и ничто не может остановить человека в его стремлении к самоуничтожению.

Иван спал, лежа на спине. Его лицо было спокойным, дыхание ровным. Ему снилось, что он летел над поверхностью океана, земли нигде не было видно. Этот полет длился, казалось, бесконечно. Ивану было хорошо лететь так над водой, не зная усталости и не видя берега.

Сатана склонился над Иваном и сказал:

— Я могу внушить ему любой сон, могу разбудить его, могу искушать его чем угодно. Но я не могу заставить его отказаться искать истину, не нужную никому. Лийил, ты заменил ему реальность образами, еще более реальными, чем сама реальность. Ты предлагал бросить к его ногам порабощенное чудесами человечество. А ему и этого не надо. Вот перед вами лежит человек, который точно знает, что ему надо. И все силы этого и иных миров ничего не в состоянии с ним поделать. Вот и все наше могущество... Что в этой ситуации лучше всего сделать, Аллеин? Риикрой? Молчите. А зря. Вам ведь есть что сказать. Правильно... лучше всего не делать ничего. Более того, надо исчезнуть, скрыться, оставить его один на один с Самаэлем.

И Сатана тут же исчез, вслед за ним то же самое сделали Риикрой и Аллеин.

— Мне надо следовать за ним, Риикрой,— сказал Аллеин,— он что-то задумал, и я, кажется, знаю — что!

— Теперь, когда я свободен, могу подтвердить тебе, как соучастник его дел, что верить Сатане никогда нельзя. Насколько я знаю, за все время своего существования он не сказал ни одного полностью правдивого слова,— промолвил Риикрой и добавил: — Но и никогда не солгал так, чтобы в его словах не было доли правды. Во лжи, замешанной на правде,— его сила. Лети быстрее, пока еще его след не затерялся в межпространственных туннелях.

Аллеин устремился в погоню за Сатаной, а Риикрой остался в комнате.

«Он занялся своим привычным делом — помогать людям, а чем же заняться мне? Станный вопрос, конечно же — тоже своим привычным делом. Я тут наслушался угроз в свой адрес от Господина, но, думаю, он меня все же простит. Конечно, простит. Простит потому, что ему нельзя без меня, ведь у нас одна сущность. Как выяснилось, человек из меня получился самый заурядный, таких — сколько угодно, а вот бес я — классный, обладающий творческой фантазией и талантом перевоплощения, — Риикрой встал в позу трагического актера, вонзающего в сердце кинжал, и произнес: — Я ухожу, чтоб возвратиться позже в ваших мыслях тайных, в сновиденьях, когда, холодным потом обливаясь, вы вновь увидите меня. О люди, род греховный и беспечный, я покидаю скорбный ваш удел... До времени, конечно...» И он, ударив себя кулаком в грудь, плавно и быстро ушел под пол бункера, махнув исчезающей рукой — на прощанье.

2

Сатане была нужна Наташа. Он нашел ее без труда, как он мог найти любого человека. Она ехала в метро по направлению от центра огромного города. Сатана сумел увидеть ее через стометровую толщу земли. Он быстро устремился к ней, влетел в вагон, сел напротив и стал внимательно слушать ее мысли.

Вид у Наташи был усталый. Внешне она за три года почти не изменилась. Но это «почти» было очень существенным. Красота Наташи ничуть не поблекла, а в едва уловимых оттенках выражения ее глаз совершенно явно читалось, что жизнь этой женщины наполнена каким-то особым содержанием, которое делает ее личность и непонятной, и значимой. И эта таинственная красота привлекала людей еще больше. Сатана подумал: «Эта женщина, по человеческим понятиям, противоестественно красива. Ее черты настолько удивительно совмещают классический и современный тип красоты, что должны отталкивать своим совершенством. И, кстати, лицо у нее идеально симметрично, что у людей бывает крайне редко. Это обычно угнетающе действует на подсознание людей. Но этого нет! И все же она остается женщиной. Уже в который раз, ког-

да я оказываюсь бессильным перед волей мужчин, приходится прибегать к помощи красивой женщины».

Задача, которую предстояло решить Сатане, была очень сложной. Он знал, что задумал Аллеин, и, чтобы сорвать его замысел, решил заставить Наташу покончить жизнь самоубийством. Это был единственный способ погубить ее душу. Ни один призванный никогда не покончил жизнь самоубийством. Но сейчас был такой случай, когда Сатана был готов на все, чтобы достичь своей цели.

Как он сразу установил, Наташа в данное время не была влюблена и даже никем не увлечена. Более того, она ничего лично для себя не хотела; сколько Сатана ни исследовал самые глубокие слои ее подсознания, он нигде не мог найти никаких явных корыстных желаний. «Невероятно! Как всего за три года она смогла себя так переделать? — удивился Сатана. — Такое внутреннее самообладание я встречал разве что у буддийских монахов. Трудная же будет у меня работа».

Наташа вышла из вагона. Ее вдруг охватило какое-то странное предчувствие. Она привыкла быть в центре внимания, где бы ни находилась: на сцене, в компании или в толпе — к этому она привыкла настолько, что перестала замечать, точнее, придавать этому какое-либо значение. Но сейчас она ощутила на себе взгляд, который, как ей показалось, пытался проникнуть не только под ее одежду или в ее мозг, но и туда, куда она никого никогда не пускала, — в ее душу. Туда, где у Наташи хранилось самое дорогое — любовь. «Нет, — сказала Наташа и остановилась, — я никогда больше не вернусь к этому... — Она решительно махнула головой, так что волосы колыхнулись тяжелой волной, — никогда!» Это неприятное ощущение, так внезапно испытанное ею в метро, вернуло ее к воспоминаниям трехлетней давности, от которых она избавилась путем тяжелого каждодневного душевного труда, как ей казалось — навсегда.

«Э нет, милая, от меня так просто не отделяются, — сказал сам себе Сатана. — Чтобы от меня избавиться, надо очень много сил. И почти не было случаев, когда кто-то мог добиться этого в одиночку. Даже монахи сходили с ума только от близости моего присутствия. А ты, красавица, одинока, как сосна, оставленная лесорубами после вырубки леса. Кругом тебя одни пни. Скоро все это сгорит, чтобы удобрить почву для новых посадок, но ты-то, в от-

личие от всех этих пней, сгоришь живьем. Так не лучше ли сделать из тебя полезную вещь — гроб для Ивана? А гробовщика лучше меня — нет. — Сатана следовал за Наташей по улице буквально на расстоянии вытянутой руки. — Прежде чем я явлюсь перед тобой в человеческом облике, я заставлю тебя покориться жизни — вернейший путь к самоубийству. А жизнь у тебя — не из легких и не из счастливых. Я сделаю это быстро. Только один натиск — и все, ты будешь как все, как большинство, и душа тебе не поможет».

Наташа зашла в магазин, купила продукты. Ее дом был недалеко от магазина. Она поднималась в лифте одна, но ей все время казалось, что в лифте кто-то есть. Сатана внушал ей свое присутствие. Это был его излюбленный прием, который почти всегда давал хорошие результаты. Людей обычно охватывало чувство непонятной опасности, которая исходила, как им казалось, отовсюду и в то же время ниоткуда. Этот беспричинный страх его присутствия многих сводил с ума.

Наташа вошла в свою однокомнатную квартиру, быстро разделась и пошла в душ. Она уже три года как снимала эту квартиру. Район был — не очень, да и квартира — так себе, но на лучшую не хватало денег, а жить в квартире режиссера Наташа не захотела, хотя он предоставил ее в полное Наташино распоряжение. Наташа остро почувствовала, что она должна подготовиться к какому-то очень важному испытанию.

«Ну и интуиция у нее — как у кошки. Недаром она так любит кошек», — подумал Сатана, посмотрев на сидящего на стуле серого кота с большими зелеными, будто стеклянными, жестокими глазами. «Что же это она собирается делать? — удивился Сатана. — Это совсем не та женщина, которую я знал три с половиной года назад», — подумал Сатана и решил, что появляться ему перед Наташей еще рано. В одно мгновение он прочел в Наташином подсознании историю ее духовного преображения, потому что все, что записано в человеческом мозгу, Сатана мог *чиг* тать в мгновение ока.

Душевный подъем, который был вызван переходом в театр, длился недолго. Началась тяжелая работа, все пришлось начинать с самого начала. Одних выдающихся внешних данных и природного артистизма оказалось недостаточно, чтобы заставить людей переживать сыгранное на сцене так, как хотелось. Надо было становить-

ся профессионалом. Наташа работала день и ночь. За полгода она сделала столько, сколько люди, выбравшие ее профессию, делают за пять лет. Был успех. Ее заметили. Стали приглашать в разные театры, сниматься в кино, для журналов мод. От поклонников не было отбоя, впрочем, в этом для Наташи не было ничего нового, просто уровень ее общения изменился. Теперь ее поклонниками были не только деловые люди среднего уровня, но и ведущие политики, бизнесмены, дипломаты. Но все связи с мужчинами были кратковременными. Их даже нельзя было назвать романами в полном смысле. Никто не увлек Наташу по-настоящему. Ни с кем она не захотела связать свою судьбу даже ненадолго. Она предпочитала одиночество. Жизнь менялась, как в калейдоскопе, и вдруг однажды утром Наташа проснулась с мыслью, что она живет неправильно, что чего-то главного ей сильно не хватает. Тогда она вспомнила о тех мыслях, которые владели ею перед уходом в театр. «Три года... Три года, и все кончится, а она еще должна спасти мир. Какая странная, абсурдная, сумасшедшая была мысль! И как я тогда поверила в это, как в открытие... Как я могу спасти мир? Почему же у меня была такая уверенность? Ведь именно эта уверенность заставила меня бросить все и пойти на сцену. Почему же я об этой своей сумасшедшей идее потом забыла?» Наташа шаг за шагом вспоминала свою жизнь с момента, когда она второй раз встретила Ивана. Почему с этого момента она начала выполнять свое главное земное предназначение. Первое, что поняла Наташа, было: «И я могла прожить жизнь вот так — в круговороте событий, стремясь достичь в своем деле признания и совершенства и ни разу не задуматься над своей судьбой? Нет, мне надо думать о своей судьбе и своем предназначении. Если я не узнаю, что я все же должна делать и как должна жить, чтобы его исполнить, я не буду счастливой, так уж я кем-то устроена. В моей жизни много неслучайного... — Эту мысль Сатана прочитал в подсознании Наташи несколько раз. — Вряд ли мое отношение к Ивану можно объяснить только воспитанием и простым увлечением». Наташа стала думать об Иване. Она как могла старалась отделить свои чувства к нему, как к мужчине, которого она любила, от своего впечатления о нем как о личности. Это было очень сложно, Наташа

чрезвычайным усилием воли буквально заставляла себя анализировать свои чувства. В конце концов она пришла к выводу, что ее поступки либо ее отношение к поступкам других не объяснимы ни влюбленностью, ни общей психологией поведения, ни ее воспитанием. «Почему я всегда изначально знаю, что хорошо и правильно из того, что я сделала, и что нет? Что это — совесть? Можно называть это чувство или причину его как угодно, но оно есть, и оно ведет меня по жизни, заставляя делать порой совершенно нелогичные поступки,— решила Наташа.— И я послушна этому чувству. Чем больше я ему послушна, тем моя жизнь счастливее. Внутри меня, несомненно, есть нечто, созданное не мной, и не заложенное воспитанием, и не переданное мне моими родителями вместе с генами. Что это? — спросила себя Наташа.— Это то, что люди называют душой,— ответила она себе.— Да, меня ведет по жизни моя душа. И я должна понять, что оно такое есть — моя душа? — Эта мысль дала Наташе неожиданное спокойствие. Значит, она нашла правильный ответ на свой вопрос.— Да, у меня есть душа, которая мне не вполне принадлежит, и я должна считаться с ее требованиями ко мне»,— сделала вывод Наташа.

Наташа где только могла стала интересоваться вопросами душевного устройства человека и духовной жизни, с представителями разных религиозных конфессий, мистических или научных объединений. Во всех случаях Наташу прежде всего интересовал только один вопрос: «Что есть душа? Как мне правильно себя вести по отношению к ней?» И никто не смог дать ответ на этот вопрос так, чтобы она этому поверила. Все говорили о Боге, о совести. Разговор с верующими всегда переходил к вопросам вероисповедания и техники самосовершенствования, атеисты говорили о человеческой психике и сложностях ее формирования — ни то, ни другое Наташу не интересовало. Все это было не то...

Прочитав всю эту информацию, Сатана сказал себе: «Она слишком далеко ушла уже — эта Иванова невеста. Проклятый Творец... Теперь она свободна, как почти никто из людей, потому что никем не запрограммирована: ни священниками, ни проповедниками, ни учеными, ни шарлатанами, ни традициями поведения... Не на что опереться! Здесь как раз тот самый редчайший случай, когда замысел Творца, кажется, реализовался почти полностью!

Она свободна от всего, кроме Его воли. Вот это женщина! Она мне не покорится. Неужели Он все же меня переиграл? — спросил себя Сатана.— Неужели моя участь предрешена и у меня ничего не выйдет? Никогда я не был еще в таком положении. Время идет, а я беспомощен, видно то, что мне всегда так верно служило: женская красота и желание любить и быть любимой — вышло из-под моей власти». Сатана встал напротив Наташи, так, чтобы она могла видеть его в полный рост, и материализовался. Наташа почувствовала, что в комнате кто-то есть, и открыла глаза...

Она увидела стоящего у окна человека. Ее охватил ужас, сердце, казалось, остановилось, а потом бешено забилося. Только что она смотрела туда и там никого не было, а теперь там кто-то стоял. В первое мгновение его силуэт казался черным на фоне освещенного ярким летним солнцем проема. Когда глаза привыкли к свету, Наташа увидела, кто находится в ее комнате и поняла, что ее час — тот, к которому она сознательно или бессознательно готовилась все это время,— настал. Ни на миг Наташе не показалось, что это сон или игра воображения, она поняла, что время ожидания закончилось.

Сатана молчал. Наташа тоже молчала. Наконец он сказал:

— Почему ты не спросишь меня об Иване? Я пришел сюда, чтобы ответить тебе именно на этот вопрос.

— А почему ты решил, что я должна тебе его задать?

— Потому что ты любишь его, и тебе должна быть безразлична его судьба. Неужели я ошибаюсь?

— Нет, ты, конечно, не ошибаешься, Сатана,— ответила Наташа,— но пришел ты сюда не за этим. «Как я могу так запросто говорить с ним и не бояться ничего? — удивилась Наташа.— Почему я не спрашиваю себя: не сошла ли я с ума? Это все странно. Но ясно одно: если он появился, я скоро умру...» Что тебе надо, говори скорее и убирайся, а лучше — ничего не говори.

— Я ухожу со сцены, Наташа. Мне осталось существовать, не хочется употреблять слово — жить, оно к нам не подходит, совсем немного, скорее всего несколько часов, ведь Иван уже более трех лет спит часа по четыре в сутки, не думаю, что он сегодня проспит дольше. Когда он проснется, он нажмет пусковую клавишу своего суперкомпьютера и запустит программу Конца света, которая объединит все народы и племена в едином всемирном го-

сударстве, где все будут говорить на одном языке и молиться одному Богу. Только мне там места уже не будет.

— Почему?

— Он создаст мир, где человечество под его властью будет жить, как одна сплоченная общей идеей нация, исповедующая одну религию, где каждый будет свободно исследовать действительность. И вера будет для всех одна, ввиду ее очевидной для всех истинности. Процесс духовного развития будет определен на тысячелетие вперед, и цель его будет ясна каждому. Люди научатся слушать друг друга и разрешат все проблемы путем переговоров, которые они будут вести на одном языке. Каждый более всего будет озабочен своим духовным развитием. Семьи будут счастливы, и женщины в этом новом обществе займут воистину подобающее им место, а отцы радостно будут обучать своих детей открывшейся истине. Все будут равны в правах и возможностях, потому что осознают необходимость добровольного перераспределения богатства, а наука станет опорой этой новой религии. В таком мире не будет места для зла, а значит, и для меня.

— А я?

— А ты должна умереть.

— Почему?

— Ивану не нужны свидетели рождения его величия.

— Не хочешь ли ты сказать, что он убьет меня?

— Я думаю, что тебе это лучше сделать самой.

— Ты описал счастливое общество. Почему же мне туда нельзя? Я совершенно не вижу никакой связи между Иваном и моей смертью. Если он осуществил свою мечту и сделал нечто такое, что сможет реализовать все то, о чем ты сказал, — хорошо. Но причем здесь я?

— Ты?

— Да, я.

— А разве ты согласишься жить в таком обществе?

— В обществе без насилия и войн?

— Да. И без ненависти.

Наташа закрыла глаза. Ее лицо выразило величайшее сосредоточение и напряжение воли. Сатана изо всех сил пытался проникнуть в ее мысли, но как будто провалился в черную бездну. Туда, где Наташа искала ответ на его вопрос, он проникнуть не мог. Наконец она открыла глаза и сказала:

— Нет...

— Ну вот! Ну вот, видишь! Я даже не спрашиваю — почему?

— А почему ты меня не спросишь, Сатана? Почему ты не спросишь меня, почему я не хочу в эту счастливую жизнь?

— Потому что я знаю твое объяснение.

— В этом вся твоя сатанинская хитрость, о которой столько написано. Да просто потому, что царства Божьего на Земле быть не может. Я не знаю, почему. Но знаю точно, что не может. И всякий, кто ставит такую цель прямо или косвенно, — твой слуга, Сатана. Если Ивану каким-то образом удастся сплотить все человечество вокруг общей идеи или учения, значит, это учение — лживо.

— Но почему?!

— Потому что Бог этого не хочет.

— С чего ты это взяла? Ваш добрый Творец, который так печется о вашем людском благополучии, и вдруг этого не хочет. Если Он один, значит, и цель у людей должна быть одна, и религия одна.

— Да, Он этого не хочет. Уходи, Сатана.

— Хорошо, я ухожу. Но теперь ты понимаешь, почему я к тебе пришел. Мне этот новый мир, который начнется вот-вот, не нужен, так же как и тебе. Ты, кстати, можешь сама убедиться, что я не лгу.

— Как?

— Полетели со мной к Ивану. Ты все увидишь сама. Точнее, услышишь от него.

Наташа растерялась, ей впервые за время разговора стало страшно. Но что-то заставило ее сказать решительно и твердо:

— Нет.

— Значит — нет?

— Я лучше умру. Я совсем этого не боюсь и уже готова.

— Вот как... — тихо сказал Сатана. — Готова... Ну, так умирай, — он повернулся к Наташе спиной и стал смотреть в окно. — Не хочешь его увидеть, просто увидеть?

— Нет.

— Ну что ж, увы...

С этими словами Сатана исчез так же неожиданно, как появился.

Наташа схватилась руками за голову. «Что же все-таки происходит? Что можно сделать? То, что я не согласи-

лась с Сатаной, это, несомненно, правильно, но ведь что-то же делать надо. В главном-то он, наверное, не обманывает: Иван закончил свою работу, и теперь должно случиться непоправимое. О предстоящем, скорее всего, не знает никто из людей, никто, кроме меня. А я ничего не могу сделать. Он — там, я — здесь, и между нами Сатана».

Наташа вышла на балкон и посмотрела вниз. Далеко внизу она видела идущих по тротуарам людей, которые с высоты четырнадцатого этажа казались маленькими, как букашки, поток автомобилей, текущий по улице, как река по руслу, зажатому высокими берегами. Наташа посмотрела на окна соседних домов. «Боже мой, и там люди...» У нее начала кружиться голова. Наташа хорошо умела владеть собой, но сейчас ее самообладания не хватало, чтобы справиться с волнением. Ее лицо сильно побледнело, черты лица заострились, казалось, она вот-вот упадет. Ей показалось, что у нее за спиной выросли крылья. Усилием воли Наташа заставила себя взяться за перила ограждения балкона и сжала их так, что пальцы побелели. Во рту пересохло, и голова продолжала кружиться. «Неужели все это правда, неужели правда все то, чего я так боялась и к чему так готовилась?» Наташа сосредоточила все свои духовные силы на этом вопросе, обращенном к Богу, который говорил с ней через посредство ее души. Через несколько мгновений в ее сознании прозвучал голос: «Правда. Все это правда!»

У Наташи не было никакого сомнения в том, что все случившееся с ней за это время — реальность, более того, ее уверенность в том, что вот-вот должно произойти нечто страшное и непоправимое, было сильнее, чем просто уверенность, это было абсолютное знание, а еще точнее — вера. И Наташа чувствовала, знала, верила: сейчас она должна выполнить свое жизненное предназначение, сделать то единственное, что было предопределено ей еще до рождения. Ее сознание теперь находилось в состоянии высочайшего сосредоточения. Весь мир, казалось, перестал существовать, точнее, он стал отчетливо нереальным: дома, люди далеко внизу, автомобили — все это Наташа будто увидела иным взглядом. Она ощутила великую власть над собой и всем миром, ей казалось, что она, наконец, стала такой, какой всегда хотела быть, — свободной и счастливой. «Я по-

лечу к Ивану и предотвращу ужас, который он совершит, я ведь люблю его», — подумала Наташа и, раскинув руки, бросилась с балкона вниз.

Она была готова к тому, что совершится чудо, она твердо верила в это, потому что иначе и быть не могло, и чудо совершилось. Наташа не упала, она, к своему удивлению, не почувствовала упругого напора воздуха и свиста в ушах, вокруг была абсолютная тишина, она медленно парила над городом, ей казалось, что ее относит от дома ветром, хотя ветра она не чувствовала. «Куда же мне лететь? — подумала Наташа. — Где же Иван?» Положение вновь стало отчаянным, время шло, но ничего не происходило, и Наташа не знала пути. И тут она увидела силуэт, паривший в пустоте, он показался ей знакомым, потом она разглядела и лицо и узнала в нем ангела, который когда-то приходил к ней. Она потом забыла его лицо, будто кто-то стер его из ее памяти, а теперь вот вспомнила. Это был Аллеин.

— Скорее за мной, Наташа. Мы еще можем успеть, — сказал Аллеин. Наташа не знала, что надо сделать, чтобы полететь за ним. Она просто очень захотела этого, и ее тело стало быстро набирать скорость, следуя за ангелом.

Неизвестно, сколько времени продолжался полет, может быть, это был только один миг. Наташа потеряла ощущение времени. Она летела в пространстве за Аллейном, и ее душа была полна ожиданием встречи с Иваном. Только здесь, только сейчас она поняла, как ей не хватало его. «Пусть это смерть, но я увижу его перед тем, как потеряю навсегда», — думала Наташа.

Аллеин замедлил полет, Наташа тоже, и из светящегося тумана, который окружал ее, стали проявляться очертания предметов. Наташа обнаружила себя в довольно большой комнате, она увидела стоящий у стены странный компьютер, на дисплее которого было написано: «Я себя поздравляю. Можно трубить в трубы». Компьютер, очевидно, работал. Иван лежал на диване и спал. У изголовья стоял Сатана. Он, видно, не ожидал увидеть Наташу здесь. Наташа догадалась об этом, хотя Сатана не выразил своего удивления ничем. Но душа Наташи приобрела какую-то необыкновенную чуткость. То чувство, которое люди называют интуицией, приобрело теперь у нее особую, чрезвычайную остроту. Сатана сказал:

— О, какая красавица! В этом виде ты только выиграешь.

Наташа посмотрела на себя и увидела, что на ней нет никакой одежды.

— Не ожидал увидеть тебя в логове Зильберта. Да, твоя целеустремленность заслуживает уважения. Только это все поздно. Тебе надо было лететь со мной во плоти. Теперь ты и Иван в разных мирах, что бы ты ни делала и ни говорила, он тебя, увы, не услышит. Какая жалость! — В голосе Сатаны было истинное сожаление.

Наташа подошла к Ивану и прикоснулась рукой к его лицу. Но рука, не встретив сопротивления, прошла сквозь Ивана.

— Иван, — сказала, Наташа. Но Иван продолжал спать. Тогда она дунула на его волосы. Волосы не шелохнулись.

— Жаль, что ты не поверила мне. Теперь все это бесполезно. Ты опоздала. Теперь ты увидишь свое физическое тело только в день... Впрочем, этот день уже, похоже, настал.

— А чего хочешь ты, Сатана? — спросила Наташа.

— Чего хочу я? Того же, что и Создатель. Мне тоже иногда хочется быть откровенным, Аллеин, — предупредил он протестующий жест ангела.

— Ты хочешь сказать, что все, что происходит со мной, с Иваном, со всеми нами — это своеобразная инсценировка, задуманная Богом? — воскликнула Наташа.

— Именно это я и хочу сказать.

— Значит, все, что сделал Иван, — тоже по воле Бога? — Да.

— Как же Бог руководит им?

— Как и всеми нами, говорит: «Будь», — и все будет.

— Как это происходит?

— Не знаю. А вот он, — Сатана вновь указал на Ивана, — узнает, и когда узнает, нам всем конец.

— Почему у него нет души?

— Потому что Бог ее ему не дал. Он предназначен мне.

После Конца света.

— Значит, ад есть?

— Будет, когда Создатель разожжет пламя Судного дня.

— А я?

— А у тебя есть душа, ты не моя, что уж там...

— Что же будет гореть в аду?

— Как что? Тело. Этот прекрасный миг продлится для Ивана и подобных ему вечно.

— Я не верю тебе, Сатана!

— Ты не можешь мне не верить, потому что сейчас я говорю то, что записал в моей душе сам Творец, зачем мне теперь лукавить. То же самое записано и в твоей, и ты, надо отдать тебе должное, сумела за последние три года научиться читать эти письма.

— А если все это не так?

— Значит я — не Сатана.

Наташа вглядывалась в лицо Ивана, она старалась найти в его чертах что-нибудь такое, что бы подтверждало его ужасную миссию. И чем больше она смотрела, тем меньше находила в нем признаков жестокости и злой воли. Иван изменился за эти годы, Наташе казалось, что он повзрослел, все мальчишеское, что было в его лице, неумовимо преобразилось в какую-то спокойную мужественность. Наташе неудержимо хотелось обнять Ивана, прижаться к нему крепко-крепко. «Ах, если бы мы были вместе, ничего бы этого не было, — подумала Наташа. — Боже мой, как я была бы счастлива! Я ведь жила этой надеждой три года, я изгнала ее в недостижимую для моего сознания глубину, но она всегда была со мной, а теперь все это невозможно — навсегда. Вот он лежит передо мной, но граница, которая нас разделяет, непреодолима, как смерть». Наташа заплакала от своего бессилия и в отчаянии обняла Ивана. Она ничего не почувствовала, как если бы обняла пустое место, и она расплакалась, как в детстве, с полным самозабвением предавшись своему горю. Слезы заливали ее глаза, волосы прилипли к щекам, она забыла, где она находится и кто стоит рядом с ней. Наташа закрыла глаза и представила, как она обнимает Ивана и как он обнимает ее, она целовала его, ласкала, как когда-то, когда они были вместе, пытаясь утолить свою нежность и заглушить ужас прощания. Так она прощалась с ним — навсегда.

Но Иван лежал неподвижно, дыхание его было таким же ровным, ничего не изменилось в его лице. Порыв чувств, охвативший Наташу, утих. Она открыла глаза, вытерла толстой прядью волос слезы и посмотрела на Ивана.

— Никто и ничто не поможет нам, потому что такие, как ты, могут умереть, но отступить — никогда, потому что у таких, как ты, стальное сердце, а вместо головы — компьютер, — сказала Наташа, обращаясь к спящему Ива-

ну. — Но вот что у тебя нет души — этого я не знала. Здесь Сатана не лжет. Если бы она была, ты бы услышал меня. И все равно я не верю в то, что надежды нет. Пока есть всемогущий Бог — надежда есть и есть выход из этого положения, иной, чем геенна огненная. Прощай, Иван. Только сейчас я поняла, нет, это неверное слово, нет — мне открылось, как я любила тебя. Если бы мне это открылось раньше, я бы жила иначе, а теперь все слишком поздно. — Наташа отошла от Ивана и в последний раз посмотрела на него. — Иван, ты должен обратиться к; Богу, — вдруг решила Наташа. — Перед тем, как ты нажмешь эту проклятую кнопку, ты должен обратиться к Богу! Прощай. — Она обернулась к Аллеину и сказала: — Куда мне теперь, Аллеин? Веди меня за собой. Я бессильна что-либо изменить, и все дела в этом мире для меня закончены.

«Нет, Наташа, ты не знаешь всей своей силы, и дела не закончены, — подумал Аллеин, — твоя любовь достигнет Ивана и с того, то есть этого, — улыбнулся про себя Аллеин, — света. Любовь — это единственное человеческое чувство, которое преодолевает границы миров, поэтому уверен, что ты побывала в этом бункере не зря».

Аллеин приказал Наташе следовать за собой. На этот раз полет, как показалось Наташе, был более быстрым. Наташа находилась под впечатлением только что состоявшегося свидания и не думала о том, куда она летит вслед за Аллейном. Ее почему-то не покидало ощущение, что ей предстоит сделать что-то важное, прежде чем она предстанет перед Богом. А в том, что она предстанет перед Богом, у нее не было никакого сомнения.

Вот полет стал замедляться, и сквозь желтоватый туман стали проступать очертания улиц, зеленых квадратов парков, золотом блестели на солнце купола церквей и наконецники шпилей высотных зданий. Это была Москва! «Я возвращаюсь домой?! — удивилась Наташа. — Зачем?» Вот и ее дом. Наташа сверху увидела свой балкон. На балконе лежала она — Наташа, бледная, ни единой кровинки в лице. Аллеин подлетел к Наташе, крепко взял ее за руку, Наташа через это рукопожатие почувствовала его неограниченную волю. Добрую волю.

— Возвращайся в свое тело, Наташа.

— Зачем?

— Скорее, скорее, пока не поздно, прошло уже почти пять минут. Тебе больше не следует оставаться вне тела.

— Почему ты не отвел меня к Богу?

— Еще не пришло время. Двери туда пока закрыты. Скорее, Наташа.

Наташа сделала решительный шаг вперед и вошла в свое тело. У нее сразу сильно закружилась голова и пересохло во рту. Очень болел ушибленный затылок. Наташа с трудом вздохнула и открыла глаза. Ее ослепило яркое полуденное летнее солнце. Она обнаружила себя лежащей навзничь на балконе. «Значит, я потеряла сознание. А путешествовала к Ивану моя душа. Значит, я жива!» Наташа встала и, держась за перила балкона и стены комнаты, направилась к стоящему на столике телефону. Голова кружилась, и пол уходил из-под ног. Наташа боялась вновь потерять сознание. Наконец она добралась до кресла, стоящего рядом со столиком, и упала в него. Она набрала номер домашнего телефона Сергея. Услышав голос Сергея на автоответчике, Наташа сказала:

— Сергей, я только что видела Ивана. Позвони мне, жду, — и положила трубку. Ей не хотелось вставать, точнее, она боялась упасть, уж очень сильно кружилась голова. «Значит, Сатана хотел, чтобы я прыгнула с балкона, и я бы прыгнула, но кто-то в последний момент лишил меня сознания, вернее, душа покинула тело по чьему-то приказу. Никто не может приказывать душе, кроме Бога. Значит, это приказал ей Бог. Значит, еще не все потеряно, значит, я еще зачем-то нужна Ему здесь, в этом мире».

На Наташу буквально навалился сон, бороться с ним было невозможно. Она закрыла глаза и провалилась в бездонную пучину сна. Ей ничего не снилось, она как будто отсутствовала на Земле все время, пока спала.

Наташу разбудил телефонный звонок. Может быть, телефон звонил уже долго. Наташа слышала сначала его откуда-то издалека, как призыв к возвращению из небытия. Только услышав звонок несколько раз, она смогла проснуться и открыть глаза.

— Наташа, ты? Я звоню уже в третий раз. — Голос Сергея доносился как будто из другого мира.

— Я спала, Сергей, крепко спала.

— Где ты видела Ивана? Тебе ничего не грозит?

— Ты можешь сейчас приехать?

— Через сорок минут буду.

— Приезжай, я знаю нечто очень важное, — сказала Наташа и, услышав короткие гудки, положила трубку. «Сколько же я спала? — подумала Наташа, посмотрела на

часы и после недолгих размышлений пришла к выводу, что спала она около трех часов.— Значит, до того, как Иван проснется, осталось около часа, если исходить из расчетов Сатаны».

Наташа встала и пошла умываться, голова еще шумела и кружилась, но в общем-то чувствовала она себя вполне сносно.

Сергей, переступив порог и поздоровавшись, сразу сказал:

— Ну, рассказывай, что произошло.

— Я тебе буду рассказывать телеграфным текстом, потому что хочу успеть рассказать.

— А что, нам кто-нибудь может помешать?

— У меня три с половиной часа назад был Сатана. Он сказал, что Иван закончил свою работу и вот-вот будет Конец света.

— Что? — Сергей невольно поморщился.— Ты о чем?

— Я о том, о чем ты знаешь. О том, что Иван сделал то, что обещал, и теперь будет или нет конец нашего мира — зависит только от него.

Сергей молчал и изучающим взглядом смотрел на Наташу.

— Не думаю.

— Но это не все. Я там была три часа назад и видела Ивана. Я, к сожалению, ничего не могла сделать, потому что там была моя душа, пока тело лежало здесь. Я видела спящего Ивана, Сатану и этот проклятый суперкомпьютер — всех в одной комнате. Ты думаешь, что я сошла с ума? Почему ты так смотришь на меня?

— Мы с тобой последние годы почти не виделись, а разговаривали еще меньше, Наташа. Хочешь, я тебе откровенно скажу, что я думаю насчет всего этого: Ивана, его Системы, Конца света, Сатаны, Бога и тебя тоже — только ты не обижайся. Хочешь?

— Да, хочу. Я хочу знать, могу ли я рассчитывать на твою помощь?

— Так вот, не верю я в реальность всех этих событий. Да, нечто странное и со мной, и с тобой, и в первую очередь с Иваном происходило. Но все это давно кончилось, я уже три года живу жизнью, в которой нет места мистификациям. Каждый день для меня — работа и

борьба, и еще какая борьба! Я даже не предполагал, что способен быть таким человеком, Наташа. И в этой моей новой жизни нет места ни для Бога, ни для Дьявола, у меня просто нет времени и желания заниматься всеми этими вопросами. И если честно, я считаю, что интересоваться этими вопросами могут только слабые люди, у которых к тому же есть много свободного времени. Иван? Да, он борец. Но он действительно не от мира сего. Что с ним происходит и почему — мне судить не дано. Но я не верю в реальность того, о чем ты говоришь.— Сергей сделал паузу, отпил из чашки глоток кофе и продолжал: — Я думаю, все, о чем ты мне сейчас рассказала,— плод твоей фантазии. Я готов тебе помогать, я готов подкупать, продавать, стрелять, убегать, догонять, но я готов бороться с твоими реальными врагами, с реальными врагами Ивана, а не с фантомами. Где сейчас Иван?

— Не знаю точно. Я видела его в какой-то странной комнате.

— Что мне делать? Чем я, по-твоему, могу ему сейчас помочь?

— Не знаю, Сергей, но мне страшно. Я понимаю тебя. Ты в своих мыслях и принципах очень неоригинален. Ты уж меня извини.

— Ну, ты даешь...

— Я не знаю, что мне делать. Мне кажется, я уже сделала все, что могла.

Сергей увидел, что Наташа уже не слушает его, она не отрываясь смотрела на часы. Сергею казалось, что ее взгляд едва уловимо двигался, следуя за движением секундной стрелки. Она вся сжалась, ее длинные пальцы вцепились в подлокотники кресла.

— Наташа, ты что? Что с тобой?

— Нет-нет... ничего.— Наташа глубоко вздохнула и прикрыла на несколько секунд глаза.— Это сейчас пройдет.

— Может быть, вызвать врача?

— Нет, не надо, я здорова. Слушай, до меня только сейчас дошло, где же я была. Это сказал мне Сатана. Это же в резиденции Зильберта.

— Вот это уже интересно,— сказал Сергей, взял телефон и, ничего более не говоря, набрал номер Ясницкого.— Игорь, Иван работает у Зильберта. Понял?

Сергей положил трубку и задумался.

— Ясницкий? Вы с ним сотрудничаете? — удивилась Наташа.

— Да, наши счета в его банке. Много изменилось за три года.

Наташа молча ждала, поглядывая то на часы, то на Сергея.

Сергей достал из кармана переносной телефон и долго набирал номер, очевидно стараясь не перепутать цифры. Телефон ответил после второго гудка. Говорили по-английски.

— Это говорит Сергей Малышев, директор Московского филиала корпорации. Мне срочно нужен господин Зильберт... Я все это понимаю... Передайте ему только два слова: Иван Свиридов. Я подожду... Это очень важно, прежде всего для него... Хорошо.

Секунд тридцать Сергей ждал. Он услышал приглушенный голос, говорил Зильберт.

— Я тебя слушаю, Сергей. Что случилось?

— У меня есть информация, что Иван закончил свою работу.

— Интересно, а у меня такой информации нет.

— Он закончил свою работу и с минуты на минуту должен испытать программу.

— Вот как... Хорошо. Спасибо за информацию. Как дела в Москве?

— Хорошо, спасибо.

— С тобой свяжутся в случае необходимости. До свидания, Сергей.

Сергей отключил телефон и взглянул на Наташу горящим взглядом.

— Так вот где Иван. Значит, он все же согласился на него работать. Что ж, нам остается только ждать.

Наташа вдруг рассмеялась.

• — Ну что, Сережа, теперь все меры приняты, дело в надежных руках, можно немного успокоиться и расслабиться.

— Не иронизируй, Наташа. Или ты хотела, чтоб мы брали этот бункер штурмом? Я уверен, что Иван сидит там по собственной воле.

— Я тоже. Ну так что?

— Мне почему-то кажется, что Зильберт должен позвонить мне, — сказал Сергей.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что мне показалось, что новость, которую я сообщил ему, его испугала, вряд ли Зильберт доверит кому-нибудь выяснять у меня источник полученной информации...

3

— Ох уж эти женщины, всегда столько эмоций... — сказал Сатана, когда Аллеин, а следом за ним Наташа покинули комнату. — И всегда в самый неподходящий момент.

Иван все так же спал, лежа на спине. Сатана заглянул в его сознание. Там, как всегда бывает у людей во сне, шла самая напряженная работа, все приводилось в порядок и раскладывалось по полкам памяти, формируя личность. Но понять, что сделает Иван, когда проснется, было невозможно, потому что решение человек принимает, когда проснется, часто в момент пробуждения.

— Счастливы избранные, они презирают смерть. Но ведь ты не избран и обречен на проклятие. Ты был в моей власти, потому что ты был ясен мне весь без остатка, я мог проникнуть в любые закоулки твоего сознания, и все мне там было открыто. Ты был отдан мне уже при рождении. Как могло так получиться, что теперь я остаюсь в таком же неведении относительно твоего и своего будущего, как и в день твоего рождения? Бог не имел над тобой никакой власти, потому что сам отказался от тебя, не дав тебе душу. Ты был абсолютно свободен и до сих пор не решил, как воспользоваться своей свободой. Не было еще человека без души, которого бы я не покорил своей воле. Ты создал мое царство и выполнил свое предназначение! Осталось только нажать кнопку. А ты лег спать... Это воистину самый странный человеческий сон из всех возможных. Пора в него вмешаться.

Тут Сатана увидел возникшего перед ним Аллеина. Он был готов к бою.

— Отойди от него, Сатана. Ты не имеешь права вмешиваться в его сознание.

— Что-то ты очень быстро вернулся, Аллеин. И кто это тебе сказал, что я не имею на это права?

— Так сказал Творец.

— Странно, мне Он еще в начале времен сказал другое. Хотя какое это теперь имеет значение, ведь ты Ему больше не служишь, Аллеин. К чему это беспокойство?

— Я выполняю свой долг, отойди.

— Послушай-ка, ангел, ты, наверное, не совсем понимаешь, в какое дело ввязываешься. Хочешь, я тебе объясню? Если не хочешь, можешь размахивать своим мечом, только тогда ответственность за то, что произойдет, ляжет на тебя. И тебе придется держать ответ перед Творцом.

Аллеин промолчал. Его решимость бороться с Сатаной не уменьшилась. Сатана уловил, что молчание Аллеина означает интерес к сказанному им, и тут же продолжил:

— Творец создал меня, чтобы я управлял теми, кем отказался управлять Он. Теми, кому Он, по каким-то неизвестным мне причинам, не дал души и к кому Он не посылает ангелов. В этом весь смысл моего существования, потому что нельзя оставлять толпу людей без вождя. Если ими правит не Он, значит, это должен делать кто-то другой. Значит, я. Такова была Его воля. И я в конечном счете подчиняюсь Ему и выполняю заданную Им задачу. Моя задача — давать людям, не имеющим души, цели, наполняющие их существование смыслом, а значит, делать их управляемыми. При этом главная цель, которая воодушевляет людей, когда им плохо или, наоборот, слишком хорошо, то есть когда они способны думать не только о себе, — царство справедливости на Земле. Это у них по-разному называется, но смысл один и тот же. И я их воодушевляю, как могу, этим в основном и занимаюсь с момента рождения первого человека, не получившего душу. Какие у меня были помощники, Аллеин! Свободные, сильные, целеустремленные, дальновидные. Пока имеющие душу делали добро, не имеющие ее объединялись во всемирную церковь, строили всемирное государство — их сила в единстве. Я им только иногда подсказывал путь, вмешиваться особенно было и не нужно, потому что логику их действия им подсказывала их внутренняя природа. А она говорила всегда одно — надо завтра жить лучше, чем вчера. Народу, нации, классу — все равно, но лучше. Уже есть и такие, которые беспокоятся за все челове-

чество, и их все больше. У каждого своя цель творчества. У Бога — получить свое материальное отражение, которое можно любить. Вот и вся Его бескорыстная любовь. А может, и еще что — не знаю. У меня — своя. Поэтому, Аллеин, думай, что ты делаешь и на кого поднимаешь свой меч.

— Ты отступник.

— Да, сегодня я стану им. Но только сегодня, Аллеин. Я был озабочен судьбой всех тех людей, которые Ему не нужны. Если бы не я, они, оставленные без Божественного руководства, давно бы уничтожили избранных, беспомощных и слабых. Этого не позволил сделать я. Я выполнил свою функцию и теперь считаю себя свободным от Его воли. А Он, как известно нам всем, сейчас отвернулся от мира.

— Все это часть Божественного замысла.

— Совершенно верно. Творец велик. Какая жалость, что по неизвестным и непонятным мне причинам Он не мог определить к спасению всех представителей человеческого рода и, чтобы управиться с остальными, сотворил меня. Теперь настал мой час, Аллеин, потому что, наконец, под моим неусыпным руководством на Земле была создана сила, способная родить того, кого люди называют Антихристом, и она его родила, и моя цель на Земле достигнута. Та цель, которую я сам себе поставил. Роже-ница при родах умрет, но она больше и не нужна. Антихрист сделает свое дело, ему осталось только нажать вон на ту клавишу.

— Каждый, кто избран, будет жить вечно в Боге после Судного дня. Я это знаю. Книга хранит все, что накоплено призванным человеком за его жизнь.

— Хорошо, это все так и, конечно же, для меня не новость. Но касается тех, кто имел душу. А остальные?

— Сгорят в геенне огненной, когда будет остановлено время.

— Понятно, но почему ты решаешь этот вопрос за Бога? Его пути воистину неисповедимы. Ты слишком много на себя берешь, Аллеин. Я ничего не буду внушать Ивану, да ты мне этого и не позволишь. Я только скажу: «Нажми кнопку, Иван, выполни свое предназначение. Клянусь, Творец уступит тебе свое место...»

Иван проснулся и открыл глаза. Сатана тут же исчез. То же сделал и Аллеин.

Иван проснулся отдохнувшим. Еще не открывая глаз, он спросил себя: «Почему так легко на душе? И почему так не хочется открывать глаза? — И сам себе ответил: — Легко потому, что я во сне принял какое-то решение, — какое — Иван не стал у себя спрашивать, чтобы не портить хорошего состояния духа. — А не хочется открывать глаза потому, что я знаю, что здесь увижу». Он открыл глаза и увидел все тот же подвешенный потолок из светло-серых плиток, освещенный холодным светом ламп. «Жаль, что это не голубое небо», — подумал Иван. Это была совершенно неожиданная мысль, и она привела Ивана в удивление. Он приподнялся и посмотрел по сторонам. В комнате не было никого из привычных ее обитателей. «Где же эти двое? — удивился Иван. — • И Сатана куда-то исчез». Только Лийил все так же висел над Самаэлем, медленно поворачиваясь вокруг своей оси и поблескивая гранями. Иван сел на диване. «Так, надо посмотреть, как отработала программа». Он поднялся и подошел к компьютеру. На экране была только одна запись по-русски: «Я себя поздравляю. Можно трубить в трубы». Эту запись в программу заложил Иван, она должна была появиться, если все компоненты программы при тестировании отработают нормально.

«Пора кончать со всем этим: с Зильбертом, Сатаной, Аллейном и Риикроем, с пророками и воинами — со всем, что не моя жизнь, — подумал Иван. — Если программа отработает, а в этом нет сомнения, все эти горние силы, обеспечивающие ее связь с материей, будут здесь, в этой комнате. Они просто обязаны здесь быть».

Иван быстро набрал на дисплее команду, запускающую программу, и хотел было нажать на ввод, но в последний момент отдернул руку. Это движение было совершенно бессознательным, как будто из клавиши выскочило змеиное жало и испугало его. Самые верные движения и слова человека управляются не сознанием. Иван, конечно, не думал об этом, но уже в этот момент он почувствовал, что он никогда не нажмет роковую клавишу. Он почувствовал это и испугался — опять же бессознательно. «Что-то случилось со мной во сне, этот бесконечный полет над океаном вечности, что это было? Что-то страшно мне... —

Иван посмотрел по сторонам, впервые за все время осознанно оценив комнату, в которой жил эти годы. Она вдруг навалилась на него холодной тяжестью многометрового слоя бетона и безжизненного света. — Могила... Лучше плюхнуться в океан вечности и утонуть в его бездне — страшно?..»

— Лийил, кто-нибудь когда-нибудь находился в такой ситуации, как я сейчас, Лийил?

— Нет, — ответил Лийил.

— Никто никогда не создавал такую модель мира, кроме Бога, конечно?

— Нет, никто. Но был человек, который по воле Бога читал Книгу и обладал знанием, достаточным, чтобы узнать, когда наступит Конец мира.

— Откуда я знаю, что ты сейчас говоришь правду? — спросил Иван, хотя для него это сейчас не имело значения. Иван положил палец на клавишу ввода. — И кто же этот человек?

— Я могу тебя с ним познакомить.

— Нет, не надо, — решительно и быстро ответил Иван. — Теперь уже все, поздно. Этого мне не надо. Это твоя очередная провокация — я знаю. Я уже ничего не жду и ничего не хочу, кроме как закончить дело своей жизни. — Но, подумав немного, он добавил. — Ладно, покажи мне его. Это, пожалуй, последнее, что мне интересно еще узнать.

Иван почувствовал знакомое кружение, но в последний момент перед исчезновением закричал:

— Стоп!! Нет, не надо. Ничего не хочу больше видеть! Только скажи мне его имя, и все.

— Мухаммед, — сказал Лийил.

— Пророк Мухаммед?! — воскликнул Иван. — Этот неграмотный сын бедуина?! — Иван был сильно удивлен. — Хотя об этом было нетрудно догадаться. Ему ведь действительно читали Книгу. Видимо, это была последняя попытка Бога установить контроль над уходящим из-под Его власти человечеством. Недаром Он сказал пророку столько значимых мыслей о своем всемогуществе. И все же и это теперь уже ничего не меняет... Хотя... Послушай-ка, перенеси меня к нему. Да, да, я понимаю, что все это будет яркой мистификацией, и все же напоследок я хотел бы задать пророку вопрос. Только один вопрос.

Лийил вспыхнул, и Иван погрузился в знакомое состояние, предшествующее перенесению в другое время и место.

Иван обнаружил себя в какой-то пустынной холмистой местности. Солнце, необыкновенно большое, багрово-красное, висело над вершиной холма, касаясь его своим краем. «Где это я? Какой закат. Наверное, такой закат должен быть на Земле до сотворения человека или после его исчезновения. Потому что такое мрачное великолепие не создано для живого мира. Где же Мухаммед?» Иван оглянулся, но не увидел вокруг никого. Он медленно пошел к вершине холма. По мере того, как он поднимался, солнце так же медленно погружалось в желто-красную пустыню, именно погружалось отвесно, а не закатывалось. «Где же пророк? К чему эти фокусы? — удивился Иван. — Чего это Лийил мудрит?» Иван продолжал идти вверх по склону холма, потому что ему казалось, что пророк, если он где-то есть, должен находиться именно там. «Удивительное место, — думал Иван, — кажется, что здесь я не принадлежу себе, я только посредник между какой-то высокой и всеобъемлющей силой, имя которой мне неизвестно, и этим миром, и должно случиться чудо». И тут Иван увидел в десяти шагах перед собой стоящего ангела; только что его здесь не было, он появился из пустоты быстрее, чем взмах Ивановых ресниц.

— Здравствуй, ангел, — сказал Иван. — Где пророк Мухаммед? Он должен быть где-то здесь, поблизости.

— Зачем он тебе, путник?

— Я не путник, я Иван Свиридов, заброшенный сюда Лийилом из другого времени и места, чтобы задать пророку один вопрос.

— Я не знаю тебя, человек. Почему я должен допустить тебя к пророку?

— Ты не знаешь меня? Странно. Может быть, ты не знаешь и ангела Аллеина? Хотя, может быть, он среди вас, ангелов, зовется другим именем? Хорошо, ты не знаешь меня и не веришь, что я человек из другого времени, заброшенный сюда Лийилом, но почему ты не хочешь провести меня к пророку?

— Пророк молится Богу. Его сейчас нельзя беспокоить.

— Хорошо, я подожду, когда он закончит молитву.

— Тогда тебе придется ждать долго, путник. Тебе не следует этого делать.

— Но почему?

— Ты исполнен праздного любопытства, и сердце твое закрыто для истины, которую вещает пророк.

— Мне нужно задать ему только один вопрос. Только один... И я исчезну из этого мира навсегда. Я ведь знаю все, что будет дальше и с пророком, и с его учением. Я только хочу знать, почему он не сказал, — Иван запнулся, — почему он не сказал никому день и час Конца света?

Ангел смотрел на Ивана своими большими, отражающими красное закатное небо глазами.

— Так вот ты кто... Так, значит, ты все же появился, создатель ада.

— Я не создатель ада. Я не Сатана, я человек.

— Сатана — тварь, созданная Богом, он ничтожество по сравнению с тобой. Он не способен создать даже песчинку. Ты — его настоящий господин.

— У всех нас один господин — Бог! — воскликнул Иван.

— Ты — тот, о котором молчали все пророки, о котором не должны знать люди. Тот, которого не должно быть, потому что само твое существование есть вызов Богу.

— Да, наверное, ты прав. Но я — есть, и поэтому води меня к пророку. Если ты воспрепятствуешь мне, я сделаю то, чего вы все так боитесь, клянусь.

Ангел склонил голову, потом как бы нехотя повернулся и пошел вверх по склону. Поднявшись на вершину холма, он простер руки к небу и что-то сказал, потом взмахнул руками и исчез. Тут Иван увидел на вершине человека, распростертого ниц в молитве.

Иван шел, не сводя взгляда с пророка, стараясь не пропустить момента, когда тот заметит его, чтобы дать знак, что он идет с добрыми намерениями. Иван умышленно старался производить побольше шума при ходьбе, чтобы пророк поскорее обратил на него внимание, но тот продолжал молиться. «Он так увлечен молитвой, что ничего не слышит», — подумал Иван. И едва эта мысль мелькнула в его голове, пророк, сделав последний поклон, обернулся к Ивану. Иван остановился, ожидая вопроса. Но вопроса не последовало. Пророк сказал:

— Джабраил предупредил меня о твоём приходе, незнакомец, и я согласился встретиться с тобой. Кто ты и зачем прервал мою молитву?

— Джабраил, этот ангел, сказал тебе обо мне?

— Он по воле Аллаха передает мне предвечный Коран. Веришь ли ты в единого Бога?

- Да, верю.
- Веришь ли ты, что я, Мухаммед,— его пророк?
- Да, верю.

Пророк встал и, подняв руки к небу, на котором уже загорались яркие звезды, сказал:

— Хвала Аллаху, великому, мудрому, еще один человек встал на путь истины. Я слушаю тебя, путник. Может быть, ты голоден? Тогда я готов разделить с тобой свой ужин.

— Нет, благодарю тебя. У меня, к сожалению, очень мало времени. Я пришел из далекого будущего и вскоре должен удалиться туда. Волею Аллаха я был перенесен на вершину этого холма, чтобы встретиться с тобой, пророк.

— Велик, Аллах,— сказал Мухаммед.— Что ж, я слушаю тебя. Ты не похож ни на араба, ни на грека, ни на перса. Кто ты, откуда родом?

— Я русский. Ты вряд ли слышал о таком народе. В твоё время о нас ничего не знает еще ни одна из цивилизаций, имеющих письменную историю. Мой народ выйдет из предыстории лет через двести, чтобы в итоге принести в мир коммунизм.

«Вот те раз! Зачем я все это говорю? — спросил у себя Иван.— При чем здесь коммунизм?»

— Что такое коммунизм, юноша? — спросил пророк.

— Коммунизм — это общество равных. Общество, где имущество принадлежит всем.

— Равных перед Аллахом?

— Нет. Коммунизм не признает Бога. Это общество, которое поставило перед собой задачу, отрицая Бога, добиться счастья для всех на земле. Я, право, не знаю, стоит ли мне об этом говорить?

— Это интересное. Я никогда не слышал о таком. Есть заблуждающиеся, которые отрицают единого владыку сущего — Аллаха, впадая в мерзость многобожия, но о таких, которые бы отрицали существование и своих богов, — не слышал.

— Мы сотворили своих богов сами...— Иван поперхнулся и поморщился.— Взбунтовавшихся от голода людей, в общем-то, можно понять.

— Эти люди, твои соплеменники, отрицали единого Бога?

— Да.

— Они прокляты. И все, что ими создано, — тоже. И их участь — гореть в огне.

— Я тоже так думаю, пророк. Но мне бы так хотелось их спасти...

— Счастлив ты, что волею Аллаха покинул свою страну и свое время. То, о чем ты сказал мне, достаточно, чтобы понять, что с твоим народом случилось нечто ужасное и непоправимое. И если Аллах помог тебе убежать отсюда — значит, ты избран Им для спасения.

— Ах, если бы это было так, пророк. Если бы это было так, я бы стал самым счастливым человеком в мире. В мире, о котором я узнал так много, как никто.

— Никакое знание не поможет избежать гнева Всевышнего, юноша.

— И никакая религия не спасет.

— И никакая религия не спасет того, кто проклят Аллахом. Проклятый не может иметь веры.

— Истинно так.

— Знаешь ли ты, что время, отведенное этому миру, ограничено? И конец его, волею Аллаха, неизбежен. И когда это произойдет, нечестивые сгорят в огне. Так сказал мне Аллах.

— Я знаю это, пророк. А знаешь ли ты, когда это будет?

— Аллах рассказал мне, как это будет. В этот день небо будет свернуто, как свиток, горы сдвинутся с мест, солнце разольется по всему пространству и будет разожжен ад...

— Когда это будет, пророк? Он сказал тебе, когда это будет?

— Нет.

— Я как раз тот человек, которому предстоит узнать, когда это будет.

— Я последний пророк этого мира, Аллаху не нужны более пророки. Твоему народу следует прислушаться к голосу Писания, ему, как и многим другим, не дано уже иметь своих пророков. Ты не мог, даже и в будущем, узнать день и час Страшного суда от Аллаха, я не верю тебе.

— Я тебе хотел задать только один вопрос, пророк. Почему ты не назвал людям день и час Страшного суда?

— Я передал людям далеко не все из того, что поведал Мне Джабраил.

— А если я скажу тебе, что не будет никакого Страшного суда?

— Я не намерен спорить с тобой. Ты всего лишь человек.

— Да, но у меня есть власть сделать так, чтобы не было Страшного суда, по крайней мере в ближайшем будущем.

— Был только один человек, который утверждал, что его усилиями был отсрочен Страшный суд,— пророк Иса. Так, во всяком случае, говорят его ученики. Но они же называют Ису сыном Бога, поэтому я не верю в это. Не верю я и тебе.

— Все мы дети Бога, пророк, и Иисус — один из нас. Каждый вправе назвать себя сыном Божиим, не погрешив особо против истины. И я вовсе не утверждаю, что я пророк, я — ученый. Я говорю сейчас о другом. У меня, веришь ты мне или нет, сейчас есть выбор: спровоцировать Конец света или не делать этого. Потому что я и есть причина Страшного суда... Сказано ли в Коране о непосредственном поводе, той капле греха, что и переполнит чашу терпения Аллаха?

— Аллах милостив и терпение его безгранично, как и все прочие добродетели. Причина у Конца света одна — воля Аллаха.

— Я причина, я... Что мне делать, пророк?

— Если твои действия и вызовут светопреставление, значит, такова воля Аллаха. И это ничего не меняет. Что бы ты ни делал, на все воля Аллаха.

— Не имеет Аллах надо мной воли. Я существую и действую помимо Его воли.

— Ничто в мире не совершается помимо воли Аллаха. Воистину, величие принадлежит только Аллаху.

— Совершается, пророк. Все, что делается в мире проклятыми, не призванными к спасению, совершается помимо Его воли. Он сам так решил, создав человека. И проклятые — такие же люди, как и избранные, только свободные, а поэтому живущие жизнью полной. Мне буквально до сегодняшнего утра было совершенно все равно, что будет с этим миром дальше, внешне я волновался, но внутренне, как говорится, душой,— Иван усмехнулся,— был абсолютно спокоен. А вот теперь, когда все действительно готово и осталось только нажать кнопку, я вдруг засомневался. И посоветоваться мне не с кем.

Подождав ответа и не услышав его, Иван продолжил свой монолог:

— Мир так устроен Богом, что если я допишу книгу, а осталось только поставить точку, то возникнут новые правила, по которым будет жить мир. Проще говоря, появится второй Коран и второй Бог. Я буду этим Богом! Если, слушай меня внимательно, если я нажму кнопку, то есть поставлю последнюю точку в своей книге, может произойти следующее: первый вариант — Аллах в тот же миг остановит время, это действительно в Его власти. Это и будет Конец света. Тогда все свершится, как ты говоришь. Избранные попадут в рай, где их ждет блаженство, а прочие, в том числе и я — те, кто не имел души, чьи имена не записаны в Книге жизни, сгорят в огне Судного дня. Если Бог пожалеет людей и не остановит время, власть, которая была у Него, перейдет ко мне, а Он исчезнет, потому что без власти Он — ничто... Исчезнет и Его Книга вместе с именами избранных... Вот что значит смена богов. И никто из людей этого не заметит, все будет идти, как шло при Нем, только правила жизни станут другими, такими, какие захочу установить я. Я дам людям новые понятия о добре и зле, установлю новые критерия спасения души — все то, что будет определять судьбу человека. И жизнь продолжится. А может, я оставлю те же критерии: не убей, не укради... — к ним, по крайней мере, привыкли. Я еще не задумывался над этим вопросом. Так будет, если Бог уступит мне. На это есть только Его воля. Тогда Он будет Спасителем людей живущих и тех, кто будет жить потом, для этого Он принесет себя в жертву. Бог, жертвующий собой ради спасения всех грядущих поколений людей, а не только избранных Им ранее. Какая знакомая тема! Да, да, Он проигрывал уже этот сценарий на Земле, Он показал, как это может быть, но не было еще! Не создал Иисус новой Книги, просто не мог. По воде ходить мог, исцелять больных — мог, мог даже и воскреснуть — все возможно, когда на Земле Лийил, но Книгу создать не мог, потому что не создал общей теории поля и не имел компьютера... Бог, получив его душу, получил и собственный опыт действий по варианту принесения себя в жертву. Но жертвы тогда не было, была лишь мистификация. Опять ты прав, пророк! Бог умирает, чтобы воскреснуть во мне — вот второй вариант. Что же мне делать, пророк?

— Да,— сказал пророк,— ты мог читать Предвечную книгу, теперь я верю тебе. А ты, ты ведь можешь и не ставить точку в своей книге. Откажись от этого во славу Аллаха. Аллах всемогущ...

— Не могу я... Я шел к этому всю свою жизнь, а до меня к этому шли мои отцы и деды, весь мой народ.

— Расскажи людям своего народа о том, что узнал. Расскажи об истинной вере.

— Что бы я ни сказал — не будет услышано людьми, пророк. Слишком ничтожно мое значение в мире без реальной власти. Ведь не может быть двух богов, и нет для Бога никого опаснее меня и памяти обо мне,— зачем ему оставлять на Земле мое знание, ведь тогда появятся сотни таких, как я. Вопрос, который я вынужден решать сейчас — стать ли мне Богом, уничтожив души избранных к спасению, или исчезнуть самому.

Мухаммед встал, подошел к Ивану и обнял его.

— Я вижу теперь, что ты не злой человек. И благоволение Аллаха уже есть на тебе, даже если ты еще не знаешь об этом. Уповай на Аллаха и иди своим путем, юноша. Аллах милостив, Он выведет тебя на путь спасения.

Иван крепко обнял Мухаммеда. «Все-таки я не зря говорил с ним. Он настоящий мужчина. Он великодушный человек, он воистину пророк. Что-то есть в нем такое, что сильнее сомнений, которые для меня страшнее смерти. Конечно же — это его вера в Аллаха».

— Прощай, Мухаммед. Я покидаю тебя с надеждой.— Иван повернулся и быстро побегал прочь. Убедившись, что Мухаммед растворился в темноте, Иван произнес заветные слова и оказался сидящим напротив Самаэля в своем бункере.

Иван посмотрел на компьютер. «Что же делать-то? Неужели я просто боюсь?.. Ладно, сделаем вот что...» Он быстро внес изменения в программу запуска. Теперь на экране компьютера должен был работать таймер, показывающий, сколько времени осталось до момента, когда программа отработает и начнет выдавать решение. Пока это не произойдет, ее можно было прервать,

после — нет, она уже станет неуправляемой и перейдет в другой режим существования — режим Книги. Сделав это, Иван решительно нажал на клавишу ввода. На экране замелькали цифры. Времени для прерывания работающей программы было не так уж много. Всего около десяти минут, и это время быстро убывало. «Наступает момент истины,— подумал Иван.— Будь что будет!» И он нажал на Eplг. Лийил буквально завертелся волчком.

— Что завертелся? Да, через несколько минут волею Бога связь времен прервется и произойдет то, о чем рассказал мой недавний собеседник, если, конечно, я не оставлю эту программу,— тогда ничего не произойдет. Но у меня нет никаких мотивов ее прерывать. Не так ли? Что ты мне можешь показать такое, и что ты можешь сделать, чтобы я отдал такую команду?! Или, может быть, ты хочешь мне что-нибудь предложить? Тогда предлагай, осталось шесть минут... и потом начнется такое... что даже ты не знаешь.

Время шло, но ничего не происходило. Лийил все так же с бешеной скоростью вращался, а таймер быстро отсчитывал минуты и секунды, оставшиеся до окончания работы программы.

— А где же ты, Сатана? Эй, где вы все! — обратился Иван в пустоту и оглянулся по сторонам.— Неужели я совершу этот знаменательный акт совсем без зрителей? — В комнате никого не было, но Иван вдруг почувствовал, что кто-то холодный и страшный, как истинная смерть, стоит у него за спиной.— Боже мой, никого...

Боже мой, я совсем один...

До Конца света осталась минута. Лийил ярко вспыхнул, и Иван услышал голос, тот, который он слышал тогда... Этот голос невозможно было не узнать. Говорил Бог:

— Я знал, что ты появишься. И будешь из тех, у кого нет души — из не взывающих ко мне и обреченных на небытие. Я готов уступить тебе свое место в мироздании. Я ведь могу и не уничтожать мир, но тогда я должен принести себя и всех умерших, избранных мной, в жертву, и ты займешь мое место. Твоя Книга начинается с тех же слов, но написана по-другому... Но и у тебя есть выбор. Ты можешь стать Богом, но можешь остаться человеком, смертным человеком. Но получишь душу, обычную душу, такую, как у многих. Делай свой выбор или я сделаю свой.

— Если я остановлю программу, я получу душу?

— Да. Ты будешь первый человек, который получит душу таким образом. Твоей душой станет сам Лийил, и он будет с тобой, пока ты не умрешь. Ты умрешь очень скоро, и будешь знать когда, потому что Лийил нужен мне, я не могу долго оставаться без своего пера. Но некоторое время Книга подождет, она может подождать. Если ты согласен получить от меня душу, то должен сказать: «Нет Бога, кроме Бога. Аминь».

Остались считанные секунды. Иван застывшим взглядом смотрел на дисплей и ни о чем не думал, отдавшись созерцанию тающего времени. Им вдруг овладело ощущение, что время замедлилось, остановилось. Ивану казалось, что он не принадлежит себе, но это только казалось, на самом деле сейчас он по собственной воле, которая освободилась из-под контроля его расчетливого холодного разума, совершал бросок в вечность, которая открылась перед ним. Это решение готовилось давно. В этот момент он, конечно, не осознавал всего этого, а только подумал: «Нет, нельзя... Не хочу Сатану... Хочу видеть небо, Наташу, буду человеком, наконец...»

Подумал так, решительно протянул руку к клавише отбой и сказал:

— Нет Бога, кроме Бога. Аминь,— и быстро, боясь опоздать, нажал отбой. На экране вновь загорелись слова: «Я себя поздравляю. Можно трубить в трубы».

До конца работы программы осталось две секунды... Лийил в этот же момент исчез. Иван ничего не почувствовал, кроме одного: «Бог воистину добр, и Он любит меня...» — подумал Иван, и это утверждение не вызвало у него обычного внутреннего протеста. Он улыбнулся и глубоко вздохнул.— Ну вот, теперь у меня есть душа. И есть воля не повторять того, что я мог сделать».

Иван подошел к телефону и поднял трубку.

— Я хочу поговорить с Зильбертом.— Пока устанавливалась связь с Зильбертом, Иван сказал: «Лийил, по-явись». Но ничего не произошло. «Все правильно, так *III* должно быть. Все так и должно быть. Чудеса закончились».

— Я слушаю тебя, Джон,— услышал Иван голос Зильберта.

— • Зильберт, программа готова. Что будем делать дальше?

— Я ждал твоего звонка, Иван Свиридов... Это очень интересный вопрос. Теперь мы должны решить, как ею пользоваться. Я сейчас к тебе приду, если ты не возражаешь. Могу я это сделать?

— Да, конечно. Я жду тебя.

Вскоре дверь комнаты бесшумно открылась, и в нее медленно, бессильной старческой походкой вошел Зильберт. Он даже не пытался скрыть, как ему тяжело двигаться. Он очень сильно постарел. Его мучила одышка, поэтому он начал говорить не сразу.

— Рад тебя видеть, Джон, буду тебя так называть, так мне привычнее. Никого я так не рад видеть, как тебя, даже собственных внуков.

— Сколько прошло времени с того дня, как я заперся здесь? — спросил Иван.

— Больше трех лет. Точнее, три года и шесть месяцев. Я уже думал, что не доживу до свидания с тобой. Стал совсем плох. Мой несчастный организм просто разваливается на глазах. Знаешь, как это противно, Джон, видеть и чувствовать, что превращаешься в груды высохшего, старого, вонючего мяса.— Зильберт сел в кресло.— Ну, а как ты? Скажу тебе, ты тоже изменился, повзрослел, что ли. Тогда у тебя в глазах был свойственный мальчишкам огонек, теперь твой взгляд стал сухим и спокойным, даже каким-то безразличным и уставшим. Ты здесь стал настоящим мужчиной, Джон. Уж не знаю, сделал я тебе комплимент или обидел. Если обидел — прости.

— Как дела в мире, Зильберт? Как развивается демократия?

— Ты знаешь, Джон, в последнее время я больше озабочен собственным здоровьем. Но очень хочется знать, что будет дальше. Слишком много вложено во все это.

— Я могу тебя обрадовать, Зильберт. Весь аппарат средств для сохранения твоего «я» — сделан. Моя душа,— Иван оговорился,— моя вторая душа уже там.— Иван показал на компьютер.— Правда, она как бы спит и проснется, если поступит соответствующая команда. И ты, если захочешь, воскреснешь: хочешь, молодым и глупым, хочешь, немощным и мудрым — тело тебе прилепим какое хочешь, все в наших силах.

— И когда же мне можно будет попасть туда? — указал Зильберт на компьютер.

— Когда я дам соответствующую команду.

— Иван, возможно, я обрадую тебя, возможно и нет, но транслятор, считывающий и хранящий информацию человеческого мозга, уже сделан. И генетики тоже продвинулись очень далеко. Мы не теряли времени зря: пока ты занимался своими делами, воссоздавая структуру мозга в Самаэле, мы создали этот транслятор. Правда, вся эта мешанина информации, которую сумели считать из человеческого мозга, никем до сих пор не расшифрована...

Иван прервал Зильберта.

— Ты не понял, Зильберт. Для того, чтобы ты жил там, — Иван кивнул в сторону Самаэля, — нужно совсем не это. Вся информация, которая делает из Зильберта Зильберта, там уже есть просто потому, что без Зильберта мир не смог бы развиваться по той программе, по которой он должен развиваться.

— В это очень трудно поверить, во всяком случае, это мне непонятно. И все-таки что же надо, чтобы продолжилась моя жизнь?

— Надо, чтобы я запустил программу работы Самаэля. Причем совершенно не обязательно, чтобы ты присутствовал при этом, это можно сделать и через год, и через десять лет, все равно Зильберт оживет в Самаэле, если будут заданы соответствующие параметры работы программы.

— И что, весь мой жизненный опыт не нужен?

— Нет, Зильберт. Видишь ли, там, где существует Бог и где будет существовать наш Самаэль — там нет времени, и он знает о тебе все как есть — от рождения и до смерти. Программа Самаэля, отработав, замкнет в себя все время; весь внешний мир, прошлый и будущий, будет существовать для тех, кто внутри пространства Самаэля одновременно. То есть информация, считанная из твоего мозга, Самаэлю не нужна, он получит ее одновременно в чистом виде, главное, чтобы твое имя было там записано, а оно там уже записано...

— И ты можешь все это сделать?

— Да, могу. «Никогда я этого не сделаю, никогда! Но надо, чтобы он меня отсюда выпустил. Мне надо отсюда выбраться любой ценой», — подумал Иван.

— Ну так сделай это.

— Нет, я пока не готов.

— Объясни тогда, что это значит?

— Это значит, что я должен еще подумать.

— Как долго?

— Дай мне месяц. «Да не месяц мне остался, а от силы только дней семь», — сказал себе Иван, — после этого он меня убьет. Он должен меня убить. Он не даст мне пережить себя, что бы он ни говорил».

— Это слишком долго. Я могу столько не прожить. А я хочу отправиться туда вместе с тобой, Иван. Ты — единственная гарантия того, что мне там будет хорошо.

— Сколько же ты можешь мне дать времени?

— • Джон, я слышу каждый удар своего сердца, и каждый удар дается ему с большим трудом. И я боюсь, что каждый удар, может оказаться последним. Неделя, максимум одна неделя земной жизни — все, чем ты можешь располагать перед вечностью...

— Хорошо, я согласен. Неделя. Прятаться я не буду. Пусть твои люди следят за мной, только не очень назойливо. Через неделю встретимся здесь же.

— Ты воистину дьявол, Джон. Предположим, что все, что ты говоришь, — правда. Стой, стой... — Зильберт замахал руками, — не надо никаких доказательств, мне они не нужны, все равно ведь нет выбора... Хорошо, мы с тобой окажемся там. А что будет с остальными людьми?

— Одни после смерти последуют за нами, другие в небытие. Он, — Иван кивнул в сторону Самаэля, — определит, кому куда отправляться, все взвесив на своих весах, — сказал Иван. — И не ошибется, не беспокойся. У него на этот счет свои безошибочные критерии. Я знаю...

— Какие критерии, какие, Джон?

— Каждый знает, куда он попадет, без всяких критериев, и ты знаешь это. Ведь знаешь! Вся армия слугителей всех религий и культов уже тысячи лет спекулирует именно на том, что трактуют эти критерии и задают их от своего лица, ссылаясь на авторитет священных книг. Все это — • ложь. Могу тебе сказать одно — веривших в Бога, а значит имеющих душу, во все времена было не так много, но, правда, и немало. И любой из них мог умереть в любой момент без страха. Это мог быть воин-язычник, снимающий доспехи перед битвой, или сжигающий себя русский христиан-старовер. Эти критерии неуловимы разумом и необъяснимы, как любовь. Воистину, судьба каждого

прописана на небесах и все признаки избранности — косвенные; никому из людей не дано судить, кто избран для спасения, а кто проклят. Видимая святость и подвижничество могут быть лицемерием, а кажущееся отрицание Бога творится во славу Бога истинно верующим человеком, имеющим душу.

— Но ты же что-то заложил в его башку? — показал Зильберт на Самаэля.

— Сейчас он запрограммирован так, что заложил условия Он, — Иван показал пальцем вверх, — а Самаэль воспримет как избранных всех, кто не удовлетворяет этим условиям или попросту не имеет души, только и всего. Самаэль будет действовать от обратного, правда, только в отношении тех, кто в настоящий момент жив. Все прошлое, все эти души, а точнее информация о них, о уже живших людях, увы, погибнет.

— Но, значит, там, — Зильберт показал на Самаэля, — Ад!

— Вот тут ты ошибаешься. Там будет жизнь такая, о которой каждый может только мечтать. Каждый будет жить сам по себе, получая радость из своих переживаний и возможностей. Меня, например, там ждет моя любимая собака и прекрасная природа. Кто-то будет получать радость от своих детей и внуков, кто-то от секса. Для тебя тоже готово место, твое имя я туда уже вписал лично.

— А Бог — мы увидим его?

— Увидишь, это я тебе обещаю... Имей в виду, Зильберт, хоть ты и принадлежишь к богоизбранному народу, но, уверяю тебя, избранных среди вас не больше, чем среди немцев или папуасов, поэтому почти все твои друзья и приятели, прости меня за такой тон, окажутся там же. Я был вынужден все так сделать просто потому, что избранных Бога, предназначенных Им к спасению, меньше, чем таких, как мы с тобой. Надо спасать большинство. А, Зильберт?

— И все же что будет с избранными ранее, если ты нажмешь на эту клавишу?

— То же, что должно было быть с тобой и со мной при Конце света. Они исчезнут в этот момент, им в Самаэле, увы, нет места.

— Тогда они будут жить у престола Бога.

— Двух богов быть не может, Зильберт. Бог один — Иегова.

— Ты хочешь сказать, что ты убьешь Бога?!

— Ради своего и твоего спасения.

— Ты убьешь Бога моих отцов и дедов. Бога Авраама, Исаака и Иакова... Будь ты трижды проклят.

— Нет, не я убью. А тот, кто запустит программу. Если ты так уверен в себе, умирай спокойно, твой Иегова ждет тебя. Я тоже скоро завершу свои дела на Земле и вернусь сюда, чтобы реализовать твой выбор. А выбор у тебя есть. И о чем тебе подумать — тоже есть.

— Понимаю... — ответил Зильберт.

— Тогда договорились?

— Иван, ты можешь выполнить одну мою просьбу, прежде чем я приму свое решение?

— Какую?

— Прежде чем я приму решение, мне бы хотелось поговорить с одним человеком. Но мне очень трудно ходить. Ты не мог бы ненадолго выйти из этого, — Зильберт замялся и поморщился, — sklepa?

— Хорошо.

— Там есть такой хороший садик с лимонными деревьями...

— Хорошо, хорошо, я выйду. Позовешь, когда будет нужно.

Как только двери за Иваном затворились, Зильберт набрал телефонный номер и сказал:

— Срочно соедините меня с Малышевым.

Через минуту Зильберт услышал в трубке голос Сергея:

— Слушаю, Малышев.

— Сергей, скажи мне, кто тебе сказал, что Иван закончил свою работу?

— Наташа.

— Та самая красавица? Ты не мог бы связать меня с ней? Надо поговорить.

— Она рядом.

— Хорошо... Передай ей трубку. Наташа, здравствуй. Жаль, что не вижу тебя, если бы увидел, может быть, прожил бы немного дольше... Скажи мне, откуда ты знаешь, что Иван закончил свою работу?

— Это трудно сказать по телефону.

— Постарайся, очень прошу. Я поверю всему, что ты скажешь, я знаю, что ты не будешь мне лгать. Это не тот случай.

— Это мне сказал Сатана... Потом я, точнее, моя душа, была в вашем бункере. Я видела спящего Ивана. Сатана стоял рядом.

— О чем ты говорила с Сатаной здесь, в бункере?
— Сатана говорил, что выбор за Иваном, и что он следит за выбором, как только проснется.
— Наташа, дорогая моя, ответь мне на два последних вопроса. Когда это было?
— Часа два-три назад.
— Может быть, ты видела, что написано на дисплее?
— Там было написано «Я себя поздравляю. Можно трубить в трубы».

— Спасибо, милая, живи долго и счастливо и роди побольше детей... Прощай.— Зильберт положил трубку. С минуту он сидел неподвижно. «Чего, собственно, я так боюсь? И того ли я боюсь, чего надо бояться? Ишь чего захотел, решил провести меня, всю жизнь меня за нос водил. Ивана мне подставил... Или ты забыл, чей я сын? Нет, не будет по-твоему. Еще все можно исправить»,— подумал Зильберт и взялся за телефонную трубку.

Зильберт вызвал секретаря:

— Кларка (это был исполнительный директор его крупнейшей корпорации), Кларка мне срочно. И пусть ко мне в бункер зайдет Моисей.

Элвис, слушай приказ. Все работы по проектам «Альфа», «Бета», и «Центавр» прекратить, все материалы, полученные в результате осуществления проектов, и опытные установки уничтожить. Принять все меры по предотвращению утечки информации. Все меры. Да. На исполнение приказа — сутки с момента получения команды. Это все. Никаких вопросов и комментариев. Вся ответственность на тебе.

Зильберт вновь вызвал секретаря.

— Юриста мне. Какого? По вопросам наследства — самого главного на сегодня. Джексон, подготовь завещание на следующую тему: детям денежные активы в банках Соединенных Штатов. Сколько? Сколько там есть. Им хватит. Проект принеси завтра. Послезавтра все дети и внуки должны быть у меня. Да, и раввина. Любого, какого найдешь, все равно... Дальше. Все мое имущество, кроме того, что я сказал выше, все активы, все — понял? — передать в собственность правительств тех стран, где они находятся... Кто? Ты что такой непонятливый? Активы, где они находятся, тем и передать. Как? Сообщайте, неужели это так сложно сообразить. На это тоже сутки.

Джекобса ко мне. (Это был директор, ответственный за связь со средствами массовой информации.) Джекобе, распусти свою банду, с сегодняшнего дня финансирование всех твоих проектов прекращается. Только чтоб все было тихо... За это тоже надо заплатить? Ладно, заплачу. Завтра нужна смета с фамилиями, кому платить и сколько. Все, все вопросы Кларку.

Ларри (это был начальник службы безопасности), Ларри, дорогой, прокрути запись с телефона, — Зильберт назвал номер своего телефона. — Проследи, чтобы все, о чем я сказал, было исполнено в точности... Все полномочия. Если появятся хоть какие-то сомнения, буди меня без всякого стеснения. Это надо сделать во что бы то ни стало.

Дверь бункера открылась, и в комнату вошел Моисей, начальник личной охраны.

— Моисей, я сейчас сделал важные распоряжения. Памятью твоей матери и нашим общим делом заклиная тебя, сделай так, чтобы все, что я сейчас приказал, было исполнено. В случае чего закручивай всю машину: ЦРУ, ФБР, Моссад, ГРУ — все, что у тебя есть. Если кто-то побежит с информацией или просто начнет болтать — уничтожить. Это все. Прощай, дружище. Жить мне осталось неделю, вряд ли больше. Все мной созданное нельзя оставлять Никому... Потому что те, которые придут после меня, не видели, как уходят в огонь их матери. Иди...

Зильберт закрыл глаза, и перед ним снова предстал черный силуэт матери с горящей одеждой и волосами, уходящей в ад пламени.

— Иван, я готов продолжить разговор, — сказал Зильберт в микрофон. Когда Иван вошел, он продолжил: — Хорошо. Пусть будет так. Иди, через неделю мы увидимся здесь же. Но только одно условие. — Зильберт поморщился от боли, достал из кармана таблетки, вытряхнул на ладонь горку и, с трудом выбрав одну, положил ее в рот. — Одно условие. Ты должен молчать обо мне и обо всем, что здесь видел и узнал. Это будет справедливо, я думаю. И нигде и ни при каких обстоятельствах даже не намекай о моем существовании. Возможно, мы больше с тобой никогда не увидимся — это если я не захочу рисковать. Я дам тебе знать об этом. Тогда, если хочешь жить — живи, как живут все, — не привлекая к себе внимания. Я ведь понимаю, что ты не сможешь забыть того, что узнал, поэтому живи тихо и незаметно, Иван Свиридов. Будешь много говорить, тебя убьют.

Иван внимательно выслушал Зильберта и ответил:

— Видишь ли, Зильберт, при помощи Самаэля мне, собственно, не удалось выяснить пока ничего, ведь я не запускал созданную мной программу. Поэтому я не согласен с тем, что нам с тобой надо делить авторские права. Но мое изобретение столь значимо, что мне не нужен патент, поэтому я согласен молчать.

Зильберт посмотрел на Ивана взглядом смертельно уставшего человека и покачал головой.

— Если я буду говорить лишнее, можете делать со мной что угодно. Только имей в виду, если я что-то и знаю о мире действительно новое, то только благодаря Ему, — Иван показал пальцем наверх. — А о тебе и обо всем, что тебя так волнует в этом мире, я буду молчать, договорились? Если захочешь меня увидеть, я сделаю то, что ты скажешь.

— Мало ли чего мы знаем, Иван, но если ты будешь болтать, я убью тебя без предупреждения, помни об этом, — сказал Зильберт. — Мне надо подумать и сделать свой выбор. Надеюсь, ты меня хорошо понимаешь. А впрочем... А впрочем, спасибо тебе, Иван, думаю, я сделаю правильный выбор. — Сказав так, Зильберт закрыл глаза. — Да, кстати, вот, телефон твоих друзей. — Зильберт написал на листе бумаги номер Наташиного домашнего телефона. — Куда ты сейчас? Я же должен, по крайней мере, заказать для тебя билет.

— Домой, в Россию, куда же еще, — ответил Иван.

— Ладно, пошли отсюда. Ты не боишься оставлять Самаэля без присмотра?

— Я надеюсь на тебя.

— Э, парень, не надейся ни на кого из людей, а только на Бога. Сделай-ка на всякий случай с ним что-нибудь такое, чтобы им без тебя никто не воспользовался.

— Я, в общем-то, подготовился, мне только надо ввести пароли.

— Вот и введи, а я пока потихонечку побреду отсюда.

Иван задал компьютеру несколько команд и ввел текст, который и служил паролем:

*Хвалите Господа все народы,
прославляйте Его, все племена,
ибо велика милость Его к нам,
и истина Господня пребывает вовек.
Аллилуйя.*

Это был ключ к уничтожению транслятора языка и основных модулей программы. Иван ввел текст и решитель-

но, ни секунды не колеблясь, нажал клавишу ввода, в мгновение уничтожив результаты более чем трехлетнего труда.

— Ну, вот и все. Теперь у меня нет ни Лийила, ни Системы, ни времени, чтобы ее воссоздать. Ты видишь, я сдержал свое слово, Господи.

Иван набрал номер телефона, который ему оставил Зильберт.

— Алло, говорит Иван Свиридов, мне сказали позвонить по этому номеру, — сказал Иван.

— Иван... Как я рада тебя слышать. У тебя все в порядке? — услышал Иван Наташин голос.

— Наташа, ты? Я в ближайшее время вылетаю в Москву. Скажи мне свой адрес, и до скорого.

— Что ты собираешься делать теперь?

— Наверстывать упущенное. Первое, что я сделаю, — крепко обниму тебя.

— А если...

— Никаких если. Этого не может быть. Нет такой силы... Кроме, конечно, ну — если только ты сама этого не хочешь...

— Приезжай... — Наташа замолчала, будто подбирала слова, — приезжай...

Иван хотел еще что-нибудь сказать, но Наташа повесила трубку.

Иван выключил компьютер, хлопнул в ладоши, широко улыбнулся и сказал:

— Ну что ж, поехали...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Ивана сразу же после разговора с Зильбертом посадили в огромный представительский автомобиль и повезли в аэропорт, не дав даже полюбоваться ярким летним небом. Там вручили билет, документы, конверт с деньгами и кредитную карточку. Двое охранников проводили Ивана до трапа самолета, молча по очереди пожали ему руку и ушли, оставив одного.

Это был самолет Аэрофлота. Стюардессы и большинство пассажиров говорили по-русски, и газеты в салоне были в основном на русском языке. Иван смотрел на входящих в салон самолета людей с восторгом. Все люди казались ему красивыми, интересными и приветливыми. С особенным интересом Иван разглядывал женщин. Они все, от двенадцатилетних девочек и до пожилых женщин, вызывали у Ивана внутренний трепет, причина которого не составляла для Ивана секрета.

Иван даже закрыл глаза, чтобы сдержать волнение, когда увидел, что по проходу идет высокая женщина с внешностью ведущей телевизионных новостей. Только он закрыл глаза, как перед его взором предстал узорчатый мраморный пол римского дворца и лежащая на нем в сладострастной позе прекрасная римлянка, та самая, которой он овладел по приказу Нерона. Сердце Ивана сжалось, потом начало мощно стучать. Чтобы развеять это наваждение, Иван открыл глаза и увидел, что женщина укладывает свои вещи в тот же отсек полок, что и он. «Она будет сидеть рядом? Что же мне теперь делать? — подумал Иван почти с ужасом. — Как мне себя вести?»

Женщина взглянула на Ивана с высоты своего роста, и по ее губам пробежала едва заметная улыбка, а глаза чуть блеснули. «Какой прекрасный экземпляр мужского рода, — подумала она. — Сколько блеска и ума в его глазах, и, наверное, очень силен». Она обратила внимание на него сразу, как только вошла, привычка оценивать всех присутствующих мужчин на предмет их возможного использования в том или ином качестве выработалась у нее еще со школьного возраста, а может, она уже родилась с этой привычкой. Иван был моментально подсознательно охарактеризован как потенциальный любовник, а настроение у женщины было подходящим для кратковременного знакомства или, если получится, то и для дорожного романа с коротким продолжением.

Сердце Ивана вообще остановилось. «Кажется, я ей понравился, во всяком случае, она заинтересовалась мной».

— Здравствуйте, — сказала женщина.

— Здравствуйте, — ответил Иван и улыбнулся. Между ними пробежала неуловимая, но такая знакомая всем людям искра взаимной симпатии, которая порой заставляет людей делать безрассудные поступки и с которой часто и начинается любовь. Женщина ответила на улыбку и отвела взгляд. Она села рядом и слегка коснулась локтем Ива-

нова плеча, вызвав в Иване внутреннее содрогание. «Вот до чего доводят научные изыскания в одиночной камере, — подумал Иван и сжал зубы. — Черт возьми! Почему же мне в бункере-то женщины не мерещились?»

Женщина достала из сумки журнал на английском языке и стала читать. «Вот сидит читает и даже не подозревает, какие чувства я испытываю. Знала бы, наверное, убежала бы или вызвала полицию», — подумал Иван.

— Вы давно из России? — вдруг спросила женщина, прервав размышления Ивана.

— Давно. Три с половиной года, — ответил Иван на ставшем каким-то непривычным русским языке. — Женщина удивленно качнула головой и внимательно посмотрела на Ивана.

— Я редактор программы новостей телевидения, зовут меня Ольга. — «Везет же мне», — внутренне усмехнулся Иван. — Вы уж меня извините, это все мое профессиональное любопытство. Но вы напоминаете мне одного американского музыканта, о котором было много шума в прессе года три или четыре назад. Много говорили об импровизированном концерте, который он давал. Не вы ли это? Я не ошибаюсь?

— Возможно.

— Вы очень хорошо говорите по-русски. Настолько, что я думаю... Вы что, русский?

— Да.

— Вы там были американцем, кажется... Наделал столько шума и исчез...

— Нет, нет, я русский, и гражданство у меня российское. Так все получилось, несколько необычно, что ли...

Все внутреннее волнение, которое вызвала в Иване эта женщина, прошло. Теперь рядом сидел не объект жгучего вожделения, а человек, которому надо было что-то отвечать и как-то с ним общаться, стараясь не вызвать отрицательного впечатления о себе.

— А вы давно в Соединенных Штатах? — спросил Иван.

— Я прилетела на неделю. Но вынуждена срочно вернуться в Москву.

Самолет начал выруливать на взлетную полосу. Стюардессы пошли по рядам, напоминая, что надо пристегнуть ремни. Иван стал смотреть в окно. И тут на него вдруг всей своей тяжестью обрушилась мысль, что все часы его жизни уже сочтены и их осталось очень мало. Иван расте-

рянно посмотрел по сторонам. Вокруг сидели люди, и никто из них не знал о том, что происходит в его душе. «Да и почему, собственно, кто-то должен об этом знать? Это — мое глубоко личное дело. Каждый день на Земле умирает триста тысяч человек, и в тот день, когда умру я, тоже умрет триста тысяч. Я должен устроить свою — свою — жизнь за эти семь дней. Что бы я ни делал и что бы ни говорил за эти дни, после моей смерти обо мне на Земле не останется никакой памяти. Все, что касается меня, будет вычеркнуто из памяти людей. Поэтому я могу не отказывать себе в праве говорить и делать то, что считаю нужным».

Самолет быстро набирал высоту. Через окно Иван видел только океан.

Он вновь почувствовал необходимость действовать. И, как уже было много раз, вдруг почувствовал, что не принадлежит себе, но на этот раз основа чувства была совсем другая. Решение пришло откуда-то извне без рассуждений, как всегда приходили к Ивану самые важные решения. «Ну и что из того, что обо мне не останется никакого воспоминания? Из этого вовсе не следует, что я не должен делать то, что считаю нужным. Как прожить эти дни? — Иван почувствовал холод внутри, вдруг осознав, что он, Иван Свиридов, как человек, как неповторимая смертная личность, а не средство для достижения какой-то конкретной цели, никому не нужен. Эта мысль привела его в замешательство. — Но ведь есть же город, где меня многие знают, где знали мою мать и бабушку, где жили Наташа и Сергей. Это же моя родина, в конце концов, — это слово было извлечено Ивановой памятью из мертвого, никогда не используемого словарного запаса. — Там еще помнят о мальчишке, который гонял мяч во дворе и мотал нервы преподавателям в школе. Поеду туда, по крайней мере, я увижу знакомые лица».

Иван подозвал стюардессу и заказал бутылку вина. Красное терпкое вино густой волной перехватило горло, в голове сразу зашумело.

Иван повернулся к соседке и стал рассматривать ее лицо. Она видела, что он изучает ее, и позволяла делать это, ни капельки не смущаясь. «Он странный, но не злой, пусть смотрит», — решила Ольга.

«Эта женщина, — вдруг понял Иван, — может сделать многих счастливыми или несчастными. Понимает ли она это? Или живет себе и ничего не понимает?»

2

Ивану то ли от усталости, то ли от выпитого после столь долгого перерыва вина, то ли от того и другого вместе сильно хотелось спать. Глаза сами закрывались, мысли путались. «Сколько же я своих последних часов проплю?» — подумал Иван последнее перед тем, как провалиться в сон.

Иван проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. — Просыпайтесь, — услышал Иван голос соседки. — Самолет уже приземлился.

Он с трудом открыл глаза. Ему казалось, что он их только что закрыл.

— • Что, уже прилетели? — спросил Иван.

— Уже. Ничего себе, уже. Так и царствие небесное можно проспать.

— Это точно, — сказал Иван и стал тереть кулаками глаза и трясти головой, чтобы окончательно проснуться.

— Ну что, проснулся?

Стюардессы пригласили пассажиров к выходу. Иван в окружении людей чувствовал себя совершенно непривычно. Каждый, на кого он смотрел, был ему интересен. В то же время он отчетливо понимал, что никому из этих людей он сейчас совершенно не нужен и неинтересен вместе со всеми его проблемами и знаниями. «За три с половиной года сидения у компьютера моя психика не могла не измениться, — подумал Иван. — Да и моя прежняя жизнь немногим отличалась от последних трех лет. Вряд ли я могу сейчас адекватно оценивать людей и ситуацию. Я знаю, наверное, четыре или пять языков, но ни на одном языке меня не поймут, потому что я буду говорить не о том, что люди привыкли слышать».

Иван постоянно смотрел по сторонам. Все, что он видел, его очень интересовало. Он смотрел на окружающее, как на сцену театра, и никак не мог отделаться от ощущения, что все происходящее вокруг разыгрывается специально для него.

Они с Ольгой стояли в очереди перед паспортным контролем. Народу в тесном помещении было очень много, и очередь двигалась медленно. Было жарко и душно, лица у людей выражали напряженное ожидание и раздражение. Наконец подошла очередь Ивана, он подал свой паспорт и стал ждать. «Почему я даже не удосужился заглянуть в паспорт, вдруг там что-нибудь не так и придется объясняться», — подумал Иван, когда женщина-контролер несколько раз переводила взгляд с паспорта на него. Наконец она положила паспорт на стойку и сказала: «Проходите».

Ольгу встречал мужчина лет сорока пяти с лицом, выражающим сдержанную радость и подчеркнутое внимание. «Выглядит очень представительно», — оценил его Иван. — Наверное, точно знает, что хочет, и надежен, как скала». Ольга, дождавшись, когда ее спутник отвернется, быстро улыбнулась Ивану и махнула рукой. Иван кивнул ей головой.

Он поднялся на площадку в зале аэропорта, где он стоял, когда три с половиной года назад улетал в Нью-Йорк. Кажется, ничего с того времени не изменилось, тот же зал и так же много в нем самых разных людей, но смотрел теперь Иван на все это совершенно иначе. Он смотрел вниз и не чувствовал никакого воодушевления. Ему ничего не хотелось сказать, и мысли в голове не путались от странного желания сыграть роль пророка. «Тогда мне так хотелось, чтобы меня слышали, а теперь нет, будто мне нечего сказать. А ведь все как раз наоборот. Именно сейчас я бы мог сказать им нечто очень важное. То, что теперь знаю точно. Но и теперь меня никто не будет слушать, и в лучшем случае позовут милицию, а в худшем — отправят в сумасшедший дом. А мне и не хочется никому ничего говорить, я сделал свое дело, а они все пусть живут, как знают и как могут. Интересно, но мне теперь надо продумывать каждый свой шаг, чтобы не сойти за сумасшедшего или не совершить какое-нибудь нарушение закона. Надо ехать к Наташе, и как можно скорее, там я буду жить эти дни без необходимости обдумывать каждый шаг и каждое слово. Как же Бог добр, что отвел мне всего семь дней земной жизни», — подумал Иван и обрадовался этой мысли. — Конечно же! Как бы я жил среди людей со всем этим!»

Иван быстро вышел из здания аэропорта, его тут же окружили таксисты, предлагая совсем недорого отвезти в любое место Москвы. Иван выбрал черного парня в

майке с надписью «Чикагский бык» на английском языке и назвал Наташин адрес. Иван сел в машину — выдавшую виды белую «Ладу».

— Подождите, я сейчас найду еще кого-нибудь, и поедем, — сказал таксист.

— Мне некогда ждать, поехали, — возразил Иван.

— Это будет стоить триста пятьдесят тысяч, — ответил таксист и остановил свой взгляд на Иване.

Иван достал из кармана конверт с деньгами, взял из него стодолларовую банкноту, повертел в руках и спросил:

— Этого хватит?

— Хватит, — согласился таксист, быстро сел за руль, завел автомобиль и резко взял с места.

Перед тем, как выехать с территории аэропорта, таксист зачем-то остановил автомобиль и исчез минут на пять. Вернувшись, он ничего не сказал, завел автомобиль, они выехали на шоссе и быстро поехали навстречу солнцу.

Иван смотрел на зеленые поля и даже пытался смотреть прямо на солнце, оно странным образом притягивало его взгляд. Он ощущал солнечное тепло каждой клеточкой своей кожи, и, казалось, это тепло согревало не только его кожу, но и мозг. Ивану представлялось, что автомобиль летит над дорогой прямо на солнце. Это был полет из прошлого в будущее, его последний полет. В будущее, которого не было. «Я готов лететь к солнцу вечно, и что из того, что прервется мой полет. Я готов лететь — и это главное». Иван оглянулся на водителя, тот крепко держался за руль и смотрел прямо на дорогу. Оттого, что Иван перед этим пытался смотреть на солнце, лицо водителя он видел плохо, будто на фотографическом негативе. Ивана охватило ощущение ирреальности происходящего. «Из-за того, что я долго смотрел на солнце, я теперь не вижу ничего, кроме солнца. Почему же я так счастлив? — Иван вслух рассмеялся, заставив водителя обернуться. — Теперь, когда я ничего не могу изменить и ни на что повлиять, когда дни и часы мои сочтены. Именно теперь, когда все кончено, когда я со всеми своими знаниями и возможностями оказался выброшенным из жизни, потому что неспособен воспринимать ее адекватно, а приспособливаться к ней некогда, — я чувствую себя счастливым, а жизнь — по-настоящему полной».

— Слушай, парень, — обратился Иван к водителю, — как тебя зовут?

Водитель помедлил и как-то неохотно ответил:

— Юрий.

— Юра, можно ли быть счастливым, зная, что тебе осталось жить считанные дни и часы?

Машину колыхнуло из стороны в сторону. Скрипнули тормоза, водитель сбавил скорость.

~ Не знаю. Я собираюсь пожить еще.

— А я — нет. Все часы моей жизни сочтены.

— Ты что, болеешь чем?

— Нет, напротив, теперь я здоров, как никогда.

— Что, угрожает что ли кто?

— Это неважно. Не об этом речь. Бывает, оказывается, конец жизни — как праздник. Я никогда не ожидал, что так может быть. Оказывается, может. Это такое счастье... быть человеком...

Водитель сильно сбавил скорость и свернул направо на проселочную дорогу, ведущую прямо в поле.

— Если ты не возражаешь, я остановлюсь около той рощи минут на пять, что-то двигатель барахлит, — сухим голосом сказал водитель и, не дожидаясь ответа Ивана, прибавил газ.

Машина на скорости въехала в рощу, проехав еще метров сто по лесной дороге, влетела в лужу и забуксовала. Иван посмотрел на лицо водителя, оно показалось ему серым, а руки его дрожали. Сзади подлетела еще одна машина. Иван понял, что ему угрожает опасность. «Почему же Зильберт не выполнил обещание? Семь дней еще не прошло. Как же так?»

Иван быстро открыл дверь и хотел было выскочить из машины, но в последний момент передумал. «Нет, мне нельзя показывать страх и желание действовать. Пусть они действуют», — подумал он и остался сидеть в машине.

— Эй, ты, выходи из машины, быстро, — услышал Иван чей-то голос. Первым его желанием было обернуться и посмотреть, кто это говорит, но он не стал оборачиваться и остался сидеть неподвижно.

— Кто вас послал? — тихо спросил Иван у водителя. — • Что вам от меня нужно?

— Отдай им деньги, — так же тихо сказал водитель, — • может быть, не тронут.

— Так вам нужны деньги, и только? Это правда? Иди скажи, что я готов отдать им все деньги, что у меня есть.

— Скажи им это сам, — прошептал водитель, — только скорей. — Сказав это, он быстро открыл дверь и выскочил

из машины, при этом поскользнулся и упал. Он грубо выругался и закричал:

— Мужики, он готов отдать бабки.

— На х..н нам его согласие, мы и сами возьмем.

— Он вас не видел, — услышал Иван приглушенный голос водителя, — давайте заберем деньги и пусть катится ко всем чертям.

— Но тебя-то он видел. Что нам с тобой-то делать?

Иван тем временем достал свой конверт и выложил перед собой его содержимое: паспорт, пять тысяч долларов наличными и кредитную карточку с приклеенной к ней полоской бумаги с номером. «Ага, ясно, думаю, Зильберт был достаточно щедр. Поэтому карточку вы не получите. Но и мне вратъ — не к лицу». Иван быстро оторвал бумажную полоску и незаметно бросил карточку под сиденье. Потом он протянул конверт с деньгами в окно автомобиля.

— Здесь пять тысяч долларов. Это все, что у меня есть. Держите.

Кто-то взял конверт, и тут же Иван почувствовал у виска ствол пистолета.

— Выходи, — услышал Иван приказ.

Иван повиновался. Все пространство вокруг казалось ослепительно белым от освещенных солнцем березовых стволов. Сквозь листву Иван видел белоснежные пушистые облака, которые показались Ивану старыми знакомыми. Он очень обрадовался, увидев их, как радуются старым друзьям. «Какая красивая земля, Боже мой! Зильберт это или нет?» — только один вопрос задавал себе Иван. Он раскрыл ладони, будто готовясь принять какой-то дар и, не обращая внимания на грубый окрик бандита, начал громко и отчетливо говорить:

— «И взошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона, и показал ему Господь всю землю Галлад до самого Дана, и всю землю Неффалимову, и всю землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого западного моря, и полуденную страну, и равнину долины Иерихона, город Пальм, до Сигора. И сказал ему Господь: вот земля, о которой я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: „семе-ни твоему дам ее“; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь»*. Так ли, Зильберт? — спросил

* Второзаконие, 34:4.

Иван, обращаясь к солнцу. Все, кто слышал Ивана, молчали. «Не они»,— решил Иван и продолжил:

— «Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте.... Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отпущение, Аз воздам, говорит Господь...»*

Иван резко присел и нанес рубящий удар в живот угрожавшего ему пистолетом человека. Он вложил всю свою силу в этот удар. Рука со свистом рассекла воздух и врезалась в мягкий живот, как меч. Удар был такой силы, что противник, судорожно хватая воздух ртом, отлетел к автомобилю, ударился затылком о кузов и, бесчувственный, сполз прямо в дорожную грязь. На дверце машины осталась вмятина.

Иван спокойно поднял упавший пистолет, отсоединил магазин, передернул затвор, чтобы удалить патрон из патронника, и швырнул пистолет к ногам водителя.

— «...Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»**.

Иван поднял испачканный в грязи конверт и протянул его водителю:

— Я повредил твое имущество,— кивнул Иван головой на вмятину на двери автомобиля.— Возьми, я дарю тебе эти деньги,— сказал Иван.

Рядом с водителем стоял довольно шуплый субъект лет двадцати с битой головой, что подчеркивало его оттопыренные уши, которые были темно-розовыми и такими тонкими, что, казалось, пропускали солнечный свет. Он смотрел на Ивана расширенными, наполненными страхом глазами и побелевшей от напряжения рукой сжимал нож. Иван улыбнулся и сказал, обращаясь к лопухому:

— «Ты имеешь веру? Имей ее сам в себе, перед Богом. Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает. А сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех»***. Что же ты так боишься меня?

Он подошел к лежащему в луже бандиту и заглянул в глаза. Зрачки реагировали на свет. Иван услышал дыхание, правда, было оно поверхностным и отрывистым.

— «А теперь я иду в Иерусалим... Бог же мира будет со всеми вами, аминь»*,— сказал Иван и громко рассмеялся. Он поднял с пола машины кредитную карточку, сунул ее в карман, повернулся спиной к стоящим людям, распростер руки вверх и громко закричал:

— Эй, Зильберт, услышь меня... Это я, Иван Свиридов... Я увидел свою землю обетованную, Зильберт. Оказывается, жизнь— прекрасна, ты оказался прав... И я дарю ее всем, всему миру!!

Иван пошел по дороге в глубь березовой рощи. Он шел большими шагами, твердо ступая по земле, ему нравилось идти именно так, чтобы было ощущение, что каждое его небольшое усилие приводит к преодолению пространства— прекрасного, родного и единственного,— его человеческого пространства, которое он ощущал каждой клеточкой своего тела. С южной стороны Иван увидел просвет между кронами деревьев и повернул туда. Трава была влажной после дождя, и ботинки сразу промокли. Где-то над головой закаркала ворона. Иван остановился и посмотрел вверх. Ворона сидела на суку метрах в трех и, наклонив набок голову, внимательно смотрела на Ивана черной блестящей бусиной глаза. Иван увидел на дне этой бусины явный ум и неподдельный интерес к себе.

— Привет, ворона,— сказал Иван и остановился. Ворона перестала каркать.— Ты здесь живешь? — Ворона наклонила голову в другую сторону и посмотрела на Ивана другим глазом.— Я теперь тоже здесь живу. Вот уйду ненадолго совсем, а потом вернусь и останусь здесь навсегда. Будем дружить? — Ворона опустила голову, нахохлила перья на шее, потом переступила несколько раз по ветке из стороны в сторону, снова посмотрела на Ивана черной бусиной, раскрыла клюв и многозначительно каркнула один раз. Иван махнул рукой вороне — в знак благодарности и приветствия. Ворона в ответ на это расправила крылья и медленно взлетела. Иван проводил ее взглядом и глубоко вздохнул. Было очень тепло. Здесь, в лесу, воздух казался густым, влажным и будто специально настоящим на множестве трав. Иван вздохнул еще раз, по-

* Второзаконие, 32:35.

** Римлянам, 12:21.

*** Римлянам, 14:23.

* Римлянам, 15:25.

том еще и еще. Казалось, он учился дышать, и каждый вздох доставлял ему огромное удовольствие. Закружилась голова, то ли от избытка кислорода, то ли от счастья.

Лес кончился, и перед Иваном предстало большое пшеничное поле, пересеченное с севера на юг проселочной дорогой. Дул легкий ветер, и по пшеничному полю катились настоящие волны. «Как море, — подумал Иван. Он на миг закрыл глаза, и ему показалось, что он видел эту картину тысячи раз, видел всегда. — Сколько поколений моих предков работали на этой земле? — спросил у себя Иван и открыл глаза. — Много. Много поколений». У опушки леса была небольшая нераспаханная полянка, поросшая травой и полевыми цветами. Здесь под теплым солнцем и свежим ветерком трава уже совсем просохла. Ивану захотелось лечь на траву. Он снял ботинки, скинул с себя рубашку и несколько раз прошелся по полянке босиком. Трава приятно шекотала ноги и была почему-то удивительно прохладной. Выбрав место, где было меньше цветов, Иван лег на землю.

Он смотрел на небо, облака, ярко-зеленую листву и жевал стебель травы. «Что, в сущности, моя жизнь? То, что я могу о ней вспомнить. И что могут вспомнить о ней другие. Ну, насчет других — тут все ясно, этого не будет. А я что могу вспомнить своей абсолютной памятью? — Иван выплюнул травинку и попытался сосредоточиться, чтобы вспомнить самые главные события своей жизни. Ничего не шло в голову, все казалось малозначительным и не вызывало радости. Школа, университет, первая женщина, куча денег, которая только что была у него в руках, — нет, это все не то, что может от него остаться. — Ах, если бы хоть что-то могло остаться!» И тут невольно Иван стал вспоминать все те научные открытия, которые привели его к созданию Системы. «Да — вот тут есть что вспомнить. Если бы о них знали люди, каждое такое стоило бы, возможно, Нобелевской премии. Слушай-ка, — Иван как бы с удивлением для себя открыл новую сторону своего существования, — а я ведь ученый, как это говорят — первооткрыватель, раздвинувший горизонты нового перед человечеством. Вся моя жизнь, та, что имеет значение для меня, — это выполнение гигантского проекта, название которого — Система. Проект закончен и жизнь тоже. А все остальное — это так, случайные, не предусмотренные проектом события. И вот поставлен финальный флажок, проект успешно закончен, и все... жить вроде

бы как и незачем. И я ведь с удовольствием лежу под этой березой и жую траву — просто так, без всякого смысла. Я ведь не знал, чем все это кончится, и только хотел открыть научную истину. И жизнь, наполненная открытиями, прошла без событий, которые обычно вспоминают люди и ради которых живут. И не было никакой жизни, если убрать из нее Систему. Жестоко, очень жестоко, вся моя жизнь принесена в жертву, причем мной самим — добровольно».

Иван перевернулся на живот и стал смотреть на траву, он аккуратно расправлял стебельки и листочки, чтобы увидеть землю под покровом останков прошлогодней травы и листьев у самых корней. Там был целый мир, в котором жили муравьи, жучки, какие-то маленькие гусеницы и тля. Иван, как зачарованный, смотрел на все это ползающее, переливающееся великолепие. Он смотрел, ощущая солнце, траву, этих букашек и деревья, как часть себя, и вдруг ткнулся носом в траву и заплакал. Он плакал долго, навзрыд, трудно сказать, почему — то ли от жалости к себе, то ли от переполнившего его острого чувства молчаливого великолепия всего сущего, которое невозможно человеку выразить в словах. «Что же делать? — спросил у себя Иван. — Может быть, пролежать все это время здесь и плавнo вraсти в эту землю, пустив корни, как это делает ствол тополя, покрыться мхом и оказаться под травой. Но он-то пускает корни и выращивает ветви, из которых вырастают молодые деревца. А я?»

Иван перевернулся на спину, достал из кармана платок и вытер лицо. «Хотел идти к Наташе. А зачем? Что я ей скажу? Здравствуй, пришел, чтобы проститься. Ты будешь жить дальше без меня, любимая. Любимая? Я когда-нибудь называл ее так? Я вообще признавался ей в любви? — Иван покачал головой. — Нет. То, что я говорил ей, не было признанием в любви. Я был честен, не любил и не говорил об этом. Не любил никогда. Что же тогда все это было? Побочные события в сети моего проекта — вот что. У мужчины должны быть женщины, хоть иногда, а она — лучшая из женщин, вот и все. Где я хоть нахожусь?» — спросил у себя Иван. Он встал и огляделся.

За пшеничным полем была березовая роща, дорога, ведущая через поле, терялась в этой роще. «Поле-то совсем небольшое, дальше лес. А что за лесом?» Иван подошел к старой развесистой березе, которая росла у опушки, и решительно, подтянувшись на толстой нижней ветке,

полез по ветвям вверх. Он быстро добрался до вершины, прижался грудью к тонкому уже стволу и стал смотреть по сторонам.

На севере он увидел шоссе, на западе и востоке — поля и березовые перелески. На юге виднелась дымка большого города. «Не так уж далеко, — подумал Иван, — можно и пешком или бегом».

Иван почему-то вспомнил кадры из виденного им когда-то фильма: перед казнью осужденному дают затянуться сигаретой, потом глоток вина, потом посмотреть на женщину.

— Нет, нет, не хочу так! — Иван резко оттолкнулся от дерева и, широко раскинув руки, прыгнул вниз, напрягшись, чтобы не разбиться. Он умел прыгать с большой высоты, и поэтому падение не причинило ему никакого вреда.

«В моей жизни не было никаких значимых событий, кроме моей работы, но каждый ее день был наполнен работой, а значит и смыслом, есть и великий смысл в моей смерти, гораздо больший, чем в моей жизни, и поэтому будем радоваться!»

Иван быстро надел ботинки, подхватил с земли рубашку и побежал, сначала по траве, а потом по подсохшей и уже ставшей пыльной дороге.

— Три с половиной года не бегал. А-а... — заорал Иван, раскрутив над головой рубашку. Он бежал по дороге вприпрыжку все быстрее и быстрее. — Я знаю, что надо делать!! Ребенка, такого же сумасшедшего, как я, и такого же красивого, как Наташа!

3

Проселочная дорога, по которой он бежал, поросла темно-зеленой стелющейся травой с мелкими листочками. Эту траву бабушка называла конотопом. Бежать по ней было очень приятно. Правда, пробежав совсем немного, Иван почувствовал, что для него совсем непросто поддерживать тот темп, в котором он обычно бегал на длинные дистанции. Пришлось бежать медленнее. Только минут через двадцать дыхание установилось и Иван вошел в привычное состояние бега, которое ему так нравилось.

Дорога вела на юг. Жаркое летнее солнце пекло голову и плечи. У Ивана было ощущение, что он все время бежит прямо на солнце. Пот катился градом, то и дело приходилось вытирать его с лица рубашкой. Теперь у Ивана появилась ясная цель — Наташа. Это слово теперь включало в себя все те ощущения близости, которые он пережил с ней, ее голос, выражение ее глаз, ее такие заботливые и нежные руки. Надо было во что бы то ни стало достичь этой цели и получить все то, что определяло это слово. Казалось, что все закоулки Иванова мозга, освободившись от математических выражений, теперь стремительно заполнялись этими чувствами. Если он только что вмещал в себе всю вселенную со всеми ее законами, значит, хватит в нем места и для Наташи.

Иван пробежал через рощу, которую видел с дерева. За ней было еще одно поле, картофельное. А впереди виднелись дома — не то деревня, не то дачный поселок. Иван увидел стоящий у дороги старый рубленый колодец с воротом, он остановил бег и пошел к нему, стараясь по пути успокоить дыхание.

Сначала Иван заглянул в колодец. Он был глубокий, где-то далеко внизу блестела вода. «Кто-то же когда-то выкопал этот колодец. Домишки уже почти развалились, а колодец стоит», — подумал Иван и сбросил вниз подвешенное на цепь ведро. Цепь загрела, ворот закрутился все быстрее и быстрее, наконец Иван услышал плеск упавшего в воду ведра. Он взялся за ручку кованного, наверное, еще в незапамятные времена ворота и начал ее крутить. Ворот громко скрипел. Наконец ведро было поднято, и Иван поставил его на скамью рядом с колодцем. Вода была очень холодная. «Еще бы она не была холодная. Такой глубокий колодец». Он наклонился к ведру и медленно отпил один глоток. Казалось, вода впиталась прямо в гортани. «Все — пить нельзя, — решил Иван, — а вот умыться можно и даже нужно». Иван стал аккуратно зачерпывать воду ладонями и умывать разгоряченное от бега лицо. Тут ему вдруг показалось, что на него кто-то смотрит. Иван перестал умываться и посмотрел вокруг. Всего метрах в пяти от колодца был старый, покосившийся палисадник, а за ним такой же старый, почерневший от времени и покосившийся рубленый деревенский дом. «Да не дом — изба. Настоящая изба». Около калитки стояли две девочки и внимательно смотрели на Ивана. Одной было лет семь, другой, наверное, около десяти, обе белокурые и

голубоглазые. Глаза у обеих были удивительно похожими и, казалось, не отражали солнце, а просто светились на детских лицах голубыми огоньками.

Иван широко улыбнулся и кивнул головой детям в знак приветствия.

• — Вы сестры? — спросил Иван.

— Сестры, — ответила старшая. Лицо ее оставалось все таким же серьезным.

— А как называется эта деревня? — спросил Иван, чтобы завязать разговор.

— Петушки, — ответила старшая.

— Интересное название. И много тут народу живет?

— Не-а, — ответила девочка и мотнула головой. — Семь дворов осталось. Остальные дачники.

— Но вы-то, я вижу, не дачники.

— Нет, мы местные, летом здесь живем, а зимой в городе, потому что у нас школы нет.

— У нас тут вообще ничего нет — ни школы, ни магазина, ни больницы, — вступила в разговор младшая.

— А родители ваши где? — поинтересовался Иван.

— Мама здесь, а отец в городе. Он всегда в городе живет, — ответила старшая.

— И как же вы здесь живете семь дворов — без школы, магазина, больницы? Не скучно вам?

— Нет, — хором ответили сестры.

— Здесь хорошо, только играть не с кем, — добавила старшая.

— А дачники что?

Девчонки переглянулись, потом младшая ответила:

— Мы с ними не играем.

— Чего ж так? — удивился Иван.

Девочки замялись. Потом младшая сказала:

— У них игры дурацкие и потом... у нас игрушек нет.

— Вот тебе и раз! Как же так, без игрушек?

— Мамка в совхозе работает, там денег не платят, а отец уехал в город, мы его и не видим, и денег не шлет.

— Как же вы живете-то без денег? — удивился Иван и сел на скамейку рядом с ведром.

— У нас здесь все без денег живут.

— Да, — покачал головой Иван. — Неважные дела. А далеко ли до Москвы?

— До Москвы? Пятнадцать километров до кольцевой. Да тут рядом совсем, километр туда — девочка показала рукой, — шоссе. Там автобус ходит, прямо до метро.

— Да дело в том, что у меня тоже нет денег. — Иван в растерянности почесал затылок, достал из кармана пластиковую карточку, посмотрел на нее и рассмеялся.

Дверь дома открылась, и из него вышла женщина лет тридцати. И волосы, и глаза у нее были точно такие же, как у дочерей. Волосы светло-русые, а глаза голубые. Она была одета в выцветшее ситцевое платье, облегающее стройное сильное тело. На руках она держала мальчика, года два — не больше, темноволосого и темноглазого. Лицо у женщины было на удивление молодое и свежее, взгляд внимательный, изучающий, без тени какого бы то ни было испуга или растерянности. Она оценивающе посмотрела на Ивана, и уголки ее губ чуть заметно дрогнули.

— Клубники купить не желаете? — спросила она. — Клубника отличная, ягодка к ягодке. Отдам недорого.

— Если у вас в деревне есть банкомат, с удовольствием куплю, — сказал Иван и улыбнулся женщине.

— Что-о? — спросила женщина и поморщилась. — Что это еще такое? Сберкасса что ли?

— Да, что-то вроде этого.

— Какая сберкасса? У нас тут электричество бывает через два дня на третий.

— Так Москва же рядом совсем! Как же так?

— Как же так? Очень просто. Тракторист напился, вьехал трактором в столб. Два дня ждали, пока приедут, сделают. То ветром повалит. Столбы старые, еще при Сталине поставлены, сгнили все, а заменить некому.

— Взяли бы меня на работу электриком, я бы сделал... Сколько тут столбов надо?

Женщина внимательно посмотрела на Ивана и совершенно серьезно сказала:

— До подстанции всего километр, столбов тридцать, не больше, и надо-то всего заменить.

— Что, может быть, столбов нет?

— Столбов? Раньше были, а теперь нет... Все у нас есть, кроме мужиков, — тихо сказала женщина и плотно сжала губы. Она посмотрела на деревенскую улицу. Которая была все так же пустыня.

— Ну, вон какой у вас мужик подрастает, — сказал Иван. — По всему видно — орел будет.

— Этот орел один на всю деревню, — сказала женщина и замолчала, но не уходила, а будто ждала чего-то. Иван тоже молчал, в его душе родилось какое-то непонятное

возмущение, будто беспомощность этих людей была вызовом ему лично.

— Значит, некому работать? Так... А и мне некогда, мне еще надо успеть попытаться сделать ребенка. Понимаешь?

— Не совсем.

— Я очень хочу, чтобы у меня был ребенок. У меня три дня, может и меньше, потом я должен буду,— Иван замялся,— потом я должен буду умереть.

— Почему?

— Такой уговор.

— Ты не бандит ли?

— Нет, я математик.

— Не сумасшедший ли?

— Нет, в доказательство этого я хочу дать тебе денег, чтобы заменить эти вечно падающие столбы. Это честно заработанные деньги. Только мне нужен банк.

— Тогда ты — точно сумасшедший. А жена-то у тебя есть?

— Нет.

— А квартира?

— Нет.

— Где же ты живешь?

Иван пожал плечами.

— Нигде. Иду сейчас к своей девушке.

— А где она живет?

— В Москве.

— Идешь, чтобы переспать с ней и потом умереть?

— Насчет ребенка — это, конечно, мечта. Мне надо увидеть ее, а дальше что получится — не знаю. Но я ее очень хочу увидеть, больше всего на свете. Мне вообще идти больше некуда и незачем.

— И ждет она тебя?

— Да.

— Ладно тогда. Как тебя зовут-то?

— Иван.

— Если она тебя не ждет, приходи к нам, Иван. И не подумай ничего такого. Только не приводи бандитов за собой. Хорошо? Я не верю, что ты должен умереть.

— Спасибо. А тебя как зовут?

— Надежда.

— Мою бабушку так звали.

— А откуда ты родом?

— Из Сибири. Слушай-ка, Надежда, собирайся и поехали со мной в Москву. До ближайшего банка. Там я

выясню, сколько у меня денег, и расплачусь за эти проклятые столбы, которые постоянно падают.

— Не надо, Иван. Не стоит. Не верю я в это. Так бывает только в кино. Дети, марш отсюда, стоят, развесили уши! Идите в дом, и чтобы через час все там блестело и сияло. И ты, Сереженька, иди в дом с девочками.

Когда дети убежали, женщина сказала:

— Хорошие у меня дети, правда?

— Хорошие.

— А ты — красивый парень. И глаза у тебя светлые. Ты, наверное, непьющий. Тебе, конечно, надо жениться и иметь много детей. Беги к своей девушке.

— Пошли со мной, Надежда. Возможно, я очень богатый человек, мне все равно некуда девать свои деньги. Я лучше отдам их тебе.

— Дались тебе эти деньги. Странный ты... Да и я тоже странная, раз тебя слушаю.

— Все, что я говорю, — правда, Надя.

— И кто же тебя должен убить?

— Убить?

— Да. Кто?

— Это неважно. Важно то, что я сам выбрал этот путь. Мне нельзя жить. Если я останусь жить, тогда все погибнет. Все, и твои дети тоже. Я должен умереть. Тот, кто меня убьет, просто исполнит закон. Закон жизни. Есть такой закон. Он соединяет мужчину и женщину, он заставляет любить свою землю и свой народ, и он же иногда толкает человека на смерть. Этот закон установил Бог. И все мы его дети: и ты, и я, и твои дочери, и сын, и тот тракторист, который сломал столб. Я не хочу думать о своей смерти, но не могу о ней не думать, и это меня даже радует, потому что не вижу теперь в ней ничего особо страшного. И то, что меня не будет, — огромная, ты даже не представляешь какая, радость для меня. Это искупает все.

Женщина смотрела на Ивана широко открытыми огромными глазами. Казалось, они отражали все бездонное небо.

— Непонятно ты говоришь, Иван, — побледнела женщина и закрыла глаза.

Иван испытал сильнейшее возбуждение, казалось, земля уходит у него из-под ног от охватившего его желания.

Иван быстро повернулся и побежал по деревенской улице, задыхаясь и кусая губы. «Как бы я ни поступил —

все равно буду неправ,— думал Иван, увеличивая темп бега.— Интересное ощущение. Будто виноват в чем-то, хотя знаю, что ни в чем не виноват. А может, и виноват... Везет мне что-то на женщин. Они чувствуют, что я к ним сейчас далеко не равнодушен,— это очень мягко выражаясь». Так рассуждая, Иван выбежал из деревни и сразу увидел шоссе, по которому двигались колонны автомобилей. До него было совсем недалеко, не более километра. Иван быстро преодолел это расстояние и пошел по обочине дороги. Где-то должна быть автобусная остановка. Но ее не было видно. «Хотя что мне эта остановка. Денег-то все равно нет ни копейки. Придется так и бежать до самой Москвы, а потом еще и по Москве, а дело уже к вечеру».

Мимо беспрерывным потоком с ревом и свистом неслись автомобили. Бежать так Ивану не доставляло никакого удовольствия. Казалось, легкие сжались от угарного газа и не хотели дышать как следует, пришлось сбавить темп. Так, преодолевая себя, Иван бежал минут десять. Вдруг он увидел, что перед ним метрах в пятидесяти на обочину съехал легковой автомобиль и остановился, включив сигнал аварийной остановки. Задняя дверь лимузина, а это был дорогой автомобиль, открылась, и из него вышел мужчина лет пятидесяти. Иван посмотрел на его лицо, и оно не вызвало у него никакого опасения. Интеллигентное, умное лицо, прямой, оценивающий взгляд. Иван хотел было пробежать мимо, но мужчина махнул рукой и сказал:

— В Москву бежишь?

— В Москву,— ответил Иван.

— Ну садись, подвезу,— сказал мужчина и кивнул головой в сторону машины, как бы приглашая садиться.— Петр,— обратился он к водителю,— достань-ка из багажника флягу с водой и полотенце.

Иван остановился, еще не веря удаче.

— Тут мы с товарищем заспорили слегка и никак не можем разобраться, кто из нас двоих прав. А я и говорю — хорошо, давай спросим первого встречного, пусть разрешит наш спор. Он мне — где тут встречные, какой дурак, извини, может встретиться на хайвэе. А я ему говорю — невозможно вообразить дурака, извини, сейчас поймешь в чем дело и не обидишься, которого бы не родила русская земля. И только я это сказал — ты бежишь.

Иван рассмеялся и, с удовольствием растирая грудь большим махровым полотенцем, спросил:

— А о чем спор-то? Благодаря чему мне так повезло?

— Так ты и не спортсмен, что ли?

— Нет, просто у меня денег на автобус нет.

— Как это?

— Да так получилось. Бегу из аэропорта в Москву.

— Слышишь, Василий,— обратился мужчина к сидящему в машине на заднем сиденье,— человек вот так запросто бежит из аэропорта в Москву — просто потому, что забыл дома деньги. А ты говоришь — воображения не хватает. Ты мог бы вообразить такое?

— Ну, такое, предположим, вообразить можно, тут ведь еще важен мотив,— ответил пассажир.— Почему он бежит? Почему вот ты бежишь, а? Предположим, не голосуешь на дороге, или не пытаешься заработать, или продать часы, например, или... ну мало ли что можно придумать, чтобы заработать на автобусный билет.

— Я как-то не подумал о том, что на билет можно заработать. Обычно я пробегаю пятнадцать километров быстро. Мне проще добежать.

— Вот,— поднял палец вверх усатый,— вот, слышишь, писатель? Ты бы мог создать такой образ, если бы сам не бегал со скоростью километр в три минуты? Смог бы?

— Это-то не проблема — выдумать. Не об этом речь, ты же понимаешь! О необходимости таких образов.

— Как зовут? — спросил усатый.

— Иваном.

— Меня Данилой. Садись, Иван, гостем будешь. А если разрешишь наш спор, то и хозяином.

Иван сел в машину рядом с Василием, Данила на переднее сиденье.

— Поехали, Петро, до ближайшего метро,— приказал он. Данила достал бутылку минеральной, предложил Ивану, выпил сам, потом сказал:

— Понимаешь ли, Иван, заспорили мы с Василием, заспорили насмерть. Предмет спора у нас — образ положительного героя. Проходил про такого в школе? Ты еще должен был проходить. Так вот, я говорю — положительный образ перед обычным нормальным российским человеком должен быть! Он говорит: образ быть должен, но взять его неоткуда. Потому что образ только тогда образ, какой нам надо, когда создается худож-

ником, верящим в этот образ. Я ему говорю — ты профессионал, создай мне такой образ — озолочу. Он говорит, что это невозможно, а я говорю, на то ты и профессионал, чтобы конструировать образы. А он говорит — дай мне веру, я тебе и бесплатно воздвигну такой монументальный положительный экземпляр, что вся Россия ахнет и падет ниц. Я ему говорю — на деньги, на, бери, но пиши, голубчик. Не берет, а еще матерится и обвиняет меня в том, что я хочу купить его талант, а я только хочу заплатить ему за работу. Ему, а не кому-то. — Данила налил себе еще полстакана воды, выпил и продолжал: — И только потому предлагаю, что хоть и ленив стал, но может написать, потому что мужик. Эх... Ну, понял, Иван, о чем была речь? Речь о том, что первично: талант или идея?

— Идея, — не раздумывая сказал Иван.

— Выходит, он прав?

— Прав.

— Ну и ну, с вами, ребята, не соскучишься. Но разве не таланты рожают идеи, за которыми идут люди? Вот возьми, например, Иисуса Христа, или нашего Карла Маркса.

Василий хотел было что-то сказать, но Данила остановил его:

— Подожди, Василий, пусть говорит человек с улицы.

— Идеи, которые в самом деле движут миром Бога, рождаются не людьми. Вот и все. И идеи, и талант — от Бога.

— Так-так, это уже интересно, — понизил голос Данила.

— Ты сам до этого дошел или прочитал где?

— Сам дошел.

— Еще интересней.

Машина уже ехала по кольцевой развязке.

— Тебе куда надо-то, философ придорожный?

Иван назвал адрес.

— Петро, вези нас туда, а мы пока поговорим. И что ж это за Бог такой, который подсказал Гитлеру идею национал-социализма, а Ленину — построения коммунизма в отдельно взятой стране?

— А разве может быть у национал-социализма идея? — I спросил Иван.

— Что же тогда объединяло их?

— Не все, что рождается в человеческой голове, рождается по воле Бога. Бог, как правило, вкладывает в че-

ловеческую душу только две мысли: любовь к Богу и любовь к человеку. Эти две идеи: идеи-чувства, идеи-мироощущения — или есть у человека и тогда он не способен стать по убеждению ни фашистом, ни коммунистом, или их нет, тогда он может придумать целые системы для оправдания своих действий, но ни одной системы, побуждающей человека быть лучше. Поэтому ваш друг — прав.

— • Ага, прав он! Не согласен! Предположим, что ты прав. Нельзя объяснить слепому, как выглядит солнце, — с этим я соглашусь. Но ведь он-то знает, как оно выглядит, ведь он в университетах учился, из-за границы не выезжает, уже скоро начнет по-немецки нам писать. Премий... Ты знаешь, сколько у него всяких премий? Во... — Данила полоснул ребром ладони по горлу. — Я ему говорю — пиши сценарий с положительным героем. А он говорит — дай идею. Я ему говорю • — разуй глазоньки-то. Посмотри, какие девки ходят, какие самолеты летают. А он мне заладил: не могу, и все. Если Бог дает только две идеи, о которых ты сказал, тогда опять все необъяснимо. А вот если еще чего — тогда... тогда объяснимо. Тогда плохо дело наше, слышь, Василий, что мы, русские, прокляты, что ли? Не дает нам боженька талантливых мужичков, способных поднатужиться и разродиться чем-то вроде национальной идеи. Тогда уж точно • — хреново. Что скажешь, Иван?

— Не знаю. Давно в России не был.

— Не знаешь? Никто ничего не знает. Все знают, чего не надо делать, но никто не говорит, что мне, бедному режиссеру, делать. Слушай, Иван, может, мне снять фильм про Христа, назвать его «Рождение идеи»?

— Тогда вам надо будет прожить жизнь Христа, а это невозможно, — сказал Иван. — Поставьте лучше фильм про себя с таким же названием. Расскажите, как хотели сделать этот мир лучше, как боролись за это, терпели лишения, готовы были и умереть даже, и ничто не могло остановить вас на этом пути. Поставьте такой фильм — значит, вероятность, что он от Бога, очень велика.

— Нужна жертва, — не то спросил, не то сказал собеседник.

— Да, конечно, — согласился Иван.

— Откуда ты такой взялся на наши головы, пророк?! А? Признавайся-ка! Ты сам-то не писатель ли?

— Нет, я не писатель.

— Кто же ты тогда? — Данила обернулся и вперил свой взгляд, насмешливый и испытующий одновременно, прямо в глаза Ивана, но тот не отвел взгляд.

— Я — жертва.

В машине воцарилось молчание. Она неслась по како-му-то шоссе, потом свернула на неширокую улицу.

— Интересный ты мужик, Иван, прежде всего потому, что тебе проще пробежать пятнадцать километров, чем догадаться, как сесть в автобус, и потому еще, что ты глаз своих горящих от меня не отвел. Хочу тебя видеть в своем доме. Гостем будешь. На-ка, вот тебе моя карточка. И позвони, — Данила погрозил пальцем, — а то я никогда не поставлю свой новый, самый главный фильм. Понял?

Иван взял карточку и молча кивнул головой.

— Все, приехали, — сказал водитель. — Прямо к подъезду-

— Спасибо, — сказал Иван, выходя из машины. Оба попутчика тоже вышли из машины и молча пожали Ивану руку. Руки у них были большие и сильные, это Иван почему-то про себя отметил.

«Какие интересные люди, — подумал Иван. — Они ведь, по сути-то, озабочены тем же, что и я — поиском истины, которая бы помогла им жить. Я математик, они от искусства, у нас разные инструменты, но делали мы одно дело. Нет, все же не зря я решил свою Систему. Это мне нужно было сделать хотя бы потому, чтобы понять: на свете очень много хороших людей и вместе мы — • сила. Сила Господня...»

От этой мысли Ивану стало хорошо на душе, им овладело настроение, будто он совершил важное и счастливое для себя открытие. Даже защипало в глазах, и на этот раз такое проявление своих чувств его не удивило.

Когда машина отъехала, Иван посмотрел по сторонам. Он стоял у подъезда многоэтажного панельного дома, весь проезд у дома был забит автомобилями. Двор у дома совсем маленький, со всех сторон окруженный такими же высоченными домами. Посреди двора детская площадка с традиционной песочницей и какими-то конструкциями, предназначенными для детских игр. Все это отнюдь не блистало чистотой и свежей краской. Газоны вытоптаны, многие деревья стояли с обломанными ветками, горячий воздух июльского вечера был пропитан запахом асфальта и бензиновых выхлопов.

«Как здесь тесно-то, мой Бог. На этом клочке земли людей — как селенок в бочке. Как они здесь живут?» Иван представил, каким бы был этот двор, если бы в нем собрались все жители окружающих его домов.

Перед ним был Наташин подъезд. «Сейчас я увижу ее», — подумал Иван, от этой мысли у него забилось сердце, кровь ударила в голову. Иван взялся за ручку двери, потянул, но дверь не открылась. Она была на кодовом замке. Иван дернул посильнее, потом еще раз уже изо всей силы, толстая металлическая дверь завибрировала, но, конечно же, не открылась.

— Эй, парень, ты что дверь ломаешь? — услышал Иван грубый окрик за своей спиной. — Я тебе сейчас дерну!

Иван обернулся и увидел пожилого мужчину маленького роста, с мутным взглядом и сморщенным лицом, заросшим пегой щетиной. В руках у мужчины была метла. «Это, наверное, дворник», — решил Иван.

— Мне нужно в двести двадцать седьмую квартиру, — ответил Иван.

— А что тогда дверь ломаешь? Возьми да позвони.

— Я не знаю, как пользоваться домофоном, — ответил Иван.

— Ты мне это Расскажи, — вдруг с пол-оборота начал заводиться дворник, — вас тут таких толпы ходят, все уже вокруг з...ли. Двигай давай отсюда, пока я милицию не вызвал, — сказал мужчина и решительно перехватил метлу двумя руками.

«Какое имеет право этот человек меня оскорблять? Я ведь всего-навсего не знаю кодовый номер», — подумал Иван и у него, как встарь, закружилась голова и поплыло перед глазами — резко и внезапно. Иван хорошо знал, что это такое и чему предшествует. Перед его взором в мареве колеблющегося и уже исчезающего сознания предстала оскаленная морда тигра, которому он сломал шею на арене римского цирка. Еще миг — и он сорвется в пропасть чувств и действий, над которыми не властен.

Дворник увидел, как побледнел и изменился в лице незнакомец, как расширились, а потом сузились его зрачки, как сжались кулаки и напряглись мышцы. Дворник понял, что влип, что он не успеет даже и крикнуть, прежде чем этот тип разmozжит ему кулаком голову, и он принял единственно правильное решение. Он закричал:

— Открою тебе дверь, открою, успокойся, я пошутил. Успокойся...

Эти слова дошли до Ивана, как с того света, потому что этим светом для него уже стал мир битвы, в котором его инстинкты и сильное тренированное тело были неумолимы и неуязвимы, как языческий бог войны. Дворник опоздал, его слова не могли уже сыграть никакой роли, но Иван все так же стоял, смотря через тело дворника и не двигаясь. Это произошло потому, что какая-то часть сознания Ивана на этот раз не отключилась, и там было написано «Не убей», и Иван подчинился этому приказу. Иван простоял в таком положении секунд тридцать, потом его обычное сознание вернулось к нему, и он увидел перед собой испуганного, хилого, небритого человека в помятом пиджаке и залитый солнцем пыльный двор-колодец. Иван глубоко вздохнул два раза, будто бы продувая легкие, и сказал:

— Что ты сказал? Можешь открыть? Тогда открой, пожалуйста. «Слава тебе, Господи,— прошептал Иван, глядя на затылок дворника, покрытый свалевшими, как войлок, грязными волосами, в это время он нажимал кнопки кодового замка,— что не ударил его, что удержался на этот раз. Да, я сильно изменился в этом качестве, несомненно».— Спасибо большое,— тихо сказал Иван высохшими губами и вошел в подъезд.

Он поднялся на лифте на нужный этаж и подошел к металлической двери на лестничную площадку, где была Наташина квартира. Иван поднял было руку, чтобы нажать на кнопку электрического звонка, но в нерешительности опустил ее. «За этими дверями расположен мир, который называется счастьем. Другого счастья у меня не будет». Потом он решительно поднял руку и нажал на кнопку.

Он звонил долго, но никто не открыл. По-видимому, Наташи не было дома. «Ее нет дома или что-то случилось? — подумал Иван.— В любом случае ничего не остается делать, как только ждать».

Иван спустился на лифте вниз, вышел во двор и сел на скамейку, которая стояла около подъезда. «Надо ждать, только ждать, как ни абсурдно звучит это слово, надо ждать...» Иван откинулся на спинку скамьи и устремил взгляд на дорогу, ведущую к подъезду.

Иван услышал знакомый голос дворника:

— Что, дома нет, что ли, никого?

Иван обернулся, дворник стоял рядом, но на этот раз он был явно настроен дружелюбно.

— Не открывает, наверное, нет дома,— ответил Иван.

— Вы к кому, если не секрет, конечно? — спросил дворник.

— Здесь живет молодая женщина, Наташа, я к ней.

— Очень красивая?

— Да, очень.

— Очень красивая у нас тут только одна...— дворник зажмурился и многозначительно покивал головой.— Я ее знаю, мы всегда здороваемся. Вот вы к кому. Ясно...— Дворник сел на скамейку напротив и стал откровенно разглядывать Ивана своими маленькими черными глазами.— Она актриса, кажется. Очень красивая, очень... и всегда так вежливо улыбается, когда со мной здоровается. А ты,— дворник запнулся, воровато взглянул на Ивана и увидев, что теперь он настроен благожелательно, продолжил уже смело,— ты ей знакомый, что ли?

— Да, мы учились в одной школе. Я знаком с ней уже лет пятнадцать. Но вот последние три с половиной года не виделись. Ты говоришь, что теперь она актриса?

— Так, вроде бы.

— Интересно и странно. Когда я видел ее последний раз, она была экономистом.

— Говорят — актриса. Слушай, парень, какой она экономист! Актриса — это ясно. Когда она идет, мы всем двором на нее смотрим. Я уж на своем веку женщин повидал, из-за них и дошел до такой вот жизни. Я кое-что в них понимаю. Какая она... У-у... Я вообще все время удивляюсь, что она здесь у нас забыла с такой внешностью и такими манерами.— Дворник опять покачал головой.— Школьный товарищ, значит. Понятно.

— Расскажи что-нибудь о ней,— попросил Иван.

— Ишь ты какой. Расскажи. Почему я знаю, кто ты такой. Знаешь, какая сейчас жизнь. Скажешь что-нибудь лишнее, приедут и того... Нет уж, парень, ничего я тебе рассказывать не буду.

— Актриса... Вот это да... Это интересная новость, это сюрприз. А впрочем, такое может быть. У нее были явные

артистические склонности. Значит, она может быть на спектакле сейчас. Точно ведь! Когда у вас заканчиваются спектакли?

— Ну, часов в десять.

— Значит, придет домой около одиннадцати. А сейчас у нас семь. Значит, ждать около четырех часов. Что ж, придется подождать.

Иван раскинул руки на спинке скамьи, положил ногу на ногу и стал рассматривать двор. Дворник все это время терпеливо сидел напротив, будто ожидая чего-то. Наконец, видимо решившись, он сказал:

— Может, для скоротания времени пивка...

— Чего-чего? — не расслышал Иван.

— Пивка, говорю. Я могу сходить.

Иван посмотрел на дворника. Весь его вид выражал напряженное ожидание.

— Слушай, а банк у вас тут поблизости есть?

— Банк есть. Два квартала.

— Проводи меня туда. Тогда будет и пиво. Хотя нет, не пойдет.

— А что так, почему?

— А вдруг, пока мы будем ходить, придет Наташа.

— Так мы сейчас часового поставим. — Дворник исчез и вскоре появился, но не один. Следом за ним шел мужчина на лет шестидесяти пяти, высокий и худой, он держался очень прямо, одетый в рубаху цвета хаки. — Вот, полковник последит. Если Наташа пройдет, он доложит.

— Подполковник, — поправил мужчина, — пора бы выучить.

— Мы тебя повысили, — сказал дворник, на что подполковник недовольно крякнул.

— Ну что ж, тогда пошли, — сказал Иван, и они направились в банк.

Банк действительно оказался совсем недалеко. Это было новое здание из красивого лицевого кирпича. Когда Иван и дворник заходили в банк, охранник оценил их взглядом и обратился к Ивану:

— Извините, что вам здесь надо?

Иван взглянул на себя в зеркало и понял, что вопрос справедливый. Выглядел он, мягко говоря, непрезентабельно. Рубаха и брюки были испачканы, волосы всклокочены, обувь пыльная.

— Я забыл надеть галстук, к сожалению. Хочу снять немного денег с валютного счета, — сказал Иван и достал

из кармана карточку. Охранник взглянул на карточку и указал на банкомат.

— Тогда вам туда.

Иван подошел к банкомату, прочитал инструкцию, вставил карточку и запросил остатки счета. Цифра, которую он увидел, ошеломила его. Он несколько раз пересчитал нули. «Что же он сделал-то? Зачем? Зачем такие бешеные деньги, если через несколько дней меня не будет?» — подумал Иван.

Он запросил пятьсот долларов. Потом обменял их на рубли. Дворник все это время не отходил от него ни на шаг. Иван засунул деньги в карман и сказал дворнику:

— Ну что ж, теперь можно и за пивом.

— Пойдем, здесь совсем рядом, по пути.

Иван не стал заходить в магазин. Он отдал дворнику крупную купюру и сказал, чтобы тот выбирал, что купить, сам, а для себя попросил купить кока-колы. Иван обратил внимание, что руки у дворника тряслись мелкой дрожью, когда он брал деньги. «Бедняга, как ему хочется опохмелиться», — подумал Иван.

Через некоторое время дворник появился с сумкой, наполненной бутылками и продуктами.

— Все, взял, можно идти.

Он смотрел на Ивана снизу вверх восторженным и преданным взглядом. Иван понял, что по крайней мере одну бутылку пива дворник уже выпил.

— Давай я понесу сумку, — предложил Иван.

— Нет-нет, — решительно возразил дворник, — я сам.

Они вернулись к подъезду. Кроме подполковника на скамейке сидели еще двое пожилых мужчин. Эти были прилично одеты и чисто выбриты. Они внимательно осмотрели Ивана и ничего не сказали. Дворник сел на край скамьи и вопросительно посмотрел на Ивана.

— Ну что, доставай, что там у нас. На всех-то хватит?

— Так... — хотел было что-то сказать дворник, но Иван, поняв, чем он озабочен, прервал его.

— Никаких проблем. У меня праздник. Я вернулся на родину. Доставай все, что есть.

Мужчины молчали, поглядывая на Ивана оценивающими и недоверчивыми взглядами. Дворник достал из сумки бутылки с пивом и потом, осторожно и бережно, бутылку водки. Все присутствующие покосились на него. Один, которого Иван для себя назвал «профессором», недоуменно поднял брови, а другой, невысокого роста, круг-

ленький, с умными глазами, его Иван назвал почему-то «генералом», презрительно хмыкнул.

— А мне, пожалуйста, кока-колу,— сказал Иван.

— Ну, вы чего, мужики? Человек угощает. У меня и стаканчики есть, и закуска,— приглашал дворник приятелей.

— Угощает, а сам выпить не хочет,— сказал подполковник.

— Мне нельзя, я пришел к своей девушке, не видел ее три с половиной года. Что ж я, приду, а от меня водкой разит. Нет уж. Да и отвык я от алкоголя, выпью немного и стану пьяным. Спасибо, но я пить не буду.

— Три с половиной года за границей. Это много. Ну что, Борис, плесни мне, пожалуйста, пятьдесят грамм,— сказал подполковник,— составлю тебе компанию. А вам, Михалыч? — обратился он к «профессору».

— Нам пива.

— Да, пива стаканчик — можно, пожалуйста,— поддакнул «генерал».

— Ну и как там, за кордоном, жизнь? — спросил подполковник.

— Да я ее и не видел совсем, их жизнь, если честно. Работал без выходных и праздников.

— И что, совсем уж ничего не видел? Что за работа такая? — спросил «профессор».

— Охота — пуще неволи. Я математик и разрабатывал одну сложную математическую модель. Безвылазно просидел у компьютера. И для меня сейчас само солнце и свежий ветер — уже родина.

Иван заметил на себе пристальный взгляд «генерала». «Генерал» аккуратно отхлебнул из пластикового стаканчика глоток пива и спросил:

— А что, у нас в России таких компьютеров нет?

— Нет.

— Да, вот беда-то. Мы в свое время не успели сделать, а теперь уже и некому.

— А почему ты вернулся сюда,— вдруг спросил «профессор»,— что у нас тут теперь делать? В ларьке торговать? Или ходить с плакатами по улице? Зачем ты вернулся?

— Я? — Этот вопрос застал Ивана врасплох.— Как-то не задумывался. Ну, во-первых, очень хотелось увидеть Наташу, во-вторых, побывать в своем родном городе.

— Гм,— хмыкнул «профессор», он, несмотря на свой интеллигентный вид, оказался человеком раздражи-

тельным,— а так больше и незачем, значит. Живите тут, как хотите, нам все равно: Россия ли, Америка — мы граждане мира. Вот, вот в чем зло. У меня внуки оба уже там, и никакого понятия ни о чем. Лишь бы...— «профессор» осекся, поджал губы и махнул рукой.— Борис, налей мне водки. Стакан.— «Профессор» выпил водку залпом, закусил маринованным огурцом, который заботливо подал ему дворник, и продолжил: — Я все время стараюсь понять вас, молодых. Как вы можете так безвкусно и бесцельно жить? Я не говорю о вас конкретно,— сказал он Ивану,— у меня четверо внуков и две внучки. Что они хотят? Денег и все, что с ними связано,— вот и все. Они продались. Не знаю кому, не могу этого понять, но продались. И поэтому мне грустно. Я не вижу перспективы для России с такими,— «профессор» даже рывкнул, как бы выплескивая эмоции,— с такими наследниками.

— Не знаю относительно ваших внуков, но у меня всегда была цель,— сказал Иван.

— Какая? — решительно спросил «профессор». — Только откровенно. Тайну гарантирую. Мне уже жить недолго осталось, а тайны мы с Егорычем хранить приучены. Какая у тебя цель?

— Создать математическую модель мира.

— Это же невозможно,— прицелившись глазом в Ивана, сказал «генерал».

— Возможно, я это доказал.

«Генерал» поморщился и почесал себя за ухом.

— И доказательства есть?

Иван замешкался, потом достал из кармана выписку счета с карточки и показал ее «генералу».

— Вот посмотрите, сколько мне за это заплатили.

«Генерал» не торопясь надел очки, расправил бумажку, долго ее изучал, потом молча отдал Ивану. Трое других собеседников все это время смотрели на «генерала». Тот кивнул головой и сказал:

— Можно поверить... И что эта американская модель говорит о будущем России?

— Я не задавался этим вопросом.

— Тебя не интересует будущее твоей страны?

— Дело в том, что когда я занимался этой проблемой, мне это даже не приходило в голову.

— Вот в этом-то и отличие между нами. Я тоже математик, ну и военный одновременно. Всю жизнь занимался

системами наведения для ракет. Но я всегда знал, для чего я работаю. Я работал для того, чтобы наша страна могла спокойно жить и строить коммунизм, совершенствуя его с каждым годом. Потом, правда, оказалось, что все это было вроде как мифом, но это потом, а жизнь прошла в целеустремленной работе для реализации общественной, так сказать, идеи.

В разговор включился подполковник. Он уже узнал, как зовут Ивана.

— Иван, ответь мне только на один вопрос. Я его всем задаю. Как можно правителю разрушать собственную страну? Вот Сталин, он был деспот, много народу из-за него пострадало, но ведь он это делал ради укрепления державы, он собирал ее, укреплял, делал так, чтобы мы ею гордились, и было ведь чем гордиться. А сейчас? Это же очевидно, что Россию можно развалить только сверху, такой уж мы народ. И разваливают, и развалили уже. Где идеи, ради которых можно жить и трудиться? Во что нас превращают?

— Мои предки были крестьяне и почти все погибли в лагерях, — ответил Иван, — а я об этом ничего не знал до недавнего времени. Я выучился в университете, который строили заключенные и основывали подневольные профессора. Область моих интересов лежит очень далеко от политики. Я не смогу ответить на ваш вопрос.

— Боишься нас, — продолжал подполковник, — нас ведь привязали к позорному столбу и оплевывают: сталинисты, уничтожители собственного народа, из-за нас Россия была выброшена из локомотива истории, ведущего в светлое будущее. Не хочешь говорить. От нас все отмахиваются теперь, как от назойливых брехливых собак. А ведь мы — ваши отцы и деды, и прожили жизнь честно, очень-очень много работая, — махнул он рукой, как бы давая этим понять, что говорить больше не о чем. Все надолго замолчали. Молчание прервал Иван.

— Я думаю, что в истории нет правды, потому что далеко не все в ней зависит от воли людей. Могу сказать только одно — Россию разрушает Бог, точнее, Он отвернулся от людей, которые в ней живут, и поэтому они разрушают ее сами. Беда в том, что когда к власти приходят люди, не имеющие души, они оправдывают свою деятельность идеями, которые не имеют ничего общего с Божественным замыслом.

— Чьим замыслом? — переспросил подполковник. — Не пойму. У нас была программа партии, и все было ясно: и кто автор, и почему она правильная. Я что-то не очень понимаю тебя.

— Государство, классы, религиозные системы и движения — все это понятия, рожденные человеческим разумом и совершенно чуждые Божественному замыслу. Для Бога значимы лишь два понятия: Он сам и человек. Люди, оправдывая свои материальные интересы, придумали все прочие, в том числе и идею карающего за грехи Бога. Бог не карает, Он отворачивается.

— Э, это все теория, которая называется... — вступил в разговор «профессор», — забыл, как называется, но смысл ее — оправдать зло так, чтобы выгородить боженьку. Ответственность перед страной и обществом — вот что надо, чтобы жизнь шла нормально.

— Согласен, конечно. Весь вопрос — откуда берется эта ответственность? Это беда, что мы, люди, часто безответственны перед жизнью, но и это объяснимо. Если бы Бог хотел нас всех сделать ответственными перед Ним и ближним, Он бы сделал. Но это вне Его интересов, так уж Он сам себя устроил. Вот это я знаю точно.

«Генерал» провел рукой по затылку и сказал:

— Значит, ответственность — от бога?

— Да, та, что в основе всей человеческой жизни, — от Бога.

— А он есть, бог-то? — спросил «генерал».

— Есть. Бог — есть, и наша общая судьба ему далеко не безразлична. Что касается истории, то все, что делается против человека, каждого человека, — ведет, в конечном счете, к страданию и общему разрушению, — это закон, такой же, как закон тяготения. Вот мое отношение к этой проблеме, я хорошо понимаю, о чем идет речь, и я вам не судья.

— Странно, — сказал «генерал», — странно, что ты, математик, ученый, говоришь о боге.

— Потому и говорю, что математик.

— Эх, — вздохнул «генерал», — ездил я недавно в монастырь, там у меня в монахах мой сослуживец, грехи замаливает. В рай хочет. А я вот не чувствую, что мне что-то надо замаливать, и как он мне начинает о спасении души говорить — так тоскливо становится. И знаешь почему? Потому что он — эгоист. Он и был эгоистом всегда, я-то знаю. Всегда был озабочен только собственной карьерой,

собственной судьбой. Теперь уверовал и опять собой занимается. Я так считаю: вера нужна для того, чтобы мы, люди, жили лучше, а не для того, чтобы попасть в рай. Все, что предписывает вера, — это гипотеза, а несправедливость и страдание — это реальность.

— Иван, — обратился уже пьяненький дворник, — а есть он, рай-то? Али нет ничего там, а?

— Ты, Иван, лучше скажи, почему же так бедно и горько мы сейчас живем? — спросил «профессор».

— Я думаю, потому, что привыкли надеяться на кого-то, но только не на себя. И в этом надо признаться предельно честно. Надо твердо уяснить, что Бог не занимается вопросами нашего материального благополучия, Он только дает идеи.

Все опять надолго замолчали.

— А ведь он прав, — наконец сказал «генерал», — сделали все так, что честно жить почти невозможно, вот и все беды отсюда. А произошло это потому, что ни черта в нашей стране не поняли, погнались, опять погнались за чужой идеей, а на вооружение взяли ложь. Распад страны — на обмане, приватизация — обман, то, что мы часть западной цивилизации, — обман, но и хорошая жизнь в светлом прошлом — тоже обман. Историю перевирают... Что ж тут хорошего-то ожидать. Когда врать и злобствовать друг на друга закончим, тогда и поправим дела. — «Генерал» встал. — Спасибо за компанию, за угощение, — он поставил бутылку с пивом на скамью, — а особо за разговор. Мне пора домой, буду смотреть телевизор в надежде, что увижу там что-нибудь, кроме призывов купить, продать или требований дать. До свидания.

Иван встал и попрощался с «генералом». «Профессор» тоже собрался уходить. Совсем уже пьяный дворник и изрядно подпивший подполковник остались.

— Ваня, как я тебя люблю, — начал признаваться в любви дворник, — я, как только тебя увидел, сразу понял, что ты не жлоб и человек справедливый. У меня ведь глаз, как у Дзержинского, ты не смотри на меня, что я сейчас такой, жизнь у меня такая, а... — дворник махнул рукой. — А ты хороший парень и говорил правильно. Б... нет в стране порядка, только кто за ним будет следить? Кто? Все ж продались, — дворник икнул и вылил в себя остатки содержимого пивной бутылки.

— Народ, кто же еще, — возразил Иван.

— Народ? Это какой такой народ? Ты знаешь его, наш народ?! Он же теперь за копейку в церкви п...т, — вмешался в разговор подполковник. — Вон он сидит, едва живой, рюмку ему налей, и он на кого хочешь молиться будет. Нет, Иван, здесь как раз собака-то и зарыта. На этом Горбачев и погорел, и любой погорит. Народ у нас — темненький, потому что бедненький. Демократия хороша для богатых стран, а для нас нужен крепкий кулак, и пока его не будет, будем мы горе мыкать. Я всю страну объездил, много видел, и все изнутри. Я правду говорю. Ну ладно, пора, поведу его домой, пока он тут не уснул, потом тащить придется. А ты вот что: Наташу не обижай и про нас не забывай. Про бога ты тоже хорошо говорил, только никому до него в этой стране дела давно уже нет. Тут ты — большой оригинал, но это твое право — признаю, — подполковник встал, поднял с трудом дворника и они, качаясь, побрели по проезду.

Иван поднялся, хотел было помочь отвести пьяного, но передумал и сел на скамейку.

«Какие интересные старики, — подумал Иван. — Поняли ли они меня? Это ведь, оказывается, самая большая проблема — сказать так, чтобы тебя поняли. Поняли и поверили».

Иван запрокинул голову и стал смотреть на небо. Солнце уже зашло за горизонт, и небо было чистым и глубоким — ни одного облачка. Иван долго смотрел вверх, так долго, что голова закружилась, и Ивану показалось, что это кружатся вокруг него дома. «Еще вчера я был всемогущим, как Бог, и весь мир был мне подвластен, а сегодня я — обыкновеннейший человек, которого даже никто и слушать-то не будет, что бы я ни говорил. Какая перемена! — Иван, чтобы ему было удобнее смотреть на небо, лег на скамейку, положив руки под голову. — А все-таки ведь интересно быть человеком, пожалуй, не менее интересно, чем Богом. Каждый из этих людей прожил жизнь, полную борьбы и событий. В этом мы с ними похожи, только все события моей жизни произошли в моей голове и на листе бумаги. Если бы мне можно было жить, я бы мог заняться проблемами, о которых говорили эти старики, или путешествовать по всему свету, с Наташей, конечно, — это было бы невероятно интересно. Каждый день такие вот встречи! Но наукой я бы не стал заниматься — это точно. Потому что для меня это — как наваждение, как сумасшествие, как наркотик. Это ужас, ужас. —

Иван даже зажмурился, так сильно, что перед его глазами залетали огненные мушки. — Какое счастье, что я хоть перед смертью смог от всего этого избавиться, чтобы по-новому увидеть небо».

Иван вглядывался в пустоту до боли в глазах. «И все же надо сказать людям то, что они не зря молятся Богу».

— Напьются, а потом валяются где попало. Совсем совести нет, — услышал Иван женский голос. Он быстро сел и осмотрелся. Мимо проходила пожилая женщина с двумя тяжелыми сумками, она взглянула на Ивана злым взглядом и добавила: — Господи, молодой-то какой... Что ж делается, о Господи, Господи...

«Сказать, что ли, об этом? А кто этому поверит? Нужны ведь доказательства... Нет, надо уйти из этого мира тихо и незаметно, раствориться в небытии — это лучшее, что я могу сделать, потому что мои доказательства смертельны для этого мира. И никаких пресс-конференций, никаких встреч с общественностью. Ничего этого не надо. Эх, Боже мой, Боже мой, жалко, что Ты меня сейчас не слышишь. Как бы я хотел разделить с Тобой свою печаль».

Иван смотрел на дорогу, по которой должна была идти Наташа, и старался ни о чем не думать. Он смотрел на эту дорогу не отрываясь, как будто гипнотизируя сам себя. «Когда же она придет? Неужели она не хочет меня видеть и не придет? Это же будет так жестоко».

5

Минуты тянулись медленно. Иван не мог сосредоточиться ни на одной мысли, и взгляд его постоянно блуждал в надежде увидеть что-нибудь такое, что бы могло привлечь внимание и скрасить ожидание, но такой объект никак не находился. Желание увидеть Наташу все усиливалось, и вместе с тем усиливалось опасение, что что-то произошло и она не придет. Иван встал и начал ходить из стороны в сторону. Чем однообразнее были шаги, тем ему становилось легче. Он делал десять одинаковых шагов по тротуару вперед и десять назад, и так раз за разом. Так он и ходил, пока не впал в своеобразный транс. Перед ним постоянно стоял образ Наташи.

Образ странный, расплывчатый и туманный. Даже нельзя было точно сказать, она ли это, потому что черты лица было трудно разобрать. Они как бы растворялись в лучах заходящего солнца. Но Иван не мог представить ее по-другому. Его необыкновенная память не могла ему помочь. Он вдруг увидел Наташино лицо совершенно отчетливо. Она улыбалась и звала его. Иван так и стоял с закрытыми глазами, пока Наташа медленно не растворилась в темноте. «Вот сейчас открою глаза и увижу ее», — подумал Иван. Он открыл глаза со страхом, потому что боялся разочарования. Наташи не было. Иван понурил голову и направился к скамейке. Ждать стало уже совсем невыносимо.

Иван чувствовал себя несчастным. Обычно мог ждать сколько угодно без особых неудобств, потому что у него всегда находилась работа, например, обдумывать какую-нибудь проблему, теперь же думать он не мог совсем, как будто его мозг вышел из подчинения. «А не душа ли виновата в моей полной беспомощности перед этой проблемой, — подумал Иван, — раньше-то ведь такого не было. Если это она — тогда как же сложно с ней жить, как же трудно ждать и как невыносимо надеяться и... и любить. Да, и любить».

«Ну, а если она придет? Времени-то всего-навсего десять вечера, значит, ждать еще часа полтора. Конечно же, она придет. Она же знает, что я должен приехать, хотя у нее есть масса поводов и не прийти. Я ведь был, наверное, совершенно невыносим, находился как в бреду каком-то. Как она вообще со мной таким общалась? — Иван сжал голову руками, лицо его выражало сильную боль. — Сколько же глупостей я натворил! И главная — что за три года ей не позвонил, да и не вспомнил о ней почти ни разу. Как же я мог так? О том, что мне действительно дорого, ни разу и не вспомнил. Что же я за человек после всего этого?»

Иван сел на скамейку и опустил голову. Он увидел свои грязные ботинки и стал их внимательно рассматривать, словно от того, как он внимательно будет изучать их устройство и вид, зависит его дальнейшая судьба.

Ивана отвлек от этого занятия знакомый кашель и крик. Это был дворник. Он неуверенной походкой шел по проезду в сторону Ивана и на ходу жалко и часто затыкался заломленной вверх папиросой.

— Что, Иван, не было?
— Не было.
— Ничего, придет, она часов в одиннадцать-полдвенадцатого приходит, — успокаивающим голосом сказал дворник и сильно закашлялся. Он крепко выругался и вытер рукавом рот. — Эх, твою мать, помирать пора. Кашель мучает, сил никаких нет.

— Лечился? — спросил Иван, чтобы завязать разговор.
— Зачем? — махнул дворник рукой. — Для меня больницы закрыты. Я, батенька, теперь антисоциальный элемент, до меня никому дела нет — ни детям, ни соседям, ни врачам. Чем скорее сдохну, тем лучше, рабочее место освободится. — Дворник взял себя рукой за шею, поднял глаза вверх, и Иван увидел отразившиеся в них фонари. — Иногда думаю, пойти куда-нибудь в лес, вырыть могилу поглубже, лечь в нее и помереть — это чтобы и похороненным быть, и забот со мной никому не было. Говорят, что самоубийство грех. Вот ты Бога поминал, скажи, грех это или не грех?

— Греха нет. Ничто не грех. Весь вопрос лишь в том, сможешь ли ты совершить самоубийство. Я теперь не смогу — это точно. Это совершенно невозможно для меня теперь, потому что у меня душа есть. А еще недавно — ^мог.

— Вот если ты говоришь, что не грех, я так, навер'ное, и сделаю. Сил больше нет. — Дворник покачал головой и вытер ладонью глаза. — Сколько, ты думаешь, мне лет? Сорок восемь всего. А жить уже сил нет. Одна радость — хватить стаканчик и забиться. Моя бывшая, хорошая была женщина, все говорила: «Лечись, Боря, лечись». А на кой черт мне лечиться? Я видеть все это не могу и не хочу, всю эту подлость человеческую. Спасибо тебе, что поддержал...

— В чем это?
— В том, что самоубийство не грех. Ведь так?
— Да.
— Тогда завтра с утра пойду в лес...
— Ты не должен этого делать, Борис.
— Почему не должен? Кому я нужен и зачем? Чтоб водку жрать?
— Ты знаешь, хотя бы потому, что мне тебя жалко.
— Тебе меня жалко? — сокрушенно покачал головой дворник. — Жалко... Ты меня жалеешь. Значит, понимаешь, что не виноват я, что все в моей жизни так вышло. Точнее, не только я виноват. Спасибо.

— Почему ты думаешь, что твоя жизнь кончена, что ничего хорошего впереди нет? Я так не думаю.

— Ты знаешь жизнь хуже меня, Ваня. Каждый человек чувствует свой предел. Каждый! — Дворник погрозил кому-то пальцем. — Я этот предел перешагнул и уже вижу перед собой ворота в тот мир, откуда не возвращаются. Дорожка идет прямо туда, других нет... — Взгляд дворника был устремлен в сторону, будто он действительно рассматривал какой-то удивительный объект.

— Я, к сожалению, ничем не могу тебе помочь, Борис, потому что жить мне осталось считанные дни. Это я знаю точно. И я так же точно знаю, что со мной будет потом. Мне, конечно, проще. К тому же мне приходилось бывать за этими воротами... Хочешь, я тебе дам денег на больницу?

— Нет, — решительно сказал дворник, — не давай. Пропью.

— Давай я за тебя заплачу.

— Не надо, меня нельзя вылечить. Потому что у меня душа болит, а ее так не вылечишь.

«Я думаю, ты ошибаешься», — хотел было возразить Иван, но дворник продолжал, будто не слушая его:

— Вот если бы ты пообещал бы мне царство небесное, — глаза дворника округлились, и Иван увидел в них мольбу и надежду.

— Только не кончай жизнь самоубийством, тогда... тогда это возможно. — Иван скрыл глаза и добавил: — Есть вероятность.

— Есть?

— Есть.

— Хорошо, спасибо, Иван. Эта надежда — единственное, что у меня теперь есть. Завтра утром, завтра же пойду в церковь и покаюсь. Ведь не так уж грешен я, нет на мне смертных грехов. От широты души все и от случая... Сходить, а?

— Конечно. Это правильно для тебя.

— А ты?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты пойдешь в церковь, ведь и тебе жить дни осталось? Пошли вместе.

— Нет, Борис, не пойду. Я сам себе церковь, а точнее — весь мир для меня церковь. Но общего у нас с тобой много. Я тоже никому не нужен, кроме Бога.

Иван посмотрел на часы.

— Да придет она. Придет... Что ты так переживаешь? — ударил дворник кулаком по скамейке.

— Я и сам не знаю, почему я так переживаю. Это не поддается логике. Смысла в этом переживании нет никакого — это точно. Да и повода нет. А вот кажется, что если не увижу ее — жизнь моя не состоялась.

— Э-э, парень, ты это брось. Хотя, знаешь... Тебе сколько лет-то?

— Почти тридцать четыре.

— Когда мне было двадцать шесть, была у меня девушка... Короче говоря, я тебя понимаю.

— А если она не придет?

— Напьемся вусмерть.

Иван медленно покачал головой.

— Ну уж нет. Я найду ее, все равно найду.

— И то верно. Это любовь у тебя, Ваня. Тут надо действовать.

— А что такое, по-твоему, любовь? — резко спросил Иван, повернувшись к дворнику лицом.

— Ну, что вот ты сейчас чувствуешь?

— Что я чувствую? — Иван встал со скамьи и опять начал ходить. — Вот сейчас я почувствовал, что способен на все, чтобы получить ее. Понимаешь, да? Мало что способно меня остановить, потому что это желание стоит больше, чем оставшаяся у меня жизнь, много больше. — Иван остановился и пожал плечами. — Никогда бы не подумал, что со мной такое может быть. Я не знаю, хорошо это или плохо, это реальность, которая поражает. Вот что такое человек, оказывается, и как трудно с ним сладить...

— И вот еще что, ты так уж не убивайся. Ты парень молодой...

— Я тебе сказал, что у меня ни на что нет времени, Борис. Или ты не понял? Мне некогда вновь завоевывать ее сердце, мне некогда избавляться от этого чувства или искать ему замену. Я просто не хочу умирать, не увидев ее... Просто хотя бы увидеть...

— Горячий ты мужик, горячий.

— Да, это можно было от меня ожидать, — сказал в сторону Иван.

Он посмотрел на часы: половина двенадцатого. Двор был пустынен.

— У тебя есть телефон?

— Нет.

— • Ау подполковника?

— У него есть.

— Можно будет от него позвонить?

— Он мужик строгий, но справедливый. Я думаю, можно.

Иван еще не знал, кому и зачем он будет звонить. Но необходимость что-то делать сжигала его, он больше просто физически не мог бездействовать.

У подъезда стояла тяжелая бетонная цветочница. Иван схватил ее, приподнял, при этом ошалевший дворник увидел, что мышцы на шее Ивана напряглись, как канаты, поднял ее на высоту груди и бросил на бордюр, цветочница с грохотом разбилась, и земля рассыпалась по тротуару.

— Ты что же это делаешь? — закричал дворник. — Зачем же ломать-то?! Очумел, что ли? — Иван остался стоять спиной к дворнику, будто и не слышал его протестов. Так, не двигаясь, он стоял долго. «Я бессилен... Я бессилен... Я — бессилен», — только одна мысль владела Иваном. И от этой мысли сердце его разрывалось от горя.

— Тысяча двести семьдесят девять дней, — услышал Иван голос. «Наташа...» — пронзило мозг. Он молниеносно обернулся. — Именно столько ждала эта цветочница, чтобы ее разбили.

У подъезда стояла Наташа. Она только что вышла из подъезда. Иван смотрел на нее и не двигался, будто не верил своим глазам. Наташа тоже стояла, держась за ручку двери.

— Ты? — наконец выдавил из себя Иван. — Откуда?

— Из квартиры.

— Боже мой, а я тут с ума схожу. Неужели я ошибся дверью? Двести двадцать седьмая квартира...

— Двести тридцать седьмая, — поправила Наташа. — Пойдем-ка скорей, пока тебя не забрали в милицию за хулиганство. — Наташа решительно подошла к Ивану и взяла его за руку.

И тут сердце у Ивана оборвалось...

6

Наташино прикосновение вызвало у Ивана целую бурю чувств, казалось, откуда-то из глубины его существа поднялась горячая волна и захлестнула все, что было Иваном Свиридовым. Ивану захотелось смеяться и плакать, кричать от счастья самые лучшие слова и обнимать Наташу —

одновременно. В результате он не смог сказать ни слова и даже не откликнулся на Наташино прикосновение. Он стал словно каменный. Наташа посмотрела в глаза Ивана и увидела в них... Она увидела в них все то, что Иван чувствовал.

— Как ты жил все это время? — спросила Наташа. Дар речи вернулся к Ивану, он как-то судорожно вздохнул и тихо сказал, как бы с трудом проталкивая слова через высушенное горло:

— Не знаю...

— Все хорошо? — Наташа старалась прочитать на Ивановом лице ответ на свой вопрос.

— Я совсем другой теперь. Все, все изменилось, Наташа. Я люблю тебя.

— Повтори еще раз.

— Я тебя люблю, — повторил Иван громко и опустил голову. — Кроме тебя, мне ничего не надо.

— А Система?

— Я решил ее и отделался от нее. Теперь я свободен от всего этого.

Наташа была даже красивее, чем Иван мог себе вообразить, когда пытался вспомнить ее образ. Сейчас, при свете уличных фонарей, она казалась совсем другой, совсем не такой, какой Иван мог ее представить. Иван сделал шаг вперед, чтобы лучше разглядеть мельчайшие черты ее лица, он хотел увидеть ее ресницы.

Перед ним стояла горячо желанная женщина, которая смотрела, дышала, улыбалась так, что от каждого ее вздоха, взгляда и улыбки Иван испытывал нежность и восторг. Он бы мог ради нее прыгнуть на стену римского цирка — несомненно, даже если бы стена была еще на метр выше, чем та, которую он преодолел когда-то. Но, забравшись на стену, он бы спросил, хочет ли она его любви, и в этом была огромная разница. И Иван спросил:

— А ты, ты не забыла меня? — И, не дожидаясь ответа, нежно обнял Наташу. Она вздрогнула и прижалась к нему. — Я так хочу быть с тобой, так хочу...

В это время к подъезду подлетела, переливаясь огнями, дежурная милицейская машина. Из нее решительно выскочили два милиционера. И тот, что был постарше, звякнув наручниками, сказал, обращаясь к дворнику:

— Кто здесь ломает скамейки?

Дворник подскочил со скамьи.

— Я местный дворник, отвечаю за это хозяйство. Тут двое шалопаев, пацанов, мать их в душу... разбили малую форму и ходу, ну я кричать.

— Где они? — спросил младший милиционер.

— Найдешь их теперь, пожалуй, — сказал второй милиционер. Он окинул взглядом обнимающихся Ивана и Наташу. — Ладно, поехали. Тебе убирать, — обратился он к дворнику.

— Так уберу уж, куда деваться.

Тем временем Наташа повлекла Ивана за собой в подъезд. Она на миг выглянула из подъезда и махнула два раза ладонью дворнику.

— Да, пожалуйста уж, пожалуйста... подмету. Эх... — вздохнул дворник и побрел по тротуару. Он все качал головой и вздыхал, и в душе его росло непреодолимое желание сейчас же напиться до полусмерти, а если получится, то и до смерти.

Иван чувствовал, что Наташа вся трепещет от его объятий и поцелуев. Она лгнула к нему, потом немного отталивала и тут же прижималась еще сильнее, а губы ее и жгли Ивана, как угли, и ласкали так нежно, что Иван совсем потерял голову. Он уже вообще ничего не соображал... Когда дверь лифта открылась, Наташа выскользнула из Ивановых объятий и побежала открывать дверь в квартиру. Иван настиг ее в прихожей, крепко сжал за плечи и услышал шепот: «Да, да, я хочу этого...»

7

Когда Иван проснулся, первое, о чем он подумал: «Где Наташа?» От этой мысли сон сразу слетел, как будто его и не было. Иван быстро открыл глаза и сел на постели. Наташа лежала рядом, она спала. Лицо ее было спокойным и светлым. Ивану показалось, что она едва заметно улыбалась во сне. Рассвет уже наступил, но солнце еще не взошло. Через открытое окно не доносился шум улицы, наверное, было еще очень рано.

Ивану показалось, что за эту ночь он пережил и почувствовал столько, что его жизнь теперь стала жизнью совсем другого человека. Будто он выплеснул вместе с эмоциями этой ночи все то в своем прошлом, что не да-

вало ему покоя и заставляло бесчинствовать его ум и тело.

Иван осторожно встал и подошел к окну. «Где же лестница на небеса? — подумал он и улыбнулся. — Что же со мной было тогда? Эх, не стоит об этом думать, что бы то ни было, оно не может повториться. И это хорошо. И все же теперь надо попробовать повторить кое-что из того, что я сделал тогда».

Иван осторожно оделся. Взял на полке карандаш, лист бумаги и написал: «Через час я вернусь. Иван». Он вышел из квартиры и направился на поиски цветов.

Утро было прекрасное, прохладное и тихое, день обещал быть солнечным. Иван зашел за угол дома и увидел станцию метро. Чтобы сэкономить время, он побежал прямо через площадь, на которой был разбит сквер. На тротуарах уже появились первые прохожие, а количество машин на улицах прибывало с каждой минутой.

Иван подошел к входу в метро, где несколько женщин уже расставили банки и ведра со свежими цветами. Иван достал оставшиеся у него деньги и подал их пожилой женщине, цветы которой ему наиболее приглянулись. Это были розы с плотными, не до конца распустившимися бутонами и самых разных цветов и оттенков — от снежно-белого, таких Иван никогда не видел, до почти черного.

Она взяла деньги, посмотрела на Ивана и спросила:

— Вам на все?

— На все.

— Давайте я сама подберу самый лучший букет, о котором только может мечтать женщина.

— Подберите.

Она долго выбирала цветы, аккуратно составляя их один к одному и расправляя листья. Букет оказался не очень большим, Иван мог обхватить рукой без труда все черенки. Цветочница заботливо обернула букет несколькими слоями бумаги, чтобы не уколоться, потом брызнула на бутончики водой из ведра, слегка встряхнула букет и подала его Ивану.

— Желаю вам счастья, — она улыбнулась и добавила: — Я сделала этот букет от всей души и с добрым словом, он должен понравиться вашей девушке.

Иван поблагодарил цветочницу и побежал к дому. Он хотел сделать человеку, которого любил, приятное, и был

уверен, что сделает это. И больше ему ни о чем не думалось и ничего не хотелось. И это было счастье.

Когда Иван открывал дверь, замок громко щелкнул. Иван быстро открыл дверь, скинул ботинки и на цыпочках вошел в комнату. Наташа лежала точно в том же положении, в каком он ее оставил. Иван вошел в комнату и остановился. Наташа потянула носом воздух и открыла глаза. Несколько секунд она смотрела, как бы что-то вспоминая, потом улыбнулась и сказала:

— Какие розы, Иван! Никогда в жизни не видела ничего подобного. Дай посмотреть их поближе, — сказала она, оставаясь под одеялом.

Иван положил букет на постель, а Наташа осторожно села, придерживая одеяло. Она смотрела то на розы, то на Ивана. И Иван увидел, что ее глаза стали влажными. Наконец, погладив пальцами белоснежный бутон, она подняла глаза и сказала:

— Спасибо, Иван. Мне так хорошо.

Тут она быстро, словно в ней сработала мощная пружина, подскочила и обняла Ивана. Он даже не успел поднять руки, чтобы подхватить Наташу. Поцеловав Ивана, она отстранилась от него и, глядя в глаза, спросила:

— Ты насовсем вернулся? — Иван долго молчал, неотрывно глядя в ее глаза. В них Наташа и прочитала ответ. Сердце у нее сжалось. — На сколько? — Иван продолжал молчать. В его голове была абсолютная пустота, будто все мысли куда-то испарились. Сказать что-нибудь — значит разрушить состояние счастья, а этого Ивану так не хотелось. Наконец он сказал:

— Не знаю. Не знаю точно...

— Я не хочу, чтобы ты опять исчез. Если это произойдет, я не смогу жить или делать вид, что живу.

— Я не буду жить без тебя, — сказал Иван. Жизнь опять ворвалась в него в виде воспоминаний, проблем и требований действовать.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что надо бы позавтракать. А пока я пойду в душ.

Иван стоял под душем и думал, что же ему делать: говорить Наташе о том, что его ждет, или нет. «А с чего я решил, что Зильберт выполнит свое обещание, и почему, собственно, я не могу нарушить своего, — пришла в голову мысль. — Имея такие деньги, можно уехать куда-ни-

будь в Кашмир и там зажить спокойно, пока люди Зильберта меня найдут. А завтра все может измениться. Зачем я должен через неделю возвращаться в этот чертов бункер и с чего я взял, что он обязательно отдаст приказ убить меня? Если слова Бога, обещавшего скорую смерть, — всего лишь галлюцинация? „Ты умрешь скоро, и будешь знать, когда“, — вспомнил Иван слова Бога. — Когда же, а? — «Послезавтра», — услышал Иван ответ на свой вопрос. Это знание пришло к нему как откровение, сказанное ему его собственным голосом. «Значит, у меня есть еще два дня и одна ночь. — Иван воспринял сказанное ему как абсолютную истину, которую невозможно подвергать сомнению. — Вот теперь я точно знаю, сколько мне осталось жить. И чего я раньше не спросил об этом? И что же делать?»

— Дорогой, ты живой там? — услышал Иван Наташин голос за дверями.

— Очень даже живой. Сейчас выхожу, — ответил Иван. Иван оделся в свою одежду, потому что другой у него не было, и вышел из ванной.

— Я подогрела вчерашний ужин, который мы даже и не попробовали. Это ты виноват, — улыбнулась Наташа. — Я даже готова поверить, что ты не видел женщин три с половиной года.

— Так оно и было, — согласился Иван.

Он медленно и аккуратно ел. Все было очень вкусно. Иван впервые в жизни старался есть не для того, чтобы утолить голод, а чтобы получить удовольствие. И это ему удалось. Он покачал головой и сказал:

— В первый раз в жизни поел так вкусно. Это потому, что ты приготовила.

— • А тогда, у нас в городе, ведь тоже я готовила.

— Да, но тогда я был другим.

— Вот как...

— Да. Кстати, полетели в наш город, — вдруг предложил Иван.

— Когда? — как ни в чем не бывало спросила Наташа.

— Сейчас же, первым самолетом.

Иван прекратил есть, ожидая Наташиного ответа.

— Полетели. На сколько?

— На два-три дня.

Сначала Наташа выяснила, когда самолет, — он летел через три часа. Потом она набрала номер театра и сказала:

— Анатолий Борисович, я срочно вылетаю... — Иван энергично замахал рукой, давая знак, чтобы она не сказала куда. Наташа поняла и, немного замедлившись, продолжила: — Я срочно вылетаю из Москвы, неотложные обстоятельства... Я все равно полечу... Это невозможно предотвратить... Анатолий Борисович, когда я прилечу, я сама позвоню тебе и ты сможешь повторить то, что ты сказал.

— Ты звонила в театр? Ты действительно актриса теперь? — удивился Иван.

— Да, актриса, представь себе.

— Как же ты это смогла? Хотя...

— Это было сделано для самосохранения. Больше я не хочу этого. Я хочу быть с тобой, и все.

— Тогда поехали?

— Поехали. Может, с Сергеем хочешь повидаться?

— С Сергеем? — Иван задумался ненадолго и сказал: — Да, с Сергеем, пожалуй, да.

Наташа быстро набрала номер и сказала в трубку:

— Привет, Сергей, с тобой хочешь поговорить один твой знакомый, — и она, улыбаясь, передала трубку Ивану.

— Сергей, это ты? Узнаешь? — спросил Иван.

— Иван?! Когда, откуда, какими судьбами? Я сейчас же хочу тебя видеть, — услышал Иван знакомый голос. — Когда мы можем встретиться? «Когда мы можем встретиться? — эхом отразилось в голове Ивана. — Когда мы можем встретиться?»

— Я сейчас улетаю... мне очень надо, — невыразительно ответил Иван на этот призыв.

— Слушай, дружище, скажи-ка мне прямо: ты хочешь меня видеть или нет? Я очень хочу тебя видеть. Говори, куда мне подъехать, и я максимум через полчаса приеду.

— Хорошо, конечно же, я рад буду с тобой встретиться. Подъезжай на Наташину квартиру.

— Буду через двадцать минут, — сказал Сергей, и Иван услышал короткие гудки.

— Так брать билеты? — спросила Наташа. Она смотрела не на Ивана, а в сторону, и в ее взгляде Иван увидел сосредоточенную решимость действовать.

— Да, конечно.

— Давай свой паспорт, я схожу за билетами, тут рядом, а ты пока поговоришь с Сергеем.

Наташа быстро оделась и ушла. Иван остался сидеть на кухне, перед ним стояла чашка с кофе, который

уже успел остыть. Иван смотрел на стол, на окно, через которое было видно яркое летнее небо, на натюр-морт на стене. Его не оставляло чувство нереальности всего происходящего. Когда Наташа ушла, ситуация стала более реальной, но все равно неправдоподобной. Предыдущая ночь, заполненная страстью и нежностью, казалась сном, а светлое Наташино лицо, которое появлялось перед Иваном, стоило ему закрыть глаза, будто принадлежало знакомой по фильмам кинозвезде. Это ощущение было очень неприятным для Ивана. «Мы же даже ни о чем не говорили с ней. Чем и как она жила, о чем думала? Но она меня ждала... И она осталась такая же, как была, только, кажется, стала добрее.— Иван удивился этому определению, которое пришло ему в голову.— Странное слово, оно будто из другого языка. Добрый человек, хороший человек — это не одно и то же и звучит как-то странно. Кажется, я никогда не пользовался этим словом... А хорошо было бы исчезнуть в этот момент, сейчас, когда я чувствую себя таким счастливым».

Раздался звонок. Иван поднялся и пошел открывать.

Сергей был в строгом деловом костюме, в белой рубашке и галстук. Когда Иван открыл дверь, Сергей уже заранее улыбался открытой широкой улыбкой. Иван не улыбнулся в ответ. Так они стояли секунд десять, которые понадобились Ивану, чтобы привыкнуть к этой новой Сергеевой улыбке.

— А ты здорово изменился,— наконец сказал Сергей.— Был парнем, а стал мужчиной, нет, мужем...

— Ты тоже изменился,— ответил Иван.— Я бы тебя, может быть, и не узнал, если бы встретил на улице.

— Неужели?

— Честное слово.

Они прошли в комнату и сели в кресла напротив друг друга.

— Как Наташа? — спросил Сергей.

— • Наташа? Наташа... Она ждала меня. Я счастлив. Она скоро придет.

— Надолго к нам, в Россию?

— Не знаю пока.

— Как твоя работа?

— Работа завершена. Завершена успешно.

— Ты решил Систему?

— Нет.

— Тогда я, видимо, что-то не понимаю. Ведь именно в этом состояла твоя цель.

— Цель состояла именно в этом. Я не достиг цели, но не достиг потому, что не захотел этого сам. Я сам принял такое решение, остановив компьютер в последний момент.

— Почему?

— Потому что результат решения стал для меня значить меньше, чем одно вот такое летнее утро, наверное, а впрочем — не знаю почему. Точнее, не хочу думать об этом.

— Значит, Конца света не будет?

— Конца света не будет. По крайней мере, до тех пор, пока вновь не появится такой человек, как я.

— Чем же ты отличаешься от всех прочих? — Сергей, казалось, сверлил Ивана взглядом. Иван не мог понять, чего в этом взгляде больше — действительного интереса или наигранного артистизма.

— Отличался? — Иван холодно улыбнулся и врезался взглядом в глаза Сергея.

— Отличался... — поправился Сергей.

— Свободой, точнее, степенью свободы. Все разговоры о свободе, которые ведутся со времен Сократа и Будды, имеют в виду другую свободу. Что такое свобода в чистом виде, я узнал вполне.— Тут Сергей увидел, что Иван смотрит уже не на него, а через него.— Так, как был свободен я, никогда не был свободен ни один человек на Земле. Не было преграды ни для желаний моего разума, ни для моих эмоций. И не было предела моим желаниям и возможностям.— Иван на несколько мгновений закрыл глаза, и когда их открыл, его взгляд вновь был направлен не сквозь, а на Сергея.— Но я отказался от главного, к чему стремился,— полного знания, как следствия полной свободы. Ты спросишь, ради чего? Я не должен был этого делать. Но уж не потому, что я был человеком добрым... Наверное, я сделал это потому, что чувствовал, что здесь, на земле, в этом мире меня ждет счастье. И я не обманулся. Я принял правильное решение и получил награду.

— В виде Наташи? — сказал Сергей. Иван кивнул головой.

— Я вернулся к себе, Сергей, точнее, получил себя. Я же человек, и мне нужна любовь. Я смотрю на Наташу, как в свою душу, вот так... и больше мне ничего не надо. Без ее любви я — лишь механизм, годный только

решать математические уравнения. Я получил возможность быть по-настоящему счастливым, Сергей, как дар Божий. И я чувствую себя счастливым,— сказал Иван и, подумав, добавил: — Нет, я сейчас — счастливый человек.

«Как он мудрено стал говорить,— подумал Сергей,— но не похоже, чтобы он был не в себе. Он просто сильно изменился».

— Да, знаю. А у кого остались материалы твоих исследований?

— Я все уничтожил.

— А Зильберт?

— Он согласился с тем, что я сделал все правильно.

— Не осталось ничего?

— То, что осталось, я уничтожу в самое ближайшее время.

— Интересно...

— Это все теперь уже неинтересно. А как живешь ты?

— Я-то? О, я теперь совсем другой человек. Нет, не так,— поправился Сергей,— просто здесь, в Москве, у меня совсем другая жизнь. Очень много интересной работы, интересных людей, борьбы и, как бы это определить,— Сергей не мог найти слово,— ну, в общем, это совсем другой уровень.

— Уровень? — переспросил Иван непонятное слово. — Тебе нравится?

— Да. Суматошно все очень. Я, кажется, уже бесконечно отдалился от своего прошлого. У меня нет времени думать о том, что не касается работы и семьи. Я, к сожалению, мало времени провожу в семье. С Наташей видимся раз в полгода, я прихожу на премьеры, не всегда, правда. А так — сплошная гонка. И я бы не сказал, что мне это не нравится.

— А ради чего гонка? Что является призом?

— Эх, Иван. Ты же знаешь, я не склонен к абстрактной философии. Важен сам процесс. В этой гонке много промежуточных этапов, и на каждом хочется быть первым, первым хотя бы среди тех, кого ты видишь, кто соперничает с тобой.

— Так это же и есть философия.

— Не знаю, может быть, это и есть философия моей жизни. Мне странно было слушать тебя. Ты, который никогда не сдавался, вдруг стал буддистом.

— Да нет... — Иван вдруг рассмеялся.

— Ну, или чем-то вроде этого... Я не силен в определениях, да и не в этом дело. Чем ты теперь собираешься заниматься?

— Пока не решил.

— Останешься в России или уедешь?

— Не знаю пока.

— А в ближайшее время?

Иван кивнул головой, как бы давая самому себе разрешение, и сказал:

— Поеду в наш родной город. Очень хочу побывать там.

— Ностальгия?

Иван задумался. И Сергей это заметил.

— Да, в некотором роде. Мне очень надо туда попасть, и как можно скорее.

— Ну так в чем дело?

— Сегодня мы туда вылетаем.

— Все правильно. И я бы тоже не прочь побывать на родине. И, кстати, нам бы надо поговорить о деле. Ты все-таки собираешься работать?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— На любых условиях?

— На любых условиях. Этот вопрос не обсуждается.

— Но почему? Ты можешь, по крайней мере, это объяснить?

— Хорошо. Только ты не должен никому, а прежде всего Наташе, даже намекать на то, что я тебе сейчас скажу. Я тебе обязан тем, что смог довести свою работу до конца, и поэтому не хочу лгать. Так вот, Сергей, я не могу планировать свою жизнь просто потому, что времени жить у меня почти не осталось. Вот и все объяснение.

Сергей опять уставился на Ивана своим новым тяжелым взглядом.

— И ты едешь на родину, чтобы уничтожить все следы твоего труда, о котором мы говорили тогда, лежа на полянке под березами и попивая дешевое вино. Да?

— И за этим тоже. И, может быть, в первую очередь.

— Кто тебе угрожает?

— Мне никто не угрожает. Таков уговор. Ты же понимаешь, что нельзя жить с таким знанием.

— А Зильберт?

— Он еще жив?

— Вчера был жив. Сейчас узнаю,— Сергей достал сотовый телефон и набрал длинный номер.— Как Зильберт? Что? И что это может означать? Хорошо, понял.

— Зильберт находится в реанимационном отделении, сердечный приступ. Пока жив, но без сознания. Это он? — Иван медленно покачал головой.— Кто?

— То, что теперь сильнее меня.

— Не понял.

— Моя душа. Я так запрограммирован.

— Опять не понял, ты говоришь загадками.

— • Бог дал мне то, что у меня никогда не было,— душу. В ней программа моей жизни, и там сказано, что я найду свою смерть очень скоро. Очень!

— Чушь какая-то!

— Это правда, Сергей. И неважно, откуда придет моя смерть. Она придет.

— Это Он? — Сергей показал пальцем вверх. Иван наклонил голову.

— А что будет с нами?

— Ничего, жизнь будет продолжаться, только все то, что касается меня, исчезнет: воспоминания людей, газетные публикации, видеозаписи — все, что касается меня.

— Как это возможно?!

— Он это может.

— • Как это физически возможно?

— А как было возможно накормить пять тысяч человек народа пятаю хлебами и двумя рыбами? А как было возможно мне, человеку, который не играл даже в школьном оркестре, произвести такой фурор своим первым же публичным выступлением? Ты же знаешь об этом моем концерте. Пока Лийил на Земле — все возможно. Он может внушить людям, всему человечеству все что угодно.

— Это что-то вроде психотропного оружия?

— Да что-то вроде... но если говорить о физическом смысле — он не в этом, а в том, что при помощи Лийила Бог меняет реальность...

Иван хотел объяснять дальше, но Сергей прервал его.

— Хорошо, про Лийил я слышал и раньше. Но как можно изъять газеты, уничтожить видеозаписи?

— Может быть, завтра ты получишь команду уничтожить все имеющиеся у тебя материальные носители, на которых написано мое имя. И ты сделаешь это и ни-

чего потом об этом не вспомнишь. И такое тоже уже бывало.

— С Иисусом, например?

— Да, и с ним — в первую очередь.

— Но ведь что-то осталось.

— Только то, что Он,— Иван показал рукой вверх,— захотел оставить. Но это об Иисусе, обо мне Он не оставит ничего...

— Почему?

— Потому что он был Христос, а я Антихрист.

— Ты же не прошел путь Антихриста.

— -Я — да. Но тот, кто получит мои знания, может пройти его до конца.

— Ему ведь так просто заставить замолчать любого.

— Меня же Он не заставил замолчать. Правда, я сам этого хотел. Бог не может причинять вред людям.

— Вот это да...

— Вот и все. Так что мы должны, по-видимому, попроситься.

— Значит, ты едешь в наш город, чтобы уничтожить свои записи, потому что их кроме тебя не сможет уничтожить никто?

— Да, я их хочу уничтожить сам, собственными руками. Они не должны попасть в чужие руки. Я такое дело не могу доверить никому. Это важно для меня.

— Я понял...— Сергей посмотрел на часы, потом достал визитную карточку и записал на ней номер своего сотового телефона.— Завтра утром я буду в нашем городе.

— Зачем?

— Хочу убедиться в том, что все, сказанное тобой, правда. Хочу сам в этом убедиться. Имею я на это право?

— Имеешь. Только ты должен понимать: все, что я тебе сказал, это не только моя тайна, и поэтому ты должен молчать об этом.

§— Разумеется,— отчетливо и выразительно сказал Сергей.— Об этом не беспокойся.

— Сергей, если у человека есть душа, он не должен противиться воле Бога. А Его воля в том, чтобы жизнь на Земле продолжалась и расцветала. Ты понимаешь меня? — Иван постарался вложить в эти свои слова особую убедительность.

— Да, это я понимаю.

Сергей встал.

— Тебе пора идти? — спросил Иван.
— Мне пора идти. Я жду твоего звонка. Завтра я буду в нашем родном городе.

Когда Сергей ушел, Иван подумал:

«Зачем я повезу Наташу в наш город? Только затем, чтобы она стала свидетелем моей смерти? Я ищу у нее поддержку, потому что мне трудно умирать в одиночестве. У женщины, которую люблю. И я подвергаю ее опасности, ведь меня убьет не молния, а люди, люди, которых найду я или они найдут меня. И я их, кажется, уже знаю. Сергей предаст меня, но значит ли это, что я должен его ненавидеть? — Иван вспомнил выражение глаз Сергея, и ему почему-то стало жалко его. — Каждый человек — вселенная, это верно, — подумал Иван и как бы в недоумении покачал головой. — Одно дело рассчитать это при помощи логики суперкомпьютера и совсем другое — получить как откровение, как знание, от начала времен записанное в бессмертной душе. Только в расчетах я был первый, а в получении такого знания — один в ряду миллионов, не первый, и не последний. Так что же мне делать с Наташей?»

Вскоре вернулась Наташа. Она улыбалась. Щеки у нее порозовели, как у набегавшейся во дворе девчонки, глаза блестели, излучая радость.

— Я купила билеты на самолет. Нам повезло. Вылет через четыре часа. — Наташа посмотрела на Ивана, и улыбка сошла с ее лица. — • Сергей приходил?

— Да, только что ушел.

— Вы не поссорились ли?

— Нет.

— Но что-то произошло. На тебе лица нет.

— Правда?

Иван обнял Наташу. Обнимая ее, он испытывал странное чувство, бесконечно далекое от того, что он изведal ночью. Ему казалось, что он обнимает руками не женщину, которой он только недавно безраздельно обладал, а что-то такое дорогое, как сама жизнь, и то, что с ней связывает.

— Наташа, а у нас может быть ребенок? — вдруг спросил Иван.

I — Ребенок? — Наташа пожала плечами, слегка смутившись, лицо ее стало задумчивым и сосредоточенным. — Да, может быть. Ты хочешь ребенка?

— Да, очень. Больше всего на свете.

— А почему ты такой печальный? Что все-таки случилось?

— Ничего. — Решение, как поступить, пришло к Ивану сразу. — Я должен сказать тебе правду о себе.

Наташа села и испуганно посмотрела на Ивана снизу вверх. Иван сел напротив и взял Наташу за руку.

— Нам необходимо расстаться, Наташа. — Наташа молчала. — Это для меня означает расставание со всем, что мне теперь дорого в жизни, но это необходимо.

— Почему? — отчетливо, почти по слогам произнесла Наташа. — Почему необходимо?

— Я не хочу, чтобы ты была свидетелем моей смерти.

— Чего-чего?

— Моей смерти.

— Тебя убьют?

— Если я скажу — убьют, значит есть и убийца, но нет такого, будет только исполнитель воли.

— Чьей, чьей воли, Иван?

— Моей.

— Я видела тебя, когда ты лежал в своем бункере. Я понимаю, о чем ты говоришь. Значит, это было не видение, а правда...

— Ты была в моем бункере? Видела меня?

— Да, это не было сном или видением, я там была. Я даже могу описать этот проклятый бункер, где ты находился. Постарайся все же объяснить, в чем дело.

— Я сам выбрал свой путь. В отличие от многих, я сделал это совершенно осознанно. Я поменял власть над миром на бессмертную душу, которая мне не принадлежит, но принадлежит одному только Творцу всего сущего. И я умру спокойно. Потому что этот мир, твой и мой, это совершенное творение Бога, мир нашего ребенка, который может родиться, и всех будущих поколений, продолжится после меня.

— Ты отказался от жизни ради этого?

— Да, я почему-то в последний момент решил, что законы Бога лучше, чем созданные мной.

— Ты не стал Антихристом?!

— Я не стал Богом.

— Как страшно все это, Иван. Мне кажется, что тот сон, что я видела недавно, продолжается, и я полностью потеряла чувство реальности. Я так ждала тебя, я так готовилась к этому, и я всегда знала, что мы обречены умереть.

— Почему ты говоришь «мы»?

— Я не буду жить, если не будешь жить ты. Ты говорил, что душа не принадлежит человеку. Не знаю, так это или нет. Но и мне кажется, что моя душа принадлежит не мне. Кому? Кому-то доброму. Богу? Да, конечно. И в моей душе кем-то, Им, значит, записано, что я принадлежу тебе, что я должна жить ради тебя, любить тебя и разделить твою судьбу.

— Как ты узнала это?

— Я очень хотела это узнать. Очень хотела. Я так старалась, я потратила много сил и времени, пока научилась читать то, что Бог написал в моей душе.

— А что еще написано обо мне в твоей душе? — спросил Иван.

— Еще там написано, что ты достоин действовать так, как считаешь нужным, дорогой мой, любимый Иван. Кто же убьет тебя?

— Это неважно, но исполнители уже определены. А ты, ты должна знать еще одну часть этой печальной правды, прежде чем мы расстанемся. Когда я умру, Бог уничтожит всякую память обо мне. На земле ничего не останется от меня: ни воспоминаний людей, ни документов, ни других свидетельств.

— Не понимаю, зачем это Ему надо?

— Потому что я, точнее то, что я собой представлял совсем недавно, — это аномалия. Это воплощение всех смертных грехов человечества, самый страшный из которых — презрение Бога. Пока будет существовать память обо мне, будет пример человека, который смог почти отведать плод с дерева жизни, презрев все законы, установленные Богом.

— Но почему же Бог допустил до этого? Раз Он допустил, значит... Значит, в этом нет твоей вины.

— Все, что я сделал, было проявлением моей воли, и это было возможно потому, что у меня не было души, а значит, и программы жизни. Бог послал мне Лийил, дал возможность осуществлять любое мое желание в надежде, что я увлекусь земными соблазнами и брошу свою Систему. Но как я мог ее бросить! Бог — благороден, Он не

уничтожил меня и не лишил разума.— Иван усмехнулся.— Бог благороден в самом высоком и чистом смысле, хотя это слово, наверное, не очень подходит для определения Его уважения к человеческой свободе. Воистину, Он не делает с другими того, чего не желает себе. Теперь, когда я понял все, что со мной произошло, я действительно полюбил Его, как, наверное, любят отца, которого у меня никогда не было. Ты знаешь, Наташа, я всю жизнь прожил один, а теперь я не один — у меня есть Бог и есть ты. Если можно подвести итог жизни, то это неплохой итог. Я счастлив и потому уже, что ты меня слушаешь и понимаешь.

— А если бы мы встретились пять лет назад и полюбили бы друг друга, как сейчас, то ничего бы и не было? Ты бы никогда не вступил на путь Антихриста?

— Нет, ни пять лет назад, ни пять дней назад это было невозможно. Посмотри вокруг, Наташа, разве ты мало видишь людей, идущих к обозначенным ими целям, не смотря ни на что? Я был только одним из них. Мои способности к абстрактному мышлению, конечно, намного выше средних, может быть, даже исключительны. Но ведь многие люди обладают такими же способностями в других сферах человеческой деятельности. И далеко не у всех из них имеется душа. А Лийил у Бога только один, и Он не может расставаться с ним надолго. То, что Бог послал его на Землю, — событие исключительное. Я думаю — второе за всю историю. Очень скоро Лийил вернется к Богу. И это говорит о том, что свободные люди в конечном итоге в ответе за все. Понимаешь?

— Не очень... Боже мой! О чем мы говорим! Да, да, я понимаю, что в том, о чем ты мне рассказываешь, вся твоя жизнь, но не надо сейчас об этом. Обними меня...

Иван крепко обнял Наташу, и они стояли так долго. Наташе показалось, что она перестала существовать, что ее душа слилась с душой Ивана, и что именно это и было то, чего она так ждала всю жизнь. Это было выше, чем ощущение счастья, и никак не связано с чувственным восприятием его тела. Это было совсем другое.

Иван чувствовал то же самое. Он не хотел выпускать Наташу из объятий, он знал, что это в последний раз.

— Тебе пора ехать, — прошептала Наташа. — Не оставляй меня. Ведь ты же мог бороться с судьбой, попробуй еще раз.

— Это невозможно теперь. Это невозможно...

Наташа отдала Ивану билеты и документы и сказала:

— Я хочу проводить тебя. Можно?

— Почему ты спрашиваешь?

Наташа смотрела на Ивана и улыбалась, но в ее глазах Иван увидел глубокую печаль.

— Значит, у меня не останется и памяти о тебе. Значит, все будет вычеркнуто. Нет, это несправедливо. Не верю в это. Не знаю, как по отношению к другим, но по отношению ко мне это так жестоко. Бог не сделает со мной так, я знаю. И не говори ничего, не возражай. Это жестоко. Я согласна никому, ничего, никогда не говорить о тебе, я готова подписать любой документ, хоть и кровью, но память-то, память — должна остаться. Я бы жила тихо, довольствуясь малым. Почему это невозможно? Зачем мне весь этот мир со всей его бесконечностью, если я потеряю тебя и вновь не найду и нет никакой надежды на это?

— Наши души будут ждать Конца света и никогда его не дождутся, я надеюсь.

— А я тебе скажу иное. Я надеюсь, что они дождутся. Ведь они у нас есть — души! Есть?

— Да. Наташа, я ведь умру именно для того, чтобы не было Конца света.

— Это твой выбор, а я буду умирать в надежде дожждаться этого Конца. Сколько тебе осталось времени жить?

— Я думаю, до завтрашнего вечера.

— А где сейчас Лийил?

Иван показал на свою голову.

— Здесь? — Наташины глаза испуганно расширились. — Что же такое этот Лийил?

— Это инструмент Бога, через который Он выражает свою волю непосредственно.

— Он управляет тобой?

— Он стал моей душой, на время, пока я здесь, в мире людей. Такова воля Бога.

Наташа еще раз посмотрела на Ивана, и у нее закружилась голова.

— Что ты хочешь, чтобы я для тебя сделала?

— У меня очень мало времени осталось здесь, и я уже принадлежу не себе — только Богу. Ты сама сделаешь свой выбор, и он будет единственно правильный. Сейчас я уйду, чтобы закончить начатое дело. Ведь уже пора?

— Да, тебе пора идти. Иди.

Иван отошел от Наташи, посмотрел на нее и сказал:

— Не приближайся ко мне и не иди за мной, когда увидишь меня в следующий раз. Если это вдруг произойдет.

— Почему?

— Прощай, Наташа.

Наташа сделала шаг вперед, устремившись к Ивану. Но он быстро поднял руку, показывая, что она не должна приближаться к нему. После этого Иван медленно повернулся и вышел. Наташа только услышала, как захлопнулась входная дверь.

8

Сергей перед тем, как выйти из комнаты, обернулся, чтобы еще раз посмотреть на Ивана. «Да, он все-таки сильно изменился. Это теперь совсем другой человек. От того парня, который лежал на матрасе в обшарпанной хрущевке и которого я вытаскивал из сугроба и оттирал потом спиртом, осталось очень мало. — Сергей понял, что связь, неуловимая, но такая важная, такая значимая, связь понимания и глубокой симпатии между ними, прервалась. — Мы разошлись в разные стороны. Кто же ушел от места встречи дальше — он или я?»

— Ну, до скорого, — сказал Сергей и улыбнулся своей новой широкой улыбкой.

— До скорого, — ответил Иван и тоже улыбнулся. Его улыбка была какой-то растерянной и печальной, он улыбнулся и отвел взгляд в сторону.

Сергей быстро повернулся и вышел. Он сел в автомобиль и сказал водителю, чтобы тот ехал в офис. Как только автомобиль тронулся, Сергей достал телефон и позвонил Ясницкому.

— Привет, Игорь. Я только что разговаривал с Иваном Свиридовым.

— Он жив?

— Он жив и, судя по всему, здоров, но сильно изменился. Так вот, он закончил свой проект, точнее, отказался от него.

— Так закончил или отказался все же? Он что — не смог решить свою Систему?

— Нет, говорит, что Систему он решил. В общем, это не телефонный разговор. Я сейчас к тебе приеду.

Сергей отключил связь и стал смотреть на проносящиеся мимо дома, автомобили, рекламные щиты. «Можно представить, что Иван состряпал там за три года вместе с „Юнайтед Системз“, и какую это имеет ценность. И теперь это все пропало, если ему верить. А не верить ему нет смысла — он всегда был человеком бесхитростным. Но главное, что интересно,— это все же не компьютерные программы, а сама его математическая модель мира. И теперь он едет на родину, чтобы уничтожить последние свидетельства своего открытия», — размышлял Сергей.

Ясницкий ждал Сергея в своем роскошном кабинете.

— Где Иван сейчас?

— У Наташи, — ответил Сергей и упал в кресло. Ясницкий встал и начал ходить по кабинету. — Где же ему еще быть.

— Мне только непонятно, как Зильберт мог отпустить его? — сказал после продолжительного молчания Ясницкий.

— Это дело темное. Но факт остается фактом. Иван здесь. И я думаю, что он здесь с одной только целью. — Сергей сделал многозначительную паузу, явно ожидая вопроса Ясницкого. .

— С какой целью?

— Я думаю, у него здесь, в России, есть какие-то документы, в которых изложена его теория, и он приехал за ними. И это, конечно же, по согласованию с Зильбертом.

— Ты предлагал ему работу?

— Предлагал. Категорически отказывается. Говорит, что вообще ни на кого не собирается больше работать.

— И что это значит?

— Это значит, что и не будет работать. У него слова никогда не расходятся с делами. Я почему-то уверен: все, что он мне сказал, — правда.

Ясницкий уже понял, зачем к нему приехал Сергей. За последние годы они много работали вместе, много общались, и он хорошо изучил Сергея. Ясницкий подошел к нему, остановился и, сложив руки на груди, спросил:

— Ну и что ты предлагаешь?

— Мы можем попытаться заполучить каким-то образом эти его документы.

— Зачем?

— Я думаю, что они имеют огромную ценность.

— Какую?

— Тот, кто будет иметь эти документы, сможет сделать то же, что и Иван, со временем, конечно, а это, знаешь ли, огромная власть.

— Что ты имеешь в виду?

— Ведь он, как я с большой уверенностью предполагаю, создал модель мира. Разве это мало?! Управляет тот, кто предвидит. Не так ли?

— Так.

— И я не думаю, что это единственное возможное применение его Системы.

— Если Зильберт нянчился с ним три с половиной года, значит, он многого стоит. Я уже давно понял, кто такой этот ваш Зильберт, — сказал Ясницкий, и лицо его приобрело совершенно непроницаемое выражение. — Мне много непонятно, но то, что эти документы мне нужны, не вызывает сомнений. Это я тебе говорю сразу и без комментариев. Ты бы мог достать для меня его записи?

— Нет, я не буду заниматься этим делом, — решительно мотнул головой Сергей. И в этом поспешном и решительном отказе Ясницкий сумел увидеть согласие.

— А если всем этим займусь я? Как ты к этому относишься?

— А что по этому поводу скажет Зильберт? — Сергей прищурил глаз, поднял бровь и задержал свой взгляд на губах собеседника.

— Ничего.

— То есть?

— Зильберт пятнадцать минут назад умер. И скоро в его империи начнется такое...

— Король умер!

— Да, король умер. Да здравствует король.

— И кто же этот новый король? — спросил Сергей.

— Не знаю, но пока он неизвестен, надо прибирать к рукам все, что возможно. Так как ты относишься к тому, что я попытаюсь найти документы Ивана? А может быть, мне удастся с ним договориться?

Сергей пристально взглянул прямо в глаза Ясницкого. Тот выдержал взгляд.

— Что ж, попробуй, — сказал Сергей и отвел взгляд.

— Хорошо, я попробую, но мне нужна твоя помощь.

— Я уже сказал, что это не мое дело.

— Мы же почти компаньоны и можем ими стать. Тридцать процентов...— четко и ясно сказал Ясницкий. И добавил: — Тебе — тридцать процентов.

— Тридцать процентов от чего?

— От всего, что принесет Иваново наследие. Я думаю, что мы сможем юридически четко определить, где начинается влияние его идей.

— Но почему ты говоришь «наследие»?

— Я повторяю, что хорошо понял, кто такой Зильберт, и я не верю, что Зильберт оставит Ивана на свободе, а говоря проще, в живых.

— Но Зильберт мертв.

— Да, но его империя жива, а она не оставляет вне контроля такие взрывоопасные заряды, как Иван.

— А сам-то ты не боишься держать в кармане такой детонатор?

— Я мало чего боюсь, ты же знаешь. А потом я не думаю, что нам надо будет размахивать его записками перед носом у корреспондентов или ученых. Надо будет переждать время и хорошо во всем разобраться.

— Время, ах, время...— сказал Сергей и понял, что сейчас он согласится с предложением Ясницкого, потому что у него нет другого выхода.— Его всегда так не хватает. Значит, ты хочешь заплатить мне за то, чтобы я выудил у Ивана информацию, где лежат эти его документы, прежде чем он их уничтожит? Я должен... Что и кому я должен? — Сергей едва заметно тряхнул головой и вдруг сказал: — Знаешь, я согласен. Мне надоел этот дурдом,— Сергей с особенной злобой выделил слово дурдом.— Я уже четыре года чувствую себя зависимым от этих его сумасшедших идей и ощущаю их влияние на себе. Я хочу избавиться от этого наваждения. Я согласен, только с одним условием — Иван не должен пострадать.

— Хорошо. Главное, что ты мне должен будешь сказать,— находится ли сейчас Иван под защитой Зильберта? Мне этого никогда не узнать, а ты, пользуясь своим дружеским отношением с ним,— сможешь. Если да, я выхожу из игры, если нет, я буду действовать по обстоятельствам. Цель известна.

— Хорошо, согласен. Но у меня еще одно условие. Мне для расширения дела нужен кредит — сорок миллионов долларов. Дай мне беспроцентный кредит, и я буду делать то, о чем мы договорились. А дивиденды — оставь себе.

— Сорок миллионов?

— Да.

— Сегодня?

— Да.

— Беспроцентный?

— Да.

— Без гарантий?

— Да.

Ясницкий начал ходить по кабинету. Он несколько раз останавливался и смотрел в окно.

— Как выглядит Наташа? — вдруг спросил он

— Она не изменилась, во всяком случае, внешне.

— Правда, что она снималась для «Плейбоя»?

— Нет, она прошла пробу, но сниматься отказалась.

— Почему?

— Спроси у нее сам.

— Хорошо, я спрошу... Ладно, я согласен дать тебе этот кредит, под твоё честное слово. Ты прав, Иван никогда не сможет распорядиться теми открытиями, которые он сделал. Мы же несем ответственность перед обществом за то, чтобы эти его открытия не пропали из-за его странного фанатизма. Я не собираюсь вникать в мотивацию его поступков, меня интересует только одно: прервалась ли его связь со штаб-квартирой Зильберта или нет?

— А если он и сам этого не знает? Может быть, за ним следят, а он не знает. Что тогда?

— Тогда? Тогда узнай, где лежат эти проклятые документы. И будем надеяться, что люди Зильберта окажутся там после нас.

— Какой риск, Игорь, какой риск...

— Это мой риск. Если Иван направлял всю свою немалую энергию на борьбу с законами природы, а я — на сдерживание себя...

— Наташа?

— Да, и Наташа тоже,— резко оборвал Ясницкий.— Мы договорились?

— Да.

— Хорошо. Сейчас подпишем документы. Звони мне днем и ночью, я буду готов действовать в любой момент.

— Только мне кажется, что мы лезем в очень опасное дело,— сказал Сергей и как-то растерянно огляделся по сторонам.

— Вот это тебе и предстоит выяснить.

Иван доехал до аэропорта на такси. Его никто не провожал. Совесть его была спокойна и сознание ясно. Он

совершенно четко знал, что теперь должен делать. Когда самолет взлетел, Иван сказал себе: «Самое страшное — впереди и самое прекрасное — тоже, поэтому надо благодарить Бога и действовать».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В книжном киоске аэропорта среди детективов и любовных романов Иван увидел Библию. Он купил ее. «Корана, к сожалению, нет. Зато есть абсолютная память», — подумал Иван.

Салон самолета был полупустым. Иван сел подальше от других пассажиров и открыл книгу.

Иван бережно провел ладонью по открытым страницам: «Вот оно, главное свидетельство о Боге для всех ищущих Его. И теперь самое время задать себе главный вопрос после того, что со мной произошло. Надо ли мне было делать Систему, если бы я мог видеть Бога в Его творении и читать книги Его откровения тогда так же, как читаю сейчас? — Иван сделал долгую паузу в своих мыслях, ожидая ответа на поставленный вопрос. — Ответ очевиден — нет, не надо». — Иван зажмурился от того, что его глаза стали влажными, — и этого он от себя совершенно не ожидал. Он вытер глаза рукавом и огляделся, чтобы убедиться — не видел ли кто проявления его чувств. Нет, никто не обращал на него внимания, пассажиры разговаривали, читали, ели, спали, и никому до него не было никакого дела. Иван подумал: «Жалко себя, жалко себя из-за удручающего, абсолютного по своей полноте одиночества. А ведь именно теперь я бы мог сказать всем им так: „Эй, слушайте, близкие к Богу и далекие от Него! Абсолютная реальность — только Бог, все остальное — иллюзия, даже свершившееся прошлое может быть Им изменено. Все во власти Бога, и мысли ваши, и дела. Все предопределено Им до начала времен, я в этом убедился сам. А что не предопределено Им, то и не существует вов-

се, потому что это есть лишь дуновение пустоты, где властелин — Сатана, и смертно до основания и без остатка. Но как объяснить это вам, творящие мир иллюзий, нет, — мир-иллюзию?»

Иван решил найти подтверждение своим мыслям в Библии и в считанные минуты, перелистав мысленно сотни страниц, нашел слова пророка Исайи: «Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось, говорю: Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю»*. Он нашел это место в Библии и перечитал его. «Все, что угодно, — все. Мир менялся по воле Бога вместе с Книгой, и многие слова пророков, запечатленные в Библии по воле Бога, остались единственным свидетельством событий, которые произошли, но которых не было, потому что Книга Бога была переписана вместе с объективной реальностью, а Его откровение, опять же по воле Бога, осталось. И море расступалось перед Израилем, и стены Иерихона рухнули, и Христос воскрес. Все это истина, потому что нет для Бога никакой объективной реальности, так же как нет и абсолютного времени. Реальность для Бога — только Его воля, запечатленная в Предвечной книге, „ясной книге“**. Бог смотрит в Книгу, а не на Землю, на Земле же всегда происходит то, что написано в Книге***. И в Коране, кажется, говорится об этом. И вскоре Книга будет переписана еще раз и от Ивана Свиридова не останется ничего: ни в памяти людей, ни в книгах, ни на земле, ни под землей — вообще ничего, даже костей, как не осталось ничего от первозданного Эдема и от Вавилонской башни. И история за мгновение будет переписана без единого факта, определенного прожитой мной жизнью, будто и не было ее. Трудно с этим смириться, труднее, чем со смертью, и невозможно было бы, если бы не дар Божий, данный мне. Воистину, велик Бог, и милость Его безмерна. Все вы, критикующие мир Бога и отрицающие Его, ничего не знаете о Нем, вам это не дано. Им не дано. Вы ищите противоречия, не понимая их природу».

Иван вновь углубился в чтение Библии. Теперь он воспринимал прочитанное совершенно не так, как в первый

* Исайя, 46:10.

** Коран, 27:77 (74).

*** «Ничто не постигает из событий на земле или в ваших душах, без того чтобы его не было в писании раньше, чем Мы создадим это. Поистине, это легко для Аллаха!» (Коран, 57:22.)

раз. В каждой строке Иван слышал голос Бога, как еще недавно он слышал Его голос наяву. Иван читал, не замечая, как летит время, во всем прочитанном находя свидетельство тому, что еще недавно он воспринимал только как доказанную научную гипотезу.

Читал он очень быстро, взглядом как бы фотографируя страницу и сравнивая ее содержание с тем, что хранилось в его памяти. Время летело незаметно. Иван ни на что не обращал внимания и даже отказался от предложенного обеда.

Прочитав у пророка Исайи слова Бога:

«Я, Я Господь, и нет Спасителя кроме Меня.

Я предрек и спас, и возвестил; а иного нету вас, и вы — свидетели Мои, говорит Господь, что Я Бог;

от начала дней Я Тот же, и никто не спасет от руки Моей; Я сделаю, и кто отменит это?»*

Иван отложил Библию и вновь посмотрел на людей, сидящих в салоне самолета, как бы пытаясь увидеть на их лицах хоть какое-нибудь отражение Божественного величия. «Много ли из летящих в этом самолете предопределены к спасению? Никто этого не может сказать, и я в том числе. Никто не скажет, кто из вечности уйдет в вечность, а кто свободен и живет лишь здесь и один раз. Никому из этих людей в голову не придет убить меня сейчас, потому что не пришел срок, а когда придет срок, убийца найдется, и он решит сделать это сам. Так Им устроен мир. Где же тот, кто убьет меня? Хотелось бы посмотреть ему в глаза, не хочу смерти внезапной.—Иван остановил свой взгляд на здоровенном парне с тупым лицом и пустыми глазами.— Может быть, он сыграет роль убийцы?— Самолет тряхнуло. Иван увидел, что многие люди испугались этого и усмехнулся.— Не бойтесь. Ветер, раскачивающий сейчас этот самолет, дует сам по себе, но этот ветер не поколеблет мою веру во всемогущество Бога. Я буду жить еще два дня, и вы все сейчас в абсолютной безопасности. Этот самолет не упадет. Замысел творения — спасти избранных, и в этом Бог проявит свою славу, и я — среди них». Иван вновь открыл Библию, читал и думал параллельно — по своему обыкновению. Он уже дошел до Нового завета и быстро просматривал Евангелие.

* Исайя, 43:11—13.

«Иисус сказал ему: Я — путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»*.

«И на этом утверждении Христа основана христианская вера! Какое страстное стремление задавленного невежеством раба иметь перед Богом заступника, понятно-го ограниченному человеческому разуму, породило ее? Никакой посредник в спасении в образе человека или иным образом не нужен призванному Богом, даже такой, как Иисус. Бог всемогущ, Он спасает человека без всяких условий, и Ему не надо для этого от человека ничего: ни его веры, ни каких-либо слов и действий и, тем более, не надо жертвы самого себя. Зачем это Всемогущему?! Спасая, Он дает человеку столько знания о себе, сколько считает нужным. Подтверждаю для себя и для Бога, вложившего эти слова в мою душу: Нет Бога, кроме Бога. БОР един и вечен и нет у Него ни детей, ни отдельного духа, Он бесконечно прост и бесконечно сложен, Он часть вселенной и в то же время Он вне ее. А еще, Господь мой и Бог, добавлю от себя: я знаю, как Ты управляешь миром. Знаю и не хочу, чтобы кто-нибудь знал об этом, потому что люблю теперь этот мир так же, как любишь его Ты. Призванному Им надо славить только Тебя, а не несущих Твое слово, все они — лишь посланники Твои. И я теперь — посланник, и уйду из этого мира в иной втайне, спокойно и достойно».

— Аминь,— сказал вслух Иван и захлопнул Библию.

Посидев немного и как бы переведя дух, Иван встал и медленно пошел по проходу между рядами. Он вглядывался в лица людей: «И все же, кто же из них имеет душу и кто не имеет ее? Есть ли душа у этой девочки со смешными косичками или у того толстяка, читающего газету? А этот несчастный инвалид, он призван к спасению? Кто все эти, сидящие здесь, люди? Зачем я задаю себе эти вопросы? Я просто должен делать свое дело».

Объявили посадку. Иван сел на свое место и впервые в жизни стал молиться. Он начал по памяти читать Псалтирь:

«Глаза всех надеются на Тебя, и Ты даешь им пищу их в свое время;

* Иоанн, 14:6.

открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению.

Праведен Господь во всех путях Своих и благ во всех делах Своих.

Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине.

Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит и спасает их.

Хранит Господь всех любящих Его, а всех нечестивых истребит.

Уста мои изрекут хвалу Господню, и да благословляет всякая плоть святое имя Его во веки и веки.

Аллилуйя. Аминь»*.

Закончив молитву, Иван подумал: «Если бы я сейчас стал выступать перед людьми, как тогда, в Нью-Йорке, я бы пел совсем другие песни, скорее всего, они бы были гораздо менее понятны людям, чем те, что я пел тогда. Они бы, наверное, казались бы еще более странными, эти мои новые песни».

Самолет приземлился.

«Моя единственная цель теперь — уничтожить рукопись,— подумал Иван.— Пусть это действие даже имеет символическое значение. Судный день только у Бога, я знаю это, и пусть день этот не наступит никогда».

Иван вышел из аэропорта и направился на стоянку такси. Он решил взять такси прямо до города. Таксист, седой пожилой мужчина с усталым лицом, с какой-то странной задумчивостью посмотрел на Библию, которую Иван держал в руке, и заломил немислимую цену, но Иван, не торгуясь, согласился.

— Вы знаете храм? — Иван назвал название городка, где священником был отец Петр.

— Знаю,— ответил таксист.

— Везите меня к этому храму.

— Ты можешь заплатить вперед? — спросил таксист. Иван достал из кармана пачку денег, отсчитал запрошенную сумму и отдал их водителю, не сказав при этом ни слова.

«Какую часть Божественного замысла несет в себе этот уставший от жизни человек,— подумал Иван, взглянув на таксиста.— Неважно... Я должен уничтожить рукопись».

* Псалом 144.

Машина летела по шоссе, поглощая расстояние. Иван охватило какое-то странное равнодушие ко всему, он впал в своеобразное оцепенение, при этом, казалось, каждая клеточка его мозга помнила и говорила о том, что отпущенный ему срок жизни уменьшается с каждым мгновением.

2

«Зачем я все же еду туда? — подумал Иван, когда автомобиль свернул с основной магистрали к городку, где была расположена церковь.— Я должен сказать этому священнику, что я не Антихрист, мир спасен теперь, что волею Бога конец его отложен пока, и можно славить Бога и продолжать жить, исполняя Его волю. Что означало произведенное им крещение, и что оно означает для меня сейчас? Тогда, когда он крестил меня, у меня не было души, она не появилась и после этого обряда». Иван вспомнил слова Евангелия:

«Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царство Божье»*.

«Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет»**.

Иван закрыл глаза и снова отчетливо представил себе лицо Христа таким, каким он увидел его тогда у дороги. Потом перед мысленным взором Ивана предстала толпа, которая встретила их на подходе к городу: разгоряченные лица, горящие глаза, ждущие чуда. «Что он мог им еще сказать? „Верь мне и делай, как я...“, — ничего другого они бы не восприняли. Он любил людей, и он должен был дать надежду всем, зная, что не всем дано спасение. Тот обряд, произведенный надо мной священником, не дал мне ничего, пока Бог не вложил в меня душу. Надо ли только говорить священнику об этом?»

Машина подъехала к церкви. Иван вылез из машины и пошел к входу. Он почему-то был уверен, что церковь должна быть открыта.

Иван зашел в церковь и увидел стоящего у алтаря человека в одеянии священника. Но это был не отец Петр.

* Иоанн, 3:5.

** Марк, 16:16.

Иван сделал несколько шагов вперед, чтобы лучше рассмотреть лицо этого человека, и остановился, буквально остоленев, когда разглядел, кто это. Это был один из тех двух парней, с которыми он видел воскресение Христа, тот из них, который называл его Сатаной. Священник также, видимо, узнал Ивана. Это Иван определил по взгляду, вмиг выразившему удивление и страх.

— Здравствуйте,— сказал Иван,— я бы хотел видеть отца Петра.

— Нет его здесь,— сухо ответил священник, и голос его сорвался, видимо, от волнения.

— А где я могу его увидеть? — спросил Иван.

— Туда, где теперь отец Петр, вам дорога закрыта.

— Что вы хотите этим сказать? — миролюбиво спросил Иван, стараясь ничем не обидеть священника.

— Отец Петр умер. А вас я узнал. Вы тот, кто своими дьявольскими приемами сводит людей с ума. Я прошу вас покинуть храм. Здесь вам не место,— священник сделал жест рукой, осеняя себя крестным знамением и одновременно как бы выталкивая Ивана из храма. Иван повернулся и хотел было выйти, но потом остановился и спросил:

— От чего он умер?

— От инфаркта, здесь, в своем домике,— смирив голос, ответил священник.— Мы молимся за упокой его души.— Священник еще раз осенил себя крестным знамением и решительно и грозно потребовал: — Уходи прочь из храма, ты, продавший душу Сатане! Уходи прочь, дьявольское наваждение. Господом Богом заклинаю, прочь из святого придела этого.

Весь вид священника и его фанатичная уверенность в своей правоте вызывала у Ивана отвращение. «Еще один судья над людьми, да еще какой!»

— С Сатаной знаком лично, но души ему не продавал, да и невозможно это, и пришел сюда не к вам. Кстати говоря, насчет души. Я знаю, где может быть душа отца Петра, если она у него была, и где будет моя, чего, видимо, не знаешь ты. Но, в отличие от тебя, не берусь судить людей, потому что их судьба не зависит ни от меня, ни от тебя, ни от церкви этой, ни от крещения вашего, а только от воли Бога, который один определяет своих призванных. И если ты думаешь, что твоя ряса позволяет тебе проклинать и судить от имени Бога, то глубоко заблуждаешься.

— Да ты протестант, я смотрю,— усмехнувшись кривой улыбкой, сказал священник.— Худший из них.

— Можешь назвать меня кем угодно, ничего от этого не изменится. Я — сам в себе церковь и надо мной только Бог. Он владеет моей душой и распоряжается моей жизнью. Он, а не люди, и не выдуманные ими учения владеет моей волей.

— Я знаю, с такими, как ты, бесполезно разговаривать. Ничто для вас не свято. Вы горите в пламени собственной гордости, будьте вы прокляты.— Священник понизил голос почти до шепота и прикрыл глаза, стараясь сдержать свой гнев.— Я прошу тебя, покинь церковь. Ведь ты и не христианин вовсе. Уйди из этого святого места, не оскверняй его своим присутствием. Прошу тебя.

— Христианин? — спросил у себя Иван.— Нет, я не христианин. А кто христианин, не ты ли?

— Тот, кто признает Иисуса Христа своим Господом и Спасителем, чудовище. И этот храм построен христианами для христиан.

— Для христиан? Вот как... Так вот, знай, священник, хотя бы ненадолго. Человек, воскресение которого мы видели, не был Богом. Он был сыном Бога, о чем и говорил всегда, так должен говорить всякий призванный Богом, но Богом он не был. Богом он не был...

Священник три раза осенил себя крестным знамением и сказал:

— Изыди, сатана.

Иван быстро повернулся и вышел. У входа в церковь он столкнулся с другим старым знакомым, видевшим воскресение Иисуса, он был одет в рясу дьякона. Глаза парня расширились, он хватанул воздух ртом и выдавил из себя:

— Здравствуйте.

— Здорово,— сказал Иван и протянул ему руку.— Как жизнь?

— Служим помаленьку,— ответил дьякон, растерянно улыбнулся и пожал протянутую руку.

— Молодец,— сказал Иван и тоже улыбнулся.— Ну что ж—служи. Хорошее это слово — служить, емкое. Ладно, бывай здоров. Мне пора.

Иван быстро пошел к машине.

— Теперь в город,— сказал Иван водителю.— Умер, значит, отец Петр. Счет открыт...

Наташа была сильно взволнована. С тех пор, как Иван ушел, она просто не находила себе места. Только сейчас она стала смутно осознавать, что же произошло за прошедшие сутки. Взявшись руками за голову, Наташа сказала вслух:

— Что же я наделала? Зачем отпустила его? Я должна быть рядом с ним. Обязательно должна. Должна, во что бы то ни стало.

Это желание стало настолько сильным и определенным, что исполнение его Наташа не могла откладывать ни на минуту. Она быстро собрала вещи и вышла из квартиры.

Выяснилось, что ближайший самолет будет через несколько часов. Билетов не было, но буквально в тот момент, когда Наташа стала умолять кассира выручить как-то ее, кто-то сдал билет. Наташа купила этот билет и, чтобы скоротать время, решила поехать в центр города, погулять по улицам. Наташа очень любила шум толпы и суету московских улиц.

Побродив по улицам, Наташа вышла на бульвар и, выбрав скамейку, с которой открывался наилучший вид, села передохнуть и почитать журнал. Журнал не читался, взгляд скользил по иллюстрированным страницам, ни на чем не останавливаясь. Наташа смотрела по сторонам и вдруг поймала себя на мысли, что прощается с городом, который уже стал ей родным. Она достала из сумочки билет и стала зачем-то его внимательно рассматривать. «Куда, в самом деле, приведет меня этот билет? А ведь обратного билета оттуда, куда я сейчас еду, не будет», — подумала она. Наташа аккуратно разглядела билет пальцами и положила его на место. Тот самый внутренний голос, который она всегда слухала, как голос истины, говорил ей сейчас об этом. Эту мысль Наташа восприняла без сожаления и страха. «Значит, так надо, — только и подумала она. — Я ведь не хотела ехать с Иваном, и вот — еду. В кассе не было билетов, но для меня нашелся». — Наташа достала из сумочки деньги и документы и повесила ее на спинку скамейки рядом с собой. Она посидела еще минут десять, потом встала и пошла, оставив сумочку висеть на месте. Наташа загадала для себя: «Если сумочка пропадет, значит, я оста-

нусь в Москве». В этом ее эксперименте было что-то отчаянное и, как чувствовала Наташа, злое, что-то такое, чего нельзя было делать, и все же она, сама не зная зачем, оставила сумочку на скамейке и решительно направилась к станции метро.

Она шла не оглядываясь, сердце учащенно билось. Наташа удалялась от скамейки, и с каждым шагом в ней возрастало желание броситься назад, чтобы взять билет. Это желание стало непреодолимым. Наташа остановилась, постояла несколько секунд, обернулась назад, и увидела, что к ней на роликовых коньках бежит мальчишка лет двенадцати и в руках у него ее сумка. Мальчик взмахнул сумкой и, сделав лихой разворот, остановился со словами:

— Вы забыли сумку. Возьмите.

Наташа как-то виновато улыбнулась и сказала:

— Спасибо большое.

Мальчик кивнул головой и тут же умчался в соседний переулок.

«Нет, от этого билета так просто не отделаться, да и нельзя от него отделяться. Надо лететь. Конечно же, надо. Тут и размышлять не о чем», — подумала Наташа и пошла к станции метро.

Наташа приехала в аэропорт рано. Чтобы скоротать время, она стала рассматривать витрины киосков, в которых торговали всем, чем угодно: от видеотехники до белья. Когда ей это надоело, она вышла из здания аэропорта и стала прогуливаться по площади, привлекая внимание продавщиц цветов и таксистов. Некоторые из них подходили к ней и спрашивали, не надо ли ей куда.

До начала регистрации оставалось минут пятнадцать, когда Наташа подошла к киоску, чтобы купить баночку воды. Она открыла сумку и увидела, что дно ее разрезано и сумка пуста, не было ни денег, ни документов, ни билета. Посмотрев немного на пыльный асфальт через этот разрез, Наташа рассмеялась:

— Ну уж нет, — сказала она вслух, — ничего у вас не выйдет. Вернете, кто бы вы ни были.

Наташа постояла немного у киоска, осматривая толпящихся вокруг людей, и пошла к зданию аэровокзала. Когда она уже хотела повернуть к входу в аэровокзал, то обратила внимание, что к зданию подъехал черный представительский автомобиль с затемненными стекла-

ми. Все толпящиеся вокруг таксисты и милиционеры с уважением уставились на лимузин. Охранник открыл дверь, и Наташа увидела, что из автомобиля выходит Ясницкий, а следом Сергей Малышев. Первым побуждением Наташи было подойти к Сергею, но она почему-то сделала все наоборот тому, что хотела было сделать, — спряталась за газетным киоском. «Зачем они здесь вместе?» — подумала Наташа. Она, осторожно оглядываясь, прошла в здание аэровокзала, чтобы посмотреть, куда направились ее знакомые. Как и ожидала Наташа, они подошли к очереди регистрации на самолет, на котором должна была лететь она. «Ну вот, все заинтересованные лица вновь собираются вместе. Теперь осталось только заполучить украденный билет и присоединиться к старым знакомым».

Наташа дождалась, когда Ясницкий и Малышев ушли, подошла поближе к секции, где проходила регистрация, и встала к стене напротив. Она стояла и наблюдала, как идет регистрация. Очередь, сначала такая большая, становилась все меньше, и вот у секции осталось только три человека, а до конца регистрации семь минут. А Наташа все так же неподвижно стояла и ждала. Она ждала, что кто-то должен принести ей ее билет. Твердая уверенность, что так и должно произойти, не оставляла ее ни на мгновение. Даже когда последний пассажир поставил свои вещи на весы, Наташа не сомневалась, что вот-вот кто-то принесет ей билет. И действительно, вдруг из толпы пассажиров вышел какой-то невзрачный парень и быстро и неслышно, как бегает крысы, подкатился к Наташе и сказал:

— Вот ваши документы и билет. Я нашел их у входа в вокзал.

Наташа даже не посмотрела на лицо этого человека. Она взяла протянутый ей паспорт и быстро пошла к окошку регистрации.

В паспорте был билет и несколько крупных купюр. Примерно треть от тех денег, что были в сумочке. «Позаботились обо мне. Что ж, и на этом спасибо», — подумала Наташа, забирая зарегистрированный билет.

Когда она проходила контроль, уже началась посадка, и Ясницкого с Малышевым среди пассажиров, толпящихся у входных трапов, не было. «Ну что ж, это хорошо, что мы пока не встретились», — подумала Наташа. — Встретимся в родном городе. Это было бы лучше всего. Мы обязательно встретимся, но чем позже это произойдет, тем лучше».

Наташино место было в хвосте самолета. Рядом с ней сидели двое молодых мужчин, которые ехали заключать какой-то важный для своей фирмы контракт. Через ряд сидел подполковник-артиллерист, который как сразу уставился на Наташу, так все четыре часа полета и не сводил с нее глаз. Спереди сидели пожилые дамы, которые, поворчав немного, уснули.

Наташа сразу же уловила интерес соседей к себе и всем своим видом старалась показать, что она не настроена на какие-либо контакты, и сначала ей это удавалось. Она хотела уснуть, но не спалось. В голове мелькали какие-то отрывочные мысли, и она никак не могла справиться с волнением. Тогда Наташа попробовала читать журнал, но все, что в нем было написано, показалось ей такой чепухой, что она с раздражением отложила его. На это обратил внимание ее сосед — один из двух предпринимателей, худощавый невысокий брюнет с острым взглядом.

— Могу предложить хороший детектив, — сказал он и достал книжку в суперобложке.

— Спасибо, — ответила Наташа, — я не читаю детективы.

— Вы не любите детективы? — искренне удивился сосед.

— Я не сказала, что не люблю. Не читаю.

— Любите, но не читаете? Странно.

— Но я ведь и не сказала, что люблю, между прочим.

— Действительно, так. Хм... А я их очень люблю читать, особенно в дороге. А что же нравится вам, девушка?

— Мне кажется, мы с вами незнакомы.

— Мне тоже так кажется, — согласился сосед. — Так давайте познакомимся. Олег.

— Наташа, — сказала Наташа и вздохнула.

— Так что же вы любите читать, Наташа? Или это секрет?

— Если это вас так сильно интересует — отвечу, тем более что это не военная тайна. Я обожаю комиксы. А особенно боевики, в которых главная героиня — женщина.

— Вот это да! Правда, интересно, — мужчина даже задвигался в кресле, демонстрируя свое желание занять более

удобную позицию для продолжения беседы.— Вы так не любите мужчин?

— Некоторых — очень люблю.

— Каких? — вдруг включился в разговор второй сосед, высокий, коротко стриженный блондин с резкими складками кожи на сухом лице. Его вопрос был, как своеобразный вызов, и на него нельзя было не ответить.

«Почему я должна пытаться блистать остроумием перед этими мужчинами, кокетничать и водить их за нос? А что, если я скажу им правду, что будет? Примут за сумасшедшую? Пусть думают, что хотят», — подумала Наташа.

— Каких? Мне очень просто ответить на этот вопрос.— Двое мужчин внимательно смотрели на нее, ожидая ответа.— Я люблю мужчину, который за всю свою жизнь, как мне кажется, ни разу не лгал ни себе, ни другим и никогда не пытался кем-то казаться. У него была совершенно невыполнимая цель, не понятная никому на свете, кроме него, и он достиг ее, несмотря на самые, казалось бы, непреодолимые препятствия. Что бы он ни делал, он делал со всей страстью, и перед натиском его ума и воли ничто не могло устоять, и я в том числе. Он слишком поздно узнал, что такое любовь, ему это просто не было дано до поры. Полюбить меня, как я бы этого хотела, он не успел, но это не главное, конечно. И он никогда не был моим, никогда...— сказав это, Наташа замолчала и даже не посмотрела на собеседников.

— А что в нем главное? — спросил блондин.

— Главное? Главное — его любовь к истине.— Наташа быстро взглянула на задавшего этот вопрос.— Что, странно?

— Весьма. И он узнал, что есть истина? — без тени усмешки спросил блондин.

— Он — узнал, — с уверенностью сказала Наташа.

— И что же есть истина? — улыбнулся блондин, и его суровое лицо сразу преобразилось, как бы засветившись изнутри. Он, видимо, был добрый человек, несмотря на суровую наружность.

— Этого он мне не сказал, — сказала Наташа и улыбнулась в ответ.

— Да, высокие у вас требования, девушка.

— У меня не требования, а только факт моей биографии.

— А я думал, вы скажете, что истина — это любовь.

— Вообще говоря, я не люблю этого слова — истина, — ответила Наташа.— Оно совершенно мужское, потому что мужчины в своих стремлениях всегда пытаются определить цель, а не путь.

— Я думаю, что истина — это может быть и путь, — ответил собеседник.— Впрочем, это не важно, не об этом речь. Этот ваш избранник, наверное, ученый?

— В высшей степени, но самое интересное, что это не главная его профессиональная характеристика. Понимаете, он не ученый, а...— Наташа долго пыталась подобрать определение, — он полководец идей, вот кто он. Ученый — тот, кто познает, а Иван — творил свой мир. И это творчество было, как битва. Он жил в состоянии битвы на поле боя десять лет и не проиграл ни одного сражения, которые шли изо дня в день непрерывно.

— Хорошо, понятно. Ну а что он дал вам?

— Мне? Станный вопрос.

— И все же.

— Возможность любить его — вот что. Что он еще мог мне дать?

— И этого достаточно?

— А разве я похожа на женщину, которая не способна позаботиться о себе сама?

— Нет, нет, не похожа, — согласился собеседник.— Да, интересная вы женщина.

— Спасибо.

— И вы расстались?

— Нет, мы не можем расстаться и не расстанемся никогда.— Сказав так, Наташа решительно кивнула головой.— Никогда. Наши судьбы связаны, и нет такой силы, которая нас смогла бы разлучить.

Мужчина даже прикусил губу и долго молчал, глядя на Наташу.

— А судьба?

— Для меня нет такого понятия, есть другое. Никаких случайностей с нами быть не может, потому что мы делаем в этом мире одно дело.

Мужчина еще раз взглянул на Наташу, отвернулся и ничего больше не сказал. Посидев немного, он произнес:

— Можно еще один вопрос?

Наташа кивнула.

— Я хотел бы увидеть вашего избранника. Только увидеть. И буду вам благодарен за это, очень. Это возможно?

— Это возможно только завтра, точнее, сегодня днем, и только если вы бросите все ваши дела и поедете со мной сразу из аэропорта.

— Только так и никак больше?

- Да -

— Жаль. Еще одна возможность упущена...

— Что — судьба? — спросила Наташа и улыбнулась.

— Наверное. А точнее — не судьба...

Мужчина печально покачал головой, устроился в кресле поудобней и отвернулся к окну.

— Может быть, выпьем чего-нибудь? — предложил его товарищ.

— Давай спать, Максим. Надо спать, — сказал первый, не поворачиваясь. — • Нам ведь надо сделать сегодня такое дело. Такое дело...

Наташа едва заметно улыбнулась, быстро взглянула на подполковника, который все так же, не отрываясь, смотрел на нее, и закрыла глаза.

5

Наташей овладело странное ощущение, будто она именно сейчас, находясь на пути в родной город, делает какое-то дело, исполненное глубокого смысла. Какое именно это было дело, она не знала, что не меняло сути этого чувства. Более того, ей казалось, что именно сейчас она начинает жить так, как надо жить, и ничто более не заставит ее свернуть с выбранного пути. У нее не было никаких сомнений в том, что она делает. Она знала, что все сделает совершенно правильно. Это было ощущение, в основе которого была глубокая, спокойная уверенность в том, что вся ее жизнь, несомненно, будет счастливой и правильной. И вскоре Наташа уснула под мерный рев двигателей.

Малышев и Ясницкий летели в бизнес-классе. Сергею никак не удавалось уснуть, хотя он очень хотел забыться. И Ясницкий тоже не спал. Он смотрел перед собой и, казалось, о чем-то размышлял. Но на самом деле он ни о чем не думал, находясь в состоянии, когда какие-то от-

рывочные мысли и образы наполняют мозг, не соединяясь в нечто связанное. И уснуть ему тоже не удавалось, но даже и желание уснуть было каким-то неопределенным. Ясницкий мог справиться с любым волнением, он за долгие годы усиленной тренировки своей воли научился управлять чувствами и мыслями и считал это одним из своих главных достижений. «Свобода начинается с власти над самим собой, — любил повторять он себе. — Надо справиться с этим отупляющим растерянным состоянием, — наконец решил он. — Что я сейчас хочу больше всего? Чего лукавить, я хочу увидеть Наташу. Хотя бы увидеть. И я, направляясь в этот проклятый городок, более всего надеюсь именно на встречу. Дорого бы я заплатил, чтобы увидеть ее, и еще дороже, если бы смог с ней поговорить. Наконец-то поговорить нормально, чтобы она не избегала меня и не отворачивалась, как всегда. И в основе этого желания теперь уже не страсть или любовь, нет, это гораздо глубже. Это мой протест против судьбы, которая не позволяет мне реализовать свою мечту о счастье. Иван стоит между нами, как преграда, которую я не в силах преодолеть. Пока не в силах. Но теперь я, по крайней мере, отчетливо осознаю, что именно Наташи мне не хватает, чтобы у меня было все, что мне необходимо в жизни. И нечего себе врать. Ее я ничем и никем не заменю. Бог мой, как бы я хотел ее увидеть. Дай мне это счастье».

Сергей вновь начал размышлять о том, как он запустит в оборот полученные у Ясницкого деньги. Уже здесь, в самолете, появилось несколько интересных идей, и теперь Сергей обдумывал их. Это заняло его совершенно. «Как некстати эта поездка! Но за все надо платить». Сергей не роптал на судьбу, а старался придумать такие варианты, которые бы позволили ему реализовать свои цели наилучшим образом, несмотря ни на что.

У Сергея была привычка ходить по кабинету, когда он что-то обдумывал. Иногда он даже выходил из офиса прогуляться, когда надо было обдумать очередную проблему. Сергей встал и пошел по проходу между рядами. Сергей не смотрел на лица пассажиров, ему было не до этого. Он прошел средний салон и хотел было идти дальше, но тут самолет сильно тряхнуло. Загорелось табло, приглашающее всех сесть и застегнуть ремни. Командир корабля объявил, что самолет проходит зону,

активных воздушных потоков, и всем надо сесть и застегнуть ремни. Сергей хотел было проигнорировать это объявление, но из кабины вышла стюардесса и вежливо, но весьма настойчиво предложила ему занять свое место. Тут самолет еще раз сильно трянуло, и Сергей отправился назад.

Как только он сел в кресло, ему в голову пришла, наконец, та самая долгожданная идея, которая и не давала ему заснуть, беря мысли. Теперь он знал, что будет делать, когда вернется назад, в Москву. Удовлетворенный открывшейся ему перспективой хорошо заработать, Сергей тут же задремал.

Ясницкий посмотрел на него и подумал: «Уснул. И мне надо уснуть. Надо. Хватит поддаваться эмоциям и ложным ожиданиям. Нужна светлая голова, и неизвестно, удастся ли поспать сегодня ночью. Спать».

Через некоторое время и он погрузился в сон.

6

Уже был вечер, когда Иван добрался до родного города. Ночевать ему было негде, потому что ключа от своей квартиры у него не было, и он даже и не знал, что с этой квартирой и кто в ней сейчас живет. Но он и не собирался идти ни в какую квартиру. Сначала надо было уничтожить рукопись, а потом уже думать, что делать дальше.

Иван вышел из автобуса и от остановки направился напрямик к лесу, где находилась заветная гора. Когда он вышел на липовую аллею, идущую параллельно гряде высоких скалистых холмов, у подножья которых был расположен город, он услышал знакомый голос:

— Иван! Иван, не ты ли это?!

Иван обернулся и увидел Свету. Она стояла рядом с детской коляской. Света оставила коляску и побежала к нему. Иван быстро пошел навстречу ей. Света подбежала к Ивану и, задержавшись на мгновение, бросилась ему на шею и три раза поцеловала его в щеки.

— Я последние несколько дней только о вас с Наташей и думала. Сердце мне подсказывало, что увидимся. И вот увиделись. А где Наташа?

— В Москве осталась, — ответил Иван. Он совершенно искренне обрадовался и не скрывал этого.

— Как я рада тебя видеть! Ты даже не представляешь. Надолго к нам?

— Завтра меня уже здесь не будет. Как ты живешь?

Света подошла к коляске, наклонилась и бережно взяла на руки ребенка.

— Вот, посмотри, это Иван, ему уже десять месяцев, и он меня очень любит.

Иван подошел поближе и долго, почти затаив дыхание, смотрел на ребенка. Малыш спал.

— Очень любит гулять и слушать, как с ним разговаривают.

Иван все так же смотрел на ребенка, будто изучая его, разглядывая, как разглядывают редкое произведение искусства.

— Как тебе мой сын? — спросила Света. Ребенок услышал голос матери и открыл глаза. Глаза у него были черные и большие. Сначала он увидел мать и улыбнулся, потом перевел взгляд на Ивана. Иван улыбнулся ребенку, подошел поближе и сказал:

— Привет, Иван, можно тебя взять на руки? — Малыш потянулся ручонками к матери, и Света посадила его на руку, ребенок обнял мать за шею и внимательно посмотрел на Ивана, как бы изучая, что это за человек. — Ты знаешь, Иван, мне ни разу в жизни не приходилось не то что держать ребенка, но даже и видеть вот так близко. Честное слово. Я, конечно, знал, что дети есть, но знать и понимать — это совсем разные вещи. Ты, я вижу, очень любишь маму. Ты — счастливый человек. Поделись со мной своим счастьем, а я передам тебе свое знание. Давай? — тихо, почти шепотом сказал Иван ребенку, потом улыбнулся, отдал Свете Библию, которую взял зачем-то с собой из самолета, и протянул к ребенку руки, чтобы взять его. Света посмотрела на сплетенные из жил запястья Ивана, и в голове у нее промелькнула мысль: «Ведь ему ничего не стоит раздавить этими руками не только беззащитного ребенка, но и взрослого мужчину...»

Но Света тут же прогнала эту шальную мысль и сказала, обращаясь к сыну:

— Пойдешь к дяде на руки, Ванечка?

Иван аккуратно, как только мог, взял ребенка на руки. Малыш посмотрел было на мать испуганными глазами,

но увидев, что она улыбается, успокоился и повернулся к Ивану.

Иван почему-то почти не чувствовал веса ребенка, как будто он держал на руках не маленького человека, а нечто невесомое, бесконечно ценное и не от мира сего. Иван взглянул на Свету и спросил:

— Чей он сын?

— Мой, чей же еще.

— А отец?

— Отец его далеко, так далеко, что лучше и не думать об этом. И не спрашивай, Иван. Но важно, что Ванечка — результат любви и взаимного согласия.

— Ладно, не буду спрашивать, — сказал Иван, и вдруг спросил: — А можно, я буду считать его своим ребенком?

— Ты так хочешь, чтобы у тебя был сын?

— Очень. Я просто знаю, что мне совершенно необходим ребенок.

— Иван, ты такой умный, сильный, и красивый. Что тебе мешает? — Света рассмеялась, но смех этот был искусственный, она поняла, что Иван сейчас говорил серьезно и сказанное им очень важно для него.

— Время. У меня совсем нет времени, Света.

Света почувствовала, что ей не следует сейчас задавать больше вопросов.

— Ну, ладно, — согласилась Света. — Давай еще спросим у Ванечки. Как ты к этому относишься, сынок? — Ребенок важно сидел на руках Ивана. — Молчание — знак согласия. Вступай в права крестного, Иван.

— Я попрошу у Бога, чтобы этот ребенок получил от меня все лучшее, что у меня есть.

Света украдкой посмотрела на Ивана и увидела его спокойный и светлый взгляд, в котором не было ни малейшей тени сомнения и какой-либо неправды. «Боже мой, каким он стал, — подумала Света. — Все знает и понимает».

— Это будет моя единственная просьба, и верю, она исполнится, и тогда перед этим ребенком откроется весь мир, и он будет счастливым человеком, потому что всегда будет знать, для чего он живет и как надо жить. Спасибо, Света. — Иван погладил малыша по головке и отдал матери. — Я пойду, у меня есть здесь одно срочное дело.

— Ты должен зайти ко мне в гости. О тебе часто вспоминал мой отец. Для него будет большая радость увидеть тебя. Приходи обязательно.

— Когда?

— Когда ты освободишься.

— Через час-полтора.

— Отлично, как освободишься, сразу и приходи, — сказала Света и положила ребенка в коляску.

Иван махнул Свете рукой и быстро пошел в сторону леса.

Света проводила Ивана взглядом, потом посмотрела на красный шар заходящего за гору солнца, зажмурилась, сдерживая слезы, решительно тряхнула головой и быстро направилась к дому.

7

Когда Иван вошел в лес, солнце уже зашло за горизонт, и стало быстро темнеть. Он упруго шел по мягкой, посыпанной прошлогодней хвоей тропинке. До желанной цели было недалеко — всего-то минут двадцать быстрой ходьбы. Ивана несколько удивило то, что когда-то широкая и хорошо утоптанная тропинка теперь стала совсем узкой и вся почти заросла травой. Чем дальше Иван заходил в лес, тем больше он ощущал страх — чувство, которое ему ранее было почти неизвестно. Казалось, что весь лес был наполнен этим страхом, все говорило Ивану, чтобы он повернул назад. У Ивана было ощущение, что он нырнул в море и стремится достичь дна, зная, что это невозможно, что у него не хватит воздуха и он задохнется. Но, несмотря на эти странные и страшные мысли, Иван все так же решительно шел вперед к своей цели. «Откуда этот страх? Может быть, где-то кроется опасность и Бог предупреждает меня о ней таким образом? Или Он этим хочет сказать, что я не должен уничтожать рукопись? Но почему? — думал Иван. — Может быть, она уже предназначена кому-нибудь другому? Ну нет уж, это мой труд, я сделал его, когда был совершенно свободен, и он принадлежит только мне. И я должен этот свой труд уничтожить».

Ивану вдруг показалось, что следом за ним кто-то идет. Это ощущение было столь внезапным и сильным, что Иван мгновенно обернулся, готовый для молниеносного броска. Но сзади никого не было. Ивану тут же показалось, что опасность поджидает его с другой стороны. «Это Сатана! Это его работа. Он здесь, он следит за мной,— с ужасом подумал Иван,— и этот страх — это от него». Иван развернулся, ожидая нападения, потом еще раз, теперь ему казалось, что опасность поджидает его отовсюду. Он прижался спиной к толстой высокой сосне и попытался успокоить дыхание.

Никогда раньше Иван не переживал такого глубокого, беспричинного страха. Он был столь силен, что Иван почти потерял способность мыслить и анализировать ситуацию. Собрав все свои душевные силы, Иван постарался найти причину этого животного, необъяснимого страха. Но ничего не шло в голову. Преодолеть страх удалось только тогда, когда Иван решил для себя, что он готов умереть в любой момент. Он с трудом оторвался от сосны и медленно, казалось, преодолевая тяжесть пудовых гирь, привязанных к ногам, пошел вперед, вверх по горе, на которой лежала его рукопись. Все внутри Ивана говорило, что ему нельзя идти туда, что стоит ему повернуть назад — и исчезнет эта чугунная тяжесть в ногах и беспричинный, всепоглощающий страх. «Может быть, мне просто жалко уничтожать свой многолетний труд,— подумал Иван,— поэтому все во мне сопротивляется тому, чтобы я шел туда». Наконец он вышел на гриву горы, которая вела к месту, где лежал камень; осталось метров сто, не больше.

— Господи, что мне делать? Неужели уйти прочь? — обратился Иван к Богу.

— Да,— услышал он ясный ответ.

— Но почему?

— Ты не должен этого делать.

— Но ведь там спрятана угроза Тебе.

— Не должен...

— Боже мой, кто же это вместо Тебя овладел сейчас моей душой! Нет, я должен, должен уничтожить ее.

Вот и заветный камень, он вырос перед Иваном внезапно, будто не лежал здесь, а бесшумно свалился с неба. Иван осмотрелся по сторонам, расставил пошире ноги, встряхнул плечами и, взявшись за камень, потянул его вверх. Тут Иван вспомнил, как он поднимал этот камень

четыре года назад, когда прятал рукопись. Тогда камень легко поддался, и Ивану казалось, что у него хватит сил даже перевернуть его и столкнуть с горы. Но на этот раз камень лежал, как вкопанный, словно он стал частью скалы, пустив в нее корни. Иван предпринял еще одну попытку, его мышцы напряглись в страшном усилии, казалось, что они порвутся, не выдержав напряжения; в глазах поплыли красные круги, в ушах зазвенело. Камень даже не шелохнулся, и Иван со всей отчетливостью понял, что ему не удастся его приподнять. Вместе с этой мыслью пришло успокоение, словно бы камень забрал в себя весь страх и напряжение последних мгновений. Иван упал на колени и уткнулся лбом в розовый гранит, ощутив его приятную прохладу.

— Видимо, не судьба,— прошептал Иван. Он положил Библию на камень и сел прямо на скалу, оперевшись о выступ спиной. Отсюда даже сейчас, в сумерках, хорошо были видны покрытые лесом горы на другой стороне реки. Солнце уже зашло, и здесь, на вершине горы, на ее северо-западном склоне, было сумрачно. Узкая багрово-красная полоса заката, в которую были вогнуты острые вершины деревьев, быстро растворялась в глубокой и таинственной, как космос, синеве наступающей ночи.

Иван, как зачарованный, смотрел на закат. «Ведь это последний закат в моей жизни,— подумал он,— но должен быть еще один восход. Должен, но будет ли? — Ивану никуда не хотелось идти, ему казалось, что лучший способ провести оставшееся у него время — здесь, у этого ставшим надгробным камня, над могилой, где похоронена Система — труд всей его жизни.— А вдруг тот страх, что охватил меня, был из-за ощущения погони? Вдруг за мной следят? И кто-нибудь видел меня здесь? Если это так, то мне надо немедленно уходить отсюда, чтобы не привлекать к моему тайнику лишнего внимания». Силы вернулись к Ивану, он быстро встал и, не оглядываясь, быстро пошел вперед — к реке. Крутой спуск к ней начинался буквально в десяти метрах.

У самой вершины горы была глубокая расщелина, точнее, это была ровная площадка, окруженная с четырех сторон вертикальными гранитными стенами метра четыре высотой, пройти в нее можно было через довольно узкий проход. Когда-то мальчишкой Иван ночевал

здесь с друзьями, и у него до сих пор осталось ощущение страха, владевшего им тогда: вдруг гранитные стены сомкнутся и скала поглотит его. На несколько секунд остановившись у расщелины, чтобы посмотреть на нее сверху, Иван быстро пошел вниз, перескакивая с камня на камень. Спуск к дороге, которая шла в город вдоль реки, занял не более десяти минут. «Я сейчас найду рычаг попрочнее и все же вернусь сюда,— решил Иван, когда вышел на дорогу,— рукопись ни в коем случае нельзя оставлять на этом свете». Иван наклонился, чтобы отряхнуть испачканные брюки, а когда разогнулся, то увидел на дороге, метрах в двадцати от себя, человека, который возник непонятно откуда. Человек был в джинсах и спортивной майке черного цвета, его силуэт едва различался на фоне темного леса. Иван замер. Но он еще ничего не успел подумать и предпринять, когда незнакомец отчетливо сказал:

- Джон Берд, он же Иван Свиридов, не бойся меня.
- Кто ты такой? — спросил Иван.

Незнакомец быстро подошел к Ивану и остановился метрах в трех.

— Меня послал Зильберт — сказать тебе, что ты свободен и можешь жить, как хочешь, храня свою тайну.

— Что еще он сказал?

— Больше ничего.

— А как ты попал сюда, в этот город, как нашел меня здесь, и почему я должен тебе верить?

Лицо незнакомца было самым что ни на есть обычным и ничем не примечательным, так же, как и весь его облик. Иван никогда не видел этого человека.

— Все это не так уж сложно. Я очень спешил, чтобы успеть к сроку, ведь он заканчивается завтра. Не так ли?

— Да, так. Как чувствует себя Зильберт?

— Зильберт умер позавчера.

— Чем ты подтвердишь, что все сказанное тобой — правда?

— Ты помнишь пароль Самаэля?

— Да, конечно.

— Кто знал его, кроме тебя?

— Только Зильберт.

— Я могу тебе назвать его.

— Назови.

Незнакомец назвал пароль.

— Зильберт приказал передать тебе, что ты свободен от всех своих обязательств, Иван, живи и постарайся быть счастливым. Никто не будет больше интересоваться твоими открытиями.

— Свободен... Свободен! Я свободен... А впрочем,— Иван хотел было еще что-то сказать, но незнакомец сделал шаг в сторону и растворился в темноте леса. «Может быть, это он следил за мной в лесу и мой страх был не совсем уж беспричинным? Но тогда он знает, что я пытался приподнять этот проклятый камень. „Никто не будет больше интересоваться твоими открытиями“, — вспомнил Иван слова незнакомца. Он покачал головой, постоял немного, огляделся по сторонам и быстро пошел в город.

8

Иван шел к Светиному дому. Было уже довольно поздно, на улице не было ни одного человека, не проехал ни один автомобиль. Иван шел мимо места, где его жестоко избили когда-то. «Может быть, тогда мне повредили что-то в голове и это было причиной всех последующих событий в моей жизни? — подумал Иван. — Нет, это невозможно. Систему я в основном создал до этого, Самаэль — это реальность. Лийил? То, что я пережил с его помощью, — для меня реальнее, чем это небо и эта река. Да и, вообще говоря, что такое реальность? Реальность существует только для Бога, все то, что люди считают реальностью, — это отражение Его воли. Сегодня я — реальность, завтра нет меня и есть уже другая реальность, в которой меня никогда не было. И если уже все идет к тому и я это отчетливо вижу, значит, не в чем и сомневаться. И все-таки не с того ли рокового удара велосипедной цепью по голове начался мой путь к сегодняшнему дню? Ведь Бог первый раз разговаривал со мной, когда я был без сознания».

До Светинога дома отсюда было совсем рядом. Когда Иван открыл калитку, к нему с лаем бросился пес. Иван сразу узнал Рекса — любимую овчарку хозяина. Глаза собаки светились зеленым светом, отражая уличные фонари, а белые клыки были хищно оскалены.

— Рекс, дружище. Не сердись, мы же с тобой знакомы. — Рекс перестал лаять, заворчал и сел, ни на секунду не сводя взгляда с Ивана. — Правда, познакомились мы с тобой давно, и знакомство было коротким. Но все же я был представлен тебе дочерью твоего хозяина. — Иван протянул к собаке раскрытые ладони, чтобы показать свои добрые намерения. Рекс наклонил голову набок и зашевелил ушами. По-видимому, он вспоминал, видел ли он этого человека. Наконец вспомнив, что видел, он вильнул хвостом, давая понять, что можно войти. Иван осторожно подошел к собаке и протянул руку, чтобы погладить ее. Ему очень хотелось приласкать этого старого, умного, так и хотелось сказать — мудрого, пса. Рекс напрягся, готовясь в случае чего молниеносно вонзить зубы в руку, но позволил Ивану несколько раз провести ладонью по голове. Иван увидел, что морда у пса была седая. Иван присел на корточки и потрепал пса за ухом.

— Я всю жизнь очень хотел, чтобы у меня была собака, такая же, как ты, Рекс. Мне кажется, что у тебя есть самые лучшие человеческие качества, только души нет и говорить не можешь. Но души и у многих людей нет, а что касается способности говорить и мыслить словами — лучше бы этих способностей у тех, кто не имеет души, было поменьше. Так-то, дружище, очень я люблю вас, собак. В мире, куда я отправляюсь, у меня будет собака, может, и с тобой там встречу. — Рекс, казалось, внимательно слушал Ивана, смотря куда-то вперед и вверх, словно он старался увидеть или учуять там подтверждение словам Ивана. И, наверное, почуяв это подтверждение, Рекс тихо и коротко заскулил. — Тебе тоже недолго осталось жить, дружище, что поделаешь... Могу сказать только тебе и по секрету: хоть я и знаю, что меня ждет в моей предстоящей иной жизни, все равно жить страшно хочется. Больше всего на свете теперь мне хочется жить. Прощай, дружище. — Иван поднялся и еще раз бережно погладил пса по морде, потом пошел к входу в дом. Пес на прощанье вильнул хвостом, глубоко и шумно вздохнул и лег, положив голову на лапы.

Как только Иван нажал на кнопку звонка, дверь тут же открылась. Его встречала Света, а вслед за ней вышел отец, Михаил Степанович. Иван сразу увидел, что он сильно изменился. Четыре года назад это был мужчина, каждое слово и жест которого выражали уверенность, теперь же пе-

ред ним стоял, казалось, другой человек, с лицом, утратившим начальственность, но обретшим какое-то мудрое успокоение. Нельзя сказать, что он выглядел нездоровым или что он состарился. Но то, что он удалился от своей прежней директорской жизни и привычек, было видно во всем: в выражении глаз, очертании рта, положении плеч, походке — в десятках неувловимых деталей, по которым люди безошибочно составляют свое первое впечатление о человеке.

Иван направился к хозяину дома. Михаил Степанович улыбнулся и протянул Ивану руку.

— Очень рад тебя приветствовать в своем доме. Очень. Только вчера мы со Светой говорили об Иване Свиридове — и вот он сам.

Иван вошел в ту самую комнату, где он встретил когда-то Наташу, и увидел, что на диване сидит Сергей. Сергей тут же встал, приветливо улыбнулся и подошел к нему поздороваться.

— Да, да, и я здесь. Не вытерпел, приехал.

— Я рад тебя видеть, Сергей.

— Теперь не хватает только Наташи, — ответил Сергей на приветствие.

— Все собрались, а она не приехала. Как жаль, — сказала Света.

— Я думаю, придет и она, — сказал Сергей.

— Правда, вот было бы здорово, — Светлана всплеснула руками, а ее большие глаза стали еще больше.

— Приедет, раз уж все приехали, и она придет, — еще раз подтвердил Сергей.

Длинный стол, за которым вполне могло разместиться человек двенадцать, был накрыт на четыре персоны, причем приборы стояли как-то странно. Хозяин дома сел во главе стола, видимо, на свое хозяйское место, рядом с ним, сбоку, Света посадила Сергея. Ивану она предложила сесть напротив Михаила Степановича, а сама села рядом с ним, у противоположной от Сергея стороны стола.

— Что ты нас так странно посадила, Света? — спросил отец. — Даже налить вина гостю просто так не получится.

— Зато видно всем друг друга хорошо, к тому же я хочу посидеть рядом с Иваном, — сказала Света.

— Ну что ж, тогда позвольте мне сказать тост. — Михаил Степанович встал, поднял бокал с вином, —

Я уже пожилой человек, и само по себе это обстоятельство не слишком огорчает меня. Жалко только, что с возрастом многие радости как-то потихоньку уходят из жизни, и на их место, увы, больше приходят печали, а не другие радости. Близких людей, которых я любил, становится все меньше. Поэтому так дороги бывают встречи с теми, кто приносит в дом истинную радость,— радость встречи с друзьями. Я хочу поблагодарить судьбу за то, что она предоставила мне возможность увидеть вас, друзей моей дочери. Я хочу, чтобы вы сейчас, каждый из вас, загадал свое желание, как вчера загадал я, и пусть оно исполнится, как исполнилось мое. В исполнении своего желания я вижу самый добрый знак. Друзья, выпьем за радость встречи.— Он отпил немного из бокала и поставил его на белоснежную накрахмаленную скатерть.

Есть никто не стал. И Света никому ничего не предлагала, все молчали и смотрели друг на друга. Наконец хозяин сказал:

— Иван, Сергей говорил о том, что ты был все это время занят какой-то научной работой в Америке. Расскажи, что ты такое делал или хотел сделать, если это можно.

— Что я хотел сделать и что я сделал, я расскажу. Это можно.— Взгляд Ивана стал сосредоточенным, было заметно, как он тщательно подбирает слова.— Мне необходимо сказать о том, что я сделал, потому что другой возможности, по-видимому, уже не будет.— Иван остановил свой взгляд на хозяйне дома и продолжил: — Так вот, Михаил Степанович, я хотел сделать математическую модель развития вселенной и человечества. Ученые в один голос говорили, что это невозможно, но мне это удалось. Поверьте мне на слово. Мне это удалось, я доказал, что Бог есть, я установил Его сущность и способ управления вселенной, я узнал, что может быть причиной Конца света, и в чем состоит бессмертие человека, и как оно осуществляется. Мне осталось только сделать последний шаг, но в последний момент я отказался. Ключ от неба один, и он должен быть у Бога, создавшего мир, в котором мы с вами живем.

Директор слушал Ивана, не сводя с него глаз, а когда тот закончил говорить, сказал:

— Ты не поверил в Бога, а узнал о Нем. Для тебя свидетельство Его существования не священная книга, не свя-

щенное предание и даже не откровение, данное тебе лично, а собственный разум. Так?

— Да. Для меня доказательством существования Бога стала моя физическая теория. Если бы я довел ее решение до конца, то стал бы Богом сам или Бог бы уничтожил наш мир, чтобы не допустить этого.

— А почему Бог не мог уничтожить только тебя? — спросил директор.

— Бог сам не делает ничего из того, что запрещал людям. Если бы Бог мог уничтожить меня, значит, Он мог допустить и Освенцим. Конец мира — это другое. Это не убийство. Вы способны найти оправдание причинения любого вреда любому человеку в Библии?

— Думаю, что нет,— быстро ответил директор.

— А Торквемада нашел, и крестоносцы нашли, говорят, даже расовое превосходство оправдывают Библией. Все зависит от того, кто ее читает. В свою очередь, мусульмане нашли в Коране оправдание войне, назвав ее священной. Бог открывает себя каждому человеку настолько, насколько хочет себя открыть. Никакие усилия человека, который не призван для этого Богом, не помогут ему узнать и полюбить Бога и Его творение и поверить в Бога, пусть он молится и читает Писание хоть каждый день. Но все же Богу угодно, чтобы Библия или Коран были для избранных Им к спасению свидетельством Его существования и Его воли. Значит, для того, кто верит в это, они и есть истинное слово Божье.

— А как же относиться к утверждениям религий об их истинности?

— Любая вера, исповедующая любовь к Богу и Его миру, истинна, если она не пытается заменить власть Бога над верующим властью любого земного авторитета — личности, книги или теории. Насилие, пусть и оправдываемое религией, дорога в ад, точнее, в небытие.

— Все добро от Бога? А как же человеческая свобода, Иван?

— Свобода? Это сладкое слово — свобода... Если бы Бог забрал свободу у всех людей, то на Земле бы не было зла. Призванный пытается найти дух Бога в каждом человеке — это главное, чем отличаются призванные от свободных. Любить Бога, прежде всего, значит любить Его творение.— Иван посмотрел на хозяина дома.— Бомба, ваша бомба — это ведь вас беспокоит, директор?

— Да, Иван.
— Но теперь вы видите, что Бог здесь ни при чем: и Хиросима, и Чернобыль, и Освенцим — это не карающая Его десница, а зло, рожденное человеческой свободой.

— И в чем же наше спасение, Иван?
— В осмыслении ценности каждой человеческой жизни — вот в чем.

— Христос же спас всех нас, — тихо сказал директор.
Иван поднялся из-за стола, подошел к окну и посмотрел в ночь, потом повернулся и сказал:

— Спасти может только Бог. Никто не может искупить грех, которого нет и не могло быть. Абсолютно всемогущий и абсолютно благодетель Бог не допускает и не допускал никогда нарушения своей воли. Все, что происходит помимо записанного в Книге, лишь иллюзия свободных людей, для Бога существует лишь вечное, и о нем Он позаботился до начала времен. Нет и не может быть искупителей, потому что это бы говорило об ограничении Божественного могущества и благодетельности. Ни у кого перед Богом нет вины, поэтому никто Им и не оправдывается. Он не прощает грехи призванных и не оправдывает их, но призванные не стремятся к греху, потому что это глубоко противно их внутренней природе. Оправдание, как следствие призвания, было всегда, со времени сотворения мира, и оно не связано с какой-нибудь определенной религией или философией.

— Ты хочешь сказать, что Христос — не Бог? — спросил директор.

— Да, именно это. Он — сын Божий, как и всякий человек. Тот, кто будет судить людей, уже всех рассудил, и если нам суждено увидеть в этот несчастный день Его в человеческом облике, что ж, на то Его воля. Но это вовсе не будет значить, что нас пришел судить Иисус из Назарета.

— Значит, то, что у нас в России сейчас творится, — не есть признак ее проклятости, — сказал Сергей. — Что ж, это уже легче.

— Всякая власть не от Бога. Все, что творится в России, — лишь признак, что в ней слишком много человеческой свободы и слишком мало призванных Богом.

— Вот как?

— Да, именно так.

— Иван, а ты мог бы создать свою церковь? — спросил директор.

— Свою церковь? Зачем? Зачем Аврааму была нужна церковь? Единение призванных уже существует — и там, у Бога, и здесь, на Земле. Это единение и есть настоящая церковь. Для Бога нет ни христиан, ни мусульман, ни язычников, ни иудеев, ни буддистов, ни индуистов, есть только любящие Его и Его творение.

— Так будет ли все же Конец света, Иван? — спросил Сергей. В его вопросе было выражено явное желание закончить этот странный и затянувшийся разговор.

— Он возможен, потому что мир познаваем. Но в ближайшее время его не будет — это точно.

— Чего ты так боишься, Иван? — вдруг спросил Михаил Степанович и встал. — Ты совсем бледный. Что случилось?

— Пока я был свободным, я очень боялся смерти; если честно, то и сейчас боюсь. Не только дни мои, но и часы сочтены. Я говорю вам это спокойно не для того, чтобы вы сочувствовали мне или пытались меня спасти. Это невозможно. Волею Бога все, что касается меня, на земле и в памяти людей будет уничтожено в момент моей смерти. И это все, что вы, Михаил Степанович, и ты, Света, должны были от меня услышать. А тебе, Сергей, надо еще знать вот что: Зильберт умер, я это знаю, он освободил меня от своей опеки и отдал такой приказ, так что делай свое дело смело. Это только твой выбор.

Сергей тут же молча поднялся из-за стола и вышел из комнаты. На кухне он достал из кармана сотовый телефон, набрал номер Ясницкого и сказал:

— Он здесь, и Зильберт его не защищает.

— Кто это сказал? — спросил Ясницкий.

— Иван.

— Ты думаешь, что это правда?

— Уверен. Все, что он говорит, — правда.

Сергей вернулся в комнату и сказал:

— К сожалению, мне надо идти.

Света проводила Сергея и вернулась. Ее отец и Иван все так же сидели напротив друг друга и разговаривали, не притрагиваясь к еде.

Удивительно, но и Михаил Степанович, и Светлана будто бы пропустили заявление Ивана о близкой смерти мимо ушей. Разговор продолжался в прежнее русло.

— Значит, и атеисты могут иметь бессмертную душу, — сказал отец. — Мне почему-то всегда так и казалось.

— А вы считаете себя атеистом? — спросил Иван.

— Теперь я уж точно не атеист, да и раньше, если честно, — не знаю, был ли им. Я как-то никогда об этом не задумывался, и только теперь, когда вышел в отставку и у меня появилось много свободного времени, стал думать о том, правильно ли я жил. Ведь я всю, почти всю жизнь очень целеустремленно и грамотно делал самое страшное оружие, то есть как раз то, что противно замыслу Бога. И я всегда считал и сейчас считаю, что если бы мы его не сделали, то неизвестно, что бы было с нашей страной. Что скажешь на это, Иван?

— Если бы ваша бомба взорвалась, значит, вашего имени нет в Книге жизни. Просите Бога, чтобы она никогда не взорвалась.

— Так, ясно. Но если я тебя правильно понял, просить Бога о чем-либо бессмысленно, потому что Он все определил заранее, главное — это покорность Его воле.

— Он все определил заранее, и слова вашей молитвы тоже. Если вы молитесь, значит, бомба не взорвется.

Иван все явственнее ощущал, как его охватывает какое-то странное беспокойство. Казалось, что он срочно, должен сделать что-то очень важное, но забыл, что именно. Он несколько раз растерянно посмотрел на Свету, потом на ее отца, и они поняли, что его мысли уже не с ними, что он вот-вот должен уйти. Они были словно заморожены Иваном, и никто из них даже не подумал, куда и зачем он собирается идти и что нужно помешать ему сделать это.

Иван решительно поднялся из-за стола.

— Мне тоже пора идти.

— Что ж, Иван, спасибо, что пришел. Приходи еще. Я всегда рад тебя видеть, — сказал директор и тоже встал.

Иван поднял бокал с вином и сказал:

— Я никогда больше не приду сюда, так надо, но то, что я сделал, было сделано не зря. Верю, что если и придут другие, из таких, каким был я, жизнь будет продолжаться вечно, как вечен Бог. — Иван отхлебнул один глоток из бокала и поставил его на стол.

Света увидела, что глаза Ивана остановились, он смотрел прямо перед собой и, казалось, ничего не видел, лицо его как-то сразу осунулось. Он попытался сосредоточиться и посмотрел на Свету взглядом обреченного человека. И Света окончательно поняла, что Иван действительно

прощается с ней, что она его больше никогда не увидит. Света сделала невольное движение к Ивану, но он сразу отстранился, как бы давая понять, что ей не следует выражать свои чувства. Он сказал:

— Я счастлив, что встретил тебя сегодня. Мне пора идти.

После этого Иван быстро попрощался с хозяином и вышел из дому. Света не пошла его провожать.

9

Была уже глубокая ночь. Холмы выделялись на фоне неба черными силуэтами. На небе Иван не увидел ни одной звезды. Воздух был совершенно неподвижен, и когда за Иваном со скрипом закрылась калитка, ни один звук более не нарушал тишины ночи. Эта странная глухая тишина казалась Ивану угрожающей. Он осмотрелся по сторонам и, убедившись, что на улице никого нет, медленно и осторожно, стараясь ступать как можно тише, пошел по дороге в гору. Какая-то необъяснимая сила тянула Ивана к тому месту, где он только недавно был, к тому розовому камню, под которым была похоронена его рукопись. Он отчетливо понимал, что ему сейчас не следует идти туда, что этого просто нельзя делать хотя бы потому, что за ним могут следить и он невольно может выдать свой тайник, и все же он продолжал идти туда, едва разбирая дорогу в темноте. Иваном овладело чувство своей обреченности. Понимание того, что эта окружившая его сейчас тьма может окантаться последним впечатлением его земной жизни, привело Ивана в состояние безысходной тоски. Тем временем он все же изменил свой путь и свернул с тропинки в сторону крутого склона холма, на котором не было деревьев, они когда-то были вырублены, и теперь склон был голым до самой вершины холма. Иван ждал смерти так, будто она могла прийти в любое мгновение, хотя знал совершенно отчетливо, что время его еще не наступило. Поднявшись на вершину холма, Иван остановился и стал смотреть на раскинувшийся внизу ночной город. Горящих окон в домах почти не было видно, город освещался только рядами уличных фонарей. Тяжелые

тучи нависли над городом. Иван посмотрел вверх и в разрыве туч увидел яркие звезды. Подул прохладный ветерок, и его дуновение вернуло Ивану ощущение реальности. «Да, видимо, времени у меня осталось совсем немного, ровно столько, чтобы сказать Богу то, что я должен сказать».

Иван нашел самую яркую звезду и стал говорить:

— Бог мой, творец всего сущего и властелин моей души, в Тебе пребывает начало и конец любого творения, на все распространяется Твоя воля. Все лучшее, что есть во мне, — от Тебя и к Тебе вернется. И час этот близок, я уже чувствую в холодном ветре дыхание смерти. Верю, что слова этой молитвы были записаны в моей душе Тобой, чтобы я произнес их для Тебя в этот час. Все исполнится, как Ты предначертал в своей Предвечной книге, и ничего мне, смертному, не дано изменить в своей судьбе. Я благодарю Тебя, мой Бог, за жизнь, которую Ты мне предназначил прожить, и за определение часа моей смерти. Дай мне мужество встретить ее достойно, как истинному Твоему сыну. Аминь.

Когда он закончил, набежавшая туча закрыла небо, и ветер усилился. Иван увидел скользнувший по деревьям луч фонаря. К нему приближались трое мужчин, но больше он ничего не успел разглядеть, потому что был ослеплен ярким светом.

— Иван, давай без глупостей, — услышал Иван незнакомый голос. — Если ты побежишь или будешь сопротивляться, то я выстрелю в тебя парализующей капсулой. Поэтому сохраняй спокойствие и делай, что я тебе говорю. Мы не причиним тебе никакого вреда, но ты должен нас внимательно выслушать.

— Кто вы? — спросил Иван, голос его был абсолютно спокоен.

— Мы твои друзья, и я совершенно не хочу тебе чем-либо угрожать.

— Зачем же тогда пистолет с парализующей капсулой?

— Дело в том, что ты должен выполнить в любом случае то, что я тебе предложу. То есть у тебя нет выбора. — Иван промолчал. — Мы предлагаем тебе сотрудничество, от которого ты не имеешь права отказаться.

Иван рассмеялся.

— Хорошее предложение сотрудничества.

— Не смейся, Иван, я говорю тебе совершенно серьезно.

— Ив чем же должно заключаться это сотрудничество?

— Ты должен передать нам свою Систему, а точнее — все то, что ты узнал, когда работал на Зильберта.

— И только-то?

— Тогда ты будешь жить, как захочешь.

— А если нет?

— Мы все равно узнаем все, что захотим, но тогда уже ты будешь жить так, как мы этого захотим.

— Кто вас сюда прислал, на кого вы работаете? Я должен это знать, прежде чем приму решение.

— На кого мы работаем? Это неважно.

— Да нет, это как раз важно.

— Ты узнаешь это, если согласишься сотрудничать.

— Я знаю, на кого вы работаете. На Сатану. Я был хорошо знаком с этим господином, который пользуется вашей свободой так, как хочет этого сам. Он везде, где нет Божественного духа. И я чувствую среди вас его присутствие.

— Брось это все, Иван. Итак, я повторяю свой вопрос. Согласен ли ты передать нам свои знания?

— Нет.

— Я повторяю свой вопрос еще раз. Согласен ли ты передать нам свои знания?

— Нет.

— Я повторяю свой вопрос третий раз. Так мне было указано. Только, прежде чем ответить, хорошо подумай: если ты откажешься, то уже не будешь принадлежать себе.

— Я и так принадлежу не себе, но только Богу. Нет, я не согласен.

Иван содрогнулся от жуткой боли, видимо, это был электрический разряд, кто-то зажал ему рот, и Иван почувствовал, что ему делают укол. Тут же по его телу разлилась странная слабость, и он стал слышать голоса окружающих его людей откуда-то издалека. Ивана взяли под руки и повели. Оказалось, что метрах в пятидесяти отсюда стоял автомобиль с потушенными фарами. Ивана посадили в этот автомобиль на заднее сиденье и повезли куда-то по лесной дороге. Сидевшие слева и справа люди не держали Ивана и даже, казалось, не обращали на него особого внимания, видимо, были полностью уверены в эффективности препарата, который ввели Ивану.

Автомобиль ехал в город. Иван хорошо знал эту дорогу, еще минут пять — и они будут в городе. Но ему это

было совершенно безразлично: в город его везут или в лес и что с ним будут делать. Иваном овладела полнейшая апатия, казалось, все в его разуме и теле перестало двигаться, перейдя в замедленный режим существования,— только поддерживающий жизнь, но не позволяющий ни думать, ни действовать.

Ивана привезли на ту же улицу, на которой располагался дом Светланы. Автомобиль въехал в открытые ворота и остановился. Ивана под руки вывели из автомобиля и так же под руки ввели в дом. Окна в комнате, в которую привели Ивана, были завешаны плотными шторами, и на столе горела слабая настольная лампа. Кроме двух людей, которые привели Ивана, в комнате находились еще двое, одного Иван не знал, другого узнал сразу. Это был Игорь Ясницкий. Но Иван этому несколько не удивился.

— Стой здесь,— приказал Ивану один из сопровождавших его людей, и Иван покорно остановился.

— Можно? — коротко спросил Ясницкий, обратившись к стоявшему рядом человеку.

— Сейчас,— ответил тот и кивнул головой. Ивана тут же посадили на стул и поставили еще один укол, на этот раз в вену. В голове у Ивана сразу просветлело. И Ивана охватило странное желание говорить и действовать, но он не знал, что он должен говорить и делать.

Человек, который стоял рядом с Ясницким, приблизился и, наклонившись, заглянул в глаза Ивана. Он смотрел долго, наверное, с минуту, которая показалась Ивану бесконечной. Наконец, видимо дождавшись какой-то реакции, он кивнул головой и сказал:

— Готов, можно начинать.

— Здравствуй, Иван,— сказал Ясницкий.

— Здравствуй.

— Ты знаешь, зачем и почему ты здесь?

— Да знаю, чтобы рассказать тебе все, что я знаю о Боге.

— Хорошо, ты расскажешь мне, что ты знаешь о Боге, но сначала ты должен сказать мне, что стало с Зильбертом, где он?

— Мне сказали, что Зильберт умер.

— Кто сказал?

— Сергей.

— Хорошо. Какие у тебя обязательства перед Зильбертом или его людьми?

— Никаких. Он освободил меня от всех обязательств по отношению к себе.

— А они были, эти обязательства?

— Да, были, но теперь их нет.

— Почему ты так решил?

— Об этом мне сказал ангел Божий.

— Как он выглядел?

— Он был как ночь, и пришел из ночи, и ушел в ночь, этот посланник Господа.

Ясницкий взглянул на соседа и продолжал:

— Что же он сказал?

— Что я могу жить так, как я хочу отныне.

— И все?

— Да. Еще он сказал, что я должен хранить свою тайну.

— Вот как. Но ведь ты понимаешь, что должен все рассказать мне?

— Да, понимаю.

— В чем же твоя тайна?

— В том, что Бог есть, и что в Нем одном есть начало и конец, истина и вечная жизнь.

— Ну, это не новость для меня.

— Нет, новость.

— Я читал об этом и верил в это, верил всегда.

— Нет, ты боялся и боишься Бога.

— Хорошо, пусть так, но это не имеет отношения к теме нашего разговора. Есть ли у тебя материалы, излагающие твои научные открытия: диски с компьютерными программами, записи или какие-нибудь другие документы?

— Нет, сейчас у меня ничего нет, а то, что было, Бог взял себе. У камней растут корни, когда Бог хочет этого.

— Тогда тебе придется начать с самого начала и все рассказать о своей Системе, мне и моим людям. Итак, я слушаю. С самого начала.

— «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»*.

— Постой, Иван. Ты читаешь Библию, а ты должен мне рассказать физические основы своей теории. У меня уни-

* Иоанн, 1:1.

верситетское техническое образование, я пойму тебя. Ты должен сейчас изложить мне физические основы своей теории, чтобы я убедился: то, что ты потом будешь излагать моим людям, мне действительно нужно. Итак, в чем главная идея твоей теории?

— Бог един, нет Бога, кроме Бога.
— То есть как это?
— Я был тем, кто пришел из небытия забрать у Бога его славу. Вот в чем смысл моей теории.

— Она описывается системами уравнений?
— Языком Бога, только его словами можно писать в Книге жизни.

— Где хранится словарь этого языка?
— У Самаэля.
— У Сатаны?
• — Так назывался компьютер Зильберта.
— Где он?
— В бункере.
— Где этот бункер?
— Не знаю.
— Ты должен воспроизвести этот язык на компьютере, который я тебе предоставляю. Завтра приступишь.

— Язык — лишь инструмент Бога, он ничто без Его воли.

— У тебя была воля, чтобы писать на этом языке.
— Да, а теперь ее нет.
— Я даю тебе свою волю. Я приказываю тебе писать эту книгу, то есть повторить то, что ты записал в Самаэле.

— Нет надо мной теперь ничьей воли, кроме воли Бога. Ты опоздал, ненамного, но опоздал.

— Нет, Иван. Так не бывает, ты напишешь то, что уже сделал один раз, я приказываю тебе. И ты сделаешь это несмотря ни на что, потому что моя воля — это твоя воля, а я хочу этого.

— Приказывай, я слушаю.
— Возьми лист бумаги и напиши первое уравнение твоей Системы на том языке, на котором написана Книга.

Иван сел за стол взял лист и написал:
«Во имя Бога милостивого, милосердного! Хвала Богу, Господу миров, милостивому милосердному, царю в день суда! Тебе мы поклоняемся и просим помочь! Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты благодетель-

ствовал, — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших»*.

— Что ты пишешь?
— Так начинается Книга.
— Но это же Коран!
— Так начинается Книга.
— Почему ты пишешь по-русски? Где же уравнения?

— Чтобы писать на языке Бога, мне нужен Самаэль. Но это то же самое, уверяю тебя. Даже если я напишу это на языке Бога — это не изменит смысл написанного. Правда, здесь не совсем адекватный перевод, но я его исправлю, точнее, поясню. Находящиеся под гневом и заблудшие — это те, имен которых нет в Предвечной книге, они свободны как ты и как я был и поэтому блуждают во тьме своей свободы.

— Черт тебя задери, Иван. Допустим, ты сейчас напишешь то, что знаешь, так, как считаешь нужным. Что тогда, как я смогу этим воспользоваться?

— Ты, я думаю, никак не сможешь, потому что если ты забрал мою волю, значит, ты насильник, а как и всякий насильник — не имеешь души, духа Божьего в себе. Ты никак не можешь воспользоваться этой Книгой. Ты можешь только бояться ее и ее смысла. Зачем тебе это?

— Затем, чтобы иметь власть.
— Ты хочешь быть, как Зильберт?
— Да.
— Но для этого тебе совсем не нужна Книга.
— Пиши, пиши на том языке, на котором записаны твои уравнения. Я приказываю тебе.

Иван написал несколько рядов непонятных знаков.
— Вот, написал. Писать дальше?
— Как это прочесть?
— Без компьютера это нельзя прочесть.
— Что будет, если ты напишешь все это до конца и введешь в компьютер?

— Тогда явится Бог и спросит у того, кто будет держать свою руку на клавише запуска программы. Он спросит, не хочет ли новый обладатель вечной истины получить душу или будет Армагеддон и Суд. Но Бог не может творить зла, Он готов был уступить мне свое место.

* Коран, 1:1.

— Бог являлся к тебе?!
— Я стал существовать для него, когда Он дал мне Лийил, свое перо, чтобы я творил чудеса, но я еще тогда не существовал для Него так, как существую сейчас. Бога нельзя видеть, но я слушал Его.

— И что ты выбрал?

— Душу.

— А я бы выбрал власть. Еще раз, черт тебя подери! Где сейчас этот Лийил?

— • Здесь,— Иван показал на свою голову.

— Так, ясно. Что скажешь, уважаемый? — обратился Ясницкий к своему помощнику.

— Это как раз тот неблагоприятный для нас случай, о котором я вас предупреждал. Слишком слабая психика и слишком мощное подсознание.

— Это у него-то слабая психика!

— Получается так. Не выдержала.

— Ну и что делать?

— Из него можно сейчас получить только какие-то факты. Никаких логических рассуждений. Он в результате своих исследований помешался на почве религии. Если бы это не произошло сейчас, под действием моих препаратов, то произошло бы позже.

— Сергей, иди сюда. Спрашивай ты, — сказал Ясницкий и сел в темном углу. Из соседней комнаты вышел Сергей.

— Иван, все, что ты говорил, — правда. Не слушай его, — он кивнул головой на помощника. — Я верю тебе абсолютно. Я только не хочу, чтобы результаты твоих исследований пропали для людей безвозвратно. Они не будут использованы кому-либо во вред. Я клянусь тебе, своей жизнью клянусь.

— Призванный клянется только Богом, никакая другая клятва для него — не клятва. Если бы ты был призванный, ты бы поклялся Богом. Клянись Богом, что не позволишь ему, — Иван кивнул на Ясницкого, — стать Антихристом. Можешь?

— Иван...

— Да или нет?

— Скажи, где твоя тетрадь с записями?

— Клянись...

— Ладно, хватит, — прервал Ясницкий. — Иван, говори, где лежит эта твоя тетрадь?

Иван долго молчал, голова его упала на грудь, глаза ввалились, очертание рта стало резким.

— Отпустите его. Так нельзя, — срывающимся голосом попросил Сергей.

— Иван, где тетрадь? Говори...

— Игорь, прекрати, мы так не договаривались.

— На горе, — наконец выдал из себя Иван.

— На какой горе? Говори.

— Не могу.

— Можешь.

— Это против воли Бога.

— Я для тебя теперь Бог.

— Нет Бога, кроме Бога.

— Говори...

— Подожди, Игорь, — сказал помощник. — Наконец-то мы подошли к сути. Он стал критичен. Но воля у него есть, ты прав. Сейчас я сделаю ему укол, и мы посмотрим, насколько она крепка.

— Какое может быть последствие от этого укола? — спросил Сергей.

— Остановка сердца от болевого шока. Но, учитывая наш профессионализм, я думаю, мы этого не допустим.

— Ты не сделаешь этого, сволочь.

Сергей рванул к Ивану, но двое охранников моментально скрутили его и выволокли в другую комнату.

— Иван, ты должен сказать, где тетрадь, иначе перед тобой откроется нечто худшее, чем ад, и будет повторяться бесконечно, пока не скажешь. Человек не может этого вытерпеть, а ты всего лишь человек. Говори, где тетрадь? — спросил палач.

— Похоронена Богом.

— Где?

— В месте, где Сатана сошел на землю в последний раз.

— Где это место?

— Под рукой Бога.

— Так, ясно, не хочешь говорить. Ладно, ты сам это выбрал, — сказал помощник и сделал Ивану укол. В этот же момент все тело Ивана превратилось в пылающий адский огонь, при этом сознание вдруг стало предельно ясным, и Иван сразу вспомнил все, что мог, всю свою жизнь. Иван посмотрел в окно. Уже начинало светать.

— Убейте меня, — сказал Иван.

— Это только начало, сейчас все страхи, которые только может испытать человек, увеличенные во сто крат болью, навалятся на тебя, но ты не умрешь, пока не скажешь, где тетрадь. Где тетрадь? Скажи, и я сниму боль.

У Ивана не было сил кричать. Он кричал мысленно.

— Где тетрадь.— повторил свой вопрос палач и протянул руку в сторону. Ему вложили в нее еще один шприц, и он сделал еще один укол. И тут же Иван увидел смеющегося Сатану, и тут же сделали еще укол, и боль несколько утихла.

— Что скажешь? — спросил Ясницкий у палача.

— В таких случаях начинают пытаться близких людей у них на глазах. Кто у него близкий человек?

Ясницкий долгим взглядом посмотрел на палача, потом на Ивана.

— Иван, ты хочешь увидеть здесь Наташу?

— Нет.

— Тогда скажи, где тетрадь?

— Господи, только Тебе доверяю...— сказал Иван.— Я отведу вас туда. Везите меня по дороге вдоль берега реки, я скажу, где остановиться.

— По машинам, быстро,— приказал Ясницкий.

— А Малышева?

— Пусть сидит пока здесь. Будет дергаться, оглушите, только не убивайте.

Ехали всего несколько минут, потому что подножие горы, на вершине которой лежала рукопись, находилось километрах в полутора от дома, где пытали Ивана.

Крутой склон внизу был осыпан дробленным камнем, оставшимся после взрывов, которыми пробивали дорогу в скалах вдоль берега реки.

— Так, слушай меня внимательно,— сказал Ясницкий палачу,— я туда не полезу. Ты должен принести мне оттуда рукопись. Понял?

— Да,— ответил палач.

— Сколько для этого надо времени?

— До восхода солнца.

Ясницкий посмотрел на мертвенно-бледное лицо Ивана, и его начал охватывать страх. Ему все сильнее хотелось бросить все и бежать из этого проклятого города.

— Хорошо, через два часа мы уезжаем из этого города с рукописью. Через два часа я уезжаю. Ты меня понял?

— Да.

— Я буду ждать тебя в доме.

— Пошли,— сказал палач Ивану,— и не вздумай кричать и дергаться.

Иван ничего не ответил и медленно двинулся по склону вверх. Ноги у него подкашивались, силы в них совсем не было, во рту пересохло, но голова была ясной. Шел он вверх с огромным трудом, то и дело падая.

— Может быть, затащим его туда? — спросил один из двух охранников, сопровождавших палача.

— Нет, пусть идет сам, нам все равно надо выждать время, чтобы следующий укол был наиболее эффективен,— ответил палач.

Все-таки сил самому добраться до вершины горы у Ивана не хватило, и последние метры его под руки волоком тащили охранники, ободрав о камни его колени.

Палач достал шприц, поднял иглу вверх и с улыбкой спросил:

— Ну, где спрятана твоя рукопись?

— Клянусь Богом, я никогда не скажу тебе, где эта рукопись.

— А как же Наташа, мы ведь ее будем пытаться так же, как пытали тебя, но возможностей у нас будет больше.

Иван медленно обвел взором окружающие горы, посмотрел на реку, перевел взгляд на палача и сказал:

— Ты опоздал, теперь уже бесповоротно, я поклялся Богом и не могу нарушить своей клятвы никогда. Вам не дано узнать, где лежит моя рукопись, делайте скорее свое дело, я вам больше ничего не скажу.

Охранники переглянулись. Палач долго смотрел в глаза Ивану, потом сказал:

— Ты мне надоел, парень. У Ясницкого с тобой свои дела, а у меня теперь свои. Сейчас я поставлю тебе укол, и ты будешь умирать мучительнейшей из смертей два часа. Ты обречен, скажи, где тетрадь, тогда умрешь быстро.— Иван только покачал головой.— Игорь хотел, чтобы я получил от тебя эту проклятую рукопись. А мне она совсем и не нужна. Теперь уже не нужна. Будь ты трижды проклят, но перед смертью ты помучаешься и пожалеешь, что родился на свет,— сказал палач и поставил Ивану укол.— Привяжите его к бревну, чтоб не упал, и воткните мордой вон в ту скалу. Так будет веселее смотреть,— с раздражением в голосе сказал палач.

Подручные исполнили приказ и, разбив предварительно Ивану лицо, прижали его, привязанного к бревну, вплотную лицом к скале, подперли его двумя другими бревнами, чтобы не упал, и сели передохнуть рядом с Иваном. Палач посмотрел на него и сказал:

— Нет, ребята, так не пойдет, развяжите, посадите и прижмите его спиной к скале, я должен видеть его глаза.

Подручные исполнили приказ. Главный палач проверил работу, с удовлетворением кивнул головой и отошел в сторону.

10

Наташа добралась до города поздно, последним автобусом, и направилась в свою квартиру. Со времени ее отъезда там никто не жил, только иногда заходила Светлана, чтобы проверить — все ли в порядке.

Наташа обошла квартиру, долго смотрела на портреты отца и матери, которые висели на стене в ее комнате, потом вышла на балкон. Ночь была очень мрачной, такой может быть только безлунная ночь, когда небо затянуто тучами. Но реку все же было видно, она поблескивала отражением немногих фонарей, которые горели на набережной. Воздух был совершенно неподвижен, казалось, что низкие тучи зацепились за окрестные холмы и придавили своей тяжестью воздух, сделав его удушливым. Вдруг с реки подул легкий ветерок, и в разрыве туч Наташа увидела звезды. Наташу охватило чувство какой-то торжественной безысходности, казалось, что она увидела не звезды, а какие-то знаки, которые показал ей Бог для того, чтобы она произнесла свою молитву и приготовила свою душу к последним испытаниям.

— Боже мой, если Иван в беде, помоги ему выдержать все испытания достойно перед Твоим взором, пусть дух его не дрогнет и тело не будет сломлено. Если ему суждено встретить опасность одному, пусть эта молитва напомнит ему обо мне и поддержит в самую трудную минуту. Все, что есть доброго во мне, — Твое, и я теперь готова вернуть Тебе душу, потому что знаю: и мой земной путь заканчивается. Благодарю Тебя за то, что была счастлива, и за то, что мои надежда, вера и любовь не умрут со мной, но будут пребывать в Тебе вечно. Аминь.

Тут же туча закрыла загоревшиеся звезды, вновь стало безысходно, мрачно, и душу Наташи охватила вдруг смертная тоска, такая тоска, что впору было завывать собакой, которая потеряла единственного и любимого хозяина и

теперь готова была умереть на его могиле. Наташа села тут же на балконе и обхватила голову руками. «Боже мой, что это? Кажется, началось. Что-то с Иваном. С ним что-то случилось», — тут же решила Наташа. Казалось, рассудок ее помутился, и она уже ничего не способна была принимать и не могла ни о чем думать. Наташа сжала зубы и заставила себя встать. Она вернулась в квартиру, зажгла свет во всех комнатах и стала ходить, раз за разом осматривая все вещи, как будто что-то искала. Но нет, она ничего не искала, она только хотела бежать, бежать туда, где сейчас Иван, но не знала туда пути, а вместо этого металась по комнатам, чувствуя, что потихоньку теряет рассудок. «Надо только дожить до утра, дожждаться, когда кончится эта страшная ночь, и тогда будет легче», — это была единственная законченная мысль, которую повторяла Наташа.

Ночь показалась бесконечной и Наташа была едва живой от усталости и бессонницы, когда наступил рассвет. Наташа посмотрела в зеркало и не узнала себя: лицо было бледным и осунувшимся, под глазами проявились черные круги, даже волосу, ее прекрасные волосы, казалось, высохли и поникли. Она все же умылась, привела себя в порядок и, дождавшись, когда наступило утро, позвонила Светлане.

— Здравствуй, Света. Это я. Ты не видела ли Ивана? — сразу спросила Наташа.

— Здравствуй, Наташа. Откуда ты звонишь?

— Из своей квартиры.

— Иван был здесь у нас поздно вечером, потом ушел куда-то, а куда — не знаю.

— Я сейчас же иду к тебе, — сказала Наташа и повесила трубку.

Она бегом спустилась по лестнице и быстро, переходя с шага на бег, по знакомому с детства пути направилась к Светлане. Через пять минут она уже была у нее дома. У порога ее встретили Света и ее отец. Их лица были встревожены. По всему было видно, что и они провели бессонную ночь. Наташа встала, прислонилась спиной к входной двери и, кивнув головой Светиному отцу, сразу спросила:

— Где же он может быть? Как вы думаете?

— Не знаю, но судя по тому, о чем он вчера говорил, его что-то сильно тревожит. По всему было видно, что он ждет чего-то недоброго и готовится к какому-то опасному испытанию.

— Испытанию?
— Да, мне так показалось, — сказал отец Светланы.
— Так оно и есть, — сказала Наташа.
— Здесь был и Сергей. Он ушел незадолго до Ивана.
— Сергей? Был здесь? Вот как. А Ясницкого здесь не было?

— Нет, Сергей ничего не говорил о нем.
— Мне кажется, нет, я знаю точно, — прошептала Наташа, — что Ивану угрожают, да, несомненно, это так. Надо срочно что-то делать, иначе будет поздно.

— Успокойся, Наташа. Какая у тебя еще есть информация? — спросил Светин отец.

— Ясницкий и Сергей вместе. Они здесь. Иван — знаменитый ученый, ему угрожает Ясницкий. Вы же знаете, кто это такой. — Отец и Света кивнули головой. — Это старая история. Им от Ивана нужны результаты его исследований, которыми он ни с кем не хочет делиться. Помогите.

Подумав немного, отец взял телефонную трубку и стал звонить. Он звонил мэру, понимая, что это единственный человек в городе, который может отдать приказ начать поиск по столь сбивчивым и странным заявлениям, даже если попросит об этом он, уважаемый всеми директор, недавно ушедший в отставку.

— Я все понял, — ответил мэр, внимательно выслушав директора, — позвоню тебе через полчаса.

Уже через пятнадцать минут у мэра в кабинете были начальник службы безопасности, начальник милиции и прокурор города. Мэр изложил суть вопроса:

— Орлов утверждает, что ночью был похищен известный ученый, наш земляк Свиридов Иван. Он со слов некой Натальи Петровой, невесты Свиридова и подруги его дочери, говорит, что наиболее вероятный похититель не кто иной, как Игорь Ясницкий. Да-да, тот самый. Что будем делать?

— Действительно, — сказал начальник службы безопасности, — Свиридов прибыл в город вчера вечером, немногим позже, следующим самолетом, — Ясницкий. Мы знаем об этом. Но мы не вели за ними наблюдение. Если необходимо, можно объявить розыск этого Свиридова.

— Ты мне скажи вот что прежде, — сказал мэр и уставился неподвижным взглядом на начальника службы безопасности, — скажи прежде, где Ясницкий?

— Сейчас попробую выяснить, — сказал тот, позвонил и дал задание подготовить ему информацию.

Некоторое время все молчали. Наконец мэр нарушил молчание:

— Если бы не Орлов, я бы ничего не стал делать, пусть все идет как идет, но ведь вы же его знаете, это человек, который зря просить не будет, а тут он меня так просил. Никогда от него такого не слышал.

Раздался звонок. Звонили из службы безопасности и доложили, что буквально десять минут назад автомобиль Ясницкого, в котором находился он сам и трое его помощников, выехал за пределы города. Начальник службы безопасности вопросительно посмотрел на мэра.

— Ну и... Что будем делать?

— А что тут делать, остановить на посту ГАИ, да и все, — сказал начальник милиции.

— Ишь ты какой. Остановить... — громко сказал мэр. — Вчера я разговаривал с Игорем Исааковичем по телефону. Он обещал ко мне сегодня прийти, собственно, он и ехал сюда за этим. Речь ведь идет о строительстве завода, а его банк в десятке крупнейших. Остановить, конечно, можно. Вот ты, — обратился он к прокурору, — что думаешь?

— У меня нет никаких оснований для его ареста. Точнее, вообще никаких. Мало ли что показалось какой-то молодой женщине, да еще с утра.

— Ты что думаешь? — обратился мэр к начальнику ФСБ.

— Я бы задержал.

— Почему?

— Я думаю, то, о чем говорит эта Наташа, могло быть. Самое дорогое сейчас — это мозги. Иван — наше национальное достояние. Может, этот Ясницкий его сейчас в багажнике везет.

— Да ну тебя, — махнул рукой мэр, — в багажнике...

— Хорошо, — вступил в разговор начальник милиции, — завтра мы находим его труп. Вот, предположим. Был звонок Орлова, а мы не предприняли никаких оперативных действий. Да, конечно, Ясницкий — величина. Но чую я, что здесь что-то не так.

— Чуешь... — несколько раздраженно ответил мэр. — А я чую, что будет скандал, а город останется без завода, а к обеду Иван найдется живой и невредимый.

Мэр молча взял телефонную трубку и набрал номер Орлова.

— Михаил Степанович, мы начинаем розыск. Для начала вы должны дать показания. Минут через тридцать-сорок к вам приедут из милиции. Все службы подключены, будем искать.

Мэр повесил трубку, обвел всех медленным взглядом и сказал:

— Ну, ищите. Ищите Ивана.

Все присутствующие кивнули головами и молча вышли.

Когда мэр остался один, он обхватил голову руками и сказал:

— Эх, Иван Свиридов, вернулся все же. Зачем же ты вернулся...

Через два часа Ясницкий вылетел в Москву.

И

Сергей после того, как увезли Ивана, налил себе полстакана коньяку и залпом выпил, но ничего не почувствовал, точно это была вода. Последнее время он почти совсем не пил, и вкус спиртного, казалось, напомнил ему о какой-то его другой жизни. Той, которая осталась в далеком прошлом.

«Бог мой, а ведь я предатель,— вдруг подумал Сергей.— И я настолько предатель, что уже и никому неинтересен. Они уехали, даже не сказав мне ни слова. Если бы хоть взяли с собой, черт их задери.— Сергей налил себе еще полстакана и поднес было к губам, но пить не стал.— Э, нет, если я сейчас выпью, то мне конец, значит, я со всем согласен. Проклятые деньги! Проклятая страсть...»

Сергей чувствовал себя затравленным зверем, который сам, непонятно на что рассчитывая, пошел в западню и теперь понял, что попался и ему не выбраться из этой западни.

«И действительно, на что я рассчитывал, когда связывался с Ясницким? На что я рассчитывал? Идиот! Да лучше бы я до сих пор торговал сахаром на рынке! Я продал Ивана за сорок миллионов баксов! Кому продал? Как это произошло? Как это могло произойти? Что меня толкнуло на это, кроме денег? Иван говорил, что он должен уме-

реть. Он должен умереть, а я поэтому должен его предать? Нет, я не согласен с этой ролью, теперь я не согласен. Неужели все поздно?»

Сергей хотел было выбежать из дома, но, посмотрев на сидящего в углу комнаты охранника, понял, что это ему не удастся, нечего и пробовать. Тогда Сергей закрыл глаза и мысленно представил, как он завел свой автомобиль и рванул с места. Он не знал, куда ехать и что ему делать, и мчался по городским улицам, будто искал на них ответ на вопрос, что же ему делать. Поняв всю бессмысленность своих метаний, Сергей открыл глаза и убедился, что он все в той же комнате и в том же самом кресле. На столе стоял стакан с коньяком. Сергей с ненавистью взглянул на него и быстро опрокинул в рот. Теперь он определенно почувствовал его вкус, коньяк ударил в голову, и Сергей сказал:

— Я — сволочь. И нет мне ни оправдания, ни прощения,— и он начал раз за разом наливать себе коньяк и пить, пока не захмелел и душевная боль не притупилась.

Сергей очнулся от стука стаканом по столу. Перед ним сидел Ясницкий.

— Сергей, поехали.

— Где Иван? — спросил Сергей.

— С ним все в порядке. Нам надо ехать.

— Вы убили его?

— Он мертв, но убили его не мы.

— А кто же? — Сергей рванулся к Ясницкому, но охранники тут же схватили его и опрокинули в кресло.

— Игова. Знаешь такого? — Сергей глухо зарычал.— Мы здесь ни при чем. Теперь все в прошлом. То, что он, по-видимому, знал — никому знать не суждено. Поехали быстро.

— Я никуда не поеду.

— Зря. Имей в виду, ты ничего никому не сможешь сказать из того, что тебе известно. Не делай этого ни в коем случае. Ни прощения, ни снисхождения в таких делах быть не может, к тому же тебе никто не поверит. А впрочем, оставайся. Я обещал встретиться с мэром города насчет инвестиций, но, к сожалению, должен срочно ехать. Так вот, ты встреться с ним и передай от меня, что вопрос по строительству этого завода я, вероятнее всего, решу положительно. Пусть он мне позвонит через неделю.

Не дожидаясь ответа, Ясницкий встал и вышел, следом ушли охранники, и тут же Сергей услышал, как отъезжает автомобиль.

Сергей пошел умываться и долго лил на голову холодную воду. По мере того, как хмель очень медленно выходил из головы, вместе с потоками воды в Сергее росла и укреплялась новая идея — убить Ясницкого. Убить, чего бы это ему ни стоило. Это решение показалось Сергею единственным выходом для него в сложившейся ситуации.

Сергей вышел из дома, теперь уже не мысленно, а в реальности завел автомобиль, но через несколько секунд заглушил двигатель и вышел из машины. «А вдруг Иван жив и пока я буду гоняться за Ясницким, он умрет», — подумал Сергей. Он спешно пошел звонить Свете.

— Света, это я, Сергей.

— Здравствуй, Сергей.

— Света, с Иваном, кажется, что-то случилось.

— Что?

— Не знаю. Его надо найти.

— Где?

— Там, где он спрятал свою рукопись.

— Надо.

— Я сейчас приду.

— Приходи.

Сергея встретили Наташа и Света. Наверное, Сергей выглядел ужасно. Обе женщины смотрели на него сверху вниз с явным выражением сдержанного осуждения. Сергей испытал давно забытое чувство собственной неполноценности.

— Откуда ты здесь, Наташа? — спросил Сергей. Наташа вместо приветствия сказала:

— Где Ясницкий?

— Уехал.

— Где Иван?

— Я догадываюсь, где.

— Пошли туда.

— Давайте позвоним в милицию, — предложил отец Светы.

— Нет, — решительно возразила Наташа, — милиция нам не поможет. Мы идем сейчас же.

Наташа решительно прошла мимо Сергея, потом повернулась и сказала:

— Веди. Ты непременно приведешь меня к нему.

Сергей опустил голову и пошел вперед. Наташа и Светлана за ним.

12

Иван медленно умирал. Он понимал это и каждой клеткой своего мозга, и ощущал каждой клеточкой тела, которое, по мере того как нестерпимая боль уходила, все менее и менее принадлежало ему. Он все так же сидел, прислонившись спиной к скале, и всех сил его едва хватало на то, чтобы не уронить голову на грудь.

Палач сидел напротив и почти не сводил с него взгляда.

— У тебя еще есть минут двадцать для того, чтобы принять самое главное решение в твоей жизни. Ты не можешь быть таким эгоистом, ты должен спасти Наташу, а заодно и свою душу. Ведь иначе ты будешь виновником ее смерти.

Иван смотрел мимо, никак не реагируя на слова палача. Тот приблизился к Ивану и заглянул ему прямо в глаза, стараясь увидеть, что скрывается за его зрачками.

— Да, ты не скажешь, ладно, черт с тобой, подыхай. Признаться, ты оказался крепким парнем и с огромным желанием умереть. Те, кто имеют желание жить, этого не выдерживают.

Палач расправил плечи, потянулся и решил пройти несколько шагов вверх, чтобы оглядеться по сторонам, прежде чем спрятать Ивана в приготовленный мешок и начать спуск с горы. И вот он увидел лежащую на камне книгу. Он подошел поближе, это была Библия. Палач тут же бросился к Ивану.

— Тайник под камнем, на котором лежит Библия, — громко сказал он Ивану и неотрывно уставился на его зрачки. Зрачки Ивана расширились и вновь сузились почти до точек. — Прекрасно, спасибо, Иван.

Палач бросился к камню и хотел было взять Библию, но ее вдруг вырвало прямо у него из-под руки и отбросило на несколько метров в сторону. Не понимая, в чем дело, палач огляделся, и тут услышал хорошо знакомый хлопок заглушенного выстрела. Пуля чиркнула по камню и с пронзительным визгом улетела в пространство. Палач сделал

резкий бросок в сторону и скатился вниз, к тому месту, где сидел Иван.

— Парни, мы в ловушке, сейчас нас могут перестрелять, как свиней в загоне, — сказал палач двум своим напарникам, которые с удивлением смотрели на него. Как бы в подтверждение его слов три пули одна за другой подняли три фонтанчика пыли у ног каждого из них. Палач протянул руку к резиновому мешку, предназначенному для трупа, и тут же вскрикнул от боли. Следующая пуля пробила ему ладонь, и палач с ужасом увидел, как из круглой аккуратной ранки сначала медленно, а потом быстрее и быстрее потекла кровь. Палач прижал раненую руку к груди и прошептал:

— Уходим вниз. Медленно. — Тут палач увидел красные пятнышки лазерных прицелов на лбах своих подчиненных. — Спрячьте оружие, идиоты.

Все трое стали медленно спускаться вниз, спинами чувствуя взгляды незримых противников. Им дали спуститься, сесть в автомобиль и уехать.

Иван видел все это и понял, что Бог не позволил его врагам завладеть рукописью. Значит, Он вывел его творение из-под власти человеческой свободы, окончательно и бесповоротно отказав свободным людям в праве решать судьбу Его творения. Иван был счастлив, он закрыл глаза, потому что никаким другим действием не мог выразить своих чувств. Иван уже совершенно не ощущал своего тела, но мозг его еще жил, он видел и слышал, правда, звуки ветра и редкие крики птиц были едва различимы. Закрыв глаза, Иван увидел перед собой тьму, крошечную тьму, такую же, как тогда, когда он был на пути к Богу. Иван мысленно прошептал: «Не оставляй меня, Боже, в этот час». И тут же Ивану показалось, что над ним склонилась Наташа. Глаза Наташи светились любовью. Ее волосы спадали на его лицо, но он не чувствовал их прикосновения.

Иван сделал усилие, это усилие потребовало неимоверного напряжения всей его воли и всего духа, который жил в нем и требовал этого страстно, и открыл глаза. Он увидел перед собой сияющий под солнцем мир, мир его Бога и его мир. Это были горы, деревья, река, небо и паривший высоко в небе орел. Иван решил, что будет жить, пока видит его, а когда тот улетит, он умрет. Орел медленно поднимался вверх и наконец, поднявшись так вы-

соко, что можно было сразу увидеть все, происходящее на его земле, резко пошел вниз, сделав крутой вираж. Иван увидел этот момент и умер. Глаза его остались открытыми.

Через несколько минут к месту, где он находился, подошли Наташа, Светлана и Сергей. Наташа аккуратно положила Ивана на скалу, обтерла его лицо и закрыла глаза. Она долго смотрела на него, но не плакала. Светлана подошла к ней и положила руку на плечо. Наташа не реагировала. Света села рядом, посмотрела на Наташино лицо и испугалась. Наташа неузнаваемо изменилась, будто кто-то за одно мгновение превратил ее в другого человека, — лицо ее было страшным, на нем не было и следов разума.

— Наташа, — позвала ее Света. Наташа не обратила на нее никакого внимания. — Сергей, посмотри на Наташу.

Сергей стал рядом со Светой.

— Нам надо увести ее отсюда, — тихо сказал Сергей. — Ее нельзя здесь оставлять. И трогать ничего не надо. Наташа, пойдём, нам надо идти, мы приведем милицию, я расскажу все, что знаю об этом убийстве, даже если меня расстреляют.

Света и Сергей взяли Наташу под руки и повели. Она подчинилась, но смотрела на Ивана, пока это было возможно.

Они спустились с горы и пошли по дороге вдоль реки. Они прошли метров сто, когда вдруг Наташа резко повернулась и побежала назад. Она бежала, как ветер. Сергей понял, что им ее не догнать. Они со Светой побежали за Наташей, но она быстро удалялась.

Когда Сергей был где-то на середине подъема, он услышал Наташин крик:

— Его нет здесь!!

Сергей, обливаясь потом и хрипя от недостатка дыхания, добрался, наконец, до вершины горы и увидел, что там, где лежал Иван, никого нет. Сердце рвалось из груди, но Сергей, спотыкаясь, побежал за гору, понимая, что тот, кто забрал тело Ивана, не мог уйти с такой тяжестью далеко. Теперь силы будто вернулись к нему. Враг был рядом. Сергей бежал по единственной тропинке на другой стороне горы. Но не встретил никого и не обнаружил никаких следов. Тогда он вернулся и, ломая кусты, стал бегать вокруг того места, где лежал Иван. И тоже ничего не нашел. Он вернулся к Наташе и сказал:

— Нет его нигде. Кто-то унес его отсюда, и унес далеко.

Наташа кивнула головой и сказала:

— Пошли, мы не найдем его здесь.

— • Мы сейчас же вызовем милицию с собаками. Они найдут...

— Не найдут, никто его не найдет. Пошли, Сергей, — и она, не дожидаясь ответа Сергея, пошла вниз.

Через некоторое время все трое подошли к дому, где остановился Сергей.

Сергей начал звонить в милицию, а Наташа вышла на крыльцо и стала смотреть на гору, за которой была еще гора, где был убит Иван. Потом она вышла за калитку и направилась к реке. И вдруг увидела, что вдалеке навстречу ей идет Иван, так же, как когда-то он шел к ней во сне, но на этот раз она хорошо видела его лицо. Это, несомненно, был он. И ей надо было успеть к нему, пока он стоял там, потому что Наташа сразу поняла, что Иван ждет ее.

Наташа бросилась к стоящему рядом автомобилю, включила зажигание и, нажав до упора на акселератор, рванулась с места. Автомобиль вылетел на дорогу, ведущую к реке, и в считанные секунды набрал скорость. Иван стоял у невысокой ажурной чугунной изгороди, отделяющей тротуар от крутого спуска к реке, потом он стал медленно подниматься вверх.

Когда автомобиль был метрах в сорока от реки, Наташа услышала резкий хлопок в двигателе, она нажала на тормоз, но автомобиль не послушался и, сбив оградку, полетел над откосом. Наташа совсем не испугалась и не смотрела вниз, она смотрела только на небо — туда, куда лежал ее путь. Взрыва она не слышала, продолжая свой полет за Иваном.

Сергей услышал шум заводимого двигателя и выскочил из дома. Он увидел Наташу за рулем своего автомобиля, закричал и бросился за ней. Мощный автомобиль вмиг набрал скорость, и Сергей с ужасом увидел, что затормозить уже не удастся.

Сергей побежал к набережной. Он увидел внизу горящий у самой кромки воды автомобиль, бросился было к нему, но тут раздался взрыв. Сергей схватился за голову и с ужасом стал смотреть, что происходит. Над местом, где горел автомобиль, переливаясь гранями, парил круглый шар.

— Ага, вот оно! — воскликнул Сергей и выхватил из кармана пистолет. — Но я хочу остаться здесь.

И в тот момент, когда автомобиль исчез вместе с шаром, Сергей нажал на курок.

Но этого уже никто из стоящих на набережной людей не увидел и не узнал об этом никогда.

А Света в то же самое мгновение обняла своего ребенка и забыла о Наташе и Иване навсегда.

ЭПИЛОГ

Аллеин подхватил Лийил в одну руку, а Наташину душу в другую и устремился по своему вечному пути. Риикрой летел следом за ним, как черная тень. Высоко вверх Аллеин увидел, что ворота, которые ведут к Богу, вновь открылись, и оттуда устремились ангелы с душами для людей. «Жизнь продолжается, — воскликнул Аллеин, — вскоре я предстану перед Богом!»

Перед самыми воротами Аллеин остановил свой полет и посмотрел на Землю. «Вернусь ли я сюда еще раз? — подумал он. — Может, и не вернусь, но, если так произойдет, неужели я никогда не скажу людям самое главное из того, что могу сказать?»

Он собрал всю свою силу, превратив ее в силу слова, и сказал:

— Эй, человек! — его голос зазвучал сразу на всех известных Аллеину человеческих языках, и слова слились в один мощный призывный звук, который пронесся над планетой, как трубный глас в день Страшного суда. — Откликнись мне!

Но никто не откликнулся, ведь никто не мог слышать его, потому что час Суда не настал.

— Вот, у меня в руках душа жертвы. Никто, кроме меня, не скорбит о нем, нет его могилы нигде, и для праха его не найдется места на всей земле. Он, действительно, был человеком свободным, когда принес свою жертву; ведь жертвы призванных, кто их исчислит! В знании, приобретенном им, и перечеркнувшем смысл свободы, не отданной

Богу, и кроется разгадка твоего предназначения. Ты — Жертва. Для этого и создан. Тобой прибывает могущество Господне на данной тебе земле. Ты должен владеть ею с любовью. Иначе не единение народов получишь, а раздор, не счастье, а опустошение, и вместо жизни, полной радости, будет бред одурманенного разума. Нет у Господа ни избранных народов, ни избранных религий, но есть избранные Богом люди, люди, Им одушевленные. И все же, мир спасается не жертвой призванных, но жертвой свободных — вот в чем истина, вот главное, что открылось мне, и что я говорю и говорю сейчас. Счастливы призванные Господом, их путь на земле открыт им Его волей, их выбор определен на небесах. Но и вы, которым неведом пока честный труд на ниве Господа, и вы — не прокляты... У вас есть одна возможность достичь Бога — ваш разум — ответ Божественного Света. Дело такого разума — сделать землю садом. И когда сделаете так, и увидит это Господь, скажет Он: «Вернитесь ко мне, делавшие этот сад в поте лица своего. Прощаю вас и детей ваших. Жертвы праведников моих спасли всех вас». Нет ничего, что не мог бы сделать Бог, и все для него просто!..

— Эй, Аллеин, напрасно стараешься, — услышал Аллеин голос Риикроя. — Мы разделяем и будем разделять людей на расы и религии, подменяя ценности. Пусть они у всех хоть немного, но отличаются, и все будет в порядке. Мы разделяем и властвуем, потому что человек разделен сам в себе. Пока хоть кто-нибудь будет считать себя ближе к вашему Богу, чем другой, мы неистребимы!

— Неистребим только Господь. Мир полон Света, который делает его прекрасным, и разум, созданный Им, победит. И все же, до встречи, Риикрой, — сказал Аллеин и влетел в открытые ворота.

— До встречи, Аллеин, — услышал он ответ Риикроя. — Я буду ждать тебя, ангел!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	4
---------------------	---

Часть первая

ПРЕЛЮДИЯ ВЕЧНОЙ ТИШИНЫ

Глава первая.....	23
Глава вторая.....	74
Глава третья.....	137
Глава четвертая.....	180

Часть вторая

ФУГА В СТИЛЕ РОК

Глава первая.....	219
Глава вторая.....	275
Глава третья.....	343
Глава четвертая.....	400

Часть третья

СОБА

Глава первая.....	437
Глава вторая.....	521
Глава третья.....	569
Глава четвертая.....	532
<i>Эпилог</i>	685

Александр Викторович Кашанский

АНТИХРИСТ

Роман

Редактор

В. Д. Вагнер

Макет

К. С. Бирюковой

Компьютерный набор и верстка

Л.А. Гурьяновой и М.В. Байдуковой

Корректор

СВ. Павловский

Издательство «БОНУС». ЛР № 064746 от 03.09.96.
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС». ЛР № 070099 от 03.09.96.

Сдано в набор 10.07.99. Подписано в печать 24.01.00.

Формат 84 х Ю8/32. Гарнитура «Тайме»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,12.

Тираж 5000 экз. Изд. № 00-607. Заказ № 579.

Издательство «БОНУС»

660068, Красноярск, пер. Тихий, 16

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16